

НОВОЕ НЕБО 018

*«Новая секта философов, презиращая
смерть, золото, почести и богатства:
Они выйдут за пределы родных гор.
Их последователи получают опору и печать».
Нострадамус*

Предисловие

Нельзя понять то, чего нет. Истину нельзя понять, потому что ее нет. Любой объем информации, который вы склонны считать истиной (не эта книга, а вообще любые знания) не является истиной уже потому, что вы его поняли. Понять, значит, охватить, установить границы. Но ограниченная истина — это не истина.

Если объем воды уместается в ведро, одного этого факта достаточно, чтобы уверенно заявить, что этот объем — не океан. Если объем знаний уместается в голову человека, по одному этому факту можно сказать, что он не является истиной. Частью истины — это может быть. Но чтобы полной истиной... Такое абсолютно исключено.

Единственное, что для человека может быть истиной — это стояние за то, что он считает истиной. Тот объем информации, какой он определил истиной, никакая не истина. А вот его стояние за свои убеждения — это самая высшая истина из категории понятного.

Природа стояния имеет в себе нечто из бытия, лежащего за рамками нашего мира. Я не могу рационально обосновать это утверждение, но мне тут видится закон диалектики, переход количества в качество. И это как-то связано с бытием за рамками нашего бытия.

Я склоняюсь к мысли, что известный нам способ усвоения информации, который мы называем пониманием, не единственный. Есть более эффективные способы, позволяющие усвоить намного больше. Для примера возьмем способ записи информации текстом. Сама такая технология указывает на предел объема. Образно говоря, если записывать буквами в тетрадь информацию, это само по себе указывает на пределы информации. Если же эту информацию записывать не буквами, а битами, возможен бесконечно больший объем.

Например, если бы сто лет назад миру показали книгу и сказали, что в ней записано всё, что когда-либо было написано человеком, включая всю беллетристику, техническую, научную, религиозную и прочую информацию, начиная от глиняных табличек шумеров и до современных научных работ, это бы означало, что это неправда. Невозможно такой объем информации записать буквами на такой материальный носитель.

Если же сегодня нам покажут еще меньший по объему материальный носитель (для визуальности возьмем флешку-террабайтник, этот материальный объект сильно меньше книги) и скажут, что тут все, что было написано человечеством за всю его историю, мы поверим. Потому что знаем, что там информация записана не буквами, а битами.

По этой аналогии понимание — технология сохранения информации в книге. А что выше понимания (или за рамками), то технология сохранения информации на флешке. И вот на сколько на бумаге размером с флешку уместится меньше информации, чем на флешке, на столько же понимание меньше того способа, о котором я хочу сказать.

С натяжкой можно сказать, что человеку может быть понятно направление. С натяжкой, потому что любое направление по большому счету ведет неизвестно куда, и никто не скажет, зачем нужно идти в этом направлении... И зачем вообще идти...

Каждый стоит перед выбором: или идти, или не идти и отдаться стихии, и пусть она куда-то несет. Я выбрал идти... Вот и вся моя истина... Чтобы идти, нужна цель. Я сказал о своей цели. И ищу людей, кто пойдет со мной. Не зная до конца куда. Но идти...

Сейчас словосочетание «научный факт» понимается как истина. Но научный — это всего лишь воспроизводимый факт. Факт может быть невозпроизводимым, разовым, и при этом истинным, надежно зафиксированным. Например, как в 1917 году Фатимское чудо, или Зейтумское чудо в 1968 году, или прочие необъяснимые явления.

Я двигаюсь в направлении фактов. Я исхожу из утверждения в первой книге, что чего не существует, того невозможно зафиксировать никому и никаким способом. Даже если есть тот Бог, о котором говорит религия, всемогущий и всезнающий, он тоже не может зафиксировать то, чего нет. Из этого следует, что все фиксируемое, не важно умом, чувствами или воображением, все это существует. Из этого следуют гигантские выводы...

Чтобы быть на одной волне со мной, мысленно отделите себя от своего тела. Вы сидите в голове большого робота. Через смотровые щели ведете наблюдение за внешним миром. Руками-манипуляторами ощущаете, ушами-локаторами слышите, и так по всем чувствам. Но робот — это не вы. На вопрос, что есть вы, нельзя ответить, потому что всякий ответ образует контур. Но вы больше контура, и следовательно, вне понимания.

Через такое отношение можно не только прекратить скользить по поверхности бытия, как водомерка по воде и опуститься к вопросам запредельного характера (это все я в 4-й книге сделаю), но и говорить на табуированные в нашем обществе темы. О веществах, определяемых запрещенными, о сексе, определяемом извращенным, о новых понятиях добра и зла. О жизни и смерти, в том числе и смерти старой морали.

Ницше сказал «Бог умер». Судя по контексту, он называл Богом не того, кого имеет в виду религия — вечную Силу, создавшую наш мир. Что существует бесконечно много времени, у того не может быть конца. За бесконечное время конец был бы достигнут. Из этого следует, что Ницше, скорее всего, под Богом разумеет ту силу, о которой говорил Кант — абсолютная мораль, которая задает нормы поведения даже религиозному Богу.

Говоря о смерти Бога, Ницше говорит о смерти старой морали. Так как Ницше был не столько мыслителем, сколько поэтом, филологом, мастером слова и улавливания в него эмоций от иного бытия, он подсознательно назвал мораль Богом.

Нельзя получить ответы на вопросы, какие не заданы. Нельзя принять информацию, отвечающую на вопросы, каких перед вами не стоит. Мир связывает нас невозможностью задавать вопросы. А значит, делает нас неспособными получить ответы.

Нас учат, как правильно жить. Правильно — это, конечно же, как представители старой морали считают правильно. Мне ближе жить с ориентиром на свое «правильно». Но при этом я ничего не имею против тех, кому покойнее ориентироваться на чужое.

Мы живем в мире, которого не знаем. Мы знаем страхи про наркотики, терроризм и извращения. Знаем басни про мораль и гуманизм, равенство и демократию. Но не знаем реальности. Из страхов и басен состоят ключевые узлы кристаллической решетки системы. Это значит, современный мир представляет колосса на глиняных ногах.

Я хочу поколебать старые истины, за которые люди держатся единственно потому, что они привычные. Если мне это не удастся, вы останетесь при своих взглядах. Если удастся, есть шанс, что вы встанете со мной в строй. И мы пойдем дальше, чем видно...

Идея

Идея — это мечта плюс план ее реализации. Фантазия — это мечта без плана, без понимания, как ее реализовать. Вывести идею, и соответственно, план ее реализации, можно только из мировоззрения — познания бытия как Целого. Но Целое непознаваемо.

Чтобы быть уверенным, что вы верно меня поняли, уточню технологию познания. Первый шаг — отделить познаваемый объект от остального мира. Второй шаг — изучение его характеристик. Не важно, что есть объект познания, нейтринно или бабочка, музыка или скопление галактик. Важно, что пока объект не отделен, его познание невозможно.

Можно отделить часть от Целого, но невозможно отделить Целое, так как его не от чего отделять. Понятие «Целое» применимо к величине — к объекту, имеющему границы. Можно охватить целый дом, народ, камень, оперу и так далее. Но нельзя охватить Целое. Из этого следует, что Целого в традиционном смысле не существует.

Нарисовался парадокс: вывести Идею можно из познания Целого, но его познание в известном смысле невозможно. Единственный выход в этой ситуации — искать иной способ познания. Какой, откуда он возьмется? У меня нет иных вариантов ответа, кроме как надеяться, что мои попытки решить эту задачу выльются в накопление критической массы, после чего количество перейдет в качество.

Задача за рамками нашего языка, а, следовательно, мышления. Язык предназначен для оперирования величинами — частями Целого. Попытка ухватить языком Целое, осмыслить его, рождает многословие, превращающееся в пустословие. Нет смысла многословить по поводу невыразимого. «Язык есть граница мышления». (Витгенштейн).

Чем глубже я погружался в предмет, тем реалистичнее ощущалось дыхание бездны. «Чем больше вглядываешься в бездну, тем больше бездна вглядывается в тебя» (Ницше, «По ту сторону добра и зла»). Бездна чувствуется не вне меня, а внутри меня. Все большее значение обретают фразы из серии «Познай себя» или «Царство Божие внутри вас есть».

Я не знаю, сколько времени могут занять поиски ответа на вопрос «что есть мир». Но знаю, что отсутствие практики превращает человека в книжного червя. Он пишет не с тем, чтобы жить так, как учит, а потому что написание книг стало его источником дохода — ремеслом. Он пишет, чтобы вести сытую жизнь статусного обывателя.

Трагедией всей моей жизни было бы стать таким борзописцем. Чтобы не допустить этого, я усилием воли прерываю писать на онтологические темы и искать ответ на вопрос, «что есть мир». Я вернусь к базовому вопросу, не дающему мне покоя всю жизнь, когда запущу практическую деятельность, способную существовать без моего участия. До этого момента только насущная реальность — только теория практики и практика.

Чтобы взяться за создание самолета, нужно прежде иметь на руках чертеж самолета. Чтобы начать действовать, прежде нужно иметь четкую цель. Так как я на данный момент не вижу никакой возможности сформировать мировоззренческую цель, для этого нужно ответить на вопрос, что есть мир, я беру за ориентир идею преодоления смерти.

Я не заявляю эту цель глобальной. Не исключено, что никакой смерти нет. Равно как не исключено, что есть. Ни из чего не следует, что личность исчезает после смерти тела. Равно как не следует, что она после смерти тела продолжает существовать в ином бытии.

«Свободный ум требует оснований, другие же — только веры». (Ницше «Человеческое, слишком человеческое»). Ни у кого нет оснований утверждать тот или иной вариант. Тут только мнения. Непреложным же фактом является то, что однажды человек становится безжизненной плотью, которую сжигают или закапывают в землю. Что дальше — никто не знает. Поэтому преодоление смерти — промежуточная цель.

В традиционном мировосприятии это самая большая цель, какую можно помыслить. Выше на сегодня ничего нельзя помыслить хотя бы потому, что для достижения любой иной цели нужно быть в наличии. Ценность этой цели — ее религиозный потенциал. На нее можно собрать критический объем людей, кому тесно и неудобно в старом мире. Они станут первичным костяком, на который нарастет масса, и возникнет мировое движение.

Чтобы минимизировать различные спекуляции, провокации и глупости вокруг этого проекта, нахожу полезным в максимально крупных штрихах рассказать этапы своего пути. Это имеет прямое отношение к практике хотя бы потому, что показывает, что я не брошу то, что начал в конце XX века. Мою надежность подтверждает время.

* * *

Однажды я задался вопросом, в чем смысл жизни? Поиски ответа привели меня к христианству. На этой почве написал книгу «Проект Россия». В 2005 она была издана. Затем вышла 2-я и 3-я книга. Так возникла серия книг «Проект Россия».

К 2009 году скопилась информация, несовместимая с христианским взглядом на мир. Не имея, что возразить по существу, я встал перед выбором: либо игнорировать факты и стоять на прежних позициях, либо отказаться от религиозного взгляда на мир.

Я не нашел повода идти против истины. Находясь в мятущемся состоянии, я решил завершить серию «Проект Россия», издав черновые наработки. Информация совсем слабая и недоработанная, но дорабатывать ее я не видел смысла. Мой ум и сердце смотрели в новом направлении. Мысленно я уже расстался с прошлыми взглядами.

На всю жизнь я извлек для себя урок: никогда и ничего не принимать на веру. Ко всякой информации относиться с позиции презумпции виновности. С тех пор для меня нет авторитетов. Если завтра мне явятся существа из иных миров, я и от них не приму на веру информацию. Если она исходит из необычного источника, это не говорит о ее истинности.

Если завтра ребенок даст обоснованную информацию, противоречащую тому, что я знаю сейчас, я изменю свое мнение. Я не догматик и знаю, что истина не застывает. Сегодняшняя истина завтра может стать ложью, а истиной станет то, о чем мне сегодня мыслить страшно. «Увы, но истина блудница, ни с кем ей долго не лежится». (Губерман).

После завершения серии «Проект Россия» и отказа от христианского взгляда на мир у меня было огромное желание закончить со всем этим писательством и действовать. Но что именно делать? К созданию самолета можно приступить, имея на руках его чертеж. Без чертежа, какими бы огромные ресурсы у вас не были, самолета вам не создать.

Я страстно хотел действовать, но на что ориентироваться? На лозунг «Бери от жизни всё»? Или «За все хорошее и против всего плохого?». Если бы передо мной не стояло вопросов из серии: в чем смысл жизни?; что есть мир?; что есть Я?; я бы жил текущим мигом — бытовыми хлопотами и обыденными целями. Пиком человеческих дел считал бы бизнес и политику. Сейчас в мире было бы больше на одного ура-патриота, бизнесмена или политика, заполняющего паузу в ожидании смерти. Но передо мной стояли вопросы.

Невозможно перейти к практике, не имея представления, что именно делать. Как ни крути, а прежде дела нужна теория. *«Ибо кто из вас, желая построить башню, не сядет прежде и не вычислит издержек, имеет ли он, что нужно для совершения ее, дабы, когда положит основание и не сможет совершить, все видящие не стали смеяться над ним, говоря: «этот человек начал строить и не мог окончить?»».* (Лк,14,28-30).

Ленин и Наполеон руководствовались принципом «главное, ввязаться в бой, а там разберемся». Они игнорировали базовые вопросы (какие именно – расскажу позже) в угоду скорости и сиюминутному результату. В результате структура содержала конструктивные ошибки. Пока не полезли долгосрочные последствия проигнорированных проблем, они были эффективны в моменте. Когда полезли, они схватились за голову. Ни один из них не достиг цели. Цена наслаждения быстрым ростом – созерцание смерти своего детища.

Если фундамент заложен под пятиэтажный дом, небоскреб на нем не построить. Нужно или все сначала начинать с учетом допущенных ошибок, или вовсе отказываться от проекта. Если же пренебречь ограничениями и на фундаменте под пятиэтажку строить небоскреб, в надежде, что потом как-нибудь разберемся – будет крах многолетнего труда.

Я не сторонник правила «потом разберемся». Не разберемся. Прежде чем привлекать к делу людей и ресурсы, нужен четкий план действий. Пока плана нет, лучше ничего не сделать, чем тратить свои и чужие силы на создание очередного унылого говна по имени «политическая партия» или «общественная организация».

Если я не смогу поставить цель и составить план, и у меня ничего не получится, мне не в чем будет себя укорить. Я все делаю честно. Но я человек и могу ошибаться. Но одно дело, если ошибки вкрались помимо моей воли. Другое дело, если я видел ошибки, но понадеялся на авось, начав строить то, сам не понимая что, отъезжая на общих словах, как политики во всем мире. Но с политиками (полит-коммерсантами) все ясно, их реальная

цель не что они говорят, а потешить самолюбие и пряники материальные. Моей же целью было ответить на вопрос, в чем смысл жизни, и подчинить ей свою жизнь.

«Если слепой ведет слепого, то оба упадут в яму». (Мф.15,14). Под давлением этого аргумента я снова был вынужден засесть за писательство. Надеялся управиться со всем этим за пару месяцев (сейчас это смешно вспоминать).

В 2011 году появилась незавершенная рукопись (она до сих пор болтается в инете как «Проект i»). Смысл буквы «i» – показать из точки движение. Не дописал ее, потому что пришли другие мысли. Дописывать было бессмысленно, и я начал все заново.

С сегодняшней высоты по поводу «Проект i» скажу, что относительно поставленной цели нахожу работу очень слабой, совсем не дотягивающей до заявленного масштаба. Хотя отдельные ее мысли считаю верными (полистал перед тем как упомянуть ее здесь).

Следующая попытка взять крепость вылилась в написание в 2015 году книг серии «Проект 018» («Смерть?» и «Жизнь!»). Тоже сырая работа, потому как торопился. Но зато там впервые обозначилась конкретная цель – преодоление смерти. Она не вытекала из мировоззрения, и потому ее можно считать притянутой за уши, но она была реальной.

Мне вдруг стало ясно: чем больше я тороплюсь, тем больше теряю времени. Настрой «побыстрее» давал обратный результат – помедленнее. Полусырые книги, максимум, побуждали людей создавать сайты и группы (я к ним не имею никакого отношения). Но какой в них смысл, если люди понятия не имеют, что делать.

Я решил все бросить и засесть за тему основательно. Искать ответ, пока не найду. Я поселился в избушке и погрузился в тему. Зарегистрировался в соцсети, куда выкладывал черновики под названием «ТЕКСТЪ». Никакой особенной реакции не было (не особенной тоже не было). Ничего не было... Был ленивый интерес параллельно с ковырянием в носу.

В конце 2017 года появился свет в конце тоннеля – трое человек заявили, что читали «ТЕКСТЪ» и готовы погрузиться в дело. К тому времени я слышал много красивых слов, и потому решил сразу проверить уровень искренности – предложил сторонникам бросить всё, оставить старую жизнь и начать новую – подчинить себя своей мечте.

К моему удивлению и радости все трое согласились. В день выбора президента России, 16 марта 2018 года, мы оставили свои дома и съехались с намерением вместе жить и двигаться в обозначенном направлении (теперь 16 марта – наш праздник, День Объединения). Было много трудностей, но глядя назад, я вижу, что все было очень круто.

Я впервые увидел людей, у которых нежелание жить так, как им предлагала система, перевесило отсутствие четкого плана действий. Нет, какой-то план был, но это больше намерения, а не план. Какую-то роль сыграл мой авторитет, но главным было желание изменить свою жизнь. Мое предложение показалось лучом света в темном царстве.

Так как ясной теории по-прежнему не было, чтобы не тратить зря время, решили искать сторонников через продвижение в сети черновой улучшенной версии – «ТЕКСТЪ». Никто ничего не умел. Я не умел больше всех. Мы снимали видео, писали статьи и создавали иной контент, размещая его, где только возможно. Результаты были нулевые.

В 2019 году решили для поднятия авторитета издать все, что написано по теории и практике, в одной книге. Плюсом было, что человек получит информацию всю и сразу. Он мог после прочтения сразу принять решение, с нами он или нет. Минусом был объем. На выходе получался кирпич такой толщины, что его в руки было страшно брать.

Я отдал рукопись в редакцию. Редактор прислал критику, из которой стало ясно, что многие мысли неверно или даже наоборот поняты. Это побудило меня отказаться от идеи все запихать в одну книгу. Я понял, что в этой ситуации оптимально писать серию книг.

Родилось провокационное название серии «Секс, Блокчейн и Новый мир». В ноябре 2019 года вышла первая книга этой серии «СПЯЩИЙ БОГ 018». Я оставил в ней историю, как от постановки задачи охватить Целое пришел к идее, что такой охват невозможен.

Я стал получать письма, где люди называли мои мысли мировоззренческим учением, а меня, соответственно, Учителем (с большой буквы). Это говорило, что люди не поняли того, что я написал в первой книге про Целое (значит, я так плохо объяснил).

Тут я ничего объяснять не буду (все онтологические темы после практики). Скажу только, что во фразе «мировоззренческое учение» (знание Целого) столько же смысла, сколько во фразе «квадратный круг». В слове «Учитель» (носитель мировоззренческого учения) мне столько же почета, сколько в статусе «представитель квадратного круга».

Заявлять свои мысли мировоззренческим учением, а себя учителем можно только или от непонимания глубины вопроса, или от малого масштаба мышления, или преследуя прозаические вещи, не имеющие отношения к поиску истины. Я не заявляю свои мысли мировоззренческим учением, а себя учителем, потому что понимаю реальность.

Теперь вы знаете все. Предлагаю вам вторую книгу серии «Секс, Блокчейн и Новый мир». В ней изложено мое мнение, в которое не надо верить. Мне нужны не верующие, а понимающие. «Мне нужны живые спутники, которые следуют за мною, потому что хотят следовать сами за собой — и туда, куда я хочу». (Ницше «Так говорил Заратустра»).

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ

*Один тип людей создает ситуацию.
Другие приспособляются к созданной ситуации.
Моя информация адресована людям первого типа.*

ПРОСВЕЩЕНИЕ

Ступени

В любом случае что-то нужно взять за точку отсчета. Выбирая из всего многообразия, я нахожу оптимальным наиболее обоснованную и традиционную для нашего времени теорию - теорию Большого Взрыва. Она гласит, что Вселенной до определенного момента не было. Примерно 13,7 млрд. лет назад она появилась — произошел Большой Взрыв. Началось существование нашего бытия.

Исходя из того, что «Из ничего не может быть ничего», у Вселенной есть причина. Про нее нельзя сказать, что она была до нашего бытия. Понятие «было» применимо к пространству, времени, энергии, любым материальным и нематериальным сущностям, явлениям и объектам нашего мира, имеющим какие-то характеристики. Но причина бытия не может иметь никаких качеств, так как она вне бытия. Строго говоря, относительно нашего мира она небытие. Не в том смысле, что ее, причины, нет, а в том, что она не улавливается мыслью и к ней неприменимо никакое слово и образ, рожденные нашим миром. Невозможно уловить сущность Причины. Она — это немислимое, невыразимое и непостижимое Нечто.

В момент Большого Взрыва случился первый фазовый переход — от Небытия к Бытию. Появились законы, пространство, энергия, время, элементарные частицы, атомы, молекулы и вещество — материя. Из нее возникли пылевые облака, звезды и планеты.

Второй фазовый переход, от Бытия к Жизни, произошел, когда на одной из планет возникла жизнь. Сначала появились одноклеточные, потом многоклеточные, растения, рыбы, земноводные, теплокровные. Вершина эволюции животного мира — обезьяна.

Третий фазовый переход, от Жизни к Разуму, произошел в момент появления человека. Есть разные версии, как именно он возник, но для нашей темы это неважно. Для нас важно, что человека до этого момента не было, и он появился. Не было, и стал быть.

Первобытное общество начало развиваться. Пещерные племена сменили древние рабовладельческие цивилизации. Потом их вытеснила более эффективная феодальная модель. Далее ее сменила еще более эффективная капиталистическая модель.

Сегодня освоена атомная энергия, открыто строение ДНК, создан компьютер и виртуальная реальность. Мы живем в мире глобальной коммуникации и доступной информации. Так как неотъемлемым качеством жизни является стремления к благу,

эволюция по законам бытия не может остановиться на сегодняшней ступени развития. Грядет четвертый фазовый переход — на божественный уровень, от Разума к Бессмертию.

Так как жизнь никогда не остановится в своем развитии, потому что не прекратится ее стремление к благу, на божественной ступени эволюция тоже не остановится. Дойдя до высшей точки, жизнь перейдет на ступень, следующую за божественной. На ней она тоже не остановится — с божественной ступени неизбежен переход на сверхбожественную, а с той на еще более высокую. Я не вижу ступени, на которой развитие остановится...

История Вселенной охватывается в три шага. Первый: от Небытия к Бытию. Второй: от Бытия к Жизни. Третий: от Жизни к Разуму. Сегодня мы стоим на пороге 4-й ступени — от Разума к Бессмертию. Сейчас копится критическая масса для грядущего перехода.

Наука уверяет нас, что смерть будет преодолена в ближайшие два-три века. Если повезет, может даже через сто лет. На фоне исторических пластов рукой подать. Но для нас это все равно, что никогда. Если развитие сохранит эволюционную скорость, ни у кого из ныне живущих нет шанса дожить до победы над смертью. Все в землю ляжем...

Мы стоим в одном историческом шаге от цели. Но этот шаг больше человеческой жизни. Чтобы у каждого из нас был реальный шанс преодолеть смерть, общество должно совершить прыжок — перепрыгнуть историческое расстояние, отделяющее нас от жизни, свободной от смерти.

Политика

Чем больше ресурсов сосредоточено на задаче, тем выше шансы найти решение. Максимальные шансы возникают, если на задаче сконцентрированы максимальные интеллектуальные ресурсы (материальные вторичны) — ресурсы всего человечества. Если добиться этого, эволюционное развитие сменится революционным. У всех ныне живущих появится шанс дожить до перехода на четвертую ступень развития — преодолеть смерть.

Из этого следует, что проведение научных конференций, сбор денег на научные исследования, организация разных фондов и прочее — бессмысленная трата времени и сил. Ничто из этого не способно ускорить эволюционное движение до революционного.

Даже занятия наукой не являются нашей первоочередной задачей. Наукой ученые и без нас занимаются. Наша же задача — создать максимально благоприятные условия для науки. Объединить ресурсы, как минимум, ведущих государств, и направить их на цель.

Такая задача является не научной, а политической. Для ее решения нужно ответить на вопрос, почему на планете более двухсот государств, но ни одно не заявило главной целью преодоление смерти? Ответ обозначит направление, в котором искать решение.

Если все зайцы, не сговариваясь, не едят мясо, объяснить это единому сердцу можно только тем, что такая пища противоречит их природе. По этой аналогии, если государства, не сговариваясь, игнорируют проблему смерти, объяснить их единому сердцу можно только тем, что борьба со смертью противоречит природе государства. И так как государство есть часть мировой системы, проблема лежит в природе мировой системы.

Чтобы понять, как действовать в этой ситуации, сначала уловим природу системы. Для этого представим планету огромным валуном, а государства — покрывающей его разной плесенью. Каждый вид плесени в борьбе за жизненное пространство напирает на соседний. Это создает напряжение — возникает система сдержек и противовесов.

Так как один вид плесени активнее в холоде, другой в тепле, а третий во влажности, и внешняя среда меняется, со сменой температуры, влажности и иных факторов рисунок на валуне меняется. Никакой тип плесени не может охватить весь валун.

Когда одна плесень, оказавшись в благоприятных условиях, поглощает другую, которая в противоположном положении, она говорит своей жертве — ничего личного, просто природа. Когда один бизнес поглощает другой, победитель тоже говорит — ничего личного, просто бизнес. Когда одно государство подчиняет другое, правительство так же говорит поверженному противнику — ничего личного, просто политика. И каждый ведет

себя в этой ситуации сообразно своему положению. «Большие государства ведут себя в истории как хищники, а малые — как проститутки». (Бисмарк)

У любой страны, от самой сильной США до самой слабой Бурунди, есть потенциал расползтись на всю планету. Но он упирается в потенциал соседа. Если бы ситуация была неизменной, государство, имеющее на данный момент конкурентное преимущество, охватило бы всю планету. Как при неизменном климате один вид плесени покрыв бы весь валун. Но так как развитие регулярно создает новый политический, экономический и социальный климат, исторический Олимп регулярно занимают новые государства. Вчера их качества были отягощением, а сегодня превратились в конкурентное преимущество. При новом климате вчерашний плюс становится минусом, а вчерашний минус плюсом.

Мир из противостоящих друг другу государств напоминает набитую воздушными шариками комнату. Каждый шарик сохраняет занимаемое им пространство, пока способен выдерживать оказываемое на него извне давление. Если в каком шарике внутреннее давление падает, соседи начинают его сминать. Однажды он сдувается и становится питанием победителей.

Так как человечество находится в процессе постоянного развития, противостояние между государствами увеличивается по мере развития. Это значит, каждое государство не просто должно держать внутри себя определенное давление, но и постоянно наращивать его. Чей рост давления не соответствует общему темпу, того раздавливают другие.

Законы политической физики так же неумолимы, как физические законы: давят, пока продавливаются. Экспансия останавливается только в одном случае — когда нет сил давить дальше. Например, когда раздавившие свою жертву победители упрутся лбами друг в друга. Государственные границы проходят по линии непреодолимости.

В этой ситуации ни одно государство не может направить свои интеллектуальные и материальные ресурсы против смерти — на образование и науку. Если допустить, что какое-то государство перенаправило свой ресурс с «против жизни» на «против смерти», другие его сомнут. Ресурс в итоге вернется на традиционный курс — против жизни.

Природа мировой системы гарантирует концентрацию мозгов и денег в обратном направлении — против жизни, на политику и военную сферу. Это объясняет, почему на планете нет ни одного государства, сконцентрированного на решении этой задачи.

Разного рода правозащитники, гуманисты и прочие достойные удивления персонажи вкупе со СМИ навязывают обществу мысль, что государство по природе предназначено заботиться о благополучии людей, и что люди управляют государством. В реальности все наоборот — государство управляет людьми, и ему плевать на людей. Его законы нацелены не на соблюдение некой справедливости и истины, а на сохранение государства. Будьте вы хоть трижды правы, но если ваша правда вредит государству, ее объявят кривдой.

В английском законодательстве есть концепция интересов короны. Ее суть: права личности закон НЕ гарантирует. Если интересы личности противоречат интересам короны, суд признает за личностью ее права, но отказывает ей в их реализации. Да, вы имеете право, — говорит суд, — но мы запрещаем вам его реализовывать. До свидания.

Когда государство в лице своих представителей говорит с трибуны, что нет у него иной цели, кроме как сделать народ счастливым, оно делает это только потому, что так проще побудить массу двигаться нужным курсом. Если бы хорошая работа пищеварения требовала от вас говорить микробам, населяющим ваш кишечник, что смысл вашей жизни — заботиться об их благе, вы бы их говорили. Но вами двигала бы забота о себе, а не о микробах. Вам на них вообще наплевать. Если завтра появится пилюля, убивающая всех микробов и ведущая к улучшению вашего пищеварения, вы перебьете своих микробов, глазом не моргнув. Ничего личного, но всякая жизнь стремится к благу.

США создает для своих граждан одни условия, а Северная Корея другие не потому, что американское государство доброе, а северокорейское злое. У государства нет понятия

добра и зла в человеческом понимании. Как разные типы двигателей нуждаются в разном топливе, так для существования государств разного типа требуются разные условия.

Для существования американского государства нужны условия, возникающие при предоставлении населению свободного рынка, материального достатка, максимальных свобод и прав. Для существования северокорейского государства нужны условия, которые создаются через голодный паек и максимальное зажимание прав и свобод. Если северные корейцы получают американские права и свободы, государство рухнет. Если американцы будут ограничены по северокорейскому принципу, государство тоже рухнет.

Если представить ситуацию, где демократические права и свободы будут ослаблять США, а Северную Корею усиливают, Америка начнет ущемлять права и свободы своих граждан, а Северная Корея расширять. Если США или Северная Корея в новых условиях по инерции будут жить нормами прошлого, их отсеет эволюция. Но судя по тому, как Штаты вели себя в Великую депрессию (расстреливали голодные демонстрации) и как ведет себя сейчас Северная Корея, государство всегда будет вести себя по ситуации.

Если власть в своих социальных, политических и экономических решениях берет за ориентир религиозные догмы или понятия чести, используемые в межличностном общении, оно как минимум, слабеет. Как максимум, прекращает свое существование.

Средневековая Испания была аналогом сегодняшних США. Над ней не заходило солнце, ее владения простирались на весь мир. Филипп II, католик-фанатик, считал, что в политических и экономических делах нужно ориентироваться на догмы христианства, а не реалии. В знак приверженности такой политике и образу мыслей он построил огромный монастырь-собор Эскориал, где проводил свое время. Его чаще замечали за молитвой, чем за государственными делами. Принимая государственные решения, он ориентировался на христианские понятия. Его ужасно глупые решения спровоцировали закат Испании.

Государство суть хищник, заинтересованный не обнаружить своей цели. Не потому, что ему будет стыдно, если обнаружится, что его цель не совпадает со словами на трибуне. У государства, небологической формы жизни, нет понятия «стыд». Государству проще достигать своих целей, когда они спрятаны за красивыми словами.

Государство — живое существо, которое в первую очередь хочет сохранить себя. При существующей мировой системе оно может существовать, если ставит во главу угла военные расходы. Пока эта система сохраняется, ни у кого из нас нет шансов.

Невозможно спасти одну каюту на тонущем судне. Нужно или все судно спасать, или не касаться темы спасения. Невозможно направить ресурсы одного государства на преодоление смерти. Нужно или изначально брать ориентир на перенаправление ресурсов всего человечества на решение задачи, или не пудрить мозги ни себе, ни людям.

Для меня и моих современников преодоление мировой системы в прямом смысле вопрос жизни и смерти. Если демонтируем старый мир и на его месте создадим новый, который в силу своего устройства будет так же заинтересован направлять ресурс против смерти, как сейчас старый мир заинтересован направлять его против жизни — есть шанс преодолеть смерть. Не демонтируем старого и не построим нового мира — нет шансов.

Задача на слух звучит нереалистично. Но иных вариантов нет. Или ищем способ переделать мировую систему, или уподобляемся пассажирам тонущего корабля, которые вместо того, чтобы искать выход, сконцентрировались на уборке своей каюты, и страшно переживают, что вдруг не успеют до затопления судна как следует прибраться. Я нахожу это идиотизмом. Когда жизни угрожает смерть, смысл жизни — поиск решения.

Есть два способа решить задачу: фантастический и реалистический. Реалистичный: к нам прилетят инопланетяне и все сделают за нас. Фантастический: мы сделаем это сами. Я выбираю фантастический. Пусть это звучит нереально и глупо, но я выбрал. «Самый непобедимый человек — это тот, кому не страшно быть глупым». (Ключевский).

Я не боюсь быть глупым в глазах толпы. Я боюсь в своих глазах быть зависимым от мнения толпы. Поэтому, даже если буду точно знать, что не доживу до перехода на четвертую ступень развития, от Разума к Бессмертию, я все равно пойду этим путем. Мне

все равно психологически комфортнее в безвыходной ситуации искать выход, чем сидеть и ждать смерти. Действие дает надежду на чудо, а бездействие нет. При любом раскладе действие предпочтительнее бездействия. «Пусть я не достигну ничего, пусть расчет неверен, пусть лопну и провалюсь, все равно — я иду». (Ф. Достоевский «Подросток»)

Реалистичность

Идея перестроить мир большинству кажется пустой фантазией не из-за того, что они цель считают недостойной или видят логические ошибки, а потому что масштаб смущает. Как муравей серьёзно отнесётся к делу только в рамках своего муравейника, ему в голову не придёт мысль за рамками его дома, так и люди всякое дело оценивают с бытовых и коммерческих, максимум, политических выгод (что суть та же коммерция). За рамками привычного масштаба человек не мыслит. Если даже в целом он согласен с изложенными доводами, серьёзно относится к проекту он все равно не сможет. Помечтать и поговорить — это пожалуйста. А вот чтобы смотреть как на реальное дело, к реализации которого нужно приступить именно мне и именно сейчас — это извините. Потому что оно слишком превосходит привычный горизонт. Настолько слишком, что мысль в ту сторону не идет.

Корни такого поведения в инстинкте самосохранения — кто не боялся неизвестного и непонятого, того эволюция отфильтровывала. Потому люди сторонятся всего нового. Хотят сначала со стороны посмотреть, убедиться, что это не опасно. И как увидят, что это еще и полезно, толпами валят туда. А пока уверенности нет, ведут наблюдение. Из-за угла. Осторожничают. Примеряются. А жизнь и шансы уходят...

«И вижу я, что не живут люди, а все примеряются, примеряются и кладут на это всю жизнь. И когда обворуют сами себя, истратив время, то начнут плакаться на судьбу. Что же тут — судьба? Каждый сам себе судьба! Всяких людей я нынче вижу, а вот сильных нет! Где ж они?..». (М. Горький, «Старуха Изергиль»).

Второй сдерживающий момент — непонятно, где же взять столько ресурсов, чтобы перестроить мир и превратить независимые государства в подчиненное стадо? Как может человек в своем уме ставить такие цели? Разве не ребячество это?

Все мы родились и выросли в обществе потребления. Нас до мозга костей пропитала идея всеисилия денег. Все мы знаем бытовые мудрости в стиле: «Деньги решают все»; «Что нельзя решить за деньги, то можно решить за большие деньги» и т.д.

По первому препятствию, мешающему людям влиться в наши ряды, по масштабу мышления и горизонту реальности, я ничего не могу сделать. Тут человек или сам сделает усилие в пользу разума, или останется при своем. «Один тип людей видит все сам; Другой, когда ему показывают; Третий тип никогда не видит». (Леонардо да Винчи).

А вот по второму препятствию, по вопросу ресурса, у меня есть что пояснить. Люди исходят из того, что Бог всегда на стороне больших батальонов. Учитывая, что у меня нет материального ресурса, который, как кажется, необходим для мировой перестройки, сами слова о намерении перестроить мир выглядят мальчишеством и пустой фантазией. Для серьезных людей тут нет предмета для разговора. Есть предмет для мечтаний.

Действительно, деньги до определенного уровня — волшебная палочка. Но как говорят евреи, если проблема решается за деньги, это не проблема, а расходы. Наша задача превосходит потенциал финансов. Будь у нас денег больше, чем у США, это ни на йоту не приблизило бы меня к цели. Финансы на цивилизационном уровне не работают.

Вы никогда не обращали внимания на такую вещь: серьезные люди старой системы никогда не участвуют в создании новой. Потому что они смотрят через призму старого, что исключает видение нерва новой системы. И это при том, что «Всё великое в мире должно появляться сначала в форме чудовищной, ужасающей карикатуры» (Ницше «По ту сторону добра и зла»). Подлинно новое на фоне старого всегда выглядит чудовищно, глупо и карикатурно. Но при этом оно всегда побеждает.

Цель достигается через смену мировой системы — через демонтаж существующей и построение новой. Но что конкретно делать? Неверное направление делает неверными все последующие шаги. Собранный по ошибочному чертежу самолет не полетит. Неверная последовательность или ошибочный курс исключают результат. Только время и силы распылим. Но главное, единственный шанс упустим. Второй попытки у нас не будет.

Для переплытия моря нужен корабль. Для полета на Луну нужна ракета. Достижение любой цели требует пропорционального инструмента. Какой инструмент нужно иметь на руках, чтобы взяться за перестройку мировой системы? Ответом просится — деньги.

Чтобы начать строить какие-то планы по перестройке мировой системы, нам нужен инструмент в виде государства. Он должен быть в наших руках тем же, чем в руках землекопа является лопата. Получить такой инструмент можно только через обладание властью.

Обозначилась первая практическая задача-минимум — получить власть. Как можно это сделать в данной ситуации? Пока вы не знаете, куда идти, в Арктику или Африку, вы не знаете, какие вещи с собой брать. Аналогично с властью, пока непонятно, как можно ее в данной ситуации получить, невозможно составить практический план действий.

Посмотрим концепцию большевиков, решавших такую же задачу сто лет назад. Они ухватили нерв ситуации: в России на тот момент в активном слое общества исчезла вера в Бога. Когда вера была, общество соглашалось, что земной мир устроен по принципу небесного. В Царстве Небесном наверху стоял Бог, ниже архангелы, еще ниже ангелы. В земном царстве на самом верху стоял помазанник божий — царь. Ниже дворянство со священством. Всё это были получатели налогов. Нижнюю часть пирамиды образовывали подданные — простолюдины под данью — торговцы, ремесленники, крестьяне.

У одних было право сочинять законы и собирать дань по этим законам. У других была обязанность соблюдать законы и платить дань. Естественное для такой ситуации ощущение несправедливости снималось фразой «так устроил Бог». Зачем он так сделал, человеку не постичь, ибо пути Господни неисповедимы. Его дело — быть послушным воле Бога и терпеть неудобства, потому что «Бог терпел и нам велел». Чем больше люди будут покорны властям и добросовестнее платить дань, тем выше их шансы попасть в рай.

Идея Бога была центральным элементом конструкции. Она блокировала внутренние противоречия, не позволяя им разорвать государство. Пока большинство верило в Бога, исходящая от Церкви информация воспринималась гласом божьим. Так как Церковь была на 100% подотчётна власти, все элементы конструкции были устойчивы и в гармонии.

Когда наука сделала возможным отсутствие религии, божественное обоснование власти уходит. Низы ставят перед элитой вопрос: на каких основаниях занимаете вершину социальной пирамиды? Почему дети дворян от рождения имеют больше прав и свобод, чем дети разночинцев, рабочих и крестьян? Почему простой человек, даже если он умнее и талантливее по всем пунктам дворянина, имеет намного меньше возможностей? Почему большинство в лохмотьях и от голода пухнут, а меньшинство в золоте и с жиру бесятся?

Подобных вопросов было огромное множество, и ответить на них было совершенно нечего. Старая система оказалась в положении современной Северной Кореи — красной монархии. Власть там передается по монархическому принципу — сын наследует власть от отца по праву крови. Для признания такого права нужна религия, которая говорила бы, что так Бог устроил и благословил. Верующие принимали бы такое объяснение. Но так как Северная Корея официально отрицает религию, внятного объяснения наследования власть по крови не существует. Единственный выход для власти в такой ситуации — это сидеть на штыке и изолировать население от лишней информации, что Северная Корея и делает. Если информационная блокада будет нарушена, система начнет лавинообразно разваливаться. Эти факторы делают северокорейскую модель очень хрупкой.

Монархическая конструкция после ухода религии тоже стала хрупкой. Элита ищет ответы на неудобные вопросы в традициях: «не нами заведено, не нам и отменять»; «традиции нужно уважать» и прочее. Это не решало проблемы, а только подчеркивало ее.

Социальное неравенство феодального типа генерирует энергию протеста. Монархия становится похожа на дом, под которым исчез фундамент. Элита перекладывает активы в новые средства производства — заводы и фабрики. Параллельно заменяется религиозное оправдание порядка вещей светским. Либерально-демократическая теория декларирует всем равенство, права и свободы. Кажется, все хорошо, но дьявол кроется в деталях.

Если естественно, что не у всех людей одинаковые таланты, то естественно, что у более талантливого человека результат будет выше, чем у менее талантливого. Кажется, все правильно, но равные права при разных возможностях — это дарование корове права лазать по деревьям и рвать бананы. Но как это уравнивает корову с обезьяной?

Гуманизм, пришедший на смену религии, обходит молчанием вопрос о стартовых возможностях. У ребенка из семьи чернорабочего один интеллектуальный капитал, а у его сверстника из аристократической семьи другой. Один растет в атмосфере, когда за обедом говорят на темы и масштабы, раскачивающие ум и поднимающие масштаб мышления. Другой в лучшем случае растет в атмосфере бытовых и обыденных тем. В худшем растет в атмосфере доминирования животных потребностей и пьяной ругани.

Еще следует упомянуть о стартовом материальном капитале, возможности получить совет, связи, уверенность и прочее (список длинный). Ничего этого у выходца из рабочей среды нет. О существовании многих важнейших вещей он попросту не знает. Максимум, что-то слышал, но не привык смотреть на них как на реальность, не видит их значимости.

Насколько в разных условиях росли дети, настолько разный их интеллектуальный капитал и масштаб мышления. Одинаковую ситуацию они реализуют по-разному. Ребенок рабочего не сможет думать над тем, как ему взять власть или присвоить сто миллионов. И попав в ситуацию, где нужно пальцем пошевелить, и власть или миллионы окажутся в его собственности, он не пошевелит пальцем. Потому что не вмещает понятия «взять власть» или «взять завод». Взять для него означает «положить в карман», унести. Но как можно власть положить в карман или унести завод? Масштаб его дееспособности проходит по бытовой границе. Что выходит за границу привычной обыденности, в том он не видит реальности. Для него большое дело — отвлеченная фантазия, тема кухонных разговоров.

Аристократический отпрыск мгновенно сообразит, как реализовать такую ситуацию. Он увидит возможность даже не через настежь открытую дверь, а в едва приоткрытую или даже закрытую. Составит план действий и будет ломиться в дверь, и однажды откроет ее.

Каждый считает реальным делом только то, что умещается в привычный масштаб. Рабочему может прийти в голову идея присвоить часть имущества завода. Он может с друзьями составить план хищения с завода грузовика сырья или продукции. Но ему не может прийти в голову идея присвоить завод. Он не может думать в таком масштабе.

Этот момент отражен в японской поговорке «Легче найти десять тысяч солдат, чем одного генерала». Главное в генерале и другом крупном руководителе не ум, а масштаб. Его советники могут быть умнее своего руководителя, но они подчиняются ему, потому что он масштабнее их. Он видит контуры того, чего они не видят, и потому он ведет.

Умный человек из низов, оказавшись в благоприятных условиях и сопутствующей удаче, может перейти на следующий масштаб мышления, начав понимать до того скрытые механизмы и элементы. Но таких единицы из единиц. Основная масса в любых условиях остается на уровне той среды, в которой родилась и сформировалась.

Декларация всеобщего равенства, прав и свобод вуалирует этот момент, уводя его из поля зрения. Это позволяет представить неравенство следствием непреодолимых сил. Как вчера в роли таких сил выступал Бог, так сегодня Природа. Как вчера никто был не виноват, что одних Бог поставил наверх, а других вниз, так сегодня никто не виноват, что одни имеют от природы большие таланты, другие малые. Одни по случаю родились в семье, где папа похож на божество, а другие в семье, где папа похож на пьяное животное.

Новая система предлагает людям с малыми талантами и из низов смириться с тем, что у них никогда ничего не будет, ибо так устроен мир. Что все будет принадлежать людям с большими талантами из хороших семей.

Возразить тут нечего, и потому остается только капитулировать перед ситуацией, что люди и делают. Как вчера они смирились перед Богом, так теперь им надо смириться перед природой. Но капитуляция не приводит к такой же гармонии, какая при религии.

Когда люди верили в Бога, они как бы заключали сделку, основанную на убеждении, что всемогущий и человеколюбивый Бог не просто так сложил людей в такую модель, а ради блага людей, которое они и получают в конечном итоге. Тот факт, что люди не понимают его замысла, как ребенок не понимает замысла врача, делающего ему больно, не отменяет благодати Бога и врача. С такой точки зрения есть смысл потерпеть ситуацию.

Когда люди перестали верить в Бога и стали верить, что несправедливую ситуацию создала слепая природа с целью принести благо людям, а случайно и никакой награды за терпение им не предвиделось, перспектива всю жизнь страдать и потом умереть, не рождала мотива смириться с несправедливостью. Начинает расти напряжение...

Тот факт, что человек не знал, как изменить ситуацию, не являлся поводом принять ее как должное. Если бы человек думал, что несправедливую ситуацию создал Бог... Но он был уверен, что ее создал случай и слепая природа. А наука обещала поставить ее на службу человеку. Из всего этого следовало, что ситуацию можно изменить. Общество наполняется ожиданием теории, которая подсказала бы, как сделать мир лучше.

Предложение

В 1867 году Маркс выпустил труд своей жизни «Капитал». Он говорит, что корень несправедливого устройства общества в том, что средства производства, земля, станки и любые другие активы, на которых создаются разные блага, принадлежат частным лицам.

По сути, капитализм тот же феодализм, только в профиль. Феодал ничего не делает, но присваивает созданную на его земле сельхозпродукцию, потому что ему принадлежит земля. Крестьянин, непосредственный создатель продукции, получал часть урожая.

Капиталист тоже мог ничего не делать и присваивать созданную на его станках продукцию на том основании, что станки, орудия производства принадлежали ему. Рабочий, непосредственный создатель продукции, получает часть прибыли — зарплату.

Маркс считает, что это несправедливое распределение результатов труда, и что оно корень неравенства. Устраняется оно через запрет на частное владение орудиями труда. Если земля, станки и другие средства производства будут принадлежать обществу, никто не сможет присваивать себе результаты чужого труда.

Так как такой запрет в существующей политэкономической модели невозможен, Маркс предлагает демонтировать старую модель и построить новую, запрещающую владеть средствами производства частным лицам. По Марксу, это даст огромный скачок в развитии. На первом этапе развития каждый в новом обществе будет получать по труду. На втором этапе наступит изобилие, и каждый будет получать по потребности.

В своих расчетах Маркс учитывал только один вид труда — физический. Все другие виды — интеллектуальный, творческий, организаторский и прочие, и их подвиды, он не учитывал, так как не считал за труд. Это примерно как если бы военный теоретик создавал военную доктрину, исходя из того, что единственная военная сила — пехота. Остальные рода войск — флот, авиация, артиллерия и прочее, не учитывал бы. Надо ли доказывать, что если бы кто взялся воевать, опираясь на эту теорию, он бы гарантированно проиграл.

Армия — это гармоничное сочетание всех родов войск. Если не учтен хотя бы один род войск, армия теряет свою боеспособность. Аналогично и экономика — гармоничное сочетание всех видов труда. Если не учитывается хотя бы один вид труда, система будет ущербной. Маркс принимал во внимание только один вид труда — самый примитивный (физический, который вскоре будет переложено на плечи машин). Все другие виды труда он проигнорировал. Выполненная на таких исходниках теория не могла быть рабочей.

Марксистская теория не только не устраняла несправедливости старой системы, но и породила новые. Например, если вы на свои деньги своими руками построили мельницу,

по Марксу ее нельзя было признать вашей собственностью. Как следствие, у вас не было права продавать ее, передавать по наследству и совершать любые иные действия. Если бы даже вы сами на ней работали, ваш заработок рассматривался бы преступлением.

Теория Маркса чудовищно глупа. Остается только диву даваться, как можно было не видеть ее вопиющих ляпов и нелепиц. Построить на ее базе экономику было невозможно. Советская экономика существовала благодаря нарушениям марксистской теории.

Нелепое и абсурдное учение Маркса имело один гигантский плюс — оно указывало на буржуа как на виновника несправедливости и бед простого народа. Потому оказалось очень востребованным. Когда массе стало «все понятно», закипел ее разум возмущенный, и она пошла в смертный бой против открывшегося ей врага.

Человеку сложно признать себя виновником своих проблем. Что вы ему не говорите, а он-то знает, что не он виноват в своих бедах, а евреи, буржуи, масоны, рептилоиды и прочие силы. Успех марксистского учения, по которому во всем виноваты капиталисты, имеет те же корни, что и успех национал-социалистического учения, по которому во всем виноваты евреи. Антисемиту бесполезно говорить, что если завтра все евреи исчезнут чудом с лица земли, воровство и коррупция не исчезнет. Марксисту бесполезно говорить, что если тотально запретить частную собственность на средства производства, люди с малыми талантами из низовой среды не выровняются с талантливыми людьми из верхов. Антисемит, уверовавший, что евреи — причина воровства и коррупции, а марксист, что отсутствие частной инициативы уравнивает всех — в чистом виде религиозные фанатики.

Но оставляю Маркса. Поставлю ему в плюс, что он пытался преодолеть неравенство, а не объяснить его. А что неверный диагноз ... Ну что же, все мы люди, все ошибаемся. Он ошибся, и все принявшие его учение ошиблись. Про последних можно сказать: «Ах, обмануть меня не трудно!.. Я сам обманываться рад!» (Пушкин «Признание»).

Большевики подняли на знамя борьбы против несправедливой системы марксизм. Так как владельцы средств производства не могли добровольно отдавать свой актив — заводы/пароходы, рождается теория насильственного изъятия и вооруженного восстания.

Тут большевики оказываются очень сильны. Разрабатывается стратегия и тактика вооруженной борьбы. На дело смотрят инженерным взглядом, без шапкозакидательства, не скрывая и не смягчая острых углов. Показывают, какой промежуточный результат дает каждый конкретный шаг, и как их совокупность ведет к конечному результату. Все было четко и понятно. Любой мог с этим соотнестись: мое/не мое; готов/не готов.

При такой конкретике нельзя «просто поговорить». Кто согласен с теорией, целью и способом, тот подтверждал свое согласие делом — вставал в строй. Кто с теорией и целью соглашался, но способ (вооруженное восстание) отрицал, тот предлагал другой, более эффективный с его точки зрения способ. Например, парламентскую борьбу. Он искал себе сторонников и действовал сообразно своему пониманию. Кто принимал теорию, цель и способ, но не имел духу делать то, что считает истиной, страх или лень предписывали ему бездействие, тот расписывался в своей недееспособности и выпадал на обочину.

Команда большевиков состояла из людей, которые вели себя как люди, узнавшие место, где зарыт клад. Они не колебались, куда им лучше вложить силы, во вскапывание огорода или в выкапывание клада. В результате они демонтировали феодальный строй. Не их вина, что на месте феодальной конструкции не построили коммунистическую. Если чертеж самолета ошибочный, собранная по нему модель если и взлетит, то разобьется.

Но у нас разговор не о качестве теории, а о качестве организации практики. У них она была на максимальной высоте. Нам тоже нужна такая организация практики. Чтобы от слов перейти к делу, надо понимать, как демонтировать мировую систему? Как на ее месте построить новую систему, которая по природе была бы ориентирована на победу над смертью? Какую энергию нужно возбудить, чтобы запустить процесс мирового преобразования? Какому классу людей близко по духу возглавить этот процесс? И самый первый вопрос: какой оптимальный путь к власти в современной ситуации?

В теории есть два пути: силовой и не силовой. Чтобы выбрать эффективный путь, нужно игнорировать политес. В делах такого масштаба оптимален инженерный взгляд на ситуацию. Все иные соображения на время отодвигаю. Выбрав направление, далее совмещаю его с реальной ситуацией и условиями, и получаю конкретный план действий.

Конкретность плана позволяет отделить дееспособных, заявивших о согласии с идеей и способом достижения, и вставших в строй, от недееспособных, тоже заявивших о согласии, но делом это подтверждать не собирающихся. Кто уверен, что в указанном месте закопан клад, тот идет за лопатой. Кто не уверен, тот пускается в длинные рассуждения на тему, как было бы хорошо откопать клад. Но сам копать не собирается.

Если Вы согласны с идеей, но видите более эффективный путь к цели — действуйте по своему плану. Я допускаю, что могу оказаться неправ, а вы правы. Время покажет истину. Но чтобы увидеть вашу правоту, показывайте ее не через разговоры, а через дела.

Технологии

Эффективность технологии пропорциональна ситуации. Что работает в Антарктиде, то не работает в тропиках. И наоборот, идеальные для тропических стран технологии не работают на Севере. Все относительно. Универсальной технологии не существует. Чтобы получить результат, нужна индивидуальная технология под конкретную ситуацию.

Одни считают, что максимально эффективный и надежный способ получить власть: вооруженное восстание. Парламентский вариант, участие в выборах, они считают пустой тратой времени. Их аргументация: власть имущие никогда не отдадут власть добровольно. Если кандидат представляет для них угрозу, они его попросту не допустят до выборов. И как говорил Сталин, победу на выборах определяют не голоса, а кто считает голоса. И в пример приводят страны, в Конституции которых написано, что каждый может выбирать и быть выбранным, но на практике далеко не каждый, а только угодный власти.

Другие считают ровно наоборот. Они называют самой эффективной, надежной и универсальной для всех ситуаций парламентскую борьбу. Их аргументы сводятся к тому, что времена вооруженного передела власти канули в прошлое. В информационную эпоху в условиях демократии решающей силой является мнение большинства. И приводят в пример страны, где положения Конституции совпадают с реальностью.

Я же утверждаю, что оба способа сегодня нерабочие. Начну с вооруженной борьбы. Ее сторонники черпают уверенность, что силовой путь самый эффективный из книг и фильмов про революцию, красочно описывающих, как большевики с оружием в руках смели царя и взяли власть в свои руки. Проникнувшись боевым духом, уверившись, что против лома нет приема, они делают ставку на силовой захват власти.

Эти люди упускают два важных момента. Во-первых, пишут книги и снимают фильмы те, кто понятия не имеет о реальной кухне вооруженной политической борьбы. Писатели, сценаристы и режиссеры высасывают информацию из пальца и подпитываются преимущественно из советской мифологии. И так как власть никогда не будет учить народ технологии ее свержения, практическая ценность историй про революцию нулевая.

Во-вторых, упускается ключевая характеристика большевистской команды и любой аналогичной — она тайная. Ленин говорит, что «... нам нужна военная организация агентов». В работе «Что делать?» он пишет: «Мы идем тесной кучкой по обрывистому и трудному пути, крепко взявшись за руки. Мы окружены со всех сторон врагами, и нам приходится почти всегда идти под их огнем. Мы соединились, по свободно принятому решению, именно для того, чтобы бороться с врагами и не отступать в соседнее болото».

Конспирация — фундамент группы, ориентированной бороться за власть с оружием в руках. Ее деятельность может протекать только в подпольном режиме. Но сегодня это невозможно по той причине, что каждый из нас 24 часа в сутки окружен компьютерами и смартфонами, у которых есть камеры и микрофоны, активировать которые можно без

вашего участия. Программы из серии «О,кей гугл» или «Привет, Алиса» не только на ваши вопросы готовы отвечать 24 часа в сутки, но и прослушивают вас 24 часа.

Делается это как в коммерческих целях (замечали, как реклама предлагает вам то, о чем вы говорили вслух?) так и политических (понятно, что обещать народу). Все, что вы говорите, делаете и видите — так же слышно и видно, как если бы вы в кабинете майора сидели. Ваше лицо, попавшее в объектив уличной камеры, позволяет мгновенно установить вашу личность. По смартфону в вашем кармане устанавливается ваше местоположение с точностью до кубического метра. Большой Брат давно в действии.

Единственный вариант создать тайную организацию в современных условиях — выпасть из системы. Жить в тайге, горах и прочих неконтролируемых местах (опущу, что со спутника вас видно). Вы будете как тот неуловимый Джон, который неуловим, потому что никому не нужен. Как только команда начнет действовать, она тут же попадет в поле зрения, и конспирация кончится. Вместе с ней закончится и деятельность этой структуры.

Если не вооруженное восстание, кажется, остается только парламентская борьба. Не оружием с бойцами запастись, а выводить критическое число людей на демонстрацию, на митинг, на референдум. Процесс закрутится, и дальше само все произойдет так, как в книжках про демократию пишут или показывают по телевизору в политических новостях.

Действительно, СМИ регулярно рассказывают, как народ (в смысле масса, толпа) в той или иной стране собрался на митинг или устроил забастовку, и в результате правитель ушел в отставку. Так легко и просто борцы за счастье и свободу победили диктатора.

Легковерным сторонникам такой технологии не мешало бы обратить внимание на массу странностей с этой «парламентской борьбой». Самый яркий пример последних лет — Каталония в 2017 года. Там более 90% избирателей проголосовали за независимость и отделение от Испании. Казалось бы, все, дело сделано, народ изъявил свою волю. Демократия и предложенный ею парламентский метод борьбы торжествуют.

Но случился казус... Мадрид сказал, что волеизъявление народа признается, если оно произведено с разрешения властей, в указанном властью направлении и обозначенных границах. Если же акт волеизъявления был без разрешения власти, с уклоном от заданного курса и выходом за обозначенные рамки — это считается незаконным изъяснением воли. А что незаконно, то недемократично, и значит, преступно.

Свобода в рамках решетки — это тюрьма. Но Мадрид считает ровно наоборот, что тюрьма — это и есть свобода. Что действие является по-настоящему свободным, когда оно совершено в указанных рамках. Действие, выходящее за обозначенные рамки — никакая это не свобода, а бунт и мятеж — преступление против свободы.

Когда на одно событие есть две противоположные оценки, истиной считается то, что исходит от сильного. Мадрид имел государственный ресурс — деньги, армию, полицию, суды и прочие инструменты насилия. Граждане ничего такого не имели. Мадрид определял свободу так, граждане иначе. Истиной постановили считать мнение сильного.

Мадрид заявил, что ключевые фигуры, давшие каталонцам возможность высказать свое мнение (организовали условия для проведения референдума), совершили уголовное преступление — мятеж. Наказание по такому обвинению допускает до 30 лет тюрьмы. «Мятеж не может кончиться удачей. В противном случае его зовут иначе» (Харрингтон «Об измене, в пер. Маршака «Простая истина»).

Если 90% избирателей высказывают свою волю, и это не демократия, а экстремизм, можно не сомневаться, если бы 100% высказало свою волю, оценка была бы той же самой. Это напоминает технологию подсчета голосов на вселенских христианских соборах. Там полное единодушие достигалось за счет того, что не согласных определяли еретикам. Голоса еретиков во время определения христианской истины не учитывались. Так что не важно, сколько людей голосовало против. На единодушие это никак не могло повлиять.

Государство понимает демократические свободы точно так же, как религиозные. Официально Церковь свободна и имеет право делать так, как ей заповеди велели. Но при условии, что действует с разрешения властей, в рамках указанного курса и не выходит за

обозначенные ей границы. Если какой-то священник полагал, что воля Бога выше воли власти, его меняли на менее наивного. Собаки лаяли, а караван дальше шел своим путем.

Но позвольте, скажет сторонник парламентской борьбы, если парламентские методы не работают, как же объяснить смену правительств и их уход в отставку? Действительно, как объяснить, не выходя за рамки здравого смысла, что когда происходят «цветные революции», ничтожной горстки вышедшего на демонстрацию «восставшего народа», около 0,1% от населения или меньше, всегда хватает, чтобы получить результат. А если 90% каталонцев вышли на точно такую же демонстрацию, они не добиваются результата.

Никто не возьмется утверждать, что 0,1% эффективнее 90%. Остается единственное объяснение: центральным узлом демократической системы являются вовсе не выборы. Реальной силой являются совсем другие институты, о которых никто не упоминает.

Эти силы видны на примерах, которые невозможно скрыть из-за размера. Если народ выбирает не то, что от него требуется, его выбор объявляется недемократическим. И его будут гонять голосовать до тех пор, пока он не совершит нужный выбор. Если же он будет упорствовать (точнее, не он, а кто его организует, сам по себе народ без организаторов недееспособен), его волеизъявление назовут мятежом, как в Каталонии. Или аннексией, как в Крыму, где 96% населения выступили за присоединение к России. В отдельных случаях лиц, совершающих несанкционированное волеизъявление, назовут не просто преступниками, а пожестче — террористами и экстремистами. Например, когда 100% населения одной из областей Сирии выразило доверие своим лидерам, их волеизъявление признали недемократическим. Потому что кому-то такой результат голосования не нужен.

Как Западу политически не выгодно присоединение Крыма к России, так Испании экономически не выгодно отпускать Каталонию. Анекдот: посетитель спрашивает у смотрителя, может ли лев съесть 30 килограмм мяса? Смотритель отвечает: съесть то он съест, да кто же ему даст. Так и тут, люди могут за что угодно голосовать. Но если это не соответствует цели сильного, он объявит их волеизъявление недемократическим.

На фактах видно, что демократия работает очень избирательно. Если 0,1% голосов дают результат, нужный сильному, выборы признают законными и демократическими. Но если 100% голосов дают не тот результат, волеизъявление признают недемократическим и незаконным. Незаконное волеизъявление — это заговор, мятеж терроризм и экстремизм.

Анализ ситуации показал, что вооружённое восстание и парламентский путь — путь в никуда. Время и силы на любой из них точно потеряем, а власти точно не обретем. Но если так, на что ориентироваться при решении первой задачи? Как получить власть?

Как для преодоления смерти не подходит религиозное и научное направление, нужен третий путь — перестройка мировой системы, так для получения власти не годится ни силовой, ни парламентский вариант. Нужен принципиально иной третий путь.

Капкан

В целях экономии времени и сил представим, что продвижение идеи в массы дало нам критический объем единомышленников. Эффективно действуя по сложившейся на тот момент ситуации, допустим, мы получили власть. Опустим детали, как именно. Что дальше? Неправильное направление делает неправильными все последующие шаги.

Но верно ли само по себе направление, ориентированное на взятие власти? Маркс сказал: «Оружие критики не может, конечно, заменить критики оружием, материальная сила должна быть опрокинута материальной же силой». И если даже расширенно понимать его слова про материальную силу (он понимал вооруженную) а вообще любой способ взятия власти, то верно ли само направление на обретение власти?

Вроде бы верно. Если нет власти, откуда ресурсы, необходимые для реализации крупномасштабного проекта? Но тогда почему ни одна политическая партия, искавшая власти для реализации своей мировоззренческой идеи (не путать с бытоустроительной идеей типа зеленых), ни одного дня не занималась реализацией своей идеи.

Сначала носители идеи боролись за власть, справедливо полагая, как и мы выше, что без ресурса им не достигнуть цели. Все силы в этот период у них шли на борьбу за власть. Получив ее, им опять было не до идеи. Теперь ее нужно денно и ночью удерживать. Стоит расслабиться, власть перейдет к оппонентам. Это не только крах революционных надежд, но и личная беда — новые властители обычно казнят своих предшественников. Ничего личного, не со злости, они зачастую лично не знакомы. Просто таковы правила игры...

Когда в 1614 году на трон села династия Романовых, одним из первых ее приказов было повесить трехлетнего мальчика Ивана (летописцы Романовых нарекли его Ивашкой Ворёнком), что и сделали в центре Москвы у Серпуховских ворот. Вся его вина — он был сын царя, именовавшего себя Дмитрием Рюриковичем (в официальной историографии Тушинский вор), и царицы Марины Мнишек, а значит, имел право на трон.

Через три века, в 1918 году, большевики приказали расстрелять царскую династию Романовых, в том числе и 13 летнего мальчика Алексея, что и было сделано в доме купца Ипатьева в Екатеринбурге. Вина ребенка была в том же самом — он был сыном царя Николая II и царицы Александры, и значит, претендентом на власть. В этом акте видится возмездие для Романовых «*Взявшие меч, от меча и погибнут...*» (Мф.26,52).

С бытового масштаба оба приказа выглядят чудовищно. Но если оценивать мерой, соответствующей ситуации, решение абсолютно верное. Не важен возраст кандидата на престол. Если бы Романовы не казнили царевича Ивана, а большевики царевича Алексея, в скором времени вспыхнула бы новая гражданская война, где погибли бы десятки тысяч мальчиков и девочек и миллионы взрослых. Власть стояла перед двумя вариантами: очень плохим и ужасно плохим. Из двух зол пришлось выбрать меньшее. Что они и сделали.

По-человечески хочется взять за ориентир слова одного из героев Достоевского: «от высшей гармонии совершенно отказываюсь. Не стоит она слезинки хотя бы одного только того замученного ребёнка». (Достоевский «Братья Карамазовы»). Не хочется проливать и одной слезинки младенца. Но если цена этого не пролития — пролитие слез тысяч и десятков тысяч детей, как быть? Вы перед выбором: или действием убить одного ребенка. Или бездействием убить много детей. Какой вариант лично вы выберете?

Хороший и честный среднестатистический обыватель уверен, что на свете только одна правда — та, которой люди пользуются в общении друг с другом. Он верит в единые, вечные и универсальные понятия добра и зла, из которых выводятся такие же единые и вечные понятия чести, совести, долга и прочее. Он считает их ориентиром во всякой ситуации, а в отклонении от них видит подлость, обман, несправедливость и зло. Но это пока он судачит и ворчит со стороны и не стоит перед необходимостью делать выбор.

Но если представить, что он в ситуации, где нужно делать выбор, он, погрузившись в ситуацию и осознав ее безысходный ужас, или упадет в обморок, или потеряет свою обывательскую девственность и поймет смысл выражения «Благими намерениям вымощена дорога в ад». Поймет, что мера, предназначенная для оценки межличностных отношений, неприменима к делам, масштаб которых превышает межличностный. Если же не поймет, то зло, которого он хочет избежать по максимуму, в итоге увеличится до максимума. «История — мамаша суровая» (В. Ленин).

Власть есть бремя. Перед правителем не стоит вопросов, как поступить, хорошо или плохо. На него идет поток ситуаций, по многим из которых нет хороших в обывательском смысле решений. Как сказал один из руководителей США, выбор между добром и злом — это где-то там, вне Белого Дома. Здесь мы вынуждены выбирать между кошмарным и ужасным. «Правда всегда либо ужасна, либо скучна» (к/ф «Игра престолов»).

Удерживать государственную конструкцию — это не только действия без ориентира на обыденные представления о морали, справедливости, честности и прочее. Это еще и круглосуточное решение внешних и внутренних политических и экономических задач. Это денно и ночью реагировать на происки внешних и внутренних врагов.

Стоит взять за ориентир идею, ради достижения которой искали власти, а интересы государства поставить на второе место, как система начнет слабеть. Внешнее давление

будет увеличиваться. Если ничего не изменится, однажды государство раздавят вместе с командой, находящейся у власти. Как помидор колесом автомобиля — чпок, и нету...

Все носители мировоззренческой идеи (не важно, религиозной или светской), искали власти с целью запрячь государство в свою идею. На практике у всех получилось ровно наоборот — сами оказались запряженными в оглобли государства. Едва получив власть, они становятся орудием в руках государства, как Церковь стала оружием в руках Рима.

Процесс перерождения идейной команды выпукло виден на истории СССР. Как я писал в своей первой книге «Проект Россия», любая политическая партия, не важно, фашистская она или демократическая, коммунистическая, христианская или еще какая, по приходу к власти перерождается в свою противоположность.

Когда идейная команда только борется за власть, под ее знамена стягиваются воины духа, готовые на страдания и смерть ради идеи. *«Ему судьба готовила путь славный, имя громкое народного заступника, чахотку и Сибирь».* (Некрасов «Кому на Руси жить хорошо»). Суровые испытания выполняют роль очистительного огня. Они выжигают «соломенных» людей, выводят из партийного организма шлаки — ищущих выгоды или просто случайных людей. Оставшихся же «железных» сплавляют в стальной монолит.

Когда партия получает власть, возникают новые условия. Если борющаяся партия несла своим членам страдания, то победившая несет привилегии. Разные условия стягивают и объединяют разных людей. На выгоду в партию-победительницу, как мухи на мед, стягиваются обыватели-карьеристы и приспособленцы. *«Опутали революцию обывательщины нити/ Страшнее Врангеля обывательский быт/ Скорее головы канарейкам сверните/ Чтоб коммунизм канарейками не был побит!»* (Маяковский «О дряни»).

В 1922 году Ленин писал: «Соблазн вступления в правительственную партию в настоящее время гигантский... Если не закрывать себе глаза на действительность, то надо признать, что в настоящее время... политика партии определяется не ее составом, а громадным, безраздельным авторитетом того тончайшего слоя, который можно назвать старой партийной гвардией. Достаточно небольшой внутренней борьбы в этом слое, и авторитет его будет если не подорван, то во всяком случае ослаблен настолько, что решение будет уже зависеть не от него».

Ленин судорожно ищет способ защититься от хлынувшего потока карьеристов и приспособленцев, грозившего утопить и растворить в себе горстку революционеров. Он предлагает всемерно затруднить прием в партию, ограничить численность партии, но все это были полумеры. Получившая власть партия росла как снежный ком. Она сдала теорию коммунизма в институт марксизма-ленинизма, а лозунги в музей революции. Равенство было кратким эпизодом. Стремительно возвращалось неравенство, бедность и богатство.

При феодализме и капитализме элита не скрывала привилегированного положения. При феодализме положение элит обосновывала религия, говоря, что так Бог устроил. При капитализме положение элит оправдывал гуманизм, говоривший, что все равны и имеют свободу и права реализовывать свои таланты. Советская элита не могла обосновать свое приоритетное положение, опираясь на лежащую в основе системы конструкцию. Более того, ее положение прямо противоречило коммунистической теории, что вынуждало элиту лицемерить. И чем выше было ее положение, тем кошмарнее было ее лицемерие. В этом была сермяжная правда, пробившая естественное русло в неестественных условиях.

Во времена феодализма новые кандидаты во власть свергали правящую элиту, имея на руках теорию, что у них больше прав на трон. По факту теория коммунизма стала теорией-инструментом, которым одна элита оправдывала свержение другой. Система как была иерархичной пирамидой, такой и осталась. Изменились бантики, но не суть.

Идея, за которую вчера умирали, теперь выхолащивается, обрастает канцеляризмами и умирает. Пока еще живы старые борцы, партия сохраняет первичное лицо. Но вместе с нарастающим потоком карьеристов растет накал внутрипартийной драки за посты. Этот бюрократически-аппаратный огонь выжигает все живое изнутри и партия быстро хиреет.

Все теперь решает не бескорыстная преданность идее, а приемы бюрократической борьбы. Побеждает, кто умеет подставить товарища и лучше гнется перед начальником. Искренние носители идеи в такой борьбе всегда оказываются побежденными.

Работает закон «Подобное притягивает подобное». Чтобы укрепить свое положение, победители окружают себя подобными себе, для кого идея — пустой звук, инструмент в деле удержания своего положения и расширения своих полномочий. Если в борющейся партии уплотнения (группировки) возникали только вокруг идейных моментов, то в победившей партии группировки возникают по меркантильным поводам.

Как раньше идейные группы выдавливали одиночек, проникших в ряды партии с меркантильными целями, так теперь идет тот же процесс, но с обратным знаком — меркантильные группы выдавливают идейных одиночек.

Между рядовыми членами партии и партбоссами встает стена непонимания. Видя предательство идеи, рядовые партийцы или сами пускаются во все тяжкие, или идут на компромиссы, приспособляясь к новым условиям, или безрезультатно ищут правды. Так как трудно найти черную кошку в темной комнате, особенно если ее там нет, все эти люди так или иначе покидают партийные ряды (упорных выносят вперед ногами).

Ставшие на службу государству коммунисты уничтожали вчерашних соратников так же, как и поклонившиеся императору христиане уничтожали вчерашних единоверцев. КПСС установила монополию на звание коммуниста, как Церковь на звание христианина. Все, кто не в КПСС, назывались не коммунистами, а троцкистами, оппортунистами и прочее. Все, кто не входил в состав государственной Церкви, так же назывались не христианами, а еретиками, сектантами и прочее.

Государственные христиане с государственными коммунистами удивительно схожи. Не зря Гитлер называл коммунизм внебрачным дитем христианства (кстати, к нацизму это тоже применимо). О Церкви он отзывался негативно: «Церковь ищет выход, утверждая, что библейские сюжеты не следует понимать буквально. Скажи это кто-нибудь 400 лет тому назад, его бы точно сожгли на костре под молебны» (Гитлер «Застольные беседы»)

Рождается новая атмосфера, расцветают сопутствующие идейному вакууму болезни — начетничество и лицемерие. Потом коррупция и кумовство. Меняется кадровый состав. На смену политкомиссарам приходят политкоммерсанты. Революционно-идеологическую элиту в лучшем случае сменяет административно-хозяйственный актив. Вместо вождей теперь вершину некогда идейной партии занимают честные завхозы. В худшем — воры. Все они говорят с трибун о преданности идее, но «По плодам их узнаете их» (Мф. 7-20).

Вчерашние пламенные революционеры или гибнут во внутрипартийных разборках, или превращаются в винтики государственной машины — в госслужащих. Но так как правила игры требуют от госслужащих называть себя идейными, они называют. Но сами не верят в то, что говорят. Для них это просто выгодная работа.

Некогда идейная партия превращается в политическую. Идейная имеет в себе много людей, понимавших власть инструментом реализации идеи. В политической партии нет ни одного, кто смотрел бы на власть как на инструмент. Там все ищет власть ради самой власти. «Партия стремится к власти исключительно ради неё самой» (Оруэлл. «1984»).

До объявления христианского учения государственным Церковь ориентировалась на христианские догмы. После объявления христианского учения государственным ориентир Церкви кардинально меняется. Теперь ее путеводная звезда — государственные интересы.

Под копирку история повторяется с коммунистической партией. До прихода к власти она ориентировалась на догмы коммунизма. По приходу во власть ее ориентиром становятся интересы государства. Она сливается с ним, рассматривая идею коммунизма как инструмент служения государству. Если благо государства требует от партии идти в обратную от идеи сторону, она идет. Цель, ради которой все затевалось, полностью уходит из поля зрения и дальше трибун теперь не ходит. Теперь она вся нарядная, с ног до головы обвешана красивыми лозунгами, сидит на почетном месте в красном уголке.

Наиболее наглядно иллюстрирует историю перерождения коммунистической партии в придаток государства формула, произносимая солдатом Красной Армии при получении им награды. В начале пути большевики говорили: «Служу трудовому народу!». А в конце «Служу Советскому Союзу!». В этом глубокий смысл. В первой фразе народ — символ коммунизма. Служу народу — служу идее. А в «Служу Советскому Союзу» четко звучит — служу государству. Служба идее кончилась. Началась служба хозяину — государству.

История любого идейного движения свидетельствует, что власть получают разными способами, но удерживают одним — работой на систему. Все искавшие власти ради идеи были зажеваны медленными челюстями системы. Люди были мухи, а государствопауком и паутиной в одном лице. Кто из попавших в паутину пытался ориентироваться на идею, а не государство, того государство в лице его бывших соратников убивало. Выживал тот, кто становился отступником идеи и работал теперь на государство.

Нельзя заподозрить в лукавстве людей, умиравших и убивавших за идею. Но если при фанатичном упорстве на пределе человеческих возможностей никому и никогда не удалось, получив власть, сохранить курс на идею, из этого следует, что сам ориентир на взятие власти ошибка. Следовательно, все шаги в этом направлении тоже ошибочные.

Для нас, носителей мировоззренческой идеи, сама мысль реализовать наши замыслы с помощью взятия власти в государстве — это капкан, из которого еще никому не удалось вырваться. Так не будем же в него попадаться... Не соблазнимся благами власти.

Власть дает пряники в виде земных благ, денег и тщеславия, взамен забирая время и силы. Пряники — это хорошо, но, если цена — потеря всех шансов на достижение смерти — прочь от всякой политики. Моя цель — смерть победить, а не пряников наесться. Кроме того, если задача решится, пряники никуда не денутся. А не решится... Тогда какая разница, с пряниками умирать или без...

В заключение скажу, что даже если мы возьмем власть и как-то изловчимся уйти от работы на государство (не знаю как, но допустим) и направим его ресурсы на преодоление смерти, то и это путь в никуда. Как было сказано выше, идейно ориентированное государство соседи раздавят. Так что в сторону взятия власти в государстве даже смотреть нет смысла. «Туда, где кончается государство, — туда смотрите, братья мои!»(Ф. Ницше).

ВТОРАЯ ЧАСТЬ КОНЦЕПЦИЯ

Демократия

Перестроить мировую систему можно только силами мировой системы. Для запуска процесса нужен соответствующий детонатор — ресурс государства. Получить этот ресурс через взятие власти нам не подходит, потому что заранее понятно, что в итоге придется не реализацией идеи заниматься, а заведовать хозяйством и социальные проблемы решать.

Нам нужно искать способ, как получить государственный ресурс, но при этом не оказаться уловленным в сети текущей политики, экономики, социалки и прочих бытовых и обыденных проблем. Для этого нужно уловить корни мировой системы — ее нерв.

Природу и контуры всякой системы задает движущая сила. Этой силой являются западные государства. Понимание корня мировой системы сводится к пониманию природы этих государств. Так как они заявляют себя либерально-демократическими, нерв системы нужно искать в демократии. Все остальное — инженерные и технические задачи.

Ключевой признак демократии — осознанный выбор. Без выбора нет демократии. Совершить такой выбор можно при условии, если у выбирающего есть знания об объекте. Если знаний нет, это что угодно, гадание, манипуляция, но только не осознанный выбор.

Например, вы не можете выбрать из двух лекарств нужное, если не имеете знаний о них. Посредством психологического и физического насилия вас можно побудить сделать

действие, внешне похожее на свободный и осознанный выбор. Но по факту ваш «выбор» будет продуктом манипуляции того, кто подтолкнул вас к нужному ему действию.

Единственный вариант сделать выбор и не стать объектом манипуляции — иметь знания. Переложу это утверждение на демократическую теорию. Она заявляет, что народ из множества кандидатов во власть способен осознанно выбрать самых достойных. Но для этого у народа должны быть соответствующие знания. Нет знаний — нет выбора. Нет выбора — нет демократии. Демократия реальна, если система может всем дать знания.

Но увы, это даже в теории невозможно. Во-первых, не все могут усвоить нужный объем информации. Во-вторых, одни не захотят тратить силы и время на усвоение таких знаний, другие не смогут по тысячи разных причин. В-третьих, часть необходимых знаний — государственная тайна, разглашение которой приведет к обрушению системы.

Но проигнорируем здравый смысл и представим невозможное — представим, что все люди способны и готовы, и имеют время и силы получать необходимые знания. Что им можно поведать информацию, составляющую государственную тайну, и никаких проблем не случится. И вот перед этими волшебными людьми два кандидата во власть. Один строит свою избирательную кампанию с целью давать знания — рассказывает про политические, экономические и прочие тонкости. Другой манипулирует — говорит то, что от него хотят слышать, чтобы понравиться, обещая выполнить наказы избирателей. Ну и не забывает петь и плясать, милые шуточки отпускать, кулаком грозить врагам народа и слезу пускать от переполняющей его любви к избирателям.

Полагаю, не нужно доказывать, что первый с треском проиграет второму. Система так устроена, что реальный шанс получить власть имеет тот, чья выборная кампания устроена по принципу коммерческой рекламы — никому ничего не объяснять. Упорна на эмоции, побуждающие к нужному рекламодателю действию. Полноценно информировать покупателя о товаре и услуге — такой цели нет ни у одной рекламы на свете. Все стоят на базовом принципе торговли «не обманешь, не продашь». Аналогично нет в мире ни одной предвыборной кампании, нацеленной давать избирателям знания. Все нацелены на тот или иной вид соблазнения человека, на манипуляцию его сознанием и эмоциями.

Кандидатов во власть, конкурирующих за голоса избирателей, можно представить в виде кока-колы и пепси-колы, конкурирующих за кошельки покупателей. Принципиальной разницы между двумя этими напитками нет. Но так как обе фирмы-производителя хотят, чтобы их продукцию купили, и они прибыль получили, между ними идет конкуренция.

Если бы реклама кока-колы давала полноценные знания о продукте, его химическом составе, к чему ведет его употребление и так далее, а реклама пепси-кола строилась на эмоциональных образах, как ее весело и беззаботно пить, и мир вокруг меняется, как под экстази, первая гарантированно проиграла бы второй битву за покупателя. Конкуренция выдала бы с рынка компанию, не соответствующую правилам игры. А правила просты: манипулировать сознанием.

Аналогично с демократическими выборами, если бы один кандидат рассказывал избирателям реальное положение дел, не давая невыполнимых обещаний, а другой говорил бы, какой он умный и хороший и ему любое дело по плечу, первый гарантированно проиграл бы второму.

Политическая конкуренция работает так же эффективно, как экономическая — выдавливает со сцены фигур, не соответствующих правилам игры. А правила там как в коммерции: не обманешь — не выберешься во власть. Коммерческие конкуренты ищут, как побудить покупателя купить у них, а не у конкурента. Демократические конкуренты ищут, как побудить избирателя отдать им свой голос, а не конкуренту. Как этого добиться — не важно. Важно добиться.

Вчера путь во власть лежал через «кто кого перестреляет». Сегодня лежит через «кто кого переобещает». Внутриполитическая борьба сегодня сводится к охмурению масс с помощью лозунгов из серии «понизить налоги, повысить зарплаты и ЖКХ сократить». Народу обещают то, что он хочет слышать. Чтобы знать, что именно обещать, политики

анализируют запросы в интернете, проводят разные опросы, и в итоге побуждают людей высказывать мнение относительно сфер, в которых они ничего не понимают. Люди думают, что выбирают конфету, но реально всегда выбирают фантик.

«Толпа — баранье стадо. Куда козел, туда и она. Куда хочешь повернешь. А вот на Сухаревке попробуй! Мужичку в одиночку втолкуй, какому-нибудь коблу лесному, а еще труднее — кулугуру степному, да заставь его в лавку зайти, да уговори его ненужное купить. Это, брат, не с толпой под Девичьим, а в сто раз потруднее! А у меня за тридцать лет на Сухаревке никто мимо лавки не прошел. А ты — толпа. Толпу... зимой купаться уговори!» (Гиляровский, «Москва и Москвичи»).

Большинство избирателей по факту — бородатые дети. Они живут исключительно эмоциями, принимают решения в моменте, никогда не анализируют свои поступки не потому, что не могут, а потому что им в голову не приходит такая мысль. У них на горизонте нет таких понятий, и они не знают об их существовании. Рядовой человек все мерит обыденным масштабом, оценивает через бытовую призму, и не представляет, как еще можно смотреть на реальность. Народ относительно глобальных вопросов — ребенок. Его единственное отличие от ребенка — размер туловища и число прожитых лет. Чтобы правильно воспринимать, что представляют собой взрослые люди, представьте 5-7 летних детей. На их лицах маска взрослого человека. Их голос преобразует программа, и он звучит как у взрослого. На них специальный костюм, увеличивающий размеры тела.

Прежде чем побуждать народ рекламными технологиями совершить действие, требующее интеллекта и масштаба, спросите себя, можно ли требовать этих действий с семилетних детей? Если можно, тогда все в порядке. Если нельзя, но в силу каких-то причин нужно, тогда отдавайте себе отчет, что это не партнерство и диалог, а обычная манипуляция. Называние вещей своими именами очень полезно во всяком сложном деле.

Итак, мы твердо установили, что абсолютное большинство граждан старше 18 лет не имеют и не могут иметь необходимые для осознанного выбора знания. Теперь осталось объяснить, на каких основаниях Конституция наделяет всех правом выбора. Может, она исходит из того, что для осознанного выбора нужны знания? Или что избирателю знания об избираемом предмете не обязательны, достаточно внешних контуров и лозунгов?

Если это действительно так, почему бы не дать народу право выбирать нобелевских лауреатов по физике? Они как раз знают об этой сфере примерно столько же, сколько и об устройстве государства и власти. Начались бы всенародные выборы на тему, какому открытию присудить премию. С одной стороны нейтринные осцилляции, доказывающие, что у нейтрино есть масса. С другой механизм понимания происхождения масс элементарных частиц. Или вы думаете, народ не настолько глуп, чтобы выбирать то, о чем не имеет понятия? Если правда так думаете, вы серьезно заблуждаетесь.

Политтехнологи запросто устроят шоу «всенародные выборы нобелевских лауреатов по физике». СМИ расскажут, что народ у нас не дурак, что смекалистый и мудрый. И ему хоть руководителя страны выбрать, хоть нобелевского лауреата — все нипочем. Далее заклеят город плакатами с героическими лицами кандидатов на нобелевскую премию. Под каждым напишут лозунги в стиле «За науку! За счастье!». Заполонят эфир роликами, рассказывающими, как кандидаты будут мощно двигать науку, не щадя живота своего. В подтверждение устроят всяческие шоу, показывающие достоинства кандидатов.

Народ, накаченный такой информацией, пойдет голосовать. Только Нобелевскую премию при такой технологии ни один ученый не получит. Через горнило всенародных выборов пройдут только шоумены — кто в физике ни бельмеса, но умеет обещать, петь и плясать, по-доброму улыбаться, по-отечески грозить пальчиком шалунам и прочее.

"Если бы в какой угодно город прибыл оратор и врач и если бы в Народном собрании или в любом ином собрании зашел спор, кого из двоих выбрать врачом, то на врача никто бы и смотреть не стал, а выбрали бы того, кто владеет словом... потому, что не существует предмета, о котором оратор не сказал бы убедительнее перед толпой, чем любой из знатоков своего дела... Оратор способен выступить против любого противника и

по любому поводу так, что убедит толпу скорее всякого другого; короче говоря, он достигнет всего, чего ни пожелает». (Платон «Горгий»).

Государство — гигантский и сложный объект. Для управления им нужно охватывать множество секторов, внешняя политика и экономика, внутренняя, приоритеты, угрозы. До мелочей все знать не надо, для этого есть узкие специалисты, но в одно целое охватывать нужно. Для этого мало уметь петь и плясать, тут нужен ум государственного масштаба.

Как народ определит, у кого из кандидатов во власть есть эти качества, а у кого нет? По обещаниям «За все хорошее и против всего плохого»? Или посредством разглядывания портрета шоумена? Может, через изучение предвыборного лозунга «за счастье и мир»?

Церковь утверждает, что младенцу во время крещения дается такая благодать, что он без всяких усилий вмещает мировоззренческое учение и становится его носителем (а что рассказать не может, так это ничего). Государство ничего такого не утверждает. Но судя по тому, что дает всякому гражданину старше 18 лет право выбирать власть, оно верит, что с наступлением совершеннолетия или в момент принятия гражданства у человека каким-то волшебным образом появляются необходимые для осознанного выбора знания.

Чтобы увидеть лицо демократии, представьте хозяина конфетной фабрики, который развернул кампанию за право детей распоряжаться детсадовским бюджетом. Если ему кто говорит, что у детей нет знаний для такого выбора, он отвечает, что это не так, что наши дети ого-го, в чем угодно могут разобраться. А кто упорствует, на того он вешает клеймо противника демократии, а значит, гуманизма и прогресса. И говорит, что кто противник этого, тот явный или скрытый фашист. Люди из боязни таких обвинений соглашаются, что да, наши дети — это ого-го, какие способные. В чем угодно могут разобраться...

И вот этот добрый человек добился для детей права выбирать и быть избранными. Первым делом карапузы выбрали из своих рядов власть. Детсадовские избранники сидят прям как взрослые, решают, куда пустить отопительный бюджет детсада — на отопление или конфеты. Выбор такого правительства на 100% предсказуем. Но когда наступит зима и детский сад начнет замерзать, никто из «избирателей» и «правителей» не поймет, что происходящее сейчас является прямым следствием реализации их прав и свобод. Они будут искать причину в чем угодно, но только не в кривой системе, что гарантирует крах.

Круг замкнулся: *у народа нет знаний; без знаний нет выбора; без выбора нет демократии.* Как пишет Руссо, если бы народ состоял из богов, демократия была бы идеальной формой правления. Но столь идеальное правление не годится для людей. Люди не имеют времени заниматься общественными делами (плюс невозможность совершить осознанный выбор из-за невозможности получить необходимые для этого знания).

Руссо приходит к выводу, что единственной формой государственного правления может быть только монархия. В переводе с греческого монархия означает власть одного (моно — один; архия — власть). Он упускает один важнейший момент — монархия есть политическая система, где правитель позиционирован божьим помазанником. В основе всей системы лежит религия. Первейший признак монархии — там культ религии есть государственное дело. Если народ перестанет верить в Бога, следом он перестанет верить, что его правитель есть божий ставленник.

Сегодня во всех развитых странах население не верующее. Ни о какой монархии тут даже речь быть не может. Возможна только кукольная монархия, где от монархии только слово. Вместо властвующего правителя там кукла по имени монарх. Никакой власти она не имеет. На этого «монарха» смотрят как на культурную традицию, бантик на фасаде.

В заключение скажу, что я не отрицаю демократические принципы, не говорю, что они невозможны. Возможны. Но в малых коллективах, вроде древнегреческого полиса или малого поселения, где люди осознанно выбирают, потому что знают друг друга не по клипам и листовкам, а по жизни. Знают, что этот хозяйственный и непьющий мужик, а этот пьяница и лентяй. Эти знания позволяют сознательно выбирать старосту деревни.

Но невозможно применить такую технологию формирования власти на большие коллективы. Никакой народ, будь он хоть семи пядей во лбу, не выберет руководителя армии или экономики, а тем более президента — руководителя всего этого вместе.

Страусы

Когда люди впервые открывают суть системы, именуемой демократией, они меня в письмах спрашивают, неужели никто не понимает постановочный характер выборов? Я отвечаю, что да, большинство не понимает. А если единицы и понимают, так что с того?

Все понимают, что реслинг, эпичная битва здоровых мужиков — постановка. Но это никак не вредит ее популярности в Америке. А если бы народ не знал, если бы принимал спектакль за чистую монету, популярность реслинга была бы в разы выше.

Единицы понимают постановочный характер всенародных выборов, но и они ходят «голосовать» так же, как рядовые люди, принимающие все за чистую монету. Я лично знаю людей, организующих эти спектакли-выборы, и сами же ходящие на них. Наверное, так постановщики реслинга ходят на свои шоу, чтобы вживую посмотреть на плоды своего труда и атмосферой спектакля пропитываться. Но основная масса избирателей принимает это действие своим волеизъявлением. Максимум, они могут подозревать нечестность при подсчете голосов и прочие «бантиковые» нарушения. Но увидеть порочность демократии в ее сути — это за рамками их масштаба. Что бы я тут не писал, львиная доля избирателей никогда не поймет, что они в демократическом спектакле в роли театрального реквизита. Эти китайские болванчики голосуют за тех, кто лучше выглядит и больше им обещает.

Простые люди являются базой либерально-демократической системы. Признаком простоты выступает не интеллект, материальное положение и социальный статус, только масштаб мышления. Будь вы хоть нобелевский лауреат по физике или самый высокий чиновник, самый богатый бизнесмен и прочее, если ваше мышление ограничено обыденным масштабом, вы ничем не отличаетесь от рядового примитива-обывателя.

Невозможно выяснить настоящее отношение к демократии у простых людей через прямые опросы. Люди к любому светскому учению демонстрируют тот же уровень веры, что верующие относительно религии. Во все века знание им заменяют бантики — мифы, традиции, обряды, ритуалы. Они не понимают суть своей веры. Они «просто верят». Во что именно верят — они того сами толком никогда не знают.

Религиозную грамотность «иллюстрирует» предреволюционный анекдотичный отчет епископа в Синод о состоянии веры. Он пишет, что спросил бабушку: «Во что веруешь, Акулина?» Та в ответ затянула: «В Господа нашего Иисуса Христа, Сына Божьего». Епископ поинтересовался: «А знаешь ли ты, Акулина, за что его распяли?» Бабушка пошамкала губами, на секунду задумалась и выдала: «Значит, было за что»... («Проект Россия»).

Я за всю жизнь не встретил ни одного верующего, да что там верующего, ни одного монаха, способного объяснить, во что же он верит (я очень со многими общался, так как в прошлом сам из той среды). Представляете, человек отрекся от мира, и при этом понятия не имеет, ради чего же отрекся. Учение им заменяют религиозные традиции и обряды. Они не собираются вникать в суть своей веры. Они творят себе кумира, которому слепо и фанатично поклоняются, ощущая в себе во время этого сакральные нотки откровения.

Лидер старообрядцев протопоп Аввакум призывал умирать «за единый аз» — стоять насмерть за то, чтобы ни единой буквы не изменить в русской Библии. Иудейские жрецы, саддукеи, тоже стояли насмерть «за единый аз» — охраняли Тору (Закон, первые пять книг Библии), чтобы ни одна черта и йота там не изменилась (черта — пометка к букве; йота — самая маленькая по написанию буква еврейского алфавита). Христос говорит про Закон (Тору), что пока «не преидет небо и земля, ни одна йота или ни одна черта не преидет из Закона, пока не исполнится все». (Мф.5,18).

Понятно, почему иудейские жрецы занимают такую позицию. Если текст написан самим Богом, то теперь там каждый знак играет смысл, и нельзя допустить его изменения, как в формуле нельзя убрать ни одной запятой. Но почему из перевода Библии с древних языков на русский нельзя убрать или добавить ни единой буквы? Может быть, Аввакум полагал, что перевод с древнегреческого на русский сам Бог сделал? Если так, тогда его призыв, как и позиция саддукеев, понятна. Но если бы он так действительно считал, то хоть бы одним словом про это обмолвился. Но он ничего такого он не говорит. Тогда зачем же он призывает насмерть стоять за сохранность одного перевода, но не предлагает так же стоять за другие? Чем тот вариант «божественнее» других? Вряд ли Аввакум задавался подобными вопросами. Он сотворил себе кумира и слепо поклонялся ему.

Его примеру следуют сотни миллионов верующих — они творят себе кумиров и обожествляют их. Рядовому верующему в голову не может прийти осмысливать их. Сама мысль в этом направлении для него выглядит богохульством.

Точно так же и современным носителям в голову не придет осмысливать с философской точки зрения свои догмы-лозунги «свобода, равенство, братство». Для людей решающее значение имеет не смысл, а эмоции, возникающие при поклонении кумирам. Внешние признаки не показывают реального отношения людей к учению.

Аналогично и в догмы либерально-демократической теории фанатично верят сотни миллионов людей, не помышляя погружаться в суть этой теории. Как в средние века все жители Европы были пропитаны до мозга костей христианским учением, так сегодня все жители ведущих стран мира до мозга костей пропитаны либерально-демократическим учением. В какой мере христианство — религия прошлого, в такой мере демократия — религия современности. Современный среднестатистический человек так же слепо верит в демократические догмы, как среднестатистический верующий верит в свои догмы.

Люди, накаченные обрядами, лозунгами и традициями демократической религии, так же готовы за них насмерть стоять, как верующие за привычные религиозные догмы. Нет смысла разговаривать с ними на эти темы рационально. У верующих способность мыслить отключается, как только дело касается кумира, которому он поклоняется.

Чтобы увидеть, как на самом деле обстоят дела, нужно не разговоры разговаривать с людьми, а на их дела смотреть. Как я люблю повторять, не говорите мне, во что вы верите. Скажите мне, на что вы тратите свое время, силы и деньги, и я скажу вам, во что верите, а про что только слова говорите.

Смотрим на дела религиозных верующих, и видим, что абсолютное большинство тратит свои ресурсы не на то, что заявляют истиной. Они не следуют словам Христа: *«если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною, ибо кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее, а кто потеряет душу свою ради Меня, тот обретет ее; какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит? или какой выкуп даст человек за душу свою?»* (Мф.16,24-26). Они говорят про это слова, а ресурсы свои тратят на бытовые и обыденные цели. Вот это их истина. Лишь единицы из единиц берут за ориентир то, что они заявляют истиной.

Подлинное отношение людей к демократическим догмам показывают опросы на тему, какие места в системе ценностей занимают политические права, свобода слова, избирательное право и прочее. В России и на Западе они в первую десятку ценностей не попадают. Во вторую с трудом только в некоторых демократических странах попадают...

Через это люди говорят, что реально им никакая демократия с ее бесконечными выборами и политическим словоблудием не нужна. Им нужна безопасная, стабильная и сытая жизнь, работа, тепло, еда и набор простых удовольствий. Больше ничего не нужно.

Следовательно, либерально-демократические ценности — бумажные абстракции. Демократические акулины ничем не отличаются от религиозных. Тем и другим внушили набор «святых истин», суть которых они никогда в жизни не пытались осмыслить.

Так как эти акулины никогда не видят корня проблемы, они являются идеальным политическим мясом (по аналогии с пушечным мясом). Им говорят, что паровоз не летит

только потому, что в нем сидит плохой машинист. А вот если место машиниста займут они (оппозиционные партии, пользующиеся мясом), тогда «...пойдет уж музыка не та: У нас запляшут лес и горы!» (Крылов «Квартет»). Наслушавшись этой логики, у демократизированных кипит разум возмущенный, и они становятся борцами за демократию (чего в природе нет).

Объяснять большинству реальное положение дел совершенно бесполезно. Они не могут ничего услышать против своей веры. Оптимально смотреть на них как на стихию. Не нужно взывать к их разуму (он занят). С такими людьми действительны иные технологии.

Есть единицы, способны мыслить в таком масштабе. Они не отрицают фактов. Все так, — говорят они, — все правильно. Но как бы ни называлась существующая система, по сравнению с предыдущими политическими конструкциями она оптимальна.

В качестве подтверждения своих слов приводят материальный уровень жизни, права и свободы, отсутствие глобальной войны вот уже 75 лет (на 2020 год). Древнеримское выражение говорит «После того, не значит, вследствие того». С чего эти достижения нам нужно приписывать демократии? Если бы было несколько параллельных Вселенных, где в одной ведущей была либерально-демократическая конструкция, а в других иные, и другие отставали бы, тогда можно было говорить о большей эффективности демократии. Но нам известна одна Вселенная, и сравнивать не с чем. А значит, объявлять причиной успехов демократию нет шансов. У мира и благополучия могут быть иные причины.

Тот факт, что 75 лет нет мировой войны — результат технического развития. Родив атомную бомбу, он исключил прямое столкновение ведущих мировых держав, а значит, мировую войну. Материальный достаток имеет тот же источник. Наука запрягла работать на человека силы природы, породив невиданный ранее материальный уровень. Так как сытые люди всегда добрее, из сытости последовали права и свободы. Единственное право, рожденное либеральной демократией — это право избирать власть, не имея знаний.

Так как научно-технический прогресс шел во времена монархии, когда демократией и не пахло, у сторонников либерально-демократической религии нет шанса сказать, что прогресс — порождение демократического строя.

Не исключено, что большие плоды дала бы аристократия (власть лучших) или иные формы правления. Но про это сегодня никто не думает. Даже говорить что-то против демократии дурной тон, как в средние века было дурным тоном что-то говорить против религии. Большинство предпочитает не думать о том, о чем не было команды думать.

Демократия лежит в основании современного общества, как в прошлом религия. Но у нее нет того уровня одобрения, какое было у религии. Религиозное общество стояло на вере в то, что мир создан Богом, который хочет от людей исполнения его воли, диктуемой через религиозные институты. Демократическое общество стоит на том, что социум — это совокупность людей с общими интересами. Из этого заключается, что люди могут сами собой управлять, выбирать из своей среды правителей для принятия ими политических решений. Но практика показывает, что такого общества никогда не было в реальности.

Социум состоит из групп с противоречивыми и взаимоисключающими интересами. К власти никогда не приходит группа, представляющая интересы всего общества. Если даже закрыть глаза на то, что демократия есть абсолютная фикция и исходить из того, что люди реально выбирают власть, тогда и в этом случае налицо непреодолимые пороки. Во власти всегда оказываются лица, представляющие интересы части общества. Интересы другой части общества, чьи кандидаты не прошли, никем не представлены.

Ситуация для демократии хуже, чем для христианства времен Галилея. Тогда власть Церкви в духовных делах и монархия одобрялась почти всем населением. Когда Галилей начал продвигать антихристианскую информацию, разбивающую фундамент религии, оно повлияла только на узкую группу людей, кто мог понять истину расчетов Галилея. Кто не мог (а это 99,99% населения) те как до Галилея считали себя верующими, так и после него продолжали считать (и по сей день считают). Но 0,01% понимающих людей оказалось достаточно, чтобы христианская цивилизация начала оседать и в итоге разрушилась.

Антидемократическая информация показывает не снимаемый конфликт либерально-демократической теории и практики. По существу тут возразить нечего. Но увидят это не все, а 0,01% населения. Остальные как считали, что они выбирают власть, так и дальше будут. Но понимающих будет достаточно, чтобы рухнул либерально-демократический колосс с золотой головой и стальным туловищем — самой мощной в мире экономикой и армией, но глиняными ногами (не снимаемый конфликт теории и практики). Наш мир «... как все земные боги:/ Из бронзы — лоб, из глины — ноги» (Байрон, «Ода Наполеону»).

Фактор

Представьте, по закону предприятия, высшее руководство которых формируется по либерально-демократическому принципу, положены большие привилегии и бонусы. Ради них многие компании заявляют, что их высшее руководство формируется на принципах демократии — избирается рядовыми работниками на временный срок. Максимум — 4-5-6 месяцев, и не более двух сроков — максимум, 8-10-12 месяцев. Избранный руководитель может быть гением всех времен и народов, он все равно уйдет по истечении этого срока.

Думаю, не нужно доказывать, что при такой текучке высшего руководства компания развалится. Но что вы скажете, если каждые полгода-год работники компании избирают нового руководителя, старый директор со своей командой освобождают кабинеты новому директору и его команде. И компания не разваливается, а сохраняется и даже развивается.

Наверное, вы скажете, что такого не может быть. И приведете умозрительные доказательства. Например, если представить армию, где генералов не Генштаб назначает, а они выбираются на всесолдатских выборах (по аналогии со всенародными), такая армия со 100% гарантией будет недееспособной. При столкновении с армией, где генералов не солдаты выбирают, а Генштаб назначает, либерально-демократическая армия будет убита.

Если представить предприятие, где высшее руководство формируется через выборы либерально-демократического типа, оно со 100% вероятностью проиграет конкурентную борьбу предприятию, где нет такой сумасшедшей текучки высших кадров.

Но что вы будете думать, если вас приведут за ручку на предприятие, где вы своими глазами увидите, как работники голосуют — всенародно выбирают гендиректора. Где из директорского кабинета систематически выезжает прежний директор, чей срок кончился, и на его место заезжает новый, за которого проголосовало большинство работников.

Единственное объяснение, какое вы сможете придумать для такой ситуации — на предприятии либерально-демократический принцип реализуется для видимости. Реально выборы имеют бутафорский характер, а выбранный руководитель — подставное лицо.

Но что, если рядовые работники уверены, что они реально выбирают власть? Как вы это объясните? Скорее всего, скажете, что тот, кто устраивает этот спектакль, чтобы не было проблем, все делает так, чтобы простые люди принимали это шоу за чистую монету.

Для вас все внешние атрибуты не будут ничего значить. Потому что вы знаете, что никакое производство, армия, СМИ и любые другие модели, не важно, социальные они или производственные, журналистские или армейские, не могут существовать при такой текучке. Тот факт, что они не развалились и живут, указывают, что принцип временности власти у них только для вида. В реальности власть там имеет принцип постоянства.

Сохраняя пропорции, я утверждаю, что менять каждые 4-5-6 лет правителя страны — это то же самое, что менять каждые 4-5-6 месяцев гендиректора на предприятии. При такой текучке система может сохраниться только в одном случае — если за спиной временщиков стоит постоянная несменяемая сила, не зависящая ни от каких выборов.

Явное

С высоты этого факта рассмотрим современную мировую систему. Ее природу определяет природа ведущих государств. Все они заявляют себя демократическими. Это

значит, что у них постоянная текучка высших руководящих кадров. Но при такой текучке система не может существовать. Если же она существует, из этого следует, что текучки нет. Следовательно, заявления о своей демократичности не более, чем надпись на фасаде. Чтобы увидеть, как обстоят дела на самом деле, приглашаю заглянуть за фасад.

Начну с декларации базовых требований либеральной демократии. Первое: власть должна возникать в результате выборов. Не назначаться, захватываться, появляться в результате психического насилия или широкомасштабной манипуляции, а избираться. Из первой догмы демократии вытекает вторая: чтобы власть была избираемой, она должна быть временной. Если власть постоянная, избирать нечего.

Как квадрат не может быть круглым, так либерально-демократический президент не может быть постоянным. Несменяемый демократический правитель — это оксюморон, сочетание несочетаемого. Постоянная власть несовместима с демократической теорией.

Все ведущие государства делятся на две группы. Одни явно нарушают базовые догмы либерально-демократической теории, другие тайно. Начну с явных нарушителей. Они бывают двух видов. У одних есть идея, для реализации которой нужен государственный ресурс, и вокруг этой идеи формируется команда. У других нет идеи, и как следствие, идейной команды. В лучшем случае за правителем без идеи стоят его родные/друзья/знакомые.

Лидеры идейных и приятельских команд равно нуждаются в обосновании права на власть. Оптимальный вариант — объявить себя божьим помазанником. Если народ видит своего правителя ставленником от Бога, его положение максимально прочно. Но чтобы народ видел в императоре, цезаре, кесаре, кайзере, царе, короле, султани, додже и прочее, представителя Бога, а не куклу ряженую, он должен верить в Бога. В противном случае, если народ не религиозен, у правителя нет шанса стать царем — помазанником божьим.

Начиная с эпохи Просвещения религиозность ведущих стран стремительно падает. В новых условиях у правителей нет шанса заявить основанием своей власти религию. Еще Наполеон сокрушался по этому поводу, завидуя Македонскому, который делал свою власть легитимной, объявляя себя божеством. А если я объявлю себя чем-то в этом роде, — сетовал Наполеон, — надо мной будет смеяться последняя кухарка Франции.

Если невозможно сделать источником своей власти Бога, единственное, что остается — народ. Если правитель не божий помазанник, значит, всенародный избранник. Значит, народ должен периодически подтверждать свой выбор. Но так как лидер правящей партии настроен на установление диктатуры, проведение выборов с либерально-демократической частотой для него неприемлемо. Поэтому он ругает эту форму народовластия.

Например, Ленин, за спиной которого стояла партия большевиков, ругал западную демократию за ее лицемерие, не допускающее к власти простых людей. Он не заявлял, что любая кухарка потенциально может управлять государством. Он говорил: «Мы знаем, что любой чернорабочий и любая кухарка не способны сейчас же вступить в управление государством», но он считал, что в перспективе каждая кухарка способна обучиться этому делу. Но буржуи-гады не дают народу реализовать потенциал. А если коммунисты придут к власти, то народа станет править. Такую модель он называл не по-гречески словом демократия (демос — народ; кратия — власть) а по-русски — народовластием.

Гуманисты тоже считали, что народ имеет способности к самоуправлению, и потому называли модель, где власть принадлежит всем жителям, не демократией, властью демоса, граждан, а именно либеральной демократией. Были такие, кто считал, что если народ может сам собой управлять, то часть народа, солдаты, например, могут без командиров в армию образоваться и быть более эффективной военной силой, чем с командирами. Но история все быстро расставила по своим местам в армии и политике. Когда компартия получила власть, всенародные выборы в СССР превратились в еще большую карикатуру, чем на Западе. Жизнь и естество оказались сильнее благих мечтаний и намерений.

Гитлер, за спиной которого стояла национал-социалистическая партия, тоже ругал западную демократию. Он говорил, что народ — единственный правитель. Но злые евреи связали его по рукам-ногам. Но как только он придет к власти, все встанет на свои места.

Когда НСДПА пришла к власти, народовластие по-немецки выразилась в том, что выборы вообще исчезли. Формальным основанием его диктатуры было волеизъявление народа, наделившего любимого вождя пожизненной властью.

Можно ли назвать это волей народа — вопрос открытый. С одной стороны, люди реально любят своих вождей. Посмотрите, что творилось на похоронах Ленина, Сталина, Мао. В Северной Корее они плачут и давятся на похоронах, провожая своих вождей в последний путь. Если бы Германия сохранилась, на похоронах Гитлера было бы так же.

С другой стороны, репрессивный аппарат стоит на страже величества и выискивает неблагонадежных. Это создает давящую атмосферу. Людям неприятно бояться. В поисках выхода они убеждают самих себя, что ими движет не страх перед репрессиями, а любовь к своим вождям. В итоге они реально начинают любить своих вождей и их близких.

Сильно это качество проявилось в лагерях смерти. Кажется, нереально мыслить, что яркими сторонниками нацистской идеи могут быть заключенные там евреи. Но это было. Чтобы принять ситуацию, они пришли к выводу, что немцы действительно высшая раса.

Сторонниками нацистской идеи были не только немцы, но и евреи. Только так они могли объяснить себе, почему весь мир молчал, когда Гитлер шел к власти с открытыми антисемитскими лозунгами. Молчал, когда начал реализовывать их на деле. Так что на похоронах диктатора люди искренне плачут. Ситуация формирует поведение.

Теперь рассмотрим ситуацию, когда лозунги про власть народа открыто нарушаются правителем, за спиной которого стоит не идейная команда, а его друзья/приятели. Такая ситуация возникает, когда человек не хочет расставаться с властью или как ребенок с игрушкой, или когда это грозит ему нежелательными или неприемлемыми потерями. Про нежелательные — утрата каких-то активов. Про неприемлемые — когда всенародный избранник поругался с серьезными ребятами, и они имеют на него большой зуб. В роли этих ребят могут выступать как местная оппозиция, так и мировая англосаксонская элита.

Пока человек при власти, он в безопасности. Но стоит ему потерять власть, как у него могут быть самые печальные последствия. Естественно, в такой ситуации любой человек будет держаться за власть руками и зубами (если есть хвост, то еще и хвостом).

Правитель «по просьбам трудящихся» переделывает Конституцию под задачу, и под одобрительный гул толпы из временного правителя превращается в постоянного. Власть оказывается сосредоточена у него одного. По факту правитель становится монархом (власть одного). В этот момент он одевает корону, которая как бы прирастает к голове.

Во все века корона была опасным украшением. В большинстве случаев ее снимали только с головой. Для самозванных царей она смертельно опасное украшение. Она подобна бомбе на голове, взрывающаяся при первом резком движении, поражая не только монарха и его родственников, но так же друзей и партнеров.

Когда единственное основание власти правителя — собственноручно написанный указ, по факту он тиран. Но так как заявить себя тираном в наше время — это все равно, что людоедом назваться, правитель позиционирует себя всенародным избранником. Так как в его планы не входит зависеть от результатов выборов, но выборы проводить статус демократического правителя обязывает, он проводит фейковые выборы. Их результат заранее известен, но система делает вид, что победить на этих выборах может кто угодно.

Неотъемлемый признак таких выборов — победитель опережает конкурентов с отрывом в разы и десятки раз. При обычных выборах такое невозможно по тем причинам, по каким подброшенная сто раз монетка не может постоянно падать на одну сторону. Математика запрещает. А если монетка падает, значит, вам фокус показывают.

Всенародные выборы власти по природе — фикция. Но одно дело, если избиратели видят, что в результате их голосования одного правителя сменяет другой. Другое дело, когда они видят, что голосуй, не голосуй, на власти это никак не сказывается.

Когда государство позиционирует себя демократическим, а правитель на трибунах говорит о всемерном укреплении демократических ценностей, прав и свобод, но социум не видит результатов демократии, сменяемости власти, в нем начинает расти напряжение.

Снять его можно только одним способом — показать результат демократии на деле — власть должна меняться. Но так как в сложившихся условиях это невозможно, петля с этого момента начинает затягиваться. И чем больше правитель говорит о приверженности демократическим ценностям, тем ярче виден фейковый характер выборов. И это тупик.

Людей раздражает не то, что правитель постоянный, а что их обманывают. Если бы он прямо сказал о своем намерении править пожизненно — это одно. Да, ему можно было бы задавать неудобные вопросы, спрашивая, на каких основаниях он имеет власть, но его нельзя было бы упрекнуть в обмане. Если же все знают, что он намерен постоянно иметь власть, а он пытается скрыть это, называя себя приверженцем демократии, т.е. взявшим власть на время, вот тут возникает чувство обмана. Он выглядит как человек, ругающий в прямом эфире мясоедов, и уверяющий, что он вегетарианец. И тут же отправляет себе в рот куски мяса, говоря, что это куски помидора, а капает с них не кровь, а томатный сок. Но все видят, что это не помидор, и капает с него не томатный сок. Обманщик...

Здесь эффект Бориса Годунова... Это был отличный правитель — дальновидный, умный, опытный. Но был у него огромный минус — народ считал его убийцей царевича Дмитрия, последнего из династии Рюриковичей. С его смертью трон оказался свободным, и Бориса подозревали организатором такой ситуации. Если бы он прямо убил царевича, на него пролилось бы много возмущения. Но удержав он ситуацию, в обмане его бы нельзя было бы обвинить. Но он обманом пришел к власти, что дало свои плоды.

Обман — это одно из того, что человека больше всего раздражает даже при хорошем результате. Например, человек решил вам сделать финансовый подарок. Назвал сумму, но передал меньше, чем обещал. Когда вы это обнаружили, вам гарантированно чувство обиды. Если бы его слова и сумма совпали, у вас было бы чувство благодарности. Но так как совпадения нет, даже не смотря на то, что подарок все же получен, вы будете разочарованы. И поговорка «дареному коню в зубы не смотрят» не спасет ситуации.

Итак, мы выяснили, что есть два типа открытых нарушителей демократии. Первые нарушают и словом, и делом. Например, КПСС не заявляла, что власть у нее возникает в результате всенародных выборов. Она заявляла себя руководящей и направляющей силой общества, власть которой не зависит от результатов всенародных выборов.

Второй тип открытого нарушения демократических догм — правители на словах заявляют себя приверженцами демократических институтов и ценностей. На делах они не демократические (временные) правители, а постоянные. Вуалируют они этот факт через проведение потешных выборов с заранее всем известным результатом.

Тактика говорить одно, а делать другое, сопровождает человечество всю его историю. Самый яркий пример такого лукавства в США, которые на словах говорят, что нет у них большей заботы, как бороться за мир во всем мире. На делах эта страна по числу военных конфликтов опережает любую другую страну на планете.

Тайное

Теперь рассмотрим государства, нарушающие принципы либеральной демократии тайно. Эти нарушители не так очевидны. Они проводят выборы, которые кажутся самыми настоящими, так как в результате этих выборов меняются правители. По этому признаку их никак нельзя назвать фейковыми. Но мы держим в голове, что при такой текучке кадров система не может существовать. Если же конструкция не рушится, значит, мы видим тщательно спланированный фасад. Реальность же вне зоны видимости. Чтобы увидеть истину, посмотрим за кулисы демократической скорости смены кадров.

Начну с того, что сам факт наличия фасада, скрывающего реальность, говорит, что его кто-то построил. Сами по себе, стихийно, такие вещи не возникают. Если бы все шло

на самотек, общество вытянулось бы в иерархичную пирамиду, где верхушка открыто заявляла бы себя носителем власти, ибо так устроил Бог. Но так как социум развивался, в определенный момент религия потеряла свое значение. Обосновать с ее помощью власть стало невозможно. Соответственно, открыто позиционировать себя постоянной властью тоже стало невозможно. Новая ситуация требует нового способа удержания власти.

Под новый уровень развития создается новая религия — либеральная демократия. В старой ситуации источником власти заявлялся Бог. В новой ситуации — народ. Теперь от него должна приходиться власть. Но как в религиозные времена власть никогда не исходила от Бога, она лишь оправдывалась с его помощью, так и в светские времена власть никогда не исходила от народа, она лишь оправдывалась с его помощью. Реальным источником власти всегда была сила. Но изменение ситуации требовало изменить фантики.

Вчера силу оборачивали в религиозный фантик. С развитием социума и упразднения религии этот фантик перестал работать. Его заменили либерально-демократическим фантиком. Как в прошлом статус религии в народе поддерживали через регулярные мероприятия мистического характера, так сегодня поддерживают через регулярные мероприятия демократического характера. Первое из них — выборы власти.

Вчера маленький человек признавал легитимность власти от Бога через различные спектакли. Сегодня он признает легитимность власти «от народа» через спектакль под названием «всенародные выборы». По сути, это конкурс, где кандидаты получить власть на время соревнуются друг с другом. Победит тот, кто больше понравится народу.

Победитель получит должность «президент страны» и отведенное законом время будет наслаждаться новой должностью — тешить тщеславие, набивать карманы (по чину), и самое главное, неустанно говорить массе, что она — источник власти. А она ему в ответ, что он — всенародный избранник и реальная власть. «За что же, не боясь греха/ Кукушка хвалит петуха?/ За то, что хвалит он кукушку» (И. Крылов «Кукушка и Петух»).

Если посмотреть на масштаб мышления, цели и ценности пляшущих политиков и их избирателей, несложно увидеть, что они у них одинаковые. Отличие только в том, что среди пляшущих больше более шустрых, волевых и амбициозных людей, а среди выбирающих меньше. Одни реализовали свои мечты про деньги и тщеславие, а другие только мечтают о них. Но показатель масштаба — не что у вас есть, а о чем вы мечтаете.

Теперь каждый маленький человек мог видеть, как толпы таких же маленьких людей идут выбирать власть. И это не фейк, каждый мог лично видеть, как в результате выбора маленьких людей меняется власть. Только маленькие не хотят или не могут понять, что не может власть постоянно меняться, а система при этом не разваливаться. Большой фокус они принимают за реальность, и через это преисполняются своей значимостью.

Для элит ключевым моментом является то, что выбранная фигура будет временной. Никакой власти у нее не может быть в силу природы и порядка вещей. Относительно реальных хозяев президент в той же роли, в какой наемный директор относительно владельцев предприятия. Не зря президента США зовут телефонисткой. Он не правит в полном смысле этого слова. Его задача — координировать интерес политических кланов. И выдерживать заданный курс. Народ не имеет отношения к формированию этого курса.

Президент в демократическом механизме всего лишь большая шестеренка. Всякая шестеренка независимо от своего размера крутится в ритме с общим механизмом. Если вдруг окажется, что всенародный избранник уклонился от курса, малый срок сглаживает этот момент. На второй срок такого президента не переизберут. На крайний случай есть механизм его досрочного устранения от власти (обратите внимания, народ не привлекают к этой процедуре, тут без него справляются). Если шестеренка идет не в такт, система ее оценивает как бракованную и выкидывает, заменяя новой всенародно избранной.

Элита, контролирующая стратегические ресурсы и ключевые узлы политической и экономической системы, не пляшет на сцене перед избирателями и не обещает им с три короба. Народ ее вообще не видит. И ей безразлично, кого народ выберет. Если в США выберут президентом не Смита, а Джона, ничего не изменится. Властью они будут для

массы. Реальная власть будет в руках полит-экономических кланов, чье положение не могут поколебать выборы. Черета временных правителей создает идеальную ширму.

Власть элит подобна владельцу судна. Власть президента подобна капитану на этом судне. Народ в роли матросов, не знающих, что у судна есть судовладелец. Еще представим, что по закону не судовладельцы, а матросы выбирают капитана, проводя всематроские выборы. Каждый матрос уверен, что власть сформирована демократическим путем. Что человек, за которого он проголосовал, и который одел форму капитана, сидит теперь в особой каюте, откуда отдает приказы, есть настоящая власть. Матросы бы не знали, что он подчинен судовладельцу, и вся его власть в рамках корабельной текучки.

Полит-экономические кланы заинтересованы в либерально-демократической модели так же, как феодалы заинтересованы в феодальной системе — она кормушка и источник всяких статусных и тщеславных благ. Как феодал вне феодализма пустое место, так элита вне либерально-демократической конструкции тоже пустое место. Чтобы она оставалась элитой, ей нужно иметь власть. Для этого нужно сохранять доступ к активам. Чтобы его сохранять, нужно удерживать власть. Одной силой ее не удержать, на штыке не усидеть. Штык требует легитимного оформления. Без этого система напрягается и представляет опасность. Любая элита во все века заинтересована в стабильном положении системы. Вчера стабильность достигалась с помощью христианства, ислама и других религий. Сегодня она достигается с помощью гражданской религии — либеральной демократии.

Мировая демократия — один большой фейк. Как в мире не было коммунистического государства, следовавшего теории коммунизма, так нет демократического государства, соблюдающего либерально-демократические догмы. Все открыто или скрыто нарушают свои догмы, перетолковывая под текущий момент. Иначе невозможно выжить.

Явные нарушители в проигрышном положении относительно тайных. Они подобны вора на рынке, про которых все знают, что они воры, их постоянно ловят с поличным и нещадно бьют. Тайные нарушители подобны директору рынка, который ворует намного больше, но по другой технологии, и в статусе честного человека. Его даже вора в пример ставят, когда после экзекуции читают им мораль о недопустимости воровства.

* * *

По прочтению может возникнуть впечатление, что я сторонник теории заговора, и клоню к мировому правительству. Это категорически не так. Конспирологические теории создают слабоумные, чем маргинализируют серьезную тему, превращая ее в карикатуру.

Группа тайных правителей невозможна в силу скорости, с какой меняется мир. Чтобы увидеть мысль, вспомним, кого сознание рисует в образе тайных правителей? Это такие взрослые пожилые мужчины с умными и угрюмыми лицами. Они контролируют весь мир, опутав его паутиной, и теперь ведут нас к какой-то только им ведомой цели.

Современный мир — это система, меняющаяся с дикой скоростью. Пожилые люди не всегда знают, как включить компьютер. Они не понимают, не видят и не чувствуют вал надвигающийся новизны. Невозможно контролировать ситуацию, не понимая ее природы. Так что теория заговора, как ни крути, тут не проходит. Здесь нечто совершенно иное...

Обсуждаемый масштаб выходит за временной шаг человека. «Для того, чтобы управлять, нужно, как-никак, иметь точный план на некоторый, хоть сколько-нибудь приличный срок. Позвольте же вас спросить, как же может управлять человек, если он не только лишен возможности составить какой-нибудь план хотя бы на смехотворно короткий срок, ну, лет, скажем, в тысячу» (М. Булгаков «Мастер и Маргарита»).

Сказанное сейчас конфликтует с ранее сказанным про политические кланы, которые были названы реальной властью. Чтобы снять противоречия поднимем масштаб. Представим, мэрия построила для бездомных здание, где есть электричество, вода, тепло, и разрешила заселяться туда бродягам. Происходящее внутри она никак не контролирует.

Можно на 100% быть уверенным, что в нем тут же возникнет иерархия по принципу обезьяньей стаи — во главе альфа-самец, вокруг ближний круг и привлекательные самки.

Всех остальных выдают на периферию. Со временем бездомные, стоящие на вершине социальной иерархии, обложат данью других бездомных. Возникнет мини-государство.

Допустим, верхушка этого бомж-государства понимает, что если мэрия увидит, как тут реально обстоят дела, она разрушит созданную ими систему. И потому представляют дело так, что тут коммуна, где бомжи демократическим путем выбирают себе правителей. А если правители чем-то не устраивают сообщество, их убирают и выбирают новых. На слух звучит красиво, но в реальности власть сосредоточена у бомж-элиты.

Еще допустим, что мэрия понимает реальное положение дел. Понимает, что выборы лишь прикрывают реальные механизмы формирования власти. Но по каким-то причинам закрывает на это глаза. Она водит туда делегации и рассказывает про свой опыт борьбы с бездомностью. Созданная бутафория позволяет получать какие-то плюшки из бюджета.

Если кто вникнет в ситуацию, тому станет понятно, что власть тут не выбирают, что выборы проводят с одной целью: придать легитимность власти неформальных лидеров бомж-сообщества. И если он на этом остановится, то не увидит корней... Не увидит, что элита бомжей не имеют власти. Они правители, а потребители ресурсов. Власть тут тот, кто построил ночлежку — мэрия. Если завтра она решит ее снести и на ее месте построить театр, мир бездомных с его липовой демократией (а другой не бывает) исчезнет.

По этой же аналогии политические кланы — не правители, а потребители ресурсов. Настоящая власть — кто может снести старый мир и на его месте построить новый. Кто встраивается в созданную модель, но сам не является создателем, тот жилец, а не власть.

Настоящая власть в таком масштабе — это всегда потенциал. Чтобы уловить смысл, представьте, перед вами множество разных воздушных шариков, и вам нужно надуть один размером с дом. При такой цели вы будете смотреть не на размершара в данный момент, а на его потенциал. Если шарик сейчас размером с ладошку, но его можно надувать до нужного размера, он будет большей ценностью по сравнению с шарами, которые в данный момент больше его в сто раз, но это их предел, и если их дуть дальше, они лопнут.

Мир погружен в идейный вакуум. У нас есть Идея, время которой пришло. В мире есть масса политических и коммерческих институтов — государства, бизнес и различные организации, превосходящие нас по размеру в триллион раз. Но ни у одной из них нет потенциала вобрать в себя человечество. А у нас есть. Осталось оседлать энергию стихии.

Задача приобретает контуры... Чтобы получить власть, нужно установить контроль над ее источником. Источник власти — народ. Задача сводится к установлению контроля над ним. Но у власти две природы — духовная и материальная. Контроль первой природы дает доступ к государственному ресурсу, не запрягая в политическую и экономическую текучки. Контроль второй природы тоже дает доступ к ресурсу, но в довесок запрягает в оглобли государства, заставляя крутиться как белка в колесе.

Чтобы получить власть, максимально свободную от текучки по жизнеобеспечению государства, предлагаю рассмотреть природу власти. Понимание корней сложившейся в мире системы позволит составить оптимальную стратегию практических действий. Для этого совершим небольшую историческую экскурсию к корням сегодняшней системы.

Потрясение

Современный мир растет из двух древних цивилизаций, римской и греческой, объединенных в одну древнеримскую империю. С принятием Миланского эдикта в 313 году, христианство движется к статусу официальной религии римской империи, коей она становится к концу IV. Разрушаются языческие храмы, святилища и святыни. Начинаются гонения на противников и лиц, отрицающих христианство, в частности на античных философов. Населению запрещается исповедовать старые культы как публично, так и дома. Из правительственных учреждений удаляются символы дохристианских религий. Культ Весты упраздняется, тушится священный огонь, запрещаются олимпийские игры.

Умерший император Феодосий за одним сыном закрепляет правление Западной, а за вторым Восточной части империи. На момент этого события христианство торжествовало на всей территории империи абсолютно — подавляющая часть жителей были христиане. Империя была поделена на епархии (области), над каждой из которых стоял свой епископ.

Римская империя не впервые имела двух правителей. В республиканский период два правителя (консула) были нормой. Так что Феодосий, когда поставил над империей двух правителей, не разделил ее между сыновьями, а задал движение в сторону республики.

В V веке в западной части Римской империи начинается череда событий, ведущих к проблемам. Император изнасиловал жену крупного вельможи. Тот отомстил в несколько этапов, в результате чего императора убили, а вельможу провозгласили императором. Для большей легитимности своей власти он берет в жены вдову убитого императора. Та пишет королю вандалов, чей сын был обручен с ее дочерью, письмо с просьбой защитить ее. Тот в 455 году, воспользовавшись отсутствием армии в Риме, выдвигается из своей столицы, из Карфагена, в Рим. Вельможа-император гибнет во время паники, когда пошел слух, что на Рим движется армия из Карфагена. Приплывший король ничего не жжет, никого не убивает. Он культурно и планомерно собирает по Риму имущество, грузит его на корабли и вывозит в Карфаген. Через 80 лет римская армия все вернет в столицу Римской империи — во Второй Рим (неофициальное название Византия, Константинополь).

К тому времени римская империя находит целесообразным вербовать на службу варваров. Их вожди получали римское гражданство, землю, и хотели больше. Начинается передел сфер влияния. В 476 году командующий наемниками римской армии, римский гражданин германского происхождения, лишил власти соправителя Римской империи. Знаки высшей власти, фасции (связанные пучком прутья, отсюда произошло слово «фашизм») отослал в столицу императору Римской империи, ставшего единственным, за что тот возвел его в статус патриция и объявил своим наместником.

Никто не воспринимал все эти события актом прекращения существования Римской империи. Она как была, так и стояла. Только столицу перенесла и в западной части беспорядки были. Кому так понадобилось драматизировать ситуацию — про это дальше.

Римская империя оказалась под началом единственного правителя, сидевшего в столице — Второй Рим (в прошлом г. Византий, переименованный при Константине). Она была в восточной части империи, большей частью бывшие греческие территории. Хоть население и имело эллинские корни, но все называли себя римлянами (ромеями).

Наметился тренд на окончательную потерю Римской империей своих западных территорий, где возникают варварские королевства. От империи там только христианство, которое исповедуют большинство населения и новые правители.

Чтобы составить правильное представление о сложившейся ситуации, представьте, российская империя потеряла европейские территории до Уральских гор. Там возникли автономные государства — владимирское, тульское, рязанское, а так же татарское, чеченское, мордовское и прочие. Но сохранила контроль над территорией от Уральских гор до Тихого океана. По одну сторону Уральского хребта новые государства. По другую Российская империя. Вопрос: если Российская империя потеряла часть территории, она продолжает оставаться империей или эти потери превратили ее в другое государство?

Или Наполеон захватил Москву и удержал бы завоеванные территории, но не пошел дальше. Россия потеряла бы эти земли, на них возникли новые царства. Но от этой потери она не перестала бы быть. Империям вообще свойственно менять свои границы.

От переноса столицы или изменения территории, не важно, в сторону уменьшения или увеличения, империя не прекращает существование и не перестает быть империей. Но если так, откуда взялась история про раскол Римской империи на западную и Восточную?

Все дороги ведут к Папе римскому и христианским королям. Чтобы увидеть проблему, держим в голове, что западные и восточные земли римской империи были населены христианами. Церковь была единой во главе с императором. В языческий период он был сыном Юпитера; в христианский период представлял власть от Бога.

Чтобы ярче видеть ситуацию, представьте, что вы президент демократической страны, население которой на 100% верующее. Главу веры они считают представителем Бога — что он скажет, то для них истина. Глава живет в другом государстве и является его правителем. Как вы думаете, за кого будут голосовать ваши подданные, за того, за кого им скажет глава их религии или за кого скажет светская власть? И вообще, насколько ваше положение стабильно, если душами ваших подданных владеете не вы, а кто-то другой?

Я несколько сгустил краски, чтобы более выпукло показать ситуацию, в которой оказались христианские короли. Все их подданные были христианами, а центр христианства был в другой стране. Непокойная, нестабильная и взрывоопасная ситуация.

Выходом было перенести центр христианства на свою территорию. Только как это на практике сделать? Заявить себя главой Церкви? А на каких основаниях? Единственное решение — сделать кого-то из епископов, находившихся на твоей земле, главой Церкви.

Но при более серьезном размышлении тоже не вариант. Королевств было несколько. Если даже один делал своего епископа главой Церкви, у других проблема не снималась. Идеальным решением для королей было сделать одного главу Церкви, который был бы ни от кого независимым. Это отвязывало их население от зарубежного центра христианства и привязывало к некоему общему, который по любому лучше хотя бы потому, что он не правитель чужого и мощного государства и у него не может быть армии.

С этой проблемой сегодня сталкиваются страны, желающие отвязаться от доллара. У них ничего не получается, потому что непонятно, у кого тогда будет право эмитировать (производить) деньги. Чтобы сделать ничем не обеспеченный доллар (по сути, бумагу) международным средством платежа, понадобилось две мировые войны. У государств, рвущихся к финансовой независимости, нет таких возможностей. Потому дело дальше благочестивых разговоров и не идет (про это будет в третьей книге «Слово & Цифра»).

Для решения королевской проблемы нужна фигура, чей авторитет сопоставим с императорским. Единственная кандидатура на эту роль — епископ Рима. Христос сказал апостолу Петру: *«Я говорю тебе: ты — Петр, и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада ее не одолеют»*. (Мф.16,18). Если апостол Петр был первым епископом Рима (епископ изначально — глава христианской общины), сам по себе статус «епископ Рима» имел духовный вес, сопоставимый с весом императора римской империи. У императора статус от вселенских соборов, на которых, по версии Церкви, Святой Дух открыл это добрым христианам в горячей молитве. С тех пор кто сидел на троне в римской империи, тот и был главой Церкви. Епископа Рима назначил Христос (равноценная Святому Духу фигура). Церковь еще единая и не раскололась на Восточную и Западную, и потому пока нет православной конфессии, которая официально заявит, что Святой Дух от Христа не исходит. Пока Святой Дух и Христос равновелики.

Имея в активе такие козыри, епископ Рима при поддержке королей вполне мог делать заявку на главу Церкви. Начинается война за статус главы Церкви через отсылку к словам Христа, и за статус правопреемника Римской империи. Чтобы понимать, что это значит, скажу, что Римская империя была самой мощной в истории человечества. Для понимания, сегодняшние США, если сравнивать в процентном отношении, слабее. Чтобы у существующей Римской империи отнять статус, нужно отрицать ее существование.

Кажется, задача нереальная. Как можно отрицать существование Римской империи, которая пусть сократилась, но не исчезла. Вот она, каждый может убедиться в ее наличии. Но Папа находит способ сказать, что римской империи нет, а он глава Церкви. Что Рим — правопреемник.

Формат

Кампанию за статус главы Церкви и за правопреемство духа и мощи древнего Рима начинает епископ Рима, Лев Великий. Из Рима ползет история, что империя в конце IV века перестала существовать, распавшись на Западную и Восточную. Теперь на ее месте

два независимых государства — Византийская империя и группа западных королевств. И так как столица древнеримской империи находится на территории этих королевств, Рим является правопреемником духа древнеримской империи.

В границах этой задачи Римскую империю, потерявшую свои западные территории, начинают называть Византийской империей (по имени городка Византий, новой столицы империи). На руку играло название ее столицы «Второй Рим», т.е. не первый. Первый на своем месте. И в нем сидит епископ Рима, которого начинают называть Папа римский.

Папа Римский Геласий I в конце V века пишет императору Анастасию письмо, где говорит, что у власти два источника: Авторитет и Мощь. Источник первой — духовный авторитет. Называется такая власть аукторитас (auctoritas — авторитет, признание, звание — законодательная власть). Она дает контроль над нематериальным — над душами.

Источником второй власти является земная мощь — золото и меч. Называлась она потестас (potestas — земная мощь — исполнительная власть). Она позволяет управлять материальными, физическими телами. Имеет такую форму власти император.

Император прекрасно понимает развитие ситуации (не может не понимать, это же не частное лицо, а система, куча советников и институтов, работающих на государство). Между двумя системами растет напряжение. В XI веке наступает закономерная развязка — единая Церковь прекращает свое существование. Теперь есть православная церковь, главой которой является император, и католическая (кафолическая, греч. полной) глава которой — Папа римский. На бывших западных территориях Римской империи возникает папская монархия. Рим и Папа становится духовным центром западного мира. Этот факт определил тренд развития западного мира на следующие почти две тысячи лет. Он задает тренд по сей день. С тем отличием, что христианские догмы трансформировались в либерально-демократические, а духовным центром мировой системы являются США.

Поначалу Папы стоят на том, что в моральных (читай, религиозных) вопросах чиновник должен подчиняться священнику, а в земных, политических и экономических вопросах священник должен подчиняться чиновнику. Но это только вначале... В итоге Папа будет стоять на позиции, что короли должны быть подвластны власти Церкви.

Такая позиция имеет под собой серьезнейшее основание. Чтобы уловить нюансы, скажу, что языческий Рим в первую очередь искал золота, игнорируя духовные вопросы. Он говорил: несите золото и верьте во что хотите. Император Византийской империи в полной мере унаследовал этот тренд. Его не интересовали богословские тонкости. Все решения вселенских соборов были подчинены политической ситуации. Что на одном соборе объявлялось святой истиной, то на следующем сатанинской ложью.

Католический Рим проводит ровно противоположную политику. Он говорил, я дам вам золото, только примите мою веру. Рим уловил нерв власти. Власть — это не тот, кто налоги собирает, а кто владеет сознанием, а значит, определяет законность власти. Власть получит статус законной, т.е. от Бога, только после признания этого факта Церковью.

Признание реализуется через обряд, известный как венчание на царство — копия венчания жениха и невесты. Без него сожителство мужчины и женщины незаконно. Они не муж и жена, а живущие во грехе сожители. Такой союз неустойчив, и потому невесты так активно тянули женихов под венец. Сначала свадьба, потом все остальное.

Главный смысл действия — мужчина перед Богом и людьми клянется заботиться о женщине, а женщина перед Богом и людьми клянется быть ему покорной. После венчания общество признает за мужчиной право на женщину, и он из статуса «жених» переходил в статус «муж», а женщина из «невеста» в статус «жена». Получалась законная перед Богом, Церковью, Государством и людьми семья — максимально устойчивая конструкция.

То же самое в отношениях монарха и народа. До венчания правитель имел статус жениха, а государство и народ — невесты. Во время венчания на царство правитель дает клятву Богу заботиться о народе, а народ клянется в покорности своему монарху. После этого правитель в статусе «власть от Бога», и народ признает за ним право править.

Если правитель командует над обществом, не пройдя обряда венчания, его власть считается не от Бога (а если не от Бога, то от кого?). По церковным канонам мужчина и женщина, живущие без церковного благословения, оба грешники и в ад попадут. То же и правитель с обществом, если живут не венчанные, оба повинны в грехе. Правитель тут самозванец, удерживающий в своей воле силой и хитростью гулящую девку — народ.

Для добрых христиан это смертельно опасно. Стоим им осознать, что власть над ними не от Бога, как возникает взрывоопасная ситуация. Можно не сомневаться, что в мире всегда найдутся силы, заинтересованные проинформировать народ про это. Не факт, что правитель не справится с этой угрозой. В истории много примеров, когда справлялись (все протестантские правители). Разговор лишь о том, что ситуация опасна для правителя. Неустойчивую государственную модель могут обрушить внешние и/или внутренние силы, погребая под собой нелегитимного короля. Поэтому короновались в тот период все.

Католический Рим, получивший монополию на определение легитимности власти в христианском мире, поднимается до небывалых высот. Устанавливается абсолютная папская монархия. В период XI-XIII века авторитет Папы запредельный. На его размер указывает история, известная как «Стояние в Каноссе», когда германский император на коленях в рубище кающегося грешника вымаливал у Папы Григория VII прощения.

Дошло до того, что Папа не здоровался с королями за руку. Чести много. В знак приветствия он давал целовать им... нет, не руку. Ногу. Целовали все, кто удостоивался аудиенции. В том числе послы протестантских, православных и исламских государств.

У византийского императора допущенные к аудиенции лица в знак приветствия тоже ногу целовали. Это нормально для императорской традиции. Но с христианских позиций это за рамками человеческого. Даже апостолы не позволяли себе такого. *«Когда Петр входил, Корнилий встретил его и поклонился, нав к ногам его. Петр же поднял его, говоря: встань; я тоже человек».* (Деян.10,25-26). Принимать такое приветствие мог только тот, кто в статусе Бога. Например, Христос. Он рассказывает про женщину, которая *«с тех пор как Я пришел, не перестает целовать у Меня ноги...»* (Лк.7,45).

По сути, Папа таким обрядом приветствия ставит себя вровень с Богом. Придворные богословы оправдывают эту традицию, называя ее лекарством против гордыни. И так как гордыня смертный грех, всякая технология по избавлению от нее полезна для души, а значит, добро. Отменит это приветствие во второй половине XX века Папа Павел VI.

Византийские патриархи тоже проявляли инициативу в установлении духовной монархии, но обожествленный император, официально глава Церкви, сводил их шансы повторить статус Папы Римского не оставлял им шансов на успех.

Римская империя, сжавшаяся до своих восточных границ (не хочется ее называть Византийской, потому что она была именно Римской империей) была под властью светского правителя, в политических целях позиционированного божеством.

Вторая причина: авторитет столичного константинопольского Патриарха был не выше любого другого Патриарха (их было пять), например, авторитета александрийского ли антиохийского и прочих. Авторитет епископа Рима относительно авторитета любого другого епископа был несравненно выше — продолжатель дела апостола Петра.

Западными королевствами правил Папа Римский, а Византией Император. Духовная и материальная мощь Рима как бы разделилась. У нас принято считать, что земная мощь Рима ушла в католичество, а духовная в православие. Реально все ровно наоборот — дух ушел в католичество, а золото в православие. И так как дух сильнее золота, золото в итоге тоже ушло к сильному. Западная цивилизация вырывается вперед, а православная слабеет. В XV веке ее захватывают Османы. Византий, переименованный во Второй Рим, второй раз переименовывают в Стамбул. На этом история Римской империи кончается.

Продолжение

До индустриальной эпохи христианское учение было полноценным мировоззрением, отвечавшим на все онтологические вопросы. Где оно нашло поддержку светской власти, там стало доминирующим. Так как в католическом мире главным носителем христианства позиционировался Папа, вследствие этого он имел высшую власть — ауторитас.

К началу индустриальной эпохи уровень развития общества становится настолько высок, что восприятие христианского учения истиной исключается. Если раньше Церковь стягивала в себя передовой отряд общества — самых глубоких и умных людей, то начиная с эпохи Просвещения самых умных и глубоких людей притягивает наука, политика и бизнес. Христианство всецело становится достоянием народа — превращается в суеверие.

Непоколебимая вера народа зиждется на невежестве. Он как раньше не собирался вникать в богословские тонкости, так и теперь не собирается. Власть Папы в новом мире приравнивается к власти английской королевы — обе имеют только музейную ценность.

После падения христианства предпринимаются попытки создать светское учение мировоззренческого формата, которое заменило бы религию. Но вместо мировоззрения появляется суррогат — гуманизм и его подвиды, коммунизм, либерализм и фашизм.

Ни одна версия гуманистического учения ни на один онтологический вопрос не могла ответить. Что есть мир, личность, что будет с человеком после смерти, что-то или ничего? На все подобные вопросы власть хранила глубокое молчание, обозначая свой статус — заведование хозяйством и политика в моменте.

Как показатель, Галилей выступал перед высшей политической элитой — королями, герцогами и прочее, предоставляя им свои расчеты и доводы, и они восторгались, т.е. понимали. Вы сейчас представляете правителя, имеющего такой уровень знаний? Я тоже. Сегодня правитель скажет, что это дело узких специалистов и его не касается. У него есть более важные дела (человек всегда занимается тем, что считает важным). Так вот раньше элита считала важным знать, как устроен мир, а купцам это было ни к чему. Сегодня элита считает, что ей ни к чему такие знания. Иными словами, она ушла на уровень торговцев. И совсем не потому, что элите стал неинтересен подобный масштаб. Просто система изменилась и включилась соответствующая фильтрация и эволюция. И причиной этого изменения была мировоззренческая дыра, которую гуманизм не смог закрыть.

Уровень затрагиваемых гуманизмом тем преимущественно в рамках обыденности. Максимум, государственный масштаб. Но людям помимо политических и экономических вопросов интересно знать, зачем они живут? Чего в самом последнем итоге им нужно достичь? Вот наелся, завоевал мир... Дальше что? Дальше нависала бездна неизвестности.

Гуманисты что-то говорили про отсутствие или наличие загробной жизни от ветра головы своей. Одни говорили, что мир вечен, его никто не творил, он был всегда, и после смерти физического тела человек исчезает абсолютно. Другие говорили, что мир сотворен высшей силой, которая бросил свое творение, и теперь он живет по инерции, как машина, которую забыли отключить, и бросили на произвол судьбы. И однажды она встанет — мир превратится в хаос и наступит тепловая смерть Вселенной. Эти теории ничем не были подтверждены. Кто же может принять неподтвержденное мнение за истину?

Когда ветхозаветные пророки и христианские апостолы называли излагаемую ими информацию от Бога, было основание принять ее на веру как истину. (вернее, апостолы не говорили такого, это Церковь за них сказала, но сути дела это не меняет).

А на каких основаниях принять за истину информацию от апостолов гуманизма? Они не говорили, да и не могли сказать, что эти сведения от Бога. Института, кто мог бы сказать подобное за них, тоже не было. Плюс гуманистические апостолы говорили разные мнения. На что же опереться, чтобы принять одно мнение и отвергнуть другое?

Получалось, единственное основание, на которое можно ориентироваться — сила. В моменте прав тот, кто в данный момент сильный. Если завтра сильный ослабеет, а слабый войдет в силу, истина и ложь вместе с ними поменяются местами.

Оставшееся без ориентиров общество пытается исправить положение через культ Разума. В период французской революции католические церкви переоборудуются в храмы

Разума. По аналогии с христианскими мучениками в них почитают мучеников революции. Вместо Богородицы коронуется оперная актриса в статусе «богиня Разума». Гуманисты все делали, как в церкви видели, и богиня, и мученики, и обряды... Но культ Разума не задался. В итоге его запрещают, а революционеров-основателей отправляют на гильотину.

Следующая попытка: вожди революции изобретают гражданскую религию. Руссо, ее основной творец, в «Общественном договоре» пишет, что ее основа — внутренняя вера и вечная обязанность морали. Он даже не собирается пояснять, что это такое — внутренняя вера? Откуда берутся вечные обязанности морали?

По тому, что эти очевидные вопросы никто не задает, напротив, все восторгаются мудростью Руссо, можно заключить, что ответы на них кажутся той публике такими очевидными, что дальше некуда.

Кант продолжит Руссо, породив свой «категорический императив», по которому есть внутренний долг исполнять моральный закон, и этот долг в каждом человеке от рождения. Для простаков этого достаточно. Они чувствуют в себе непреодолимый зов этого долга.

Не принято спрашивать, откуда взялся этот внутренний долг. А если спросить, вам скажут, что от рождения. Но только что дано от рождения, то не зависит от воспитания. Но мы знаем, если один и тот же человек вырастет в разных условиях, это будут люди с разными представлениями на тему долга.

Все эти белые пятна выдают уровень масштаба людей, взявших явно неподъемную для них ношу. Апостолы гуманизма, если присмотреться внимательнее — это боты. Что им среда записала на подсознание, то они называют внутренней верой, долгом и моралью.

Продолжая тему гражданской религии, по замыслу Руссо она опирается на ритуалы и традиции, которые верующие сами изобретают. По мысли создателей, самодеятельность делает эти обряды священными. Почему, с какого перепугу — про это ни слова. Четко заявлено только, что гражданская религия не самостоятельна. Она позиционируется как инструмент в руках государства для достижения политических целей.

Обратите внимание, обычная религия тоже была инструментом в руках государства, но этот факт тщательно скрывался. Государство говорит о ее самостоятельности, что она подотчетна только Богу. Мотив понятен, заявляя религию независимой, власть повышает ее статус, и через это свой. Независимая религия — удобный рупор своих идей.

Что значит заявление гражданской религии с момента ее рождения инструментом в руках власти? А то, что она может быть инструментом только в руках Бога. Если она в руках государства, значит, государство берет курс занять место Бога.

В прошлом воля Бога воспринималась не как тема для обсуждений, а как указание к исполнению. Теперь воля государства становится не темой обсуждений, а указанием к действию. Свято место пусто не бывает. Бога нет — прокричали гуманисты, и тут же провозгласили нового бога — государство.

Робеспьер на основе этого чуждого бога и его религии создает культ Верховного Существа. Высший орган Франции принимает декларацию, наполненную красивыми, высокими словами про то, что нужно всегда делать хорошо и плохо не делать. И еще отдельно, что «Французский народ признает Верховное Существо и бессмертие души».

Допустим, французский народ действительно верит в бессмертие души. Что следует из этой веры? Из христианской веры следует, что живущий по воле Бога попадет после смерти в рай, а нарушитель божьей воли в ад. А из французской веры в бессмертие души что следует? Ничего. Веди себя как хочешь. И говори фразу «я верю в загробную жизнь».

Поклонение Высшему Существо в первую очередь есть следование его воле. Но так как гуманисты никакой информации на эту тему от него не получили, ничего не осталось, как выдать христианские догмы за естественную истину (если бы эти «философы» росли среди людоедов, в статусе естественной истиной у них бы оказался каннибализм).

Изреченную человеком информацию нельзя принять на веру как святую истину. Ее можно понять и далее согласиться или нет. У вождей гуманизма нечего было понимать.

Культ Верховного Существа просуществовал меньше культа Разума (весной учредили, а летом сдулся). Его создателя, Робеспьера, казнили, как и создателей культа Разума.

Рождаются новые теории, где одни отказывают Богу в разуме, другие отрицают Бога в принципе, третьи как-то комбинируют то и другое. Одно лепится на другое, но ничего это невозможно использовать на практике. Люди просто говорят высоким штилем...

Каким бы красивым дом ни был, но если под ним нет фундамента, он скоро рухнет. Аналогично и учение, какими красивыми словами его не наполнишь, но если под ними нет мировоззренческого основания — это карточный домик, построенный для развлечения.

Власть не имеет сил решить проблему мировоззренческого вакуума. Выходом видит пустить все на самотек. Она заявляет: «верьте, во что хотите» (просится продолжение «только налоги золотом платите») и называет это свободой совести.

Самоустранение государства от проблемы с такой формулировкой напоминает падение рубля в 2014 году, которое СМИ называли ростом. Отрицательным ростом. Сознание фиксирует слово рост. Растем, значит, не все так плохо. Аналогично и тут мировоззренческую дыру латают насколько красивыми, настолько и пустыми словами. Но раз совести дана свобода, значит, ура — равенство, братство, счастье!

Свобода совести предполагает, что каждый может составить себе ответ на вопрос, что есть мир, личность и прочее. Далее вывести из полученного мировоззрения цель и следовать ей. Или, в крайнем случае, из имеющихся учений выбрать подходящее (не по принципу «где родился, там и пригодился», а именно осознанно выбрать).

Эффект от дарования простому народу свободы совести был такой же, как если бы коровам даровали свободу лазать по деревьям. Ну, наконец-то, дождались!, обрадовались бы они. Теперь уж налазимся. Аналогично и люди, получив свободу совести, с радостью сказали, что наконец-то! Теперь-то уж мы осмыслим мир. Или я вру?

Конечно, вру. Людей, мыслящих в масштабе, позволяющем составить взгляд на мир (не факт, что составит, речь только о желании и потенциале) — один на миллион. Кто может из своего взгляда вывести цель, тех еще меньше. А способных следовать своей цели на практике... (тут сокрушенно махаю рукой, ибо таких как бы и нет).

В лучшем варианте люди могут услышать новую информацию, понять ее, и приняв, следовать ей. Но это лучшие. Рядовые люди любят поговорить об истине, но свою жизнь предпочитают подчинять шаблонам (не важно, как они это себе объясняют).

Предоставленные себе в вопросах мировоззрения массы не подняли взор к небу. Все как по команде опустили глаза вниз. В поисках Бога на земле они нашли государство, которое как Бог говорило о покровительстве законопослушным и каре непокорным.

Власть зовет служить государству и умирать за него точно так же, как религия звала умирать за Бога. Она создает сакральные обряды, даты, места и объекты. Все они говорят: ты должен бороться за светлое будущее, но не говорят, что оно для борцов не наступит.

Религия обещала за служение Богу вечное блаженство в раю. Власть не говорит ни слова на тему, что получают павшие за него защитники. Или точнее, говорит, что отдавшие за государство жизнь останутся в памяти народной (вечная память в переводе на понятный язык — это в лучшем случае несколько десятков лет, ну пусть несколько сотен, если установят мемориальные доски и памятники). В чем заключается радость покойника от всего этого — непонятно. Но задавать уточняющие вопросы не приветствуется. Массам приходится довольствоваться общими словами про патриотизм и духовные скрепы. Как ни крути, а такая награда павшим за благополучие государства по сравнению с раем выглядит не очень. Но гражданская религия не может ничего больше предложить...

Культ государства всегда был привязан к Богу, был продолжением служения Богу. С наступлением эпохи гуманизма государству служат как самостоятельному существу, без привязки к Богу. Гражданская религия на время заткнула мировоззренческую дыру.

Затычка работает, пока мир в напряжении. Как голодному или замерзающему не до больших вопросов, ему бы поесть и согреться, так и борцам за светлое будущее не до

вопроса о конечном смысле совершаемых действий. Они азартно дерутся друг с другом. Во время драки, чтобы не проиграть, нужно драться, а не думать о высоком.

Никакой идеи ни у кого из дерущихся не было (если не считать идеей «за счастье народное»). Это лозунг для активации масс в нужном направлении. Солдаты всех армий никогда не знают, за что они сражаются. Пропаганда им говорит, что они сражаются за свободу и справедливость. Но понятие справедливости относительно. Например, монголы считали, что мир принадлежит им. Как владелец квартиры находит справедливым брать плату за проживание в его квартире, так монголы находили справедливым взимать дань с тех, кто живет на их земле. И так как они считали всю планету своей территорией, с их точки зрения стремление брать дань со всего мира было очень справедливым.

За всеми войнами стоит желание сохранить и преумножить ресурсы. У войны нет иной цели, кроме как умножить налогооблагаемую базу. «Если бы наши солдаты понимали, из-за чего мы воюем, то нельзя было бы вести ни одной войны». (Фридрих II).

На этом примере видна одинаковая заинтересованность Государства и Церкви в не поощрении интеллектуального развития масс. Невежество — это основа всех старых систем. Пролейте на людей информацию, и многие институты тут же рухнут.

Куколка

В условиях идейного вакуума единственно возможная форма власти — потестас. Для власти-аукторитас нужно мировоззренческое учение, соответствующее развитию общества. После эпохи Просвещения такого учения на планете не было. Были старые религии с их наивной верой в не подтвержденные сведения, и учения-суррогаты в статусе философии, ни одно из которых не выходило на заданный масштаб — не давало четкого ответа ни на один большой вопрос. Все жили с ориентиром на сиюминутность.

До мировоззренческого вакуума социум имел единую цель. Он напоминал людей, плывущих на корабле-государстве из точки «А» в точку «Б». У всех была общая цель за рамками корабля и у каждого личная цель внутри него. Когда мировоззрение исчезло, корабль как бы накрыла непроглядная бездна. Исчезло само понятие «вне корабля». Все цели теперь могли быть только внутри его.

Если представить, что такой корабль начал тонуть, а у пассажиров тонущего корабля нет понятия «вне корабля», как у вас нет понятия «вне мира», до них невозможно донести информацию о том, что судно тонет. Для них фраза «судно погружается в океан» звучит примерно так, как для вас фраза «мир поглощает бездна». Максимум, такая информация подвигнет людей (не важно, вас или пассажиров тонущего судна) на говорение пустых слов с философским оттенком, но не к действиям. Для людей бесконечно важнее то, что им понятно и к чему стремятся их сердце: деньги или ремонт на кухне сделать, но никак не то, чего они не видят. *«Ибо где сокровище ваше, там будет и сердце ваше»* (Мф.6,21).

Можем на себе увидеть действие этого блока. Все мы знаем, что к нам приближается смерть. Но у нас стоит блок на эту тему. Потому нам всё равно... И мне, и вам. Я не вижу смысла себя обманывать, и потому не говорю, что меня моя смертность сильно напрягает. Вообще пофиг. Веду себя, как будто эта проблема меня не касается (и вы себя так ведете).

У меня нет и миллионной доли того, что чувствовали запертые в трюме пассажиры третьего класса Титаника, когда туда затекала холодная вода. И деваться было некуда. Вот у них информация от разума до печенок дошла и дала соответствующую реакцию. А у меня информация, максимум, до разума дошла. Я четко осознаю проблему, но не ощущаю ее значимость всем своим существом так, как пассажиры Титаника.

У большинства и этого нет. Когда говоришь людям о приближении смерти, и что неплохо бы озадачиться поиском выхода, у большинства это вызывает недоумение. Какая смерть... вы о чем? — с удивленным раздражением отвечают люди. И сокрушенно качают головой, недоумевая, как взрослые люди могут такими пустяками озадачиваться.

Я пытаюсь залезть в голову таким людям, и у меня получается, они как бы говорят про себя: да, судно тонет. Но есть же дела и поважнее спасения. Например, каюту пойти прибрать. А еще лучше у соседа отжать каюту вместе с женой и имуществом.

Такое целеполагание пахнет рассуждениями из сумасшедшего дома, но люди не виноваты. Они суть бабочки-однодневки на огромном тонущем судне. Бабочка живет часы. Судно тонет несколько суток. Скорость затопления для нее незаметна. Когда от судна над водой останется только мачта и счет пойдет на минуты, скорость проблемы сравняется со скоростью мировосприятия бабочек. Тогда они поймут, что тонут. Только толку от этого будет ноль — ничего нельзя изменить. До этого момента тоже ничего нельзя изменить, потому что бабочки не способны охватить ситуацию. Им бесполезно говорить, что судно тонет, и надо искать выход. Они будут высмеивать всякую мысль о грядущей беде из-за разницы между своим мировосприятием и скоростью затопления судна.

Человек больше подчинен эмоциям, чем разуму. Объясняется это тем, что разуму, по самым смелым оценкам, несколько десятков тысяч лет. Эмоции в тысячи раз старше разума — их возраст в десятки миллионов лет. До разума они были единственным инструментом, с помощью которого выживало все живое, в том числе и предок человека.

Эмоции похожи на древнего мощного бронтозавра, а разум на зайчика. Если эмоции говорят, что нужно идти налево, а разум направо, не мыслится, каким образом заяц может помешать бронтозавру идти налево. Если разум говорит, что приближается смерть и нужно искать решение, а эмоции не видят проблемы, соответствующее ситуации действие невозможно. Люди будут делать то, что им эмоции говорят, а не разум.

Реакция на проблему начнется, когда вступят в дело эмоции. Это случится, когда люди ощутят дыхание смерти (например, раком человек заболевает). Пассажиры тонущего корабля, у которых нет понятия «вне корабля», начнут суетиться, когда обнаружат, что в их каюте прибывает вода. У них начнется эмоциональная реакция. Только эффективность ее будет равна нулю, потому что поздно уже. Раньше нужно было думать.

Мы похожи на пассажиров тонущего корабля, для которых корабль — это весь мир. Мы не можем мыслить цели за рамками мира (корабля). Все наши цели в рамках мира-корабля. Все время и силы уходят на драки друг с другом за комфортные каюты. Кто их занял, у тех теперь забот полон рот — отбиваться от желающих их оттуда подвинуть до ремонта и уборки. Все они страшно переживают, что вдруг не успеют до затопления судна как следует прибраться. Вот срам то какой, тонуть в неприбранной каюте...

Когда все стремления людей стали обыденными и бытоустроительного характера, из них возникло общество потребления. По этому поводу не нужно морализаторствовать. Для правильного понимания ситуации скажу, что человечество до эпохи Просвещения — это гусеница, ползущая к звездам по дереву. Когда она забралась на макушку, и дальше ходу не было — это понимаем началом эпохи Просвещения. Общество не тратит энергию на путь вверх — прекращается финансирование строительства храмов, снимаются с довольствия священники. Пошел научно-технический прогресс и накопление жира (для последующего окукливания).

На смену религиозному феодализму приходит меркантильный капитализм. Природа капитала не предусматривает вложения в проекты, не приносящие прибыли. Наука в этот период делает только то, из чего можно извлечь прибыль. Так как самый эффективный способ получить прибыль — это отнять (затраты минимальные, прибыль максимальная) в этот период стремительно развивается производство оружия. Война в своей сути является коммерческим проектом. Войны ведутся исключительно с целью захватить чужое добро. Действие защищающейся стороны — вторичная реакция. Первичное действие — атака.

Все государства соревнуются друг с другом в убойной мощности оружия. Процесс достигает пика в 1945 году, когда появляется атомная бомба. Прямые столкновения между атомными державами невозможны, ибо это уже не война, а самоубийство дерущихся.

Социум отвлекается от драки. Развитие переходит с военного курса на мирный — на потребление и обустройство быта. Материальные блага развиваются до немислимых пределов. Сейчас среднестатистический человек имеет больше средневекового графа: горячая вода в доме, душ, ванна, теплый туалет, медицина, средства коммуникации, развлечения. И все это такого качества, о котором средневековые короли и не мечтали. Это совпадает с выхолащиванием всех видов гуманизма. В его идеалы больше никто не верит. Морализаторы со своими призывами к равенству всё больше раздражают.

В идейном вакууме единственный вариант сохранить власть элиты — скрытый потестас, удаление за кулисы. На сцену выводятся политические шоумены, выступающие перед зрительным залом. Приз зрительских симпатий — кресло президента на время.

В этой ситуации и волки сыты (власть постоянная) и овцы целы (народ видит результат своего голосования, сменяемость власти, и доволен). Чтобы между выборами не было лишних дум, система держит массу в границах обыденных целей: деньги, работа, бизнес и развлечения — мода, шоу, сериалы, игры, новостная лента. Общество жрет в три горла без цели насыщения — потребление ради самого процесса потребления.

Совпадение нескольких факторов: атомная бомба, деградация светских учений, рост эффективности производства, рождение новых технологий, как следствие, материальное благополучие и пребывание человека с пеленок в зомбирующей атмосфере, где его накачивают необходимыми шаблонами, фанатичная вера в либерально-демократические догмы, мировоззренческий вакуум — все это создало общество потребления. Его члены способны иметь только обыденные цели в рамках видимого мира и в моменте. Попытка вывести человека из этого состояния вызывает защитную реакцию — срабатывает блок. У всех разные блоки, одним смешно от мысли про цели выше быта, другие не слышат, третьи защищают свой образ жизни умствованиями. В конечном счете, все сводится к одному — остаться в зоне сиюминутного комфорта и оправдать себя.

Весь этот период нужно понимать временем накопления жира. Судя по взрывному росту людей, напрягающихся бесцельностью жизни, кому недостаточно бытовых целей для ощущения полноты жизни, у общества потребления началась стадия окукливания.

Чем развитее жизнь, тем выше ее цели. У бактерии только питание. Кошке помимо этого хочется удовольствия (с той же мышкой поиграть). У человека есть потенциал иметь цели за границами видимого. Он готов рисковать даже не ради стремления к этим целям, а во время поиска их. Ему не нужна абсолютная безопасность, потому что стопроцентная защищенность означает нулевую свободу. А без свободы нельзя выйти за границы.

Общество потребления накопило необходимое количество жира для преобразования в следующую стадию и перехода на следующую ступень: человек разумный смертный станет человеком разумным бессмертным. Мы выйдем за пределы материи в иные формы бытия, научимся творить свою реальность и в прямом смысле станем богами.

Лидер большевиков говорил: «Мы знаем: то, чего мы хотим, никто не может сделать, кроме нас». (В. Ленин). Мы тоже это знаем. Нам нужно ускорить трансформацию мировой системы. Для этого нам нужна власть формата аукторитас — дающая доступ к государственному ресурсу, но без довеска в виде политической и экономической текучки.

Нерв

Чтобы сформировать стратегию действий, начну с рисования образов, не касаясь нравственной стороны дела, только деловой аспект. Представьте, что вы опекун частично дееспособного лица, которое владеет большим имуществом. Управляя им, вы имеете свою выгоду. И это будет продолжаться до тех пор, пока вы опекаете это лицо. Но если завтра у этого лица опекуном станет другой, выгоды, которые вы имеете, перейдут к нему.

Или ситуация, когда вы по каким-то причинам не можете оформить свой актив на себя, и оформляете его на друга, в котором уверены как в себе. Или на лицо, над которым имеете такой же контроль, как русские барыни над крепостным парикмахером (иногда его

в клетке держали, чтобы не сболтнул секреты ее лысеющей головы). Де-юре подставное лицо владеет вашим активом, но де-факто владелец вы. Все знают, кто реальный хозяин актива, и ведут деловые разговоры с вами, а не с тем, чья фамилия стоит в документах.

Ситуация стабильна, пока подставное лицо живо. Но если вдруг оно скоростно скончается, разговор перейдет в юридическую сферу. Дальнейшее развитие событий будут определять не ваши устные договоренности, а закон. А по нему владелец тот, чья фамилия в документах записана. И если он умер, в права вступают его наследники. От них приедут юристы, которые начнут переоформлять активы на законных владельцев. С реальным хозяином им попросту не о чем разговаривать — нет предмета для разговора.

Переносим ситуацию на либерально-демократическое государство. В теории народ по всем документам — источник власти. На практике — подставная фигура с частичной дееспособностью. Пока тайные и явные правители контролируют его, они имеют власть. Но если потеряют, власть перейдет к тому, кто установил контроль над народом.

Задача обретает контуры... Чтобы получить власть, нам нужно установить контроль над источником власти — над народом. Осталось понять, что нужно конкретно делать для этого. Не абстрактные мысли из серии «хорошо бы мост хрустальный построить отсюда до Петербурга» (оставлю это оппозиции), а стратегию, план и последовательные шаги.

Начну с того, что в каждой эпохе есть один доминирующий элемент, контроль над которым дает власть. В прошлом таким элементом была территория. Захватывалась она и удерживалась с помощью меча. Кто производил самый мощный меч, тот контролировал самую большую территорию, и правил миром.

С научно-техническим развитием ценность территории уходит на второй план. Ключевым элементом становится экономика — производство и рынки. Контролировалась эта ценность через финансы. Кто генерировал международные деньги, тот контролировал мировую экономику, и в итоге правил миром (про это детально будет в третьей книге).

На следующем витке развития, когда источником власти заявляется народ, деньги с территорией уходят на второе место. Ключевым элементом становится сознание. Кто его контролирует, тот как следствие имеет власть и над территорией, и над финансами.

Сознание невозможно контролировать золотом или мечом. Только информацией. На первом этапе доминирующим генератором информации были СМИ. Чтобы владеть ими, нужны деньги. Источники денег, территория и экономика, принадлежали старой элите. Как следствие, СМИ тоже принадлежали ей. С их помощью она контролировала ключевой элемент новой эпохи, сознание, и в итоге сохраняла за собой власть, как и раньше.

С появлением интернета ситуация начинает стремительно меняться. До него СМИ не только генерировали информацию, но и имели монополию. Глобальная коммуникация и доступность информации создают ситуацию, где монополия невозможна. Но старая элита находит способ контролировать сознание через манипулятивные технологии. Контроль обретает другие формы, но в сути ничего не меняется. Меняются только декорации и шоумены. Власть по-прежнему сосредоточена в руках старой элиты.

Нужно вычленил основной элемент, благодаря которому возможна манипуляция. Я нахожу этим элементом идейный вакуум, в который сейчас погружен социум. Отсутствие единой цели позволяет формировать повестку дня, систему ценностей и образ мыслей самым умным, сильным и смелым людям. Пропитавшись ими, они тащат за собой массу.

Масса всегда подражает тем, кого считает выше себя. В Спарте самые лучшие люди демонстрировал презрение к богатству, и почитали превыше всего воинскую доблесть. И массы им подражали. Быть богатым было не круто. Круто было быть как волк, у которого нет ничего, но есть понадобится, он в любое время может отнять у овец необходимое.

В средние века самые честолюбивые, сильные и умные мечтали освободить Гроб Господень и строили планы по завоеванию Палестины. И им подражали массы. Люди почитали превыше всего подвиги во славу божью. Святой тогда был круче богатого.

В наше время самые умные и сильные устремлены в бизнес и политику, которая в сути своей сегодня есть бизнес. Система побуждает демонстрировать свое благополучие

разбогатевших людей. Рождается потребление напоказ. Люди покупают вещи, имеющие с практической точки зрения даже не нулевую, а отрицательную ценность (владение ими отнимает время и ресурсы). Но они говорят о высоком статусе в обществе потребления.

Вещи, главная функция которых — демонстрировать материальный успех своего хозяина, можно сравнить со стигмами. Так называются раны на руках и ногах там, куда Христу были забиты гвозди. Стигмы не имеют практической пользы. Напротив, они приносят страдания, требуют времени и сил для ухода за ними. Но людям они желанны, так как подтверждают достижение цели, заявленной в религиозном обществе высшей. У кричаще дорогих вещей та же история — они являются отягощением, но они желанны.

Широкие массы сегодня так же подражают торговой и производственной элите, как вчера подражали святым и воинам. Они берут непосильные кредиты, чтобы купить вещи, единственный смысл которых — показать, что они богаты. Так же, как в древнем мире люди специально делали дырки в своей одежде, чтобы казаться беднее, чем есть. Когда некий Антисфен старался двигаться так, чтобы все видели дыру на его плаще и оценили его презрение к вещам, Сократ сказал ему: через эту дыру я вижу твоё тщеславие.

В религиозном обществе объект подражания — святые. В милитаризованном обществе военные. В обществе потребления кумирами являются богатые люди. Народ всегда завидует «стигмам», в чем бы они не выражались. Он ориентируется на мнение носителей этих стигм во всех самых важных вопросах. На них ссылаются, их модель поведения является эталоном, в сложной ситуации берут за образец.

Характерная черта массы во все времена — желание обрести стигмы без труда. Чтобы религиозные стигмы появились без изнурения себя постом и молитвой; воинские (шрамы, например), не подвергая себя опасности; потребительские стигм (роскошь) чтобы не рисковать имеющимся. Чтобы все само как-нибудь произошло, вследствие чудесного средства, в роли которых у одних различные вещества, у других влюбленность, у третьих еще что-то. Массы — это недееспособные мечтатели, полагающие, что у них есть некие таланты, которые откроются вдруг, без особого труда. А они будут жить текущей жизнью, употреблять вещества, искать любви и ждать чуда по открытию мистических талантов.

Элита потребительского общества есть святые потребители. На них хотят походить, к их словам прислушиваются. Они ведут народ за собой. Но куда? Когда у прошлых элит была цель за рамками текущего обыденного мира, они понимали, куда ведут. Их взор был поднят к небу. У сегодняшних ведущих нет цели за рамками видимого мира. Они «просто живут» в соответствии с установленными в ее подсознание шаблонами, не умея сказать, ради чего живут, чего хотели бы достигнуть в конечном итоге. Судя по действиям, вся их цель — много кушать (в широком смысле). Естественно, при таком целеполагании голова их опущена. Они следуют за тем, что внизу, как щиплющая траву корова — за травой.

Умные и талантливые ведут за собой остальных, не отдавая себе в этом отчета. *«Если слепой ведет слепого, то оба упадут в яму»* (Мф. 15,14). Современное общество идет единым стадом в яму, находясь под действием манипуляции.

Старая элита имеет власть, пока может манипулировать массовым сознанием. Такая возможность у нее есть, когда головы всего общества опущены вниз. Над поднятыми головами манипуляция невозможна. Так как широкие массы всегда подражают тем, кого считают выше себя, все в конечном итоге зависит от положения голов умных и сильных.

Пока они опущены, головы масс тоже будут опущены, а значит, манипулируемыми. Но стоит умным и сильным поднять голову, как следом ее поднимут широкие массы. И на этом манипуляции конец. А вместе с ней конец власти старой элиты.

Старая элита держит опущенными головы умных и сильных, накачивая их сознание идеей посвятить жизнь обретению денег и вещей. На это ведутся не только торговые люди (им положено) но и те, у кого помимо торговых талантов есть и другие достоинства.

Тут уместно сказать, что я абсолютно не против торговых людей. Они выполняют важную функцию, обеспечивая циркуляцию товаров. Не было бы их, не было бы шанса хлеба в магазине купить, не говоря о большем. Но всё хорошо, когда оно на своем месте.

Накачка сознания потребительской идеологией возможна лишь в условиях идейного вакуума. Стоит его нарушить, и она будет невозможна. Значит, нарушение вакуума лишит старую элиту возможности манипулировать массами, а, следовательно, и власти.

Идейный вакуум исчезает с привнесением в общество мировоззренческой идеи. Кто ее принесет, тот замкнет на себя умных и сильных. Масса потянется за ними, как тело змеи за головой. В итоге социум будет завязан на носителей мировоззренческой идеи.

Сегодня благодаря стараниям старой элиты народ пропитан идеями демократии, а значит, по-честному осознает себя источником власти. Новая идея создает описанную ранее ситуацию, когда контроль над частично дееспособным лицом (народ) переходит от старого опекуна (носителя старого мировоззрения) к новому — носителю нового взгляда.

Народ всегда в этих вопросах будет частично дееспособным. В этом нет ничего обидного. Я, например, частично дееспособен относительно любого профессионала, хоть дантиста, хоть финансиста или политика. Дееспособность приходит при погружении в тему. Так как у народа всегда забот полон рот, работа, семья, дети, вещи, ремонт на кухне и огород на даче, он никогда не сможет посвятить время и силы на осмысление ситуации в таком масштабе. В общем, все те же аргументы, почему он никогда не сможет совершить осмысленного выбора. Народ относительно масштаба превышающего бытовой, всегда дилетант. И тот, кто всерьез полагает, что народ может сам собой управлять, что у него нужно спрашивать мнение по вопросам, в которых он не только ничего не понимает, но даже охватить их не может, понять, о чем речь, тот сам человек бытового масштаба.

Любой человек может ориентироваться только на то, что ему понятно. Никто не может взять за ориентир непонятное. Так как масса состоит из людей, масштаб мышления которых ограничен бытовыми ценностями, и единственное, что им понятно — это быт, их ориентиром является бытовая выгода здесь и сейчас. Рядовой человек не в состоянии задуматься, какие будут последствия для системы в целом, если принять решения с ориентиром на его сиюминутное благо, а не на благо системы в целом. Для подобных вопросов у него в голове нет места. Это дети, которые хотят конфет без ограничения, и не в состоянии поставить вопрос, во что это в итоге выльется.

Отдельно хочу сказать, что это не признак глупости, а природа. Ее нужно понимать и не ждать проявления качеств, которых у нее нет. Можете примерить это на себя. Когда тонул Титаник, капитан принял решение запереть пассажиров трюма, обрекая тем самым их на верную смерть, без единого шанса на спасение. Капитан исходил из блага системы в целом, игнорируя благо отдельного человека. Шлюпок на всех не хватало, и большинство гарантировано должны были погибнуть. По логике, если пустить дело на самотек, то погибнет больше. Чтобы сохранить порядок и спасти максимум, капитан закрыл на смерть людей в трюмах. И вот представьте себя на месте пассажира третьего класса. Вас закрыли в трюме и объяснили логику. На что вы будете ориентироваться? Конечно, на свое благо в моменте. И вам плевать на логику, ориентированную на благо целого. Не снимаемый конфликт между благом личного и целого налицо. В такой ситуации нужна твердая рука, из двух зол выбирающая меньшее и считающее его не меньшим злом, а большим благом. Если нет руки понимания в соответствующем масштабе, решение будет опираться на мнение большинства. В итоге реализуется самый плохой сценарий из всех возможных.

Широкие массы по своей природе ведомы, и потому всегда идут туда, куда их ведут. В роли ведущих всегда выступает малая часть социума — талантливые и умные люди. *«Разве не знаете, что малая закваска квасит все тесто?»* (1Кор.5,6). Но когда в мире нет идеи, соответствующей уровню развития общества, место талантливых и умных занимают преимущественно торговые люди (исключения есть, но они подтверждают правило). Не торговые таланты в обществе потребления консервируются до лучших времен, как вирус в вечной мерзлоте, который ждет своего часа. И однажды он всегда наступает...

Теперь посмотрим, что произойдет, если в либерально-демократическое общество, пребывающее в абсолютном идейном вакууме, опустить идею религиозного масштаба (мировоззренческую идею). Для визуализации немножко пофантазируем.

Модель

Представьте государство, совмещающее в себе средневековую католическую Европу времен расцвета власти Папы и либеральную демократию. Население этого государства на 99,9% состоит из истово верующих католиков. Но при этом все они до мозга костей пропитаны либерально-демократическими установками. По закону этого государства власть может быть только временная. Покушение на постоянную власть — тяжкий моральный грех и тягчайше уголовное преступление. Светскую власть в этой стране невозможно получить по праву рождения или силой. Единственный способ — выборы.

У каждого гражданина, достигшего определенного возраста, есть право на время сесть на трон — стать временным королем. Для этого ему надо зарегистрироваться кандидатом и принять участие во всенародных выборах. За кого христиане проголосуют, тот предусмотренное законом время будет носить корону — станет правителем.

По окончании срока временный монарх снимает корону. Конституция дает ему еще раз попытаться стать правителем. Для этого он в общем порядке с другими кандидатами регистрируется и если снова выигрывает выборы, сидит еще один срок. Последний.

Через два срока, будь правитель хоть золотой, все равно должен освободить трон следующему народному избраннику. Это требование не связано с качествами правителя. Таково правило. Кадровая текучка здесь не форс-мажор, а штатное состояние системы.

Не факт, что короля выберут на второй срок. Нет даже гарантий, что он первый срок весь отсидит. Его в любой момент могут через импичмент лишиться власти. Если сильно досадил, могут лишиться имущества, свободы, иногда даже головы. Короли меняются точно в срок, как часовые. Или раньше. Ни у кого мысли нет задержаться подольше.

Социально-политическая архитектура выстроена так, что временный правитель ни при каких условиях не может стать постоянным. Все как в США, где государственные институты отталкивают друг друга, как одинаково заряженные частицы, что исключает их слияние и возникновение доминирующей силы. Все следят друг за другом, чтобы никто не получил власти сверх меры. Вечный конфликт интересов создает сдержки и противовесы, уравнивая ключевые узлы. Закон в таких условиях нельзя технически нарушить. Система устойчива и абсолютно независима от воли отдельной личности.

Еще представим, что регистрация кандидатов проходит без участия человека, а голос отдают по интернету (например, цифровой валютой — перечисляют за кандидата одну копейку или миллионную часть копейки, не важно). Важно, что именно платеж, ваш голос, технически невозможно подделать. Отправляется платеж одним кликом с любого устройства, никуда ходить не нужно. Вся история платежей прозрачна и сохраняется.

Если система полностью прозрачна, она непроницаема для злоупотреблений в виде приписок и прочих нарушений. Человеческий фактор исключен. Административный ресурс минимизирован. Принципы демократии при этих условиях реализованы на 100 %.

Как вы думаете, кто в этой ситуации будет реальной властью, временный король, которого в любой момент могут сместить, или постоянный Папа, представитель Бога на земле, чья власть не зависит от выборов, но результаты выборов зависят от его слова.

Вопрос риторический. Добрые католики проголосуют не за того, кого рекомендуют политтехнологи, а за того, кого похвалит представитель Бога. Цена политтехнологов не вызывает сомнений — они люди наемные, кто им платит, того и обслуживают. Вы заплатите, будут вас обслуживать. И потому их слово имеет соответствующий вес. Слово Папы не продается и потому имеет другой вес. Размер этого веса показывает индекс запрещенных книг, список книг, которые Папа не рекомендовал читать добрым верующим. И люди не читали неправильных книг. Король на фоне Папы как директор на фоне хозяина — хозяин может уволить директора, а директор хозяина нет.

В силу законов бытия так организованная социально-политическая модель будет неизбежно вытягиваться в пирамиду. Ее вершину займет представитель Бога (читай,

идеи). Под ним будут временные демократические правители в статусе челяди, целующие его башмак в знак приветствия. Даже когда пожизненную власть Папы уравновешивала пожизненная власть короля, его статус был за пределами. Что говорить о временном короле, получившем власть через демократические выборы, где решающее слово было бы за Папой. И где он сидит на своем месте до тех пор, пока у Папы хорошее настроение.

Сегодня примерно такая модель в Иране. При верующем населении победу на выборах определяют не усилия специалистов по манипуляции массовым сознанием, а мнение духовных лидеров. Кого лидеры ислама назовут достойным власти, за того добрые мусульмане и проголосуют. Кого не одобряют, у того нет шансов победить на выборах. Даже круче, нет шанса зарегистрироваться в качестве кандидата.

По закону высшая власть — временный президент. По факту — постоянные аятоллы. Как показатель, они могут выписать нерадивому президенту палок. Да-да, такое наказание официально предусмотрено, если правитель против ислама и его лидеров что-то не так скажет. Оценивать его слова будут, как вы догадываетесь, духовные лидеры.

Теперь вообразим такое же либерально-демократическое государство, но на этот раз в нем нет никакой мировоззренческой идеи ни религиозного, ни рационального формата. Как следствие, там неоткуда взяться носителям идеи и представляющему идею институту. Не может там быть и идейного лидера, не важно, Папы или Вождя. Социум погружен в идейный вакуум. Все головы опущены вниз. Ни у кого нет никакой большой цели, а про смысл жизни даже говорить смешно. Это моветон (плохой тон). Единственное, к чему люди могут стремиться в такой атмосфере — это деньги, вещи и сиюминутка.

Допустим, есть силы, заинтересованные держать социум в безыдейном вакууме. При определенных условиях в этом состоянии можно довольно долго удерживать общество, но не бесконечно долго. Дело в том, что у человека есть желание не только много и вкусно потреблять, но еще и заглянуть за рамки видимого. Эта жажда является разновидностью голода, который требует насыщения. Насытить его может только глобальная идея.

Но ее не только нет, но и создаются условия, препятствующие ее появлению. Прямо и косвенно система не поощряет задаваться вопросами, не имеющими отношения к чему-то сиюминутному. Все, что превышает бытовые цели, позиционируется демагогией и пустой болтовней, до которой успешным и серьезным людям неприлично опускаться.

Из-за этой установки у общества атрофируется способность заглядывать в будущее, сужается горизонт видимости. Как следствие, люди костенеют в навязанных им шаблонах. Под давлением безыдейного вакуума они начинают сжиматься и становятся меньше.

Одни люди подобны пружинам из упругого металла, другие из мягкого. Мягкие под давлением сплющиваются. У человека исчезает жажда нового, потребность в большом. Он превращается в обывателя, все интересы которого в рамках денег, вещей, тщеславия. Из этих людей образуется масса. Пружины упругого металла не теряющие своих качеств. Им так же хочется всего, чего хочется мягким, но плюс у них сохраняется жажда нового. Многие из них ее не осознают ясно, но чувствуют. Такие способны смотреть на звезды.

Такой социум напоминает воду, в которой растворено много вещества. Внешнего его не видно, жидкость выглядит простой водой, на самом деле являясь пересыщенным раствором. Простая вода — это масса, а растворенное в ней вещество — жаждущие люди.

Если в раствор опустить кристаллик, вокруг него начнется бурная кристаллизация. При очень пересыщенном растворе кристаллизация будет иметь лавинообразный характер. В некоторых случаях даже взрывной. Львиная доля вещества отделится от воды. Что казалось ровным и единообразным, поделится на две части, на кристалл и воду.

Аналогичным образом отреагирует на появление мировоззренческой идеи общество, погруженное в идейный вакуум. Если идея соответствует уровню развития общества, у лучшей его части запустится процесс изменения сознания. Трансформируется менталитет, возникнут новые стандарты мышления, поведения и смыслы. Они будут соответствовать не потребительским стандартам, а новому мировоззрению и выведенной из него цели.

У нас есть идея, близкая всем смертным — преодоление смерти. Не предложение вечно жить (люди к такому морально не готовы, как рабы, родившиеся в рабстве, не готовы к свободе), а расширение прав и свобод. Каждый имеет право стареть и умирать по своему желанию. А пока такого желания нет, оставаться молодым и живым. Но как только появилось желание стареть и умирать не по своей воле, а по старинке — по чужой воле, случая или независимых от него обстоятельств, тот стареет и умирает так же, как сейчас люди умирают. Если же человек хочет ускорить этот процесс, и не ждать смерти, а умереть как можно быстрее, к его услугам вся медицинская наука. Может в тот же миг умереть, может растянуть процесс, и смерть его будет подобна переходу в рай — будет волшебной и безболезненной, тянущейся пока есть возможность, напоминая затяжной оргазм, умиротворение и все такое. Никому жизнь и смерть никак не навязывается. Речь идет только о праве жить, а не об обязанности.

Против такой идеи аргументированно не могут выступить даже те, кто верит, что в рай попадут после смерти. Как ни крути, а все же верующие хотели бы перемещаться на тот свет не по независящим от них обстоятельствам, а по своей воле. Кто говорит, что это не так, что он хочет по божьей воле, тот лукавит. Иначе бы не лечился, ибо его болезни по воле божьей. Но раз лечится, значит, ему близка идея стареть и умирать по своей воле.

Ницше писал: «Существует право, по которому мы можем отнять у человека жизнь, но нет права, по которому мы могли бы отнять у него смерть». Я не предлагаю отнять у людей смерть. Я предлагаю дать им возможность изъявлять свое желание смерти.

Опущенную в идейный вакуум цель сначала примут самые продвинутые, свободные, умные и талантливые. Сознание из обывательско-потребительского формата переходит в идейный — люди поднимают голову. За ними другие. Начинается цепная реакция.

Настоящая, живая идея, время которой пришло, имеет природу вируса. Используя энергию социума, она распространяется только за счет среды. Если идея не имеет такого потенциала, значит, это не идея, а пропагандистский штамп или манипулятивный лозунг. От такого пахнет мертвечиной, и чем больше его навязывают политики и коммерсанты, как бы ловко они это ни делали, тем больше к их информации возникает неприязни.

Невозможно манипулировать обществом, поднявшим голову. Старая элита в новых условиях теряет контроль над ключевым элементом системы — над сознанием частично дееспособного лица — над народом. И так как он источник власти, она теряет власть. Ну и дальше по цепочке — утратив власть, она теряет контроль над источниками ресурсов.

Власть всегда принадлежит тому, кто контролирует ключевой элемент системы. Как только критическая часть демократического социума примет идею преодоления смерти, результаты выборов будут определять носители идеи. Если в обществе все верующие, власть будет у верующих. Если в обществе все идейные, власть получит только идейный.

Причем, по условиям демократии, на время. Потом его сменит другой сторонник идеи. В общем, такая же картина, как в описанном выше средневековом государстве, где все избиратели верующие, и правители по результатам выборов садятся на время на трон.

В крупных штрихах ухвачена концепция изъятия власти у старой элиты в условиях идейного вакуума и пропитанного догмами либеральной демократии населения. Осталось понять, что конкретно делать здесь и сейчас. Люди вкладываются в дело своим временем, деньгами и талантами, если видят, что им не отвлеченные фантазии предлагают, а реальное дело, и результат стоит усилий. Пока люди не видят реальности, у них не может быть мотива участвовать в деле. Максимум, они могут поговорить о деле.

Что люди думают по поводу вашего проекта, говорят не их слова, а их дела. Если вы знаете, где зарыт клад, и ищите партнеров выкопать его, кто найдет ваши аргументы убедительными, того не нужно уговаривать. Он сам будет проявлять инициативу. Кто найдет ваш проект недостойным внимания, тот пальцем не пошевелит на ваш призыв.

САМОСОХРАНЕНИЕ

Основа

Нельзя посадить новое дерево на месте старого, не выкорчевав прежде старое. Нельзя построить новое здание на месте старого, не снеся прежде старое. Нельзя создать новый мир, не демонтировав прежде старый. Сотворение нового на голове старого — это не новое, а всегда апгрейд старого. Чтобы создать новое на площадке, занятой старым, прежде нужно зачистить площадку от старого, и только потом браться за создание нового.

Чтобы создать капиталистическое общество, первым шагом нужно было убрать феодальный мир, и только после этого приступить к строительству нового типа общества. Пока сохранялся феодальный мир, о строительстве нового не могло быть и речи.

Чтобы построить общество, направляющее ресурсы против смерти, первым шагом нужно разрушить потребительскую цивилизацию, направляющую ресурсы общества ровно в обратную сторону — против жизни. Разрушение начинается с инженерного понимания конструкции, с вычленения ключевых узлов и понимания их природы.

Традиционная цивилизация похожа на здание, состоящее из фундамента, несущих балок, опирающихся на него, и навесных элементов. В роли фундамента мировоззрение. В роли несущих балок — понятия добра и зла, нормы и табу, система ценностей. Они образуют костяк, на который опираются навесные элементы: основные законы, задающие стратегический курс, из них вытекают вторичные законы, организующие текущую жизнь.

Внешний взгляд наблюдает только вторичные и декоративные элементы. Их связь с фундаментом и костяком здания не видна. Внешняя оболочка здания принимается за всё здание. Кажется, оно стоит само по себе, не опираясь ни на какие фундаменты и костяки.

Аналогично и с цивилизацией, поверхностный взгляд не видит основополагающих элементов. Кажется, все видимые понятия и правила, регулирующие текущую жизнь социума, являются самодостаточными и не нуждаются ни в каком основании.

Поверхностный взгляд оценивает прочность цивилизации и здания не по качеству фундамента и костяка, а по фасаду и декоративным элементам. Конструкция может быть гнилой, как феодальный мир перед крахом, но внешне выглядеть здоровой и надежной. И наоборот, может быть невзрачной и не иметь никакой внешней привлекательности, но при этом обладать гигантским потенциалом. В качестве примера можно указать на идейное движение (на нас) или на нарождающуюся децентрализованную финансовую систему (в этом движении мы тоже сыграем гигантскую роль, о чем расскажем в третьей книге).

Ломая навесные элементы дома, можно испортить его внешний вид, но невозможно уничтожить дом. Чтобы сломать дом, нужно рушить его системообразующие элементы. Как только исчезнет фундамент, следом поплывут несущие балки, которым не на что будет опираться. Далее конструкция под весом навесных элементов начнет рушиться.

В теории можно уничтожить цивилизацию физически, сломав критическое число ее материальных объектов и убив ее носителей. Но это самый неэффективный способ из всех возможных, требующий огромного физического превосходства над жертвой.

Оптимальный вариант — сломать основание цивилизации. Костяк потеряет опору, и конструкция начнет рушиться под своим весом как карточный домик. Чем более развита цивилизация (на ней больше навесных элементов) тем быстрее пойдет процесс.

Всякая цивилизация подобна «Батавской слезе» (второе название — «Капля принца Руперта»). Она получается, когда расплавленное стекло капает в холодную воду. Капля становится настолько прочной, что если ее положить под пресс, она вонмется в металл. Но стоит у нее сломить кончик, как она становится хрупкой как обычное стекло.

У традиционной цивилизации таким кончиком является мировоззрение. Стоит его сломать, как конструкция потеряет прочность и начнет разваливаться под давлением своей массы и под факторами, давление которых до слома спокойно выдерживала.

Никакими материальными средствами христианскую цивилизацию, опиравшуюся на Библию и информацию, заявленную полученной от Бога, нельзя было сокрушить. Но у нее был кончик, слом которого рушил внутреннюю структуру цивилизации. Церковь утверждала, что Солнце вращается вокруг Земли. Источником этой информации заявлялся Святой Дух. Поэтому она имела статус божественной истины — абсолютной истины.

Когда Галилей, старичок системы «божий одуванчик», усовершенствовал телескоп и предложил каждому желающему убедиться, что информация от Церкви не совпадала с информацией от реальности — не Солнце крутится вокруг Земли, а наоборот, Земля вокруг Солнца. Авторитет Церкви потерпел сокрушительный удар.

Если одна «божественная информация» не соответствует действительности, есть основания подозревать остальные. Несущие балки христианской цивилизации утратили основание. Далее начал рушиться костяк. Удерживать цивилизационный вес навесных элементов больше было нечему. Началось лавинообразное разрушение конструкции.

Цивилизация получила такие разрушения, каких не могла принести атомная бомба. Порох, превративший крестьян в солдат и уничтоживший монополию рыцарей на насилие, и пар, сделавший из ремесленников рабочих, а из купцов буржуазию, ускорили процесс. Но решающий удар по христианской цивилизации нанесла информация Галилея.

Аналогичным образом рухнула цивилизация ацтеков. Согласно их мировоззрению, восход Солнца был следствием принесения людей в жертву. Индейцы верили в это так же свято, как вы верите, что настоящее следует из прошлого, а, например, не из будущего.

Чтобы Солнце взошло, жрецы ежедневно совершали на центральных алтарях человеческие жертвоприношения. Никто не рисковал проверить, а что будет, если не принести жертву. Аборигены свято верили, что без жертвы Солнце не сможет взойти.

При таком взгляде на мироздание человеческие жертвоприношения оценивались не злом, а добром. Смерть одного человека давала жизнь миллионам. Здесь логика иудейского первосвященника, сказавшего своим коллегам про Христа: *«Лучше нам, чтобы один человек умер за людей, нежели чтобы весь народ погиб»*. (Ин.11,50).

Чтобы доказать ошибочность индейского мировоззрения, Кортес выставил охрану у жертвенных алтарей. В тот день жрецы не принесли жертву. Утром ацтеки увидели чудо — Солнце взошло. Это было настолько удивительно, что среди индейцев пополз слух, будто Кортес тайно принес жертву. Иного объяснения восхода Солнца у них не было.

Но когда и дальше жертвоприношений не было, а Солнце вставало, индейские мозги натужно закрипели. В головах местных интеллектуалов пошли фундаментальные сдвиги и в итоге они пришли к выводу, что восход Солнца не зависит от принесения людей в жертву. Произошла мировоззренческая революция, имевшая далеко идущие последствия.

Простолюдины еще долго уверены, что жертвоприношения приносятся, имея наглядное доказательство — каждый день всходило Солнце. Но преобразования уже было не повернуть вспять. Старое мировоззрение в головах индейской элиты рухнуло. Вопрос времени, а не принципа, когда оно дойдет до периферии. Южноамериканская цивилизация стремительно заваливалась на бок, как дом, потерявший фундамент.

Ацтеки были цивилизацией с развитой экономикой, культурой, и армией около двух миллионов воинов. Отсутствие совершенного оружия компенсировалось генетически заниженным болевым порогом и легким восприятием смерти (ее не считали проблемой).

Кортес, имевший в своем распоряжении несколько сотен солдат, ни при каких условиях не мог покорить ацтеков грубой силой. Оспа, от которой у индейцев не было иммунитета, и внутренние разборки сыграли примерно ту же роль, что пар и порох для христианской цивилизации — дополнительную, как политические и дипломатические усилия Кортеса. Решающее значение сыграло то, что империя утратила мировоззрение.

Чтобы уничтожить религию, нужно не храмы ломать, а информацию, породившую храмы. Дальше люди сами сломают храмы (или они с течением времени развалятся). Храмы всегда возникают от веры. Вера никогда не возникает от храмов.

В Москве в 2011 году началось строительство железобетонных конструкций в виде православных храмов. Официальная цель этой операции: обратить народ в веру. Само по себе такое целеполагание через эту технологию даже на слух звучит дико. Не могут каменные коробки сформировать народу христианский взгляд на мир. Этот проект может обогатить ключевых участников процесса, но не может никого обратить в христианство.

Потребительскую цивилизацию не сломать через уничтожение ее мировоззрения по причине его отсутствия. Чтобы найти ее ахиллесову пяту, нужно понять ее конструкцию, на чем она держится? Какие элементы являются первичными, а какие вторичными?

Начну с того, что если меняется взгляд на мир, следом меняются фундаментальные ценности. Невозможно, чтобы взгляд на мир изменился, а система ценностей нет. Если человек верит в Бога, высшим благом он считает спасение души, а высшей ценностью Бога. Если перестал верить, его старые понятия добра и зла не могут сохраниться.

Если индейцы перестали верить, что жертвоприношение приводит к восходу Солнца, они не могут считать принесение людей в жертву хорошим делом. Если человек не верит в Бога, он не может считать полезным времяпровождением стояние в храме.

Когда христианский взгляд на мир сменил гуманистический, следом должны были смениться понятия добра и зла. Но почему же этого не происходит? Потому что гуманизм никогда не был цельной картиной мира, дающей ответы на онтологические вопросы.

Максимум, что он сделал, это заявил, что у Церкви неверное понимание мира. Ок, согласились, но что дальше? А дальше ничего... Дальше куча фантазий на тему, что есть мир. Ни под одним нет никакого обоснования. Художник так видит мир...

Гуманизм даже Бога прямо не отрицает. Напротив, он говорит красивые слова про свободу совести, про право человека исповедовать любую религию или не исповедовать никакой. Но при этом утверждает человека высшей ценностью.

Это утверждение указывает на глупость или на лукавство. Чтобы показать это в двух словах, начну с того, что высшая ценность по большому счету одна. Двух ценностей не может быть. В религиозном обществе такой ценностью является Бог. Выше него ничего помыслить нельзя. Громко заявляя человека высшей ценностью, гуманизм этим тихо отрицает Бога, заявляя его в шкале ценностей серебряным призером. Но Бог в роли вторичной ценности — это что угодно, только не Бог.

В любой религии вера в Бога есть выполнение воли Бога. Он может требовать от своей паствы как кровавых жертв, вести войны за веру или истреблять еретиков, так и бескровных, аскетично жить с ориентиром на заповеди, держать посты и молиться.

В рамках гуманизма вера в Бога выражается в произношение фразы «я верю в Бога». Под богом этот тип верующих понимает не то высшее существо, кому нужно возводить храмы и совершать в них утомительные богослужения, а безвольное существо, которое готово выполнять волю человека, если он за это будет верить в его существование. Откуда люди взяли, что Бог должен помогать достигать цели, которых не ставил? На этот вопрос ни один верующий гуманист не ответит. Темы за рамками быта неподъемны для народа.

Религиозный формат веры — люди исполняют волю Бога. Гуманистический формат наоборот — бог исполняет волю людей. Верующие нового типа вместо жертв и молитв адресуют богу просьбы и требования преимущественно финансового и бытового характера: просят денег, жениха или невесту, не опоздать на самолет/поезд и все в таком духе. С ним по-деловому торгуются: «Божечка, если сможешь пройти собеседование, я взамен поверю, что ты есть, и всем при случае буду рассказывать, что это ты мне помог».

Если он хорошо справляется с данными ему поручениями, верующие награждают его фразой «слава богу». Если не оправдывает возложенных на него надежд, верующие возмущаются и гневно произносят: «Куда бог смотрит?!». Типа, я чо, зря в него верю?!

В рамках гуманизма возможен только карманный бог. Религиозный Бог невозможен. В религии Бог в статусе господина, а в гуманизме это лакей. В табели о рангах он ниже домового. Домовёнку хотя бы иногда блюдце с молоком ставят, а карманному — вообще ничего. В него «просто верят». Пастве этого «бога» в страшном сне не приснится что-либо

жертвовать ему, воевать за него, строить ему храмы и прочее. Ему вместо храма хватит уголка в сердце верующего. «...Лучше совсем без Бога, лучше на собственный страх устраивать судьбу, лучше быть безумцем, лучше самому быть Богом!» (Ф. Ницше).

Гуманизм появился через изъятие из христианства онтологического масштаба и пассивное отрицание Бога. Удаление из христианства Бога подобно удалению ствола из дерева. Утратившие опору религиозные утверждения осыпались в кучу. Вывести из нее новые понятия добра и зла, годные для регулирования бытовой сферы, межличностных отношений и текущей жизни, было совершенно нереально. Но пока новая власть про это не думает. Пока она громогласно отвергает выведенные из религии старые скрепы.

Делается это по разумной причине — если утверждение ложное, сделанные из него выводы тоже ложные. Если общество считает, что Бога нет, зачем ему соблюдать волю Бога? С исчезновением причины исчезает следствие. С уходом тропического климата уходят флора и фауна. С уходом феодализма уходят рыцари. С уходом религии уходит грех (преступление перед Богом). Невозможно, чтобы причина ушла, а следствие нет.

Нельзя объявить Церковь гадиной, а порожденную ею шкалу ценностей считать истиной. На этом справедливом основании гуманисты смотрят на выведенные из религии нормы и табу как на строительный мусор, место которому на помойке истории. Новые правители запевают песню «Отречемся от старого мира/ Отряхнем его прах с наших ног».

С отречением от старых ценностей не было проблем. Проблема появилась, когда стало ясно, что государство есть конструкция из множества связанных воедино элементов. В роли скреп были фундаментальные ценности, выведенные из взгляда на мир. С отрицанием старых скреп и невозможностью добыть новых государство остается без скреп и стремительно рушится, грозя под своими обломками похоронить правителей.

Власть оказалась в интересной ситуации — новые скрепы выводить не из чего, так как вместо нового мировоззрения была фраза «гуманистическое мировоззрение». Точно как с новой верой в Бога, где вера свелась к произношению фразы «я верю в бога».

Делать нечего, единственный выход в такой ситуации: использовать старые скрепы. Нет проблем предложить обществу взять за эталон церковные нормы и табу. Им и так по привычке следовали, не задумываясь. Есть проблема объяснить, как это так, Бога нет (или есть, но карманный), а власть предлагает волю Бога (заповеди), считать истиной.

Ситуацию решили через тихое отрицание природы христианских понятий добра и зла (так ранее тихо отринули Бога). Сказали людям, что те понятия, к которым вы привыкли, они не от христианства, а врожденные. Что люди с ними рождаются точно так же, как с инстинктом. Потому они не нуждаются ни в каких основаниях. Они абсолютные азбучные истины, само собой разумеющиеся и очевидные любому нормальному человеку.

На этом основании их переименовывают в общечеловеческие ценности, и с большими эмоциями заявляют, что святой долг настоящего человека — следовать им. Так догмы, нормы и табу, рожденные религией и прошлыми экономическими и социальными условиями, гуманисты незаметно перекрашивают их из религиозного цвета в светский.

Если бы действительно понятия добра и зла были чем-то вроде инстинкта, не было бы нужды побуждать людей следовать им. Никто же не побуждает следовать инстинкту самосохранения или сексуальному инстинкту. Не было бы нужды в замках и полиции. Люди сами бы оставались в рамках так называемых общечеловеческих ценностей. Но если такая нужда есть, значит, это никакие не инстинкты, а приобретенные шаблоны.

Безжизненность

Все существовавшие до эпохи демократии цивилизации были домом на фундаменте. Гуманистическая цивилизация является первой в истории человечества конструкцией, под которой нет фундамента. Принцип ее инженерного устройства: ключевые ценности оперты друг на друга, замкнуты сами на себя.

Фундаментальная конструкция на вопрос, например, почему один секс допускается, а другой нет, или откуда берется нравственность, давала четкий ответ: такова воля Бога. В новой конструкции, демократической, на вопрос, откуда берется нравственность, ответ: из запретов на секс. А на вопрос, откуда берутся запреты на секс, ответ: из нравственности.

На словах гуманизм отменяет старые ориентиры, запечатленные в заповедях, и дает новые — разум, логику и здравый смысл. При таких ориентирах добром становится действие, кому-то несущее радость и никому не несущее зла. Злом становится действие, никому не несущее радости и хотя бы одному несущее горе. Между этими полюсами миллионы полутонов и нюансов, но технология определения добра и зла задана четко.

Посмотрим, как он соответствует своим словам. Возьмем для оценки, например, совокупление человека со свиньей. Верующие негативно оценят это, опираясь на слова Бога: *«И ни с каким скотом не ложись..., и женщина не должна становиться перед скотом для совокупления с ним: это гнусно»*. (Лвт. 18, 23). Мы же, оценивая его, берем за ориентир предложенный гуманистами подход: смотрим, кому несет это действие зло, кому добро. Чтобы избавиться от эмоций, попробуем смотреть на половой акт человека со свиньей так, как смотрели бы инопланетяне, для которых люди — как для людей бактерии.

Оценивая акт зоофилии по предложенной гуманизмом технологии, мы видим, что для негативной оценки нет места, так как это никому не несет зла. И так как оно несет, как минимум, удовольствие одному человеку, по разуму это действие определяется добром.

Гуманисты оценивают его злом. Но аргументы, на какие они ссылаются, не имеют отношения к заявленным гуманистами принципам. Они говорят, что подобное действие унижает человеческое достоинство, оскорбляет нравственность общества и все в таком духе. Но в основе такой оценки лежит не разум, а эмоции с религиозными корнями.

Странными тут являются сразу два момента. Во-первых, почему под достоинством и нравственностью понимаются образы, сформированные в религиозную эпоху? Понятно, если бы верующие приводили такие аргументы, на фоне их мировоззрения тут железная логика, как в действиях ацтеков до Кортеса, приносивших жертву. Но почему гуманисты, заявляя человека высшей ценностью, берут за ориентир образы, выросшие на религии?

Во-вторых, если человек делает эти упражнения не публично, а скрыто, почему это оценивается негативно? Защитники животных могут сказать, что злом тут является грубое обращение с животными. Получается, если мужчина в контакте с женщиной — это не оценивается злом и грубостью, а если со свиньей, то оценивается. Остается надеяться, что защитники не считают свинью более нежным существом по сравнению с женщиной.

Если мужчина засунет в свинью нож, обычные люди, регулярно едящие свинину, оценят действие забойщика добром, так как оно несет пользу людям — мясо. Защитники животных оценят это злом, потому что тут убийство. Разногласия в оценке сведутся к вопросу о правах свиньи. Оставим им эту тему и спросим обоих, что хуже, засунуть в свинью нож или пенис? Защитники животных скажут, что нож — это зло, но пенис еще большее зло. Обычные люди скажут, что нож — это добро, а пенис — большое зло.

Если бы свинья умела думать, она бы, глядя на стоящего мужчину с эрегированным членом в одной руке и ножом в другой, молилась: хоть бы этот человек пошел по пути зла, хоть бы воткнул в меня свой пенис, хоть бы не сотворил со мной добро, не сунул нож.

Когда гуманисты говорят, что любому здравомыслящему человеку очевидна истина их взглядов, потому что это всем нормальным ясно, большинство искренне считают, что их оценка рациональна. Никто не понимает, что рациональностью тут и не пахнет, тут за рациональность выдается эмоция религиозного происхождения. Ее генерируют шаблоны, в которые превратились отрезанные от религии заповеди.

Есть масса примеров, когда гуманизм призывает руководствоваться разумом при оценке того или иного действия, но на практике ориентируется на эмоции. По этому признаку общество потребления ниже южноамериканских цивилизаций. Когда ацтеки

говорили, что здравомыслящим людям очевидна необходимость жертвоприношений, они опирались на мировоззрение. Гуманисты в своих утверждениях опираются на эмоции.

Традиционная цивилизация подобна едущему по рельсам паровозу. Ее плюсы — она может идти по ветру, может против. Минусы — она не может двигаться вне рельс. Если выяснится, что рельсы ведут в пропасть, она не может изменить направление движения, равно как не может остановиться. Общество всегда развивается, всегда в движении. Оно будет двигаться старым курсом, пока очередной Галилей не уберет на пути одну рельсу. Тогда паровоз гарантированно улетит в кювет, где будет лежать, пока не обратится в прах.

Гуманистическая цивилизация подобна катящемуся по твердой плоскости шару. Он соприкасается с землей одной точкой. Причем, соприкосновение всегда в новом месте, так как на шар всегда дует ветер истории, которому он не может противиться. Он катится по ветру. Его конструкция не предполагает движения с боковым ветром или против ветра.

Ее плюсы — она всегда соответствует истине в моменте. Добро и зло определяет по тому, что сейчас добро и зло. Нет предпосылок для возникновения отвязанных от момента понятий и ценностей, так как нет будущего, есть только обозримый момент.

Минусы гуманистической модели — интеллектуальная беспомощность в масштабе за границами обыденности. Гуманизм не может дать ответа ни на один большой вопрос: что есть мир, откуда он взялся, что будет после смерти и т.д. Люди всегда смотрят вниз (что хорошо, не споткнуться в моменте) но никогда не поднимают голову (что плохо, они не знают, куда идут). От заповедей, подsunутых им в качестве долгосрочных ориентиров и переименованных в общечеловеческие ценности, они отказываются, так как сознательно и бессознательно люди понимают, что это бла-бла. Реальными ориентирами становятся сиюминутное добро и зло, что превращает гуманистическую модель в потребительскую.

Раннее гуманистическое общество хотя бы делало вид, что у него есть цели выше быта. Позднее гуманистическое общество, оно же потребительское, даже вида не делает. Оно целиком сосредоточено на моменте, что способствует накоплению жира. Растет нагрузка на слабый и без того костяк. Такая конструкция теряет строгость форм, ветшает и заваливается набок. Позаимствованные у религии ценности с каждым годом ветшают.

Сегодня мировая система — страдающее от ожирения тело с хрупким скелетом. Если у библейского истукана из сна царя Навуходоносора глиняными были только ноги, то у современного мира весь скелет глиняный. Информационный удар по нему вызовет лавинообразное крушение.

Чтобы разрушить традиционную цивилизацию, нужно бить по мировоззренческому фундаменту. У потребительской цивилизации нет такого фундамента. Куда же нужно бить, чтобы запустить разрушение? (вернее, ускорить процесс, разрушение и так идет).

Когда ацтеки считали, что причиной восхода Солнца являются жертвоприношения, они из этого выводили понятия добра и зла и шкалу ценностей. Возникали институты, обеспечивающие движение системы в рамках заданного курса. Они образовывали костяк, на котором стояли законы, регламентирующие текущую политическую и экономическую жизнь империи. Но как только выяснилось, что восход Солнца не зависит от принесения людей в жертву, все базовые понятия потеряли основание. Следом посыпались институты. С обрушением костяка империя начала разваливаться как картонный домик.

Когда монархическая Франция верила в Бога, из этого вытекали понятия добра и зла и шкала ценностей. Для их обеспечения возникли различные институты, образовывавшие костяк государства. На него опирались законы, организующие текущую жизнь общества. Но как только общество отказалось от христианства, все базовые требования остались без основания. Институты, обеспечивавшие выполнение этих требований, потеряли смысл. За обрушением государственного костяка начался лавинообразный крах конструкции.

Фундамент гуманистического общества — мировоззренческий вакуум. На его базе стоит вера, что фундаментальные понятия, на которые ориентирован социум, автономны и самодостаточны. Из этой уверенности растут институты, нацеленные на сохранение этих понятий. Все вместе это образует костяк, на который опирается цивилизация.

Практически никто не знает, не понимает, не думает, что «непреложные, азбучные и естественные» истины есть порождения религии и политэкономических и социальных условий прошлого. Все ключевые понятия: нормы и табу, мораль и аморальность, доблесть и позор, верность и измена, висят в идейном вакууме, опираясь друг на друга.

Ситуация как в советском анекдоте, где у еврея спрашивают: откуда деньги? Тот отвечает: из тумбочки. — А в тумбочку кто кладет? — Жена. — А жене кто дает? — Я. — А вы откуда их берете? Еврей возмущенно говорит: так я же сказал... Из тумбочки!

Современная мировая система подобна дереву, отрезанному от корней. Пока в его стволе есть живительные соки, некоторое время дерево сохраняет внешний вид. В его ветвях и листьях, которые мертвы, но еще кажутся живыми, могут даже петь птицы. Но скоро ствол станет дровами, ветви хворостом, листья опадут, а птицы улетят.

«Есть нечто удивительное в том, как долго держится прогнившее, если его не потрясти как следует. Поколения за поколениями видят, как оно продолжает держаться, отвратительно притворяясь живым организмом, хотя жизнь и правда давно отлетели от него. И все из-за того, что люди неохотно бросают торные пути, чтобы вопреки лености и привычке к покою вступить на новую дорогу» (Т. Карлейл).

Наш мир подобен сгнившему зданию с уплывшим фундаментом, стоящим в сейсмоопасной зоне. Дни его сочтены. Малейшее социальное землетрясение обрушит его вместе с жильцами на головы прохожих. Глупо и опасно ждать, когда оно само рухнет. Миру нужен контролируемый снос по принципу «Подтолкни падающего». (Ницше).

Объект атаки — мировоззренческий вакуум. Если донести до сознания критической массы людей, что так называемые «общечеловеческие ценности» рождены религиозным мировоззрением и политэкономическими условиями прошлого, и на данный момент ни на чем не основаны, кроме как на манипуляции и привычке, люди будут в них видеть столько же смысла, сколько в табу и нормах южноамериканских цивилизаций Рухнут институты, сегодня призванные обеспечить выполнение этих установок. И так как они образуют цивилизационный костяк, следом начнет рушиться потребительское общество.

Первая реакция пойдет в головах элиты (элитой разумею не нарядных потребителей, а людей, способных выйти мыслью за обозначенные системой рамки). Давление фактов будет стремительно увеличивать микротрещину. От нее пойдут миллионы трещинок по всему телу цивилизации. Так было в южноамериканской и христианской цивилизации. Так будет в потребительской цивилизации. С учетом возросших скоростей, глобальной коммуникации и доступности информации процесс обещает пойти несравненно быстрее.

Я чувствую себя Галилеем наоборот. Он разоблачил ошибочность мировоззрения Церкви. Я разоблачаю мировоззренческий вакуум, выдаваемый за мировоззрение. И еще одно отличие: Галилей не понимал, какие энергии высвобождает, и как следствие, не понимал результатов, к которым это может привести. Я же в отличие от него все прекрасно понимаю. И самое главное, я понимаю, как запустить необратимый процесс.

Энергии

Сила пропорциональна источнику. Дрова дают одну температуру, уголь другую, атом третью. Слабый генератор не даст сильной энергии по той же причине, по какой пламя свечи не даст жаркой температуры. Аналогично и в роли генератора самых мощных социальных энергий выступают два сильнейших инстинкта: инстинкт самосохранения и/или сексуальный инстинкт. Начну с эмоций инстинкта самосохранения. Например, с зависти... На первый взгляд кажется, это чувство не имеет отношения к самосохранению.

Но заглянем в корни генетической памяти, сформированной в пещерные времена. Завидовали тем, у кого было больше еды и/или лучше жилье, а значит, он был дальше от смерти. Желание иметь столько же генерировал инстинкт самосохранения.

По мере развития появились социальные индикаторы в виде различных атрибутов, указывающих на то, что их носители больше защищены от смерти. Генератором зависти к дорогим безделушкам снова является инстинкт самосохранения.

Чувство несправедливости и обмана на генетическом уровне вызывают сильные эмоции. В прошлом обманывали того, кого рассматривали в роли жертвы. Ему устраивали засады, хитрости, ловушки. Несправедливость и обман считывались как угроза жизни.

По мере развития в большинстве случаев обман перестал нести угрозу жизни. Но так как это чувство десятки тысяч лет сигнализировало об угрозе смерти, сильные эмоции появляются от обмана. Причина: пещерная память активизирует инстинкт самосохранения.

Сильные положительные эмоции, например, от большой суммы денег, тоже корнями уходит к инстинкту самосохранения. В момент обретения ресурсов, не важно, мамонт это или деньги, человек становится более защищенным от смерти.

Укорененные в сексуальном инстинкте энергии не менее, а иногда и более мощные, чем в инстинкте самосохранения, что видно на брачных боях самцов. Сейчас я не буду рассматривать эту тему, это более уместно будет сделать в другом месте.

Сказанного достаточно, чтобы признать, что энергии, укорененные в инстинкте самосохранения и сексе активируются информацией. Природа информации подобна природе вируса. В среде ученых нет единого мнения, живая это материя или мертвая. Или еще меньше, не вирус, а вириод. Это самая маленькая известная единица, способная к размножению. В отличие от вируса у вириода нет белковой оболочки, и потому ученые не определяют его живым. Что же это, неживое, но способное к размножению...

Как материальный объект он не имеет своих ресурсов, как не имеет их флешка. Но на ней записана информация, способная использовать ресурсы системы против системы. Она может использовать компьютер и даже разрушить его за счет его же ресурсов.

Вирус способен убить кита, который в триллионы раз больше его, потому что может заставить ресурсы кита работать против кита. Чтобы освободиться от подсознательной оценки, завязанной на размер, представьте огромное моноэтническое государство, главная нация которого составляет 90% от всего населения. У него развитая экономика, мощная армия и ядерное вооружение. Перед вами цель уничтожить его. Вам на выбор в качестве инструмента ядерная бомба или один вирус, который, если его выпустить, начнет поражать людей титульной нации. Сравнивать размер вируса с государства нелепо. Он во столько раз меньше, что цифра, выражающая эту разницу, не имеет не только названия в обиходе, миллиарды там или триллионы, но и в математике не имеет. Ее можно только через степень написать. Какой убийца эффективнее, бомба или вирус?

Тот разрушительный эффект, какой может принести зашитая в вирусе информация, несопоставим с эффектом, какой способна нанести физическая сила. Как только пойдет эпидемия, возникнет эффект, которого никакая бомба не даст.

Вирус побеждает кита не через нарушение законов, по которым кит организован, а через соответствие им. Абсолютная законопослушность вируса делает его невидимым для иммунной системы кита. Он получает доступ к энергии системы и пользуется ее как хочет.

Информация разрушает цивилизацию не через нарушение законов, по которым она организована, а через их соблюдение. Перед этой стратегией система в ситуации цугцванг (ситуация в шахматах, когда любой ход ухудшает положение игрока). Если иммунная система действует в рамках закона, она не может защитить атакуемую цивилизацию. Если же нарушает свои собственные законы, в моменте это может иметь эффект. Но в длинную противозаконную деятельность в конечном итоге разрушает, а не защищает от разрушения.

Какую бы ни выбрала система тактику против вируса, в любом случае ее ресурсы пойдут против нее. Так в период создания капитализма ресурсы феодализма шли против феодализма. Сегодня ресурсы общества потребления пойдут против этого общества.

Идея мировоззренческого масштаба имеет потенциал охватить широкие массы. Эту волну нереально контролировать вручную. Тут только машина. Следовательно, мы будем иметь дело с системой. Всякая система дура, набор алгоритмов, которые можно обойти.

Сегодня миллионы людей выкладывают откровенный и двусмысленный контент в сеть. Это разрушает так называемые «общечеловеческие ценности». Так как они образуют костяк старой системы, она вынуждена защищаться через запрет на распространение этой информации. Но запрет должен иметь основание. Полноценно обосновать такую борьбу можно было бы с религиозных позиций. В современном обществе такое невозможно.

Единственный выход: переименовать богохульную информацию в безнравственную, а борьбу с ней в борьбу с экстремизмом. Все шито белыми нитками, но иного выхода нет. Или система запрещает лицедрать некоторые части тела человека, или разваливается.

На каком основании нельзя было в средневековой Европе смотреть на голых людей — тут все было предельно понятно. Но на каких основаниях в современном обществе этот запрет будет держаться — тут полная засада.

Полноценная цензура возможна, если в роли цензора выступает человек. Но и в этом случае побеждает тот, кто умнее. История говорит, что творческие люди умнее цензоров. Советские поэты и писатели, режиссеры и художники, успешно обходили цензуру, осуществляемую бюрократическим аппаратом (машиной из людей). Это противостояние поднимало творчество на новые высоты, давая шедевры аллегорий и двусмысленностей.

Сегодня поток генерируемого социумом творчества вырос в миллион раз. Вручную такой поток информации цензурировать нереально. К делу подключается машина. Но это намного ниже человеческой цензуры. Компьютерные алгоритмы люди обходят быстрее и эффективнее, легко и с удовольствием.

Конвульсия системы выражается в тупых запретах, которые вместо ожидаемого результата дают противоположный. Возникает эффект Барбары Стрейзанд (цензура не уменьшает распространение запретного контента, а увеличивает). Чем больше старое прикладывает усилий для защиты от нового, тем быстрее распространяется новое. Энергия системы оборачивается против системы и увеличивает ветер в наши паруса.

* * *

Пример целенаправленного высвобождения сильных эмоций, укорененных в инстинкте самосохранения — история восхождения на трон Бориса Годунова. Это был один из умнейших людей своего времени, опытный царедворец, дальновидный политик, прекрасный организатор, руководитель и администратор. После смерти Ивана Грозного на престол всходит его сын, Федор I. Так как он был слаб здоровьем и умом, Борис при нем в течении 13 лет являлся фактическим правителем.

После смерти Федора на трон должен был сесть младший сын Ивана Грозного, Дмитрий. Но он трагически погибает. Династия Рюриковичей пресеклась. Единственный реальный кандидат на трон — Борис.

После 700-летнего правления династии Рюриковичей сесть на трон было не просто. Борис идет к цели, копируя стратегию Ивана Грозного. Тот в свое время бросил власть и ушел в монастырь, вынудив народ идти к нему и слезно молить вернуться на царство. Иван соглашается, но с условием неограниченных полномочий.

Борис поселяется в монастырь и отвергает всякие предложения принять власть. Это накаляет и без того тревожную атмосферу. Общество осознает, что без царя оно на грани хаоса. К Борису устремляется вся Москва с уговорами принять царский венец. «Ах, смилуйся, отец наш! властвуй нами! Будь наш отец, наш царь» (А. Пушкин «Борис Годунов»). Борис отказывается. И только после того, как к нему крестным ходом пришла целая делегация с патриархом во главе, он, не смея противиться просьбе народа, ибо глас народа — глас божий, как бы нехотя соглашается принять бремя власти. «Борис еще поморщится немного, Что пьяница пред чаркою вина». (А. Пушкин «Борис Годунов»).

С рациональных позиций в моменте все было так идеально, что дальше некуда. Он не рвался во власть, а как бы убегал от нее. Принял ее под натиском, против которого не устоял бы никто. Но в длинную у ситуации были серьезные проблемы.

В мире были силы, имевшие планы на русский престол. Они подогревали в народе слухи, что Борис убил царевича Дмитрия, младшего сына Ивана Грозного. Как было на

самом деле, для ситуации не важно. Важно, что социум почувствовал себя обманутым, и так как это, укорененное в инстинкте самосохранения, возникают сильные энергии.

Вскоре появляется самозванец, выдающий себя за чудом выжившего Дмитрия. Чем больше Борис предпринимает усилий для понижения давления в котле, тем больше оно росло. Борис умер естественной смертью (есть версии, что отравили или сам отравился). На престол возшел сына Бориса, Федор II. В глазах общества он был продолжателем обмана. Через шесть недель после своего воцарения его убили сторонники самозванца. Династия Годуновых пресеклась. Начинается первый этап Смутного времени.

Главным генератором разрушительной энергии было ощущение у народа обмана от нового царя. Люди считали, что в основании его власти лежала несправедливость. Масла в огонь добавили три неурожайных года и другие ошибки, но главным был обман.

Феодализм тоже был разрушен энергией обмана. Пока общество верило, что Бог поставил одних людей выше других, угнетенные не чувствовали себя обманутыми. Но когда вера в Бога ушла, общество почувствовало себя смертельно обманутым. Это чувство охватило общество, и его энергии использовала французская и русская революции.

Например, до революции никто особо не задумывался, в чем смысл феодальных титулов: герцог, граф, барон.. Ну, дворяне и дворяне... породистые люди, особенные. В них видели сакральный и превосходный тип святых нерелигиозного формата.

В те времена человека оценивали по тем же критериям, что и лошадь — по породе. Дети, рожденные от породистых родителей, в момент появления на свет были выше детей, рожденных от простых людей. Точно так же как жеребенок, рожденный от породистой кобылы, с момента появления на свет выше жеребенка, рожденного от простой лошади.

Революция объяснила, что феодальные титулы всего лишь высшие воинские звания. Император — это главнокомандующий армией; князь — командующий округом, типа маршала; герцог — воевода, генерал; граф — полковник; барон — майор. Их жены соответственно: императрица, княгиня, герцогиня, графиня и баронесса. Воинское звание передавалось по наследству. Сын графа (полковника) от рождения был графом.

Когда социум понял, что в феодальном титуле «герцог» столько же святости, сколько в звании «генерал», волшебный туман исчез. Возникло ощущение смертельного обмана. К носителям званий возникли простые вопросы, на которые они не смогли вразумительно ответить. Поднялась волна, которая смела феодализм, и на его месте возник капитализм.

Оптимальный способ активировать энергии инстинкта самосохранения — показать корни несправедливости. Сегодня проблемы воспринимаются как должное, примерно как при феодализме расслоение общества на рабов и господ. Максимум, люди бухтят, но это не рождает подлинного чувства обмана и несправедливости. Гигантское значение играет лукавство либеральной демократии. Мощные негативные чувства блокируются за счет того, что люди как бы сами выбрали себе такую власть. Не нравится, выбирайте новую.

Они выбирают, но ничего не меняется. Но того всеохватывающего чувства обмана, которое от инстинкта самосохранения, не поднимается, так как не виден корень обмана. Если же показать скрытые моменты, возникнет тот же эффект, что с феодализмом.

Обозначается два стратегических направления по контролируемому сносу общества потребления. Первое: это разоблачение корней либеральной демократии. Показать, что выборы — это никакие не выборы, а самая обычная манипуляция. В первую очередь эта информация дойдет до передового отряда общества. Далее охватит массу.

Второе направление удара: показать инженерную ущербность современной модели общества. Показать, что общество можно устроить на иных принципах, которые выведут критический объем общества на новый уровень, освободив от необходимости трудиться под угрозой остаться без пищи, крыши над головой, одежды и прочего минимума.

О фундаментальных и неустранимых пороках либерально-демократической теории я говорил ранее, и считаю, что сказанного достаточно. Осталось сказать о пороках системы государства. Вчерашний уровень развития, производства, коммуникации, информации и

прочее создал определенные условия. Под них приспособливалась политэкономическая конструкция традиционного государства с его иерархией власти, распределения ресурсов и прочие ключевые моменты. Под те условия такое государство было лучшим вариантом.

С развитием соответственно меняется организация производства, коммуникации и информационная сфера, что порождает новые условия. Под них нужна соответствующая социальная, политическая и экономическая организация общества.

Когда было очевидно, что феодализм не соответствует новым реалиям, верхний слой был заинтересован в сохранении старого строя, так как сидел на его ключевых узлах, что обеспечивало им социальный статус и материальное благополучие.

Традиционная политэкономическая модель государства не соответствует новым реалиям. Но ситуация повторяется как при феодализме, когда верхний слой продолжает защищать старую модель, так как сидит на ее ключевых узлах, имея с них свой интерес.

Ситуация, будто спроектированное под тропики жилье строят на Севере. Жить в таких домах некомфортно, их нужно постоянно доделывать и утеплять, но его все равно строят. Причина: строители с реализации программы «бунгало на Север» имеют выгоду.

Современное государство проектируется под интересы верхов, а не под ситуацию. Чтобы увидеть главную проблему, мысленно поделим общество на две части. В одной части люди, чьи интересы не выходят за рамки быта, работы, карьеры, денег и прочей обыденности. Они не могут зафиксировать фундаментальные пороки старого государства по той простой причине, что это не их масштаб мышления. Эти люди «просто живут».

Другая часть общества состоит из людей, или сидящих наверху пирамиды (власть), или желающих туда попасть (оппозиция). Эти люди обязаны понимать ситуацию, одни чтобы удержаться наверху, другие чтобы пробиться наверх. Но так как их цели такие же, как у бытовых людей, хотя материального благополучия и потешить честолюбие, у них нет мотива поднимать вопрос о несоответствии системы новым реалиям, как его не было у феодалов. Свое понимание системы они используют для достижения своих бытовых целей. Кто при власти, те манипулируют массой с помощью СМИ плюс аппарат насилия.

Кто только рвется во власть, те манипулируют массой рассказами, что все проблемы из-за жуликов и воров во власти. Если поменять плохих людей на хороших, проблемы уйдут не столько за счет новых ходов, сколько честностью и порядочностью новой власти. «С тех пор, как я принял начальство, — может быть, вам покажется даже невероятным, — все как мухи выздоравливают. Больной не успеет войти в лазарет, как уже здоров; и не столько медикаментами, сколько честностью и порядком» (Гоголь «Ревизор»).

Чтобы наглядно представить цену слов оппозиции, представьте поезд, по которому ходят люди и говорят, что у паровоза низкое КПД, потому что в кабине сидит плохой машинист. А вот если туда посадить хорошего (оппозиционеров), КПД сразу вырастет.

Эффективность паровоза определяют не качества машиниста, а принцип двигателя. Но оппозиция никогда не скажет этой информации, потому что она разрушительна для конструкции. Но у них нет цели рушить конструкцию. Их цель взобраться на ее вершину.

Власть и оппозиция — братья-близнецы, цели которых идентичны. У них нет идеи, достижение которой требует ресурса государства. Если Ленину, например, власть была нужна, чтобы получить необходимый для построения коммунизма ресурс, то у этих ребят цель — земные блага. Если представить, что власть перестала давать эти блага, она сразу бы потеряла всякую ценность как в глазах правящей команды, так и ее конкурентов.

Мотив выливать на конструкцию информацию, разрушающую ее, возможен только у носителей идеи, реализация которой требует снести старую систему. У кого нет такой идеи, тому нет смысла посвящать общество в подобные сферы.

У нас есть такая идея. Ради ее реализации мы посвящаем общество в информацию, знание которой вызовет чувство обмана и несправедливости. Так как эти чувства завязаны на инстинкт самосохранения, они обещают вызвать те же энергии, какие вызвали среди жителей феодального общества, когда они узнали, что система устроена несправедливо.

Потребление

Потребление — это стирание, изнашивание, ломание и иное приведение вещи в негодность. Проще говоря, потребление — это уничтожение товара. Чем быстрее люди потратят (уничтожат) купленную вещь, тем быстрее купят новую. Идеальное потребление — если люди сразу бы относили на помойку купленную вещь, не распечатывая, и тут же напрямик с помойки шли назад в магазин за новой вещью, с которой поступали бы аналогичным образом. Если придумать способ побудить людей бегать челноком между магазином и помойкой, экономика получила бы фантастическое развитие.

Кажется, если развитие экономики определяет рост потребления, а потребление есть уничтожение товара, идеальный вариант — убрать из цепи человека как покупателя. Одни машины будут производить товары. Другие отвозить его на помойку. Третьи ломать его там. Четвертые отправлять полученное сырье назад на переработку и новое производство. Изготовленные вещи снова отправят на помойку, и получится замкнутый цикл.

Но это только в теории. Если на практике убрать человека из цепочки, система не функционирует. Для сохранения цикла нужно не просто уничтожение вещей, а именно творческое. Нужно выбирать товар, сравнивать его с другими, совершать рациональные и эмоциональные покупки, сегодня хотеть одно, завтра другое, ибо настроение изменилось.

Такая форма потребления порождает конкуренцию между производителями. Селекция одних убирает с рынка, других поднимает. Они некоторое время держатся, но в итоге тоже уходят. Всё постоянно циркулирует, что способствует развитию системы в целом. Как законы физики обеспечивают круговорот воды в природе, так творческое уничтожение продукции (потребление) обеспечивает круговорот вещей в экономике.

Машина не способна к творчеству, и потому творческое уничтожение (потребление) вещей ей недоступно. Она может механически уничтожать продукцию, но системе это не надо. Ей нужно творчество, и единственный, кто способен его дать — это человек.

Системе не нужно, чтобы человек делал то, что вместо него эффективнее сделает машина. Ей нужно, чтобы человек делал только то, что вместо него не сделает никто. Математические расчеты говорят, что для системы эффективнее, если люди не будут работать, а деньги будут получать, как будто работают. А время, какое они сейчас тратят на работу, пусть используют для хождения по кафе и супермаркетам в поисках, чего бы им еще съесть и купить. Реклама их будет соблазнять, а они будут ходить и выбирать.

Мы выросли в убеждении, что все поголовно должны по восемь часов каждый день работать. Одни стоять у станка или за прилавком. Другие сидеть за рулем или в офисе клерком. Третьи ходить на работу в школу, государственные учреждения, или еще чем-то полезным заниматься. А иначе это тунеядцы, нахлебники и паразиты — враги общества.

Но экономика может быть устроена кардинально иначе. Люди могут не работать, а только потреблять. Иначе говоря, работать потребителями, а не производителями. Если раньше была проблема с производством вещей, то сейчас, когда производство ложится на плечи машин, проблемой становится реализация. Нет проблем изготовить миллион телефонов. Есть проблема продать их. «В конечном итоге, борьба идет более не за контроль над производством, а за контроль над потреблением». (А. Бард «Нетократия»).

Гармоничная система, когда все ее элементы делают то, что у них лучше получается. У машины неоспоримые преимущества перед человеком. Она бесконечно сильнее, хладнокровнее, выносливее и усидчивее любого из нас. Машина не устает, не подвержена личностной или профессиональной деформации, выгоранию и раздражению.

Подавляющее большинство выполняемых человеком дел укладываются в алгоритм. Рабочий у станка, продавец за прилавком, чиновник в администрации, таксист или врач городской поликлиники — от всех этих людей требуются действия по алгоритму. Если у машин бесконечно лучше получается действовать по алгоритму, чем у человека, из этого следует, что гармоничная система — это не традиционная занятость человека, а новая, где от него требуются совсем другие функции выполнять. В первую очередь потреблять.

Несколько десятилетий назад идея заменить таксиста компьютером годилась только для сценария фантастического фильма. Люди старой формации не представляли, как так, за рулем нет человека... А если нештатная ситуация? Нет, думали люди, качая как взрослые головой, фантазии фантазиями, а без человека не обойтись. Сегодня никого не удивляет тестирование автомобилей без водителя. Фантазия становится реальностью.

Вчера человеку тяжело давалась мысль, что машина заменит шофера. Сегодня ему тяжело дается идея, что чиновника или врача заменит машина. Но что есть в своей сути деятельность чиновника? Выполнение инструкций. Чиновник — в первую очередь алгоритм. Любая деятельность по алгоритму осваивается машиной. Она будет работать лучше человека, так как беспристрастна, не ворует, не ленится, не берет взятки, не ищет своего, не уклоняется от своих обязанностей, не имеет личных целей и прочее.

Аналогично и деятельность врача в поликлинике, к которому мы ходим на прием — он выслушивает нас (принимает информацию). Далее на ее основе посылает сдать разные анализы и пройти обследования. На основе результатов флюорографии, томографии, анализа крови, мочи и прочей информации ставит диагноз и выписывает лечение. Подчеркиваю, все это делается не на глазок и интуитивно, а в соответствии с анализами.

К минусам человека-врача в поликлинике прием пациента не должен превышать лимит по времени. В коммерческих клиниках существуют жесткие нормы, сколько врач имеет права потратить на одного пациента. Плюс врач-человек устает, у него могут быть личные проблемы, на работе. Все это повышает вероятность ошибки.

Машина тоже может принять первичную информацию. На ее основе может так же послать на необходимые анализы. По полученной информации может поставить диагноз и назначить лечение. Машина-врач может допустить ошибку, но у человека вероятность выше. У машины может случиться сбой, но у людей они случаются чаще. Статистика авиакатастроф говорит, что главная причина аварий не техника, а человеческий фактор.

Машина не устает, не раздражается, не умеет грубить, у нее не бывает плохого настроения. Знания компьютера-врача априори больше знаний врача-человека, так как она подключена к мировой сети и соответствует последнему слову науки. Никакой врач не может конкурировать с машиной по соответствию мировым стандартам.

У человека две высших ценности — деньги и здоровье. У одних деньги ценятся выше здоровья, и они гробят себя ради монеты. У других здоровье выше денег, и они тратят серьезные суммы на различные проверки, регулярные анализы и обследования.

Одну из высших ценностей, деньги, люди доверили машине. Раньше не мыслился банк с пустыми от посетителей залами и без очередей (если только обанкротился). Сейчас очереди в банках исчезают. Народу толпиться меньше, а операций проводится больше, потому что операционисток заменили машины (мобильные банковские приложения). Они в большинстве случаев удобнее и эффективнее человека за стойкой.

Вопрос времени, когда люди доверяют машине свою вторую высшую ценность — здоровье. Как банковских работников заменило мобильное приложение, так медицинских работников неизбежно заменят компьютерные программы и медицинские роботы.

В свое время к токарному станку, чтобы он работал, в виде приложения требовался человек, называемый токарь. Сейчас машине, исследующей состояние организма, нужен в виде приложения человек, называемый врач. Современные токарные станки работают без приложения, что только повысило качество продукции. Завтра медицинские машины не будут нуждаться в приложении, чтобы поставить диагноз, выписать лечение и провести необходимые манипуляции. И качество снова не упадет, как боятся люди, а вырастет.

Если встать над шаблонами, сила которых в привычке, нужно признать, машина превосходит людей везде, где требуется следование инструкции и действие по алгоритму. И так как система стремится к максимальной эффективности, она не будет использовать человека там, где эффективнее машина; а машину там, где эффективнее человек.

Любую работу по алгоритму машина сделает качественнее, быстрее и с меньшими затратами. Она может самообучаться и развиваться в границах программы. Но выйти за рамки программы она не может. Искусственный интеллект превзойдет человеческий там, где деятельность укладывается в сложный и очень сложный, но алгоритм. Но за рамки алгоритма она не выйдет по той же причине, по какой не сможет создать слова с буквой «в», если загрузить в нее алфавит без буквы «в». Она создаст миллионы новых слов, но все ее творчество будет в рамках загруженных в нее элементов. Новых она не создаст.

Человек способен не только комбинировать из имеющихся элементов, но и создавать новые, каких изначально не было. Как Бог, из ничего создающий что-то. Машинное творчество всегда будет в рамках. Поэтому в медицинских НИИ всегда будут люди. А в поликлиниках нет, потому что оно там не только не требуется, но и запрещено. Если врач начнет творить (ставить опыты на людях), его посадят. Право на опыты есть только у НИИ. Они создают новые технологии-алгоритмы, а дело поликлиник выполнять их.

Вопрос времени, когда производство превратится в искусственную природу. Как лес производит грибы или кислород без участия человека, так и производство вещей будет без участия человека. Товаров будет становиться все больше, и чтобы избежать перекоса, темпы потребления должны расти пропорционально производству.

Машины могут заменить врачей, чиновников, банкиров и прочее, но потребителя они не могут заменить. В новой экономике люди нужны исключительно для того, чтобы потреблять. Они будут в роли труб, по которым прокачивается поток товаров, диаметр которых постоянно увеличивается.

Во все времена, от древности до наших дней, люди мечтали о потреблении земных благ, или вовсе не участвуя в их создании, или участвуя по своей воле, понимая это как развлечение. Позавчера на этих мечтаниях укреплялись целые мировые религии, которые обещали людям райскую жизнь, выражавшуюся в непрерывном потреблении благ. Вчера эти мечты поднимали массу на баррикады и войны, где люди миллионами убивали друг друга. Сегодня этими мечтами полны соцсети. Людям казалось, что они несбыточны и им никогда не суждено осуществиться (большинству до сих пор так кажется).

И вот сказка на наших глазах становится былью. В 2016 году Швейцария вынесла на референдум предложение платить всем совершеннолетним гражданам пожизненно около 2,5 тысячи евро в месяц без всяких обязательств со стороны получателя. Эти выплаты — аналог пенсии, назвали ББД (Безусловный Базовый Доход).

За этой инициативой стоят не благотворительные мотивы, а эффективность. Простой человек принесет больше пользы, работая не по алгоритму продавцом или водителем, а в качестве потребителя, создающего в экономике циркуляцию товаров и денег.

Серьезным тормозом на пути переложения работы на плечи машин и освобождения человека от рутинного труда является демократический принцип формирования власти, когда наверх попадают победители конкурса на лучшее манипулирование публикой.

Естественно, сформированная по такой технологии власть не отличается свежестью взгляда и не понимает смысл ББД. Например, власти Финляндии решили, что выплачивая бездомным бродягам по 700 евро, они побудят их работать. Естественно, никакие бродяги работать не пошли. Проект закрыли по причине отсутствия результата. Финны с таким же успехом могли бы надеяться побудить бездомных через ББД танцевать балеринами.

ББД — не инструмент понуждения бомжей к труду, а технология фундаментальной перестройки системы. Но чтобы понимать это, нужна глубина и масштаб мышления выше бытового, что исключено при демократическом принципе формирования правительства.

Не смотря на все казусы и парадоксы, западные политики все чаще включают ББД в свои программы. В некоторых государствах пилотные проекты уже идут, в других только планируются. Как бы там ни было, процесс разворачивается и его невозможно остановить.

И вот тут обозначается фундаментальная проблема — производство может расти бесконечно, а потребительские возможности человека конечны. Если шарик постоянно надувать, однажды он лопнет. По законам бытия, логики и математики потребительская

система в современном варианте неизбежно преобразуется и выйдет на качественно иной уровень. Сегодня она гусеница в стадии окукливания. Завтра система станет бабочкой.

Пропорция

Свободный человек — это тот, кого невозможно заставить делать то, чего он не хочет. Свобода — это возможность делать только то, что хочется. Если хочется всю жизнь не работать, даже с постели не вставать, и при этом есть гарантия не умереть от голода и холода — вот это свобода. Не важно, действия человека приносят пользу или нет. Важно, что его нельзя ни к чему принудить. Если же можно — это не свободный человек.

Нельзя назвать свободным человека, которого надсмотрщик бьет палкой по спине, заставляя работать. Нельзя назвать свободным того, кого голод бьет по желудку, принуждая делать то, чего он с удовольствием бы не делал. Не важно, как принуждается человек, угрозой боли или страхом остаться без средств к существованию. Важно, что если бы не было принуждения, человек никогда бы не делал то, чего делает сейчас.

Минимальная свобода — это не делать то, чего не хочется. Максимальная свобода — это делать то, что хочется. Если максимальной свободой располагают только боги, то минимальной люди. Один из признаков человека — свобода.

Несвободный человек — не вполне человек. Это инструмент, орудие. Древний Рим знал три вида орудий: немые, мычащие и говорящие. Немые — это топор, телега и т.д. Мычащие — домашняя скотина. Говорящие орудия — несвободные люди, рабы.

Итак, минимальный человек — это минимально свободный человек. Такая свобода возможна через присвоение результатов чужого труда. В древние времена единственный способ совершить такое присвоение — насилие. Это возможно через абсолютное лишение человека свободы. Превращение его из человека в орудие — в раба.

Чтобы полностью лишить человека свободы, нужно установить над ним свою власть. Сделать это можно, принудив отказаться человека под угрозой смерти от своей воли. Так как никакой человек не хочет превратиться в орудие, между тем, кто ищет свободы, и тем, кто не хочет превратиться в орудие, возникает борьба за жизнь и свободу. Побежденный отказывается от свободы ради жизни. Победитель забирает чужую свободу. В итоге из двух полусвободных, вынужденных работать, чтобы выжить, получается один полностью свободный человек, и один полностью лишенное свободы орудие.

Первобытный человек не знал рабства и свободы. Все под угрозой голода и смерти делали механическую, изнуряющую и монотонную работу. Война делит первобытное общество на свободных и рабов. Древнегреческий философ из царского рода Гераклит называл войну отцом всего. Война одних творит рабами, других свободными.

В этом плане интересна гегелевская концепция господина. Господин — это у кого есть дух войти в зону страха. Под этой зоной Гегель понимал ситуацию, в которой можно лишиться жизни. Например, поле битвы, где ставки очень высоки. Можно проиграть или выиграть все. Это очень страшно. Но кто способен преодолеть инстинкт самосохранения и войти в зону страха, тот заносит меч над человеком, лишает его свободы и становится его господином. Кто не может преодолеть инстинкт и принять бой, тот подчиняется.

Это можно сравнить с дракой, предполагающей убийство противника. Если один готов драться с такими последствиями, а другой не готов, первый диктует ситуацию, а второй ее принимает. Я сейчас не касаюсь вопроса разумности. Речь только о готовности.

Ницше еще больше усилил накал. Из гегелевской зоны страха можно выйти или без последствий (заклечь мир), или с приемлемыми последствиями (например, рана в бою). Или признать себя побежденным, и через это сохранить жизнь, но утратить свободу.

Ницше вводит понятие «зона ужаса» — ситуация, из которой нельзя выйти в том же состоянии, в каком вошел. Из зоны ужаса два выхода: или ты убьешь, или тебя. Других вариантов нет. Это формирует понятие выше господина — господина над господами.

Чтобы войти в зону страха, в первую очередь нужна природа, позволяющая сделать такой шаг. Если ее нет, если попадая в опасную для жизни ситуацию человека парализует страх, у него попросту нет возможности войти в зону страха.

Во вторую очередь, если человек в состоянии преодолеть инстинкт самосохранения, ему нужен мотив войти в эту зону. Таким мотивом является сама свобода. Для кого она представляет ценность, ради которой стоит рисковать своей жизнью, те делают шаг. Все остальные встраиваются в ситуацию, созданную людьми, сделавшими такой шаг.

Для входа в зону ужаса нужна еще более сильная природа и высокий мотив. В зоне страха можно сохранить жизнь, а в зоне ужаса нельзя. В первом варианте свобода или рабство, и возможная смерть в бою, а во втором свобода или гарантированная смерть.

Специалист по владению оружием, это в конечном счете ремесленник. Такой же рабочий, только к другому станку и инструменту привязан. Кто ему платит, на того он и работает. Завтра будет ему платить другой, и он пойдет направлением, указанным другим.

Воин в первую очередь — это масть, природа и мотив. Его минимальный показатель — он может войти в зону страха. Максимальный показатель — в зону ужаса. Примером воинского духа больше являются не накаченные мужчины, обвешанные оружием, а, например, Екатерина I. Когда она начала операцию против своего мужа, Пета III, внука Петра I, она вошла в зону ужаса. В случае поражения у нее не было варианта сдаться. Ее бы, немку без капли крови Романовых, за покушение на царя не просто убили бы, а убили мучительно. Она сделала сумасшедшую ставку: в случае проигрыша мучительная смерть, в случае удачи абсолютная власть (которую еще нужно было удержать). И выиграла. Так как Екатерина имела детей от других мужчин, на престоле России не было Романовых.

Воин — тип людей, готовых играть с большими ставками. Эта игра рождает первых рабов и первых свободных. Возникает первая цивилизация — рабовладельческая. Социум дает полноправным гражданам право требовать от государства хлеба и зрелищ. История не знает, было ли это право закреплено законодательно, но судя по дошедшим до нас сведениям о толпах людей, требовавших от государства хлеба и зрелищ только на том основании, что ни свободные граждане, социум видел благо в предоставлении свободы как можно большему числу людей.

Чтобы уловить логику древних, начну с того, что всякая жизнь стремится к благу. Материальные и творческие объекты и явления, окружающие нас вчера и сегодня, и будут окружать завтра, есть результат реализации интеллектуального и творческого потенциала человека. Самая большая ценность — таланты. Высвободить их может только человек, свободный от забот о крове и пище, имеющий возможность делать что хочет. Кто занят выживанием, тому некогда, его жизнь уходит на выживание — защиту от голода и холода.

Если объем благ равен числу свободных людей, социум заинтересован освободить от работы как можно больше людей. Его стремление ограничивают только возможности экономики. Число свободных людей прямо пропорционально эффективности экономики.

Скорость поезда определяет не способность вагонов к самостоятельному движению (они не способны к нему) а способность локомотива. Чем его масса и мощность больше, тем состав в целом движется быстрее. Одной массы или мощности тут недостаточно. Если локомотив очень мощный, но маленький, он будет буксовать и не потянет за собой состав. Если состав большой, но маломощный, он тоже не потянет поезд. Нужно сочетание того и другого, пропорциональное поезду, чтобы потащить его за собой.

Аналогично и общество, чем больше свободных людей, тем выше скорость развития. В первобытном обществе не было свободных людей, и потому ни о каком развитии не могло быть и речи. С появлением первых свободных людей начинается развитие.

Освобождение части общества от труда дает удивительный взлет древнегреческой мысли. Для примера, в Афинах было около 50 000 свободных граждан, но они оказали такое гигантское влияние на человечество и цивилизацию, что его сравнить не с чем.

Отдельно подчеркну, что большинство из них были не гении, а идиоты, примитивы и бездарности, которых хватало лишь на удовлетворение естественных потребностей и

примитивные развлечения. Они тратили свою свободу на еду и досуг, требуя «хлеба и зрелищ» от государства. Но были среди них те, кто после удовлетворения базовых потребностей находил удовольствие в занятиях философией, науками и искусствами. Они создали цивилизационный фундамент, на котором до сих пор стоит европейский мир.

Как человек состоит на 70-80% из воды, и только на 1-2% из железа, так и львиная доля человечества — серые, бездарные люди. Гении, талантливые, энергичные и умные в любом обществе составляют ничтожную часть. У разных наций, возможно, разные пропорции, но если брать средние показатели, человечество состоит не из гениев.

Наполеон говорил, что армия, состоящая сплошь из генералов, менее дееспособна, чем армия из рядовых под руководством одного генерала. По этой аналогии предположу, что человечество, состоящее из посредственных людей, слабо разбавленных небольшим числом умных людей, более дееспособно, чем если бы оно состояло из одних умных.

Чтобы вычленил из золотоносной породы все золото, нужно просеять всю породу. Непросеянная порода не отдаст содержащегося в ней золота. Среди освобожденных от работы людей всегда будет преобладать серость. Это не только плата за выявление гениев, но и более глубокий смысл. Развитие экономики требует, чтобы часть людей работала потребительскими трубами пропорционального производству диаметра. Люди с малыми талантами и ограниченным мышлением идеально подходят на эту роль.

Освобождение

Установлена пропорция между числом свободных людей и эффективностью труда. В рабовладельческой экономике 80% общества были заняты ремеслом и земледелием. Число свободных лиц, имевших право получать от государства прожиточный минимум (древний аналог БД), как говорят некоторые историки, доходило до 20% от населения. Часть свободных занимались науками и искусствами. Большинство воевали, охотились, флиртовали, интриговали и делали прочие вещи, несущие им пользу и/или удовольствие.

Много это или мало — судите сами. Сегодня в развитых странах в производственной сфере задействовано примерно 30-35%. Остальные не производят материальных благ. Они только потребляют плоды производства — вещи и питание.

Древний мир не осуждал рабства. Он воспринимал его еще более естественно, чем мы животноводство. Против животноводства сегодня выступают защитники животных. В древнем мире не существовало защитников рабов. Аристотель находил деление социума на рабов и господ таким же естественным, как на мужчин и женщин.

Рабство было необходимым и положительным для развития человечества. Энгельс, один из теоретиков-основоположников коммунизма, писал, что оно породило разделение труда на земледелие и промышленность, запустив интеллектуальный, экономический и политический расцвет древнего мира. Без рабства не было бы античной культуры, науки и искусства, образовавших фундамент эллинской и римской цивилизации. А без античной цивилизации не было бы современного мира. Цивилизация возможна благодаря рабству.

Для нас не важно, какой именно процент свободных людей был в древнем обществе. Для нас важна пропорция между эффективностью производства и процентом свободных людей. До машин эффективность определял единственный фактор — организация людей.

Значение организации хорошо видно на военной силе. Одно дело вооруженная толпа. Другое дело, те же самые люди, но собранные в подчиненной дисциплине отряд. Отличные воины, собранные в толпу, проиграют средним воинам, соединенным в отряд.

Первобытно-общинный способ производства сравним с толпой. Рабовладельческий — первая трудовая армия. Не зря Аристотель крупные коллективы рабов, занятых на постройке каких-то крупных объектов, называл машинами из людей.

Свободные крестьяне и ремесленники образуют еще более эффективную трудовую армию по сравнению с рабовладельческой. Наемные рабочие плюс паровые машины образуют капиталистическое производство, которое намного эффективнее феодального.

По логике, если социум заинтересован в увеличении блага, а оно зависит от числа освобожденных от труда людей, а процент таких людей зависит от эффективности труда, с ростом эффективности пропорционально должен расти процент людей, получающих от государства гарантированный прожиточный минимум — еду и крышу над головой.

С ростом числа свободных сообразно должно меняться общество. Античный мир представляется в виде пирамиды, на вершине которой свободные, в основании рабы. При феодализме эффективность труда еще больше, что должно было бы увеличивать процент свободных и сокращать работающих. Верхушка должна становиться шире, основание уже. Пирамида должна демонстрировать тренд на трансформацию в квадрат.

При капитализме свободных должно стать еще больше, а работающих еще меньше. Графически это выражалось бы, что верхняя часть социума должна была расширяться, а нижняя сужаться, демонстрируя тренд на превращение квадратной формы общества в перевернутую пирамиду.

Дальнейший рост эффективности труда продолжил бы тренд на увеличение числа свободных и сокращение работающих. В итоге общество должно было из перевернутой пирамиды трансформироваться в канцелярскую кнопку острием вниз, где верхняя часть — свободные люди, а ножка — работающие.

Максимальная эффективность производства — аналог искусственной природы. Как лес производит кислород без участия человека, так машины в будущем будут производить необходимую продукцию без участия человека. При максимальной эффективности труда число свободных тоже должно стать максимальным. Как рыбы в океане не работают ни секунды в жизни, они потребляют то, чего не производили (охота — это не работа) так и люди при такой эффективности производства не должны работать. Общество как бы оторвется от своего проклятия, от ситуации, которая каждого вынуждает работать всю жизнь, и обретет рай, где каждый будет делать то, на что имеет таланты. Из формы «канцелярская кнопка острием вниз» она станет шариком, привязанным тонкой ниточкой к земле. В будущем вижу, что и эта ниточка будет оборвана. Человечеству откроется иное бытие, ценность которого выше земных сокровищ, но это уже другая тема.

Теперь вернемся в наше время. Государство с античной экономикой освобождало от необходимости трудиться некий процент людей, гарантируя им прожиточный минимум. Современное государство может освободить от труда настолько больше людей, насколько труд машины эффективнее ручного рабского труда.

В государстве с рабовладельческой экономикой процент свободных доходил до 20%. Допустим, цифра преувеличена в 10 раз, и реально было 2% или меньше. В любом случае в государстве с феодальной экономикой процент свободных должен быть настолько выше, насколько феодальная экономика эффективнее рабовладельческой. Но он ниже.

При феодализме свободных от работы было около 2% (в эту цифру входят дворяне и духовенство). Причем, в отличие от свободы афинских граждан, которую государство не только декларировало, но и давало возможность его реализовать, феодальное государство свободу только декларировало. Сама по себе декларация ничего не стоит. В конституциях всех демократических стран записано право человека на жизнь, но при этом вы можете умереть от голода и холода, как это случается с бомжами. Если бы у них было право на жизнь не в виде слов конституции, а в виде гарантированного хлеба и тепла, пусть без зрелищ, право на жизнь было бы правом, а не красивыми словами.

В античной цивилизации понятие «свободный гражданин» изначально имело смысл как свободный от труда с гарантией прожиточного минимума, хлеба и зрелищ, от системы при любых условиях. Феодальное государство гарантировало такую свободу только лицам царской фамилии и отдельным фигурам. Обычному дворянину никто не гарантировал права на жизнь и свободы от труда. Если он терял источник своего дохода, вместе с ними терял свободу. Теперь голод и холод заставляли его делать то, чего бы он хотел, но под угрозой смерти от голода и холода вынужден.

В новых условиях свободу от труда большинству гарантирует не государство, а деньги. Стремление человека к свободе порождает капитал. При капитализме процент свободных становится еще ниже. Если при феодализме государство гарантировало реальную свободу хотя бы представителям царской фамилии, то теперь такой гарантии не имеет никто. Теперь система гарантирует свободу правителям, но так как они временные, эта гарантия имеет одноразовый характер.

Капиталисты и всякого рода рантье не имеют свободы в античном понимании. В условиях рынка и конкуренции они вынуждены заботиться о источнике своего питания. Кто позволяет себе расслабиться, тот рискует быть сожран конкурентами. Единицы могут расслабиться и вообще ничего не делать, но и они не свободны в античном смысле. Если актив, владельцем которого они являются, завтра рухнет (акции упадут или бизнес разорится), ситуация вынудит их работать. Система им ничего не гарантирует.

У современного государства по сравнению с античным фантастически эффективная экономика. С такой производительностью социум должен иметь форму канцелярской кнопки острием вниз — большинство людей свободны в античном смысле, а меньшинство работают, понуждаемые к тому манипуляцией или иным способом. И демонстрировать тренд превратиться в воздушный шарик, прикрепленный тоненькой ниточкой к земле. Но это в теории. На практике его форма — канцелярская кнопка острием вверх.

Это крайне необычная ситуация. Социум по своей природе стремится к благу. Объем блага завязан на число свободных людей. Чем их больше, тем больше будет философов и ученых, в итоге научно-технический прогресс выйдет на новый уровень, породив аналог природы, производственную систему, которая дает человеку все необходимое без его участия. С ростом производительности труда должно увеличиваться число свободных людей и падать число тех, кто вынужден каждый день всю жизнь ходить на работу, которую с удовольствием бы бросил. Но на практике все наоборот — чем эффективнее экономика, тем выше процент людей, работающих под угрозой голода и холода.

Если температура в паровом котле повышается, а давление не растет, объяснить это можно одним способом — в котле есть дырки, через которые уходит давление. Точно так же и с обществом, если производительность труда растет, а процент свободных людей сокращается, объяснить это можно только системным дефектом конструкции.

Наше движение жизненно заинтересовано устранить этот дефект не потому, что мы вдруг озаботились счастьем народным. Я не оперирую такими категориями и не настроен высказывать благочестивые намерения по поводу устранения несправедливости. Говорят в таком ключе только те, у кого выборы на носу или за это платят. Или наивные чудачки, у которых кипит их разум возмущенный, и они готовы в смертный бой идти за счастье народное. Этот тип людей называют цветным мясом (для цветных революций). Им нет нужды анализировать ситуацию, потому что им и так все предельно ясно.

Я не участвую ни в каких выборах. Меня невозможно нанять. Я не являюсь наивным человеком. Мой разум не кипит от возмущения от несправедливости (как у меня сказано на странице в соцсети «справедливость — понятие литературное»).

Я борюсь против несправедливого распределения доходов сугубо из эгоистичных соображений. Делая то, что я делаю: пишу книги, собираю и организую сторонников, как умею, я делаю это лишь потому, что это приближает меня к цели, повышает мои шансы преодолеть смерть. Все остальное на этом пути — сопутствующие бонусы или потери. Если кому-то от моих действий будет хорошо — я не против. Если вместо бонуса будут потери, ну что же... На войне как на войне... При любой ситуации, что бы ни случилось, я буду делать свое дело, потому что тут мой личный интерес.

Я исхожу из того, что мир образуют два потока: интеллектуальный и материальный. Сегодня они текут или против жизни, на создание оружия, или распыляются на сферу потребления и производство вещей. Моя задача — развернуть эти потоки в сторону идеи.

Чтобы развернуть материальный поток, нужно децентрализовать социум. Пока мир традиционный, все государства ради сохранения независимости вынуждены тратить свои

ресурсы на оружие. Пока политэкономическая конструкция общества централизованная и иерархичная, генерируемые ею ресурсы будут идти не на освобождение человека от труда и против смерти, а на его порабощение и против жизни.

В будущем общество неизбежно оформится в конструкцию без центра в виде правительства и вертикали власти в виде чиновников (я не буду сейчас разворачивать эту тему, она заслуживает отдельного внимания, и потому потом раскрою ее).

Чтобы развернуть интеллектуальный поток, нужно освободить людей от работы. Чем большему числу людей государство гарантирует информационный и прожиточный минимум: пищу, жилье, интернет, тем больше высвободится главный ресурс человечества — интеллект. Тем выше у смертных, у нас с вами, будут шансы на преодоление смерти.

Причины

Любое вещество при нагревании расширяется. Подъем температуры в паровом котле должен пропорционально увеличивать давление, и соответственно, полезную работу. Если температура растет, а давление не поднимается, значит, в котле дырки. Энергия идет в гудок. Пропорционально росту температуры растет лишь шум пара из дыр котла.

Любое общество стремится к благу. Благо пропорционально количеству свободных людей. С ростом эффективности труда должно пропорционально расти число свободных от труда людей, и как следствие, прогресс во всех направлениях, от философии с наукой до творчества и техники. Если производительность труда растет, а число свободных не увеличивается, растет лишь шум рекламы, побуждающей людей покупать новые утюги с телефонами, значит, данная политэкономическая конструкция дефектная.

Но это в теории. На практике по мере повышения эффективности экономики падал процент свободных в античном смысле свободных людей. При феодализме их становится меньше, при капитализме еще меньше. В современном пост-капиталистическом обществе по данным международной компании Oxfam, изучающей вопросы распределения ресурсов и бедности, в руках 1% самых богатых людей сосредоточено больше ресурсов, чем у остальных 7,7 млрд. чел. Несколько десятков богатейших людей планеты имеют столько же, сколько беднейшая половина человечества. Oxfam выпустила доклад «Экономика для 1%», где сказано: «Вместо экономики, которая работает на общее благосостояние, для будущих поколений и для планеты, мы создали экономику для 1%».

Такой фантастический перекося невозможен усилиями группы людей. Эта тенденция не укладывается во временной шаг человека, так как тянется она не первое тысячелетие. Природы ситуации я не буду тут касаться. Рассмотрю ее в третьей книге «Слово и Цифра 018». Здесь скажу только, что мы имеем дело не со случайным, а системным эффектом.

Парадокс: рабовладельческая экономика имела самую низкую производительность труда и самый высокий процент свободных людей. Современная экономика имеет самую высокую производительность труда и самый низкий процент свободных от труда людей.

Исправить неравномерное распределение доходов через изменение политической и экономической модели невозможно. Все попытки устранить неравенство, сотрясавшие человечество, завершились на удивление одинаково.

Когда монархическая Франция превратилась в республику, итогом было увеличение числа людей, вынужденных работать. Превращение царской России в советскую сменило сидящих на ключевых узлах социальной пирамиды людей, но не устранила неравенства.

Монарха Романова сменил монарх Сталин. Монархия первого опиралась на религию и позиционировалась властью от Бога, что предусматривала наследование власти. Король умер! Да здравствует король! Этот принцип гасил борьбу за власть. Монархия Сталина опиралась на учение Маркса, которое не предусматривало передачу власти по наследству. Со смертью красного монарха начинается смута, заканчивающаяся смертью СССР.

Северная Корея извлекла из этого урок, установив не просто красную монархию, а плюс наследственную. Не беда, что теория коммунизма исключает эту форму. Законы

жизни доминируют над писаными законами. Северокорейские монархи уже несколько десятилетий сидят на штыке. Чтобы никто не заострял внимания на том факте, что под их властью нет никакого основания, в Северной Корее жесточайший запрет на религию. За попытку любой проповеди религиозного формата проповеднику грозит 15 лет лагерей.

В истории человечества нет ни одного примера, когда неравенство преодолели через перестройку системы. Какую бы систему люди не строили, монархию или демократию, плановую или рыночную экономику, если в этой системе была вершина, на нее всегда взбирались и оккупировали умные, сильные и смелые люди. Во всех случаях сами они не были ограничены нормами морали, т.е. всегда действовали по ситуации с ориентиром на свое благо, а не на абстрактные понятия добра и зла, шкалу ценностей и все такое. Но своим подданным (кто платит дань, тот подданный) всеми силами пропаганды предлагали брать за ориентир не свое благо, а абстрактные ценности. Менялись сидящие на вершине пирамиды люди, их названия, от помазанников божьих до слуг народа, риторика и прочие бантики. Суть не менялась никогда. Как к любому замку подбирается ключ, так на вершину любой модели умные и сильные всегда придумывали как забраться. Пока модель будет иметь вершину, верно будет сказанное: *«нищих всегда будете иметь»* (Мф. 26,11).

Призывы к справедливости, обличения алчности богачей, взывания к совести, равно как кровавые и бескровные революции, будет иметь одинаково предсказуемый результат — вершину политэкономической модели оккупируют наиболее сильные и умные. Это происходит из того, что всякая жизнь стремится к благу, и таковы законы эволюции. Если бы сильные от слов слабых про справедливости отказывались от своего блага, они были бы слабыми. «Боги не знают милосердия. Потому они и боги» (Игра престолов 2-й сезон).

Чтобы устранить неравенство, нужно сделать так, чтобы сильные никогда не могли забраться на вершину пирамиды. В теории есть два способа. Первый: изменить природу жизни, т.е. отключить ее стремление к благу. Второй: создать модель, у которой нет верха.

Первый способ совершенно нереалистичный. Если убрать из объема объем, он не будет объемом. Если убрать из жизни ее стремление к благу, она не будет жизнью. Так что реальный способ один — построить децентрализованную модель. Любую точку на шаре можно рассматривать центром шара. Любого человека децентрализованной модели будущего можно рассматривать центром социума. Мир станет аналогом Вселенной.

Понимание, что при любой известной на сегодня политэкономической модели нам не избежать фантастического перекоса в распределении благ — это половина дела. Вторая половина — осмысление дефекта, проявляющегося в каждой конструкции.

Невозможно одну цивилизационную конструкцию быстро заменить другой. Горы движутся со скоростью гор. Если они движутся с заметной скоростью — это признак конца света. Поэтому первый шаг — не смена конструкции, а устранение ее дефектов, насколько это возможно. Аналогии с дырявым паровым котлом, если его невозможно быстро заменить, оптимально сосредоточиться на заделывании его дыр.

Дыры политэкономической конструкции — запредельное потребление малой кучки политической и экономической элиты. Объем генерируемых благ растет, но это ведет не к увеличению свободных в античном смысле людей, а к увеличению потребления этой группой людей, которая переходит в сверхпотребление. Негативный эффект тут не только в том, что ресурсы уходят в никуда, а в отсутствии класса свободных граждан.

Чтобы понять, как сгладить этот дефект (полностью преодолеть его можно только вкупе с децентрализацией системы), внимательно рассмотрим корни античного общества. Взглянем на древний мир не через призму бантик-информации, кто в каком году правил и помер, в какой войне победил или проиграл, а через природу человека и социума.

Античность

Эллины делили все возможные действия человека на четыре группы: работа, труд, служение и досуг. Работой они называли действие по принуждению, когда человек в роли

инструмента в руках того, кто его принуждает. Не важно, надсмотрщик принуждает кнутом или работодатель стимулирует человека сдать себя в аренду (стимул — название острой палки для погона быков). Важно, что без принуждения человек не будет делать то, что делает под принуждением — не будет работать.

Под трудом эллинский мир понимал действие, где человек не сдает себя в аренду в качестве инструмента другому человеку. Сюда входила домашняя работа, действия по ведению своего хозяйства, предпринимательство (организация производства и торговли).

Если человек привлекал рабов с помощью палки, а наемников с помощью денег, и его функция сводилась к организации их деятельности, это было трудом. Если же он ради денег сам делал то, что делают рабы и работники — это считалось работой.

Служением называлась общественно-политическая и религиозная деятельность. Тут человек действовал не ради себя, и тем более, не ради денег, а исполнял волю общества и богов. Если работа была уделом низших классов, то служением занимались высшие.

Досугом эллины считали деятельность, несущую нематериальную пользу и/или удовольствие. Сюда относилось обучение, спортивные состязания, искусства, науки, политические беседы и философские рассуждения (типа в диалоге Платона «Пир»).

Всякое принуждение считалось унижением. Все выставленные на рынке труда люди, сдающие себя, свое умение в аренду за деньги, считались униженными. Не важен был механизм аренды, хозяин сдавал своего раба или свободный человек сам предлагал купить себя на несколько часов/дней/недель/месяцев, все это считалось унижительным.

Античный мир культивировал презрение к физическому труду. Насколько до мозга костей этим был пропитан мир эллинов, можно судить хотя бы по тому, что мыслители не ставили физических опытов. Это требовало труда, а труд — удел рабов. Считалось, что человек способен познать истину силой разума, не оперируя физическими телами. Это вело к казусам, типа упомянутого в первой книге, когда Аристотель учил, что брошенный камень летит не по дуге, а по полу дуге, и, дойдя до ее высшей точки, падает вниз под углом 90 градусов к земле. Галилей физическим опытом опроверг это утверждение.

Между людьми, деятельность которых характеризовалась работой, была иерархия. Самые презренные — рабы, работали под угрозой физического наказания или смерти. Раб в античном мире — это не социальный статус, как касты Индии или крепостные в России. Раб — это собственность конкретного человека или полиса (муниципальные рабы). По статусу он ближе к домашнему животному. Тот факт, что античный закон в определенные периоды запрещал жестоко обращаться с рабами или привлекать их к оказанию определенных услуг (например, сдавать в аренду для секса) не говорит, что он видел в рабах людей. Как сегодняшний запрет закона на жестокое обращение с животными не говорит, что он видит в животных существ выше животных.

Отношение к рабству имеет те же корни, что и отношение к не репродуктивному сексу — божественные. Античные боги были гомосексуальными, и потому смертный, нашедший у себя способность получать удовольствие, например, от однополной любви, видел в этом сходство с богами. Во время оргазма при таком сексе он считал себя ближе к небу по сравнению с другими людьми. Он был больше в божественном состоянии во время этого, чем во время религиозных церемоний или молитвы и прочее. Как христианин в состоянии, когда у него открылись стигмы, считает себя ближе к Богу, чем во время молитвы и богослужения. Если верующий считает, что у него есть признаки схожести с высшей силой, каких нет ни у кого, в нем больше божественности, чем в других. Люди не стыдятся, а напротив, гордятся признаками, указывающими на связь с высшими силами.

Отношение к гомосексуализму, оргиям, зоофилии и прочему не репродуктивному сексу меняется с положительного на отрицательное со сменой религии. Христианский Бог осуждал сексуальные практики, не приносящие потомства. Люди всегда подражают тем, кого считают выше себя, определяя плохое или хорошее с ориентиром на своих богов.

С рабами такая же история... Древние считали, что человек попадал в рабство не просто так, а по воле богов. Им виднее, какой статус дать человеку, свободного или раба. Лишенные свободы люди своим статусом демонстрировали, что они отвергнуты богами.

Если раб — живое воплощение кары богов, и он предназначен для работы, значит, работа — это проклятие. Здесь корни негативного и презрительного отношения к ней. Если раб смотрел на свое положение через призму воли богов, он гармонично считал себя ниже человека. Если хозяин смотрел на ситуацию через эту призму, он считал себя выше раба на тех же основаниях, на каких честный человек считает себя выше преступника.

Древние делили людей на цивилизованных и варваров (от вар-вар-вар, непонятно что бубнят, не умеют говорить на человеческом языке). Аристотель писал, что боги так устроили мир, что варвары предназначены для обращения в рабство. Как дикие кони предназначены, чтобы их объездили люди и они стали их домашней скотиной, на которой будут пахать, возить себя и грузы, так и варвары рождены, чтобы стать рабами людей.

Если же в рабство обращался не варвар, божественное происхождение этого явления как бы позволяло хозяину говорить своему рабу, что ничего личного, просто так боги устроили. Можно представить, как он говорит бывшему свободному, попавшему в рабство: я не знаю, чем ты их прогневал, но против их воли не пойду и тебе не советую. Иными словами, я буду твоим хозяином, а ты моим рабом, и лучше нам принять эти роли.

Выше рабов стояли *метеки* (др. греч. *переселенцы*) — *чужеземцы* с правом жить на территории древнегреческих полисов. На современный лад — трудовые мигранты. Если рабы в иерархии были ближе к животным, то эти все же считались людьми. Но третьего сорта. В отличие от рабов они были лично свободны, но не имели права голоса, не могли вступать в брак с гражданами, владеть землёй, обращаться напрямую к власти и т.д.

Следующими шли *банавсои* — свободные по рождению греки, сдававшие себя в аренду на рынке труда (наемные работники). В глазах свободных эллинов они считались людьми второго сорта — интеллектуальными и/или физическими инвалидами. На них смотрели с легким презрением, как сейчас на людей, сдающих себя в аренду для секса (не важно, почасовая плата как у проститутки или помесечная, как у соержанки). Цицерон говорил: «Тот, кто предлагает труд за деньги, продает себя и ставит в положение раба».

Исключение составляли профессии учителей, юристов, врачей и тому подобные. Тут возникает вопрос, почему древние греки считали эту сферу деятельности приемлемой для свободного человека, а другую нет, если в обоих случаях она совершалась за деньги.

Чтобы уловить нюансы, нужно помнить разницу между древнегреческим учителем и современным. Учителем в Древней Греции назывался человек, имеющий свой взгляд на мир — свое учение (отсюда учитель). Он не учил ремеслу, это делал ремесленник-мастер. Он давал ребенку фундаментальные знания — учил мыслить и предлагал свои ответы на онтологические вопросы, понятия добра и зла, устройство общества и так далее.

Учитель не стоял на рынке труда в ожидании работодателя. К нему приходили как к жрецу — за знаниями. Жрец получал жертвования, а учитель благодарность. Это было не наемной работой, а служением обществу. Сегодня у именуемых учителями людей нет не только своего учения, а вообще никакого. Это боты на программе.

Учитель без учения — ремесленник, умеющий закачивать информацию в детские головы. Как сапожник шьет сапоги такого фасона, какой ему заказал заказчик, так эти «учителя» закачивают в головы детей такую информацию, какую велит работодатель.

Придет к власти Ленин, будет закачивать коммунистическую информацию и делать из детей пионеров. Придет Гитлер, будет закачивать фашистскую информацию и делать из детей гитлерюгенд. Придет безыдейный правитель, «учителя» будут закачивать в детей мысль, что в жизни нет смысла. Что нужно жить по формуле «учеба-работа-пенсия-помер». И не задаваться вопросами, для чего я живу, чего в конечном итоге хочу...

Современные учителя даже не педагоги в древнегреческом смысле. Педагогом называли раба-охранника, водившего ребенка на занятия к учителю (педагог — «водящий ребенка», пед — ребенок, гог — водить). Сейчас педагоги не водят детей к учителю, и

следовательно, даже на статус педагога не тянут. Хотя, если вспомнить второе значение «педагог», старший раб, обучавший новых рабов, рассказывая про порядки в доме, привычки хозяев, чего можно, чего нельзя, то современные учителя в этом смысле настоящие педагоги — они с детства внушают учащимся повиновение властям.

Аналогично и врач сегодня совсем не то, что понималось в древности. Он торговал собой на рынке труда. Его деятельность понималась не работой по найму, а служением. Его просили о помощи и благодарили с тем же смыслом, с каким благодарят священника.

Если кого и можно сегодня назвать врачами в древнем смысле — это ученых. Но они не в поликлиниках, а в НИИ трудятся, разрабатывая новые технологии и фармацевтику. Потом превращают их в инструкции и передают в поликлиники для исполнения.

У древних юристов нет ничего общего с современными. Древние позиционировали себя хранителями закона. Свою деятельность они понимали служением обществу, видя в этом служение богам. Современным юристам в голову не придет считать себя чем-то в этом роде. Это обычные наемные работники, позиционирующие себя инструментом решения поставленных заказчиком задач. Они не хранители закона, а специалисты по обходу закона. Маркс на эту тему сказал: «Юридически — значит фальшиво».

Статус перевернулся наоборот, от служения богам и обществу к использованию теми, кто платит. С древних позиций современные учителя/врачи/юристы — банавсои и метеки — работники по найму. Они выше принудительно работающих людей (древних рабов) но ниже свободных граждан, которые всегда покупатели, но никогда не товар.

Следующими за банавсоями шли эллинские девочки и женщины. Они не могли быть гражданами, не имели голоса в политических вопросах, не участвовали в жизни социума. Им даже запрещалось смотреть на Олимпийские игры под страхом смертной казни.

Чуть выше стояли греческие мальчики. До совершеннолетия они имели тот же статус, что и девочки с женщинами. Но по достижении требуемого возраста, если они соответствовали стандартам, становились гражданами — с правами и свободами.

Вершину социальной пирамиды занимали свободные, интеллектуально и физически полноценные мужчины — граждане. Именно они являлись демосом, имеющим власть. Демо-кратия — это не власть всех проживающих на данной территории, как многие сегодня полагают, а власть именно демоса — полноправных граждан, к коим относились свободнорождённые греки-мужчины. Неполноправные граждане не являлись демосом.

Полноценные граждане внешне отделялись от остальных специальной одеждой — тогой. Не граждане не имели права ее носить. Человек в рваной тоге был авторитетнее человека в одежде другого кроя, сотканной из золотых нитей и осыпанной бриллиантами.

Граждане имели все права и решали все вопросы. Среди них была своя иерархия, талант был выше бездарности, но по фундаментальному принципу, праву и потенциалу, все граждане были равны. Деньги не влияли на социальный статус человека.

Плутарх пишет в «Сравнительных жизнеописаниях», что в Фивах в огромном почете были люди, у кого было большое состояние, но они носили простую одежду и скромно питались. В этих кругах полагали постыдным заботиться о теле больше, чем самый бедный гражданин. Через это показывалось, что граждане — хозяева денег, а не их рабы.

Когда одному из таких граждан, Пелопиду, указали, что необходимо внимательнее относиться к деньгам, он ответил «Да, необходимо, клянусь Зевсом, но разве что вон тому», — и указал на слепого калеку. Немощному деньги действительно необходимы как костыль безногому. А ему, умному и здоровому, нет в них такой надобности. Как волк не занимается овцеводством, он ест готовых овец, т.е. берет то, что ему не принадлежит, так и свободный гражданин не занимается тем, чем занимаются рабы, но берет плоды рабского труда по праву сильного — единственного настоящего права.

Когда спартанцы выставляли напоказ шрамы, полученные в боях, или аскетичный образ жизни, они испытывали те же чувства, как сегодня от демонстрации дорогих вещей и образа жизни в стиле «потребление напоказ». Человеку хочется продемонстрировать то, что в данном обществе считается крутым. Вспомним Антисфена, выставлявшего напоказ

дыру в своем плаще, на что Сократ ему сказал, что через эту дырку видно его тщеславие. Нищенскими одеждами можно было хвастаться в той же степени, что и дорогими.

Гражданин Македонский, владыка мира, и гражданин Диоген, нищий, живший на городской площади в бочке, были равны. Владыка не видел ничего зазорного прийти «в гости», к бочке нищего, для поговорить. Но он не мог помыслить прийти в гости для личной беседы к самому богатому банавсою или метеку (среди них были очень богатые люди). Относительно граждан это были вещи, имевшие цену. А гражданин цены не имел.

Когда Александр задумал невероятное, завоевать мир, он потратил все свои деньги на создание армии. Когда друзья ему говорили, что же он себе оставляет, тот отвечал: себе я оставляю надежду. В этих словах и поступках и образе жизни виден уровень человека.

Когда к гражданину Диогену пришел гражданин Македонский и сказал «Проси что хочешь», тот ответил ему: «Отойди от солнца». Александр впечатлился ответом и сказал, что если бы не был Македонским, то был бы Диогеном.

В словах и поступках Диогена и Македонского видны полноправные граждане, знающие себе цену. Они разговаривали как равные. Диоген не был бы гражданином, если бы считал Македонского выше себя на том основании, что у него больше денег и вещей.

Статус человека в античном мире определялся, исходя не из количества вещей, которыми он обладал (по Платону весь этот мир был лишь тенью настоящего идеального мира), и не толщиной кошелька, а масштабом мысли и способностью совершить поступок (плюс корни — он должен быть рожден от полноправных граждан).

Люди без гражданства не считались полноценными людьми. Фукидид, описывая последствия чумы, случившейся в Афинах в V веке до н.э., перечисляет, сколько погибло граждан различных категорий, отделяя их от женщин, детей, рабов и прочей черни. Граждан он перечисляет в цифрах, а охлос (ὄχλος чернь) фразой «несчетное количество».

Все полноправные граждане делились на три категории: бедные, средние и богатые. Бедные получали по факту своего гражданства аскетичный прожиточный минимум (диэты). Средние ничего не получали из казны, но ничего и не платили. Богатые платили, но это позиционировалось добровольными взносами (литургии). Прямой налог считался несовместимым с гражданской свободой. Платить налоги — удел побежденных, кого победитель принудил платить подати (превратил в своих подданных или рабов).

Для древнегреческого гражданина быть под данью было унижением. Но при этом уклониться богатому гражданину от уплаты было сложно. Сократ говорил, что если такой гражданин не соблюдает традиции и не даст добровольно денег, афиняне на это посмотрят как на кражу их собственности. И в этом был понятный смысл — гражданин владел своей собственностью, потому что был частью полиса, сообщества граждан. Если бы не было полиса, гражданин лишился бы всего имущества и был захвачен врагами в рабство.

С граждан собирали налог в принудительном порядке только по общему решению в особых ситуациях и в виде добровольных пожертвований: война, неурожай, стихийное бедствие. Но это считалось временной мерой и отменялось при первой возможности. Были периоды, когда власть оказывалась в руках тирана и он заставлял граждан платить налог всегда, вне зависимости от ситуации, но такие долго не держались, их свергали.

В мирное время казну наполнял труд рабов, налоги с мэтеков и банавсоев, доходы от земли и моря, дань с покоренных территорий, откупные от союзников (участие в войне можно было заменить деньгами), судебные и таможенные пошлины, штрафы, конфискация имущества и прочие источники.

Материального довольствия, получаемого гражданином от социума, хватало на ведение нищей жизни. У кого не было иных доходов, тот стоял перед выбором между: «не работать и потреблять по минимуму»; или «работать и потреблять больше минимума».

Для кого ценностью была сытость, вещи, наряды и прочее, тот снимал тогу и сдавал себя в аренду на рынке труда. Это опускало его статус на ступеньку ниже — в банавсою. Кто считал, что свободное время лучше потратить на обмен мыслями в философских и

политических беседах, те оставались в статусе полного гражданина. Им были открыты двери таких домов, в которые богачей метеков и банавсоев на порог бы не пустили.

Из нищих философов, ставивших статус выше сытости, возникли киники. Самые известные из них — Сократ, Диоген, Кратет. Принадлежащие к этой субкультуре люди не просто ничего не имели, но и не хотели иметь. Они хотели обходиться самым минимумом, позволявшим не умереть с голода и холода, чтобы заниматься тем, что им интересно.

Тот же Диоген, у которого из всего имущества была сума, кружка и миска, когда увидел мальчика, пьющего из пригоршни, выбросил кружку со словами: «Мальчишка превзошёл меня в простоте жизни». Когда увидел другого мальчика, который ел кашу из корки хлеба, он выбросил и миску.

Киники стремились к минимуму потребления исключительно с одной целью — как можно больше освободиться от забот, связанных с владением вещами. Их аскетизм имеет вполне рациональный смысл, в отличие от христианских монахов. Они тоже не имеют материальной собственности, но понимают это служением Богу.

Монахи приносят три обета: послушание (в словах священноначалия видеть волю Бога), целомудрия (полный отказ от секса) и нестяжание (бедность как у Христа и апостолов). Все обеты, в том числе и евангельская бедность, имеют религиозный смысл.

Когда обвешанный золотом монах (епископ или патриарх), живет так, что олигархам завидно, говоря, что это не нарушение обета нестяжания, что лично ему ничего не надо, а ведет он такой образ жизни не для себя, а исключительно чтобы показать величие Бога и Церкви, это смотрится как трагикомичный театр абсурда.

Истинная природа личности видна не из слов, а из дел. Если человек говорит, что он склоняется к аскетизму по своей природе, сложно понять, действительно ли это так или он говорит это с тем, чтобы оправдать свое положение, типа, я нищий не потому, что хочу быть богатым, а не могу, а потому что не хочу, так как у меня цели выше богатства.

Когда человек говорит о нелюбви к бриллиантам, не имея возможности получить их, он похож на Карандышева из к/ф «Бесприданница», заявлявшего, что взятки не берет. Мать невесты ему ответила: «Вам никто и не дает. Место у вас такое, не доходное. Вот бы давали, а вы не брали, тогда и хвастаться можно было».

Понять, правду человек говорит или лукавит, можно в случае, если у него есть возможность разбогатеть, но он отказывается ею пользоваться, так как это противоречит его убеждениям. Как человек, ведущий здоровый образ жизни, отказывается от вкусной, но вредной пищи, так и он отказывается от вредных для его состояния души богатств.

Когда два представителя родственных мировых религий, оба монаха, оба могут с ног до головы обвешаться бриллиантами, но при этом один аскет, драгоценностей на нем нет, все вещи — голый функционал, а другой обвешан дорогущими побрякушками — тут слов не нужно. Тут факты говорят. *«Где сокровище ваше, там и сердце ваше»* (Мф.6,12)

Диогена многие знатные и богатые считали за честь пригласить к себе. Как-то раз он пришел в роскошный дом, и плюнул в лицо хозяину дома. Объяснил это тем, что не нашел хуже места. Кто мечтает разбогатеть, тот лебезит перед богатыми, а не плюется в них.

Среди античных философов были и бедные, и богатые. Тот же Демокрит или Платон был из царских родов. Сократ или Диоген были из простых людей. Однако это не делало между ними разницы, так они были гражданами. Платон постоянно спорил с Диогеном и ругался. И посылал ему вино и фрукты. Диоген ворчал, что они недостаточно хороши.

Объяснить невероятный взлет античной мысли, до которой современная близко не поднялась, можно существованием класса людей (прослойка, субкультура), кто не имел материальных благ и не хотел их иметь, находя удовольствие в поиске знаний. Кому кажется дикой и абсурдной мысль посвятить свою жизнь накоплению вещей и денег. Аскетизм киников всегда имел сугубо рациональный смысл — жить проще и через это иметь привязанностей и обязательств как можно меньше, а свободы как можно больше.

Выросла эта группа из презрения к работе и ее результатам — материальным благам. Нам, жителям современного мира, родившимся и выросшим под установкой, что вещи и

деньги — единственно достойные ценности, обретению которых можно посвятить жизнь, что деньги решают все, и чего нельзя решить за деньги, то решается за большие деньги, и что все должны работать, крайне сложно уловить тонкости атмосферы того времени.

Понятие «свободный человек» у нас наполнено иным смыслом. Если у древних это в первую очередь «свободный от необходимости работать», то у нас свободный — это кто в тюрьме не сидит и делает, что хочет (в рамках закона). А что он вынужден всю жизнь делать то, чего не хочет, такое принуждение к работе не считается принуждением.

Перепрограммирование

Христианство принесло в античный мир неслыханные идеи. Оно говорило, что Бог, выгоняя человека из рая, сказал ему: *«В поте лица твоего будешь есть хлеб»* (Быт.3,19). Это значило, что никакая работа, ни рабский труд, ни наемный, не являются позорными. Из этого следовало, что нет разницы между рабом и свободным, что все люди равны.

В древнем мире огромные массы людей принуждались к работе или кнутом (рабы) или голодом/холодом (банавсой с метеками). В глазах общества и собственных глазах они были неполноценными. Христианство, узаконившее любую работу, сняло с них позор.

Это была одна из причин, по которой настоящие и бывшие рабы, а так же всех сортов наемники массово становились приверженцами нового учения. Античный мир относил эту часть социума к самой постыдной и отвергнутой. Христианство сказало, что *«камень, отвергнутый строителями, сделается главой угла»* (Мф.21,42). В перспективе так оно и случилось. Из людей, причисленных к последним, возникла гигантская сила, изменившая мир. Сбылось сказанное: *«И последние станут первыми»* (Мф.19,30).

По мере становления христианства происходит очередной парадокс: чем оно больше говорит о свободе, тем меньше становится свободных в античном смысле людей. В итоге они совсем исчезают. В античном мире были толпы нищих полноправных граждан с правом требовать от государства хлеба и зрелищ. В христианском мире толп с такими требованиями уже нет. Теперь у всех есть только право надеяться на милость сильных.

Исчезает класс людей, свободных от необходимости работать. Теперь все, у кого нет активов, принуждаются к работе. Консервируется интеллектуальная и творческая энергии социума. В этот период человеку некогда думать. Работать надо. Наступают темные века.

Анекдот: алкоголику под потолок повесили бутылку, которую можно достать, если пододвинуть стоящую рядом табуретку, и стали наблюдать. Вот он прыгает за бутылкой, прыгает, и все безрезультатно. Экспериментатор ему говорит: а вы подумайте, как еще можно действовать... А тот отвечает: некогда думать, прыгать надо.

Все общество на протяжении темных веков усердно прыгает за подвешенным сверху призом под названием «Рай». Думать некогда. Все время забирают религиозные практики и работа, понимаемая выполнением божьей заповеди в поте лица хлеб свой добывать.

Набор античных понуждающих элементов в виде кнута и пряника дополняет новый, выраженный во фразе «Бог терпел и нам велел». Согласно христианскому вероучению, Бог взял на себя все совершенные людьми грехи и понес за них наказание, принеся себя в жертву себе, тем самым избавив людей от наказания и открыв им дорогу в рай.

Оставляю в стороне абсурд теории, что Бог себя принес в жертву себе. Упор на то, что он позволил себя пригвоздить к кресту и терпел муки за все грехи человеческие. И вот теперь пришло время отдавать потихоньку долги — терпеть трудности. Народ теперь смотрит на тяжелую жизнь не как на наказание, а как на форму искупления грехов.

Параллельно с этими процессами в обществе растет двойная мораль. Античная власть по большей части называла вещи своими именами: рабов рабами, а свободных свободными. Христианская власть, с одной стороны, вынуждена говорить, что все люди равны (перед Богом). С другой стороны, что среди равных некоторые все же равнее. Или заявлять, что все должны исполнять заповеди Бога. И тут же говорить, что на самом деле не всем надо исполнять заповедь про труд в поте лица, а только простолюдинам.

Иерархичная конструкция социума по своей природе предполагала неравенство находящихся на разных ее уровнях людей. Возникло противоречие между заявленным в теории равенством и наблюдаемым на практике неравенством. Проблему обошли через заявление, что царство земное копирует Царство Небесное (оно тоже было пирамидой). Как там самое высшее положение занимал Бог, ниже шли разные чины духов и ангелов в установленной им последовательности, так и на земле есть высшие и низшие.

С преодолением противоречия, что в теории все христиане должны исполнять завет Бога, добывать хлеб в поте лица, а на практике дворяне делали только то, что несло им пользу и/или удовольствие, оказалось сложнее. Благородные христиане даже не думали исполнять заповедь про труд. Они смотрели на работу точно так же, как античные граждане — с презрением, считая ее уделом исключительно низших сословий.

Работа за деньги в высших кругах не почиталась. Австрийский посол характеризовал предполагаемого убийцу императора российского, Петра III, мужа будущей императрицы Екатерины II, как человека, «из-за денег на все дела себя употреблять позволяющий». В человеке, которого в принципе можно нанять, вопрос цены, считалось, нет достоинства.

Картина та же, что и при рабовладении: огромная часть людей жила на уровне скотов, вынужденных всю жизнь круглый год заниматься отупляющим тяжелым трудом. Малая часть общества свободна от необходимости работать. Но мыслителей и творцов она не генерирует по двум причинам. Перед тем как сказать их, вспомню фразу министра пропаганды Третьего Рейха Геббельса: «собственность обязывает и крепко привязывает».

Владение средней и крупной собственностью зависит от лояльности к власти. Утрата лояльности автоматически влечет утрату собственности. Лояльность к власти в то время равнялась лояльности религии. Мозги свободных от необходимости работать людей зажаты с духовной и материальной стороны, и придавлены массивной плитой религии.

У христиан с развитым внутренним религиозным чувством срабатывает самостоп. Они без внешней помощи понимают, что думать за рамками религиозных догм грешно. У кого религиозное чувство притупилось, тем на помощь приходит инквизиция, возвращая на путь истинный (в особо тяжелых случаях возвращение происходит через костер).

Вторая причина резкого отупления общества: исчезновение слоя людей без активов и одновременно свободных от необходимости работать, которым вещи копить и деньги зарабатывать не нравилось, а творить и думать нравилось. Теперь относительно свободны только носители активов. У остальных вся жизнь сводилась к работе ради выживания.

Владелец собственности, чтобы не потерять ее, а вместе с ней и ту малую свободу, что она давала, обязан был посвящать ей время и силы, пропорциональные её размеру. Феодалы в первую очередь думали о защите и преумножении своих активов. Все, другого направления мысли в темные века не существовало. Философские вопросы больше никого не интересовали, так как на них на все ответило христианство. Предположить, что оно ошиблось, было опасно для жизни, и потому инстинкт самосохранения блокировал это направление. Если у кого и был творческий и интеллектуальный потенциал, его глушила религиозная цензура и самоцензура. Поэтому никто не отличался свободой мысли.

Религиозный гнет вкупе с собственностью задали естественный коридор течению мысли. Люди без активов теперь всю жизнь работали, чтобы выжить. Люди с активами если и думали, то максимум, о текущей политике. Социум ампутировал себе мозг.

Христианско-феодалная элита презирала работу так же, как антично-языческая, но в отличие от нее не могла этого официально заявить. Она была вынуждена говорить о равенстве и братстве, что вело к лицемерию. И это лицемерие постоянно росло.

Лицемерие правящей элиты плохо тем, что как бы гладко не объясняли обманутым, что никакого обмана нет, что все по закону и юридически правильно, люди видят факты. Возникает чувство обмана. Человек может не понимать, как, например, так получилось, что его деньги стали вашими, а у него ничего не прибавилось, но это непонимание не мешает ему фиксировать свои пустые карманы. Обман в политической сфере ощущается не менее ярко, чем в финансовой. Не важно, что говорят. Важно, что опять обманули.

Сытые священники в течении веков проповедовали голодным о пользе аскетизма, игнорируя сермяжную истину, выраженную в словах «Кто проповедь прочесть желает людям/ Тот жрать не должен слаще, чем они» (Б. Слуцкий, «Еврей-Священник»).

Когда модель черная, но для ее сохранения нужно говорить, что она белая, кто с нее кормится, тот будет говорить на черное белое. Сохранение религиозной модели требует от ее представителей говорить о приоритете духовного над материальным, и они говорят.

Соединенное с инстинктом самосохранения чувство несправедливости активизируется в первой благоприятной ситуации и в общество выплескивается поток неисчерпаемой мощной энергии. Именно это произошло с христианством, достигшим пика лицемерия. Как только накопленные в обществе протестные энергии совпали с интересами ресурсных людей, недовольных диктатом Рима, протест оформился в разновидность христианства — появился протестантизм. Вместе с ним отношение к труду из формально положительного становится фактически положительным.

Протестанты находят заповедь добывать хлеб в поте лица одной из самых важных. Нередки случаи, когда владелец производства занимался физическим трудом наравне с наемными работниками. Для него это был аналог молитвы. Как в храме бедные и богатые стояли перед Богом вместе и молились словами, так теперь богатые вместе с бедными молятся не словами, а работой, в первую очередь физической.

Результат исполнения этой заповеди виден воочию (в отличии от молитвы). Если один по две минуты в день молится, а другой усердно и по два часа, разница в результате не видна. А вот если человек молится работой, а не словами — разница наглядно видна по размеру его благосостояния. Чем больше молится работой, тем больше размер богатства, что свидетельствует о присутствии на человеке благодати божьей.

Богатство и богоизбранность, равно как бедность и небогоугодность, стали в протестантизме синонимами. Протестанты ищут богатства не с целью наращивать потребление, а ради увеличения богатства. Его размер говорил, угоден ты Богу или нет. Так материальное сокровище превращается в сакральное, открывающее дорогу в рай.

В качестве примера можно привести протестантку Гетти Грин, жившую в XIX-XX веке. В личном потреблении она была скромнее нищего. Когда ее сын сломал ногу, она не могла себе позволить тратить святыню (деньги) на лечение. Верующему никогда в голову не придет продавать чудотворную икону, чтобы решить проблему. Он ей молится будет. Если проблема не решится, значит, такова воля Бога. Аналогично и с деньгами, тратить их на тело, которое все равно умрет — это кощунство. Мать оделась в лохмотья и повела мальчика в больницу для бродяг. Потом лечила молитвами и народными средствами. В итоге ногу ему ампутировали... Но мать не видела в этом большой проблемы. Если Авраам готов был в жертву Богу сына принести, то что такое нога... Выбирая, что сохранить, вечную святыню или часть временного тела, ногу, мать сделала выбор.

Чистый продукт может получиться только из чистого источника. Если всякая работа несет большое или малое богатство, всякий труд обожествляется. Такое отношение к нему способствует накоплению капитала. Наряду с пониманием денег как единственного средства, способного дать свободу, формируется второй мотив копить капитал.

В XV веке начинается эпоха великих географических открытий, которая длится до XVII века. Обнаруживаются люди не европейского типа — негры, индейцы, папуасы и прочие цветные туземцы. Встает серьезный вопрос: кто это, люди или нет?

Согласно христианскому учению, у спасшегося после Потопа Ноя было три сына: Сим, Хам и Иафет. Сим является родоначальником семитской расы (евреи, арабы). Хам — чернокожие и цветные. От Иафета произошли люди с белой кожей. Хам совершил против отца своего Ноя преступление. Состав преступления заключался в том, что Хам увидел гениталии пьяного отца и рассказал про это братьям (есть версии, что Хам изнасиловал отца, изнасиловав его жену (свою мать), кастрировал отца). В общем, сделал что-то такое ужасное, что Ной проклял его, сказав: *«раб рабов будет он у братьев своих»* (Быт.9,25).

Богословы западного христианства классифицируют найденных людей потомками Хама. Про них четко сказано, что они должны быть рабами. На основании этих «научных изысканий» к людям формируется отношение хуже, чем в античные времена к рабам. В античные времена не было прямых указаний с Олимпа, что некая группа людей по своему рождению предназначена в рабство. Аристотель говорил, что варвары уготованы для этого, но он мог ошибаться, с его теорией не все соглашались. Совсем другое дело прямой потомок Адама, с которым сам Бог напрямую общался, сказал, что этот тип людей рабы.

Результатом богословских дискуссий является определение, что это бывшие люди, из-за проклятия опустившиеся ниже человека. Если в античные времена рабов считали за людей, потерявших свое человеческое достоинство и ставшими вещами, орудиями труда, но могущие вернуться назад в человеческое достоинство, то аборигенов определяют разновидностью обезьян, утративших душу и уже не способных стать человеком.

Вольтер говорил, что они стали такой наружности из-за того, что совокупляются с обезьянами. Но это говорил просвещенный человек. Менее просвещенные сочиняли более дикие версии. Например, выдвигаются версии, что это существа, созданные не Богом, а сатаной. Эта теория не проходит, так как по христианскому учению только Бог может творить. Сатана же только портит сотворенное. Сошлись на том, что это бывшие люди.

Далее христиане думают, как использовать обнаруженных бывших людей. Точно так же они бы думали про животных нового типа. Самым оптимальным вариантом оказывается использование их в хозяйстве. У новых рабов еще более низкий статус, чем был в античные времена. Если античных рабов добывали преимущественно в войнах, то теперь на людей охотятся как на обычных животных и продают как рабочую скотину.

По мере знакомства с этими людьми католики достаточно быстро убеждаются, что это полноценные простые люди без пороков и хитрости, способные делать все, что делает европеец. Статус аборигенов пересматривается. В 1537 г. Папа Римский Павел III издает буллу, что негры, индейцы и все прочие, считавшиеся бессловесными бездушными скотами, на самом деле есть люди, имеющие душу, а значит, им доступно слово божье, и долг Церкви — вырвать их из тьмы невежества и открыть свет христианской истины.

Папская булла запрещает обращать их в рабство и предписывает обращать в христианскую веру. Упреждая возможную критику, Церковь говорит, что да, эти люди часто совершают неразумные и аморальные с христианской точки зрения поступки, но это не говорит, что это не люди по природе. Это полноценные люди, только на детском уровне развития. Как только над ними просияет свет истинной религии, все будет хорошо.

Для объективности следует сказать, что восточная ветвь христианства даже вопрос никогда не ставила о народах, попадавших под ее контроль, люди они или нет. Наверняка из этого следуют какие-то выводы о разности мироощущения Запада и Востока, но я не буду сейчас в эту тему погружаться, она не имеет отношения к нашему обзору.

В отличие от католиков протестанты продолжают стоять на позиции, что цветные не являются людьми, игнорируя все аргументы. Если чернокожий человек был по всем параметрам умнее белокожего, он все равно не считался человеком. Если белокожий человек был последним идиотом, причем, самой последней пробы, он считался человеком.

Протестанты отличали человека от не человека примерно так же, как сейчас власти отличают наркотик от не наркотика. По логике вещество определяется наркотиком, если имеет три признака: несет опасность здоровью, вызывает зависимость, и его потребление опасно для общества. Но по факту вещество определяется по одному признаку: записано в список наркотиков или нет. Записано, значит, наркотик. Не записано, значит, не наркотик.

Получаются казусы. Например, у этанола (алкоголя) все три признака наркотика. Но так как это вещество не занесено в список, оно не считается наркотиком. Если вещество имеет в более легкой форме все признаки наркотика, или не имеет ни одного, но занесено в список, его считают наркотиком. Для наглядного представления, если завтра в список занесут мед, он будет считаться наркотиком. Если из списка вычеркнут героин, он не будет считаться наркотиком.

Так же и протестанты определяли человека не по признакам, отличающим его от животного, а по бумаге. Кто был записан человеком, тот человек; кто не записан — не человек. Так как негров с индейцами в этом списке не было, они не считались людьми.

В 1865 году в США отменили рабство. Людей не европейской внешности стали по закону считать людьми. Но к ним относились как к недочеловекам по инерции еще очень долго. До 1960 годов XX века для американцев с белой и черной кожей были отдельные туалеты, места в автобусах, в парках. На улицах и в магазинах были таблички «только для белых». В 1945 году американцы судили в Нюрнберге лидеров нацистов за то, что на контролируемых ими территориях висели таблички «евреям вход воспрещен». В это же самое время на контролируемой американцами территории висели таблички «неграм вход воспрещен». Это очень глубокий показатель современной цивилизации.

Главная причина, по которой белые англосаксонские протестанты (БАПС) так долго упорствовали, закрывая глаза на очевидные абсурды и нелепицы, оправдывавшие рабство — рабский труд создавал богатство, главную святыню протестантов.

Даже когда они признали туземцев людьми и начали крестить, все равно держали новообращенных братьев во Христе в положении рабов. Когда протестантские страны перешли от христианства к гуманизму, по инерции они продолжали считать людей иной национальности за недочеловеков. Сегодня отголосок тех времен — бытовой расизм.

С падением христианства продолжается обожествление труда. Вольтер говорит: труд избавляет от трех бед: скуки, нужды и порока. В мир приходит атеизм, из которого рождается гуманизм со всеми своими разновидностями, от демократии до фашизма.

Материалистические учения не с религиозной, а научной позиции (точнее, с позиции научных мифов) говорят о решающей роли труда в происхождении и эволюции человека. Теория спорная, много слабых мест и натяжек, но общество на волне пролившихся в тот период научных открытий, принимает ее как научный факт (хотя это всего лишь теория).

По сути, труд поставлен на место Бога-творца: не Бог сотворил человека, а труд. Мир наполняют новые заповеди и молитвы: «Труд из обезьяны сделал человека»; «Труд облагораживает человека». Как христианство не делало разницы, через какой труд выполняется заповедь, через творческий, торговый, руководящий или физический, так и гуманизм во всех его проявлениях не делает этой разницы. Всякий труд равно хорош.

Для визуализации процесса трансформации мира от темных веков до сегодняшнего дня представьте плотину. За ней гигантский массив воды, а перед ней плодородная земля. Земля без воды потрескалась, растут на ней только страшные колючки. Это темные века.

Первый прорыв в плотине в виде узенькой дырочки случился, когда на творчество ослабли религиозные ограничения. На землю полилась вода тоненькой струйкой. Скоро полезли первые ростки, и начался расцвет. Социум, над которым ослаб религиозный гнет, разродился гениальными произведениями. Началась эпоха Возрождения.

Второй прорыв случился, когда разум освободился от религиозных оков. Отверстие стало шире, и из него на землю пролился еще больший поток. Стремительно пошли невиданные всходы — немыслимые открытия. Началась эпоха Просвещения.

Плоды второго прорыва до сих пор льются на наш мир в виде чудесных открытий. Пока они идут на бытоустройство и оружие, но в этом есть смысл — гусеница копит жир, чтобы окуклиться, стать потребительским обществом, из которого вылететь бабочкой.

Но все это жалкие крохи. Основной массив воды, интеллектуальный и творческий потенциал человечества, по-прежнему скован. Мир в ожидании третьего прорыва. Он даст результаты, о которых с большинством моих современников невозможно говорить по тем же причинам, по каким невозможно было бы говорить со средневековыми людьми о компьютере. Потенциал общества всегда превышает фантазию человека.

Третий прорыв произойдет с восстановлением класса свободных от необходимости работать людей, не имеющих материальных активов и не собирающихся их заводить. Кто не о вещах и деньгах мечтает, а о свободном времени для реализации своих талантов. Кто

каждый день летает в мирах, недоступных бытовому сознанию — там лежат сокровища, которые не тлеют, не кончаются и не надоедают. И никакими деньгами их не приобрести.

Необходимость

До Христа человечество тысячи лет жило в атмосфере отрицательного отношения к труду. Человек своим трудом демонстрировал, что боги отвернулись от него. С приходом христианства работа объявляется исполнением заповеди Бога. Оценка переворачивается с негативной на позитивную. Возвеличивание труда достигает пика в протестантизме. Его там называют «молитвой делом» и одним из важнейших обязательств перед Богом.

С крахом религии приходит атеизм двух видов: радикального и компромиссного. Первый отрицает Бога и с большой буквы, и с маленькой (карманного бога). Этот вариант представляет коммунизм. СССР был единственной страной, не пустившей в общество с черного хода карманного бога. Вместо этого он создал полноценный религиозный культ — красный культ с ритуалами, святынями, мощами и праздниками. В столице стояло главное святилище — мавзолей Ленина с его мощами. По всей стране стояли его изваяния, как в Римской империи жертвенники императору-божеству. Даже молельные комнаты были на каждом предприятии и в школе — красные уголки и ленинские комнаты.

Компромиссный вариант отрицает Бога с большой буквы, но позволяет карманному богу пребывать в обществе (в сердце каждого верующего). Этот вариант атеизма представлен странами, исповедующими демократию, и вчера исповедовавшими фашизм.

Обе версии атеизма переняли от христианства эстафетную палочку возвеличивания труда. С той разницей, что церковное учение заявляло труд выполнением заповеди Бога, а атеизм и выросшие из него версии гуманизма заявляют его высшим благом, обязанностью и долгом нормального человека, потому что труд в статусе творца человека.

В античные времена полноценным человеком считался тот, кто свободен от труда. Кто был вынужден работать, того считали неполноценным. В наше время полноценный человек — кто НЕ свободен от труда. Кто не работает, тот неполноценный — паразит, тунеядец и т.д. За две тысячи лет пребывания в такой атмосфере люди до мозга костей прониклись установкой, что человек должен работать. В результате большинство людей не представляют себя без работы. На третий день новогодних каникул они сами, без понуждения, хотят на работу. Говорят, что им скучно, что не знают, чем себя занять, и если так будет дальше продолжаться, они сойдут с ума от безделья, сопьются и прочее.

Эти стенания особенно сильны сейчас, в месяцы карантина в связи с пандемией COVID-19. Люди не знают, чем себя занять. Им никто не говорит, что делать, и потому они говорят, что скучают по своей работе с начальником, что устали от безделья.

Кажется, это нормально ... Действительно, а что еще человеку делать... Отдохнул, дома сидеть скучно, хочется на работу. Лишь бы не бездельничать. Без работы человек неуверенно себя чувствует... От слова «безработный» тянет безнадегой, холодом, тоской, неуверенностью в завтрашнем дне и все такое прочее.

Работа организует текущую жизнь широких масс, дает средства к существованию, определяет статус так, как раньше его определяло сословие. Раньше были дворяне, духовенство, торговцы, крестьяне. Сегодня политики, торговцы, менеджеры, фрилансеры.

Среднестатистический человек не мыслит себя и мир без работы. Для него она такая же данность, как гравитация, например. Работа является центром современной системы. Люди работают, чтобы завтра была возможность работать. Когда человек говорит, мне некогда, я работаю, это уважительный аргумент. Трудолюбие получило тот же смысл, что и боголюбие. Нежелание работать — современный аналог ереси. Люди хвастаются своим плотным графиком, это считается признаком надежности и успеха.

Если вчера работа прочно ассоциировалась с рабством, то теперь со свободой. Люди согласны с тем, что чем больше они будут работать, тем увереннее будут смотреть в будущее. Интернет позволяет работать в свободное время, и многие не упускают этого

шанса. Идея работы сидит у людей в подкорке как инстинкт. «Работа — это способ придать своей жизни смысл» (Джоанна Биггс «Весь день: портрет Британии на работе»).

Никто не пытается осмыслить, *что* есть работа на современном уровне развития. Но взглянем на ситуацию другими глазами. Вы можете представить аристократа, который тоскует по той работе, которую делаете вы? Говорит, что ему хочется поработать?

Разница между вами и аристократом в том, что первый вырос в атмосфере, где ему с пеленок прямо и косвенно внушали, что полноценные люди свободны от необходимости работать. Что свое время и силы они должны тратить на реализацию своих талантов.

Сознание аристократа раскачено на масштаб за рамками текущей обыденности. Его теперь интересуют вопросы философии и науки, искусство и творчество. А если он устал, то тратит свое время на развлечения, но никак не на работу в общепринятом смысле.

Большинство росло совершенно в другой атмосфере. Им с пеленок изо всех углов внушали, что нормальный член общества, он же настоящий человек, должен всю жизнь работать. Говорили, что труд облагораживает человека. Что он открывает все пути-двери.

Если у вас родители чем-то торгуют (не важно чем, рекламой или недвижимостью) или производят (торговля и производство в английском обозначается одним словом *trade*) значит, вы выросли в торговой атмосфере. Торговые люди внушают детям, что деньги — самое главное, что умные отличаются от глупых тем, что первые тратят свои силы и время на полезные знакомства, преумножают капитал, а вторые на цели, не дающие богатства.

Одни родители учат детей, что ничего нельзя делать бесплатно, что только дураки трудятся без ориентира на деньги. После таких наставлений у человека в голове нет места идее делать то, что ему хочется. Теперь его свобода — выбирать работу, за которую больше платят. Он подсознательно видит себя инструментом для реализации чужих идей.

Другие учат детей, что трудиться за деньги — это как минимум унижительно, удел рабов, что свободный человек делает то, что ему нравится, в чем он находит себя, а деньги как бонус. Свобода таких — выбирать то, к чему тянется их душа и природа. Эти люди на уровне подсознания ощущают себя владельцами инструментов, работающих за деньги.

Дети — самый податливый материал. Чему их учат, то из них и получается. Если вы имеете те или иные приоритеты в жизни, львиная доля их сформирована средой. Так что гордиться или стыдиться своих приоритетов не стоит. Это не ваша вина, это ваша судьба.

Возможность оценить себя со стороны и понять, кто я, и сказать, хочу ли я быть тем, кем являюсь — это тоже судьба. Затрудняюсь только ответить, отсутствие силы воли для жизни так, как считаешь правильным, а не так как привычно — это судьба или что?

Одно дело, когда под культом денег есть религия, как было у протестантов. Тогда накопление понятно — форма служения Богу. Другое дело, когда никакого обоснования нет. Тогда торговым людям нечего внушать своим детям, кроме как почтения к деньгам.

Проблема в том, что наследнику капитала невозможно обосновать целесообразность ориентира на деньги, если денег и так столько, что их за всю жизнь не потратить. Такие люди, если не обладают свободным и масштабным умом, не находят ничего лучшего, кроме как выражать себя через рост потребления, через демонстративное потребление.

Здесь уместно сказать, что богатство обнажает масштаб человека. Бедный может оправдать отсутствие результата неимением средств. У богатого такой возможности нет. Полет его фантазии демонстрируют его дела. Например, богатому цыгану в принципе не может прийти в голову идея финансировать или социальный научный проект. Максимум его фантазии: золотые зубы лошади вставить или непомерно огромный дом построить. Демонстративное потребление богатых обывателей лишь подчеркивает масштаб полета их фантазии. Чемпион — султан Брунея, построивший дом площадью 200 тысяч кв. м.

Выросшие в рабоче-крестьянской среде люди пропитывались иной атмосферой. Их с детства родители учили, что главное — физический труд. Что работа руками не унижает, а облагораживает и возвышает человека. Поработал до усталости, и нет в голове лишних мыслей, все в жизни ясно и понятно. Мозолей на руках не стыдиться нужно, а гордиться ими, они верный признак правильного человека, живущего честным трудом.

Реальность несколько противоречит этим бодрым уверениям. Кто работал на заводе или стройке, тот среди окружающих людей мало видел благородных. Но это не смущает. Про наблюдаемые противоречия люди или вообще не думают (они не склонны к анализу) или верят, что где-то там, в другом месте, живут облагороженные трудом люди.

Неудивительно, что аристократу в голову не может прийти в голову идея работать (не важно, торговать-производить или копать-таскать). У него масса других интересов — философия, наука, творчество, развлечения. Равно как и простому человеку не может прийти в голову идея НЕ работать. Сама мысль выглядит страшной, незнакомой... Как это, он ничем не будет торговать, ничего не будет производить, копать и таскать не будет.

Осел всю жизнь ходит по кругу за морковкой, крутя мельницу, за что его кормят. На его глаза одеты шоры, и весь его мир заключен в круге: работа-сено-стойло. Другой жизни он не мыслит, так как его фантазия не может выйти за рамки известной реальности.

Если предположить, что у него состоялся разговор с диким ослом, который его в лес позвал, на природу, на свободу, осел-работяга попросту не поймет, о чем ему толкует его собрат. Как это, не ходить по кругу и идти куда хочется... Если не крутить, откуда тогда еду добывать? Сразу понятно, что это глупые фантазии и ерунда какая-то, подумает он про себя (или открыто скажет это своему знакомому дикому ослу). Добропорядочные ослы должны по кругу весь день ходить и вечером получать свою морковку.

Законопослушный ослик настолько проникся своей трудовой миссией, что если не покрутит мельницу несколько дней подряд, ему тревожно на душе. Хочется быстрее на работу. Когда он на работе, ему все в жизни понятно, он чувствует себя полноценным.

Путь простого человека прямой как стрела: работа-дом-семья-пенсия-помер. Зачем он живет такой жизнью — сам не знает. В его голове шаблоны, которые для него святая истина. За их рамками он недееспособен. Он слышит только то, что в шаблоне. Если сказать ему, бросай работу, пошли в новую жизнь, на свободу, он попросту не поймет, о чем речь. Как это, не ходить на работу и делать что хочется... На что жить-то тогда?

Вопрос разумный... Действительно, если у человека единственный способ к существованию продавать труд, как же он бросит работу? На что ему еду покупать? Но прикол тут в том, что если вы дадите ему рациональный ответ, это никуда его не сдвинет. Он задаст кучу вопросов про гарантии, и в итоге все равно решит, что лучше ему жить той пустой жизнью, какой он живет в данный момент, чем пробовать что-то незнакомое.

Незнакомая информация так же напрягает, как неизвестная еда, животное, мысли или еще что — оно всегда страшит. Страх перед непривычным зашит у нас в генах. Эволюция оставила в живых только тех, кого новое страшило. Кто не боялся нового, того эволюция отсеяла. Поэтому сейчас норма, что 99,99% людей панически боятся нового.

В свое время люди отказывались принимать бумажные деньги. Вот еще... Бумагу за средство платежа считать. Вот золото с серебром — это другое дело. А бумажки всякие... Нет, мы не будем считать их за деньги. Почему же? Да очевидно почему, бумага-с...

Потом электронные деньги и банковские карты не хотели деньгами считать. Массу к ним постепенно приучали. Сначала зарплату переводили на карту. Первое время люди бегом бежали снимать свои кровные. Чтобы они этого не делали, им чуть-чуть начисляли процентик за хранение денег на карточке. Самые храбрые (или кто на халяву соблазнился) рискнули не снимать деньги. Когда все увидели, что они ничего не потеряли, а напротив, нажили, страх прошел. Так постепенно всех приучили держать деньги на карточке.

Для абсолютного большинства людей все, что я тут пишу про работу — это глупые фантазии, страх и ужас. Единственное серьезное дело для них — всю жизнь на работу ходить и обратно. Потом на пенсию и помереть. И главное, пожалуй, никогда не задаваться вопросом, зачем это я живу такой жизнью, чего в итоге достигнуть хочу?

Система глушит такие мысли. Она привязывает к себе кредитами, традициями и шаблонами, не оставляет сил и времени на реализацию себя. Люди, главная ценность нашего мира, умирают в первую очередь как личности. И только потом как туловища.

При слове кладбище у нас возникает ассоциация с местом, где лежат закопанные в землю тела. Отчасти это так, но только отчасти. Кладбище — это не только скопище мертвых тел, но и похороненный гигантский интеллектуальный и творческий потенциал. Большинство лежащих там всю жизнь делали то, к чему система понуждала. Когда они умерли, вместе с ними умерли их таланты и мечта.

По факту человек меняет 90% активной жизни на возможность соответствовать тому, что пропагандирует коммерческая реклама и потребительская культура. Фотография суток среднестатистического человека: около 8 часов на сон; 2 часа на обеспечение жизнедеятельности; еще 2-4 часа на приготовление к работе, дорогу туда и обратно, обед. Работа занимает 8 часов. Итого 20-22 часа. Оставшиеся от суток 2-4 часа частично идут на отдых после работы, ужин. Параллельно развлечения (тут зависит от возраста, у кого это соцсети и новостная лента с компьютерными играми, у кого телевизор). Потом домашние дела и спать. На следующий день повторяется все сначала. И так каждый день. Когда наступает пятница, она воспринимается передышкой на длинном пути. В выходные сон на 2-3 часа больше. Потом завтрак, магазин, кино, друзья. Некоторые на курсы повышения квалификации ходят. Отпуск (если есть) это как привал. Потом пенсия и конец фильма.

По факту современный человек кладет свою жизнь без остатка на алтарь работы. Понятно, зачем религиозный фанатик жертвует своей жизнью — он верит, что это ведет его в рай. А зачем люди всю жизнь делают то, чего с удовольствием бы не делали?

Ради соответствия стандартам потребления. Никто не задается вопросом, зачем им это? Стоят ли стандарты такой цены? Можно ли жить как-то иначе? Люди идут как зомби за звуками и образами системы — как крысы за мальчиком, играющим на дудочке.

Один из показателей глупости — непропорциональный обмен. Чем более ценным является то, что человек отдает и менее ценным то, что он взамен получает, тем более он глуп. Папуас меняет ценные вещи на менее ценные: золото на бусы. За это мы оцениваем его поступок глупым. Как оценить поступок современного человека, меняющего самую высшую ценность, жизнь, на вещи? Если абстрагироваться от привычных установок, это самое глупое, что может быть. Еще глупее, если бы он согласился убить себя за деньги.

В 2005 году в своей первой книге «Проект Россия» я описал, как создают крысиного короля. Суть технологии: берут крупную и сильную крысу, долго морят голодом, а потом бросают к ней в клетку только что убитую крысу. После некоторых раздумий она пожирает своего мертвого собрата. Рациональная логика подсказывает: это уже не собрат, это пища. Ему все равно, а мне кушать надо. Второй раз планку поднимают выше, бросая в качестве пищи раненую, едва живую крысу. Новая «пища» хоть и почти мертва, но все же живая. Рациональное решение: раненый все равно умрет, а мне нужно жить. И крыса пожирает еле живого. В третий раз в клетку бросают вполне живую и здоровую «пищу», слабого крысенка. Крыса-каннибал рассуждает: или мы оба погибнем или выживет сильнейший. И сильнейший выживает. С каждым разом на принятие решения уходит меньше времени. При этом уровень каждого решения выше. Через некоторое время крыса вообще не думала, есть ей брошенного собрата или нет. Она относилась к нему как к пище. Едва ей бросали в клетку новую крысу, она тут же накидывалась на нее и пожирала.

Нечто похожее происходит с человечеством. Кто сильнее, тот питаются тем, кто слабее. Это ужасно звучит, но если бы сильные не ели слабых, не было бы эволюции. Без рабства вместо прогресса был бы вечный застой, что мы и наблюдаем у диких племен на островах с максимумом природной и социальной безопасности.

В античные времена со ссылкой на волю богов рабство называли своими именами — рабством. Подчиненный человек принимал свою позицию ясно, без розовых очков, все было предельно понятно. У него была надежда освободиться. Его мозг остается целым.

С приходом христианства сильные продолжают питаться слабыми. Но так как на божественную волю уже не сослаться, они начинают отъедать мозг слабых, рассказывая рабам (при феодализме рабы по-другому назывались, вассалами или крепостными) про равенство с братством. Сильные говорят слабым, что все мы братья, но мир так устроен,

что вы должны кормить нас. Мы не знаем, зачем Бог создал мир, в котором нищие всегда будут (Мф.26,11). Наше дело — соответствовать его воле. Признание этого — первая отъеденная у слабых сильными часть мозга.

Потом пришел гуманизм и продолжил начатую христианством проповедь, только не от имени христианского Бога, а от имени некой абстрактной справедливости. Проповедь всеобщей любви и братства крепнет. Но неравенство никуда не девается. Оправдывают его теперь не роком судьбы и не волей Бога, а... свободой. Каждый человек объявляется свободным. Но в реальности подавляющая часть человечества всю жизнь ходит на работу и обратно. И не видит в этом никаких проблем. Люди жертвуют своей жизнью, и ни один не знает, зачем он это делает. Так сильные отъели у слабых вторую часть мозга.

У моих современников в генах стоит шаблон: нужно всю жизнь работать. В другую сторону мысли не текут. Они не хотят видеть, что если в античном обществе рабский труд позволял освободить от работы некоторый процент людей, то машинный труд позволяет тем более. Люди не желают про это думать. Блоку них стоит на этом направлении.

Если снять эту пробку, людей накроет ощущение гигантской несправедливости. По обществу прокатилась бы такая же волна чудовищного обмана, какая прокатилась, когда разоблачались церковные чудеса. Когда верующие своими глазами видели, что то, чему они поклонялись как святыне, на самом деле было соломой и тряпками, которым придали форму, они прямо там кресты с себя снимали. Кипел их разум возмущенный со всеми вытекающими последствиями. Мощностъ этой энергии была неистощимой, потому что ее источником был инстинкт самосохранения.

Невозможно вмиг изменить то, что формировалось тысячи лет. Рабский взгляд на мир и вещи формировался две тысячи лет. Одна книга не изменит привычное мышление и отношение к работе на аристократическое. Нужно время, чтобы информация сначала вошла в голову. Потом к сердцу опустилась. И наконец, до печени дошла.

Но и это еще не все. Если даже люди в целом согласны со сказанным, большинство по своей природе окажется не способно от слов перейти к делу. В этом виноваты не люди, а природа общества такова. Большинство людей недееспособны за рамками привычного.

Есть такая штука — инерция мышления. У всех она индивидуальна. Единицам достаточно книги, чтобы принять решение и реализовывать его. Основная масса до конца дней будет взвешивать плюсы и минусы, спрашивать про гарантии, и не получив их, отползает на старое место. И они правы по-своему. То, к чему я призываю, совершенно новое дело. Гарантии тут невозможны. В таких вещах можно твердо сказать только одно — если вы не сделаете шаг, вам гарантирована старая жизнь по шаблону.

Архимед говорил, дайте мне точку опоры, и я сдвину землю. Для нас рычаг и точка опоры, которая перевернет старый мир — это утверждение, что при современном уровне развития человек может не работать. Это не мечтания и фантазии, а настоящий реализм. И он гарантирует переустройство социальной, политической и экономической конструкции.

ЧЕТВЕРТАЯ ЧАСТЬ ИНТИМНАЯ

Историки

Рассмотрение технологии активации сексуального инстинкта начну с обзора такой науки, как история. В первой книге я говорил, что это никакая не наука. В науке верность утверждения не зависит от места, где она озвучена, и времени, когда она озвучена. Истина $2+2=4$ верна во всех странах. История же полностью зависит от места и времени. Причем, чем свежее событие, тем меньше оно история и больше политика. По мере устаревания событие из политики медленно превращается в историю. Но не всегда окончательно.

В СССР историю Древнего мира трактовали с одних позиции, в США с других. Единственное, в чем историки были согласны — когда кто родился/умер и кого победил. А вот кем были исторические личности — в этом на историков полагаться не стоит.

Будет ближе к истине, если ориентироваться на косвенные показатели — не на то, о чем говорят, а на то, о чем молчат. Восточная пословица: если не знаешь, как поступить, спроси у женщины и сделай наоборот. В большинстве случаев это правило применимо к историческим личностям. Если хочешь получить близкий к реальности образ той или иной фигуры, возьми созданный историками образ и переверни его наоборот.

У Поппера признаком научного знания является возможность его фальсификации, т.е. опровержения. Чего нельзя опровергнуть, то не является научным знанием. Например, утверждение о существовании загробной жизни нельзя ни доказать, ни опровергнуть, и потому оно не является научным знанием.

Наука всегда стоит на грани новых открытий. Старое ей всегда мешает. Новое несет в себе не только опровержение старого, но и ужас, так как приходит убить старое. Если новое в глазах старого не ужасно, это показатель, что оно не новое, а апгрейд старого.

Применяя принцип Поппера к тому, что принято называть исторической истиной, мы видим, что во многих случаях она не фальсифицируема. Например, высказал историк свое мнение о причине какого-то события, факта или явления, и ваше дело верить ему или нет. В пустыне Наска существует геоглифы (гигантские рисунки, видимые с самолета). На вопрос, с какой целью выполнялась эта огромная работа, историк что-то говорит. Его мнение ни опровергнуть, ни подтвердить нельзя. И потому оно не научно, а фантазийно, как фантазийно мнение древних о размере Солнца или форме Земли.

Границы человеческой фантазии проходят по известной реальности плюс аналогия на эту реальность, самый максимум, аналогия на аналогю. Выйти за эту границу человек не может. Отсюда древние мыслили размер Солнца как корабль, самые дерзкие говорили, что оно размером с город. Про Землю, что она плоская, стоит на слонах, а те на черепахе.

Аналогично и историки, когда высказывают мнения о том или ином событии или находке, в своих высказываниях всегда ограничены своим обыденным опытом. И так как они дети своего времени, то склонны на все смотреть со стандартов этого времени. Они не могут помыслить то, чего им неизвестно, по той же причине, по какой папуас, нашедший компьютер, не может додуматься о цели этого изделия. Все высказанные догадки будут в границах опыта и стандартов историка. И с огромной вероятностью они будут ложными.

Во многих случаях информация, противоположная официальному мнению, ближе к истине, чем академическая. Я не говорю, что во всех, я говорю: во многих. Сообщество историков в этом смысле не показатель, так как мыслителей там нет. В лучшем случае неглупые люди. Но все они зажаты догмами своего времени и авторитетами.

Это хорошо видно на негативных исторических фигурах. Высока вероятность, что истина наоборот. Потому что историю пишут победители. Их цель — не истину изложить, а упрочить свое положение. Они укрепляют экономику, армию и свой положительный имидж. Поэтому все победители всегда борцы за правду, а побежденные — исчадия ада.

Но обратимся к умопостигаемым фактам. Выставить правителя извергом можно в одном случае: если он побежден. Негативных и одновременно непобежденных правителей не бывает. Как бы ни был жесток правитель, сохранивший свое положение, он останется в истории как грозный или суровый, но никогда как садист и душегуб.

Историки оставили нам негативный образ древнеримского императора Калигулы, российского императора Павла I или кандидата в диктаторы Берии. Но единственное, что можно сказать наверняка, что заговорщики убили одного в сенате, другого в спальне, а третьего неизвестно где. Еще достоверно известно, что негативные образы писались по указке врагов убитых. Это не говорит, что очерненные и демонизированные фигуры на самом деле были такие. Это говорит лишь о том, что они были побежденными.

Если бы Гитлер победил Сталина, мир ничего бы не знал про немецкие концлагеря (или знал не больше, чем сейчас знаем про сталинские, и ужасался советским ГУЛАГом).

Максимум, были бы слухи, как в Китае про события на площади Тяньаньмэнь, в которые порядочные китайцы не верят и разговоры про них не ведут (кто был в Китае, тот знает).

Правила игры таковы, что историю нельзя делать в белых перчатках. Кто управляет большими массами, тот всегда будет совершать трудный выбор, выбирая, кого обречь на страдания и смерть (понятие страдания в каждой эпохе свое), а кому дать зеленый свет.

Историки не могут объективно освещать события, так как зависимы от власти. Они обслуживают ее мнение, трактуя события сообразно политическому моменту и заказу. Что при одной власти считается злом, при другой власти будет добром. И наоборот.

Невозможно, чтобы историк получил одобрение и кафедру под озвучивание идей, не соответствующих политическому моменту. Например, Татищев, Ключевский, Тихомиров, Соловьев и прочие русские историки, жившие при Романовых, даже в теории не смогли озвучить реальную причину отказа государства от старой Церкви (сегодня известной как старообрядческая). Цензура не могла пропустить версию, противоречащую интересам короны. Проходили только те версии, что соответствовали интересу династии Романовых.

Историки выдавали предлоги за реальную причину. До сих пор в школах учат, что династия Романовых отказалась от старой Церкви, потому что в книгах выявили ошибки. Потому что выяснилось, что правильно креститься — это не двумя, а тремя пальцами.

Реальную причину озвучили только при большевиках: Романовы отказались от старой Церкви, потому что она присягала на верность династии Рюриковичей. Романовым она не присягала. Тень на легитимность власти Романовых устранили через смену Церкви.

Большая игра — тяжелые решения. Повесить трехлетнего сына Лжедмитрия только за то, что у него есть права на престол — это цветочки. Ягодки — веру народа заявить ложной. Романовы сделали это. В ответ сторонники старого обряда в стоянии «за единый аз» закрывались в своих церквях с детьми, служили последнюю службу и поджигали храм, добровольно сгорая в нем заживо. За время противостояния власти и старой Церкви детей погибло не в пример больше. Повешенный царевич выглядит малым злом.

История — это никакая не наука. Это в большинстве своем тень политики. Мне это нужно было показать, прежде чем рассмотреть взгляд историков на секс. Понять, откуда они берут свои негативные суждения об античной сексуальности и вообще о сексе за границами церковной морали. Это имеет прямое отношение к дальнейшим суждениям.

Рельсы

История как наука начала зарождаться в атмосфере доминирования Церкви. В этот период все ключевые узлы и практики, составляющие жизнь общества, оценивались через призму церковных догм. Добром и злом считалось то, что Церковь считала добром и злом.

Античный мир определял добром действие, никому не несущее вреда и хотя бы одному человеку несущее пользу или удовольствие. Если человек удовлетворял свои сексуальные желания сообразно своему вкусу, и от них никто не страдал, а он получал радость — это считалось добром. Логика: радость кому-то есть, а горя нет никому.

Христианство принципиально иначе определяет эти понятия. Что получают люди от действия, удовольствие или страдание — этот момент вообще не учитывался. Ориентиром были религиозные догмы. Если действие несло всем людям страдания и никому радости, но соответствовало канонам, Церковь оценивала его добром. Если действие всем несло удовольствие и никому вреда, но противоречило канонам, его оценивали злом. Например, если ваш секс никому не несет вреда, а вам дарит радость, но не соответствует божьим заповедям, он определялся злом. Для верующих логика тут очевидна: за малую радость в моменте грядет ужасная расплата, и потому, оценивая все в совокупности, а не только миг радости, получалось, что нецерковный секс есть зло. Но эта логика уместна для верующих в Бога. Ориентироваться на нее неверующим, по меньшей мере странно. Почему именно на мнение христианского Бога, в которого вы не верите, а не на мнение Зевса, в которого вы тоже не верите? Ориентироваться на тот и другой для неверующего одинаково глупо.

Такое определение добра и зла в интимной сфере рождает христианскую мораль. С ней появляются слова, которых античный мир не знал. Например, половое влечение — это похоть. Секс за церковными рамками — разврат, преступление против Бога. Обнаженное человеческое тело теперь невозможно назвать красивым, как невозможно кучу говна. Как бы хорошо ни было изображение голого человека, приличным людям предписывалось реагировать на него отрицательно, оценивая в терминах: срам, пошлость, бесстыдство.

Причем, в первую очередь такая реакция идет на женское тело, потому что оно его ассоциируют с искушением, сладострастием и пороком. К мужской наготы отношение мягче. Например, лицезреть мужские соски не возбраняется даже добропорядочным людям, а женские под строгим запретом. Связано это отчасти с распятым Христом. Если Богу можно иметь эти части тела открытыми, то мужчинам можно (Христос считается в христианстве Богом — Творцом Вселенной). Если у Богородицы (приравненной к Христу фигуры) все закрыто, значит, женщины должны следовать этому примеру.

Изображение гениталий, или спаси боже, любого интимного взаимодействия людей, и уж совсем мрак, если это не репродуктивные практики, называются непотребством, грязью, порнографией и прочими словами, призванными навечно заклеить этот «ужас».

В этой атмосфере расцветает мифотворчество, рождаются теории, что человек сам не мог додуматься до такого непотребства (с христианской точки зрения). Такое зло не могло обойтись без участия сатаны, разжигающего развратные желания. Этим он сбивает людей с пути истинного, указанного матерью-Церковью, и ворует человеческую душу.

Все первые историки, все без исключения, выросли в атмосфере такого отношения к сексу. Они впитывали его негативную оценку с молоком матери, пропитались ею до мозга костей. Для них отрицательное отношение к сексу было так же естественно, как для нас отношение к людоедству. Мы знаем, что это ужасно, и не хотим анализировать этот ужас.

Когда люди уверены, что перед ними явное зло, они из благих намерений, внося свою лепту в борьбу с ним, начинают заниматься мифотворчеством. В этом праведном деле никакое преувеличение не может быть излишним. Это как в борьбе со смертельным врагом, никакой удар по нему нельзя оценить избыточным. Всякий удар по такому врагу, каким бы мощным ни был, будет или недостаточным, или в самый раз. Но никогда не будет истребление врага избыточным. К врагу такое понятие неприменимо.

Кто вздумает ругать режим Гитлера, тот может сочинять любые зверства, нисколько не заботясь о соответствии фактам. Никто не упрекнет вас за ложь, если вы, например, напишите, что фашисты сожгли в печах 10 миллионов евреев. Если какой-то умник вдруг установит число печей на подконтрольной Третьему Рейху территории и заявит, что такое количество тел невозможно сжечь даже если все печи работали круглосуточно со 100% загрузкой, этого счетовода обвинят в симпатии к нацистам, попытке обелить их, скрытом пособничестве. И так как никто не желает оказаться под грузом таких обвинений (или подозрений), фашистов можно поливать любой грязью, ни в чем себе не отказывая.

Если историк скажет, что лагеря смерти были разрушительными для Германии, а немецкий народ был против, одобряло это кучка нелюдей, ни один здравомыслящий гуманист не будет этому возражать. Никто даже не попытается задуматься над подобным утверждением. Потому что, а чего тут думать... И так все предельно ясно.

Аналогично и с античным сексом, по христианской морали он есть абсолютное зло. Он хуже нацистских лагерей смерти. Если выросший в христианской атмосфере историк говорил, что Древний мир рухнул из-за секса вне церковных норм (из-за разврата), ни одному здравомыслящему христианину не придет в голову возражать. Если этот же самый историк заявит, что у души христианская природа, и потому народ был против разврата, им занималась кучка людей, потерявших человеческий облик, ему тоже никто не возразит.

В своем благочестивом рвении историки фальсифицируют историю. Очень заметно это на теме античного гомосексуализма, взгляд на который в академической среде под давлением церковной морали долгое время выхолащивался и извращался.

Например, до XX века историки-моралисты стояли на позиции, что такой великий философ как Платон не мог опуститься до такой низости как педерастия. Когда им указывали на диалоги Платона, например, на его «Симпозиум», они говорили, что греки в этих разговорах имеют ввиду духовный и созерцательный характер отношений между мужчинами, но никаких не физический. Отсюда возникла фраза «платоническая любовь», что означает духовное отношение людей, без физической близости.

Почти два тысячелетия Церковь связывала секс, названный развратом, с муками ада. Чтобы понимать, что это за срок, укажу на опыт НАСО по влиянию космоса на человека, который завершился в 2019 году. Один близнец год находился на космической станции, а второй на земле. Так вот только за год ДНК космического близнеца изменилось на 7%. Представьте, что произошло за две тысячи лет с миллиардами людей, которым внушали, что за одну мысль о сексе вне церковных рамок их на том свете ждут вечные адские муки.

Вряд ли нам можно понять ужас средневекового человека, в который его погружала эта информация. Для него ад был так же реален, как для нас наш дом или президент. Мы не видели его вживую, только изображение и слышали, что он есть. Однако это не мешает нам считать, что президент реально существует. Средневековый человек тоже ни разу не видел ад и страдающих там развратников, но много слышал и наблюдал его образы на стенах церквей. И потому был уверен, что ад есть, как мы уверены, что президент есть.

Отрицательная оценка секса сравнима с приобретенным рефлексом. Если вас бить током и одновременно играть хорошую музыку, боль в подсознании устойчиво свяжется с этой музыкой. Она теперь для вас будет автономно отрицательной, без ударов током.

Аналогично и секс стал негативно восприниматься без связи с церковными нормами и табу. Пропитанный ими до мозга костей, социум прекратил воспринимать их как сугубо христианскими. Теперь они стали казаться любому из нас самоочевидной истиной.

В начале XVII века Церковь получает смертельный удар, от которого никогда уже не оправится. К XVIII веку она теряет свои позиции и скатывается на обочину социума. Формально общество освободилось от диктата Церкви. Но что внушалось две тысячи лет, то не может исчезнуть вдруг. Поэтому освобождение произошло только формально.

На месте отринутого христианства утверждается гуманизм. Никто не обращает внимания, что общечеловеческие ценности в сексуальной сфере являются точной копией церковных. Как Церковь осуждала античный секс, так и гуманизм. С той разницей, что Церковь ссылалась на Бога и измышления про христианскую природу души, а гуманизм не отягощает себя объяснениями. Он говорит, что такой секс нельзя практиковать, потому что большинство считают его противоестественным и неприличным. Никто не понимает, что они повторяют информацию, которую людям две тысячи лет записывали на подкорку.

В теории историки-гуманисты растут в атмосфере, свободной от догм религии. На практике они растут в той же самой церковной атмосфере, что была тысячу лет назад. С той разницей, что устранили источник информации, Бога, а сами нормы переименовали. Прежней осталась только оценка не репродуктивного секса — разврат, грязь, пошлость.

По инерции они определяют границы допустимого в сексе с ориентиром на старые догмы. Практики Древнего мира они оценивают точно так же, как и историки-христиане. Пишут о его противоестественности и пагубности для цивилизации, общества и человека.

Если смотреть в самую глубину, негативная оценка секса имеет те же корни, что и негативная оценка действий маньяка над жертвой. Человек перекладывает мучения себе подобного на себя, это включает инстинкт самосохранения, и следует негативная оценка.

Религия как бы вырвала положительную оценку секса из природы человека и через христианские манипуляции, чудовищный обман и лукавство привязала страх адских мук к инстинкту самосохранения. В действии маньяка мы оцениваем свои ассоциации. В сексе мы негативно оцениваем те же самые ассоциации. В роли маньяка выступает ад, образ которого Церковь тысячи лет прививала обществу. Он у нас в генах, и освободиться от него, даже если человек все понимает, крайне сложно. Как минимум, тут нужна

большая воля и личное мужество. Большинство людей этими качествами не обладает. Оно продолжит ориентироваться не на то, что считает правильным, а на то, что привычно.

Во время написания этой мысли в голову пришла любопытная ассоциация. Я пишу этот текст во время пандемии, вызванной вирусом COVID-19. В настоящее время он распространяется с потрясающей скоростью. Скорость распространения инфекции в рамках тех же показателей, что наблюдается в Испании, Германии, Франции. Прирост от 27 до 33 процентов ежедневно.

Очень способствует этому непроходимость масс. Они не соблюдают элементарных мер предосторожности, потому что уверены, что никакой опасности нет, что вирус не более, чем обычный грипп. Из той среды появляются запредельные по идиотизму теории уровня «это мериканцы все придумали, чтобы народ скупал их товары». Слов нет...

У моей информации тоже есть потенциал информационного вируса. Реализуется он или нет — это второй вопрос. Главное, что есть чему реализовываться. Но если в случае для распространения материального вируса нужны идиоты, то для распространения информационного нужны не только умные люди, но решительные, способные жить так, как считают верно. И открыть себе интимные двери, раньше стоявшие закрытыми.

Академичность

Старания историков-христиан и историков-гуманистов рождают пласт «научных работ». Касательно оценки античного секса они наполнены личными измышлениями с опорой на церковные ценности, переименованные в общечеловеческие.

Овеянные веками, омытые авторитетом и благосклонностью власти, они бронзовеют и получают статус академических трудов. Их авторитет рождает выражение «по мнению ученых-историков». Теперь это мнение является аналогом общепризнанной истины.

На базе этих «академических трудов» составляются учебники для школ и ВУЗов. По ним учатся целые поколения. На протяжении веков штампуются образованные люди. Так же, как во времена диктата Церкви, эти неверующие люди с молоком матери впитывают информацию, что есть нормальный секс, он для приличных людей, и есть развратный, он для разного рода извращенцев, которые деградируют в своей безнравственности.

В ново-старой атмосфере рождается современный слой историков — не христиане и не гуманисты, а карьеристы. Они хотят славы и денег. Чтобы получить все это, их труды должны быть приняты научным сообществом. Для этого их нужно подкрепить ссылками на академические труды, т.е. на мнения предшественников, оценивавших секс через призму религии. Негативная оценка церковного секса превращается в азбучную истину.

Попробуем преодолеть инерцию мышления и желание считать привычное за истину только потому, что оно привычное, и непредвзято посмотрим, например, на оценки этими историками древнего гомосексуализма. Они говорят, что большинство людей считало такой секс противоестественным, преступным, позорным и гнусным. И лишь единицы, преимущественно пресытившиеся верхи, имели эту постыдную страсть и мерзкую похоть.

Олимпийские божества, Зевс и Аполлон, а так же рангом ниже, Геракл и Дионисий, и целая плеяда еще более низших божеств, разные фавны и сатиры — все они были гомосексуальны. Всех божественных существ люди считали выше себя. Получается, люди деяния своих богов считали постыдными и преступными. Но это в теории невозможно...

Люди не могут оценивать действия богов. Иначе это не боги. Не могут сказать, что они делают неправильно, а нужно правильно, и скажут, как нужно делать. Бог источник абсолютной истины. Если он не является таким источником — он не Бог.

Согласно религии мир и человек созданы Богом. Как компьютерная программа не может сказать программисту, что он в нее не тот код вставил (допустим, программа умеет думать, искусственный интеллект создан), так человек не может сказать Богу, что тот заблуждается. Человек по религии горшок, а Бог есть создатель горшка — горшечник.

Кант навсегда упал в моих глазах как мыслитель после того, как взялся учить Бога в одной из своих последних работ «Спор факультетов». Все мы знаем историю Авраама, которому Бог в возрасте ста лет дал сына, а потом велел принести его в жертву, что тот и пошел исполнять, но ангел остановил его руку с ножом. За этот поступок Бог обещал Аврааму благословение *«И сказал: Мною клянусь, говорит Господь, что, так как ты сделал сие дело, и не пожалел сына твоего, единственного твоего, то Я благословляя благословлю тебя и умножая умножу семя твоё, как звезды небесные и как песок на берегу моря; и овладеет семя твоё городами врагов твоих; и благословятся в семени твоём все народы земли за то, что ты послушался гласа Моего».* (Быт.22,16-18).

Кстати сказать, некоторые стихи Библии, описывающие эту историю, позволяют предположить, что отец все же принес своего сына в жертву, так как назад он вернулся один *«И возвратился Авраам к слугам своим»* (Быт.22,19). Про Исаака ничего не сказано.

По мнению Канта, отец не должен был исполнять волю Бога. Он должен был не так делать, как Бог велел, а как человеку хотелось (ему хотелось оставить в живых сына). По Канту, истинно верующий должен ставить свою волю выше божественной.

Корни этого мнения в учении Канта о категорическом императиве (требовании). Он писал, что больше всего его удивляет звездное небо над ним и нравственный закон в нем. Кант считал моральный закон абсолютным, вечным и автономным. Это значит, что его никто не творил, и он ни от кого не зависит. Иными словами, Бог не источник закона.

Откуда же он взялся? По Канту, ниоткуда. Мораль всегда была, есть и будет. С чего он это взял? Придумал. И даже не потрудился обосновать. Чтобы вы понимали цену подобных заявлений, скажу, что вы тоже можете придумать что-нибудь, и ваша придумка будет ничем не хуже кантовской. Ваше слово будет против слова Канта. Перевесит слово, исходящее из более авторитетного источника. Но это будет не победа истины над ложью, а победа более авторитетной выдумки над менее авторитетной.

Кант вкладывал в понятие «Бог» какой-то совершенно иной смысл в отличие от того, что понимали под Богом Авраам и Церковь. Бог для них — это сила, сотворившая ВСЁ, в том числе и моральный закон, и физические, и пространство со временем и вообще все-все-все, что можно помыслить и что находится за рамками мышления. Смысл жизни человека в выполнении божьей воли, какой бы она ни была. Верующий человек должен не на свою волю ориентироваться, а на Бога. Высшее добро — усилием воли подавить свои желания и следовать воле Бога. В этом выражается свобода воли для человека. Следовать же своим желаниям против воли Бога есть зло, ибо человеческое тут связывает волю.

Когда Авраам шел резать сына, у него не было мысли «а вдруг Бог неправ». Иначе это не Бог. Авраам считал, что следовать воле Бога есть высшее благо. Он дал сына и однажды возьмет назад. *«И возвратится прах в землю, чем он и был; а дух возвратится к Богу, Который дал его»* (Еккл.7,12). Сын в любом случае уйдет из жизни. Бог требует отправить его на небеса пораньше. Зачем это Богу надо, про то Авраам не размышлял, полагая, что человеческий ум не может постигнуть божьих путей. Как верующий человек он считал высшей истиной, какая доступна человеку — исполнять волю Бога.

Если мораль сталкивается с божественной волей, верующий на то и верующий, что всегда принимает решение в пользу Бога. Апостол говорит, что Авраам поступил верно, собираясь выполнять волю Бога *«Но хочешь ли знать, неосновательный человек, что вера без дел мертва? Не делами ли оправдался Авраам, отец наш, возложив на жертвенник Исаака, сына своего?»* (Иак.2,20-21). Христианские святые говорят, что верующим надо быть готовым к самым тяжёлым жертвам. Если Бог велит людям принести в жертву своих детей, они должны повиноваться. Кто сомневается в истинности слов и деяний Бога, и при этом заявляет о своей вере в Бога, тот не понимает смысла понятий ни «Бог» ни «вера».

Авраам называл Богом сущность, сотворившую всё. Кант говорит о какой-то другой сущности, которая не творец всего (например, морального закона). Она не всемогущая, так как, по мнению Канта, должна действовать в рамках моральных законов, которых не творила. Пастух может указывать ей на ошибки и ставить свои желания выше ее воли.

Кант и Авраам понимали под Богом разные сущности. Каждый брал точкой отсчета свое понимание и выстраивал на нем свою логику. В этом Кант уподобился форумным философам, которые спорят, есть ли Бог, не уточняя, что они понимают под Богом. Один про себя держит, что Бог — это дедушку на облаке, а другой, например, понимает под Богом сущность, предшествующую точки сингулярности, с которой был Большой взрыв.

«Обыватель одного города будет вопрошать об удобрении полей, а обыватель другого города, не вняв вопрошающего, будет отвечать ему о естественном строении миров. И таким образом, поговорив между собой, разойдутся» (Салтыков-Щедрин «История одного города»).

Кант не понимал простейшей вещи — верующие не могут негативно оценивать дела и желания своих богов. Люди им поклоняются, и любую исходящую от них информацию признают истиной. Здесь они подобны больному, который любые процедуры врача, как бы ни были они ему непонятны и дискомфортны, оценивает для себя добром.

Античные люди ни при каких условиях не могли считать интим, практиковавшийся их божествами, мерзким и постыдным деянием. Утверждения горе-историков, что народ считал не репродуктивный секс развратом, есть измышления хотя бы потому, что древний мир не знал понятия «разврат» в современном понимании. Его Церковь изобретет потом.

Если бы историки, прежде чем делать свои утверждения, философски осмыслили ситуацию, они никогда бы не наговорили такого про секс. Но я не нахожу у них такой попытки. Поэтому вся их история — это набор идеологических штампов в угоду моменту.

О подлинном отношении к не репродуктивным интимным практикам, т.е. с целью радость получить, а не детей родить, говорит отношение к гомосексуализму. Древние считали его более ценным по сравнению с гетеросексуальными отношениями. Во-первых, мужчина по сравнению с женщиной считался существом более высоким, и потому только с мужчиной мог найти удовлетворение своих высоких порывов и помыслов. Женщина как существо более низкое не соответствовала его интеллектуальным и духовным запросам. На общение с ней мужчина смотрел как на долг перед обществом — детопроизводство.

Во-вторых, гомосексуальная любовь считалась полезной для здоровья вообще и для мужского в частности, о чем говорят Гиппократ, Гален и другие античные врачи. Плюс ее считали укрепляющей дух, так как каждый партнер брал от другого лучшие качества.

Древний Рим перенял от эллинов сексуальные обычаи и к гомосексуализму был весьма лоялен. Первые четырнадцать древнеримских цезарей были гомосексуальны. Пятнадцатый, Клавдий, был первым императором, не имевший контактов с мужчинами и подростками. Эдуард Гиббон, английский историк XVIII века, пишет, что «Клавдий был единственным, чей вкус в любовных отношениях был полностью естественным». За это современники дразнили его бабой. Настоящие мужики не понаслышке знали друг друга.

Последний бог античного мира — грек-подросток Антиной, любовник императора Адриана, который до императорства был любовником императора Трояна. Когда мальчик утонул, Адриан обожествил его, воздвигнув ему по всей империи статуи. В его честь был основан город Антинополис. Дальше божеств, сущностей, которым можно поклоняться и молить их о помощи, плодило только христианство (они назывались святыне).

На сексуальный голод античные люди смотрели как на обычный голод. Утоление его было интимным делом и допускалось только в уединении. Диоген же публично делал это: при всех ел лепешку и мастурбировал, сетуя, что нельзя утолить голод, поглаживая живот, как при удовлетворении сексуального голода. Современники его осуждали не за мастурбацию, как нам рассказывают, а за прилюдное насыщение. Но у историков упор именно на мастурбации, т.е. передергивают факты, не рисуя полной картины.

Аналогичная картина с утверждением историков (и подпевающим им хоре невежд), что Римская империя пала из-за развращенности язычников. А как пришли христиане, так разврат исчез. Установилась христианская мораль и все стало налаживаться.

Это не более, чем циничная ложь. Неоспоримый факт: на момент потери западных земель Римская империя была более ста лет как христианской. Десятилетия гонений на языческие религии выжгли последние серьезные языческие очаги.

Языческий Рим был железным и несокрушим. Проблемы у империи начались, когда она стала христианской. Я не говорю, что христианство — единственная причина проблем, но говорю, что оно было одной из ключевых причин, подорвавшей империю.

Еще одно расхожее утверждение, следующее из утверждения о разрушительности античного секса: излишнее сексуальное разнообразие ведет к пресыщению и охлаждению желаний. Глупо спорить, что всякий излишек, не важно, спорт или поедание пирожных, несет вред. Древние это прекрасно знали. На входе в храм Аполлона в Дельфах было написано: «Ничего сверх меры» (и вторая надпись «Познай себя»).

Судя по всем оставленным нам свидетельствам, у древних был культ красоты человеческого тела, а это значит, о здоровье заботились и от излишков воздерживались. Кроме того, что есть излишек? Кто определяет лишнее? Чье мнение берем за эталон, если есть более и менее страстные люди? Что для одного излишне, то другому недостаточно. Протагор сказал, что человек мера всех вещей. Древние полагали, что в определении излишка каждый человек сам себе мерило и не нуждается в советчиках.

Но закроем глаза на здравый смысл и примем культивируемую не первый век догму, что разнообразие в сексе ведет к пресыщению и гасит яркость чувств. А скромность и секс в церковных рамках дарят человеку более естественные, живые и яркие переживания.

Продлим логику этого утверждения. Итак, оно говорит, что чем больше насыщение плоти имеет аскетический характер, тем больше несет радости людям. Я намеренно не уточняю, какое именно желание удовлетворяется, гастрономическое или сексуальное. Тут ключевым является, что именно плоть насыщается, а не интеллект или душа. Никто же не скажет, что секс есть потребность разума и души. Пища, секс — все это потребности тела.

Если изысканный секс ведет к пресыщению и охлаждению, с пищей должно быть то же самое. Допустим, существует эталон приема пищи, а отклонение от него называется пищевым развратом. Чем больше прием пищи сопровождают разные бантики: приборы, сервировка, искусство повара, тем больше среди людей, любящих вкусно поесть, должно наблюдаться пресыщение пищей и охлаждение к еде.

Но мы видим обратное. Всю историю люди совершенствуются в приготовлении пищи, сервировке стола и прочих процедурах, но ни у кого красивая сервировка или виртуозность повара не охладили любовь к вкусной пище и пресыщения не наступило. Напротив, чем более человек гурман, тем более у него вкусовые рецепторы развиваются. Красивая и вкусная пища ему нравится все больше. Если же он еще умный, то не только о вкусе в моменте заботится, но и о здоровье в будущем, что исключает пресыщение.

Кто ест из простой посуды простую пищу, пренебрегая всякой эстетикой (например, я), тот не испытывает ярких гастрономических ощущений. Или скажу точнее, чтобы их испытать от простой пищи, перед этим нужно очень сильно проголодаться. Вкусовые рецепторы у них не развиваются. Они смотрят на питание не как на способ получить удовольствие, а как на утоление голода (опять как я). «Корейко «не ел, а питался. Он не завтракал, а совершал физиологический процесс введения в организм должного количества жиров, углеводов и витаминов. (Ильф и Петров «Золотой теленок»).

Если бы Церковь культивировала не сексуальный, а гастрономический аскетизм, мы бы слышали от нее проповеди на тему, что садиться за стол нельзя с кем попало. Можно только с тем, кого она благословила. Сказала бы, что богоугодно есть простую пищу из грубой посуды, с плотно завешанными окнами в темноте и бля большего благочестия желательно руками. Сказала бы, что страшный позор падет на вашу голову, если вдруг посторонний глаз увидит, как вы вдвоем совершаете таинство — едите.

Богобоязненным и порядочным людям эти «истины» были бы так же очевидны, как сейчас им очевидны сексуальные табу. Все они безоговорочно соглашались бы с тем, что нормальному человеку будет стыдно, если другие увидят, как он кладет себе в рот пищу.

На сервированный стол с яствами они смотрели бы так же, как среднестатистический обыватель сейчас смотрит на секс, нарушающий созданные Церковью нормы.

Если бы люди со временем разуверились в Боге, требующего пищевого аскетизма (допустим такого Бога), но им бы продолжали внушать, что так надо, они бы продолжали видеть в сервировке стола и вкусной пище извращение. Сдабривать пищу приправами они бы считали первым шагом к разврату. И по своему невежеству не знали, что негативные оценки пищи являются порождением религии. Они искренне бы считали, что человеку от природы присуще негативное отношение к удовольствию от сервированного стола и вкусной пищи, как сейчас считают, что людям от природы присуще негативно относиться к удовольствию от секса и обстановке вокруг него. Они даже пробовать не захотели бы такую гадость, ибо она у всякого приличного человека ничего, кроме омерзения не вызывает. Верующий еще может объяснить, чем плохо удовольствие (не важно, от секса или пищи). Атеист-обыватель не смог бы. Все свелось бы к песне про общечеловеческие ценности, которые приличные люди чувствуют в себе, как Кант нравственный закон.

Выросшие в этой атмосфере нормальные добропорядочные люди, став историками, писали бы, что одной из причин падения Древнего мира был гастрономический разврат. Невежды сочиняли бы благочестивые мифы о вреде красивого стола и вкусной пищи.

Тысячи лет античный мир смотрел на секс как на божественный дар, разнообразя его по всем направлениям, признавая все вкусы. Сексуальные гурманы поднялись своей мыслью на высоты, до которых мы, сексуальные аскеты, до сих пор подняться не можем.

Сказанного достаточно, чтобы составить отношение к оценкам сексуальных практик в трудах историков. С точки зрения религии они верны. Но мы живем в мире, где религия давно превратилась в достояние определенных слоев населения. Брать за ориентир мнение историков, которые при написании своих работ сначала сознательно, потом подсознательно ориентировались на христианский взгляд, как минимум, неправильно.

Первородный

Когда на античный мир опустилось христианство, оно внесло аскетизм во все сферы жизни. Под него даже священные христианские тексты были перетрактованы. Например, апостол Лука характеризует Христа как человека, который любит выпить и закусить, общается с разбойниками и женщинами *«вот человек, который любит есть и пить вино, друг мытарям и грешникам»*. (Лк.7,34). Церковь призвала понимать эти слова наоборот. По ее мнению, в них содержится призыв к гастрономическому и сексуальному аскетизму.

Чтобы негативная церковная оценка секса укоренилась, под нее нужна была теория в рамках религии доказывающая, что эрос для человека хуже чумы. Создать такую теорию можно было только из библейской информации.

В Библии написано, что сотворил Бог *«... человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их»* (Быт. 1, 27). Во время жизни в раю Адам с Евой были бесплотными. Материальные тела они получают после изгнания из рая. *«И сделал Господь Бог Адаму и жене его одежды кожаные и одел их»*. (Быт.3, 21). Но до этого *«...сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь»*. (Быт.1,28). Так же был указан способ: *«И будут двое одна плоть»* (Быт.2, 24).

В раю могли быть только те, кто исполнял божескую волю. Если Адам и Ева были в раю, значит, они исполняли волю Бога. Но из того, что у них не было тела, следует, что фраза «двое будут одной плотью» говорит не о плотском сексе и рождении детей.

Пока люди были в раю и выполняли божью волю, они были бессмертными и не имели тела. Как только нарушили волю, Бог изгнал их из рая, одев их в плоть, в которой они стали смертными. Теперь соблюсти две заповеди, «двое станут одной плотью» и «плодитесь и размножайтесь» они могли только через секс: *«Адам познал Еву, жену свою»* (Быт.4,1). С момента изгнания из рая и до рождения первого ребенка супруги прожили

вместе 130 лет. За это время у них родился всего один ребенок *«Адам жил сто тридцать лет и родил сына по подобию своему, по образу своему, и нарек ему имя: Сиф»*. (Быт. 5,3)

Если у двух разнополых, идеально здоровых и половозрелых людей за 130 лет рождается один ребенок, этот факт можно объяснить только тем, что они практиковали не репродуктивный секс. Невозможно предположить, что живущие вместе здоровые люди за 130 лет совместной жизни не зачали детей. Следовательно, секс был иным.

Объяснить этот факт, например, бесплодностью Евы в тот период невозможно. Ни в одном месте Библии нет ни единого намека на это. Напротив, Церковь со всеми своими святыми утверждает, что первые люди были идеальными по всем параметрам. Так что для гипотезы о бесплодии Евы нет никаких оснований.

Невозможно объяснить отсутствие беременности у Евы в течении этого периода тем, что люди решили не исполнять волю Бога. Про что-то подобное в Библии тоже нет нигде ни единого намека. Церковь со святыми рассказывает, что это их потомки начнут в массовом порядке нарушать волю Бога. Но первые люди были идеально богопослушны.

Снова возвращаюсь к единственному объяснению: как можно 130 лет иметь секс и не забеременеть? Если никак, то их интим был ориентирован на кайф, а не деторождение. Как в раю, где они выполняли заповеди насчет размножения и слияния. Оргазм людей в раю имел природу мысли, т.е. у нематериальных людей секс был нематериальным, из серии «все оргазмы в голове». Когда у людей появилась плоть, возник плотский секс.

Нигде нет информации, позволяющей предположить, что Бог обвинил людей за не репродуктивный секс, которым они занимались сначала в раю, потом первые 130 лет после изгнания из рая. Церковь определила такой секс неправильным — развратом. Чтобы обосновать это нововведение, сторонники Церкви начинают изыскательские труды.

В IV веке св. Августин создает концепцию первородного греха. Согласно ей, Адам и Ева выполняли заповедь «плодитесь и размножайтесь» и двое становились одной плотью без сексуального возбуждения. Впервые это чувство Ева ощутила во время разговора со змеем. Она говорила ему, что Бог запретил им есть плоды с дерева познания добра и зла, иначе они умрут, а змей сказал Еве: *«нет, не умрете, но знает Бог, что в день, в который вы вкусите их, откроются глаза ваши, и вы будете, как боги»* (Быт.3,4-5).

Ева съела плод и испытала сексуальный экстаз. Она уговорила Адама отведать плод. Тот тоже испытал это чувство. Когда Бог застал их обоих возбужденными, он понял, что люди научились испытывать то, что могут испытывать только боги, и выгнал их из рая.

Адам с Евой в «кожаных одеждах» продолжили заниматься тем же сексом, что в раю. И только спустя 130 лет начали практиковать репродуктивный секс. С этого момента у них и пошли дети, и началась история человечества.

По Августину, в раю может быть только хорошее. Плохому там нет места. Если людей выгнали из рая, значит, в них было что-то плохое, что не позволяло оставить их там. Этим плохим является нарушение воли Бога и последствие — сексуальное желание.

Интересно, что бы он ответил, если его спросить, а что побуждало людей до яблока исполнять божьи заповеди, сливаться в одну плоть и размножаться? Сексуального вожделения друг к другу у них же не было, оно появилось вследствие греха. А до греха что было мотивом? Наверное, он бы ответил, что люди делали *это* не потому, что они хотели друг друга, им самим ничего такого не хотелось, но раз Бог велел, то придется...

Библия четко говорит, что в шестой день от сотворения мира Бог создал человека, мужчину и женщину. *«И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему и по подобию Нашему... И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их»*. (Быт.1,26-27). Завершив все дела на седьмой день, он назначил его днем отдыха. Созданного человека Бог поселил в райский сад и там отделил от Адама женщину. *«И навел Господь Бог на человека крепкий сон; и, когда он уснул, взял одно из ребер его, и закрыл то место плотию. И создал Господь Бог из ребра, взятого у человека, жену, и привел ее к человеку. И сказал человек: вот, это кость от костей моих и плоть от плоти моей; она будет называться женою, ибо взята от мужа»*. (Быт.2,21-

23). Интересное объяснение предлагает иудейский вариант толкования ситуации. Они говорят, что Адам был не однополым, не мужчиной, а одновременно мужчиной и женщиной. И потом Бог отделил от него женщину. Так получилась первая пара.

Итак, самый первый грех, совершенный людьми: нарушение воли Бога. Следствие — сексуальное желание. Августин называет его первородным грехом. Грех и секс оказались намертво связанными. Церковь объявила, что он это не сам измыслил, а ему открылась истина в молитве. Так слова Августина обрели статус данной свыше истины.

Похоже, теорию греха Августин создал по той же методе, по какой он оправдывал христианин, поклонявшихся одновременно Христу и языческому божеству — императору римской империи. Это противоречит сути христианского учения. Библия и Евангелие множество раз говорят, что верующий должен поклоняться *только* одному Богу. «*Господу Богу твоему поклоняйся и Ему одному служи*» (Мф.4,10). (Эта тему детально расписана в первой книге «СПЯЩИЙ БОГ 018»). Секс на две тысячи лет стал синонимом порока.

В результате люди две тысячи лет испытывали чувство вины и стыда за стремление утолить сексуальный голод. Кто не мог устоять против желания и поддавался ему, тот испытывал душевные муки. Но за что? В чем криминал? Ладно, если бы люди сами себе привили эти желания. Тогда с них можно спрашивать. Но ведь их, согласно церковной доктрине, людям Бог дал. Точно так же, как дал желание быть сытым или в тепле.

Если желание утолить сексуальный голод непристойно, распущенно, бесстыдно и грязно, желания утолить пищевой голод или укрыться от холода тоже должно оцениваться сходным образом. Но почему мы не стыдимся стремления укрыться от холода или съесть пищу, когда голодны, а сексуального желания стыдимся? Этот стыд нам кажется насколько самоочевидным, что даже сегодня, когда вера в Бога ушла, эротические картинки до сих пор называются пошлыми, неприличными, бесстыдными и прочее. С тем же успехом можно хвалить картинку соблазнительных блюд на красиво сервированном столе за ее притягательность, и тут же называть ее пошлой, неприличной и бесстыдной.

Как бы там ни было, сделанное Августином утверждение всесторонне укрепляют. Секс представляют греховным по своей сути состоянием. Он корень всех зол, от пьянства до убийства. Он от сатаны пришел, который в Библии выписан в образе змея. Из-за него первые люди Бога ослушались. Если бы не заступничество матери-Церкви, секс всех людей бы уничтожил. Но пока мать молится, люди и мир сохраняются ее заботой.

Церковь работает с испорченным первородным грехом человеческим материалом. Сатана зажег в людях огонь постыдного желания. Он в плохом смысле зависит от секса, жаждет, как наркоман наркотик. Его всегда раздражает желание сексуальной дозы. Через это в человека может войти сатана и толкнуть его на любое преступление.

Есть два пути спасения: у кого есть воля, те пусть себя всю жизнь сдерживают, как учил апостол Павел «...*хорошо человеку не касаться женщины*». (1Кор.7,1). Такие идут в монахи, где берут на себя обязательство перед Богом — обет целомудрия.

Кому не хватает воли преодолеть сексуальную тягу, тем Церковь по милости своей идет на уступки. Снисходя к этой слабости человека, она разрешает заниматься сексом. «*Но если не могут воздержаться, пусть вступают в брак; ибо лучше вступить в брак, нежели разжигаться*». (1Кор.7,9) Но в очерченных рамках. Выход за них — разврат.

Точно так же людям советуют не употреблять наркотики. Но если уже начал и не можешь остановиться, тебя без наркотика ломает, некоторые страны сочли за меньшее зло официально разрешить наркоманам употреблять средства, снимающие ломку. Логика разрешения Церковью секса, и государством наркотиков одинаковы — лучше допустить малое зло, ибо запрет его и в итоге принесет намного большее зло.

Две тысячи лет неослабного религиозного пресса (который по сей день сохраняется под другим именем) дали результат — социум до мозга костей пропитался установкой, что сексуальный аскетизм богоугоден, а разнообразие богопротивно. У всех на подкорке записано, что чем не репродуктивный секс разнообразнее, тем непристойнее и развратнее.

Не имеет значения совершенство форм и красота линий, размер удовольствия и все такое прочее. Никто не пытается понять и не задается простым вопросом: чем богатство интимных форм и красок плохо, а сексуальная нищета хороша.

Одна из причин, почему Церковь так яростно боролась против разнообразия — в ее основании лежит аскетизм. Для нее сексуальное изобилие было агрессивной средой. Как монастырь не может сохраниться в публичном доме, так Церковь не могла сохранить себя в эротической атмосфере. Чтобы сохраниться, ей нужно было менять внешний мир. Что она за несколько веков и сделала. Остается только удивляться масштабу этой операции.

Это примерно как если бы некто всемогущий построил в тропиках дворец из льда, а потом обнаружил, что он в такой жаре растает. И что ледяные глыбы на другой материал заменить нельзя. И что ему делать? Единственный вариант в этой ситуации — менять окружающую дворец среду. Так социальные тропики, в которых Церковь воздвигла свое здание, сменились ее усилиями на ледниковый период. Буйство природы сменил однообразный холодный пейзаж с его лишайниками, черными тюленями и пингвинами.

Церковь извратила самую чистую радость, доступную человеку, представив ее самой мерзкой грязью и животной похотью. Даже убийство меньшее зло. *«Христианство дало Эросу выпить яду, но он не умер от этого, а превратился в порок»* (Ф. Ницше).

Шкала

Все виды удовольствий, какие способен испытывать человек, расположу на шкале снизу вверх. В самом низу удовольствие, получаемое от страданий живых существ. Первым на этой линейке будет удовольствие маньяков от мучения детей. Далее взрослых. Следом в роли жертвы идут высшие животные. Потом птицы, рыбы и так до насекомых.

Чем ниже жертва стоит в человеческой табели о рангах, тем терпимее отношение к ее мукам. После некой черты у нас нулевой уровень сострадания. Когда дети отрывают ноги жукам, это и не зло вроде, а любознательность или шалость. Но если глядеть правде в глаза, дети испытывают от истязания жуков удовольствие, близкое к сладострастию.

Следующим стоит удовольствие от ментального страдания людей. Например, вам приятно, когда наблюдаете, как другие вам завидуют. Индустрия потребления в первую очередь именно это качество эксплуатирует. Единственный смысл многих вещей не в полезных свойствах и функциях, а в вызывании зависти. Когда потребляющий напоказ видит дискомфорт людей, наблюдающих его успех, он получает удовольствие.

Выше стоит удовольствие, получаемое не от самого мучения, а от вкуса замученных рыб, птиц и животных. Если заживо засолить рыбу в бочке, это придаст ей специфический вкус. Если пожизненно мучить гусей, принудительно засыпая им через воронку зерно, их печень опухнет и обретет оригинальный вкус. Если вставить медведю в желчный пузырь катетер, а самого мишку зажать в специальное устройство так, чтобы он страдал, из него потечет особенная желчь, на основе которой китайцы делают эффективные лекарства.

За подобные практики никто вас не обвинит (кроме защитников животных). Социум считает, что гастрономическое удовольствие и фармация стоит мучений животных. Но если вы будете нести страдания рыбе, птице или животному не ради гастрономического кайфа, а ради эстетического, от созерцания их мучений, общество вас осудит.

В сети есть видео, где девушки каблуками давят живых лягушек. Просмотров много. Как минимум, это значит, что девушки не видят в этом действии ничего плохого. А как максимум, им это нравится. Зрители получают от просмотра сексуальное возбуждение.

У большинства подобные практики вызывают крайнее возмущение. Но если бы тех же самых лягушек убили еще более мучительным способом ради гастрономического, а не сексуального удовольствия, никто бы и не подумал возмущаться этим убийством.

Попытка оправдать убийство ради гастрономического кайфа тем, что человек делает это ради еды, не проходит, потому что я подчеркиваю — мучают и убивают не с целью утолить голод, а исключительно ради вкуса от пищи. Если цена кайфа, получаемого через

язык (гастрономический) и через глаза (эстетического) одинаковая — мучения и убийство живых существ, попробуйте объяснить, почему один разрешается, а другой нет? Человек не осуждает тех, кто ради фуагра всю жизнь истязает гусей (для интереса посмотрите видео, как их кормят). А кто топчет лягушек, тех человек очень гневно осуждает.

Если убить человека ради денег, от обладания которыми у вас будет удовольствие, и убить ради удовольствия от самого убийства, деньги не трогая, общество осудит оба убийства. Но корыстный вариант осудит мягче, а бескорыстный намного жестче.

Объясняют разницу в оценке тем, что убийство без коммерческого мотива опаснее, потому что жизнь есть у каждого, и значит, каждый потенциально жертва. Но деньги тоже есть у каждого. Так почему же убийство без финансовых интересов считается опаснее? Может, потому что убивать ради убийства может понравиться, и получится маньяк? Но убивать ради денег так же может понравиться, и так же будет маньяк. Теми и другими серийными убийцами полна история. Так в чем же разница? Почему оценки разные?

Закончив с удовольствиями, получаемыми от страданий других, переходим к иному типу удовольствия — получаемому от радости других. Например, вы дарите, не преследуя явную или скрытую выгоду — дарите от избытка чувств и желания сделать приятное. И получаете удовольствие от того, что одариваемый получает удовольствие. *«Блаженнее давать, нежели принимать»* (Деян. 20, 35). Но чтобы сделать этот дар, и получить с этого свою радость, даритель должен затратить на эту операцию время, силы и ресурсы.

На самом вершуре стоит удовольствие, получаемое от принесения другим блага, и это не требующее никаких усилий, специальных навыков и талантов ни от дарителя, ни от одариваемого. Для ее получения достаточно обладать обыкновенной природой человека.

Перебирая всевозможных кандидатов занять вершину, я нахожу единственного — секс. Эрос даже сравнивать не с чем, он вне конкуренции. Радость от него не основана на причинении кому-то вреда, не требует никакого таланта — эротическая дверь открыта любому здоровому человеку. Все участники процесса источник счастья друг для друга.

Все другие способы получить удовольствие связаны с чьими-то страданиями или жертвой. За радостью маньяка стоят мучения жертвы. За вкусной едой стоит смерть животных, их предсмертный страх и муки. За радостью вегетарианца, который мухи не обидит и питается травой, стоит смерть растений — уничтожение живых существ. За счастьем матери стоят хлопоты по уходу ребенком. Чтобы подарить подарок, нужно потратить время на зарабатывание денег и поиск дара.

В иных случаях получение радости требует талантов. Например, творец испытывает счастье от самого творческого процесса. Поклонники наслаждаются его талантом. Это не несет никому вреда, все получают удовольствие. Но само творчество требует таланта. Восприятие творчества тоже не каждому открыто. Гениального скрипача увидит только гениальный слушатель. У того и другого должен быть гениальный слух. Если у человека нет таланта, получить удовольствие ни от того, ни от другого ему невозможно.

Занятие спортом, вязание крючком или коллекционирование марок может нести человеку удовольствие. Но чтобы его уловить, нужны определенные качества. Не всем доступно удовольствие, например, от коллекционирования спичечных этикеток или перетягивания каната. Не все кайфуют от плавания под водой (с маской или без оной).

Можно сказать, что получение радости от утоления жажды, например, или от чистого воздуха тоже не требует никаких усилий и талантов. Никто не страдает от того, что вы пьете или дышите. Но сравнивать по эмоциональной насыщенности удовольствие от созерцания природы, чистого воздуха или питья воды с сексуальными переживаниями — это не корректно. Сексуальное желание сравнимо с инстинктом самосохранения.

Этот момент хорошо заметен на животных во время брачных игр. Одни самцы готовы на смерть драться за обладание самкой — над ними доминирует сексуальный инстинкт. Другие предпочитают остаться без партнерши, но зато гарантированно сохранить жизнь — над ними доминирует инстинкт самосохранения.

В моей шкале удовольствий сексуальная радость попала на самый верх, а радость маньяка от мучений ребенка в самый низ. Если же расставлять шкалу с церковной позиции, сексуальное удовольствие окажется в самом низу — ниже маниакального.

Как мы помним, с позиции христианского учения деятельность маньяка ведет его в ад, а ребенка в рай. А если люди занимаются сексом, определенным Церковью недопустимым (например, гомосексуальным) все участники идут в ад. Если в одном случае все участники действия попадают в рай, а в другом один гарантированно в рай, а другой в ад, какое зло больше? Вопрос риторический, хуже то, где больше ада.

В моей шкале ценностей любой секс, приносящий всем удовольствие и никому не несущий вреда, есть высшее благо. В церковной шкале ценностей, если даже секс всем участникам несет удовольствие, но не благословлен Церковью, является высшим злом.

Если кто-то из читателей считает свои предпочтения в сексе эталоном, а отклонение от них извращением, тому перед дальнейшим чтением рекомендую усилием воли снять со своих предпочтений пометку «истина» и наклеить туда другую — «вкус».

Любым любовным совмещениям

Даны и дух, и содержание

А к сексуальным извращениям

Я отношу лишь воздержание

И. Губерман

Мораль

Двадцать три столетия назад Аристотель задает в «Этике» вопрос: «Как человек должен жить?», и отвечает, что нужно жить добродетельно, благородно и прочее. Но его ответ не впечатляет, потому что у волка с зайцем разные представления о добре и зле, а именно из них вытекает понятие всякой добродетели. У людей разных культур на этот счет разные представления. Утверждения моралистов про вечные истины — пустые слова.

Вы знаете, что такое время? Знаете... А можете, с ходу, не заглядывая никуда за подсказками, дать ему краткое определение? Большинство людей испытывает затруднение. Вряд ли кто сразу сможет ответить, что такое время. Хотя все знают, что это такое.

С моралью примерно такая же история. Если я попрошу вас дать ей определение, большинство начнут мычать общими словами с оттенком морализаторства. Они будут похожи на человека, которого спросили четкие координаты отряда, а он запел советскую песню «Шел отряд по берегу... Шел издалека». Вроде бы есть привязка к пространству и времени, слова про берег, что шел издалека... Только они не дают представления о местоположении отряда. Они создают видимость...

Аналогично и общие слова не позволяют уловить суть морали. Словари говорят, что это соответствие принятым в социуме нравственным нормам. Так, хорошо... А что такое нравственность? Это... соответствие моральным ценностям. Получается, мораль — это нравственность, а нравственность — это мораль. Вот такое выдают они объяснение...

За подобными объяснениями угадывается почерк гуманизма, научившегося водить за нос, манипулировать и скрывать за красивым многословием суть явления. Я знаю эту его уловку и не попадаюсь на нее. И вы не попадайтесь.

В поисках смысла заглянем в корни явления, рассмотрим его суть. Мораль в переводе с латыни означает «общепринятая привычка». Моральное поведение означает привычное для данного социума поведение. Аморальное поведение — непривычное социуму поведение. Мораль — это не что-то возвышенное и неуловимое, а общепринятые привычки и ничего более. Все остальное накручено и высосано из пальца.

Привычки формирует мировоззрение, политические, экономические и культурные установки. У разных народов в разные времена были разные взгляды на мир, разные политические строи, уклад экономики, культура и прочее. Соответственно, привычки, они

же мораль, у всех тоже сформировались разные. И как нельзя сказать, у кого истинный вкус, у кого нет, так нельзя сказать, какая мораль (привычки), правильная, какая нет.

Привычки рождает стремление иметь добро и избежать зла. Так как мир постоянно движется, как сказал Гераклит «все течет, все меняется», понятия добра и зла тоже меняются. Нет неких вечных понятий. Что вчера определялось хорошим, сегодня может стать никаким, а завтра плохим. Аналогично и сегодняшнее зло завтра будет добро.

Между моральными установками всегда есть своя иерархия. В самом низу понятия добра и зла, опирающиеся на личные вкусы и предпочтения. Если вам нравится что-то, не важно что, в театр ходить или водку пить, реализация своих желаний является для вас добром. Отсутствие такой возможности вы оцените негативно — злом.

Выше идут понятия, родившиеся из реакции на вызовы внешнего мира. Например, на город напал враг. Добро — защищать город. Зло — струсить и убежать. Или если люди голодны и замерзли, добро — поделиться едой и согреть. Зло — отказать в пище и крове.

Если высшие понятия конфликтуют с низшим, добро — следовать вышестоящему понятию, принося ему в жертву нижестоящее. Зло — взять за ориентир нижестоящее добро. Например, если противостояние врагу предполагает убийство, а для верующего это смертный грех, его добро — позволить себя убить, чем самому убивать. С точки зрения верующего это высоко моральный и в высшей степени разумный поступок — он жертвует низшим, земной жизнью, чтобы получить высшее — райскую жизнь. Злом будет, если он за ориентир возьмет сиюминутное благо, и, защищая свою земную жизнь, убьет врага.

Если спасти жизнь человека можно только через отрубание ему руки — это хороший и мужественный поступок. Если же вы не решились на такое действие, и в результате человек погибнет — ваше бездействие есть трусливое малодушное зло.

Если вы ради спасения близкого обрели на смерть множество чужих вам людей — это безнравственный поступок — зло. Если же вы пожертвовали другом, чтобы спасти множество незнакомых вам людей, ваш поступок получит высокую моральную оценку.

Кант считал моралью исключительно набор ценностей христианского общества. Иные типы морали он считал аморальными. Он считал, что христианские понятия Истины, Добра и Красоты вечны, непреходящи и настолько абсолютны, что выше Бога, и потому Богу надо следовать этим вечным истинам, а не своей воле.

Ницше сказал, что мораль есть следствие, и поставил вопрос об ее источнике. На мой взгляд, он не развил его, но велик тот, кто дал направление. Мораль в первую очередь рождается из понятий добра и зла, которые в свою очередь рождаются из взгляда на мир.

Например, из религии следует, что высшее добро — служить Богу и выполнять его волю. За это после смерти есть шанс попасть в рай. Высшее зло — уклоняться от воли Бога и исполнения его заповедей. За это после смерти обещаются вечные адские мучения.

Если социум считает, что Бога и загробной жизни нет, высшим добром будет земная жизнь со всеми ее радостями. Злом считается принесение вреда здоровью. Еще большее зло — лишение жизни. И максимальное зло — мучения, которые хуже смерти.

Вокруг понятий добра и зла формируется образ жизни и способ существования. Кто родился и вырос в разных средах, у тех мораль будет разной. И вот теперь с высоты этих знаний посмотрим на мораль людей иной культуры.

Для начала скажу, что во всех культурах одна из материнских добродетелей — кормление младенца грудью. Люди верят, что вскормленный на грудном молоке ребенок вырастет более здоровым и сильным. Женщины выполняют свой долг — кормят грудью.

Племена Новой Гвинеи и Меланезии тоже ценят грудное молоко. Но еще они ценят мужскую сперму точно так же, как ее ценил, например, Гиппократ, описывая ее полезные свойства и пользу употребления внутрь, приводя соответствующие технологии добычи.

Для нас очевидно, что чем больше ребенок съест материнского молока, тем больше у него будет здоровья. В истинности этого утверждения никому из нас в голову не придет сомневаться. Все же предельно очевидно — детям натуральный продукт полезен.

Для папуасов истина про молоко тоже очевидна. Но еще им очевидна другая истина: чем больше будущий мужчина съест спермы, тем больше у него будет силы и мужества. И в результате социум получит в его лице хорошего воина и охотника. В истинности этого утверждения папуасы тоже никогда не сомневаются — тоже натуральный продукт.

На почве этих соображений мораль предписывает женщинам кормить младенцев молоком, давая им сосать свою грудь, а всем мужчинам эта же мораль предписывает с определенного возраста кормить мальчиков спермой, давая им сосать свой пенис.

Как мать выбирает укромное местечко, чтобы покормить своего ребенка, так и отец выбирает укромное место для соответствующей процедуры. И если случайно кто увидит, как подрастающее поколение сосет пенис старшего товарища, в обществе на это смотрят так же естественно, как если бы вы увидели ребенка, которой сосет грудь матери.

Тот факт, что мужчине приятно, когда подросток добывает «мужские соки», не указывает на сексуальный характер действия. Женщине тоже приятно, когда младенец сосет ее грудь, добывая молоко. Факт приятности не говорит о сексуальности. Как в нашей культуре в голову не придет заподозрить женщину, кормящую грудью девочку, в лесбийских наклонностях, так в тех племенах никому не придет в голову видеть в мужчине, «кормящего» спермой мальчиков, гомосексуалиста или педофила.

Нам в высшей степени непривычно назвать это действие моральным. Для нас это верх аморальности. Но попробуйте, не пользуясь логикой Церкви, назвать искреннюю заботу о здоровье подрастающего мужского поколения аморальным, и у вас не получится. Как ни крути, а новогвинейские женщины и мужчины поступают честно, по совести, следуя своему моральному долгу перед обществом и подрастающим поколением.

Гуманизм оценивает интимную связь мужчины и половозрелого подростка ужасным и недопустимым злом, потому что это несет вред ребенку. Президент Путин сказал: «У нас есть закон, за который нас все шпыняют — это закон о запрете пропаганды гомосексуализма среди несовершеннолетних. Но, послушайте, давайте дадим человеку вырасти, стать взрослым, потом решить, кто он такой, оставьте детей в покое».

Кажется, все правильно, неокрепшая детская психика, защита детей от педофилов и все такое. Пусть подросток сначала вырастет, и потом выбирает сексуальную ориентацию, кто он, гетеросексуал, гомосексуал или еще кто.

Звучит логично (на самом деле привычно). Лукавство этого утверждения видно, если продолжить логику дальше. Итак, точка отсчета: сначала ребенок должен вырасти, и только потом определяться со своей сексуальной ориентацией.

Но если так, родители, школа, СМИ и прочие институты, формирующие моральные установки детям, должны оставить подрастающее поколение в покое и не навязывать им гетеросексуальную модель поведения. Ясно же сказано: вырастут — сами разберутся.

Вам слово, граждане гуманисты. Что вы скажете на предложение оставить детскую психику в покое? Наверное, включите двойные стандарты и скажете, что нам можно, потому что мы учим детей хорошему. А другим нельзя, потому что они учат плохому.

А судьи кто? Кто определяет, что есть хорошее, а что плохое? На каких основаниях вы решили, что церковное отношение к сексу есть добро, а нецерковное зло? Почему рожденную Церковью мораль в этой сфере детям можно навязывать, а иную нельзя?

Проведем мысленный эксперимент. Представим общество, где норма — закрывать уши от посторонних глаз. Любая информация относительно этой части тела табуирована. А к гениталиям отношение, как у нас к ушам — хочешь, открывай; хочешь, закрывай. И вот в этом обществе появился человек, рассказывающий подросткам про устройство ушей, показывающий, как взрослые их чистят, серьги носят и все такое прочее.

Как вы думаете, какую оценку его инициативе дадут добропорядочные граждане? Разве не назовут они его извращенцем? Разве не скажут, что он такой информацией рушит неокрепшую детскую психику? Не издадут закон, запрещающий пропаганду такого отношения к ушам? Не скажут, что пусть дети сначала вырастут, а потом сами решают, с открытыми им ушами ходить или закрытыми? А пока призовут оставить детей в покое.

(Под покоем они будут иметь в виду, что это вы оставьте детей в покое, а мы не оставим, мы дальше будем формировать их неокрепшую психику, что уши нужно закрывать).

Или представьте цивилизацию людоедов, где покойников не закапывают, а делают из них полезные и вкусные консервы и прочее мясное питание. В этой цивилизации детям внушают, что есть людей очень даже полезно и хорошо. И вот вы попадаете в этот мир, как Кортес к ацтекам, и стали рассказывать детям, что есть человечину недопустимо.

Угадайте, что вам на это скажут? Предполагаю, скажут, что пропаганда анти-каннибализма среди несовершеннолетних недопустима. И чем более весомые аргументы (как вам кажется) вы приведете в защиту своей позиции, тем больше на вас ополчатся.

В лучшем случае скажут, что пусть дети сначала вырастут. И став взрослыми, они сами решат, можно есть людей или нельзя. А пока они еще не сформированы, вам не позволят развращать их неокрепшую детскую психику анти-каннибальской пропагандой. Если вы решите выяснить, почему людоедской пропагандой можно формировать психику ребенка, а анти-людоедской нельзя, ответ вам будет в стиле «потому что!».

Любой социум навязывает детям нормы и табу. Это не считается вмешательством в детскую психику, так как свои нормы социум считает истиной. Внушение истины есть формирование личности. А внушение неправильных норм считает развращением.

Гуманисты считают истиной оставшееся от церковных времен отношение к сексу. А античное или рациональное отношение к этой сфере считают ложью. Они не верят ни в Троицу (христианского Бога), ни в Зевса (античное божество). Многие гуманисты верят в карманного бога, которого держат в роли обслуги, и от него никаких просьб не поступает. Но при этом информацию от первого, который сказал: *«Не ложись с мужчиной как с женщиной: это мерзость»*. (Лв.18, 22) они считают истиной. А информацию от второго, который гомосексуален, они считают ложью. Бесплезная трата времени найти тут логику, ибо трудно искать черную кошку в темной комнате, особенно если ее там нет.

Фундаментальная проблема гуманизма — он не может обосновать свои истины. Он может сказать много слов, насколько эмоциональных, настолько и пустых. Для толпы эти «аргументы» выглядят убедительно. Но для думающего человека они смешны.

До эпохи Просвещения каждое племя, народ и государство могли четко обосновать, почему они имеют право навязывать детям свое мнение, а другие не имеют. Если у них спросить, почему они так считают, те бы ответили: потому что мы вкладываем в головы детей абсолютную истину. Если продолжить диалог и спросить, откуда вы знаете, что она абсолютная, они ответят, что она нами не придумана, а свыше дана. И на вопрос, откуда они знают, что свыше, люди ответят: мы верим в это.

Итак, они верят, что учат детей абсолютной истине, и на этом основании считают себя вправе вмешиваться в детскую психику и формировать предпочтения во всех сферах жизни. Если вы учите детей иному, значит, вкладывает в их головы не истину, а ложь. Учить истине — это воспитание. А учить лжи — это вмешательство в детскую психику.

Что может гуманист предложить в качестве мерила истины? Научные данные? Но наука всегда в пути. «Мы верим в науку, но во что же именно мы верим, если знаем, что постоянно находимся на пороге новых открытий?». (А. Бард «Нетократия»).

Любопытно отношение новогвинейских племен к сексуальной энергии. У них она считается жизненной, и потому в статусе собственности племени. Никому отдельно она не принадлежит. Индивид считается лишь носителем части общей собственности, как если бы он носил, например, часть общей кассы. Эту энергию можно тратить только на производство детей. Такой секс не развлечение, а долг. Если мужчина и женщина расходуют ее на личное удовольствие, избегая зачатия ребенка, такая связь считается аморальной. С точки зрения племени они воруют общее достояние.

Гомосексуальные же контакты между мужчинами не ограничены. Они разрешены всегда и везде, потому что считается, что энергия не впустую тратится, а идет или на рост будущих мужчин, или же возвращается между мужчинами, повышаясь через это в качестве.

А вот гомосексуальный секс между женщинами считается пустой тратой энергии, и потому табуирован. Чтобы у женщин было меньше соблазна, им вырезают клитор. Так что женское обрезание у папуасов имеет глубокие понятийные корни, в отличие, например, от горного Дагестана, где никто толком не может объяснить, зачем над девочками такое ужасное дело проделывают (я не считаю объяснением фразу «у нас так принято»).

Про практики меланезийских и новогвинейских папуасов можно сказать, что они основаны на заблуждении. А осуждение этих практик основано на истинном знании. Но только у них на этот счет другое мнение. И опровергнуть его не получится по той простой причине, что в мире не существует научных исследований на предмет влияния спермы на подрастающий организм. А утверждения про полезные качества спермы есть.

Все наши возражения будут эмоциональными, а у папуасов обоснованными со ссылкой на многовековой опыт в этом деле. Представьте себя свободным от каких-либо эмоций, и с высоты этой свободы оцените, чья позиция убедительнее, ваша или папуасов?

Долг

Южноамериканские цивилизации считали, что мир населяют силы света, добрые божества, и силы тьмы, злые божества. Злые боги хотят разрушить мир и погубить все живое. Добрые боги, силы света, противостоят силам тьмы. И пока они сражаются, мир и люди сохраняются — Солнце ходит по небу, Луна не падает на Землю, а люди живут.

Защита требует много сил. Когда силы добрых богов истощаются, люди обязаны их восполнять. Иначе злые боги победят и мир рухнет. Долг человека — помогать добрым человеколюбивым богам. Технология восполнения сил — принесение в жертву людей.

Индейцы насколько верили в свое представление о мире, что вели войны, не имевшие коммерческих целей. Единственной целью войны была добыча жертвенного материала — пленных, божественное горючее, которых приносили в жертву богам.

В индейской среде практиковалось такое приготовление к жертве: выбирали самого лучшего юношу и в течение года все воздавали ему почести как божеству. Он одевался как царь и жил в максимальной роскоши. Ему предоставлялись самые красивые девушки, самые вкусные блюда, самая лучшая одежда. Разговор с ним считался за честь. Через год его приносили в жертву. Воспринималось это так, как сейчас жители деревни восприняли бы отъезд своего односельчанина, выигравшего джек-пот, в столицу.

Помимо взрослых в жертву приносили детей. Жрецы выбирали из социума самого красивого здорового и непорочного ребенка, и торжественно возводили его на вершину пирамиды. Там над избранным совершали ритуалы, после чего убивали во славу божью.

Все было сугубо добровольно. Ребенок и родители могли отказаться. Но никто не отказывался. Все воспринимали это с той же радостью, как сейчас крупный выигрыш в лотерею. Причина радости в мировоззрении. Согласно представлениям индейцев, есть божественный мир, куда простому человеку не попасть. Он исключительно для знати. Но есть исключения: принесенный в жертву ребенок в нарушение общих правил прямиком шел в вечное блаженство. Его уход положительно отражался на текущей и будущей жизни родителей — они и богам помогли мир защищать, и ребенка в рай определили, и себе благо получили в виде почета и уважения. В религиозном обществе почет и уважение тем родителям, чьи дети стали святыми; в милитаризованном — чьи дети стали героями. В потребительском почете пользуются родители, чьи дети стали богатыми и знаменитыми.

Как назвать помощь добрым богам? Как оценить действия, несущие обществу спасение, родителям почет и уважение, а самому ребенку вечное блаженство? Разве это не добро? Если кто скажет, что не добро, тогда пусть скажет, что такое добро...

Социум оценивал деятельность жрецов в высшей мере положительно. Потому что они руководствовались не личной выгодой, а идеей торжества добра. Выполняя свой трудный долг, жрецы поступали высокоморально, справедливо, по чести и совести.

Если бы мы очутились на процедуре и не позволили жрецам сделать задуманного, в глазах добропорядочных индейцев мы выглядели бы моральными уродами и исчадиями ада. Нас сочли бы посланцами сил тьмы, пришедшими помешать восполнить силы добрых богов. Кто препятствует спасению мира и отправлению детей в рай, тот есть зло.

* * *

Церковь учила, что Бог велит добрым христианам разнести истину на весь мир. Кто не познал христианской истины, тот не защищен от Сатаны, князя мира сего. Чтобы враг рода человеческого не захватил бесценное сокровище, человеческие души, христианский долг — просветить светом церковной истины темные и заблудшие народы.

Рыцари шли в крестовые походы с просветительской целью. Христиане верили, что несущие свет церковной истины воины совершают святой подвиг — указывают дорогу в рай. Да, они делают это огнем и мечом, но как им еще исполнить волю Бога, если околдованные сатаной люди не хотят по-хорошему принимать истину? Да, во время этого похода они могут получить какие-то материальные бонусы, но это Бог награждает их за участие в таком богоугодном деле — вырывании из лап сатаны целых народов.

Если жрецы во время исполнения своего долга перед богами и обществом ничем не рисковали, то рыцари, распространяя веру в истинного Бога и истребляя веру в ложных, получали увечья и гибли в бою. Когда человек рискует жизнью — это красноречивее слов.

Кто уже искушен сатаной (еретики) тех любыми средствами нужно вырвать из лап дьявола. И как перед хирургом, спасающим жизнь, нет неприкосновенных участков тела, он любой может ампутировать ради спасения жизни, так и перед слугами христовыми в еще большей степени нет запретных методов. Ибо они еще большую ценность спасают — не жизнь и тело, временные сущности, а нечто бесконечно ценное — бессмертную душу.

На инквизиторов, пытавших и сжигавших еретиков, благочестивые люди смотрели как на хирурга, отрезающего человеку ногу, чтобы спасти ему жизнь. Считалось, что временные муки тела спасают душу еретика от вечных адских мучений.

Когда хирург, движимый чувством долга и желанием спасти больного, первый раз отпиливает ногу, он делает это усилием воли. Никакой радости ему от этого нет. Но он находит силы делать это в мысли, что творит добро. Чем больше он делает добрых дел, тем больше привыкает. Однажды резать руки/ноги превращается в рутинный процесс.

Аналогично и южноамериканские жрецы, европейские крестоносцы и инквизиторы никакой радости от своих действий не получали. Поначалу они делали это усилием воли. Преодолеть первичное неприятие им помогало осознание, что они творят добро. Потом привыкали и просто выполняли свой долг, выступая в роли защитников веры и истины.

Несомненно, были рыцари и инквизиторы, злоупотреблявшие положением. Одни получали удовольствие от мучений и смерти своих жертв. Другие имели корыстные или личные мотивы типа зависти, ревности, мести. Но точно такие же мотивы возможны и у хирургов. Наверняка некоторым приятно резать человеческую плоть. Известны случаи, когда хирурги преднамеренно убивали пациента на операционном столе. Но в целом это исключения. Правило — врачевателями тел и душ двигало сострадание и благоразумие.

«Господство добродетели может быть достигнуто только с помощью тех же средств, которыми вообще достигают господства, и, во всяком случае, не посредством добродетели». (Ницше «Воля к власти»)

Побудительный мотив жрецов, хирургов и инквизиторов коренится в стремлении принести добро. Понятие добра вытекало из их понимания устройства мира. Никто из них не считал, что творит зло. Напротив, все оценивали действия, направленные на защиту святой истины и борьбу против зла и сил тьмы, благородными и высокоморальными.

У индейцев жертвоприношение считалось большим национальным праздником. У христиан большим церковным праздником считалось аутодафе, сожжение еретиков на костре. Как индейцы праздновали, что им в очередной раз удалось помочь добрым богам спасти мир, Солнце взошло, так и христиане праздновали, что спасли человеческую душу.

Оба действия оформлялись как великий праздник и с максимальной пышностью. Но в технологии была существенная разница. Индейские жрецы никогда не мучили жертву. Они клали ее на алтарь и убивали сразу, не мучая — разрезали грудь и вырывали сердце.

Христианские инквизиторы никогда не убивали жертву сразу. Сначала они ее долго мучили. Если человек не ломался под пытками, продолжал стоять на своем и не умирал, его заживо сжигали на костре. Если же ломался, его перед сожжением душили.

Индейские жрецы не приносили своих единоплеменников в жертву насильно. Все действия совершалось при полном согласии жертвы. Против воли приносились в жертву только захваченные на войне пленники. Размеры этих жертв иногда были такими огромными, что многие исследователи сомневаются в подлинности индейских записей.

Например, записи ацтеков говорили, что в их столице в 1487 году при строительстве храма десятки тысяч военнопленных были одновременно принесены в жертву. Долгое время этому не было подтверждений, но археологические находки XX века подтвердили эту информацию. Но это были чужие. Своих индейцы насильно в жертву не приносили.

С христианской практикой все было наоборот. В истории Церкви не было случая, чтобы кто-то добровольно отдал себя на пытки и сожжение. У древних иудеев были такие случаи. Например, когда Авраам сказал Исааку, что Бог хочет его в жертву, тот пошел на заклание добровольно. А вот чтобы кто предал себя в жертву инквизиторам — этого не было. Ради объективности надо сказать, что сегодня есть случаи, когда религиозные фанатики, желая претерпеть муки Христа, добровольно предают себя прибитию на крест, на котором висят некоторое время, но Церковь тоже к этому не причастна. К насильственным же мучениям она была настолько близко причастна, что дальше некуда.

Можно сказать, что у индейцев было ложное представление о мироустройстве. Сказать, что на самом деле никаких злых и добрых богов нет. Значит, и опасности миру не было. Поэтому принесенные в жертву богам дети и взрослые были убиты зря.

Можно сказать, что инквизиторы и рыцари неправильно понимали мир. Сказать, что на самом деле нет никакого Бога и сатаны. Значит, и нарисованных им опасностей не существует. Потому огромные массы людей были замучены и убиты зря. Но только жрецы, инквизиторы и рыцари так не считали. Они искренне верят в свое представление о мире, на основании чего были уверены, что совершая все эти поступки, они творят добро.

Если мне кто-то будет доказывать, что индейская и христианская религии неверно понимали мир, я не буду этого отрицать. Но только у нас речь не о качестве взгляда на мир, а о доказывании, что абсолютных понятий добра и зла не существует. Любое представление на эту тему корнями уходит в понимание мира. Если у людей разное понимание мироустройства, у них будут разные понятия добра и зла.

У светских людей язык не повернется положительно оценить действия жрецов, крестоносцев и инквизиторов. Для нас убийство детей, а равно пытки и убийства за иной образ мысли — высший кошмар, зло и ужас. Но если заглушить эмоции и оценивать действия инквизиторов и рыцарей, огнем и мечом насаждавших христианство, а так же южноамериканских индейцев, мы с точки зрения их мировоззрения вынуждены оценить эти действия в высшей степени моральными и добродетельными. Придется признать, что жрецы, рыцари и инквизиторы действовали по совести и разуму, руководствуясь здравым смыслом, моралью, состраданием, благородством и справедливостью. Если бы они этого не делали, это было бы трусостью, аморальностью, бесчестием и бессовестностью.

Жертвенность

Корни всех оценок в мировоззрении. Творить добро и поступать по совести можно только исходя из своего понимания мира и порождаемых им представлений о добре и зле. В этих вещах ни у кого не получится исходить из чужого взгляда на мир. И если взгляды на мир разные, вытекающие из него понятия добра и златоже будут разными, а значит, действия по совести не могут быть одинаковыми, они тоже неизбежно будут разными.

В 70-е годы XX века во время войны в Афганистане исламисты вырезали целые деревни, заподозренные в светском образе жизни, перерезая горло мужчинам, женщинам и детям. Такой способ казни по характерному шраму на горле называли кабульской улыбкой. Правоверные верили, что это добро — они «спасали» людей от ада, в который те, по их мнению, попадут из-за светского образа жизни и нарушения законов шариата.

На этой же платформе стоят все организаторы и исполнители терактов. Убивающий себя смертник верит, что несет не смерть, а наоборот — жизнь. Он принудительно спасает свои жертвы от вечных мук в аду, а себе открывает путь в рай. По этой логике, чем он больше заберет с собой людей, тем большим благом является его поступок.

Переговоры между носителями светского и религиозного взгляда тупиковые, так как системы на разных протоколах. Стороны стоят на противоположных ценностях, и не могут войти в полноценный диалог. Для светского человека высшая ценность — земная жизнь. И ему смешны загробные угрозы. Для религиозного человека высшая ценность за гробом, в раю. И ему смешны угрозы лишить его земной жизни. Он сам себя готов убить.

Когда представители светского мировоззрения планируют противодействие террору, исходя из своей системы ценностей, их эффективность всегда будет невысокая. Попытка побудить верующего отказаться от своего намерения через угрозу отнять у него жизнь имеет такую же эффективность, как угрожать атеисту адскими муками на том свете.

Современные обыватели стоят на том, что бытовые представления о добре и зле, которыми они руководствуются в текущей жизни, абсолютно истинны. На этом же стояли средневековые южноамериканские и европейские обыватели. Ни тем, ни другим в голову не придет искать обоснование своей уверенности. Твердокаменное доказательство истины у них — привычность. Но из привычных понятий тоже выводятся непривычные выводы.

Например, все родители хотят своему ребенку блага. Но в каком направлении это желание реализуется, зависит от того, что родители понимают под добром и злом. Если мать *верит*, что хирург спасет ее дитя (подчеркиваю, не знает, а верит), она отдаст его на болезненную операцию. Если надо, сама будет помогать ей, преодолевая материнский инстинкт. Потому что операцию она считает добром, а уклонение от нее злом.

Если же она верит, что ребенок получит высшее благо от принесения его в жертву, то отдаст свое чадо жрецу. И будет помогать, если нужно, преодолевая инстинкт матери. Ибо верит в рай и считает отправление туда своего ребенка самым большим благом.

Если мать-христианка сразу после крещения утопит своего ребенка в купели, где секунду назад его окрестили, ее поступок с точки зрения гуманизма ужасен. А вот если с позиции христианского мировоззрения посмотреть... Меня тут могу перебить и сказать, что с христианской точки зрения он тоже ужасен. Но такая реакция будет означать, что вы не понимаете суть христианского учения. Над вами довлеют ценности гуманизма.

С религиозной точки зрения высшее добро — это действие, ведущие в рай. Оценка поступка матери следует из ответа на вопрос: куда попадет утопленный ребенок? Если стоять на учении Церкви, то у него нет иного пути, кроме как в рай. Нагрешить младенец не успел, все таинства для спасения души и попадания в рай принял.

Кому сложно поверить в это утверждение, дойдите до ближайшего священника или религиозно образованного человека, и уточните сказанное. Спросить, что ждет мать за такое деяние, и что ребенка. Ответ будет однозначный: мать пойдет в ад, а дитя в рай.

Если любящая мать готова на любые страдания, лишь бы ребенку гарантированно дать максимальное благо (в ее представлении это рай), получается, ею двигала любовь. В своем максимализме она пересилила материнский инстинкт и с позиции христианского мировоззрения поступила в высшей степени разумно. Кто не согласен с этим, тот должен оспорить ключевое положение Церкви, а именно, что рай — высшее благо для человека.

Если опустить детали и сказать, что женщина ценой обречения себя на вечные муки дала ребенку высшее вечное счастье, мы оценим ее как до крайности самоотверженную в своей любви женщину. Особенно если не забывать, что согласно христианству, в мире нет

греха, которого Бог не мог бы простить. Он всемогущ. Так что у согрешившей матери есть шансы отмолить грех и избежать ада. А утопленный ребенок в любом случае будет в раю.

Нам сложно принять эту логику не потому, что она неверная, с точки зрения здравого смысла изъясна в ней нет, а потому что она жжет наше сердце. Наши эмоции укоренены в поверхностно-бытовом понятии блага, и отвергают все, что раздражает их.

Из-за таких эмоций в слаборазвитых регионах муж не отпустит жену к гинекологу. Пусть лучше она умрет, чем посторонний мужчина будет смотреть *туда*. С нашей точки зрения это идиотизм и зло. Но с его позиции это правильно и добро. Лучше пусть жена умрет чистой, тогда у него и у нее есть шансы в рай попасть, чем выжить ценой греха, в итоге все равно умереть, но шансы попасть в рай будут сильно меньше у обоих.

А вот южноамериканские индейцы до заселения их земель европейцами, ничуть не удивились бы поступку матери, утопившей своего ребенка. Какая разница, как детей в рай отправлять, через жертвоприношение на вершине пирамиды или утопление. Они нашли бы эту практику разумной и благочестивой. Удивились бы невежественности социума, порицающего действие матери, принесшей ребенка в жертву, приблизив тем самым и себя к небу, и ребенка на вечное пребывание в раю отправила.

Практика утопления во время крещения — не выдуманный пример для освещения темы, а относительно недавняя реальность. Так избавлялись от нежелательных детей, кто был обречен по разным причинам (не прокормить или иные причины). Благочестивые родители, опираясь на христианское понимание мира, выбирая между голодной смертью и утоплением, выбирали меньшее зло. Это был своего рода христианский аборт.

Куда, по мнению Церкви, попадают замученные маньяками дети? Несомненно, в рай. Как и утопленные младенцы... Это вам подтвердит любой священник и богослов. Как оценить деяния человека, обеспечившего попадание в рай? Он совершил добро или зло?

Если зло, то рушатся основы христианского миропонимания. Рай есть высшее благо. Если оценивать действие не по промежуточному, а конечному результату, как действия врача, он в высшей степени положительный. Значит, поступок маньяка положительный.

Но как же так... Это просто в голове не укладывается.... А так, что пути Господни неисповедимы. Злодей был орудием в руках Бога. Орудием в руках сатаны он не мог быть по той простой причине, что у дьявола не может быть цели оправлять людей в рай. Если же жертва маньяка отправляется в рай, значит, маньяк не был инструментом сатаны.

Церковь и верующие делали и делают ужасные с точки зрения гуманизма вещи. Но их сила в том, что они могут их обосновать. Фанатичный аббат Тольбиак, увидев на улице рожающую собаку, в порыве нравственности забил её насмерть вместе со щенками. «...Под нажимом его каблуков у нее выскочил седьмой детеныш, после чего аббат в неистовстве прикончил каблуком окровавленное тело, которое шевелилось еще посреди новорожденных, а они, слепые, неповоротливые, пищали и уже искали материнские сосцы». (Мопассан «Жизнь»).

Как оценить поступок этого глубоко верующего и высоконравственного человека? Если Церковь считала процесс зачатия жизни и деторождения греховным, порочным и грязным до омерзения, а аббат опирался на мнение Церкви, он видел в рожающей суке проявление абсолютного зла. И кинулся на защиту морали, соответственно отреагировав.

Понятия добра и зла не самостоятельны. Они уходят корнями в понимание мира. И так как у разных народов разное понимание мира, соответственно, понятия добра и зла у них тоже разные. И не просто разные, а скорее всего, противоположные и несовместимые.

Религиозное мировоззрение говорит, что главное в человеке не его тело (оно все равно умрет) а душа. Родители относились к смерти детей как к обыденному явлению: Бог дал — Бог взял. В голодные годы распространенным явлением было убивать и есть своих детей. А если дети вдруг оказывались ловчее, то они убивали и ели своих родителей.

Никто в те времена не видел в этом такого ужасного преступления. Вынужденная неприятность, не более. О банальном отношении к каннибализму говорят детские сказки, избилующие актами или намерениями такого рода, а так же библейская информация.

Женщины ругались на почве очередности поедания своих детей. *«И сказала она: эта женщина говорила мне: "отдай своего сына, съедим его сегодня, а сына моего съедим завтра". И сварили мы моего сына, и съели его. И я сказала ей на другой день: "отдай же твоего сына, и съедим его". Но она спрятала своего сына»* (4Цар. 6, 28-29).

Для них проблема не в том, что они детей своих едят, а в том, что едят нечестно. Как две крестьянки, договорившиеся сначала вдвоем съесть твою курицу, а потом мою. И вот курицу первой съели. Вторая крестьянка, наевшись чужого мяса, решила схитрить и не отдавать свою курицу. Первая считает это нечестным. Из-за этого разгорается скандал.

Знание этих мест Библии не приветствуется в странах христианской традиции. Если вы забьете в поисковике запрос типа: «поедание детей Библия», выскочат ссылки на детскую Библию, на воскресные школы и на что угодно, только не на приведенные фразы.

Христианство унаследовало от древнего иудаизма элементы каннибализма. Как мы знаем, Святой Дух на Халкидонском соборе открыл Церкви, что у Христа две природы, божественная и человеческая. Поэтому Христос — настоящий Бог и настоящий человек.

Согласно церковному учению, чтобы спасти свою душу, нужно периодически причащаться — ритуально есть настоящую человеческую плоть Христа, и пить его кровь. Это главное таинство христиан, без которого нет Церкви, называется евхаристия.

Церковь официально настаивает, что хлеб и вино — не символы крови и плоти, а самая что ни на есть настоящая человеческая плоть и кровь, в которую чудесным образом превращаются кусочки хлеба с вином. Потому действие и называется таинством.

Чтобы подчеркнуть, что человеческая плоть и кровь только внешне похожи на хлеб и вино, а на самом деле это мясо и кровь, священник оперирует копием — инструментом, символизирующим копье, которым римский воин пронзил Христа на кресте. Прокалывая этим копием хлеба, он говорит молитвенную формулу: «ломимую плоть и изливаемую кровь». В этот момент, согласно учению Церкви, хлеб становится человеческим мясом. Полученный продукт верующие ритуально поедают — причащаются. В процессе этого акта нараспев поется: «Тело Христово примите; Источника бессмертного вкусите».

Важный момент: если хлеб в алтаре не превращается в настоящую человечину, а вино в настоящую кровь, значит, таинства нет. А без него нет благодати. Поэтому конкурирующие фирмы, восточная и западная Церковь, до сих пор выясняют, чья паства ест настоящее мясо и кровь Христа, а кому пустышки подсовывают.

Конкуренты на все лады уверяют свою паству, что именно они дают им настоящий продукт. А вот оппоненты символами мяса и крови оперируют. Кто не в теме, для того этот спор был бы похож на спор мясокомбинатов, ведущих друг с другом торговую войну через рекламу, уверяя, что у них настоящее мясо, а у конкурентов соевый заменитель.

Так как верующие понятия не имеют, во что они верят, никто не ловит смысла происходящего. Люди слышат возвышенные слова, что их грехи отпускаются, шансы в рай попасть растут, но что именно они делают — практически никто не понимает. Так *«...сбывается над ними пророчество Исаии, которое говорит: слухом услышите — и не уразумеете, и глазами смотреть будете — и не увидите»* (Мф. 13, 15).

Церковь не заинтересована раскрывать эту сторону таинства. Иначе у паствы могут появиться лишние мысли. А там не далеко и до греха церковного, который заключается в самостоятельном мышлении. Церкви не нужны думающие. Ей нужны верующие. *«Умные нам не надобны. Надобны верные».* (Стругацкие «Трудно быть богом»).

Наша цивилизация растет из христианства, которое культивировалось тысячи лет. Не удивительно, что на него у нас глаз замылился. Попробуем взглянуть на ситуацию со стороны. Представьте себя человеком, ничего не слышавшем о христианстве. Заходите вы в церковь и видите на самом видном месте изображение тела на кресте. Руки и ноги прибиты гвоздями, в груди рана от копья, голова обмотана чем-то вроде колючей проволоки. Все свидетельствует, что этот человек умер страшной смертью.

Осматриваясь вокруг, вы видите кругом ящички, где под стеклом видны фрагменты человеческих трупов — голова, ноги, руки и другие элементы. Люди стоят в очередь к

этим ящикам, кланяются им и целуют. Потом идут к человеку с чашей в руке, где в красной жидкости плавают кусочки чего-то. Он зачерпывает ложечкой эту жидкость и кусочек, и кладет каждому подходящему в рот. Человек глотает, целует чашу и отходит.

Вы спрашиваете, что это? Вам объяснят, что это религия добра, света и любви. Тело на кресте — это кто умер за наши грехи. Трупы и их фрагменты — это его истовые последователи. Поклоняясь мертвым телам или их фрагментам, мы воздаем честь их душе, которая в данный момент пребывает на небесах. Потребляя плоть и кровь того, кто изображен на кресте, мы поклоняемся ему, увеличивая наши шансы на спасение.

Что вы почувствуете после таких объяснений. Примерно то же самое почувствовали мыслители эпохи Просвещения, когда осознали эти вещи. Они стали очень эмоционально высказываться. Вольтер, указывая на Церковь, говорит «раздави гадину!». Дидро пишет, что «Человек не будет свободен до тех пор, пока последний король не будет повешен на кишках последнего священника». Пушкин эту идею оформит в такие строки: «Мы добрых граждан позабавим/ И у позорного столба/ Кишкой последнего попа/ Последнего царя удавим». Активисты приходили на церковную службу, и когда начиналось причастие (ритуальное поедание человеческого мяса), они кричали, что христиане едят своего Бога.

По мнению гуманистов, такие поступки были продиктованы соображениями морали, так как разоблачали гнусный обман. Уклонение от них было бы аморальным проявлением трусости. По мнению верующих ровно наоборот, такие поступки были безнравственны и аморальны, так как оскверняли самое святое, что есть в этом мире — Бога.

Какая позиция признается моральной, а какая аморальной, зависит не от содержания мировоззрения, из которого выводятся понятия добра и зла, а от силы, стоящей за этим мировоззрением. Но если копнуть глубже, сила в первую очередь есть концентрация ума. Глупые не могут быть силой, это противоречит законам эволюции. Концентрация сильных прямо зависит от качества мировоззрения. И с этой позиции сила в правде, так как правда — показатель силы. Всякий социум принимает за правду мнение сильного.

Каждый ориентируется на свои представления о добре и зле. На чужие никто не ориентируется. Сознание инертно, и потому люди считают за истину то, что привычно считать. Они не склонны думать, почему так считают. Им это кажется самоочевидным.

Большинство всегда умирает в тех убеждениях, в которых выросли. Они не желают слышать никакой информации, как бы логична она ни была, если та противоречит их привычке — их морали. «Привычка свыше нам дана/ Замена счастию она» (С. Пушкин).

Люди не могут, не хотят и не собираются оценивать свои моральные установки, потому что им «и так все ясно». Их стремление к благу выражено в жизни по шаблону. Убегая от всего нового и непривычного, они убегают от дискомфорта, который несет им новое. Они не хотят понимать, что старая мораль есть дерево, утратившее корни. На ветвях этого дерева они свили себе гнезда. И слышать ничего не хотят, что дерево умерло.

Если у восточной женщины записано на подсознание, что рот нужно закрывать от посторонних глаз, ибо это часть тела, куда в теории может проникнуть мужчина, ничто не заставит ее отказаться от своих убеждений. Она просто не собирается думать на эту тему. Тут и думать нечего, ибо и так ясно, что естество женской природы обязывает ношение паранджи. Ходить без паранджи... Нет-нет, одна только мысль в краску вгоняет...

Как европейская женщина уверена, что вагину нужно закрывать от посторонних глаз, и потому носит трусы, так восточная женщина уверена, что рот должен быть сокрыт от посторонних глаз, и потому носит паранджу — трусы для головы. В Коране написано: «*О, пророк! Скажи женам своим, и дочерям своим, и женицам верующих, чтобы они плотно опускали на себя свои верхние покрывала. Скажи верующим женицам, чтобы они опускали свои взоры и оберегли свои половые органы*» (сура 24 Свет, 31 аят).

Если восточный мужчина увидит женский рот, не прикрытый паранджой, для него это примерно такое же зрелище, как для европейца увидеть неприкрытые нижние женские прелести. В этом ключ к пониманию, почему мигранты из исламских стран так себя ведут

с западными женщинами. Европейские мужчины примерно так же вели бы себя, окажись они в обществе, где дамы ходят в одежде, открывающей интимные места на обозрение.

Европейские женщины ничем не отличаются от восточных. Если им на подсознание записать, что порядочные дамы обязательно должны уши закрывать, они неукоснительно будут этому следовать. Каждый следует своей программе, и мужчины, и женщины.

Если смотреть в самые корни привычек, норм и табу нашего общества, они ничем не отличаются от женского обрезания в диких обществах, не знающих, зачем это нужно, но продолжающих чтить традицию. Корни того и другого утрачены, но сохраняется инерция.

Привычки сравнимы со сломанным роялем посреди комнаты. Рационального смысла в нем давно нет, только пространство занимает. Но жильцы не выбрасывают его по соображениям эстетики — привычный элемент дизайна. Свое решение оправдывают в духе: «не нами поставлено — не нам и выкидывать».

Если спросить среднестатистического человека, что значит следовать морали и жить по совести, он ответит: значит, жить по чести и долгу. Хорошо, согласитесь вы, а что значит жить по чести и долгу? Он снова так же уверенно ответит: это значит, следовать морали и жить по совести. Попытка преодолеть тавтологию ни к чему не приведет, кроме как к еще большему многословию. Человек скажет, что жить морально и нравственно, значит всегда и во всем поступать справедливо и разумно, по велению долга и подсказке сердца по совести и честно. Для него это будет исчерпывающим определением. А кому недостаточно, тот или умственно отсталый, или моральный урод. Почему? Потому что!

Абсолютное большинство людей не имеют потребности развеять тавтологический туман. Они не хотят знать, что все понятия добра и зла привязаны к мировоззрению. В большинстве случаев попытка объяснить им эту истину является метанием бисера...

Чувства

В XVII веке Молиньё задал вопрос Локку: может ли слепорожденный человек, если прозреет, отличить куб от шара, не притрагиваясь к ним? Мощный вопрос. Локк ответил отрицательно. В конце XX века это подтвердилось практически. Слепому от рождения человеку вернули зрение, и он не может отличить куб от шара, пока не ощупает их.

Это значит, у объектов нет самостоятельной формы. Мозг назначает поступающей в него информации тот или иной образ, как процессор — форму цифровым комбинациям. Сами по себе цифры бесформенны, вне понятий добра и зла, бытового и философского смысла. Компьютер дает им эти значения сообразно установленной в него программе.

Аналогично и информация, которую мозг преобразует в ощущения, сама по себе вне оценки и какого-либо смысла. Она аналог цифры. Как компьютер придает цифрам образы, так и мозг превращает поступающую ему информацию в хорошие или плохие ощущения.

Когда некоего Дамьена приговорили к мучительной казни за покушение на короля Людовика XV, его сначала страшно пытали, потом страшно казнили. Во время пыток в мозг по нервным каналам шли импульсы, которые мозг преобразовывал в негативные ощущения. Во время приговора в мозг шли те же самые импульсы. В начале исполнения приговора мозг Дамьена оценивал их так же негативно, как и во время пытки. В конце мозг изменил оценку на противоположную. Палач делал те же действия, но осужденный вместо стонов страдания издавал звуки наслаждения, прося еще и еще рвать его тело.

Одна девушка рассказывала мне, что когда в школе проходили, как фашисты мучили людей, она живописно себе это представляла, и на нее накатывала волна ужаса. Всякий раз она была на грани паники и не знала, как ей от этого защититься. И вдруг в ее голове что-то щелкнуло, и оценка перевернулась наоборот — неприятные картины стали ей приятно возбуждать. Она представляла себя роли жертвы, и это ее привлекало...

У информации нет самостоятельных качеств, как нет их у цифры. Запах возникает не от того, что молекулы пахнут, у них нет запаха, а от того, что мозг назначает заходящим к нему электрическим импульсам, идущим от носа по нервным каналам, статус приятного

или неприятного запаха. Никакого запаха как самостоятельной реальности не существует в той же мере, в какой в реальности не существует графических 3D-образов на мониторе. Как эти образы создает компьютерная программа из набора битов, так плохие и хорошие ощущения, запахи, образы, чувства, создает программа мозга из приходящих импульсов.

Если изменить компьютерную программу, она из той же информации создаст другой образ на мониторе. Аналогично если изменится программа мозга, ощущения, ранее оцениваемые как приятные, превратятся в неприятные. Белое может стать черным, а боль блаженством, как это случилось у несчастного Дамьена.

Есть сила ощущений, а есть их оценка, хорошие они или плохие. Аналогия с ветром, есть сила ветра, а есть его оценка, зависящая от направления, в котором он дует. Если попутный, значит, хороший; если встречный — плохой. С чувствами то же самое — если сильное действие, создающее эти чувства, несет пользу, мозг оценивает его блаженством и выдает гормоны удовольствия: дофамин, эндорфин, серотонин и так далее. Если же вред, мозг оценивает его мучением и человек испытывает крайний негатив.

Как было сказано, самые сильные чувства дает раздражение сильнейших инстинктов — инстинкта самосохранения и сексуального инстинкта. Оба привязаны к одному корню — к жизни. Сексуальный инстинкт дает жизнь, а инстинкт самосохранения защищает ее.

Итак, действие порождает чувства, оценка которого зависит от того, что несет действие, вред или пользу. Но что, если эмоции мощные, но действие не несет человеку ни вреда, ни пользы? Такое чувство оценивается положительно. Его можно сравнить со стихией, не несущей вреда — чем она сильнее, тем положительнее ее воспринимает наблюдатель. Не зря люди так любят смотреть различные ролики про катастрофы.

Голая эмоция, не несущая ни вреда, ни пользы, оценивается положительно. Чтобы я был больше уверен, что смог донести эту мысль, рассмотрю такое явление, как рабство. В прошлом раб переживал очень сильные ощущения. Мозг оценивал их крайне негативно, потому что это состояние представляло угрозу жизни и здоровью человека-раба.

Сегодня рабства нет. Есть игры в рабство. Мозг оценивает эмоции от пребывания во власти другого человека не по степени вреда или пользы (ни того, ни другого нет), а по силе ощущений. Чем они сильнее, тем больше человек получает удовольствие.

В погоне за силой ощущений начинается погоня за реалистичностью. Чем ближе к реальности ситуация, тем сильнее эмоции и в конечном итоге положительнее оценка. В рамках этой цели партнеры стараются уверить, что все по-настоящему, что один реально раб и вещь, а другой надменный и безжалостный рабовладелец. Но при этом каждый знает, что в любой момент может прекратить игру. Над играющим роль раба не висит угроза быть распятым на кресте (в Риме беглых рабов распинали). Над играющим роль хозяина не висит угроза быть убитым в результате восстания рабов.

Безопасное рабство и рабовладение можно сравнить с прыжком в пропасть на тарзанке. Активируется инстинкт самосохранения, и потому чувства сильнейшие. Но так как нет вреда, есть только чувства, положительная оценка пропорциональна силе эмоций.

Садомазохизм активирует одновременно инстинкт самосохранения и сексуальный инстинкт. В итоге люди получают насколько сильные, настолько и безопасные ощущения. Даже если между ними нет физического контакта, сексуальные переживания настолько сильны, что люди могут испытать оргазм от одной атмосферы, не касаясь друг друга.

«Только не вздумайте его особо жалеть, господа. Он, конечно, страдает. Но испытывает при этом какую-то позорную проклятую сладость. И даже страшно произнести, наслаждение. Да-да, господа, наслаждение». (к\ф «Скверный анекдот»)

Со стороны подобные игры выглядят так, что один человек обижает другого. Но как говорил французский мыслитель Делез, истинную оценку ситуации можно дать только изнутри. Внешний наблюдатель находится в иной ситуации. Он будет примерять на себя видимое, оценивая его через призму внешнего вида ситуации, без учета, что вреда нет, т.е. ошибочно. Будет оценивать только фантик, но не завернутую в него конфету.

Иными словами, Делез отрицает абсолютную истину моральных ценностей, не важно, из христианства или людоедства выросших. Тем самым он вслед за Ницше утверждал, что мораль есть следствие, но никак не причина, о чем учил Кант.

Действие, именуемое романтика, и действие, именуемое садомазохизм — игры. Да, у них разные правила, реквизит и роли. Есть более популярные игры, есть менее. Вчера большей популярностью пользовалась игра в романтику, сегодня появляются другие.

Игра оценивается не внешними признаками, а уровнем внутренней радости. Если одному нравится догонять, а другому убегать, одному готовить, а другому кушать, одному сочинять музыку, а другому слушать — оба человека счастливы счастьем друг друга.

Если унижающий и унижаемый счастливы, потому что получают удовольствие от своей игры, никто не может им сказать, что это неправильное удовольствие, что они не должны его получать, что им нужно получать удовольствие от того, от чего его получают соседи. Но это в теории никто не может. На практике есть масса «учителей», считающих свои вкусы в сексе эталоном. С помощью этого они оценивают вкусы других людей.

Чтобы вполне прочувствовать глупость таких нравочений, представьте, вы любите оливки. И вот приходит к вам человек, которому нравится клубника, и говорит, что вам не должны нравиться оливки, что это неправильно, потому что оливки — соленые ягоды, а нормальным людям (представителем этих людей он считает себя) нравятся сладкие.

Что бы вы ответили подобному ревнителю правильных вкусов? Особенно если он проявляет излишнее усердие? Если вы простой человек, не мудрствуя лукаво, наверное, пошлете этого морализатора по эротическому адресу. А если тихий и образованный, то зададите ему вопрос Чацкого: «А судьи кто?» (Грибоедов «Горе от ума»).

Судя по росту продажи кнутов и отсутствию гужевого транспорта можно судить о возрастающем интересе людей к сексуальным играм за рамками романтики. Никакая игра, если она никому не несет вреда, сама по себе не может быть плохой или хорошей. Она индивидуальна и каждый оценит ее исключительно по качеству своих ощущений.

Разные игры дают разные эмоции. От игры в шахматы человека наполняют одни чувства, от футбола другие. Взрослый человек сам разберется со своими желаниями, удовлетворяя их по своему вкусу, настроению и ситуации. Как с питанием — никто вам не указывает, сколько и какой пищи кушать. Вам могут рекомендовать не есть слишком много, не есть вредную пищу, но как поступить в конечном счете — ваше личное дело.

О сексуальном разнообразии можно сказать столько же удивительных и полезных вещей, как и о многих веществах, на данный момент табуированных и отнесенных к наркотикам (про них поговорим позже). Все виды секса имеют свойство снижать уровень агрессии, разрешать конфликты, укреплять старые и формировать социальные связи.

Гомосексуализм, втоптаный христианством в грязь, выполняет в природе важную роль. Например, как амортизатор между мужской и женской сексуальной активностью, Любимым стадным самцам, а человек относится к стадным млекопитающим, требуется в разы или десятки раз больше секса, чем самкам. Для продолжения рода самке нужен один контакт в год, а самец может иметь десятки и сотни результативных контактов. Когда самка забеременела, она больше не подпускает к себе самца. Активность самца находит выход в гомосексуальных контактах, сглаживая разницу мужской и женской природы. Они в роли клапана на паровом котле, через который спускается излишняя энергия.

Многие популярные зоологи и биологи с научными степенями и без оных говорят, что гомосексуальность противоречит природе, так как не дает потомства. И если бы среди животных были гомосексуальные отношения, размножение было бы невозможно.

Они похожи на популярных историков, утверждающих, что античный мир пал из-за обилия гомосексуальных связей и прочего «разврата». (Хотя он пал после того, как более ста лет официально уже был христианским). Когда зоологи и историки рассуждают о вреде гомосексуализма или его противоестественности, потому что подобные контакты не предполагают потомства, они демонстрируют невежество, зашоренность и неспособность к непредвзятому осмыслению темы. Этот вид секса создан природой совершенно для

других функций в социуме. Оценивать его через способность к деторождению — это как негативно оценить компьютер на том основании, что в нем суп нельзя сварить. Только суп нужно в кастрюле варить. А компьютер предназначен для других целей. Аналогично и для рождения детей есть гетеросексуальные контакты. У гомосексуальных другие цели.

Рассуждения невежд разрушает простейший математический подсчет. Размножение не пострадает, если 90% контактов будут гомосексуальны и 10% гетеросексуальны. Но люди не способные выйти за границы личных вкусов и предвзятости.

Противник разнообразия в сексе есть противник человека и природы. Запредельная дикость, жуткий абсурд, выпадение из реальности и плохой сюрреализм оценивать личность человека по его сексуальным вкусам. С тем же успехом можно оценивать людей по цвету глаз или волос. Личность во все века оценивалась по мыслям и поступкам, но не кулинарным и сексуальным вкусам. Насколько дико оценивать вашу личность по рациону питания, мясоед или вегетарианец, настолько ужасно оценивать людей по вкусу в сексе.

Если вы верующий, корни негативной оценки людей, нарушающих религиозные ограничения в сексе понятны. Но если вы неверующий, зачем берете церковные заповеди за ориентир? И почему именно заповеди христианского Бога, а не Зевса, например?

Если у вас есть желания, не одобряемые Церковью, ради чего отказываетесь от них, гоня прочь «неправильные фантазии»? Боитесь, что про вас плохо подумают? Но что же вы хотите получить в итоге за то, что пожертвовали своей радостью? Статус «настоящий человек»? Чтобы на могиле написали «он был до конца верен шаблонам»? Зачем вам это?

Две тысячи лет на человечество давило христианство и Церковь, внушая негативную оценку того, что по факту самое чистое и светлое. Лично меня это заставляет серьезно задуматься, что есть христианство. То ли оно, за что себя выдавало всю свою историю?

Вчера вседозволенность в сексе и пище не порицалась, каждый имел право делать это по своему вкусу. Когда сексуальное насыщение начинает регламентироваться, это запускает тектонические изменения в подсознании. Сфера секса становится источником нецензурной лексики. Произносить вслух названия репродуктивных органов неприлично.

Чтобы увидеть эти изменения на себе воочию, представьте ломящийся от яств стол, за которым сидит компания ровных людей, т.е. не подчеркнута хороших или плохих, и охарактеризуйте его. На язык попросятся положительные оценки. Вряд ли вы назовете это гастрономической распущенностью или вседозволенностью и прочее. Теперь представьте гигантскую кровать, на которой эти ровные люди занимаются сексом. Для характеристики этой картины уже можно сказать, что это сексуальная вседозволенность и распущенность.

Если вы знаете, что ваша реакция станет достоянием гласности, то скажете с ноткой возмущения что-то вроде «ну зачем такое показывать». Если же христианские шаблоны в вас прочно вмонтированы, вы отреагируете так, как они предписывают: резко негативно. Вы можете сказать, что это ваше мнение и все такое, но реально это ваш шаблон говорит.

Не важно, нравится лично вам увиденное или нет. Важно, что свое мнение можете себе в одно место засунуть. Если допустить, что вам нравится интимный контент (судя по трафику, гигантскому количеству людей он очень нравится) положительно оценить его вы не имеете права. Позволить положительную оценку вы можете только с фейковых анкет в сети. Там вы свободны от гнета старых установок. Но в реале вы являетесь их рабами.

Взрослые люди могут заниматься у себя дома каким угодно сексом, но на них лежит негласная обязанность скрывать это. В этой сфере люди должны быть так же осторожны, как если бы хранили дома героин со взрывчаткой и прочие вещества.

Все принимают это за само собой разумеющуюся норму. Никто не задает вопросом, на каком основании мне нужно скрывать? Снова работает самостоп. Большинство не принадлежат себе. Они живут не так, как им хочется, а так, как предписано. Не спрашивайте, кем предписано. Массы никогда не задаются подобными вопросами...

«Сексуальное ограничение идет рука об руку с определенной трусливостью и осторожностью, между тем, как бесстрашие и отвага связаны со свободным удовлетворением сексуальной потребности». (Фрейд).

Деление

Все люди делятся на тех, чьи сексуальные вкусы соответствуют церковным нормам, и на тех, чьи не соответствуют. У кого соответствуют, кто не желает ничего сверх того, что дозволено желать, тех не беру во внимание. Они живут, никогда не задумываясь, почему я так живу, а не иначе. Ими рулит привычка, и они не испытывают дискомфорта.

Чьи вкусы не соответствуют христианским/общечеловеческим предписаниям, те делятся на господ и рабов не в сексуальном садомазохистском смысле, а в обычном. Раб не волен в исполнении своих желаний. Господин — кто ориентируется на свои желания.

Господа ведут себя как право имеющие. Они считают, что их вкусы в интимной сфере ничем не хуже и не лучше вкусов других. Единственное условие, чтобы реализация своих фантазий никому не несла вреда. Они не обращают внимания на морализаторов и игнорируют в сексе церковные нормы в той же мере, в какой вы, например, если не являетесь вегетарианцем, игнорируете нормы вегетарианцев в питании.

Рабы ведут себя как люди, у которых нет права на реализацию своих желаний. В интимной сфере они ставят свои желания ниже церковных норм. Способствует этому тот факт, что большинство понятия не имеет о происхождении существующих норм в сексе. Они считают их эталоном, и, соответственно, отклонение уродством. Так как их вкусы не соответствуют церковному эталону, они их стыдятся, а себя считают больными уродами.

Господа делятся на два типа — по Гегелю и по Ницше. Как мы помним, господин в гегелевском смысле способен войти в зону страха. Он делает то, что ему нравится, но скрыто. Подозрения, что у него есть желания, выходящие за рамки морали, никогда не будут критичны. Он может выйти из ситуации без потерь или с малыми потерями.

Господин нищепанского типа входит в зону ужаса, из которой нельзя выйти назад. Он не только понимает, чего его вкусы имеют право на существование, но и не скрывает их, как не скрывает своих гастрономических желаний. Он не видит проблем сказать, что предпочитает не репродуктивный секс, жестко нарушающий каноны Церкви.

Рабы тоже делятся на два вида. Одни, признавая себя уродами, проводят политику, что уроды тоже имеют право на реализацию сексуальных желаний, не совпадающих с церковными нормами, как их имеют больные люди. Они проводят мероприятия, призывающие «больных» людей в первую очередь признать, что они больные и перестать стесняться своей «болезни». Во-вторых, объединиться и бороться за свои права.

Этот тип людей можно сравнить с античными рабами, решавшимися на побег. Их можно уважать за проявленную смелость. Надеюсь, моя книга поможет им избавиться от внушенных им установок, что в сексе есть нормы. Как только они четко поймут, что никакие не больные, а самые обычные люди со своими вкусами, они станут господами.

Рабы второго типа закованы в стереотипы, как античные рабы в железные цепи. У них нет шансу на свободу, потому что порвать цепи выше их сил. Они считают себя духовно прокаженными, на них периодически накатывает желание излечиться от своей «болезни» и стать нормальным человеком — жить по норме. Когда они срываются и реализуют свои «неправильные» желания, после этого им настолько стыдно, что на них накатывают суицидальные настроения. У них мысли не приходят о каких-то правах. Их подсознательная установка «какие у уроды могут быть права?», блокирует такие мысли.

Но стоит этим людям понять простую истину, что во вкусе, не важно музыкальном или сексуальном, нет эталонов, как многим в прямом смысле задышит легко. Чувство сравнимо, как будто человеку диагностировали рак, а потом оказалось, что ошиблись.

Большинство древних рабов никогда не пытались обрести свободу, потому что плата за неудачу была слишком высока — беглых рабов распинали. Большинство современных рабов второго типа никогда не имели мысли ориентироваться на свой вкус, игнорируя оставшиеся от религии эталоны. По факту ментальные цепи прочнее железных.

Античных рабов, не искавших свободы, можно понять. Но как понять закованных в шаблоны современных рабов? Максимум, за стремление к свободе им грозит порицание от ревнителей морали. Вреда от него никакого хотя бы потому, что вы их даже не знаете.

Конечно, можно нафантазировать себе страхов, что если ревнители морали узнают, что человек получает свое удовольствие, нарушая церковные каноны, то его найдут и что-то нехорошее ему сделают. Но только нужно понимать, что это пустые фантазии.

Если людей в лоб спросить, зачем, с какой целью они жертвуют своим благом, ответ не будет вразумительным. Наговорят вам кучу слов про врожденный стыд, естественность общечеловеческих (христианских) ценностей в интимной сфере, про необходимость репродуктивного секса, иначе все бы вымерло и все в этом духе. Но все это будут пустые слова, не выдерживающие ни малейшей критики. За ними нет никакой логики и фактов (что выдается за таковые, то при более глубоком рассмотрении рассыпается в прах). Если бы действительно все ими сказанное было правдой, античный мир не мог существовать. Но он не только существовал, но и превосходил по своему развитию современный мир.

Оборотни

Аристотель писал, что при входе в дельфийское святилище была надпись, желавшая всем «добиться того, что любо». Поэтесса Сапфо пишет, что одни прекрасной считают конницу, другие пехоту, третьи суда, а я считаю, что прекрасно то, что лично вам нравится, и что взор девы ей дороже колесниц лидийских и коней в бронях блестящих.

Греки считали, что человек — мера всех вещей, и что каждый для себя мерил всего хорошего и плохого. Любой объект любви человека прекрасен в силу того, что зажигает в нем любовь. Они не ставили разнополый секс выше или ниже однополого в той же мере, в какой мы не ставим любовь к блондинкам выше или ниже любви к брюнеткам.

Для древних греков было не важно, какого пола и возраста ваш объект любви, юный, зрелый или старый, мужчина или женщина. Главное, чтобы вы не обманывали друг друга, одинаково сознавали характер происходящего, и все меж вами совершалось по согласию.

В порядке вещей было, что объектом любви мог быть не только любой человек, но и любое существо или стихия. Влюбленность любого человека в любой объект уважали по двум причинам. Во-первых, источником этого прекрасного чувства считались боги. «Любящий божественнее любимого, потому что вдохновлен богом». (Платон «Пир»). Во-вторых, объектом любви могло оказаться божество, перевоплотившееся в кого угодно.

Наиболее отличился в деле перевоплощений любвеобильный Зевс. Он принимал облик стихий, насекомых, птиц и животных, возбуждающих в людях любовь. Например, для девушки Эгины он принял образ огня, для Ио — облака, для Данаи стал золотым дождем, просочившись через потолок комнаты, куда ее запер отец. Под видом муравья он пришел к Евримедусе, голубем слился с Фтией, орлом нашел взаимопонимание у юного красавца Ганимеда. Для девушки Европы Зевс принял облик быка и увез на остров Крит.

Ницше считал, что не цель освящает войну, а война освящает всякую цель. Его логика: то, за что человек готов рисковать жизнью (воевать), имеет сопоставимую с жизнью ценность. Бой за ценность помимо надежды обладать ею в случае победы дает особое чувство, которое поэт назвал упоением в бою: «Есть упоение в бою». (Пушкин).

Древние греки считали, что сам факт, что объект способен возбудить в человеке прекрасное чувство любви, указывает, что это не обычный объект, а обладающий какими-то волшебными для данного человека свойствами. Неказистый непривычный неуместный для такой роли внешний вид объекта не играют никакой роли в той же мере, в какой не играет внешний вид лекарства. Зелье ценно не своим видом, а производимым эффектом. Если оно дарит человеку здоровье, значит, оно прекрасно. Если объект дарит человеку любовь, значит, он как источник этого чувства прекрасен для человека.

Кульм личного прекрасного, где единственным мерилем является человек, который выше социальных стандартов красоты, дал абсолютную терпимость ко всему возможному

многообразие личных вкусов. Человек не должен понуждать себя любить то, что социум объявил прекрасным. Прекрасно для человека то, что возбуждает прекрасное чувство.

Эллины считали, что всякий объект, вызывающий любовь, только по этому факту является прекрасным. Не важно, насколько он соответствует сторонним представлениям о красоте. Важно качество и количество прекрасного чувства, возникающего в человека. В роли такого объекта может быть птица или человек, полубог или божество, стихия или животное — все это было божественно прекрасным, если вызывало в человеке любовь.

Однажды царица Пасифая, жена царя Крита Миноса, обнаружила, что белый бык возбуждает в ней такую сильную любовную страсть, что захотела стать его любовницей. Для этой цели ей было изготовлено чучело коровы. Царица забралась внутрь чучела и заняла соответствующую позицию в задней части коровы. Сзади подошел бык и сделал свое дело. Женщина испытала неземное удовольствие, и стала развивать это направление. Она нашла способ обходиться без чучела и стала жить с быком. В результате этой связи Пасифая родила Минотавра. Ее царственный муж построил ему дворец в виде лабиринта. Этот запутанный дворец в 1900 году обнаружил английский археолог Артур Эванс.

Древние судили о прекрасном не по внешнему виду, а по качеству производимого эффекта. Они нашли поведение Пасифаи настолько правильным, что в ее честь построили в Лаконии храм, где воздавали этой женщине божественные почести.

Мои же современники, до мозга костей пропитанные установками, порожденными христианством/гуманизмом, оценят эту историю сплошным и жутким развратом, ужасной половой распущенностью и все в этом духе. Они скажут, что подобное приличным людям недопустимо ни при каких обстоятельствах.

Почему человеку недопустимо испытывать сильные и приятные чувства, не несущие никому вреда — они не скажут. Потому что не знают. Они следуют записанным им на подкорку установкам точно так же, как боты следуют своей программе.

Образно говоря, эллины оценивали лекарство по целительной силе, а не по фантику, в который оно завернуто. Мы же с помощью Церкви перенесли акцент с содержания на фантик. И у нас бесполезная пилюля в красивой упаковке считается хорошим лекарством. А чудесный эликсир в нестандартной упаковке почему-то считается отравой.

Если говорить объективно, мы цивилизация не конфеты, а фантика. Каждому из нас вдалбливали с пеленок, что любить можно то, что указано, а не что лично тебе нравится. Если указанные кандидаты совпали с твоими вкусами — тебе повезло. Если не совпали, если ты не входишь в пазики — тебе не повезло. Остается или нарушать навязанные установки, и зарабатывать статус изгоя, или замкнуться в себе и жить в своих мечтах.

До христианства человек с хорошим сексуальным аппетитом считался символом силы (мужчина) и плодородия (женщина). Древний мир смотрел на секс как на бесценный дар богов. Его ни при каких обстоятельствах не могли оценить как грех. Никому в голову не могло прийти смущаться из-за того, что он пользуется божественным даром так, как ему наиболее это нравится, ориентируясь только на свой вкус и не причиняя вреда.

На фресках дохристианских культур, шумерских табличках, камнях Ики, папирусах Египта и храмах Индии изображены сцены сексуальной радости всех форматов. У древних греков Эрос очень высоко почитался. «Эрот — самый древний, самый почтенный и самый могущественный из богов, наиболее способный наделить людей доблестью и даровать им блаженство при жизни и после смерти» (Платон «Пир»). Афродита, богиня любви, распоряжались сексуальной энергией, приходящей в наш мир из божественного.

Везде практиковались сексуально-религиозные культы и храмовая проституция. В отличие от коммерческой проституции храмовая была почетной для всех слоев общества — и высших, и низших. Ее логика проста: каждый служит богам тем ценным, что имеет. Если бы птицы служили божествам, они бы служили крыльями. Если женщина сильна не мускулами и логикой, а сексуальностью, естественно, ей этим и служить божествам.

«Человек настолько должен пользоваться всем созданным, насколько оно ему помогает в достижении его цели, и настолько должен от него отказываться, насколько оно ему в этом мешает» (И. Лойола, «Духовные упражнения»).

Для высших женщин недопустимой была коммерческая проституция, но не по тем основаниям, которые делают ее негативной сейчас. Для низших слоев коммерческая проституция была обычным ремеслом. Только для элиты она была постыдной. Считалось недопустимым сдавать в аренду свои части тела (не важно, руки или гениталии). Это было уделом низших слоев. Высшие были свободны от необходимости работать за деньги.

На женскую проституцию смотрели так же, как на физический труд за деньги, удел рабов. Как рабский труд не возбранялся, но презирался, так и коммерческая проституция женщин не возбранялась. Хочешь сдавать себя в аренду — сдавай. А вот к мужской отношение было хуже. Женщина у древних считалась существом низшим, что с нее взять. Как умеет, так и зарабатывает хлеб насущный. Мужчина же существо высшее. Если он продает себя, что его остановит от продажи дружбы, общества и государства?

С приходом христианства многообразие резко сжалось и свелось к репродуктивной функции. Интимное удовольствие утратило самостоятельную ценность. Теперь на секс смотрели только как на производство детей. Удовольствие понималось даже не как бонус, а негативным побочным эффектом. Его богобоязненным людям хорошо бы избежать. Как бы умудриться зачать детей, чтобы никто из участников не испытал радости от процесса.

Когда Церковь была ответственна за духовное и половое воспитание подрастающего поколения, она в рамках этой задачи устраняла все античные неприличности. Для этого подгоняла историю под церковные каноны, не заботясь о соответствии реальности и фактам. Когда Церковь скатилась на обочину истории, церковную нравственность в массы стали нести гуманисты. Они вырастили атеистов, смотрящих на мир через призму христианства, не подозревая этого, уверенные, что это объективный взгляд, опирающийся на естественные и само собой разумеющиеся истины, а не церковная парадигма.

По факту вместо античных мифов мы знаем церковные мифы про античные мифы, и по ним составляем взгляд на античность. Он кажется нам объективным и здравым, но по факту это отражение в кривом зеркале — абсолютное искажение реальности.

Например, древнегреческий миф говорит, что богиня любви и красоты Афродита родилась из спермы и крови Урана, вспенившейся в море. Попала она туда следующим образом: Уран совершал соитие со своей женой-Геей, а их сын Кронос спрятался и наблюдал. Когда наступил кульминационный момент и отец начал изливать семя в жену, сын выскочил из засады, отрезал у отца пенис и бросил его в море. Там кровь и сперма вспенились, и из этой пены родилась богиня любви Афродита.

Церковная цензура сочла слишком экстремальным такое происхождение и опустила непристойные по христианским меркам подробности, оставив только упоминание о пене. Благочестивую версию поддержали гуманисты. Теперь мы все знаем, что Афродита родилась из пены морской. Но не знаем состав и происхождение этой пены.

Все это время поэты романтизировали рождение Афродиты, породив кучу лубочных образов. Если бы они знали реальное происхождение Афродиты, они бы воспели другими красками любовную страсть — не цветами и голубками, а кровью и спермой.

Мы живем в мире перевернутых понятий. Интимная область наиболее извращена по сравнению с остальными, и потому кричаще выпирает на общем фоне. Перевернутость так глубоко проникла в нашу жизнь, что обнаруживается в самых неожиданных сферах.

Глядя на рисунок сердечка, пробитого стрелой, у нас возникают ассоциации с чем-то амурным. Пронзающая сердце стрела символизирует чаще всего влюбленного юношу, в которого стрелой попал амур. Только почему форма сердечка так непохожа на сердце?

Этот символ пришел из Древней Греции, где был культ женской задницы. Афродита имела самый красивый зад. И как для матери Христа верующие придумали много имен, Богородица, Мадонна, Богоматерь, дева Мария, Царица Небесная и так далее, так для

Афродиты, которая по популярности не уступала христианской богине, древнегреческие верующие придумали множество самых разных имен. Одно из них: Афродита Каллипига, или по-русски «Афродита прекрасножолая».

В ее честь в Сиракузах был воздвигнут храм. Регулярно проводились конкурсы задней красоты, пользовавшиеся дикой популярностью. Земные женщины, кому было что показать, соревновались за титул обладательницы титула «прекрасныйзад».

Во время конкурсов продавались сувениры, среди которых самым большим спросом пользовалась поппа, пронзенная фаллосом. Сейчас эту композицию называют сердечком, пронзенным копьем. Но переверните сердечко острием вверх (а не вниз, как принято сейчас) и вы четко увидите символ женской поппы, появляющейся из узкой талии. И в нее под нужным углом входит фаллический символ — копые.

Анекдот в тему: приходит мужчина в магазин. На витрине подушки разных форм. Он указывает пальцем на подушку в форме сердечка и говорит: дайте мне вот эту бархатную жоппу. Продавец с возмущением говорит: это не жоппа, а сердце. Покупатель: девушка, я работаю кардиохирургом и знаю, как выглядит сердце.

Кто знает реальную историю, а не христианские поделки, тот видит в сердечках не фантики-бантики церковной романтики, а красоту древнегреческой богини Афродиты. И пронзившая ее стрела напечтает про особую страсть древних греков к анальному сексу.

История происхождения символа, известного сегодня как сердечко, символизирует плоды церковной цензуры: образ женской поппы трансформировался в сердце, а символ анального секса стал образом романтической влюбленности. На этих двух образах видно в буквальном переносном смысле перевернутый вверх тормашками древний мир.

Дискуссия

Воображаю, какое бы славное зрелище получилось, если свести в дискуссии, с одной стороны, античных блюстителей морали, с другой морализаторов авраамических религий (иудаизма, христианства и ислама), и морализаторов-гуманистов, на тему какое место секс играет в обществе и что человеку дозволено делать, а что нет.

Дискуссию открыл бы Платон. Словами из своего «Пира» он бы сказал: «Многие сходятся на том, что Эрот — бог древнейший. А как древнейший бог, он явился для нас первоисточником величайших благ. Я, по крайней мере, не знаю большего блага для юноши, чем достойный влюбленный, а для влюбленного — чем достойный возлюбленный. Ведь тому, чем надлежит всегда руководствоваться людям, желающим прожить свою жизнь безупречно, никакая родня, никакие почести, никакое богатство, да и вообще ничто на свете не научит их лучше, чем любовь. Чему же она должна их учить? Стыдиться постыдного и честолюбиво стремиться к прекрасному, без чего ни государство, ни отдельный человек не способны ни на какие великие и добрые дела. Я утверждаю, что, если влюбленный совершит какой-нибудь недостойный поступок или по трусости спустит обидчику, он меньше страдает, если уличит его в этом отец, приятель или еще кто-нибудь, — только не его любимец. То же, как мы замечаем, происходит и с возлюбленным: будучи уличен в каком-нибудь неблагоприятном поступке, он стыдится больше всего тех, кто его любит. И если бы возможно было образовать из влюбленных и их возлюбленных государство или, например, войско, они управляли бы им наилучшим образом, избегая всего постыдного и соревнуясь друг с другом; а сражаясь вместе, такие люди даже и в малом числе побеждали бы, как говорится, любого противника: ведь покинуть строй или бросить оружие влюбленному легче при ком угодно, чем при любимом, и нередко он предпочитает смерть такому позору; а уж бросить возлюбленного на произвол судьбы или не помочь ему, когда он в опасности, — да разве найдется на свете такой трус, в которого сам Эрот не вдохнул бы доблесть, уподобив его прирожденному храбрцу? И если Гомер говорит, что некоторым героям отвагу внушает бог, то любящим дает ее не кто иной, как Эрот».

Древнегреческий философ и поэт Стратон продолжил бы его речь про любовь к мальчикам. Он сказал бы, что она божественна, так как путь к ней указал Зевс, любившим юношу Ганимеда: «Юношеский цвет двенадцатилетнего мальчика приводит меня в радость, но предпочтительнее мальчик лет тринадцати. Тот, кому четырнадцать, — еще более сладостный цветок Эротов, и еще прелестнее тот, кому только исполнилось пятнадцать. Шестнадцатый год — это возраст богов, а желать семнадцатилетнего — удел не мой, а Зевса» (эти строки в русскоязычном интернете почему-то приписывают диалогу Платона «Протагор», что является ошибкой).

Античная мораль для представителей авраамических религий показалась бы такой аморальщиной, грязью и развратом, что они само обсуждение ее сочли бы неприличным. В своем мнении они опирались бы на священные тексты, Библию и Коран, где сказано, какой секс запрещен. Античный секс с его разнообразием, зоофилией, гомосексуализмом и прочими штучками против воли Бога, и потому оценивается мерзостью, от которой нужно воздерживаться приличным, благочестивым и целомудренным людям.

Для гуманистов обеих ветвей, верующих в карманного бога и отрицающих религию, античная мораль воспринималась бы так же негативно. Но с той разницей, что иудеи с христианами и мусульманами указывают на основание своего отрицания античного секса, говоря про нарушение воли Бога. Гуманисты не смогли бы конкретно указать, на что они опираются, объявляя злом действие, никому не несущее вреда, а участникам дающее радость. И каковы в таком случае критерии добра? У верующих критерий понятен — воля Бога, священные тексты и прочие эталоны. А атеисты-гуманисты на что опираются, когда называют злом действие, несущее людям радость и никому не причиняющее вреда?

На этот вопрос никакой гуманист-моралист не сможет дать рационального ответа. Вместо конкретики он пустится в разговоры про падение нравов, попрание семейных ценностей, царящий вокруг разврат и патетическим вопрошанием «куда мир катится!?!». В самом факте обсуждения такой темы они увидят «окно Овертона», технология по которой абсолютно табуированную тему под любым предлогом, чаще осуждающим, вводят в поле зрения общества, и потом еще через ряд шагов в реальность. Разговор в итоге перетек бы в эмоциональную сферу, и дальше шел бы по принципу «кто кого перекричит».

С моей точки зрения, самая аргументированная позиция у античных блюстителей морали. Чтобы ее увидеть, и заодно минимизировать оскорбление гуманистической (она же церковная) морали, в той или иной мере сидящей во всех представителях современной цивилизации, нужно читать древнегреческие документы о сексуальном влечении мужчин к юношам и помнить, что половая зрелость в теплом климате Греции наступает раньше, чем в холодных странах. При чтении строк, написанных древнегреческими поэтами и философами, нужно учитывать, что речь всегда идет о половозрелых подростках и юношах, но никогда о детях. Секс с детьми любого пола, не достигшими половой зрелости, сурово карался по вполне понятной причине — он угрожал здоровью ребенка, а значит, нес вред не только ему, но и обществу, так как ребенок — будущий гражданин.

Объясняя корни античной морали, эллины сказали бы, что если за помидорами ухаживать, они вырастут большими, вкусными и приятными на вид. Если не ухаживать, они будут маленькие, часто с гнильцой и невкусные. Если вообще забросить помидоры, предоставив их самим себе, через малое время вместо них вырастут сорняки.

Аналогично и с человеком, чем его развитию уделяется больше времени, тем выше будет качество человека. В идеале делу образования и воспитания нужно уделять все время. Учитель и ученик с утра до вечера должны быть вместе. Чем меньше времени уделять воспитанию, тем больше человек будет предоставлен случаю и улице. Качество его будет соответствующим — умное животное с набором физиологических потребностей, которые оно стремится удовлетворить в моменте, не думая о последствиях.

Нельзя научить тому, чего сам не умеешь. Вырастить из мальчика настоящего гражданина мог только тот, кто сам им является. Что могло побудить гражданина тратить

свое время и силы на развитие подростка? Деньги в этой сфере не работали. По приказу такие вещи невозможно хорошо делать. Единственным мотивом является глубокая личная симпатия. И чем глубже, тем больше мужчина захочет возиться со своим подопечным.

Максимально глубокой была интимная симпатия. Как сейчас мужчина, если ему нравится девушка, взваливает на себя ее проблемы, так в древности мужчина возился с подростком, движимый одной из самых сильных симпатий — сексуальной. С тем отличием, что забота о девушке сегодня ограничивается материальной стороной, договор по умолчанию и принципу «ты мне, я тебе». В античные времена мужчина тоже мог оказывать юному ученику материальную помощь, но без коммерческого подтекста, как сейчас девушкам их взрослые любовники. Наставник помогал юноше как другу. Мужчина в такой паре назывался «эйспнэлом», наставником, а подросток «аитом» — слушателем.

Античная культура в лице власти и общества всячески поощряла соединение в пару полноценного мужчину, т.е. свободного полноправного гражданина, сблизиться с подростком и стать ему другом, советником, сексуальным партнером, опекуном и наставником. Античный гражданин должен был развивать его духовно, интеллектуально и телесно. Формировать понятие чести, долга, доблести и благородства; прививать любовь к философии, учить мыслить, ораторствовать и полемизировать; развивать его физически, чтобы он вырос здоровым, крепким и выносливым воином.

Наставник с раннего утра и до позднего вечера проводил свое время с подопечным в учебных классах, спортивных площадках и античных банях. Там он занимался с ним духовными, интеллектуальными и физическими упражнениями. С целью сближения этой пары физические занятия выполнялись обнаженными. В результате люди проникались друг к другу не только духовно и интеллектуально, но и сексуально.

Если контакты мужчины и подростка сводился только к сексу, не сопровождаясь развитием, например, мужчина платил мальчику за оказываемые им услуги, в такой паре никто не пользовался уважением. Мальчик был примерно в том же статусе, как сейчас проститутка или содержанка, а мужчина как ее клиент или пользователь.

Если мужчина не привлекал юношу, в глазах социума он нарушал долг в деле воспитания подрастающего поколения. Аналогично и для юноши было позором, если он, достигнув половозрелого возраста, не мог найти себе учителя-наставника-покровителя.

Нужно не забывать, что Древняя Греция — это не единое государство, как сейчас современная Греция со столицей Афинами. Древняя Греция — это полторы тысячи полисов, независимых городов-государств, крупнейшим из которых были Афины. Где-то эти требования были выражены сильнее, где-то слабее, но тренд везде был туда.

Наиболее сильно требование к мужчине взять под опеку подростка было в Спарте, Македонии и Фивах. В каждом полисе были свои приоритеты. Например, в Спарте упор был только на развитии духовных и физических качествах, интеллектуальные же почти полностью игнорировались. Потому Спарта не дала миру ни одного философа. Македония и Фивы развивали все качества пропорционально, и потому помимо воинской доблести в лице самого великого завоевателя за всю историю, Александра Македонского, учителем которого был Аристотель, и ни разу не побежденного священный отряд Фив, состоящего из 150 гомосексуальных пар, они дали миру целую плеяду философов.

Признавая фантастические достижения древних греков в культуре и философии (их до сих пор никто не превзошел), мы отрицаем технологию их получения. Инженерно взглянуть на древнегреческую систему воспитания нам мешают церковные установки. Даже если мы никаким боком не считаем себя верующими, генетическая память работает.

Я не осуждаю ни верующих, ни атеистов, крайне негативно оценивающих античные технологии, видя в них запредельный разврат и потерю человеческого достоинства. Они с молоком матери впитали церковный взгляд на секс, и теперь считающими эти истины не церковными, а естественными, предвечными и само собой разумеющимися.

Мы искренне не понимаем, а как иначе-то может быть... Все же предельно ясно, вот чистое целомудрие и нравственность, а вот грязь, распущенность и безнравственность, о которой и говорить-то совестно нормальному человеку. Не нужно особого ума, чтобы понять, что у христиан и гуманистов секс приличный, а античный секс развратный.

Когда все так очевидно, поневоле в душе что-то такое поднимается, что побуждает честного человека выступить в защиту чистоты и правды от всяческой грязи и лжи. Мы же не скоты, а люди... Зачем нам уподобляться двуногим животным, потерявшим всякий стыд... Человек потому и человек, что у него есть нечто святое, которое не нуждается ни в какой логике и доказательствах, потому что его сердце истину чувствует (ну и так далее).

Я все эти настроения лично на себе ощутил, когда православным христианином был. Да, я согрешал и святым меня никак нельзя назвать. Но ориентиры мои были совершенно четкие, и нормы прошлой эпохи я считал абсолютным идеалом. Почему — не думал.

Я прекрасно представляю, каково морализаторам читать информацию про то, как взрослые мужики с юными подростками заигрывали и что в постели вытворяли. Ну не срам разве? Приличные люди таким сексом никогда не будут заниматься, потому что у них от природы отвращение к таким вещам. А как же древние греки? Они против природы шли, и потому таких успехов добились? А мы следуем за природой, и потому не можем на тот уровень подняться? В изготовлении утюгов с телефонами и прочих облегчающих быт вещах мы их обогнали, а вот в понимании мира безнадежно отстали. Странная какая-то логика. Равно как и эмоции, ориентированные на церковный эталон, странные. Христиане говорят, что воля от их Бога правильная, потому что он Троица, а воля олимпийских богов со своим Зевсом во главе неправильная, потому что все они демоны.

Разное понимание добра и зла исключает дискуссию южноамериканских индейцев с христианами. Потому что индейцы почитают богоугодным делом принесение детей в жертву, так как это, по их мнению несет благо детям, народу и государству. А христиане с гуманистами считают деяния индейцев сатанинскими и бесчеловечными.

Невозможна дискуссия на тему воспитания детей между папуасами Меланезии, у которых мальчиков кормить мужскими соками в порядке вещей, и гуманистами, у которых произнесение слов про «мужское кормление» табуировано как верх неприличия.

Мы не сознаем, что у древних греков был культ мужской, а не женской красоты. На женщин они смотрели как на выполнение долга перед обществом — продолжить род. Женщина была не в состоянии удовлетворить интеллектуальных и творческих запросов греческого мужчины. Плутарх писал, что «...у истинного Эрота нет ничего общего с женской половиной дома, и я утверждаю, что отношение к женщинам или девушкам тех, кто к ним пристрастился, так же далеко от Эрота, то есть любви, как отношение мух к молоку или пчёл к сотам или поваров к откармливаемым ими в темноте телятам и птицам, к которым они не испытывают никаких дружественных чувств» (Плутарх, «Об Эроте»).

При этом Плутарх защищал женщин, говоря, что есть отмеченные добродетелями женщины, и они достойны любви не меньше, чем юноши. Но такая защита подчеркивает реальную роль женщин в сексуальной жизни эллинской цивилизации.

Мы все мерим мерками, доставшимися нам от церковной эпохи, не осознавая этого. Оттого наши знания об античной интимной жизни так же комичны, как представления древних о форме Земли и что она стоит на слонах. Осуждая секс древних, мы оперируем тем же уровнем информации, каким оперировали древние, составляя свой взгляд на устройство мира, где все свелось к слонам и плывущей в океане черепахе.

У нас нет переводов Стратона и подобных ему древнегреческих авторов, потому что считается непристойным популяризировать такой запредельный разврат. Если бы кто за это взялся, общество заподозрило бы переводчика в постыдных наклонностях. Чтобы понимать, о каком контенте речь, приведу относительно невинный отрывок: «Юношеский цвет двенадцатилетнего мальчик приводит меня в радость, но предпочтительнее мальчик лет тринадцати. Тот, кому четырнадцать, — еще более сладостный цветок Эрота, и еще

прелестнее тот, кому только исполнилось пятнадцать. Шестнадцатый год — это возраст богов, а желать семнадцатилетнего — удел не мой, а Зевса». (Стратон).

Аристофан в своей комедии «Птицы» описывает мечтаниях некоего Писфетера, который хочет жить в таком городе, где отец обижался бы на своего гостя за то, что он не проявляет сексуального интереса к его сыну: Пускай отец смазливенького мальчика/ Меня бранит, когда со мною встретится:/ «Прекрасно, нечего сказать, с сынком моим/ Ты поступил! Помывшись, из гимназия/ Он шел. Его ты видел. Ты не стал его/ Ни целовать, ни лапать, ни тащить к себе./ И другом быть мне хочешь после этого».

Как гинекологию вчера описывали только на латыни, для специалистов достаточно, а остальным лучше не читать, чтобы не поймать неприличных мыслей, так и с античной культурой, касающейся интимной сферы, пусть она лучше на древнегреческом остается. А если тексты и переводили, то щадя христианское целомудрие и вуалируя срам.

С высокой долей вероятности предскажу, что вы никогда не задавались, например, вопросом, почему мужской детородный орган можно назвать пенисом, а х@ем нельзя. Или почему женский репродуктивный орган можно называть вагиной, а пизд@й нельзя. Почему про решивших зачать ребенка, можно сказать, что они планируют совокупление, но нельзя, что они собираются еб@ться? Явно же, что тут никакой рациональностью не пахнет. Табу на органы, действия и процессы, связанные с производством новой жизни, имеют те же корни, что и сексуальные — религиозные.

До христианства предки обращались к божествам с просьбами о плодородии почвы приплоде скота, благополучном зачатии, родах, семейных делах и прочее. Использовались в этих языческих ритуалах, обрядах, молитвах, заговорах и ворожбе слова, обозначающие репродуктивные органы и процессы производства жизни. На слух для наших предков эти слова звучали так же буднично, как сейчас для нас термины гинекологии и урологии.

Потом пришло христианство. Церковь сказала, что Бог один, а все остальные не боги, а черти, дьяволы, бесы и прочее сатанинское отродье. Следовательно, слова, какими к ним обращались с просьбами, связанными с плодородием и деторождением, являются сатанинскими. Так термины, обозначающие гениталии и половой акт, оказались под табу.

Все матерные слова имеют три корня: половой акт, мужские и женские гениталии. Но от этих трех корней произведено несколько сотен слов. И однокоренными словами можно описать целый процесс. Например, двое рабочих на стройке таскают носилки с песком. Одному показалось, что им слишком много положили песка, и его тяжело нести. А второму так не кажется, и он предлагает продолжить работу. Звучит это так:

— Ниху@дох@я наху@рили!

— Ниху@нидох@я, поху@рили!

Такой фантастической плодovitости нет больше ни у каких слов. У меня нет иных вариантов объяснения такого феномена, кроме как предположить, что в словах осталась энергетика плодородия и создания жизни.

Рядовой человек не имеет ни времени, ни сил, ни ума самостоятельно разобраться в корнях негативного отношения к сексуальной сфере. Он даже думать не собирается на такие темы. Ему и так «все понятно». Его аргументы: «так принято»; «это очевидно любому нормальному человеку»; «это бескультурно и пошло».

Непросто объяснить моему современнику, что табу на секс и имеющие отношение к сексу слова — они не естественные и самоочевидные, а на 100% результат действия Церкви. Если бы она объявила сатанинскими слова, обозначающие, например, стрижку волос, матерными сейчас были бы слова с корнем «волос» или «стричь» и прочее.

Как поколебать современного человека в уверенности, что во вкусе не может быть нормы, так как люди разные, и, соответственно, потребности у них разные. Если одному нравится соленое, а другому сладкое, это не значит, что кто-то из них отклоняется от нормы. Кто заявляет свои вкусы нормой, эталоном и образцом для подражания, а другие вкусы извращением (не извращенцами считает только тех, у кого одинаковые с ним

вкусы) тот не просто неприглядно, но и глупо выглядит. Или вы хотите сказать, что во вкусах есть норма? И что же это? Может, вы считаете свой вкус нормой и эталоном?

Программа

Всякая жизнь стремится к благу. Благо — это удовлетворение желаний. Рождаются желания из трех источников: инстинкт, шаблон и принцип. Инстинкты — это с чем человек рождается: с желанием убежать от опасности, утолить голод, согреться, избежать боли, найти секс и т.д. Мы этого хотим, потому что наши инстинкты велят этого хотеть.

Шаблоны — это что приобретено в процессе жизни. Живя в определенной среде некоторое критическое время, мы пропитываемся ее установками. Мир помимо воли на подсознание записывает нам, чего нужно желать, а чего не нужно, и мы следуем этому.

Пример шаблонных желаний: стремление соответствовать норме во внешнем виде, сексе, успехе. Мы считаем показателем успеха то, что система определила таковым. Вчера она предписывала хотеть корову, сегодня новый смартфон, завтра еще что-то предпишет, и человек всякий раз будет подчиняться, мечтая то, о чем ему предписано мечтать.

Принципы — это желания, выведенные из осознания реальности, из понимания, что есть мир. Из этого человек выводит цель и стремится к ней. Ради движения к ней он способен преодолеть неосмысленные желания. Например, человек считает, что мир создан Богом, и если он будет выполнять волю Бога, то после смерти попадет в рай. Или что Бога нет и мир устроен несправедливо, и нужно его переделать. И так же будет стремиться к этой цели. Ради достижения осмысленной цели человек способен преодолеть желания, порожденные инстинктам и шаблонам.

Принцип становится шаблоном, когда, например, человек перестал верить в Бога, но продолжает соблюдать его заповеди, подавляя в себе инстинкт. Он уже не знает, зачем это делает, но делает. Ярче всего это заметно в интимной сфере. Когда человек верил в Бога, было понятно, зачем он соблюдает его заповеди. Но когда перестал верить и продолжает придерживаться заповедей — это в самом чистом виде самый натуральный шаблон.

Некоторые шаблоны внешне выглядят принципами. Распространенный пример: человек верит в то, во что принято верить, не понимая, во что же он верит. Вся его вера сводится к тому, что если он будет соблюдать предписанные религией традиции и обряды, то непременно попадет в рай. Точно так же современный обыватель верит, что если он купит последний айфон, то будет в глазах окружающих выглядеть успешным человеком.

С чего они так решили — они не знают. Они живут по предписанной программе: одни верят религиозной информации, другие рекламной. Люди на шаблоне — на 100% боты, обреченные тратить самое дорогое, свою жизнь, время и силы на обряды и айфоны.

К какому типу желаний относится, например, родительская любовь или сексуальное возбуждение от своего или противоположного пола? Кажется, что это инстинкт. Но нет. Проведем мысленный эксперимент. Представим изолированного щенка, который никогда не видел собак. Когда он достигнет полового созревания, запустим к нему течную суку. У щенка сразу активируется сексуальная программа. Этот эксперимент показывает, что да, сексуальное поведение щенка не привнесенное извне. Это его внутренняя программа.

Теперь вместо щенка представим младенца, изолированного от человеческого общества до полового созревания. Если к нему войдет обнаженный человек: женщина или мужчина, у него на них будет какая угодно реакция, но только не сексуальная.

Это не мои предположения, а факты: дети, выросшие вне социума, сексуально не реагируют на людей. Интимные запросы они удовлетворяют по случаю, беря образцы интимного поведения из окружающей среды. Из этого следует, что ориентация человека на женщину или мужчину на 100% продукт внешней среды.

Два тысячелетия моралисты религиозного и гуманистического толка уверяют нас, что влечение человека к противоположному полу — врожденный инстинкт. Но факты говорят, что это верно относительно всех живых существ, кроме людей.

Сексуальное поведение собаки, коровы, обезьяны не зависит от внешней среды, его определяют инстинкты. И только у человека это не врожденное, а приобретенное поведение.

Поставь пустую бутылку под струю вина, в ней будет вино; под масло — будет масло, под воду — вода. Аналогично и человек, в какую среду его поместить, тем он и будет. Вырасти любой из нас в другой среде, и имел бы он желания, которые сейчас ему кажутся немыслимыми. Но на самом деле немыслимое — это думать, что твоя сексуальная ориентация следует из инстинкта, а отклонение от нее является уродством.

Из этого следует, что все разговоры про вечные и незыблемые ценности — лишь технологии организации социума. Эту лубочную картину нам внушают уже две тысячи лет морализаторы, но она не соответствует действительности. Реальность совсем другая.

Всяким человеком движет желание. Само по себе желание самодостаточно. Оно не нуждается в логическом осмыслении и рациональном основании. Любые объяснения или оправдания желания лишь фантик, в который завернута конфета. Единственное реальное основание ваших действий — ХОЧУ. Честным быть хочу или сытым — это уже детали.

Если жизнь может обосновать желание с позиции здравого смысла и логики, она его обоснует. Если не может, реализует в нарушение логики. Большое заблуждение думать, что разумная жизнь стремится к истине. Разум не может ставить цель. Он по природе исполнитель. Его предназначение — искать способ достигнуть поставленных ему целей.

Если я ищу смысл жизни, ищу цель, которую могу назвать тем, ради чего родился, это не значит, что я к этому пришел разумом. Это значит, что у меня есть такое желание. Я *хочу*. Разум привлекается для реализации моего «хочу». Было бы у меня иное желание, разум думал бы не над тем, над чем сейчас думает, а над чем-то другим.

Простой умозрительный эксперимент доказывает, что разум не формирует желаний, а значит, не может ставить целей. Он лишь ищет способ достигнуть того, чего вы хотите. Из вашего хотения возникает цель, а не из разума. Разум может принести информацию, из которой может возникнуть желание и далее цель. Но может и не возникнуть. Качество информации в этом деле не играет абсолютно никакого значения.

Если вам доказали, что надо вешаться, и, допустим, возразить абсолютно нечего, все сходится, вы не сделаете этого, потому что *хотите* жить. Разум кинется удовлетворять ваше хотение. И не важно, найдет он нужные аргументы против приведенных вам доказательств или нет. Важно, что вешаться вы точно не будете. Потому что ваш ориентир — не абстрактная истина, а конкретное личное благо — *хочу*.

Единственно подлинная для человека истина — его благо. Аргументы, оторванные от блага, для человека ложь. Степень их очевидности, общепринятости, логичности сама по себе имеет нулевое значение. Решающее значение имеют не аргументы, а ваше благо. Если аргументы грозятся нарушить его, вы найдете тысячу причин отвернуться от них. Если не найдется ни одной причины, значит, отвернетесь от аргументов без причин.

Желание не может появиться из ничего. У него есть причина: инстинкт, шаблон и знание. Причина предопределяет качество желаний. Будь у нас другие инстинкты, шаблоны или знания, были бы другие желания. Мы стремились бы их насытить с той же страстью, с какой сейчас ищем удовлетворения своих сегодняшних желаний.

Все мы согласимся с мыслью Делеза, что ситуацию могут оценивать только те, кто внутри нее. Кто снаружи, тот оценит ее со своей колокольни, по внешним параметрам, через призму своих шаблонов. Все признают, что понятие истины в сексе индивидуально, как в музыке или гастрономии. Все умом согласятся, что каждый имеет право следовать своим вкусам. Одним нравятся жареные насекомые, а от мысли есть корову их вытошнит. Другим наоборот, нравится говядина, а от мысли тащить в рот насекомых им дурно.

Если взглянуть инженерным взглядом, например, на скотоложество или что-то из серии «предельный разврат», придется признать, что в сожительстве человека с козой или козлом нет ничего плохого и хорошего. Сожительство людей друг с другом, какие бы формы оно не принимало, если никому не причиняется физического, имиджевого и

материального ущерба, несогласованной боли и любого другого вреда и неприятностей, не может быть оценено как противоестественное, потому что противоестественных вкусов не бывает. Нет всеобщего эталона, каждый сам себе эталон.

До появления христианства люди руководствовались формулой Протагора «Человек — мера всех вещей». Никакой вкус никакого человека ни в музыке, ни в сексе, ни в пище, ни еще в чем-либо, не мог быть заявлен примером для подражания. Каждый человек был отдельной Вселенной, ориентированной на свои вкусы.

С приходом христианства начинается стандартизация вкусов. Церковь заявляет себя представительницей Бога на земле. Она устанавливает внешний центр — Бог. Его воля заявляется абсолютным эталоном. Каждый человек теперь должен ориентироваться не на свои вкусы (это грех) а на волю Бога, изрекаемую Церковью.

Мир перевернулся. До диктатуры Церкви сфера вкусов была децентрализованной. С установлением диктатуры вкусы, в первую очередь интимные, централизуются. Для всех людей объявляются эталоны: от чего можно получать удовольствие, от чего нельзя.

Два тысячелетия явного и скрытого диктата церковных ценностей в человечество вбили идею всеобщего эталона. Людям с молодых ногтей внушали, что приличным людям должно нравиться то, что предписано. Все остальное — разврат, т.е. отклонение от эталона.

За две тысячи лет эту информацию вбили не в голову, а в гены. Это касается всех людей, и умных, и остальных. От простых людей информация, не соответствующая той что в генах, отскакивает как горох от стенки. На все незнакомое у них стоит блок. В их голове нет полочки для информации, противоречащей той, что лежит в генах.

Но и от умных людей несоответствующая шаблонам информация тоже отскакивает. Умные люди могут сколько угодно понимать истину сказанного, но сердцу не прикажешь. Как бы ни был человек умен, но если здравый смысл зовет его налево, а шаблоны направо, он пойдет направо. Абсолютно это правило действует в интимной сфере.

Человек находится в максимальной зоне комфорта, когда все вокруг соответствует его желаниями — инстинктивным, шаблонным и сознательным. По мере убывания этого соответствия увеличивается ощущение дискомфорта. У всякого человека есть граница терпимого дискомфорта, за которой начинается нетерпимое состояние.

Как бы вам логично и правильно не объяснили про право каждого следовать своему вкусу, а не чужому, если эти вкусы за границей вами приемлемого, у вас возникнет дискомфорт, преодолеть который невозможно силой логики, фактами и аргументами.

Скажу про себя. Я все отлично понимаю, но дискомфорт определяет не степень понимания, а мои шаблоны. И если там записана негативная реакция на некоторые вещи, ее невозможно снять через осознание, что они не несут никому вреда, а людям радостно.

Например, я не могу найти минусов в некрофилии (использовании человеческих трупов в сексуальных целях). Но мне будет некомфортно в обществе, практикующем с этой целью походы на кладбища и в морги. И так как всякая жизнь стремится к благу, а бегство от дискомфорта есть разновидность этого стремления, я не смог бы находиться в такой компании. А если бы моему ребенку стали прививать любовь к чему-то подобному, я был бы так же резко против, как меланезийский папуас был бы против, если его ребенку стали прививать идею, что потребление «мужских соков» из пениса не есть хорошо.

И как папуаса не переубедили бы аргументы, что употреблять мальчикам сперму неприлично, так меня не переубедила бы логика, что в некрофилии нет ничего опасного и вредного, если соблюсти все меры предосторожности. Как в папуасе победит шаблон, что сосать пенис надо, так во мне победит шаблон, что секс с мертвым телом недопустим.

Для других непреодолимым будет признание легитимности зоофилии или секса 20-летних детей и 40-летних родителей, исключаящего зачатие. Отрицающий подобные практики человек не может объяснить, чем это плохо, в чем проблема, потому что тут не может быть никакого объяснения. Это программа. О ней не рассуждают. Ее выполняют.

На что человек запрограммирован, то и будет выполнять. Здесь сталкиваются две сущности человека: рациональная и эмоциональная. С одной стороны, все согласится с Губерманом, что: «Любым любовным совмещениям/ Даны и дух, и содержание/ А к сексуальным извращениям/ Я отношу лишь воздержание».

С другой стороны, перенести на практику выводы своего ума невозможно. Как бы ясно вы ни понимали, чувства вне контроля. Сердцу не прикажешь. Каждый осуждает только те пристрастия, которые ему не нравятся. Тем оригинальностям, какие ему нравятся, он ищет оправдания, и не бывает случая, чтобы не нашел. Как торговые люди, не важно, чем они торгуют, пусть их товар на 100% будет вредным для людей, но если его продажа приносит им пользу, они будут его продавать. Далеко ходить за примерами не надо — табачные компании даже не пытаются позиционировать свою продукцию хоть в чем-то полезной, потому что пользы в ней нет, есть только вред. Ну и что с того... Они ее продают через активацию других мотивов — различные образы крутости в рекламе.

Каждый хочет жить сообразно своему вкусу. Чем больше система понуждает людей жить усредненными нормами, тем больше они оценивают ее тоталитарной. Возможно, это одна из причин, почему система не отпускает людей на свободу, как это было в античные времена. Постоянно работающему человеку не до вкусов. У него сил остается только на самое незамысловатое насыщение, и потом спать. Вся жизнь по шаблону. А вот если бы у него было много свободного времени, и он бы привык к нему, как древние граждане или современные аристократы, он бы начал обращаться внутрь себя. И велика вероятность, что нашел бы там то, что не соответствует заявленному эталону. Одно дело, когда люди всю жизнь ходят на работу и обратно, у них нет лишних желаний. Другое дело, если бы появилась свобода, и вместе с ней желания, заклеянные как неприличные.

Чтобы прочувствовать лично, каково бы было жить людям, представьте какую-то недопустимую для вас сексуальную практику. Еще представьте, что вы живете в мире, где эта практика считается единственно нормальной. А ко всем остальным, от мастурбации до традиционного секса, отношение такое же, как сегодня к педофилии. И вот как бы вы себя чувствовали в таком обществе? Занимались бы «приличным» сексом (который сейчас в статусе «ужасный разврат»)? Или скрывались бы по углам в поисках удовлетворения?

Если честно, я не знаю, как занять твердую позицию. С одной стороны, строителями нового всегда являются носители свойств, неприемлемых для старого. С другой стороны, а как быть с дискомфортом, возникающим от слишком экстравагантного нового?

Я ничего не буду тут советовать, ибо чем крупнее предстоит решение, тем больше человек должен ощущать за него личную ответственность. В самых крупных вещах у него не должно быть шанса сослаться на кого-то, кроме себя. Потому что, если я посоветую что-то, и это будет для вас удачным, вы припишете это себе — своей воле, уму. Если же не будет того, что вы ожидали, всю вину свалите на меня, что я вам всю жизнь испортил. Потому не спрашивайте меня, бросать вам старую жизнь, жену или мужа, работу или бизнес и все такое. Делайте так, как считаете нужным. А я буду делать так, как я считаю нужным. Соединятся вместе только те, у кого понимание, как нужно, совпадет.

Тулуп

Сексуальное удовольствие можно сравнить с теплом в доме. Не важно, чем топится ваш дом, сушеным навозом или бриллиантами (эти камни при определенной температуре горят, сказывается угольное прошлое). Важно, чтобы тепло в доме было.

Теперь представьте общество, где считается, что использовать энергию сушеного навоза унизительно. Такой способ добычи тепла неприличный, он умалет достоинство человека. Общество считает, что нормальные, порядочные люди должны получать тепло только от энергии угля. Также представьте, что во всех домах того общества установлены разные системы отопления. Для одних лучше подходит уголь, для других навоз.

У кого система на угле, тем повезло. У них и дома тепло, и общественному мнению соответствуют. У кого иные отопительные системы, те перед выбором: или плюнуть на общественное мнение, топить свой дом навозом и иметь тепло. Или второй вариант: топить углем, жить в холодном доме, зато быть порядочным человеком в глазах общества.

Есть третий нелегальный вариант: днем напоказ завозить уголь, а ночью сушеный навоз. И по-тихому топить им свой дом. Цена тепла — постоянный страх, вдруг откроется двойная жизнь и подлинный источник тепла. И прощай статус порядочного человека...

Чтобы в образах визуализировать царящую в нашем мире ситуацию в сфере секса, представьте холодную страну, где все жители испокон веков носили тулупы. Это было естественно и рационально. Ни у кого не возникало вопросов, зачем носить тулупы, настолько очевидным был ответ: потому что холодно. Без тулупа было не выжить.

За долгие века на рациональную сторону наслоилась эмоциональная. Неизвестно, как и откуда появилось мнение, что тулуп не только от холода защищает, но и особый смысл имеет — демонстрирует связь поколений, уважение к памяти предков. Постепенно мнение перешло в статус святой истины. Общество уверилось, что в его ношении такое же проявление человеческой природы, как в хождении на двух ногах.

Но вот климат изменился. Холод сменило тепло. Люди продолжали носить тулупы, но уже не с рациональных соображений, а с моральных, т.е. по привычке. На вопрос, зачем в летнее время носить зимнюю одежду, благочестивые люди, утирая капельки пота с лица, отвечали: у нас так принято. Словоохотливые граждане пускались рассуждать, что если так наши предки делали, то и нам негоже от их пути отступать. Если кто указывал им на то, что предки носили его зимой, защищаясь от холода, а сейчас холода нет, они отвечали, что ношение тулупа — это святое. К святому здравый смысл неприменим. И всем своим видом показывали святую веру в эту тулупную истину.

Жара росла. Чем выше лез столбик термометра, тем ниже падала весомость старых аргументов про святую истину, обычаи предков и связь времен. Особенно в глазах людей, родившихся в эпоху тепла и знающего о холодных временах только понаслышке.

Под давлением общественного мнения молодежь продолжала носить тулупы. Но уже модно — нараспашку. Потом просто на плечи набрасывали. Некоторые дошли до немыслимого — тулуп не одевали, а через руку перекидывали и так несли, демонстрируя атрибут порядочного человека. Но старики, чьи тулупы были застегнуты на все пуговицы, ворчали, видя в этом падение нравов. Наставляя на истинный путь молодое поколение, они говорили: «Вот то-то, все вы гордецы! Спросили бы, как делали отцы? Учились бы, на старших глядя: Мы, например, или покойник дядя» (Грибоедов «Горе от ума»).

Сетовали на тулупное упадничество и добропорядочные люди среднего и старшего возраста. Хотя многие сами допускали отклонения — не на все пуговицы застегивали свою святыню. Но в целом обращались с традицией как положено — носили ее на себе.

Температура продолжала расти. И вот первый смельчак вышел на улицу без тулупа — в одежде, соответствующей температуре, а не традициям. Для всех это был шок. Совсем стыд потеряли! — громко сокрушались потные традиционалисты.

У новатора быстро нашлись последователи. Все больше людей предпочитали носить одежду не по традиции, а по сезону. На призывы традиционалистов одеться прилично, юноши и девушки вежливо (или не очень, в зависимости от агрессивности моралиста) интересовались, зачем в теплую погоду носить тулуп? Им отвечали в стиле: так надо!

Как это ни удивительно, но подобная аргументация на некоторую часть общества, в том числе и на молодую, работала. Слыша призывы жить установками прошлых эпох, они видели в них сакральный характер и говорили сами себе: «А может правда, так надо?».

«И тут Васисуалий вдруг замолчал. “А может быть, так надо, — подумал он, дергаясь от ударов и разглядывая темные, панцирные ногти на ноге Никиты. — Может, именно в этом искупление, очищение, великая жертва...” (Ильф и Петров, «Двенадцать стульев»). Но большинству такая аргументация не казалась убедительной.

Социум с нарастающей скоростью избавлялся от тулупа, вчера помогавшего жить, а сегодня мешавшему. Традиционалисты сокрушались из-за царящего вокруг немислимого бестулупного бесстыдства, патетически вопрошая: куда мир катится, видя во всем этом безобразии признаки приближающегося конца света. И это была правда — их мир умирал.

Когда люди видят опасность, не важно, реальная она или мнимая, важно, что они в ее реальность верят, понятно, почему они совершают действия, защищающие их от этой опасности. Понятно, почему люди в холодном климате носят тулуп, а христиане заповеди Бога выполняют. Одни от холода защищаются, а другие от греха. Но когда опасность исчезла, холода нет, и в Бога люди перестали верить, зачем они продолжают носить тулуп или ориентироваться на требования Бога, в существование которого не верят?

От кого или чего люди теперь защищаются? Кому приносят в жертву свое благо? Ни один не может объяснить смысла этого отказа (общие слова не в счет). Люди как под гипнозом. Они панически боятся нарушить каноны прошлого, но чего именно боятся — не могут сформулировать. Им попросту нравится привычно жить — по шаблону.

Люди вообще редко идут в наступление. Большинство в роли листика, несомого полноводной рекой. Как у листика не может быть мысли противиться ее течению, так и у большинства людей. Но есть единицы, способные вести себя как наступающий, а не ведомый событиями субъект. И одним из оружий в этой наступлении является секс. Если мы его раскатаем, он высвободит такие же мощные энергии, какие были в античном мире.

«Когда общество считает, что жизнь не имеет смысла, мы должны смотреть на всё глазами Эроса. Со временем только Эросу предстоит восстановить равновесие между жизнью и смертью в споре, в котором сейчас побеждает смерть» (Андре Бретон).

ПЯТАЯ ЧАСТЬ АТАВИЗМЫ

Семья

Рассмотрим классические, нормальные и традиционные модели семьи, почитаемые за таковые у разных народов, культур и цивилизаций. Они делятся на три типа: полигамия, моногамия и полиандрия. Все эти модели возникли в период культа физической силы, определенных религиозных, экономических и политических условий.

Женщину в этот период как бы сдавливали с двух сторон. С одной стороны, одна она не могла выжить (или это был бы для нее каторжный труд с минимальным итогом). С другой стороны, на нее давило общество, побуждая выйти замуж и рожать детей.

Жизнь ставила ее перед выбором, или быть под властью мужа в роли домашнего животного без всяких прав, или быть животным на каторжных работах. Выбирая между плохой и очень плохой жизнью, выбирала первый вариант и становилась существом второго сорта, ближе к животному. Чтобы понимать, насколько ближе, достаточно сказать, что ее можно было съесть в голодные времена или иной экстремальной ситуации.

Самой распространенной на планете моделью была полигамия. Изобразу ее формулой «М+ЖЖЖЖ...», один мужчина + несколько женщин. У популярности этой модели есть ряд фундаментальных причин. Во-первых, женщин, готовых в жены, намного больше, чем мужчин, готовых в мужа.

Каждый год школа выдает армию девушек, где каждая — готовая невеста. Но она не выдает каждый год такого же количества женихов. Должны пройти годы, прежде чем закончившие школу мальчики обретут качества, позволяющие исполнять роль мужа не только в постели, но и во всех других сферах. Процент невест и женихов несопоставим.

На протяжении тысячелетий в любом обществе мужчин в статусе «успешный» было в тысячи меньше, чем женщин в статусе «красивая». По мере развития успешных мужчин становилось больше, диспропорция уменьшалась, но она никогда не исчезала. Успешных мужчин в любом обществе всегда в десятки и сотни раз меньше, чем красивых женщин.

Во-вторых, мужчина сексуально активнее женщины примерно настолько же, насколько бык активнее коровы. Корни разной активности в продолжении рода. Если быку для этой цели надо все стадо покрыть, то корове достаточно одного контакта.

Если у мужчины одна женщина, неизбежен конфликт интересов. Ему всегда мало, ей всегда много. Исключения есть всегда, но если говорить о средних показателях, то у жен преимущественно «голова болит» в качестве ответной реакции на активность мужа. При множестве жен мужская активность компенсируется количеством женщин.

Еще одна причина популярности полигамного формата кроется в экономической и бытовой сфере. Чем больше людей живут вместе, тем эффективнее хозяйство. Домашние и текущие дела ложатся не на одну женщину, а распределяются по всему коллективу.

Полигамная форма семьи является порождением природы человека и социума. До христианства мир не знал моногамной семьи современного формата, ограничивающей число половых партнеров по религиозным соображениям.

Исторически так сложилось, что религиозное основание полигамной модели семьи дал пророк Мухаммед. Он сказал, что официальных жен должно быть не более четырех (сам пророк имел девять жен). Количество наложниц (совр. любовниц) и рабынь (совр. Содержанок и проституток) по исламу ограничено лишь возможностями мужчины. *«Блаженны верующие, которые не имеют сношений ни с кем, кроме как со своими женами или невольницами, за что они непорицаемы. А те, кто возжелает сверх того, преступают через дозволенное».* (Коран, Сура 4 Верующие, 23,5-7).

В сети есть толкования Корана, переворачивающие фразы Мухаммеда, будто-бы он выступал в пользу моногамной семьи, но разрешил диким арабам полигамию как уступку их закоренелым привычкам, и сейчас это становится пережитком прошлого. Ориентир тут не слова и образ жизни Пророка, а на привычки, порожденные христианством.

Исходят такие толкования от людей, живущих в культурном пространстве, где доминируют христианские установки (переименованные на сегодня в общечеловеческие). Настоящие, не европеизированные мусульмане считают за идеал семью пророка. Для них полигамная модель есть самая правильная, нормальная, традиционная и классическая семья. Настоящая мусульманка стремится к семье, как у пророка — к полигамной.

Запад задает направление во многих ключевых сферах. Пока он был христианским, его влиянию подверглись почти все страны. Это отразилось на представлении о том, какая должна быть семья, какой секс. Полигамная форма семьи сохранилась только в странах, устоявших против культурного давления Запада. Во всех других, в том числе где народ до сих пор позиционирует себя исламским, само собой разумеющимся считается, что более правильно иметь семью не как пророк завещал, а как Запад указал.

Множество жен указывает на силу и надежность мужчины — если он старых жен не бросает, значит, и новых не бросит. Наличие любовниц и содержанок дополнительно к женам говорит о физическом здоровье мужчины и его материальных возможностях.

Богословы говорят, что запрещенным считается то, что запрещено однозначно и ясно. Если в Коране и можно найти фразы с потенциалом перетрактовать их в пользу моногамии, они туманны и двусмысленны. Коран, Мухаммед, его сподвижники и их достоверные хадисы в один голос ясно и однозначно говорят в пользу полигамной семьи.

На втором месте по популярности идет моногамная модель семьи. Так называют союз одного мужчины и одной женщины. Запишу ее формулой «М + Ж», где «М» — мужчина-муж; «Ж» — женщина-жена. Следует различать древнюю полигамную модель, христианскую и современную, которая сегодня дрейфует в сторону древней.

Корни моногамной модели в древнеримской империи. Там по закону мужчина мог официально иметь только одну жену, а жена одного мужа. Понятия «муж» и «жена» были в большей степени юридическими, направленными на упорядочивание прав, чтобы свести к минимуму споры о наследстве и имуществе, правах и обязанностях.

В IV веке христианство становится государственной религией Римской империи. Христианизация населения становится государственным делом. Церковь заявляет, что

единственно правильная семья — это союз двух лиц разного пола, ведущие совместное хозяйство и имеющих в качестве сексуальных партнеров только друг друга. Допустимым сексом, по мнению Церкви, является только репродуктивный, т.е. с потенциалом зачатия. Варианты, исключая зачатие, совершаемые ради удовольствия, считаются развратом.

Если супруги допускают интимных партнеров на стороне (не важно, по согласию или втайне), или они одного пола, такая форма семьи объявлялась богопротивной. Все ее члены повинны в тяжком религиозном преступлении — в смертном грехе. За него полагалось наказание в этой жизни — от властей, и вечные муки за гробом — от Бога.

До диктата Церкви брак считался законным, если отцы семейств жениха и невесты признавали их союз при множестве свидетелей. В этом и состоит смысл гостей. Чем их больше, тем больше свидетелей акта создания семьи. Письменные источники тех времен рассказывают, что античных молодоженов украшали цветами, а их головы венцами.

С установлением христианства этот обычай Церковь переделывает под себя. Она убрала языческие элементы, добавила церковные, и назвала этот обряд венчанием. Если у древних этот обряд имел статус гражданского акта и семейного торжества, то Церковь определяет его статус религиозным и мистическим — таинством. Это означало, что во время обряда венчания непосредственно от Бога исходит нематериальная божественная благодать. Как во время другого таинства, крещения, считается, что на человека Святой Дух снисходит, и он в этот момент становится крещеным — христианином, так во время венчания на людей снисходит благодать, и их союз закрепляется на небесах. Нет способа убедиться в наличии этой благодати и ее благотворном влиянии на человека. Остается только верить, что эта благодать снисходит через проводимый священником обряд.

Оставим красивые слова и усмотрим самую суть... Зададим вопрос, откуда пришла информация, что Богу угодно, чтобы над вступающими в брак христианами священник проводил венчание. Церковь говорит, что от Бога, но не говорит, как именно она получила эту информацию. В лучшем случае говорит, что святым в горячей молитве Бог открыл эти обряды и их полезность. Детально на эту тему говорить не принято. Предположу причину такой скромности: священство выдает свое сочинительство за информацию от Бога.

Ради объективности скажу, что до установления церковной диктатуры заключение брачного союза считалось сугубо гражданским актом, не отличающимся от продажи дома. Делались соответствующие записи, и государство считало сделку законной. Далее люди отмечали это события (не важно, новоселье или свадьбу) трапезой и весельем.

В этот период Церковь еще не говорила, что сожителство без венчания считается незаконным и богопротивным; что живущие в таком союзе люди совершают смертный грех; что законным брак становится только после обряда венчания. В IX веке патриарх Фотий в «Эпинагоге», кодексе византийского права, определяет три вида заключения брака: благословение, венчание и договор. Венчание не было обязательным для христиан, Церковь еще не придумала называть его таинством, посредством которого на людей снисходит божественная благодать и благословение от Бога. На венчание смотрели не как на обязательное действие, а как на способ придать обряду торжественности. Через него привлекали Церковь на свадьбу, как сейчас привлекают свадебных генералов. Позволить себе такого гостя на свадьбе могли только императоры и самые высшие чиновники империи. Народ попроще обходился праздничным застольем с песнями и плясками.

В XI веке византийский император Лев VI критикует практику смотреть на такие вещи как рождение, усыновление, брак, смерть и прочее как на чисто юридические акты и гражданские процедуры. Он говорит, что они должны наполниться религиозным содержанием. С этого момента брак, не получивший благословения Церкви посредством церковной церемонии, будет считаться не законным браком, а незаконным конкубинатом (так в римской империи называли сожителство без всякой регистрации).

С этого момента гражданской процедуры и праздничного застолья недостаточно для признания брака законным. Церковь в этот период выходит на оперативный простор. Она заявляет, что брак без венчания есть блуд — богопротивное сожителство. Единственный

вариант, чтобы в глазах Бога все было законно, над брачующимися нужно совершить таинство по имени венчание. Церковь не могла сказать, что этот обряд она придумала сама (нельзя свои выдумки называть таинством). Рождается версия, что Бог по своей великой милости открыл ей эту новость, и она теперь донесла ее до всех добрых людей.

Обвенчать можно только крещеных. Так как законный брак давал брачующимся права и обязанности друг перед другом, а детям право на звание и наследство, люди принимали христианство. Так государственная религия охватывала все слои населения.

С распространением нового правила богоугодной семьей считался только союз двух разнополых христиан — мужчины и женщины. Союз христианина и не христианки послую Церкви есть богопротивный блуд. Чтобы избежать его, христианин должен свою женщину или обратить в христианство и повенчаться, или оставить ее. Примечательно, что мнение апостола Павла на этот счет ровно наоборот: *«если какой брат имеет жену неверующую, и она согласна жить с ним, то он не должен оставлять ее...»* (1Кор.7,12).

До IV века христиане не знали запрета полигамной модели. Кумранские рукописи упоминают об иудейских сектах, культивировавших такой запрет, но это исключение. Правилom был ориентир на полигамную семью, в том числе и у христиан. Как пишет св. Августин: *«Сейчас, в наше время и согласуясь с римским обычаем, не допускается более брать себе вторую жену»*. Вчера было можно больше одной жены, а сегодня нельзя.

Моногамия церковного формата, регламентировавшая число партнеров, виды секса и способ заключения брака — на 100% искусственная модель. Она выдумана Церковью и социальными инженерами римской империи для христианизации населения.

Можно предположить, зачем Церковь разрешила супругам только репродуктивный секс — это способствовало росту подданных. Но зачем она ограничила число сексуальных партнеров — остается загадкой. Ее ссылка на фразу не выдерживает критики.

Чтобы скрыть искусственный характер церковной семьи, ее представляют данной Богом. В качестве обоснования указывается фраза из Библии *«...оставит человек отца своего и мать свою и прилепится к жене своей, и будут одна плоть»* (Быт. 2, 23-24).

Но вот беда, Бог ни слова не говорит, что многоженство — это плохо. Напротив, он говорит не только о допустимости, но и о необходимости полигамии в некоторых случаях. Например, в Библии написано: *«Если братья живут вместе и один из них умрет, не имея у себя сына, то жена умершего не должна выходить на сторону за человека чужого, но деверь ее должен войти к ней и взять ее себе в жену, и жить с нею»*. (Втор.25,5).

Бог прямо велел мужчине брать жену умершего брата себе в жены (левират). Если у мужчины было десять братьев, и все они погибли (например, на войне) оставив десять вдов, его долгом перед Богом было взять их себе в жены. Бог предписывал даже рабыню не оставлять без *«супружеского сожития...»*. (Исх.21,10).

Если Бог прямым текстом говорит о такой обязанности мужчины, из этого следует, что фразу про слияние мужской и женской плоти в одну нельзя понимать запретом на многоженство. За полторы тысячелетия до христианства иудеи эти слова понимали так, что два организма, мужской и женский, вступившие в связь с целью зачатия, становятся в этот момент единым организмом — одной плотью. Но из этого не следовал запрет брать в жены больше одной жены. Это на 100% выдумка Церкви и властей римской империи.

Допустим, что Церковь права, утверждая, что моногамная модель семьи богоугодна, а полигамная богопротивна. Допустим, секс вне супружеского ложа ведет к вечным адским мукам. Допустим, Бог действительно запрещает полигамию. Но, как тогда понять его прямое указание умножать своих жен за счет вдов, или не оставлять без сожителства находящихся в его власти женщин? Как смотреть на подарки от Бога, множество женщин, которыми он награждал своих любимых пророков. Например, Давид имел гарем из восемнадцати жен и наложниц. У его сына Соломона *«было у него семьсот жен и триста наложниц»*. (3Цар.11,3). Все это они получили именно в дар от Бога.

Поверим Церкви, что секс со многими женщинами есть смертный грех, за который полагается ад. Получается, Бог награждая пророков и святых женами и наложницами, подобен родителю, награждающему своих любимых детей за хорошую учебу и отличное поведение тяжелыми наркотиками. За потребление обычных наркотиков люди платят ломкой — временным мучением. За потребление полученных от Бога подарков, которое по слову Церкви есть смертный грех, пророки должны платить вечными муками.

Церковная версия про богопротивность полигамии была притянута за уши. Этот факт признавал, например, Василий Великий, христианский святой в статусе «отец Церкви». Он пишет, что отрицание полигамии пришло не от Бога, и церковное учение против многоженства «принимается как наша обычная практика, не от *канонов*».

Но большинство христианских богословов говорят, что Бог против многоженства, но *терпел* это беззаконие по великому милосердию своему, идя навстречу испорченности иудеев. Говорят, что иудеи неверно понимали слова Библии, и потому не увидели, что богоугодной семьей является только М+Ж. А что почти у всех пророков божьих было больше одной жены — это не в счет. Почему не в счет — этот момент не комментируется.

Согласно официальной позиции Церкви, правильно поняли Библию только христиане. Получилось у них это с помощью церковной благодати и иных достойных удивления сущностей. Теперь они знают, что Бог против полигамии и за моногамию.

В 393 году император римской империи Феодосий выпустил указ, запрещающий многоженство. Иудеи продолжали стоять на том, что прямые указания Бога выше мнения Церкви и властей с их императорскими указами и делали так, как предписывал Бог. А он, как мы помним, в некоторых случаях не позволял, а обязывал иметь больше одной жены.

Еще один аргумент Церкви против многоженства и в пользу церковной модели семьи — евангельские цитаты, что «*Диакон должен быть муж одной жены*» (1Тим. 3, 12) и епископ тоже «*муж одной жены*» (Тит. 1, 6). Но, во-первых, речь тут идет только о священнослужителях. Во-вторых, из контекста следует, что апостол предписывает выбирать диакона и епископа из одноженцев не потому, что они лучше многоженцев, а потому что у них хлопот меньше, и они больше времени посвятят общине.

Когда слова Бога совпадают с мнением Церкви, она настаивает, что если Бог прямо сказал про что-то, что оно хорошо или плохо, значит, так и есть, это абсолютная истина. Например, если про скотоложество сказано, что это плохо, значит, это неоспоримый факт. Если же слова Бога не совпадают с ее изобретениями, как бы прямо Бог не высказал свою волю, Церковь скажет, что это или иносказание, или устарело, так как Христос принес новые правила. Аргументация Церкви в пользу моногамии и против полигамии высосана из пальца. Похоже, священство это прекрасно понимает потому избегает комментариев по поводу описанных странностей. Церковная модель семьи, сегодня почитаемая за единственно верную, на самом деле искусственно создана при христианизации народа.

Третья по известности традиционная и классическая модель семьи — полиандрия. Так называется союз одной женщины и нескольких мужчин (МММММ + Ж). Эта семья характерна для Тибета, Непала, Северной Индии и иных регионов с суровым климатом.

Основной стимул полиандрии — тяжелые экономические условия. Во всех регионах с такой семьей мало земли и ее обработка требует много мужской силы. Пригодный для обработки участок земли представляет из себя большúю ценность. Если есть возможность не делить его, делается все, чтобы не делить. Если в семье несколько братьев, выгоднее не брать каждому по жене, участок земли придется разделить, а взять одну жену на всех.

Помимо экономических соображений у полиандрии есть и религиозное основание. Священный текст Махабхарате описывает ситуации, где богоугодные женщины имели в качестве мужей по пять, семь и даже десять мужчин. Подражать им — угождать Богу.

В такой семье у женщины огромная власть. Если она откажет кому из мужей в ложе, он должен будет уйти из семьи или в монахи, или искать поденную работу за еду. Перед такой перспективой мужья ориентированы не сердить жену, а угождать ей изо всех сил.

Есть более экзотические модели, где несколько мужчин и женщин образуют союз. В некоторых племенах все мужчины определенной специализации (например, охотники) являются мужьями всех женщин определенной профессии (например, поварих). Нет понятия индивидуальное отцовство или жена, все жены и дети в такой семье общие.

Каждая форма семьи имеет своих почитателей. В обществе, где принята одна из указанных форм, ее называют традиционной и классической семьей для нормальных людей. А все иные варианты семей в этом обществе почитаются несерьезными, непрочными, так, баловство одно, а не семьи. А вот у нас настоящая нормальная семья.

Прочность

В период доминирования христианства церковная форма семьи была невероятно прочной моделью. Среда сдавливала мужа и жену, опоясывая их несколькими слоями, как стальные обручи деревянную бочку. Первое кольцо составляли родители, братья и сестры. Следующее было из близких и дальних родственников. Третье кольцо — друзья и знакомые. Далее государство. Последнее кольцо, намертво опоясывало эту многослойную систему, было религиозным — Церковь с ее набором требований, что можно, что нет.

При свидетелях молодожены давали клятву перед Богом жить вместе до смерти. Нарушить клятву, значит, обмануть Бога — святотатствовать. Такой обман приравнялся к тяжкому преступлению типа убийства. Перед клятвопреступником закрывались двери, от него отворачивались друзья и знакомые. Люди всегда сторонились преступников.

Имея за плечами набор весомых аргументов в виде инквизиции или отлучения, Церковь эффективно побуждала людей блюсти церковный брак. Преодолеть давление было нереально. Не мыслилась ситуация, чтобы жена ушла от мужа. Это было нереально в той же мере, в какой нереально, что вылитая из кувшина вода сохранит форму кувшина.

Равно невозможно было, чтобы муж выгнал жену. Если бы он такое исполнил, к нему сразу пришли родственники за разъяснением. И его слова, что они, например, не сошлись характерами и решили расстаться, были бы попросту не поняты и не приняты, ибо сказано: «...что Бог сочетал, того человек да не разлучает». (Мф.19,6). Ситуация развивалась бы в зависимости от обычаев. Могли убить за нанесение морального ущерба.

Чтобы понимать прочность этой модели, достаточно рассказать, что понадобилось сделать королю Англии Генриху VIII для развода с женой. Он отказался от католической веры, изобрел новую версию христианства и создал карманную церковь — англиканскую. Себя он назначил ее главной, и после этого, как глава церкви, разрешил себе развод.

В то время карманный бог еще не был изобретен, и вера многих людей выражалась не в произношении при случае фразы «я верю в Бога», а в исполнении заповедей Бога. Ради этого люди готовы были умирать. Затеянная королем операция могла принести самые непредсказуемые последствия. Была реальная опасность социального взрыва.

Истовых католиков в Англии того периода было много не только в массе, но и высших слоях. Ярчайшим примером истового стояния за веру был Томас Мор, автор «Утопии», католик и первое лицо Англии после короля. Гуманисты сделали из Мора во время информационной войны против Церкви свой символ, хотя он символ католицизма.

Когда Генрих VIII отрекся от католической веры, он создал карманную церковь и объявил себя ее главой. Все придворные и народ должны были сделать то же самое. Мор отказался. Это огромный скандал. Со всех сторон королю в такой сложной ситуации крайне невыгодна была такая позиция второго человека в государстве. Первый министр своим поведением подавал пример стояния за веру миллионам человек.

Король пытается уговорить Мора, но тот ставит веру выше личной дружбы. Тогда король через посредников пытается запугать своего министра. Мору говорят, что если он дальше будет упрямиться, его ждет лютая смерть. Но тот не пугается такой перспективы и остается на своем. Предстоящие муки он принимает в сердце своем как жертву Богу.

Все без исключения враги и друзья Мора признавали его чрезвычайную силу воли и твердость духа. Все это ему давала вера. Вспоминаются слова Христа: *«ибо истинно говорю вам: если вы будете иметь веру с горчичное зерно и скажете горе сей: «перейди отсюда туда», и она перейдет; и ничего не будет невозможного для вас...»* (Мф.17,20).

Королю ничего не остается, кроме как приговорить Мора к жуткой казни. Приговор гласил: сначала подвесить на крючок и мучить до полусмерти. Далее снять его еще живого, привести в чувства, и отрезать половые органы, сломать руки и ноги. Далее вырвать внутренности, разрубить тело и выставить для обозрения в разных частях города.

Во время зачтения приговора Мор продолжал стоять на своем. Это было невероятно. Король встал перед новой дилеммой: привести этот чудовищный приговор в исполнение или заменить его на более легкий. Страшная казнь такого человека за его убеждения явно была против короля, так как превращала Мора в христианского великомученика за веру. Из изменника он превращался в знамя, вокруг которого началось бы объединение.

Лучшим решением тут было выставить Мора изменником. И на нем явить милость короля — заменить страшную казнь легкой смертью. Возможно, помимо политической целесообразности была и личная жалость к своему бывшему другу и соратнику.

Как бы там ни было, в последний момент король заменил четвертование отрубанием головы. Новая казнь на фоне прежней реально выглядела милостью. Когда Мору сказали про королевскую милость, он сказал: *«Избави, Боже, моих друзей от милости короля!»*.

Представляете, что значил для простых смертных развод, если даже королю для развода потребовалось такие кулбиты совершать. Однажды защелкнувшийся замок не размыкался, ибо *«что Бог сочетал, того человек да не разлучает»*. (Мф. 19,6).

Ситуация, как будто через пропасть перекинута бревно, а через бревно веревка, за один конец которой держался муж, за другой жена. Если один отпускал веревку, оба летели в пропасть. Оба супруга были заинтересованы держаться за свой конец веревки. Общество, Государство и Церковь поощряли такой взгляд, и люди видели в нем истину.

При таком всестороннем давлении на супругов проще было убить вторую половину, чем развестись. Именно такая форма развода доминировала в христианском мире. Мужья убивали жен, а жены травили мужей. Общество смотрело на это с пониманием...

Церковная семья была не только прочной, но и преодолела проблему несоответствия мужской и женской сексуальности. Домострой низводил жену на уровень бесправного существа. Все венчальные формулы христианства опираются на слова: *«Жена да боится своего мужа»*. (Ефс. 5,33); *«Жены, повинуйтесь своим мужьям»*. (Ефс.5,22). Мужу в голову не приходило спрашивать жену, хочет ли она близости с ним. Равно как жене не приходило в голову противиться мужскому желанию. Да и как она могла, если система, от родственников, друзей и соседей, до Государства и Церкви, стояла на стороне мужа.

Для объективности стоит сказать, что венчальных формулах Церкви есть слова о любви, взаимоуважении и самопожертвовании: *«Мужья, любите своих жен, как и Христос возлюбил Церковь и предал Себя за нее...»*. (Ефс.5,25); *«любящий свою жену любит самого себя»*. (Ефс.5,28) *«Каждый из вас да любит свою жену»*. (Ефс.5,33). *«Муж оказывай жене должное благорасположение; подобно и жена — мужу. Жена не властна над своим телом, но муж; равно и муж не властен над своим телом, но жена. Не уклоняйтесь друг от друга, разве по согласию, на время, для упражнения в посте и молитве, а потом опять будьте вместе»* (1Кор. 7, 3-5). Но по факту на все эти слова люди смотрели примерно так же, как советские люди смотрели на слова о свободе слова, праве на мирные демонстрации и прочее слова, записанные в конституции СССР. Никто не считал их руководством к действию. Все понимали, что они имеют исключительно декоративный, но никак не практический смысл. Если кому-то в СССР пришла идея на практике реализовать то, что записано в конституции, его сажали.

Христиане понимали, что слова о любви и взаимоуважении больше для красоты. В текущей жизни на них не следовало ориентироваться, потому что такова жизнь. На деле женщина поступала в собственность мужчины, и он распоряжался ей как собственностью.

Но даже во времена диктатуры Церкви навязанные искусственные рамки постоянно прорывались естественными желаниями. Всегда была пропорция: чем статус мужчины выше, тем чаще в роли интимного партнера у него было больше одной женщины.

Если под женой понимать женщину, которую Церковь и государство признавали женой, то да, у всех мужчин на подконтрольных Церкви территориях было по одной жене. Но если под женой понимать даму, находящуюся в систематическом интимном контакте с мужчиной, то представители высшего света, короли и аристократы только формально имели одну жену. Фактически почти у каждого был гарем из фавориток и любовниц.

Признак искусственности модели — люди удерживаются в ней насильно. Стоит исчезнуть насилию, как люди разбегаются. СССР говорил, что его граждане свободны и счастливы. И чтобы никто не нарушил покой счастливых людей, страну по периметру обнесли колючей проволокой и пограничными заставами. Советским школьникам рассказывали, что пограничники охраняют самую счастливую страну в мире от врагов. На самом деле территория СССР была обнесена проволокой для того, чтобы народ не убежал от своего счастья. Если бы в СССР границы были открыты, народ стал бы разбегаться.

Сегодня власти Северной Кореи продолжают славные советские традиции. Власть там тоже говорит, что построенный ею социализм является самой лучшей моделью на планете. И чтобы враги не нарушили счастье народное, страна обнесена по периметру колючей проволокой. Как советские люди верили в это, так и северокорейские верят.

Момент истины наступит, когда надзирающая и карающая роль государства в этом вопросе исчезнет. Если и правда Северная Корея так хороша, как рассказывает правительство, никто из страны не убежит по тем же причинам, по каким звери не рвутся убежать из леса, а рыбы из моря. Каждая жизнь держится за место, где ей хорошо.

Северокорейские власти прекрасно понимают реальную ситуацию и не имеют иллюзий по поводу того, что произойдет, если они откроют границы. Так как правящей верхушки всегда нужен народ по тем же причинам, по каким барину крепостные. Власть не уберет колючую проволоку до тех пор, пока это возможно.

В какой мере устройство указанных государств не соответствуют природе человека, в такой же мере церковная модель семьи, союз одного мужчины и одной женщины не соответствует человеческой природе. Люди намертво удерживались в ней, пока намертво были связаны друг с другом цепями. Как только возникала возможность порвать эти цепи, люди расширяли свою юридически моногамную семью до полигамной по факту.

Казалось бы, с падением христианства церковная модель должна развалиться, как картонный домик. Но из-за сохранения христианской шкалы ценностей, переименованной с приходом гуманизма в общечеловеческую, этого не происходит. В постхристианском обществе (или светском, как вам удобно), религиозные аргументы Церкви касательно богоугодности моногамной семьи заменяют рациональными, где от рациональности только название, и вдалбливают в головы людей старую ложь на новый мотив.

Гуманисты всех форматов, от демократов до фашистов, утверждают, что церковная модель семьи, после апгрейда называемая светской, классической и традиционной, оптимальна не потому, что так Бог велит (Бога нет, а если есть, то карманный, он ничего никому не велит), а потому что она идеально соответствует природе человека. Дошло до того, что в некоторых странах (например, в СССР) создание нецерковной семьи было уголовным преступлением. Проблемой было сформулировать состав преступления. В чем именно виноват человек, имеющий больше одной жены? Люди все взрослые, все у них по согласию... Вину создавали через общие слова про неуважение традиций и культурных ценностей общества, а также оскорбление чувств благонадежных граждан.

Поэты, писатели, сценаристы с режиссерами и просто любители поговорить своим творчеством утверждают в массовом сознании установки, что моногамная модель семьи существовала вечно. Она была такой в прошлом и будет в будущем. Любая книга, фильм, спектакль или мультфильм, действие которого разворачивается в пещерном прошлом или на

фантастических планетах, всегда показывают неандертальца-папу или инопланетянина-папу, у которого есть одна жена, и у них дети. Для полной идиллии бабушка и дедушка.

Сценаристу и писателю в голову не придет какая-то иная форма отношений между людьми. А если бы он перенесся в прошлое и увидел, что пещерные люди жили племенем и полигамными союзами, то при сочинении своих сюжетов стал бы опираться не на то, как реальности, а на то, что в его обществе считается реальностью. Так как пропитанный христианскими/общечеловеческими установками социум считал реальностью церковную модель, он ждал от творцов сюжетов, отвечающих его ожиданиям.

Если допустить, что такой-то режиссер вдруг выпустил фильм, излагающий зрителю реальность, а не его представления о ней, люди бы не приняли такую правду. Потому что большинство моих современников являются добропорядочными ботами. Для них такая реальность выглядела бы настоящим развратом, которому не место на широком экране.

Оригиналы

Люди строят моногамную семью с намерением соблюдать церковные нормы и табу (большинство не знает, что они церковные, считая их само собой разумеющимся). Но по факту это не та моногамная модель церковного типа, которую сегодня называют светской — не союз одного мужчины и одной женщины. Это семья ближе к древнеримской модели, но с более широкими правами супругов. Древнеримские супруги не сковывали сексуальную свободу друг друга. Они могли иметь секс на стороне в рамках известных правил, о которых говорилось ранее. Современные супруги точно так же могут иметь секс на стороне, только у них ограничений нет. Нужно лишь соблюдать неписанные правила.

Альдьютер (секс вне брака) не считается, если муж и жена скрывают свои интимные связи на стороне. Супруг или супруга могут сколько угодно догадываться про похождения своей второй половины на стороне, но пока никто не пойман за руку — не вор.

Чтобы иметь представление о реальном содержимом сарая, нужно не на написанные на нем слова смотреть, а заглянуть внутрь. На сараях преимущественно написано «х@й», но лежат там дрова. Аналогично и на современных семьях написано, что они моногамные и церковного формата, но по факту они не моногамные и даже не полигамные, а совершенно иного формата... Внешне они вполне себе церковные модели формата «М + Ж». Но фактически эту семью выражает формула «М+(жжжж) + Ж+(мммм)». (большие «М» и «Ж» тут — муж и жена; маленькие «м» и «ж» — любовники и любовницы).

До недавнего времени мужчины в праве на сексе на стороне имели приоритет. Общество чуть ли не официально разрешало им это, но с условием сокрытия. Например, кодекс Наполеона говорил, что наличие у мужа любовницы не образует повода для развода. А вот если у жены была хотя бы одноразовая случайная интимная связь (даже не любовник, а мимолетный роман), это был достаточный повод мужчине оставить жену.

Такое распределение ролей было обусловлено тем, что мужчина был центральной фигурой системы — единственным кормильцем и защитником жены и детей. По закону его статус и материальный актив должно наследовать только его потомство. Наследование другими лицами было нарушением закона. Если жена беременела и рожала не от мужа, звание и активы мужа передаются не законному наследнику, а ребенку другого мужчины. Состав преступления налицо. Единственная гарантия соблюдения закона — абсолютный запрет жене на секс на стороне с мужчинами. Акцент именно на мужчин. Если у жены была лесбийская связь, муж реагировал на это, как минимум, более терпимо. Максимум, мог благосклонно относиться к этому развлечению и даже поощрять, надеясь получить для себя тоже развлечение. Совершенно табуировалась только ее связь с мужчинами.

Сегодня изменилась мировоззренческая, экономическая, политическая и культурная атмосфера. Религиозный стимул исчез, традиционные на последнем дыхании. Физическая сила перестала быть центральным элементом системы. Теперь она играет не больше значения, чем цвет глаз. Женщина может сама себя не только прокормить, но и

приобрести материальные активы больше мужа. В этой ситуации не важно, от кого она родила, от мужа или сама не знает от кого. Закон в любом случае будет соблюден — ее активы будет наследовать ее ребенок. В роли защитника женщины в развитых обществах выступает государство. Недостаток логики и жесткости ей компенсируется интуицией и готовностью к компромиссу, что все чаще эффективнее мужских способов решения задач.

Нет больше ситуации, когда женщине жизненно необходимо иметь мужа. Нет упряжи, которую удобно тащить вдвоем (слово «супруги» от слова «упряжь»). Современная среда больше не сдавливает классическую полигамную или моногамную семью, и даже не нейтральна к ней, а враждебна — она уничтожает старую семью.

Когда в обществе произошли тектонические сдвиги, а средства контрацепции вышли на новый уровень, поменялся взгляд на секс. Теперь в нем видят не больше сакрального, чем в приеме пищи. Это больше не выполнение долга перед Богом, обществом и страной в виде производства потомства. Это удовлетворение потребности тела и получение кайфа.

Это сказалось на ее мироощущении. Публично его выражает социальный статус, равный мужскому. Непублично в интимной сфере — секс-шопы изобилуют товарами для женщины, выражающих себя в новом амплуа. Например, strapon, где роли меняются. И такой гендерный переворот не наблюдается в семьях, где жена основной добытчик. Это вообще не привязано к экономической стороне жизни. Это приходят новые игры.

Правом женщины на альдьютер сегодня никого не удивишь. Сегодня она считается вполне себе приличной дамой, если имеет любовника, и даже не одного, но делает все это так, чтобы мужчина не знал. Появляются семьи, где муж и жена признают друг за другом сексуальную свободу и право делать это открыто. Такие супруги в первую очередь друзья и деловые партнеры, между которыми есть секс, и есть секс на стороне. На интимную сферу они смотрят как на стол, за которым могут сидеть вдвоем, а могут с друзьями.

Как нет ничего плохого, если жена сидит с друзьями/подругами за столом без мужа, или муж с подругами/друзьями без жены, так нет ничего плохого, если люди переносят этот принцип в спальню. Свобода от установки следовать в сексе церковным нормам позволяет насыщать голод или получать удовольствие как вдвоем, так и с друзьями, как по отдельности, так и вместе. Позволяет признать, что взрослые людьми могут совершать любое действие, если оно никому не несет вреда и всеми совершается добровольно.

Традиционная христианская и исламская модель в современных экономических и социальных условиях трансформируется в нечто новое, имеющее некоторое сходство с римской моделью семьи. Но с той разницей, что закон регламентировал римскую модель, а сегодняшней модели он не касается. Никому нет дела до вашего секса, хоть с равным, хоть ниже вас; хоть оральный или анальный, репродуктивный или гомосексуальный.

В римской модели мужу было все равно, кто делает массаж его жене. Главное, чтобы не было никакого секса с равными, и репродуктивного секса с ниже стоящими. В семье нового формата жене все равно, что муж думает о ее интимных партнерах. Не нравится — до свидания. Равно как и мужу все равно, что жена думает об его интимной свободе.

Когда общество признало за женщиной право на удовлетворение потребностей тела, эволюция в этом направлении начала переворачивать вчерашнее положение вещей ровно наоборот. Жены начали меняться ролями с мужьями. Если вчера право на альдьютер было только у мужа, то теперь появляются варианты, где это право только у жены. Вчера муж по праву сильного имел секс на стороне. Сегодня жена имеет право на секс на стороне, но не по праву сильного, а потому что муж находит эти новые эмоции привлекательными.

Он принимает правила игры, по которым жена может привести домой любовника или группу, и заняться с ними сексом даже на глазах у мужа, как было в Древней Греции, когда муж мог привести девиц и юношей для секса, и жене следовало им не мешать.

Историки говорят, что древнегреческим женам такое поведение мужей не нравилось, что они страдали и прочее. Но так как античный мужчина относительно женщины считался высшим существом, она смирялась. Что положено Юпитеру... Они рисуют

атмосферу современной семьи, и переключают ее на древний социум. Эта оценка сделана через призму церковных догм, и потому не заслуживает доверия.

Мне могут привести в подтверждение, что древние женщины действительно страдали от того, что их мужчины имели связи с другими женщинами, письменные документы, где прямо говорится про конфликты на этой почве. Но это единичные случаи, и они ниже статистической погрешности. Истина видна через анализ других вещей.

Например, чтобы составить представление о характере Христа или об обществе, где он жил, оптимально ориентироваться не на благолепные сочинения, а на косвенные факты. Есть слова учеников о Христе, говорящие, что он обжора и пьяница, друг проституток и разбойников. Даже в причесанном переводчиком виде они открывают реальность *«вот человек, который любит есть и пить вино, друг мытарям и грешникам»*. (Лк.7,34). Так же и про царившие в обществе нравы можно судить по примерам, которые Христос берет в качестве аллегории. Например, не важно, что говорит его притча о десяти девах, уединившихся с одним мужчиной на *«брачный пир»* (Мф. 25, 1-13). Сколько бы ни говорила Церковь, что информацию про несколько девушек, разделивших брачное ложе с одним мужчиной и устроивших брачный пир, нужно понимать в том смысле, что они вместе помолиться собрались, реальная картина все равно проглядывается. Каждый, кто ее видит, может составить себе мнение о свободе сексуальных нравов древнего мира.

Аналогично и при оценке античной жизни нужно опираться не на взгляд историков (не важно, христианских или современных), а на косвенные факты. Например, глядя на культ фаллоса и вагины и связанные с ним обряды и праздники (масса информации на эту тему в сети), нет оснований полагать, что античные люди смотрели на интимную сторону жизни так же, как старые и новые моралисты смотрят через церковную мораль. Есть основания считать, что в свободном обществе восстанут античные энергии.

Именно это мы наблюдаем в процессе реформации семьи. Если находятся мужчины, кому нравится, когда их женщина имеет секс с другим мужчиной, и женщины, которым нравится возникающая в процессе этого атмосфера, как нравилось предшественникам древнеримской империи, этрускам (от них остались фрески на эту тему), на почве новой (старой) технологии получения удовольствия возникает новая форма семьи.

Де-юре и внешне такие муж и жена образуют моногамную семью. Де-факто и по сути это новая форма полиандрии, где у мужа может даже не быть права на секс с женой, предполагающий зачатие. Муж в такой семье называется *cuckold*, а жена *sexwife*.

Вчера сексуальные похождения жены активировали у мужа сексуальный инстинкт и инстинкт самосохранения, и он испытывал сильнейшие ощущения. Причина активации сексуального инстинкта понятна без комментариев. А второй инстинкт, самосохранение, активировался из-за того, что действия жены создавали вред мужу. Он терял имидж и как следствие, положение в обществе. Имиджевые потери оборачивались материальными. Все это означало ослабление. Мозг оценивал эти мощные эмоции крайне отрицательно.

Сегодня муж такой жены не имеет вреда. Никому нет дела до ваших интимных дел. Но сильные ощущения от ситуации остались. Муж по инерции смотрит на это как на вред. Но так как реального вреда нет, а эмоции есть, мозг изменил оценку на противоположную.

Мужчина испытывает сексуальное возбуждение, представляя картины с участием его жены. Развитие фантазии этим курсом ведет к возникновению описанной семьи. Муж сначала поощряет жену к соответствующему поведению в форме шуток. Если жена проявит интерес, однажды теория превратится в практику. Жена будет делать то, что раньше делала тайно, потом с молчаливого согласия мужа, а теперь открыто. Как ни описывай их отношения, будет жесткое порно (включите воображение с тегом *«куколд»*).

Конечно, под этой формой отношений не лежит никакого рационального основания, как раньше под запретом на секс жены на стороне. Это исключительно психологические игры, в которые люди играют по взаимному согласию исключительно для удовольствия и ни для чего больше. Тот факт, что это по всем статьям вдоль и поперек противоречит

нормам прошлой эпохи, когда безраздельное доминирование мужа было естественным — все это только добавляет пикантности и перца, необычно возбуждая мужа.

Античные поэты воспевали женщин, открытых для интимной радости, как в высшей степени добродетельных жен. Мужья формата *cuckold* и их жены образца *sexwife* ждут своих поэтов. Для этого нужно прекратить считать церковные нормы эталоном в сексе.

Чтобы правильно, а не на шаблоне оценить это, нужно ответить на два вопроса: кому это несет вред? Получает ли от этого кто-то удовольствие? Если вреда нет никому, а все участники получают свое особое удовольствие, значит, данное действие есть добро.

Я стою на позиции, что людям незачем жертвовать своим благом ради соответствия шаблонам, порожденным прошлой эпохой. Я считаю, что оценивается не само действие, а ощущения от него. У ощущений может быть как физический, так и ментальный источник.

Если нет того Бога, который сидит на облаке и говорит, что можно делать в сексе, а что нельзя, и круглосуточно ведет наблюдение в режиме онлайн за каждым человеком на планете, карая за нарушение вечными муками, нет смысла ориентироваться на волю этого несуществующего Бога. Оптимально взять за ориентир формулу Протагора «Человек — мера всех вещей», и следовать за своим вкусом, а не церковным стандартом. Можно все, что никому не несет вреда, а кому-то приносит удовольствие.

Измена

В новых условиях понятие измены претерпело коренные изменения. Для верного понимания произошедшей трансформации начну с того, что такие понятия как измена, предательство или подлость не предназначены для оценки материальных объектов или процессов. С помощью этих понятий можно оценить поступки только из сферы духа.

Например, утюг может быть легким или тяжелым, но не может быть коварным или подлым. Процесс пищеварения может быть здоровым или болезненным, но не может быть злым или добрым. Коварным или постыдным может быть поступок, совершенный с использованием утюга или продуктов пищеварения. Если вы специально подстроили так, что кто-то обжегся об утюг, и чужое горе дало вам нужный результат — это коварный поступок. Или выпустили кишечные газы с целью испортить вечеринку, это тоже поступок недостойный. Но это будет не оценка самого утюга или газов, а совершенного с их помощью поступка. Сами же объекты, не важно, утюг или пищеварение, вне оценки по тем же причинам, по каким цифры вне цвета. К ним духовные эпитеты неприменимы.

Теперь определим, что есть голый секс без всяких обязательств и привязанности к партнеру, с единственной целью удовлетворить зов плоти? Это в чистом виде питание для тела. Кто предполагает, что физиологический акт образует пищу для души, от того было бы любопытно услышать аргументы (не путать с эмоциями и общими словами).

Секс есть такой же материальный процесс, как пищеварение. Понятие подлости или измены и прочего из этой серии к нему неприменимо, как неприменимо к утюгу. Изменой или предательством можно назвать поступки на сексуальной почве, но не сам секс.

Чтобы не зависеть от шаблонов на эту тему и составить свое твердое мнение, для примера рассмотрим древнегреческую или древнеримскую пару, вышедшую прогуляться по городу. И вдруг один испытал голод, а второй нет. Я умышленно опускаю, какой голод, гастрономический или сексуальный. Как мы выяснили, то и другое в чистом виде есть физиологическая потребность, и потому детали тут ничего не добавляют и не убавят. И вот один из супругов, не важно, муж или жена, отходит купить пирожок, а другой сел на скамейку и ожидает. Согласитесь, утоление голода в одиночку нельзя назвать изменой.

Именно это мы и находим во взаимоотношениях римских или эллинских граждан. Если один испытывал желание утолить сексуальный голод, например, оральным путем, и с этой целью удалялся с намеренным партнером или группой в приглянувшееся место, другой супруг, не важно, муж или жена, смотрел на это, как если бы тот пошел в туалет.

Если сексуальное желание мужа или жены удовлетворял посторонний человек, и это не считалось изменой, что же тогда измена — недоуменно подумает читатель. Для нас странно такое даже слышать, потому что нам всю жизнь внушали, что удовлетворение сексуального голода близким тебе человеком без твоего участия есть измена.

Начну с азов: изменой, подлостью, предательством и прочее считается действие, нарушающее закон или достигнутый между людьми договор. Например, если один из древнеримских супругов в статусе «полный римский гражданин» имел секс с равным себе посторонним человеком, или делал в сексе то, что римскому гражданину закон запрещал, изменой тут оценивался не сам факт контакта пениса с вагиной, анусом, ртом или рукой и прочее, а факт нарушения закона. Измена тут не в совершении физиологического акта, а в подрыве государственных устоев, расшатывание конструкции империи. Не важно, ради чего совершалось ослабление костяка империи, по глупости, ради денег или секса. Важно, что человек, каким-либо действием вредивший государству, обвинялся в измене родине.

История полна случаев, когда люди ради страсти предавали государство. Наиболее известный описан в романе Дюма «Три мушкетера», где королева Франции предает страну ради своих отношений с английским герцогом. Дюма все вывернул наизнанку и представил поступок королевы и помогавших ей в предательстве мушкетеров героями, а кардинала Ришелье, защищавшем интересы Франции, подлым человеком. В реальности такие поступки оцениваются ровно наоборот от предложенной Дюма трактовки.

С установлением христианства верность переносится с Государства на Церковь. От римских законов остается только право мужчины на одну официальную жену, а женщине одного мужа. И дополняется этот закон запрещением иметь секс вне супружеского ложа. Если же один из супругов имел такой секс, изменой тут считался не сам физиологический акт, а нарушение данной Богу клятвы, нарушение религиозного и гражданского закона.

Смысл свадебной церемонии и следующего за ней застолья был не в веселье (оно было бонусом), а в засвидетельствовании клятвы, даваемой Богу, государству и друг другу. Собравшиеся на свадебные церемонии люди выступали в первую очередь в роли свидетелей приносимых клятв. И вот нарушение этих клятв оценивалось как измена и предательство. Физиологический процесс был в роли инструмента, с помощью которого нарушались данные клятвы, что и создавало состав преступления — это было изменой.

Если состоящие в отношениях люди были, говоря христианскими терминами, помолвлены (так назывался договор о намерении жениться и обещанием не иметь ни с кем секса до свадьбы), нарушение договора любой из сторон оценивалось как измена. Но тут опять же оценивался не сам половой акт, а нарушение человеком данного слова.

Если человек не венчан и не помолвлен, его секс квалифицировался не изменой, а религиозным преступлением — грехом. Здесь снова оценка не физики, а поступка — он совершил акт предательства веры. И так как вера была основой государства, своим сексом человек расшатывал основание конструкции, за что нес предусмотренное наказание.

В эпоху Просвещения уходит понятие греха. Но социум по инерции продолжает считать любой вид секса вне брака неприличным. Супруги продолжают давать клятвы не иметь секса на стороне. Кто нарушал свое слово, тот, с одной стороны, справедливо обвинялся в измене. Измена тут не в сексе, а в нарушении данного слова. Но с другой стороны, если Бога нет, а смысл свадебной церемонии в христианстве — молодожены клянутся Богу иметь секс только друг с другом, это делало брак заключенным на небесах, получалось, слово они давали тому, кого не существует. Возникает странная ситуация, слово дано не себе и не друг другу, а тому, в реальность кого люди не верят. В самой по себе ситуации есть потенциал комичности. Если вы поклялись перед драконом, живущим на Луне, то скорее всего, делали это с тем, чтобы нарушить его. Измены тут как бы нет...

С уходом религиозного смысла бракосочетания акцент смещается с понятия измены своему слову в сторону секса. Теперь изменой определяется не нарушение клятвы, а само физиологическое действие. Не важно, давал человек клятвы или не давал. Важнотолько, был секс с третьим лицом или нет. Если был, это определялось изменой. Со

временем оценивать материальную сферу, секс, понятиями, предназначенными для духовной, стало восприниматься как естественное и само собой разумеющееся, что было абсурдно.

Чтобы прочувствовать всю абсурдность ситуации, представьте религию, по которой муж должен есть только то, что приготовила жена, а жена только то, что приготовил муж. Употребление еды, приготовленной руками другого человека, считалось религиозным преступлением — смертным грехом. На свадьбе люди клялись при свидетелях Богу, что до конца дней будут питаться только домашней пищей и ни крошки не съедят вне дома.

Супруги при всем желании не могли порадовать друг друга изысканными блюдами по той же причине, по какой не смогли бы, взяв в руки скрипку, наполнить пространство прекрасными звуками, если не учились на ней играть. Муж может взять скрипку в руки и водить смычком по струнам, но эти звуки вряд ли порадуют жену. Аналогично и с едой, если человек не владеет поварским искусством, он не сможет никого удивить. Но так как верность слову стояла выше кулинарных наслаждений, люди довольствовались тем, что у них получалось. Они оправдывали такое положение дел тем, что главное в пище — чтобы насыщала. А физическое удовольствие от ее вкуса, эстетическое удовольствие от формы и сервировки стола — это уже ладно... Как-нибудь и без этого обойдемся.

Но иногда кто-то соблазнялся пищей, приготовленной не любителем, а кулинаром. Или такой же по качеству, но приготовленной не мужем/женой, а соседом/соседкой. Привлекательным тут было не качество, а разнообразие. Уличенных в этом обвиняли в измене и подлости. Факт измены состоял в нарушении клятвы, а не в поглощении пищи.

Далее эта религия ушла. Но оставшиеся от нее установки так глубоко въелись в подсознание, что люди при вступлении в брак продолжали клясться друг другу есть только пищу, приготовленную руками супруга. Согласно клятве муж должен есть только то, что приготовит жена, а жена только то, что сумеет сделать муж. Раньше этому было четкое объяснение — так велит Бог. С уходом религии ушло объяснение.

Чтобы требование питаться только дома не выглядело совсем пустым, придумали объяснение: кто питается не дома, тот может чем-нибудь заболеть или в неприятную историю попасть. И потому от греха подальше оптимальной считалась домашняя еда.

Все понимали, что эти объяснения высосаны из пальца. Взрослый и умный человек, если ему по тем или иным причинам пришлось поесть на стороне, может сделать все так, чтобы избежать проблем. Этот факт серьезно ослаблял запрет, так как никто не понимал, зачем нужны ограничения. Жены учились смотреть сквозь пальцы на сытого супруга, хотя она никакой еды ему не готовила. Аналогично и мужья осваивали эту технологию.

Но при этом, если один супруг ловил другого за потреблением пищи на стороне, он ему устраивал скандал, обвиняя в измене. Говорил, что тот подлый, неверный обманщик или обманщица. В чем именно был обман, никто не уточнял. У людей срабатывал шаблон — если во рту моего мужа/жены была пища, приготовленная не моими руками, значит, это подлая измена, а мой супруг/супруга нечестный и неверный человек.

Единственный вариант назвать такую ситуацию изменой — если люди давали друг другу честное слово класть в рот только пищу, приготовленную руками супруга/супруги. Обещали друг другу есть только вместе и за одним столом. В одиночку не есть, терпеть и ждать, пока второй не придет. И соблюдать это правило, пока смерть не разлучит их.

И вот представьте, один из супругов держит слово, ест только то, что приготовил партнер, а если тот забывал или некогда, сидел голодный, хотя мог зайти в любое кафе и там перекусить. А второй не соблюдает договор и питается, где захочет. Приходя домой сытым, он не хотел готовить еду. И держал супругу/супруга голодным, выдумывая то или иное объяснение, почему они сегодня кушать не будут.

Поведение второго можно и нужно квалифицировать изменой — он нарушил клятву, изменил своему слову. Поведение же первого супруга определяется верностью. Он верен данному слову. Имея возможность наесться, как это делал неверный супруг/супруга, он сидел голодом и честно ждал, когда первый приготовит ему домашнюю пищу.

Аналогично и с сексуальным питанием. Когда люди верили в Бога, верили, что ему угодно, чтобы секс у них был только с одним человеком, с которым он прошел церковный обряд, они давали Богу слово, что не будут иметь секса на стороне. Кто был верен своему слову, тех положительно оценивали, называя добродетельными и верными. Кто изменял своему слову, тех называли неверными. Подчеркиваю, верность или измена определялись по верности своему слову. Давали бы они слово не сексом вместе заниматься, а фантики вместе рассматривать, верным был бы тот, кто держал слово, а изменщиком нарушитель.

Когда люди перестали верить в Бога, они по инерции продолжали следовать божьим заповедям, что не удивительно — обществу две тысячи лет внушали эти «истины». В итоге церковные нормы и табу в сексе превратились в само собой разумеющиеся истины.

Светские люди в статусе «благопристойные» берут за ориентир созданные религией нормы и табу, понятия не имея об их религиозных корнях. Они никогда не думали на эту тему, но считают ориентир на них нормой. Эта информация для них априорная, т.е. не требующая подтверждений. Когда они слышат про связь сексуальных табу с религией, они только плечами пожимают, удивляясь «тупости» говорящего. — При чем тут какой-то Бог, говорят они... Нормальным людям не нужна религия, они и без нее прекрасно понимают элементарные правила приличия. У человека же есть естественное чувство стыда, внутренняя скромность и все такое...

Женщина в парандже тоже так думает. Африканка тоже не видит ничего распутного, что ходит с голой грудью. Никто не хочет видеть, что это не более, чем шаблоны. Кто где вырос, тот шаблоны своей среды на себе и носит.

В шаблонах нет ничего плохого, они в роли программы в компьютере. Убери из компьютера все программы, и получится кучка бессмысленного железа. Аналогично и с человеком, убери из него все шаблоны, и получится кучка бессмысленной биомассы.

Беда не в том, что люди на шаблонах, а что считают их истиной. Когда аскетизм зарождался, считался хорошим не он, а выполнение воли Бога. С исчезновением веры аскетизм стал на место воли Бога. Получился кумир — что-то типа тени Бога. Если Бога нет, то тень Бога — это симулякр, копия без оригинала. Вот ему и поклоняются, потому что привычно поклоняться, принося в жертву свое удовольствие. Никто не понимает, в чем смысл ограничений. Все объяснения сводятся к тому, что можно заразиться или в неприятную историю попасть. Они несостоятельны в той же мере, в какой рассказы, что питаться в уличных кафе нельзя, потому что там можно отравиться.

Есть масса сексуальных практик, где при всем желании нельзя заразиться, потому что там люди даже не касаются друг друга. На такие аргументы морализаторы говорят, что безопасным сексом тоже нельзя, но вместо хоть какой-то логики тут в ход идут аргументы из серии, что секс — это неприлично, ибо стыд нужно иметь. Поговорили...

С каждым годом все меньше людей, кого такая аргументация побуждает принести свое благо, сексуальную радость, счастье и удовольствие, на алтарь морали прошлых веков. И все больше людей, кто не видит смысла соответствовать правилам старой эпохи.

Среди понимающих немало людей, в глубинах подсознания которых сидят шаблоны прошлой эпохи. Они побуждают людей давать друг другу клятвы сексуально питаться только друг от друга. Оставлю вопрос, зачем им это. Скажу только, что подсознательным шаблонам не прикажешь. Они требуют от человека своего соблюдения. И если люди дали слово друг другу, и один держит его, а другой нарушает, поступок первого оценивается верностью, а второго изменой. Первый верен своему слову, а второй изменил ему.

Но есть нюансы... Одно дело, если обещающие четко отдают себе отчет в том, что делают. Другое дело, если дают честное слово бездумно, как современные солдаты присягу произносят или многие верующие молитву. Помимо этих соображений многие люди по своей природе обыватели с соответствующим масштабом мышления. Требовать от них того, что им заведомо недоступно — это так же неправильно, как спрашивать с детей за нарушения как со взрослых. У каждого свой предел, и потому: каждому — свое.

Но если люди не давали друг другу никаких обещаний, и напротив, договорились про свободные отношения, но обнаружив, что у партнера был секс не с ним, называют это изменой — это абсурд. С тем же успехом можно называть акт пищеварения набожным.

В заключение скажу, что формально всякое нарушение своего слова есть измена. Но с жизненной правды слишком громко так оценивать нарушение слова, данного частному лицу, если за этим не стоит намеренный, запланированный обман. Если такого намерения не было и вреда не случилось — это просто текущая жизнь. Изменой уместно называть слово, данное обществу или Богу, причем, не формально, как большинство солдат на присяге, а осознанно, с глубинным пониманием смысла. Причем, если давший слово фигура такого масштаба, чья измена ослабляет общество и для многих возникает угроза.

Ревность

Почему люди так остро реагируют на секс своего партнера на стороне? В поисках ответа держим в голове базовую истину «Всякая жизнь стремится к благу». Людям на подсознание в течении тысячелетий записывали, что муж и жена должны питаться в сексе только друг от друга. Питание на стороне строжайше запрещено. Для людей это святая истина. Тот факт, что они не знают, почему запрещено, кем и т.д., ничего не меняет.

Если один из супругов узнает про питание другого на стороне, программа заставляет его реагировать на это как на тягчайшее оскорбление. Человека накрывает жесточайший дискомфорт. Он в том же состоянии, что и самурай, садящийся делать себе харакири.

Супруги и влюбленные называют этот дискомфорт ревностью. Самурай называет его честью. Разница только в словах. Если смотреть в самый корень явления, это реакция на духовный дискомфорт. Если людям записать на подсознание любой другой шаблон, например, чесание пяток по определенному алгоритму, и накрутить градус его важности, они также болезненно будут реагировать на нелегитимный чес. Их так же будет накрывать дискомфорт от него, как сейчас накрывает от секса близкого человека на стороне.

Люди реагируют не на само действие, а на негативные ощущения, возникающие при нарушении правил, определяющих способы и границы, в которых его можно совершать. Эти эмоции им предписывает испытывать стоящая в их подсознании программа.

Чтобы полнее раскрыть корни ревности, рассмотрим понятие любви. Люди веками искали этому чувству определение. Поэты и писатели заполнили мир стихами и романами, нагромодили гору общих слов, затуманивающих суть явления, называемого любовью. Их произведения побуждают считать, что влюбленным движет не свое благо, а благо возлюбленного. Лишь бы ей/ему было хорошо, а мне уж ладно, я уж как-нибудь...

Если бы это было реально так, влюбленный должен быть счастлив, когда любимый испытывает удовольствие. Ему было бы не важно, кто причина удовольствия, он или еще кто. Как матери не важно, кто вылечил ее ребенка, она сама или посторонний человек. Главное, что вылечили, и она рада здоровью ребенка. Но у влюбленных все не так...

Если любимый счастлив, но источником его счастья является не влюбленный, а кто-то другой, он реагирует на радость возлюбленного не как мать на выздоровление ребенка, а как конкурирующий врач, предлагавший один метод лечения, а другой врач вылечил его по другому методу, против которого он резко возражал. Возражавший был бы огорчен и раздражен здоровьем вчерашнего пациента. Вот если бы он его вылечил, тогда он бы радовался его здоровью. Но его вылечил противник и конкурент... Лучше бы он умер. Тогда был бы повод злорадствовать в душе в стиле «я же говорил...». Но он выздоровел, и в его душе теперь злое чувство сродни зависти, проигрыша, хотя он его бы и скрывал.

Аналогично и влюбленный испытывал бы неприятное чувство от радости своего возлюбленного/возлюбленной, если причина его счастья не он. Скрывал бы он это чувство или наоборот, всеми способами демонстрировал его, давая понять объекту обожания, что тот не должен испытывать приятные ощущения, если их источником является не он — все

это зависит от воспитания, характера и других моментов. Но все это было бы проявлением эгоизма. Какая разница, скрываемый он или афишируемый. Суть от этого не меняется.

Наиболее махрово эгоизм виден в интимных отношениях. Если причиной радости любимого/любимой является влюбленный, он счастлив. Но если причина не он, а кто-то иной, влюбленный готов убить объект любви за то, что ему хорошо, и он тут ни при чем.

Если объект начнет говорить о своей независимости, свободе и соответствующих правах, это жутко раздражит влюбленного. Какая свобода, я тебя люблю! Подлинный смысл этой фразы — ты моя собственность, источник моей радости. Я тебя буду опекать и ограничивать свободу, потому что мне удобно, когда ты всегда у меня под рукой.

Есть зубные щетки, которые переливаются нежными цветами и издают звуки радости, когда ими пользуются. Когда вы чистите зубы и видите/слышите радость щетки, вам это приятно. Но если другой человек зайдет в ванную комнату, и вы услышите оттуда звуки своей щетки, вас накроет неприятное чувство. Вашей вещью пользуются...

Чтобы правильно понимать предмет и не путаться в бантиках, нужно держать в голове, что не бывает жизни, не стремящейся к своему благу. Влюбленный человек — это в первую очередь живой человек, и, значит, стремится в конечном итоге к своему благу.

Чувство влюбленности дарит людям радость, счастье и удовольствие. Мозг человека в этом состоянии генерирует гормоны удовольствия — эндорфин, дофамин, серотонин. Влюбленный купается в блаженстве. Источник его счастья — любимый/любимая.

Влюбленному нужен не сам источник, а чувства, возникающие от него. Он жаждет любимого/любимую с целью добыть *свое* наслаждение, ощутить внутри себя радость. Если бы источником точно таких же ощущений был любой иной объект, не важно, человек или стул, он бы точно так же стремился к иному источнику ощущений. Не важно, что порождает счастье,дохлые кошки или свежие цветы. Важно наличие счастья.

Когда влюбленный говорит, что не может жить без любимого/любимой, не может не думать о нем/ней — все это чистая правда. Такая же чистая, как слова наркомана, что он не может жить без своего наркотика. Он так зависит от ощущений, которые ему дарит это вещество, что по-честному не мыслит себя без него. Для него это высшая ценность. Ради обладания ею он готов на любые безумные поступки, лишь бы получать свою дозу.

Влюбленный сходит с ума, восторгаясь каждым словом и жестом возлюбленного не потому, что тот объективно прекрасен (такого нет), а потому что его мозг выдает на образ этого человека гормоны счастья. Ради них влюбленный готов на что угодно. «Принимает любовь внутривенно/ Смеётся, пришпоривая коней/ Нет того, с кем не сможешь расстаться/ Чтоб навечно остаться с ней». (автор в сети под ником Es, Anastasia).

В этом смысле мотивация человека ничем не отличается от мотивации циркового животного. Оно выполняет трюки только ради кусочка сахара. Сами по себе трюки ему не нужны, равно как и реакция почтенной публики. Ему нужен сахар. Не будет сахара, и у животного пропадет всякий интерес с таким азартом прыгать и скакать.

Но как только выдача гормонов счастья заканчивается, любовь как отрезало. Вмиг. Как у наркомана к наркотику, который перестал давать ему приятные ощущения. Бывший влюбленный как бы приходит в себя и думает, что я нашел в том человеке такого, от чего с ума можно сходить... Ему даже неловко за свои выходки, как протрезвевшему за свои.

Но стоит мозгу возобновить выдачу гормонов счастья как реакцию на того человека, и любовь сразу же вспыхнет с новой силой. Разлюбивший снова станет влюбленным. Он снова будет думать, как это я, слепец и глупец, мог не видеть этого чудесного человека, как мог не дрожать от восторга в его обществе, когда слышал его голос и касался его руки.

Человеком во всех его стремлениях движет кнут и пряник. Стремясь к прянику, он беззаветно стремится к своему благу. В бегстве от кнута он так же беззаветно стремится к своему благу — избежать дискомфорта. Без кнута и пряника человек не шевелится.

Если вчерашний любимый сегодня перестал быть источником счастья, а отношения зашли глубоко, в дело вступает кнут — страх перед общественным осуждением, чувство долга и прочее. Они заставляют имитировать любовь, чтобы избежать потерь, какие

возникнут, если расстаться с бывшим любимым как с колодезцем, где нет больше воды — просто перестать туда ходить за водой. Поэтому бывший влюбленный ходит с пустым ведром вокруг колодца, изображая состояние, какое следует изображать порядочным людям в этой ситуации. Его стимул теперь не удовольствие, а бегство от неприятностей. Эти неприятные факты всегда вуалируют бантиками и по мере сил изображают любовь.

Любовь — стремление к *своему* приятному. Влюбленный воспринимает любимого или любимую как источник своего удовольствия — своего блага. Чтобы верно понимать суть любви, замените ее термином «собственность», и ситуация обнажится.

Не важно, насколько человек отдает себе в этом отчет. Ситуация от этого не меняется. Каждый человек открытыми и завуалированными способами стремится к своему удовольствию. В этом суть и естество жизни. Без него она была бы невозможна.

Суть любви четко выражает анекдот про помидор: «Ты помидоры любишь? Есть — да, а так — нет». Люди любят вкус помидора, а не сам помидор. Если помидор будет тем же, но его вкус перестанет приносить радость, любовь к нему тут же пропадет.

Все слышали про любовь с первого взгляда, но мало кто осознает, что такая любовь может быть только адресована туловищу, так как с первого взгляда можно увидеть только форму тела и лица. Увидев формы, запрограммированный на них мозг выдает гормоны удовольствия. Человек ощущает их и все, влюбился... А вот влюбиться с первого взгляда в талант, личность, разум нереально хотя бы потому, что они внутри, их сразу не видно.

Это чувство в чистом виде биохимический процесс. Такой же, как у животных или насекомых. Самка накопила жиру, в мозг пошел сигнал «есть ресурс, пора размножаться», и она пошла искать самца. Тот же процесс у женщины при виде богатого мужчины — жир есть, можно размножаться. Любовь на взгляде, она и в Африке к туловищу, а не личности.

Если называть вещи своими словами, а это очень удобно, когда нужно отыскать корень, не отвлекаясь на слои бантиков, слово любовь — эвфемизм, вуалирующий желание получить источник своего удовольствия в собственность.

«— Ты с ума сошёл. Любовь — это божественное чувство.

— Всеобщее заблуждение. Огонь тоже считался божественным, пока Прометей не выкрал его. Теперь мы кипятим на нем воду» (Граф Калиостро, из к/ф «Формула любви»).

* * *

Причина ревности сугубо частнособственническая — сохранить свою кормушку, из которой человек черпает или ментальные, или материальные блага. То и другое ценно тем, что мозг при наличии такого источника вырабатывает гормоны удовольствия.

В нашем обществе, которое пока остается патриархальным, что значит, абсолютное большинство важных решений принимается мужчинами, ревность имеет гендерные отличия. Чтобы уловить ее мужские особенности, представьте, техническое обслуживание автомобиля лежит на вас, а катается на нем, кто хочет. Справедливо, если автомобилем пользуется тот, кто его содержит. Иначе хозяин авто испытывает неприятные чувства.

Свобода объекта принадлежит тому, кто обеспечивает его жизнедеятельность. Если объект сам себя обеспечивает, его свобода принадлежит ему. Если кто-то другой, сам факт такой зависимости означает, что его свобода находится в руках его кормильца.

Аналогично, если все хлопоты по содержанию женщины лежат на одном мужчине, а пользуются ею благосклонностью все, кто захочет (или кого она захочет). В том и другом варианте это несправедливо. Вызванное такой ситуацией чувство называется ревностью.

Чтобы уловить нюансы женской ревности, посмотрите на негативное отношение альфонса к другому альфонсу, когда тот пытается отбить у него женщину, на содержании которой он находится. По этой же причине женщина негативно относится к сопернице, проявляющей интерес к ее мужчине — защитнику и кормильцу, источнику благополучия.

Животные на этой почве тоже ревнуют. Если вы кормите свою лошадь и угощаете чужую в соседнем стойле, ваша лошадь будет выказывать недовольство, как бы говоря

хозяину: ты должен кормить только меня. Животное оберегает источник своего питания, территорию, от других животных, точно так же, как человек — источник своего блага.

Ревность по материальным признакам устраняет финансовая независимость людей. В теории любой человек в современных условиях может быть материально независим. На практике все не так просто... Большинство людей не имеют необходимых качеств, чтобы соответствовать потребительским стандартам. Так как эти стандарты записаны системой на подсознание, они как бы становятся частью человека. Привитые ему желания человек считает своими, и хочет их насытить. Пока они не насыщены, он испытывает дискомфорт. Стремление к своему благу в этом случае выражается в бегстве от дискомфорта. Если нет личных талантов, позволяющих удовлетворить его материальные запросы, он ищет того, кто возьмет его на содержание. Преимущественно в этой роли выступают женщины, но и мужчин в связи с падением старых установок в последнее время прибавляется.

Если один имеет материальные блага и ищет интимной радости, а другой имеет что предложить первому, но взамен хочет получить материальных благ, если они находят друг друга, возникает деловой союз. Каждый является источником недостающего блага. Этот союз сохраняется, пока выполняются условия договора. Если одна из сторон не в состоянии дать то, ради чего с ней общаются, союз распадается по очевидным причинам.

Положение хозяина материальных активов устойчивее по сравнению с обладателем сексуального ресурса. Первый вид активов со временем дорожает и преумножается, тогда как второй — продукт скоропортящийся. Плюс потеря свободы и приобретение статуса, близкого к вещи. (Не секрет, что подсознательно человек на содержании воспринимается взятой в аренду вещью, которую, когда она надоедает, можно поменять на другую).

Человек на содержании прекрасно понимает свое положение (если не понимает, то чувствует). Избавившись от материального дискомфорта, он получает духовный. Чтобы и от него избавиться, нужно как можно быстрее переложить свои скоропортящиеся активы во что-то более надежное. Отсюда стремление женщин как можно быстрее родить от того, в ком видит источник материального благополучия. Ревность к конкурентам выражена в этой ситуации ярче. В охране источника питания задействован инстинкт самосохранения.

Ревность на материальном интересе искоренима двумя способами. Можно своими силами зарабатывать. Если деловой хватки и бизнес-талантов нет, стандарты потребления можно изменить и снизить. Независимость и свобода имеют свою цену. Каждый тут сам решит, какой образ жизни ему милее, и выберет свое. Чужое никто не выберет.

А вот от ревности на ментальные ценности избавиться невозможно. Если человек для вас является источником нематериальной радости, потеря такого человека крайне сложно компенсируется, если это вообще возможно. Если секс на рынке любой продается, равно как и туловища всех размеров, то качества, связанные с личностью, купить нельзя. Следовательно, источник такой ментальной радости всегда будете объектом ревности.

Ревность многогранна и имеет массу индивидуальных компонентов. Их пропорция в каждом конкретном случае зависит от характера людей, участвующих в ситуации и еще многих особенностей. Несомненно только, что основа ревности — стремление к благу.

Изменение условий ведет к изменению взглядов на реальность и правила игры. Но в любом случае если человек осознает себя личностью и понимает правила игры, видит не только фантик человеческих отношений, но и содержимое, он не позволит себя ревновать — относиться к себе как личному источнику чьей-то радости. С таким человеком можно быть вместе только при условии соблюдения его свободы. Если он и наложит ограничения на свою свободу, то исключительно по своему желанию. Это будет не итог бегства от одного дискомфорта и попадания в другой, а реализацией своего желания.

Любодейние

В первой книге я говорил о лукавстве Церкви, извратившей библейскую историю Онан, чтобы показать греховность мастурбации. Древние смотрели на нее как на чистку зубов — полезную для здоровья процедуру. Гиппократ рекомендовал ее против вреда воздержания. Никому в голову в Древнем Мире не приходила идея прописать в законе, что мастурбация разрешена законом, это слишком громко звучит. Она просто была, никто не выделял ее из длинного списка других человеческих потребностей.

Когда Церковь отнесла ее к греху, вокруг этого пышным цветом начинает расцветать мифотворчество. Благочестивые люди начинают изобретать свои «открытия». Вскоре все становятся уверены, что она приводит к слабоумию, выпадению волос и куче недугов.

Аналогичным образом она поступает со взятыми из иудаизма понятиями блуда и прелюбодеяния, поставив их смысл с ног на голову. Изначально в нашем языке слово блуд означало заблудиться, блуждать, т.е. идти неверной дорогой. Любодеяние, любодействие, прелюбодеяние — очень любимое действие, самое любимое. Любо — любимое, деяние — действие, пре — увеличение. Например, красный — это красивый, Красная площадь, красна девица. Прекрасный — это очень красивый. Прелюбодеяние — очень любимое.

В рамках культивирования сексуального аскетизма Церковь определила любой секс вне брака, не важно, вагинальный, оральным, анальным или любой иной, смертным грехом против Бога и серьезным преступлением против государства, назвав все это блудом и прелюбодеянием. За века доминирования церковной морали мы привыкли к смыслу искаженных до неузнаваемости и перевернутых вверх тормашками слов.

Церковь не только исказила и наполнила новым смыслом наши старые слова, она и иудейские понятия исказила. Чтобы изобличить дьявола, который, как известно, прячется в деталях, начну с того, что блудом в иудаизме называлась близость иудея с незамужней иудейкой, после которой он не брал ее в жены. Контакт был, а свадьбы потом не было.

В большинстве случаев женщина шла на близость в надежде попасть под крыло. Мужчина понимал правила игры. Секс закреплял бессловесный договор. Если мужчина не выполнял свои обязательства, он в прямом смысле обманывал не только свою ближнюю, но и ее род. За такой обман (а не за секс) мужчину-обманщика осуждали и наказывали.

Прелюбодеянием называлось сексуальное действие иудея с замужней иудейкой. Грех здесь тоже не в самом сексе, а в обмане ближнего. Только на этот раз в роли обманутого был муж этой женщины. И так как обман происходил по воле женщины, она, по Закону, была соучастницей преступления и несла ответственность наравне с любовником (больше или меньше — все эти детали зависели от ситуации). За прелюбодеяние полагалась смерть.

«Если найден будет кто лежащий с женою замужнею, то должно предать смерти обоих: и мужчину, лежавшего с женщиною, и женщину; и так истреби зло от Израиля. Если будет молодая девица обручена мужу, и кто-нибудь встретится с нею в городе и ляжет с нею, то обоих их приведите к воротам того города, и побейте их камнями до смерти: отроковицу за то, что она не кричала в городе, а мужчину за то, что он опорочил жену ближнего своего; и так истреби зло из среды себя. Если же кто в поле встретится с отроковицею обрученною и, схватив ее, ляжет с нею, то должно предать смерти только мужчину, лежавшего с нею, а отроковице ничего не делай; на отроковице нет преступления смертного: ибо это то же, как если бы кто восстал на ближнего своего и убил его» (Втор. 22, 22-26).

Если иудей имел секс с не иудейкой, не важно, замужняя она или нет, это не квалифицировалось в том смысле, в каком сейчас употребляется слово «прелюбодеяние» и «блуд». Сам по себе контакт именно как физиологическое действие иудаизм никогда не квалифицировал как религиозное преступление. Грехом был не секс, а обман ближнего. Ключевое слово не «обман», а «ближнего». Секс был лишь площадкой, на которой совершался обман. Это как если человек убил или украл на городской площади, его осуждают не за пребывание на городской площади, а за совершение на ней преступления.

Древние идеи нетерпимо относились к обману ближнего. С чужими поступай как хочешь по ситуации и желанию, надо — обманывай, не надо — не обманывай. Но ни при каких обстоятельствах не обманывай ближнего — это грех перед Богом.

Эта установка нашла отражение в словах Христос, когда он саму мысль обмануть осуждает, видя в ней зерно греха: *«Кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействует с нею в сердце своем»* (Мф. 5, 28). Осуждается тут не само половое влечение, как лукаво трактует эти слова Церковь, а зарождающееся намерение обмануть ближнего — взять его жену. Желай других женщин, но не желай жены ближнего своего.

Ближним у иудеев считался человек единой крови и веры. Если мужчина-иудей имел секс с женщиной иной веры и племени, обмана ближнего тут не было. Иноплеменница и иноверка не была ближней и могла претендовать только на оплату. Если иудей не платил или брал желаемое силой, никакого блуда или прелюбодеяния тут не было, потому что не было главного признака — обмана ближнего. Был обман чужого. Максимум, в таком действии можно было увидеть признаки уголовного преступления, подобного мошенничеству или грабежу, но признаков религиозного греха в нем не было.

Церковь увидела состав религиозного преступления в самом сексе, сместив акцент с обмана на секс. Продолжая аналогию с площадью, вина возникала не от того, что ты делал на площади, воровал или гулял, а от факта нахождения на ней. Даже если ты просто гулял по площади, разглядывая достопримечательности и одаривая всех понравившихся тебе людей подарками, Церковь определяет сам факт пребывания на площади преступлением.

Распад

Абсолютное большинство людей — боты, мыслящие только в заданных рамках, не уклоняясь в сторону. В мужском подсознании сидит установка «надо создавать семью». Настоящий мужчина должен посадить дерево, построить дом, создать семью, вырастить ребенка, и потом умереть. Зачем ему это все надо, такие вопросы блокируются. Надо, потому что так положено. Чтобы в глаза не стыдно было людям и детям смотреть.

В женском подсознании установка «надо замуж» сидит еще глубже. Если мужчина пытается объяснить свое стремление, женщина этим не заморачивается. Она как зомби идет замуж, потому что ей с пеленок твердят «надо!». Чтобы все было как у людей. Чтобы доказать себе и соседям свою полноценность. Особенно если подружки замужем, а она сидит в девках. Чтобы детей родить, будет, кому кружку воды в старости принести.

Серьезным стимулом является фотосессия, где она главная героиня, и все вращается вокруг нее. Сегодня свадебный ритуал не имеет смысла. Даже если молодожены проводят обряд венчания, ни они, ни гости не понимают его сакрального смысла. Для них это просто театральная постановка. Без проблем могли бы заменить ее на любую другую.

Люди стремятся соответствовать тому, чему велено, не задаваясь вопросами, зачем им это. Они почитая такие вопросы за грех, как самурай, который в первую очередь воин, а не человек. Это боевой пес, который атакует указанную цель как торпеда не потому, что понимает, зачем ему это надо, а потому что хозяин приказал. Отсюда и говорится, что у самурая нет цели, у него есть путь — беззаветно слушаться господина. Если хозяин умер, то истинный самурай должен зарезать себя — сечь и вспороть себе ножом живот.

Никакой самурай в мире не объяснит, зачем ему делать сэппуку, если господин погиб в бою. Он может обосновать необходимость своего поступка исключительно эмоционально. Все его аргументы сведется к «так надо!»; «это мой долг!» и так далее.

Аналогично и люди, стремящиеся создать семью (не важно, какого типа) подобны самураю, у которых нет осмысленной цели, есть рельсы, по которым они обречены катиться всю жизнь, пока не упрутся в тупик — в смерть. Зачем они так рьяно рвутся встать на эти рельсы, они не знают. Если их спросить, все сведется к эмоциям: «так надо»; «так хорошо»; так все нормальные люди делают (люди нормы, шаблона, стереотипа).

Если взглянуть на поведение людей не через призму церковных и гуманистических установок, а свободным от шаблонов взглядом, они не выдержат критики. Взять женскую притчу про кружку воды в старости. Если у вас действительно есть такая цель, ее можно достигнуть более эффективными способами. Например, политическая или деловая карьера, гарантирующая хорошую пенсию. Или накопления от бизнеса, хозяйства.

Аналогично и мужская притча про дерево сажать, дом строить и воспитывать сына. Вопрос «зачем?» у мужчин так же заблокирован. Они считают, что истинность ценностей, на которые они ориентируются, очевидна и не нуждается в обосновании. Как компьютер не может задаться вопросом, зачем ему выполнять установленную в него программу, так и среднестатистический человек не может. Он следует ей, не рассуждая.

Смех и грех смотреть, как сторонники полигамной семьи ругаются на форумах с моногамными. Каждый кулик свое болото хвалит. Каждая сторона говорит, что только ее семья истинная и настоящая, а у оппонентов неполноценная и противоестественная. Люди доказывают преимущество своего над чужим эмоциями, не имея внятных аргументов.

Поборники моногамии говорят, что только овцы и обезьяны живут гаремами, а лебеди и волки парой. Они не знают, что животные и птицы образуют пару на сезон. Им важно, что эти образы возвышенные, и значит, идут в плюс моногамной форме.

Сторонники полигамии отвечают, что только шакал с шакалкой всю жизнь живут вдвоем, а лев всегда прайдом с несколькими львицами. Здесь тоже игра образами, лев олицетворяет силу и царственность, а шакал ничтожество и трусость.

Все традиционные модели семьи, порожденные прошлой эпохой, вчера были бочкой, сдавленной железными обручами. Сегодня все полигамные и моногамные варианты — это бочка, с которой сняли железные обручи. Конструкцию больше ничто не удерживает. Под давлением воды бочка неизбежно развалится. Пока семейные союзы удерживаются только на инерции привычки. У меня нет иллюзий относительно будущего старых форм семьи.

Люди всегда образуют союзы, которые не ослабляют их, а усиливают. Старая форма семьи никого не усиливает. В лучшем случае не ослабляет. Ну и какой в ней смысл? В атмосфере прошлой эпохи у людей была масса причин положить себе на сердце жить вместе при любых обстоятельствах, как бы они друг другу не надоели. Пожизненно быть вместе было целесообразно и по земным соображениям, и по небесным.

А сейчас какой мотив соединиться в семье прошлого формата и удерживать себя в ней? Предположу, что многие назовут мотивом быть вместе ради детей. Но созерцание детьми не любящих и надоевших друг другу родителей не несет в себе ничего хорошего. Лучше разойтись, сохранив дружеские отношения, избавив детей от нелюбимых сцен. Если реально о детях заботитесь, не выдумывайте себе несуществующих стимулов. Разойдитесь и встречайтесь только по делу. Заботу о детях разделите по договоренности.

Часть моих критиков говорит, что старую модель семьи люди должны сохранять в силу того, что так надо, так принято, так наши предки делали. Но ради чего ее сохранять? Нельзя же сохранять ради самого процесса. Семья должна не отягощать, а облегчать жизнь. Закон для человека, а не человек для закона. Тем более, не для прошлого закона.

Социум ощущает ненужный груз прошлых норм и табу, как привязанное к ноге пустое ведро — оно вроде и не слишком тяжелое, ходить можно. Но шума много и неудобства заметны. Да, их можно стерпеть. Весь вопрос: зачем? В чем смысл жертвы своего блага, времени и сил? Если смысла нет, но человек продолжает настаивать, что так надо, потому что надо, про него можно сказать, что он сотворил себе кумира.

Люди упускают из виду важнейшую деталь, а именно, все известные модели семьи, не важно, моногамные или полигамные, созданы экономическими условиями прошлого в атмосфере религиозного взгляда на мир. Сейчас нет ни старых условий, ни религиозного понимания мира. Как новый климат не может не сказаться на флоре и фауне, так новые экономические и политические условия не могут не отразиться на форме семьи.

В новых условиях оптимально встречаться на время и оставаться вместе, пока люди являются друг для друга источником счастья. Если же намечается усталость, оптимально разойтись. Иначе усталость друг от друга трансформируется в неприязнь, которая начнет прогрессировать. Но люди продолжают по инерции соединяться в старые формы.

Я понимаю, почему люди, позиционирующие себя христианами, хотят создать семью церковного формата, а мусульмане видят для себя образцом семью Пророка. Но зачем неверующие ориентируются на эти нормы? Единственное объяснение — обществу тысячи лет внушали, что так надо, так было всегда, так правильно.

Когда вам кто-то скажет, что та или иная модель семьи единственно возможная, не верьте. Эталона семьи не существует. Эталонной моделью является та, что соответствует ситуации. Со сменой ситуации меняется модель. Было бы странно, если среда изменилась бы, а модель, порожденная прошлой эпохой, в новых условиях сохранилась.

Рожденные прошлой эпохой формы человеческих союзов рушатся как картонный домик и трещат не только по швам, но прямо по телу. Красноречивее всего указывает на это статистика разводов. Моралисты с традиционалистами объясняют крах церковной семьи падением нравов, случившимся вследствие тлетворного влияния СМИ. Все это дело руки мировой закулисы, поощряющей мерзких развратников устраивать свои парады и заявлять права (люди старой эпохи искренне считают, что право есть только у них).

Все больше людей признают, что никакая моногамная или полигамная модель семьи не может даже в теории претендовать на статус идеальной. Желание сохранить старую форму в новых условиях похоже на стремление рыбы сохраниться в высыхающем озере.

Если озеро пересохло, у живущей в нем рыбы две перспективы: или сдохнуть, или отрастить себе лапы. Кто изменится под новые условия, тот станет земноводным и будет жить дальше. Кто проигнорирует наступление нового и будет вести прежнюю жизнь, как будто озеро не высыхает, тот станет кормом для новых форм жизни.

Если старая эпоха уходит, в силу законов бытия вместе с ней уходят порожденные ею формы жилья, семьи, экономики и т.д. Ничто не абсолютный и вечный продукт. Любая форма есть следствие ситуации. Созданная под вчерашнюю среду семья не жилец в новых условиях. Ни у какой вчерашней модели нет шансов сохранить себя в прежней форме.

Сознательное или интуитивное понимание идущих процессов объединяет людей в новые конфигурации союзов. Ориентируются члены таких союзов не на то, что щедро унавожено морализмами и воспето поборниками нравственности, а исключительно на свою природу, возможности, личные вкусы и мироощущение — на реальность.

Пока озеро не высохло, есть более или менее заметные лужи, где живут рыбы так, как жили раньше. Им мила старина с ее обычаями, которые они почитают за абсолютную истину. Людей можно понять... И все же рекомендую им попробовать снять шоры и трезво взглянуть на реальность. А она такова, что рожденные прошлыми условиями формы, от политики и экономики до семьи и интимных норм и табу, будут уничтожены новой эпохой. В новых условиях рождаются формы, соответствующие новой ситуации.

Встает вопрос: какие именно формы? Пока ответа нет, люди будут делать то, что им привычно — соединяться в старую модель. Тема может спровоцировать у людей такую же активность, как изобретение вечного двигателя или доказательства теоремы Ферма, когда каждый обыватель и домохозяйка стремились внести свою лепту в решение задачи.

Аналогично и тут предвижу, люди будут изобретать оптимальную семью, вычисляя, сколько мужчин, женщин и иных живых существ нужно соединить, чтобы всем было хорошо. У мужчин движущим мотивом будет секс, какой до сих пор стоял у них в табу. У женщины желание переложить свои активы, пока они не увяли, во что-то более надежное.

Я совершенно не против таких поисков, но чтобы не обмануть других и самому не обмануться, нужно держать в голове простой вопрос: что будет удерживать людей вместе по достижению солидного возраста? Пока они молодые, все понятно, все здоровые, всем весело, все трахаются затейливо и любят друг друга, не очень думая о завтрашнем дне. Но что будет, когда участники этого развеселого союза состарятся?

Если ответа нет, если вы проектируете модель, исходя из предположения, что люди всегда будут молодыми и здоровыми — вы не новую форму создаете, а развлечение интимного характера под себя планируете. Максимум, продлится оно, пока все участники будут в той форме, в какой изначально соединялись. Как только элементы, из которых вы собрали свою оригинальную конструкцию, изменятся, ваша социальная постройка рухнет.

Я считаю, что церковная модель семьи распадется в первую очередь, так как она на 100% искусственная. Полигамная продержится дольше, так как она все же естественная и соответствует как человеческой природе в целом, так мужской и женской природе в частности. Но в итоге обе формы будут уничтожены новыми условиями, и их сменит модель, соответствующая новым условиям, которые сегодня надвигаются семимильными шагами.

Чтобы не оставлять читателя в полном неведении относительно будущих форм, скажу, что если история развивается по спирали, похоже, человечество совершило полный круг и в данный момент в пол шаге от исходной точки, но на более высоком витке.

Вчерашние условия собирали людей в племена — одну большую семью. Наступающие условия снова соберут людей во что-то похожее на племя, с изменениями, пропорциональными их развитию. В новой среде родится новая семья и новое общество. Как античная Греция состояла из примерно полутора тысяч независимых городов-государств, так будущее человечество будет состоять из миллионов сходных структур.

Патриотизм

Эволюция учит: при прочих равных выживают не самые умные, а самые сплоченные. Если носитель ума нарушает монолитность стаи, его изгоняют. Сегодня это правило проявляется в закрытых, предоставленных себе коллективах. Например, в армии с ее дедовщиной или местах лишения свободы. Сплоченная группировка не самых умных людей всегда будет сильнее умных людей, сколько бы их ни было, если они разрознены.

Когда обезьянья стая в безопасности, идет текущая жизнь. Одни друг у друга блох ищут (это у них проявление высшей симпатии), другие ругаются и дерутся до крови. Но заметив опасность, например, другую стаю, склоки сразу прекращаются. Все мгновенно сплачиваются. Обиды забыты. Кто секунду назад дрался, теперь образуют прочный союз и готов защищать собрата как себя, вплоть до самопожертвования. Но едва опасность миновала, обезьяны возвращаются к текущей жизни. Одни снова блох ищут друг у друга, другие возвращаются к выяснению отношения. И так до следующей тревоги.

В древние времена причастность к своему племени и выживание были синонимами. Люди видели друг в друге не другое существо, а продолжение себя, как мы видим его в своей руке. Не было понятия «индивид», никто не отделял себя от племени. Не было «Я», было «МЫ». Между людьми формировались отношения, как между членами тела. Если палец в беде, значит, все тело в беде. Все сознательно и инстинктивно понимали, что спасая палец, они себя спасают. Каждый жив, пока живы другие члены тела.

Такой взгляд на себя, на жизнь и мир до сих пор сохраняется у племен, отрезанных от цивилизации. Например, в языке племени пираха, живущего в лесах Амазонки, для понятий «я» «он» «мы» нет отдельных слов. Все эти понятия обозначаются одним словом.

По мере развития территорию проживания укрепляли и огораживали, в результате чего возникает город — огороженное пространство. Эта территория защищала людей от холода и голода, морального и физического насилия, кормила и поила, обувала и одевала.

То, от чего человек получает такие блага, порождает сначала рациональную любовь, которая постепенно дополняется эмоциональной. Людей пронизывают вибрации родной земли, они начинают любить ее березки/ пальмы, культурные обычаи и климатические особенности. Если кто покушался на территорию, источник жизненно важных благ, все от мала до велика вставали на ее защиту, проявляли чудеса героизма и самопожертвования.

Если враг захватывал город, для всех людей вне зависимости от возраста и пола это означало смерть или рабство. Дома и имущество разграблялись или уничтожались. При таких перспективах активировался инстинкт самосохранения. Защита территории была защитой своей жизни и жизни близких, своих свобод и прав, своего дома и имущества.

Называется такая модель поведения патриотизмом. Корни ее формировала ситуация и здравый смысл. Людей объединяла любовь к источнику своего блага и защита его от врага. Все это укоренилось в глубинах подсознания и животной пещерной памяти.

Патриотизм родился как ответ на угрозу высшим ценностям: жизни, здоровью, свободе и благополучию. Если бы людям ничего не угрожало, патриотизму неоткуда было бы взяться. Если нет причины, невозможно и следствие.

Если причина была, и породила следствие, а потом исчезла, далее неизбежно исчезнет и порожденное ею следствие. Если холод породил тулуп, а потом исчез, на его место пришла жара, тулуп исчезнет из вашего гардероба за отсутствием необходимости.

Вчера был агрессор, желавший захватить ваш город, присвоить имущество, а вас самого убить или забрать в рабство. Все это было опасно для вашей жизни и свободы. Эти обстоятельства родили комплекс чувств и настроений, называемых патриотизмом.

Сегодня в мире нет агрессора, желающего захватить город, присвоить имущество, а вас убить или забрать в рабство. При современной экономике ваш скарб даром никому не нужен. Экономике куда выгоднее побудить вас выкинуть его на помойку и отправить за покупкой новой порции добра. Рабы современной экономике тоже не нужны. Развитые страны не знают, как защититься от наплыва добровольно жаждущих продаться в рабство.

В этой ситуации нет рационального основания для патриотизма, так как нет угрозы, в прошлом породившей его. Если территория, на которой вы сейчас проживаете, будет, например, под властью Франции, чем это событие угрожает лично вам?

Если бы это случилось пару веков назад, когда проводилась колониальная политика, ваша страна стала бы французской колонией. Население нефранцузской национальности было бы отнесено к людям второго сорта. С ним перестали бы делиться доходами от продажи природных ресурсов, собирали бы больше налогов, урезали социальные выплаты и льготы, лишили бы многих прав и свобод. Бюджет перераспределили бы с образования и науки в пользу французских силовиков, чтобы контролировать туземцев, и французской элиты, чтобы она могла увеличить личное потребление до заоблачных размеров.

Но если это случится сейчас, когда более 30% французских граждан не французы по крови — негры, арабы и другие национальности из бывших французских колоний. Они в разы растут быстрее французов по крови. Так как при демократии решающее значение имеет демография, если кардинально ничего не изменится, тренд не вызывает сомнения.

В этих условиях переход вашей территории под контроль Франции не грозит лично вам ничем. Вас никто не убьет, в рабство не возьмет, ваш скарб никому даром не нужен. Единственное, что с вами случится: вы станете французским гражданином, каким стали жители Алжира, Ливии, Марокко, Конго, Ливана и прочих бывших колоний Франции. В кошельке вместо местной вялой валюты у вас будет крепко стоящее евро. Налоги платить будете не тем, кому сейчас платите, а в Елисейский дворец. Единственное, что вы заметите при смене власти — по телевизору другие лица будут говорить про всемерное развитие демократии, рост народного благосостояния, борьбу с коррупцией и все такое.

Можно сказать, что присоединение территории к Франции невозможно без пролития крови и ужасов войны. Понятное дело, никто не хотел бы оказаться в Ливии или Сербии, в те времена, когда армии НАТО несли туда демократию гуманитарными бомбардировками. И минимизировать это можно только одним: все здравомыслящие люди должны быть патриотами. А кто поднимает такие темы, тот, как минимум, предатель и враг народа.

Все верно, и глупо было бы с этим спорить. Но я говорю несколько о другом. Я не спрашиваю, хорошо или плохо, если страну, где вы проживаете, будут бомбить перед тем,

как включить ее в состав Франции и признать ее население французскими гражданами. Я не обсуждаю процедуру включения вашей страны в состав Франции. Я умоглядную картину предлагаю вам оценить: вот вы сейчас гражданин своей страны, а завтра раз, и волшебным образом ваша страна является частью Франции, а вы — ее гражданином. Без всяких бомбардировок и ужасов войны это произошло — проснулись завтра, и все готово.

Вот у вас паспорт, дающий право на свободное передвижение по Европе. Вот набор прав и свобод, прилагающихся к этому паспорту. Оплата вашего труда, который вы сейчас делаете, идет не в национальной валюте, а в евро. Какую угрозу это несет вам лично?

В колониальный период неважно, каким образом одна страна попала под контроль другой, добровольно присоединилась или силой оружия. При любом сценарии титульная нация была на особом положении, а все остальные оказывались вторичными.

В современный период, когда демократия фактически является религией, понятию «второсортный человек» в системе так же нет места, как в круге нет места углу. И если так, скажите, чем присоединение вашей территории к Франции грозит лично вам?

Патриотизм не самостоятельное явление, а ответ на угрозу. Если угрозы нет, не из чего появиться патриотизму. С исчезновением причины исчезает следствие. Констатирую: тому естественному патриотизму, что был в прошлом, в нашем времени места нет.

Чтобы появился патриотизм, нужна угроза вашей жизни, здоровью и благополучию. На крайний случай нужна хотя бы угроза вашему имуществу. Но мне сложно помыслить, что сейчас от кого-то в мире может быть хотя бы сотая доля той опасности, какая была в середине XX века от Гитлера. Тогда патриотизм был актуальным и естественным делом. При фюрере судьба всех не арийцев была бы незавидной: смерть или рабство. А сегодня кого можно заподозрить в подобных намерениях? Или кто зарится на ваше имущество?

Я ни в коем случае не хочу оскорбить патриотические чувства, которые в каждом из нас культивировались всю историю человечества. Это сидит у нас генах. Но я призываю посмотреть на ситуацию объективно и признать, что мир изменился. И как с уходом феодализма не осталось места понятию «дворянская честь» (лубочные варианты не учитываю), так с уходом иерархичного мира, последняя часть которого называлась индустриальной, уйдут порожденные им понятия, одно из которых — патриотизм.

Капитализм вытеснил старые понятия и принес совершенно новые, неприемлемые для феодального сознания. Информационная эпоха точно так же вытеснит рожденные старой эпохой понятия и принесет новые, неприемлемые для сознания старого мира. Дворяне были в ужасе, наблюдая процесс попрания вековых норм, выкидываемых новым миром за ненадобностью. Патриоты тоже будут в ужасе от одной мысли про ненужность или необоснованность патриотизма в современных условиях. Такова жизнь...

Естественные

Чтобы поставить точку в рассуждениях о патриотизме, различим его настоящую и искусственную форму. Настоящие патриоты — класс людей, кому утрата независимости страны несет не психологический дискомфорт, а реальную угрозу. В первую очередь это правители и политические кланы, сменившие сегодня дворянское сословие.

Чтобы уловить нерв ситуации, углубимся в понимание природы социума. До интернета и блокчейна он мог быть только в двух состояниях: пирамида или хаос. Иных вариантов не было. Организация сильнее хаоса, и потому люди собирались в пирамиду.

Современный мир представляет собой совокупность пирамид, постоянно давящих друг на друга (вначале я сравнил планету с комнатой, набитой воздушными шариками, которые постоянно давят друг на друга). У людей на вершине пирамиды есть монополия на насилие (это называется власть). Как следствие, у них есть доступ к ресурсам общества.

Чтобы понять природу власти, представьте общество яблоневым садом. Физические и юридические лица — плодовые деревья, на которых растут яблоки-налоги. Кто владеет этим садом, тот каждый год собирает с него урожай.

Правители держатся за власть по той же причине, по какой хозяин сада держится за свой сад — это источник благополучия, безопасности и тщеславия. Сущность власти ухватывается через термин «крыша». Не важно, какой объект находится под крышей, сад, ларек, завод или страна. Важно, что во всех случаях реальная цель крышующих — выгода.

Противостояние власти и оппозиции — противостояние крыш за объект. В роли оружия у официальной власти — карманные СМИ, суд и полиция. Оружие ее оппонента — интернет, компромат, призывы соблюдать Конституцию и все такое.

Чтобы правильно понимать намерения удерживающих власть или стремящихся к ней, держите в голове, что правила игры требуют от правительства и оппозиции говорить в духе «за все хорошее и против всего плохого». Не смотрите на слова. Они в политике не для информирования вас о реальном состоянии дел, а чтобы своих целей добиваться.

Хотите понимать мир? Смотрите не на что говорят, а о чем молчат. Исходите из фундаментальных вещей, в которых ошибиться нельзя. Всякая жизнь стремится к своему благу, а значит, к источнику того, что дает это благо. И получив его, охраняет. Благо разное, размеры разные, источники разные, но суть одна и у людей, и у животных.

Человек ищет власти мэра не потому, что его вдруг обуяла жажда организовывать движения транспорта или уборку улиц, а потому что занятие этой должности даст ему социальный статус и материальные блага. Аналогично и с высшей властью, люди ищут ее не потому, что им нравится тарифы ЖКХ обсуждать или пенсионные реформы, а ради социального статуса и материальных благ, только в еще большем размере.

Правители воспринимают власть точно так же, как вы свои деньги, заводик или любой иной актив. Если вам доказывают, что вы очень плохо управляете собственностью, и есть кто-то, кто лучше вас это сделает, и это правда, с которой вы согласны — для вас это никогда не будет поводом отдать свои активы тому, кто лучше с этим справится (не продать, а именно отдать без компенсации). Максимум, вы можете дать в управление свой актив кому-то, оставаясь хозяином и получая прибыль. Но отдать — это исключено.

Если вы докажете правителям, что они не самые хорошие управленцы, и они с этим согласятся, власть они не отдадут по той же причине, по которой вы не отдадите деньги. Тут сермяжная правда. Всякая жизнь стремится к своему благу. Все остальное — способ достижения своей цели. Если допустить жизнь, не ориентированную на свое благо, жизнь, ставившую благо выше своего, ее на ранних стадиях отсеяла бы эволюция.

С деньгами и властью расстаются только в одном случае — когда нет возможности их удержать. Государства гасят свои долги, когда не гасить их себе дороже. Западные президенты меняются как часовые точно в срок, потому что нет шанса остаться на месте. Если есть хоть малейшая возможность сохранить власть или деньги — сохраняют.

Сегодня сохранение власти против демократической системы означает украсить себя короной. Корона — опасное украшение. Как только вы ее одели, можете себя как угодно называть, но по факту вы монарх (власть одного). Корона сливается с головой, как будто в ее основании зубцы, которые со всех сторон проникли в череп, защелкнув голову и корону намертво в единую конструкцию. Снять ее теперь можно только с головой.

Головы людей из окружения монарха тоже приращены к короне. Сила связки прямо пропорциональна близости к самодержцу. У самых близких головы так же связаны с короной, как и голова самого монарха. Когда корону срывают, на ней всегда болтается не одна оторванная голова первого лица, но и плюс головы ближайшего окружения.

Представьте себя правителем. У вас семья, друзья, все живут и процветают, пока вы у власти. Но если вы вдруг теряете ее, у всех близких с высокой вероятностью начинаются примерно такие проблемы, какие были у родни и друзей потерявших власть правителей.

И вот вы, как правитель с короной на голове, по сумме этих соображений, положили руку на сердце, на что будете ориентироваться, на Конституцию и соответствие законам

или сохранение власти любой ценой? Вот как бы вы поступили в роли правителя, так и власть поступает. Всякая жизнь стремится к благу.

Троцкий говорил, что «Патриотизм на протяжении всей истории нерасторжимо был связан с властью и собственностью». Реальные патриоты — это для кого страна источник питания и безопасности. Чем выше их положение, тем больше причин быть патриотом.

В эту категорию попадет экономическая элита, чей бизнес прямо зависит не от власти вообще, а именно от той команды, что сейчас имеет власть. Стоит им потерять власть, как они потеряют свои активы. Почему эти люди патриоты — тоже понятно.

Потеря независимости страны оборачивается неприемлемыми последствиями для самой верхушки пирамиды, и далее для всех, кто зависит от существующей ситуации. Они реально заинтересованы делать все возможное, чтобы сохранить независимость страны.

Для сохранения страны оружие необходимый, но недостаточный фактор. Нужен еще комплекс мер политического и экономического характера, самым важным из которых является сознание населения. Если у вас на всех фронтах порядок, но народ ненавидит свою власть, государство повторит судьбу СССР. Оружие у Союза было идеальное, экономика была при всех своих минусах второй в мире. СССР мог пойти по тому же пути, что Китай. Плохо было с одним — народ сочинял анекдоты про власть и коммунизм.

Руководители Союза понимали, что нужно исправлять ситуацию, но как? Если нет реальной идеи, ничего не остается, кроме как культивировать патриотический настрой. В наскучившие всем парады и лозунги вливали огромные деньги. Результат был обратный.

Мир как при кончине СССР был в идейном вакууме, так в нем и остался. Как в СССР перед его кончиной единственными настоящими патриотами была политическая элита, так и сегодня это главные патриоты (говорю без всякой иронии). Плюс добавилась экономическая элита. У всех остальных нет естественных мотивов для патриотизма. И как вчера массу искусственно накачивали патриотическими настроениями через проведение парадов и лозунги, так и сегодня накачивают. Изменились бантики, но не принцип.

Вчера официально знаменем была идея коммунизма, и ее укрепляли патриотизмом идейного типа (коммунистическим). Сегодня идеи нет, и потому патриотизм пытаются из укрепляющего средства превратить в основное — сделать его национальной идеей.

Патриотизм может дать команде идейных сторонников дополнительную прочность, но выступить в роли самостоятельной идеи он не может. В начале XX века в России одни патриоты считали, что для блага родины нужно разрушить монархию, а другие наоборот, считали, что для процветания родины нужно сохранить монархию. Любовь к родине тех и других вылилась в мясорубку гражданской войны. В Германии одни ради любви к народу и стране хотели построить национал-социализм, а другие коммунизм.

Единственный вариант представить патриотизм знаменем — позиционировать его только в эмоциональном формате. Упор на то, что любовь к родине как любовь к матери не нуждается в основании. У каждого приличного человека от природы это чувство.

Такой кукольный патриотизм — попытка активировать в человеке те же чувства к родине, какие футбольные фанаты испытывают к футбольному клубу. В патриотизме футбольного формата поощряется питье водки за родину, от избытка чувств рвать на себе рубаху, стучать кулаком по столу и купаться в фонтанах. Прокричав кричалки из серии «Спартак — чемпион!» патриоты расходятся до следующего раза «Так глубоко довольны собой/ Что подумаешь: в том их призванье» (Некрасов «Парадный подъезд»).

«Всё это люди без одиночества, без собственного одиночества, неотесанные, бравые ребята, которым нельзя отказать ни в мужестве, ни в почтенных нравах, — только они до смешного поверхностны». (Ф. Ницше ««По ту сторону добра и зла»»).

По рациональности эмоциональный патриотизм ниже футбольного фанатизма. У футбола есть коммерческий и социальный смысл — через неистовство на трибунах, а так же до и после, социум выпускает пар. По статистике, в это время бытовое насилие падает. Люди выпустили агрессию, и нет сил на разборки. У патриотизма нет ничего подобного.

Любовь к родине не может поднять народ ни на реализацию идеи (по причине ее отсутствия), ни активировать инстинкт самосохранения (по причине отсутствия угрозы, которая хотя бы частично несла в себе те угрозы, какие несло нашествие Гитлера).

Как ни крути, а подлинными патриотами является политический истеблишмент и бизнес-элита, чей бизнес привязан к действующей власти. Кто не привязан, у того в отсутствии идеи единственной реальной целью является получение материальной выгоды и честолюбие (хочется людям признания и знаменитости так же сильно, как еды и секса).

Если настоящая цель — деньги, почему ему нужно выступать за независимость страны, а, например, не продать ее, если поступит выгодное предложение? Будет на карте вместо большой России маленькая Московия. Милая такая, кастрированная (от ядерного оружия), и тихая... Потому что армия у нее будет как у Монако. Лексика из прошлой эпохи, негативно оценивающая такую сделку — это слова. Как мы выяснили, никто ради слов не откажется от блага. И потом, в космополитическом лексиконе найдется много слов для оправдания такого поступка. Они превратят человека-продавца в человека-героя.

Кто заявляет себя патриотом, не относясь к политической верхушке и привязанному туда бизнесу, тот патриот — футбольного типа. Если отбросить бантики и вычленить цель современного патриотизма масс: не допустить западных казнокрадов к бюджету родины. Отстоять право на доступ к бюджету только за отечественными казнокрадами.

* * *

До информационной эпохи единственным способом избежать социального хаоса было построение общества в пирамиду. Для узкого класса людей, занимающего верхушку пирамиды, страна была источником благ, что делало их естественными патриотами.

В информационную эпоху с появлением технологии блокчейн есть возможность на ином принципе организовать социум, не иерархично, а как пчелиный рой или муравейник — без центра управления. Муравьиная и пчелиная матка ничем не управляют. Но при этом все находятся на своих местах и делают работу, к которой расположены по природе.

Вчера я видел образ будущего человечества в образе муравейника, и называл его термином Зиновьева «человек-муравейник». Сегодня мне кажется, более точно образ передает термин «мицелий» (грибница). Одна грибница по площади может занимать целый лес. Все грибы или группа укоренены в ней, но каждый гриб и группа самостоятельны.

Этот образ близок к концепции Делеза «тело без органов». Каждый есть все и ничто. Как всякая точка во Вселенной обладает признаками центра, и при этом никакая точка не есть центр. По земной логике это невозможно, у всякого пространства есть один центр. У Вселенной любая ее точка годится на роль центра. Ни одна точка не центр и все центры.

Сегодня есть все предпосылки для движения от пирамидообразной конструкции с ее иерархией в сторону децентрализации. Но на практике движения нет, так как на вершине каждой пирамиды сидят свои настоящие патриоты — в Северной Корее красные монархи, в США и Европе политические кланы, в России свои патриоты, а в Китае свои. Патриотам важна не эффективность конструкции или ее соответствие времени, как это было не важно феодалам, а что она является источником их блага. Они будут ее защищать изо всех своих сил по той же причине, по какой вы защищаете источник своего блага.

Стремление к благу внутри модели — двигатель прогресса. Патриоты выделяют на развитие науки и техники ресурсы, потому что это делает источник их благополучия, государство, надежнее и богаче. Но на мировом уровне стремление к благу — вселенский тормоз. Патриоты не пускают развитие за границы своей модели. Они как бы говорят людям и всему миру: делайте что угодно, но при условии, что система сохраняется, и я остаюсь в ней на своем месте. Окажись патриоты между двумя вариантами: система будет в сто раз эффективнее, но ты потеряешь ее как источник своего блага, или система будет хуже, но ты сохранишь ее как источник своих благ, люди выберут второе. Первый выбор, конечно, выглядит благороднее, но счастье лучше благородства, и потому се ля ви...

Происходит так не потому, что на вершинах пирамиды люди плохие сидят, а потому что таковы законы бытия. Окажись любой из нас на их месте — точно так же защищали бы мы свою кормушку. Люди всегда соответствуют системе.

Изменить положение дел невозможно логикой и уговорами. Для человека истина — его благо. Пока сохраняется старая мировая система, неизбежны естественные патриоты, а значит, их стремление, как минимум, защитить свое благо, а как максимум, преумножить.

Феодалов невозможно было никакими словами побудить расстаться с феодализмом, так как он был источником всех их благ. Ушли они под напором обстоятельств, которым не могли противиться. Создал эти условия телескоп, пар и порох.

Сегодняшних патриотов подвигнут на такие поступки ситуации, грозящие отнять большее, чем привычный образ жизни — жизнь. На тонущем корабле, перевозящем золото, люди не спасают золото. Они спасают себя, предоставляя металлу утонуть.

Элита откажется от своей кормушки под влиянием глобальных потрясений, масштаб которых соизмерим с изменениями, производимыми в 2020 году коронавирусом Covid-19 (сейчас 9 апреля 2020 года). Количество заражений по всему миру растет по экспоненте, смертность выше, чем при испанке. Единственная защита — карантин. Экономика при такой защите стремительно падает. Дна не видно. Никто не знает, что будет завтра.

К потрясению мирового масштаба нужна идея религиозного масштаба, реализуемая через демонтаж старого мира. Возможно, разворачивающиеся события сыграют такую же роль для мира, какую сыграла Первая мировая война для революции 1917 года.

Информации недостаточно, чтобы прогнозировать события. Сегодняшние события, как минимум, являются намеком на будущие инструменты трансформации мира, какими до этого были пар и порох. Как максимум, на старый мир пошла волна, которая уже не остановится. Запретительно-разрешительная организация социума отжила свое.

Старый мир как совокупность противостоящих пирамид с присущей им иерархией и патриотизмом уйдет, как в свое время ушел феодализм. И мы постараемся сделать для этого максимум, потому что при традиционной иерархии социум не может направить свои ресурсы на преодоление старости и смерти. Если хотим иметь шанс умирать по своей воле, нам нужно демонтировать иерархичный пирамидообразный мир, и на его месте создать принципиально новый мир — децентрализованный. *«Не вливают также вина молодого в мехи ветхие; а иначе прорываются мехи, и вино вытекает, и мехи пропадают, но вино молодое вливают в новые мехи, и сберегается то и другое»* (Мф. 9, 17).

Солдаты

Один из компонентов безопасности государства — хорошие солдаты. Идеальный солдат — это кому чужд страх, жалость, сомнения, усталость, и кто всем своим существом ориентирован на исполнение приказа. Таким был бы робот с искусственным интеллектом, у которого исполнение приказа рождало бы блаженство, а неисполнение непереносимый дискомфорт. Для него смерть при исполнении приказа была бы привлекательнее жизни при неисполненном приказе.

Во все времена власть искала способ получить таких солдат. В рамках этой цели средневековая Европа устанавливала мужчинам на подсознание шаблоны под общим названием «рыцарская честь». Следование им позиционировалось важнее жизни.

Суть принципов сводилась к тому, что сражаться до последней капли крови с врагами короля — твоя обязанность и святой долг. Защита владений короля и завоевание ему новых земель — смысл и главная цель жизни. Смерть на поле боя — дорога в рай.

В Османской империи биороботов (янычар) создавали из плененных христианских мальчиков. Их обращали в ислам, культивировали религиозный фанатизм, абсолютную преданность султану, слепое повиновение командиру и подавляли индивидуальность. За попытку самостоятельно мыслить, за высказанное суждение, даже если оно в русле всего,

чему учат, но в нем видна мысль, их жестко наказывали. Идеальный биоробот не должен думать. Он должен слепо исполнять приказы и получать от этого удовольствие.

Когда технологию нарушили, качество универсальных солдат сразу упало. Янычары стали иметь мнение в тех областях, о которых ранее им думать запрещали. Даже не так. Не запрещали, а для них не существовало этих областей. Было только одно — вот приказ, вот цель. Выполняй. Зачем выполнять, кому это нужно, справедливо ли это — таких вопросов у янычар в голове не было. Это делало их военной элитой империи. (элита — это не всегда лучшие; слабоумие и отвага в некоторых случаях могут быть признаком элитности).

Как только в голове янычар появились посторонние темы, а вслед за ними мнение, из источника могущества они превратились в источник проблем. Воины повадились смещать султанов и назначать своих ставленников. Универсальные солдаты стали мятежниками. В связи с этим всю архитектуру вооруженных сил Османской империи пришлось менять.

Но больше всех в создании военных роботов преуспела Япония. Самураю всю жизнь внушали, что высший смысл его жизни — служить господину. Честь — сражаться за интересы господина. Счастье — умереть на поле боя или отдать жизнь за господина. Как я говорил, самураю вдалбливали, что у него не может быть цели, у него только путь.

Если рыцарь или янычар мог ответить, зачем идет на верную смерть (так он Христу или Аллаху служит, и в рай попадет), то самурай при всем желании не мог дать никакого объяснения. Единственное, что он мог сказать: так надо, это мой долг и моя честь.

С этих позиций самурай более совершенный боевой робот относительно рыцаря и янычара. Он был запрограммирован исполнять приказ. Чем лучше исполнял, тем приятнее испытывал чувство. При неисполнении приказа имел чудовищный дискомфорт. Равно как при получении приказа, исполнение которого противоречило чести, но и неисполнение тоже противоречило. Возникал тупик, и вместе с ним непереносимое угнетение духа. В этой ситуации самурай мучительно убивал себя — вспарывал живот (харакири/сэппуку).

Зачастую ритуальное самоубийство самураем совершал, когда не было иного способа доказать чистоту своих помыслов или невиновность. Иногда он убивал себя, потому что погибал в бою хозяин, и он, оставшись без господина, так доказывал ему свою верность.

Внешне это самоубийство выглядит сущей дикостью и противоречием здравому смыслу. Зачем убивать себя, если ситуация оказалась сильнее? Это не выгодно ни тебе, ни мертвому господину. Есть масса более рациональных решений для такой ситуации.

Все так, все логично. Только упускается самая важная деталь — его дискомфорт. Чтобы понять это состояние, представьте ревнивца, обнаружившего, что его женщина получила сексуальное удовольствие, и он тут ни при чем. Допустим, никаких проблем ему это не создало, ни физических, ни материальных, ни имиджевых. Женщину не обидели, не обокрали, она не забеременела, не заболела. Никто и никогда не узнает про случившееся. Но несчастный муж на стенку лезет. Он готов убить любовника, жену, себя и весь мир. Кажется, зачем, ради чего, в чем смысл? А смысл один — убежать от переполняющего его непереносимого дискомфорта, на который он запрограммирован в этих обстоятельствах.

Всякая жизнь стремится к благу. Бегство от дискомфорта — это разновидность блага. Если в программе ревнивца записано, что избавиться от невыносимых чувств можно только через кровь, он будет стремиться убить любовника, себя или женщину. Если в программе самураем записано, что освободиться от дискомфорта он может только через харакири, он режет сам себя. Для него эта мука меньшее зло относительно наполнявшей его духовной боли. Странно слышится, но для ревнивца и самураем их действия — благо.

Разница между ревнивцем и самураем не в размере дискомфорта (он у них равно нестерпимый), а в причинах. Но какая разница, что вызвало непереносимое состояние — запах роз, на который у вас аллергия, пытка или страшный вирус? Главное, вы не в состоянии терпеть это и стремитесь уйти от боли любой ценой, в том числе через смерть.

Человеку в таком состоянии говорить что-то рациональное, приводить аргументы — это такая же бессмыслица, как если бы он сидел в парилке, и допустим, потеть ему было категорически нельзя, пот вызовет какую-то страшную реакцию и ему будет плохо. И вот объяснили этому человеку ситуацию, он все понял и согласился. Но выйти из парилки не может. Даже если он соберет всю волю в кулак, все равно вспотеет и получит дискомфорт.

С крушением феодальной эпохи и наступлением капиталистической рыцарские армии сменяют массовые. Огромному числу людей необходимо сформировать нужные установки. В рамках этой задачи государственная пропаганда как туман опускается на население. Как в Сахаре невозможно спрятаться от солнца, так в государстве невозможно спрятаться от пропаганды. Она внушает каждому, что его святая обязанность — любой ценой защищать родину и правительство. А святой долг родителей — отдавать по первому зову власти своих сыновей в армию. Зачем? Надо! Это долг настоящего человека!

В монархической России за программирование масс отвечала Церковь. Исполняя эту роль, она по случаю и без оного говорила, что смерть на поле боя за Веру, Царя и Отечество — прямая дорога в рай. Эта установка пропитывала людей до мозга костей.

Когда вера в империи значительно поколебалась, программа обновляется. Теперь там поют песни в стиле «Прощание Славянки», где зовут умирать не за Бога, Царя и Отечество, а «За любовь, за великое братство/ Мы готовы отдать жизнь свою».

Когда идея братства начинает хромать на все четыре ноги, био-ботов начинают программировать на смерть без потуг на идею. Им внушают, что они должны умирать, потому что должны. И всё, и нечего больше тут рассуждать.

Подкрепляется эта установка песнями типа «Не для меня», где перечисляется, что все радости жизни не для тебя. И единственное, что для тебя и ради чего, собственно, ты и родился, это кусок свинца. «А для меня кусок свинца/ Он в тело белое вопьется/ И слезы горькие прольются/ Такая жизнь, брат, ждет меня».

У большевиков была идея, и они программируют население новыми песнями: «Мы смело в бой пойдём/ За власть Советов/ И как один умрём/ В борьбе за это». Или еще в таком духе: «Слушай, товарищ/ Война началась/ Бросай свое дело/ В поход собирайся».

СССР льет на головы песни: «Пускай утопал я в болотах/ Пускай замерзал я на льду/ Но, если ты скажешь мне снова/ Я снова все это пройду». Режиссеры, писатели и журналисты выдают на гора соответствующие материалы — фильмы, книги, статьи.

Если разобрать содержание песен, фильмов и классической литературы (иными словами, прошедшей цензуру), здравого смысла там нуль. Песни зовут умирать за великое братство или власть Советов, даже не пытаюсь объяснить, зачем именно тебе, конкретному человеку, это нужно. В статьях и книгах даются объяснения, но за точку отсчета берется «святой долг» — так надо, ты должен. С чего он святой, про это никто даже рта открыть не пытается. Святой, и все. Кто сомневается, того просят на беседу в компетентные органы.

Перед такой перспективой гнали прочь сомнения относительно официальных истин. Все старались любить реальность, вне зависимости от ее качества. «Истинное мужество в том, чтобы любить жизнь, зная о ней всю правду» (С. Довлатов «Жизнь коротка»).

Эффективность этой технологии была чудовищной. В гитлеровской Германии даже призыва не было. Его функцию выполняла висящая над обществом установка: если ты здоровый мужчина и при этом не на службе — ты урод. Никто не хотел быть уродом.

Беттельхейм, анализирует нацистскую машину в книге «Люди в концлагере». Он пишет об эффективности групповых акций, когда наказывали не только виновных, но и группу, к которой принадлежал виновный. Выражалось это в арестах людей, вся вина которых состояла в том, что они были той же профессии, что и нарушитель.

В такой ситуации недостаточно было самому не нарушать закона. Требовалось еще, чтобы этого не делали люди в твоём кругу. Для этого мало было знать их тайные мысли и мотивы. Нужно было еще сверять их с желаниями государства. И так как у человека нет такой информации, он должен интуитивно предугадывать, чего от него хочет власть.

Для этого ему нужно слиться с душой и телом страны, ее настоящим и будущим. Это позволяло предугадывать желания властей задолго до их высказывания, прогнозируя на них реакцию своих друзей и соседей, осуществляя дружеский и ненавязчивый контроль их слабых мест (так немцам советовали соответствующие службы).

Результаты такой политики показали невиданные результаты. Люди по своей воле, без принуждения, делали то, чего от них не могло потребовать государство. Они не только страшлись делать то, что не было запрещено (и не могло быть запрещено, это принесло бы Третьему Рейху неприемлемый ущерб на международной арене), но и поступали значительно «правильней», чем власть могла от них требовать. Образно говоря, идущие в булочную люди могли самоорганизоваться и по дороге петь во славу великой Германии. Сторонний наблюдатель не мог объяснить это иначе, кроме как выражением патриотизма и особенностями национального характера. В реальности это была самозащита.

Эффективность советской пропаганды была не меньше нацистской. Когда началась война с Гитлером, общество выдало добровольцев больше, чем оружия. Первое время винтовок на всех не хватало. Были случаи, когда в атаку шли с одной винтовкой на двоих. Винтовка обретала одного хозяина, когда второго претендента убивало.

В советской мифологии есть образ пекаря, умершего во время ленинградской блокады от истощения. Имея доступ к пище, он не брал ни крошки сверх положенного. Так как прожить на это нельзя, он умер голодной смертью. Скорее всего, это реальная история. Власть качественно программировала народ. Ничего удивительного, что пекарь шел до конца, как самурай. Поступок его в высшей степени благородный с точки зрения традиционных позиций. Его неловко даже называть программой. Но это она, родная.

Взгляните на ситуацию беспристрастно. Представьте себя инопланетянином. Вы настолько же выше людей в развитии, насколько люди выше бактерий. Что для лаборанта колония бактерий, то для вас общество. И вот вы, наблюдая за колонией, видите, что одна бактерия распределяет питание, но сама не касается его и умирает от истощения. Как бы вы объяснили ее поведение? Наверное, не моральными качествами, а программой.

В Японии была такая же ситуация. Все население было готово умереть за своего императора и родину. Когда японские военные изобрели технологию «камикадзе», суть которой в том, что самолет начиняют взрывчаткой, и летчик врывается в корабль врага, число добровольцев было стабильно выше имеющихся для такой атаки самолетов.

Государству и правителям жизненно важно внушение верноподданнических чувств. Все понятия чести, долга и совести, призывы быть настоящим человеком, всепишутся на подсознание граждан творческой армией литераторов, режиссеров и прочих деятелей искусства. Их произведения побуждают положить свою жизнь на алтарь чужих интересов.

Книжные, киношные и мультяшные герои учат основам поведения, задают эталоны. Человек обвешан кучей предписаний, норм и табу, которым следует всю жизнь, не зная, зачем ему это. В текущей жизни он руководствуется не здравым смыслом, а программой.

Культура — это совсем не то, что нам рассказывают деятели культуры. Пока мир сложен в пирамидообразную конструкцию, культура будет инструментом удержания масс. Художники могут что угодно творить, но до масс доходит то, что власти допускали.

На заре цивилизации, при рабовладении, культура работала на укрепление власти рабовладельцев. При феодализме на феодалов. При демократии она продолжает работать на правящий класс. И иначе быть не может. Иначе пирамидальная конструкция рухнет.

Терроризм

Как называется умышленное убийство мирных беззащитных людей? Ответ просится на язык помимо воли — терроризмом. Не скажу, что ответ неправильный. Но скажу, что неточный. Терроризмом называется действие, направленное на убийство мирных людей непрофессионалами, пользующихся или кустарно изготовленными веществами (бомбу в сарае сделали), или использующие кустарный способ доставки (бомбу украли у военных и

на себе принесли). Если же действие произвели профессионалы, используя не кустарные бомбы, а высокотехнологичные, если в качестве носителя смертоносного груза использовался не человек, а ракеты и самолеты, какой же это терроризм... С подачи СМИ все знают, что это миротворческая акция, операция по принуждению к миру и прочее.

В прошлом это называлось карательной акцией или операцией устрашения. Людей убивали не потому, что они в чем-то виноваты, а для создания психологического эффекта. Например, Тамерлан строил не только пирамиды из отрубленных голов, но и пирамиды из живых людей. Пленников связывали, ставили друг к другу и друг на друга, скрепляя этот «стройматериал» камнями и глиной. Самая большая пирамида была построена из двух тысяч человек при завоевании Афганистана. Несколько суток она стонала на всю округу, транслируя смертельный ужас и животный страх, подавляя волю к сопротивлению.

В Первую мировую войну немецкая армия развешивала целыми семьями людей на деревьях, как игрушки на елку, включая женщин и детей. Мольтке по этому поводу писал: «Разумеется, наше наступление носит зверский характер, но мы боремся за нашу жизнь, и тот, кто посмеет встать на нашем пути, должен подумать о последствиях».

Как ни называй бомбежки, хоть войной, хоть миротворческими операциями, от них страдает население. Гибель мирных граждан называется сопутствующими потерями. В результате появляются люди, у которых разбомбили дом, и под его обломками погибли дети, жена, родители, родственники. В других домах погибли друзья и знакомые. Разрушена экономика и инфраструктура. Весь привычный уклад жизни сломан.

Неудивительно, что выжившие хотят мести с тем же рвением, с каким хотели ее русские и английские летчики, потерявшие родных от фашистских налетов. В 1945 году им дали эту возможность. Несколько немецких городов были разбомблены гуманистами без всякой военной необходимости. Это была месть за Лондон и Сталинград.

У пострадавших от американских бомбардировок нет возможности так отомстить, так как нет носителей в виде самолетов и ракет и смертоносного груза в виде боеголовок и авиабомб. Но у них есть вера, что смерть во время отмщения есть дорога на небеса, где они соединятся с родственниками, отправленными туда гуманистами.

Не важно, так ли это на самом деле или они заблуждаются. Важно, что они верят в это. Из желания отомстить, технической отсталости и восприятия смерти дорогой в рай рождается стратегия действия. Люди мастерят самодельные бомбы (они несопоставимы по мощности с теми, что вываливаются из натовских «голубей мира»), обвязываются ими и взрывают себя в людных местах на территории страны-обидчика.

Будь у них самолеты как у агрессора, они бы реализовали свою месть, как русские и англичане в 1945 году. Будь у них хоть какие-то самолеты, способные преодолеть ПРО обидчика и залететь на его территорию, они бы воспользовались ими, как японские камикадзе. Но так как ничего такого у них нет, они сами в роли носителей боеголовок.

В 2001 году эти люди угнали у обидчика два гражданских самолета и врезались в башни-близнецы. Официально общее число погибших — почти три тысячи человек. СМИ назвали это крупнейшим целенаправленным одномоментным убийством мирных людей.

Это неправда. Крупнейшее одномоментное убийство мирных людей было в августе 1945 года, когда США на два японских города, Хиросиму и Нагасаки, сбросили атомные бомбы. Жертв было примерно в сто раз больше, чем в 2001 году в башнях-близнецах.

В Хиросиме жило порядка 245 тысяч, погибло от 90 тысяч до 200 тысяч. В Нагасаки из 200 тысяч жителей погибло от 60 до 140 тысяч человек. Смерть людей в эпицентре взрыва была мгновенной — они попросту испепелились в доли секунды (остались только силуэты на стенах). Если считать умерших от последствий, жертв получится еще больше.

Проамериканские историки заявляют, что бомбардировки имели военный смысл, что целью были военные склады. Ложь. Во-первых, никаких складов в сугубо военном смысле там не было. Если же они называют складами все, где хранится что-то пригодное для войны — это в чистом виде лукавство и извращение понятия «военная цель».

Во-вторых, американцы уничтожили (не атомными, а иными бомбами) 98 городов. В большинстве из них, если точнее, в 72-х, не было ничего, кроме деревянных домов. Кого же они там бомбили? Как ни крути, а белыми нитками шиты версии про военные цели.

Американцы бомбили мирное население с целью запугать Японию и принудить к миру. По подсчетам США, без бомбы война с Японией длилась бы еще около года и жертвы среди американских военных составили бы сотни тысяч, до миллиона. Японцы писали, что после атомных ударов и разгрома Квантунской армии от СССР даже самые отъявленные фанатики в правительстве не смели настаивать на продолжении войны.

Второй параллельной целью было остановить экспансивные настроения СССР как в направлении Японии, так и Европы. В результате Европа была поделена между СССР и США, а Япония полностью ушла под США. СССР не позволили занять ни одного острова.

Итак, если называть терактом целенаправленное и одномоментное уничтожение гражданских лиц, то самое массовое — вовсе не атака на башни-близнецы, а атака на Хиросиму и Нагасаки, совершенная США в августе 1945 года. Есть и более малые, но из них многие превосходят по числу жертв трагедию, случившуюся 11 сентября 2001 года.

Во время миротворческих акций мощные бомбы на мирные головы летят тысячами, и люди под этими ударами тоже гибнут тысячами. Еще больше раненых. Если учитывать последствия гуманитарной катастрофы, счет пойдет на десятки и сотни тысяч. Помимо человеческих жертв рушатся дома, коммуникации, экономика и уклад жизни. Но все эти действия не оцениваются терактами, потому что нет одного из главных признаков теракта: кустарной взрывчатки и кустарного способа доставки.

Вот если бы англичане и русские вместо того, чтобы бомбить немецкие города, привезли взрывчатое вещество или отравляющий газ в чемодане и на немецких вокзалах начали его взрывать, нанося вред зданию вокзала и убив десяток мирных немцев, это страшное действие квалифицировали бы как терроризм. Но если вредоносное вещество было упаковано не в чемодан, а в тысячи бомб, если их доставили самолеты и сбросили на те же немецкие города, включая вокзалы, человеческих жертв и разрушений было бы намного больше, никакой цивилизованный человек не назовет это терактом.

Если бы Америка нашла добровольца, взорвавшего на площади Хиросимы во время митинга мешок с гвоздями, которые, разлетаясь, убили бы десятки людей, а поранили еще больше, мировая общественность назвала бы это бесчеловечное действие терроризм. Но если Америка сбросила на ту же самую площадь атомную бомбу, одномоментно убив десятки тысяч человек, никто не квалифицирует ее действие терактом. Потому что нет центрального признака терроризма — нет кустарщины и любительского подхода.

Мораль: если хотите убивать мирных людей, но не быть террористом, не убивайте их кустарно и малыми партиями. Убивайте высокотехнологично и большими группами. Чем больше убьете, тем меньше в ваших действиях террористических признаков и больше миротворческих. Здесь принцип бизнеса и политики: если вы украли кошелек, вас посадят в тюрьму. Если вы украли железную дорогу, вас изберут во власть. Размер всегда имеет решающее значение. «Людей следует или ласкать, или уничтожать, ибо за малое зло человек может отомстить, а за большое не может; из чего следует, что наносимую человеку обиду надо рассчитать так, чтобы не бояться мести». (Н. Макиавелли).

Кто всегда плыл на волнах средств массовой информации, не думая самостоятельно, тому сложно принять эту информацию, даже если возразить нечего. Чтобы облегчить вам роды независимого мышления, взгляните на ситуацию с бытового масштаба. Представьте такую картину: танк раздавил дом со всей семьей, но один выжил. И вот этот единственно выживший выбил из рогатки глаз танкисту. Оба действия ужасны, но какое ужаснее?

СМИ освящают этот факт, опуская предысторию. Повествование начинается с момента, когда выживший человек с рогаткой крадется к расположившимся на отдых танкистам и совершает свое противоправное действие — стреляет и выбивает глаз. Далее краткая характеристика танкиста, что с товарищами по работе поддерживает хорошие отношения, выдержанный, спортсмен, хороший семьянин, порочащих связей не имеет. А

про стрелка СМИ говорят только, что он совершил бесчеловечный поступок. И если вы не знаете предыстории, у вас будет одна оценка ситуации. Если знаете — противоположная.

Международные СМИ (читай западные) говорят, что взорвать себя в толпе может только маньяк и нелюдь. А нормальные люди не будут себя взрывать ради того, чтобы убить невинных мирных мужчин, женщин, детей. Действительно, нормальный человек не будет вот так, с бухты-барухты, взрывать себя. И, кажется, самое время задаться вопросом: а зачем они это делают? Про то, что озверели, что нелюди — понятно. Но зачем нелюди это делают? Потому что нелюди? И это весь мотив? Согласитесь, недостаточно.

Может, эти самоубийства, влекущие за собой смерть других людей, совершаются из хулиганских побуждений? Тоже не клеится... Хулиган может нецензурными словами стены расписать или стекла побить. Но взрывать себя из хулиганских побуждений...

Ни одно СМИ и журналист не сказали и не написали, что бесчеловечные действия совершаются из хулиганских побуждений. Следовательно, ни один журналист и СМИ не думают всерьез, что нелюди взрывают себя по хулиганским мотивам. Но если мотив не хулиганский, тогда какой? Казалось бы, на этом нужно сделать акцент. Причина важнее следствия — устраним причину, уйдет и следствие. Но СМИ *никогда* не говорят про это. Информация подается так, чтобы ни у кого случайно даже не возникло вопроса: а правда, зачем это они делают? Напротив, они всегда уводят внимание от таких вопросов в противоположную сторону, блокируя эмоциями всякий намек на анализ ситуации.

Что остается думать? Вот лично вы что бы подумали о враче, который на все лады живописует внешние признаки болезни, но ни слова не говорит о ее причинах? Что бы вы подумали о СМИ, которое живописует событие, но никогда не говорит о его причине?

Когда некто рисует картину, но через эмоциональные уловки уводит из поля зрения главное — это называется манипуляцией. Если СМИ опишут мужчину, который режет детей ножом, но умолчат, что он по профессии детский хирург, мы единодушно отнесем его в категорию маньяков и потребуем соответствующего наказания. Дальше закрутится государственная машина, и выполняя требование народа, хирурга казнят. Если бы СМИ указали причину, по которой он режет детей, масса так же единодушно отнесла бы этого мужчину в герои и святые. Не важно, что делает человек. Важно, как подано действие.

Понятие «наркотик» определяет не производимый веществом эффект, а присутствие или отсутствие его в списке запрещенных веществ. Понятие «терроризм» определяет не характер действия, а мнение сильного. В данный момент США самые сильные на планете. Это дает им право называть своих недругов террористами, а себя миротворцами. Не важно, что миротворцы-США намного больше убивают мирных людей, чем нелюди-террористы. Важно, что истина — это мнение сильных. Когда сильный сдунется, его место займет другой сильный, и абсолютной истиной будет его новое мнение. Сильный всегда будет прав, а слабый всегда будет неправ, потому что «У сильного всегда бессильный виноват/ Тому в истории мы тьму примеров слышим» (И. Крылов, «Волк и ягненок»).

Героин

Наркотиком называется вещество, имеющее четыре признака: а) вред здоровью; б) физическая зависимость; в) социальная опасность; г) искажение восприятия мира. Чем все эти признаки выражены сильнее у вещества, тем оно как наркотик считается опаснее.

Возьмемсамого популярного представителя веществ в статусе «тяжелый наркотик»—героин. Его употребление приводит к сильной зависимости. Ее корни в природе человека. Наше тело пронизаны нервами, сигнальной системой, информирующей спинной и головной мозг о состоянии тела и координаты своих рук-ног в пространстве. Если бы не нервы, мы не могли бы управлять своим телом. Мы состоим из костей, сухожилий, мышц, кожи и органов. Все они постоянно движутся, трутся друг о друга, пульсируют. Нервы соприкасаются, но мы не чувствуем боли. Работает противоболовая

система: мозг вырабатывает гормоны, снимающие болевые ощущения, что позволяет нормально жить.

Помимо этого они стимулируют человека преодолевать трудности и идти навстречу опасности, тратя на это кучу времени и сил. Люди ищут власти и денег, занимаются наукой и творчеством, едят вкусную еду, слушают музыку, наряжаются и занимаются сексом исключительно потому, что это несет им удовольствие. Если бы человек не имел с этого приятных ощущений, он бы не искал ничего этого. Даже сексом бы не занимался.

Секс без удовольствия — набор бессмысленный поз и нелепых телодвижений. Как танцующий человек в глазах глухого выглядит сумасшедшим, так и занимающиеся сексом люди в глазах человека, не знающего такого рода удовольствия, выглядят идиотами.

Даже когда человек еще ничего не сделал, а только задумал, мозг уже поощряет его малыми порциями, как бы давая понять, что идет верным курсом. Поэтому люди так любят мечтать. Висящая перед носом морковка еще не откушена, еще нужно потрудиться, чтобы добраться до нее, но ее вид и запах уже стимулируют к действию.

Когда героин попадает в организм человека, он создает тот же эффект, что гормоны удовольствия. С той разницей, что раньше для получения удовольствия нужно было трудиться, а теперь ничего делать не нужно. От получения удовольствия без труда так же сложно отказаться, как от денег, которые тебе дают просто так.

При постоянном его потреблении мозг начинает сокращать производство гормонов, обеспечивающих функционирование естественной противоболевой системы, и в итоге отключает ее. Функцию обезболивания теперь выполняет поступающее извне вещество.

Пока оно бесперебойно поступает в организм, человек так же не чувствует боли, как если бы работала естественная противоболевая система. Плюс от каждой дозы в нем поднимается волна удовольствия, ощущение сильнейшего счастья и эйфории. Это на сленге называется приход — чувство, сравнимое с оргазмом, только сильнее и глубже.

Но если очередная порция героина не поступает, боль снимать нечему. Человек превращается в сплошной комок оголенных нервов. Нет ни одного участка, который бы у него не болел. Любое движение несет страдания, любая поза нестерпимо неудобна. Ему больно лежать, дышать, двигаться. Жить становится больно. Это называется ломка.

Мозг фиксирует боль и начинает разбираться, в чем дело. Анализ ситуации, потом принятие решение о возобновлении производства гормона, восстановление естественной противоболевой системы — все это занимает несколько дней. Человек все это время мучается. Но как только процесс завершен, организм приходит в обычное состояние.

Но у большинства нет сил вынести эти несколько дней. Порция героина, когда боль мгновенно сменяется блаженством, выглядит для них непреодолимым соблазном. Так героин становится для человека истинным Богом, а кайф — его личным раем. Он теперь исполняет роль, где совершенен «как может быть смерть, из которой изъяли боль». (автор в сети под ником Es, Anastasia).

Постоянное употребление можно сравнить со вставными зубами. Пока они на месте, от них нет никакого вреда. Вред возникает, если импланты удалить, деснам не дать зажить, и начать ими жевать пищу. Тут будут и боль, и инфекция. Но это будет вред не от имплантов, а от их отсутствия. Вред от героина возникает не от него самого, а от его удаления, когда он встроен в организм на роль естественной противоболевой системы.

До пережитой ломки у человека был один мотив колотья — приятное состояние. После ломки у него возникает второй стимул — страх перед болью, которая поглотит его, если он не введет вовремя дозу. Так возникает зависимость. Человек в роли циркового животного. Этими артистами движет кусочек сахара, но и кнут дрессировщика.

Петух пляшет под дудочку на арене не за сахар, а потому что до этого его ставили на горячую сковородку и играли на дудочке. Он обжигался и подпрыгивал. Петуха мучают до тех пор, пока у него не сформируется устойчивый условный рефлекс на звуки дудочки. И вот теперь, едва заслышав знакомую мелодию, птица начинает подпрыгивать. Это

зрелище кажется детворе и их родителям забавным. Взрослые объясняют детям поведение петушка тем, что он очень любит плясать под дудочку доброго дяди-дрессировщика.

Зависимому от героина человеку, у которого вместо естественной противоболевой системы искусственная, сзади угрожает кнут, а впереди манит пряник. От страха бегут быстрее, чем к благу. Человек по опыту знает, что его ждет впереди, если в час икс у него не будет дозы. Чтобы ее купить, нужны деньги. Добыть их нужно быстро. Бизнес и работа по найму отпадают. Остается быстрый криминал и уличная проституция. Времени на планирование преступления нет, есть только на отнять, украсть, обмануть или здесь и сейчас отдалиться первому встречному. Как утопающему неважно, на что опереться, на бревно или ребенка, так человеку перед страхом мучений не важно, что делать, чтобы добыть денег. Поэтому зависимые от героина люди являются социально опасными.

Его поиск и потребление становится смыслом жизни и единственной целью. Из людей с такими целями формируются субкультуры, внутри которых циркулируют знания, как можно отсрочить или смягчить ломку с помощью других веществ, если не удалось добыть героин. В ход идут грязные и отравляющие вещества в лошадиных дозах. Человек ведет образ жизни, разрушающий его личность и уничтожающий его физически.

Общество ищет способ защититься от всего этого. В теории есть два пути: запретить и легализовать. Мировой опыт показывает, что запрет не работает. Мировая статистика говорит: не смотря на все запреты, количество потребителей героина неуклонно растет. На это указывают такие объективные показатели, как, например, анализ сточных вод. В 2015-17 годах в 37 странах проводился этот тест, и везде содержание наркотика росло.

Если запрет не работает, кажется, нужно решать проблему через легализацию, как это сделали с алкоголем. Качество продукта вырастет, цена упадет. Снизятся показатели отравления и смертности. Уйдет криминал — никто не будет грабить и убивать ради того, что можно свободно купить, как мы видим это на примере алкоголя.

Почему власть идет не эффективным путем легализации, а неэффективным запрета? Почему относительно этанола (активное вещество алкоголя) государство из двух зол выбирает меньшее, а относительно героина большее?

Официальное объяснение: легализация недопустима из-за его высокой ядовитости. Но это не так. В начале XX века его прописывали детям. Многие десятилетия его менее качественный аналог, морфий, свободно продавался. Говард Хьюз, первый миллиардер в мире или Кэрл Льюис, автор «Алиса в стране чудес», плотно сидели на морфии. Как сказал Булгаков, «Есть вещи и похуже морфия, но лучше нет».

Но как же наркологи, спросит читатель... Они же не понаслышке знают, что героин творит с людьми. Это действительно так, наркологи рассказывают ужасные вещи. Но перед тем как дать этим рассказам оценку, скажу, что объективная оценка вещества — это оценка чистого вещества, принимаемого в норме с соблюдением условий приема.

Теперь посмотрим, на какую информацию опираются наркологи в своих оценках. За показатель они берут своих клиентов, имеющих ужасное физическое и психическое состояние. Наркологи говорят, что людей до такого состояния довел героин, но это не совсем так. В реальности это состояние — результат потребления ядовитых смесей в огромных дозах, в которых присутствовал героин. Поглощая их с недопустимой частотой на протяжении многих лет в антисанитарных условиях, они этим самым убивали себя.

Если человек будет есть в день по килограмму чистого меда, у него будут проблемы. Если же мед еще и не чистый, а преимущественно из опасных примесей, вреда будет еще больше. Кстати, уличный мёд торговцы разбавляют разными посторонними веществами, в лучшем случае сахаром, но также мелом, крахмалом, иногда могут опилок крошить или еще чего на свое усмотрение, выдав это за природные продукты жизнедеятельности пчел.

Представим, что мёд так же объявлен вне закона, как в прошлом веке в США после Великой депрессии закон запрещал хранить частным лицам золото, а сегодня в России за хранение необработанного золота (шлихового и самородного) грозит сопоставимое с хранением наркотиков наказание. По закону это государственная собственность, так как

всё содержимое недр — собственность государства. В оборот золото вводится после того, как прошло через государство, и обрело вид слитков или ювелирных изделий.

Сейчас мед не входит в список запрещенных веществ и власть контролирует его качество. Но торговцы в целях повышения своей прибыли все равно его разбавляют. Можно представить, чем они будут разбавлять мёд, если он будет вне закона.

Представим людей, которые так любят мёд, что готовы ради него конфликтовать с законом. Они потребляют такой мед с невероятными примесями в диких количествах. Можно не сомневаться, у них будут налицо все проблемы со здоровьем.

Как вы думаете, опираясь на состояние здоровья этих потребителей, правомочно ли заявить, что мёд вредный? Можно ли утверждать, что люди-медоеды пришли в такое плачевное состояние именно из-за потребления мёда, а не примесей и злоупотреблений?

Если кто-то, указывая на ужасное состояние опустившихся людей, потребляющих годами в лошадиных дозах алкогольные суррогаты, скажет, что алкоголь любого качества и в любых количествах гарантированно разрушает и в итоге убивает человека, мы уличим его в попытке манипулировать нами. Опираясь на свой опыт, мы знаем, что это неправда. Мы согласны, что алкоголь приносит вред, так как в своей основе он яд. Но умеренное его потребление приносит приемлемый вред, с которым организм умеет справляться.

Помимо рекреационного эффекта алкоголь, не сам спирт, а содержащиеся в нем элементы, несут пользу. Например, в красном сухом вине присутствуют флавоноиды, танин, макро- и микроэлементы, витамины. Эти вещества нормализуют состав крови, давление, делают сосуды эластичнее, укрепляют иммунитет и несут прочую пользу.

Наркологи много преувеличивают, еще больше недоговаривают, и скрывают факты. Особенно это касается коммерческих наркологов. Бизнес есть бизнес: не обманешь — не продашь. Чем больше они напугают потенциальных клиентов и их родственников, тем выше прибыль. Доход прямо пропорционален испугу их потенциальных клиентов.

Коммерческий интерес творит плохие чудеса. Например, компания Форд скрывает один крайне неприятный факт своей истории: в начале XX века одна из моделей Форда загоралась при аварии из-за дефекта топливной системы. Люди часто сгорали заживо. Авто нужно было отзывать и исправлять. Но компания сравнила убытки от выплаты компенсаций и от отзыва машин. Оказалось, что дешевле платить компенсации. На этом основании приняли решение не отзывать машины и делать вид, что никакого дефекта нет. В результате люди сгорали на автомобильных кострах точно так же, как на кострах инквизиции. Только теперь не во славу Бога, а во славу Форда.

Понятное дело, что такая информация не способствует имиджу компании, и потому ее решили скрыть. В результате при запросе такой информации поисковики выдают что угодно, кроме того, чего потенциальным покупателям не нужно знать.

Когда что-то намеренно выпячивают, а на что-то закрывают глаза с целью исказить реальность, чтобы навязать мнение, — это называется манипуляцией. С наркологами все понятно — коммерсанты. Но почему государство занимается тем же самым?

Чтобы ответить на вопрос, погрузимся глубже в тему. Исходим из того, что оценка вещества есть оценка химически чистого вещества, а не суррогата или смеси, в которой есть процент вещества, и с этой позиции рассмотрим чистый героин — диацетилморфин.

По своей природе (держитесь за стул)... это абсолютно безвредное вещество. В начале XX века врачи говорили, что в огромном большинстве случаев при правильном использовании от применения героина наблюдаются положительные результаты. Вот что на эту тему пишет Википедия: «...уверены теперь, что героин не только не вредное и не безразличное средство в психиатрической практике, но положительное приобретение и хорошее средство при лечении больных с депрессивным состоянием».

Найти чистый продукт в условиях запрета практически нереально. Но это вопрос не к качеству вещества, а к созданной государством ситуации относительно этого вещества. Запрет на свободное обращение любого вещества приводит не к исчезновению из оборота,

а к переходу его на черный рынок. Криминал всегда заполняет нишу, откуда ушло государство. Как следствие, растет коррупция и преступления на почве наркомании.

Криминализация крайне негативно отражается на качестве вещества. В уличном героине самого вещества от 10 до 30%. Остальное — наполнители, подмешиваемые уличными торговцами с целью увеличения своей прибыли.

Статистика смертей от героина в реальности — это статистика смертей от примесей, где присутствует героин; антисанитарных условий приема; чрезвычайного превышения нормы, ломки, несущей страшное перенапряжение организму. Чистый героин можно всю жизнь употреблять и оставаться абсолютно здоровым человеком, если соблюдать норму.

Норма — это значит, не доводить организм до смены естественной противоболевой системы искусственной (героиновой). У каждого норма своя, но можно с высокой долей вероятности предположить, что потребление рекреационной (расслабляющей) дозы раз в квартал — это примерно то же самое, что бокал качественного алкоголя по праздникам.

Но если так, почему государство не легализует героин? Потому что люди — дети, у которых выросло туловище. Ума у них не прибавилось, а убавилось (помним, что ум — это способность видеть суть вещей). То, что у народных масс называется умом — это не ум, а бытовой опыт и житейские навыки, приобретенные ими в процессе жизни.

Сколько детям ни говори о вреде излишнего потребления конфет, для них это белый шум. Как только они получают неограниченный доступ к сладкому — будут есть, пока умещается. Кто находил в детстве доступ к конфетам, тот на себе знает эту истину.

Сколько ни рассказывай простонародью про опасности чрезмерного потребления героина, у большинства из всего сказанного в голове застрянет только одно: «героин безвредный». Вторую часть фразы «... при соблюдении нормы» они забудут. И решат попробовать. Им понравится. Сильно. Захочется повторить. Они начнут делать это часто и в таких дозах, что естественную противоболевую систему сменит искусственная.

Если крысе внедрить электрод в мозг, в зону удовольствия, и соединить его с педалькой, которая будет активировать электрод, она будет жать на педальку, пока не умрет от истощения. Простые люди будут вести себя относительно героина как эта крыса.

Хорошо, со взрослыми «детьми» разобрались, их дееспособность в рамках бытовых вещей, они ориентированы не на доводы разума, а на удовольствие в моменте. Дальше они попросту не умеют думать, и потому их нужно ограждать (как — второй вопрос).

А что насчет людей, способных учитывать будущие последствия? Почему бы им не разрешить? Опускаю пока, как можно отделить взрослых людей от взрослых детей, если они внешне неотличимы, непрезентабельный человек может быть глубже человека, на котором отпечатался стандарт успеха, но в реальности он обычный бот. Допустим, как-то решили... Вопрос: им можно разрешать употреблять героин, как сейчас разрешено вино?

Думаю, нет. И вот почему... Когда люди впервые узнают правду про героин, для большинства это будет откровением. Они попробуют, им понравится. Частить они не будут, как не частят с алкоголем. На них будет давить информация, что чаще нельзя.

Но вот накачивают какие-то проблемы. С любимым человеком расстался, деньги потерял, с работы уволили, машину разбил. Мир в черных красках. И тут он точно вспомнит, что выход есть — героин. Один укол, и все проблемы разом сняты. Хорошее настроение, благодущие и радужные перспективы вне зависимости от реального положения вещей. Человек в состоянии душевного комфорта и полон счастья.

От разового нарушения режима потребления ничего не случилось. На подсознание легла мысль: «нарушил, и никакой беды не произошло». Ага, значит тут как с алкоголем, все индивидуально, у каждого своя норма и частота. Моя природа позволяет употреблять героин чаще, чем среднестатистическому человеку. Захочется понять, где моя граница, за которую переходить нельзя. И он будет чаще погружаться в состояние счастья, тайно думая про себя: «Может, я особенный и мне можно? Я же умный и владею собой».

Велика вероятность, что человек не заметит, как его естественную противоболевую систему сменит искусственной. Он станет зависим от героина и бросить не может. «Когда можешь остановиться, ты не хочешь. Когда хочешь, не можешь» (к/ф «Кенди»).

Произойдет то же самое, что случилось с доктором Поляковым, умным молодым врачом, пристрастившимся к морфию, историю которого описал Булгаков: «Я — несчастный доктор Поляков, заболевший в феврале этого года морфинизмом, предупреждаю всех, кому выпадет на долю такая же участь, как и мне, не пробовать заменить морфий кокаином. Кокаин — сквернейший и коварнейший яд. Вчера Анна еле отходила меня камфарой, а сегодня я — полутруп...

...Смерть медленная овладевает морфинистом, лишь только вы на час или два лишите его морфия. Воздух не сытный, его глотать нельзя... в теле нет клеточки, которая бы не жаждала... Чего? Этого нельзя ни определить, ни объяснить. Словом, человека нет. Он выключен. Двигается, тоскует, страдает труп. Он ничего не хочет, ни о чем не мыслит, кроме морфия. Морфия!

Смерть от жажды райская, блаженная смерть по сравнению с жаждой морфия. Так заживо погребенный, вероятно, ловит последние ничтожные пузырьки воздуха в гробу и раздирает кожу на груди ногтями. Так еретик на костре стонет и шевелится, когда первые языки пламени лижут его ноги...» (М. Булгаков «Морфий»).

Зависимый человек пишет Булгакову записку, чтобы тот приехал и помог, но в итоге стреляется и отправляет ему свой дневник, который и составляет костяк рассказа «Морфий» с предсмертной запиской:

«Милый товарищ!

Я не буду Вас дожидаться. Я раздумал лечиться. Это безнадежно. И мучиться я тоже больше не хочу. Я достаточно попробовал. Других предостерегаю: будьте осторожны с белыми, растворимыми в 25 частях воды кристаллами. Я слишком им доверился, и они меня погубили. Мой дневник вам дарю. Вы всегда мне казались человеком пытливым и любителем человеческих документов. Если интересуется Вас, прочтите историю моей болезни.

Прощайте. Ваш С.Поляков».

(М. Булгаков «Морфий»)

Читатель может про себя подумать — ну а что страшного в зависимости, если в базе это безобидное вещество?? Человек много от чего зависит. Например, от воздуха, минуты без него прожить не может. Но если он в избытке, проблем не возникает.

Аналогично и с героином: если вещество доступно, зависимые создают не большую социальную опасность, чем зависимые от инсулина диабетики. Государство решает нужду в жизненно важном веществе, и никаких проблем ни у кого не возникает.

Здесь нужно уточнить, что героин абсолютно безвреден при условии, что человек не переходит на него как на искусственную систему обезболивания. Если же переходит, то тело уподобляется двигателю, в котором стоит нестандартная деталь, нарушающая весь алгоритм работы, расшатывая и в итоге разрушая все остальные детали.

У зависимого человека всегда будет расти доза, и вместе с ней побочные эффекты. Однажды наступает предел, когда необходимая для снятия ломки доза будет летальной. Встанет выбор: умереть от боли или от кайфа. Все делают выбор в пользу кайфа, о чем говорит статистика смертей от передозировок. От боли люди умирают, когда нет героина.

Здесь следует упомянуть еще одну деталь, относящуюся к культуре потребления. У европейцев нет традиции потребления опиатов, как у чукчей нет традиции потребления спиртного. Если представитель северного народа получает неограниченный доступ к вину или водке, он за несколько месяцев спивается. Аналогично происходит с европейцем, получившим неограниченный доступ к опиатам. А вот афганцы употребляют опиумный мак на протяжении всей своей истории, и не доводят себя до зависимого состояния.

Но допустим, наука устранит эти крайне неприятные побочные эффекты. Допустим, при переходе на искусственную систему доза расти не будет. Зависимый от героина станет чистым аналогом зависимого от инсулина. Героин будет нести чистый кайф.

Но даже и в таком фантастическом варианте у людей и государства будут проблемы. Чтобы увидеть их, держим в голове, что всякая жизнь не просто стремится к благу, но и плюс самым кратким путем. Если будет таблетка, которая стройнит фигуру точно так же, как ежедневное годовое занятие фитнесом, и побочных эффектов не будет, никто фитнесом заниматься не будет. Потому что, а зачем идти сложным путем, если есть простой? Зачем ходить на свой этаж пешком, если есть лифт?

Если цирковое животное научилось доставать сахар без дрессировщика, зачем ему выполнять трюки? По инерции? Наверное, некоторое время так и будет. Но всякой инерции приходит конец. Однажды стимул исчезнет, и животное прекратит делать трюки.

Сейчас люди учатся, работают, делают карьеру, занимаются бизнесом, сексом, ищут деньги, чтобы покупать вещи, хотят славы. Ничто из этого само по себе им не нужно. Им нужно то приятное чувство, которое у них возникает в процессе стремления к цели и во ее достижения и обладания тем, к чему они стремились.

Если героин дает чувство, к которому человек стремится, причем, больше и сильнее, и его в избытке, какой мотив идти к счастью окольным и трудным путем, если есть простой и легкий? Легализация героина превратила бы людей в овощей, живущих в своем ярком мире, где они без труда непрерывно получают божественное удовольствие. Они как в раю. Их состояние выражают слова русского поэта Афанасия Фета: «Неизбежно, Страстно, нежно Уповать, Без усилий С плеском крылий Залетать. В мир стремлений, Преклонений И молитв; Радость чуя, Не хочу я Ваших битв».

Таким людям ни до чего не будет дела. Это будет не человек, а вещь в себе. Беда в том, что они будут неспособны даже к самой низкой работе, какую можно представить — к потреблению. Сейчас им нравится ходить по магазинам, выбирать, приобретать и использовать вещь, потому что они получают от этого удовольствие. Но если они не будут получать от этого радости, у них исчезнет мотив работать даже потребителем.

Число героиновых людей будет стремительно расти. Если исходить из того что однажды весь труд будет переложено на плечи машин, как это было в античном мире, где труд лежал на плечах рабов, человечество будет представлять картину из фильма «Матрица», где в коконах лежат люди, подключенные к системам жизнеобеспечения.

Что в этом варианте получится дальше — тут поле ничем неограниченной фантазии. На это можно смотреть как на переход человека в аналог христианского рая, где каждый осознает себя личностью, является муравьем муравейника, где не нужно работать, где все всегда в блаженстве. Или человек исчезнет как личность, и тогда это аналог нирваны, где нет осознания себя, есть растворение, как капля в бесконечном океане.

Я не буду давать никакой оценки такому развитию событий, потому что она будет ориентироваться на стандарты нашего мира. Я не вижу оснований считать его эталоном. Но так как других ориентиров не имею, то уклонюсь от какой-либо оценки.

Тем более, на данный момент система не способна так организовать людей. В будущем это неизбежно (я про перекладывание работы на машины, а не про всеобщую героизацию). Сейчас можно освободить от работы часть населения, малая часть которого будет реинкарнацией древнегреческих киников, а остальные — потребителями. Так что вариант героинового рая или нирваны с чистой совестью можно оставить.

Если сейчас легализовать героин и всех обеспечить им с гарантиями государства, то очень скоро некому будет крутить социальные, политические и экономические маховики — производить и потреблять. Система встанет и государство умрет. Следом умрут героиновые люди — их некому будет обеспечивать веществом. Далее можно фантазировать об эволюции выживших после страшной ломки, но это отдельная тема.

Если бы число зависимых от героина не росло выше предельной нормы, как число диабетиков, это можно было бы терпеть как цену за избавление социума от криминальных последствий. Но легализация героина приведет к запредельному числу зависимых.

Всякая жизнь стремится к благу. Государство, небιологическая форма жизни, хочет сохранить и преумножить себя. Достигается это через развитие экономики и науки. Чем интенсивнее люди стремятся к деньгам, вещам и прочим целям, поставленным системой, одни производят, другие потребляют, тем выше развитие и сильнее государство.

С такого масштаба понятно, почему власть вместо объективной информации кормит социум эмоциональными пугалками. Я согласен с такой политикой. Но только до тех пор, пока непонятно, как реализовать принцип: «Что положено Юпитеру, не положено быку». Как только это станет понятно, разговор в этом направлении необходимо продолжать.

Психоделики

Рассмотрим вещества группы «психоделика». В нее входят как искусственные вещества типа ЛСД, употребляемые десятилетиями, так и естественные, типа псилоцибиновых грибов, употребляемые тысячелетиями. Рассмотрю самого популярного представителя психодлической группы — ЛСД, насколько она несет вред здоровью, порождает зависимость, социальную опасность и искажает восприятие мира.

Начну с истории — ЛСД был создан в 1943 году в Швейцарии. До 1970 года его не запрещали, и ученые успели его изучить. Википедия пишет, что за все время его легального обращения не было обнаружено вреда здоровью и физической зависимости. Вещество не встраивается в организм, как героин, и без остатка выводится естественным путем.

Будем считать единицей вещества объем, производящий минимальный эффект на человека. Например, капля воды не может утолить жажду, а глоток воды в минимуме может, и потому является для человека единицей, а капля не является. Аналогично ложка еды или кусок хлеба являются единицей, а крошка пищи не является.

Если человек разово употребит тысячу единиц воздуха или пищи, соли или воды, он умрет. Задokumentированы случаи, когда люди употребляли тысячи и больше единиц ЛСД, и эффект был такой же, как если бы он употребил одну дозу. Это похоже, как если вы льете в кружку воду, и когда она наполнилась, продолжаете лить. Сколько бы вы не лили, воды в кружке не прибавляется. Так и с ЛСД, дальнейшее поступление вещества организм игнорирует. Смертельная доза ЛСД на сегодня неизвестна. Наука не знает второго такого вещества, тысячекратное превышение которого не убивает человека.

Итак, вреда здоровью нет, физической зависимости нет, побочных эффектов типа похмелья нет. Показательно, что даже наркологи, чей хлеб зависит от того, найдут они вред и зависимость или нет, вынуждены это признать. Хотя тут же добавляют, что сразу вреда нет, но будет потом. Человек начнет экспериментировать, и докатится до героина.

Ну что же, наркологи не оригинальны. Советский руководитель Хрущев утверждал: «от саксофона до ножа — один только шаг!». В реальности этой взаимосвязи обнаружить не удастся. Если я пью хорошее вино, из этого никак не следует, что я сопьюсь.

Государство относит психоделики к наркотикам за искажение реальности. Заявление глубоко философское хотя бы потому, что искажение возможно, если есть эталон. Если же эталона нет, отклоняться не от чего. Если государство утверждает эталонную реальность, как минимум, оно должно знать, что есть реальность. У философов нет единого мнения по этому поводу. Одни говорят, что реальность — это что вокруг нас, и в мозгу ее отпечаток. Другие говорят, что реальность имеет природу сна, и в какой мере сон внутри нас, в такой и реальность, и если так, то реальность — это что в данный момент ощущается. (Я эту тему будут разбирать в четвертой книге). Здесь же предлагаю исходить из того, что под эталоном реальности государство понимает обыденное понимание мира.

Психоделикам вменяется в вину, что у человека, выходящего в иную реальность, может сформироваться такая же психологическая зависимость, как у театрала от театра, у охотника от охоты, у геймера от компьютерных игр. Но в чем же тут проблема? Люди по своей природе стремятся к ярким ощущениям. Какой грех в том, что человек стремится туда, где ему было интересно и хорошо, если от этого нет никому вреда?

Наркологи говорят, что у ЛСД нет физической зависимости, но психологическая может сформироваться. Стоп-стоп-стоп... Если психологическая зависимость — признак наркотика, тогда нужно отнести к этой группе, например, сахар или соль. Многие солят или сластят продукт до того, как попробуют. Кофеманы шагу без кофе не ступят, имеют кофеиновое похмелье: сонливость, раздражительность и депрессия.

Если с таким мерилom подходить, список наркотиков вырастет до небес. В нем окажутся не только вещества, но и явления. Например, футбол, театр. Театралы и фанаты футбола — абсолютно зависимые люди. Сюда же библиофилы, филателисты и так далее.

Зависимости нет, вреда здоровью нет. Может, социальная опасность есть? Увы, тоже отсутствует. Человека в состоянии созерцания не агрессивен и его не тянет на подвиги. Он в своей Вселенной. По социальной опасности водка не в сто, в тысячу раз опаснее ЛСД.

Как объяснить, что алкоголь вред здоровью несет, зависимость и похмелье от него, восприятие реальности искажает, социальную опасность представляет, но при этом его не называют наркотиком, и он свободно продается, а ЛСД считают опаснейшей наркотой?

Официальное объяснение сводится к тому, что алкоголь традиционно потребляют, и это встроено в культуру. Он хоть и обладает всеми признаками наркотика, наркотиком не считается. ЛСД имеет только один признак наркотика, открывает иную реальность. По сравнению с ним алкоголь — тяжелый наркотик. Но так как ЛСД не встроено в культуру и его потребление не традиционно, оно считается наркотиком.

По этому объяснению наркотик от не наркотика отличается так же, как религия от секты. Если люди издавна верят в какую угодно дичь, верование считается традиционно, исповедание его не осуждается, и называется оно религия. Если же приходит какой-то новый взгляд на мир, пусть он будет хоть во сколько разумнее, тот факт что это учение не традиционно, оно осуждается и называется сектой, а его носители сектантами.

Получается, если какое-то вещество традиционно принимали, а потом открыли его ядовитость, как это было с ртутью, ей тысячелетиями приписывали целительные свойства, а потом выяснили, что это самый страшный яд из доступных в бытовом обращении, ее дальше можно использовать как лекарство? Традиционно же...

И потом, в разных культурах психоделики употребляют тысячи лет. Например, южноамериканские цивилизации задолго до европейцев употребляли аяуаску (аналог ДМТ из лианы) и мескалин (аналог ЛСД из кактуса).

Хаксли в «Двери восприятия» описывает действие этого вещества, испробовав его на себе, называя его просветлением и прекраснейшим видением: Я предполагаю лишь то, что мескалиновый опыт — это то, что католические теологи называли "безвозмездной милостью", не обязательно ведущей к спасению, но могущей потенциально помочь, которую, если она возможна, следует благодарно принимать. Чтобы стряхнуть рутину привычного восприятия, чтобы узреть на несколько безвременных часов внешний и внутренний миры не такими, какими они кажутся животному, одержимому выживанием, или человеку, одержимому словами и понятиями, а какими они постигаются непосредственно и безусловно Всем Разумом, — этот опыт неоценимо драгоценен для всех и в особенности — для интеллектуалов. Ибо интеллектуал — это, по самому определению, человек, для которого, по словам Гёте, "слово в сущности приносит плоды". Это человек, который чувствует, что "то, что мы воспринимаем глазом, чуждо нам как таковое и не должно глубоко впечатлять нас". И все же, сам будучи интеллектуалом и одним из величайших мастеров языка, Гёте не всегда соглашался со своей собственной оценкой слова. "Мы говорим, — писал он в середине жизни, — чересчур много. Мы должны говорить меньше, а рисовать — больше. Лично я хотел бы вовсе отказаться от

речи и, подобно органической Природе, сообщать все, что мне нужно сказать, набросками. Вон то фиговое дерево, эта маленькая змейка, кокон на моем подоконнике, тихо ожидающий своего будущего, — все это моментальные росписи. Человек, способный расшифровать их значение так, как нужно, вскоре сможет вовсе обходиться без написанного или произнесенного слова. («Двери восприятия» О. Хаксли)

В поисках корней такой противоречивости я решил испытать ЛСД на себе, сообщив об этом своим друзьям. Они выразили желание присоединиться. Чтобы настроиться на нужный лад, мы посмотрели фильм «Плезентвилль». Он рассказывал, как черно-белый мир может быть цветным. Он нас впечатлил. На следующее утро трое из нас приняли ЛСД. Четвертый остался смотреть со стороны, что происходит, чтобы в случае чего помочь.

Примерно через час после приема у меня началась тошнота, по телу пошла дрожь и я стал мерзнуть. Потом начались неоднозначные ощущения. Все стало насыщенным и как бы плотным по цвету. Появилась контрастность и как бы геометрический порядок. Куда бы я ни глянул, везде наблюдалась открывающаяся и разворачивающаяся гармония.

Меня это не то что пугало, но напрягало. Я начал рассуждать. Не было каких-то особых мыслей. Было все тоже, что и в обычном состоянии. Только ассоциации на этот раз были ярче. Рассуждая, что есть источник желаний, я попал в дурную бесконечность.

Если есть источник, вследствие которого я что-то желаю (не важно что, важен факт желания) получалось, источник, породивший мои желания, желал, чтобы у меня были эти желания. И если так, источник не первопричина желания, так как он имел в себе желание. Если он желает, чтобы я желал, значит, его желание откуда-то бралось.

До первопричины желаний никак не удавалось докопаться. Всякий раз рассуждения приводили меня в исходный пункт — к самому себе. В итоге я видел себя в центре бытия, где крутил ручку, как рыбаки, когда сверлят лунку во льду, только побольше. И от того, что я кручу эту ручку, все в мире движется. Я так никуда и не продвинулся в понимании этого вопроса, как не продвинулся, размышляя в обычном состоянии на тему, что предшествует желанию, что есть первоисточник желания, равно как мысли, чувства и т.д.

Все мое поведение, слова и мысли записывались на видео. К сожалению, тот, кто это записывал, все стер, сказав, что ему стало почему-то страшно. Урон от этого небольшой, так как, повторюсь, никаких бездн мироздания я не узрел. Просто было все слишком ярко, и был религиозный страх. Ограничения по восприятию (в обычном состоянии мы ничего такого не видим и не ощущаем) казались спасительными. Человек не может воспринимать всю насыщенность мира, и потому у нас стоят как бы ограничители силы ощущений.

Если существование есть движение, нет движения — нет существования, то все, что можно назвать существующим, находится как бы в клетке предписанного ему алгоритма, в границах которого оно движется. Все программа. Стоит любому существованию выйти за границы своей клетки (своего алгоритма движения) как существование превратится в не-существование, т.е. то, что предшествует существованию.

Эти мысли имеют большой потенциал, который я разовью, когда буду писать свою четвертую книгу, которая не имеет ни малейшего практического значения в том смысле, как принято понимать практику. Но для меня это то самое главное, по сравнению с которым целая Вселенная имеет такую же ценность, какую имеют ваши тапочки относительно всех приснившихся вам ценностей, т.е. бесконечно ценнее.

Мне это состояние не понравилось. Помню, как я ждал, чтобы скорее прошли эти сутки, и я снова вернулся в обычное состояние. Я буквально часы считал, соображая про себя, что вот еще столько-то часов, и все наконец-то закончится, и я вернусь в свой мир.

Еще двум участникам эксперимента эффект очень понравился. Как они описывают, все было ярко, сказочно, красиво и добро. Один из них сказал фразу «Слова сухи, а яблоко сочно». Никаких слов было больше не нужно. Это можно было только чувствовать.

Серьезно не повезло четвертому участнику эксперимента, который поймал так называемый бэд-трип — плохое путешествие. Неприятное было зрелище. Его как бы не

стало. Вместо него было туловище, живущее своей жизнью. Интересный факт: переломный момент наступил, когда включили классическую музыку.

Везде пишут, что эффект от ЛСД длится, максимум, сутки. Именно так было у меня и еще у двоих участников эксперимента. Парня с бэд-трипом отпустило примерно через 5-6 дней. Окончательно через месяц. И потом в течении трех месяцев спонтанно возникали симптомы. Я нигде не читал и не слышал про такое. Но это было на моих глазах.

Возможно, этому способствовало то, что когда он принимал ЛСД, на улице лежал снег. Когда он через день вышел из дома, снег сошел, и стремительно распустилась зелень. Я не знал, что возможна такая скорость наступления весны. Оказывается, в горах такое бывает. Получилось, ЛСД он принимал зимой, на следующий день вышел, а вокруг буйная весна. Нормальный человек знает, что такого не может быть. А если есть, значит, он в другой реальности. В какой же? На том свете. Значит, все вокруг ненастоящее. И я, и мои друзья, что с ним говорят. Мозг на эту волну настроился, и возможно, случилось психологическое плацебо. Поспособствовало этому необычайная яркость красок под ЛСД.

Но так же может быть, это было не чистое ЛСД, а какой-нибудь авторский вариант (ГОСТов же нет, все криминализировано, каждый изготовитель делает его как считает нужным). В общем, мне это состояние не понравилось, и я отнес его к полу бэд-трипу.

Получив опыт ЛСД, я продолжил изучение психоделиков на препарате ДМТ. В отличие от ЛСД его эффект, с одной стороны более мощный, с другой, краткосрочный, не более 10 минут. Я принял его под наблюдением человека. Через минуту узоры на обоях стали двигаться. Но это все. Ничего такого, что описывается в роликах и статьях в инете, у меня не было. Все быстро прошло. Единственное последствие — в горле было очень сухо.

И вот теперь, не с чужих слов, а с высоты своего опыта скажу, что индивидуальная реакция может быть непредсказуемой, от крайне положительной до очень негативной. У кого аллергия на розы, тот может умереть от ее запаха. Но из этого не следует, что запах розы смертельный. Наш коллективный опыт с психоделиками никому не принес вреда. Из всех участников 50% довольны и не против повторить. Парень с затянувшимся эффектом и бэд-трипом тоже готов. И даже считает этот опыт полезным, так как знает, к чему нужно быть готовым. Я не хочу, не мое... Слишком чужая это была реальность...

Полученный опыт я совместил с научными наблюдениями до 1970 года, а так же с рассказами лично знакомых мне людей, делающих подобные эксперименты с той же частотой, с какой вы пьете очень дорогие вина. На этом основании я для себя определил статус ЛСД препаратом на любителя. Прекрасно понимаю, что 4 человека — это не та цифра, на основании которой можно делать выводы, но сердцу не прикажешь.

Умозрительно предполагаю и даже уверен, что неумеренное потребление ЛСД создаст такие же изменения личности, какие создало бы периодическое похищение вас инопланетянами. Узнать, что мир совсем не такой, как принято думать — это само по себе потрясение. Как не могли не измениться папуасы Меланезии, когда к ним с неба на железных птицах спустились божества в виде американских военных, и они основали культ карго, так и вы не сможете остаться прежними, когда ваше представление о реальности раздвинется.

Чем ограниченнее человек, тем строже его представление о реальности. Ему «все понятно» и в голову не приходит сомневаться в своих убеждениях (как не сомневается в своем понимании мира, например, коза). Как она не задается вопросами онтологического масштаба, так и люди в своем большинстве не задаются вопросами мироздания.

Если такому человеку через психоделики в ощущениях дается новая реальность, это порождает в нем сильнейшие переживания и является потрясением для мозга. Попытки перевернуть эту информацию, что-то с ней сделать, с чем-то сопоставить и объяснить, опираясь на свой бытовой опыт и знания (преимущественно бытовые и пропагандистские штампы плюс желтая информация) полностью проваливаются. Потому что сопоставлять это не с чем, а объяснить с обыденного уровня невозможно. Привычные представления о мире несовместимы с открывшимся новым. Старая личность под таким давлением

разрушается. Потрясенный человек начинает судорожно искать ответы на стороне — в разных религиозных, мистических и философских учениях. Но так как он не в состоянии подойти к задаче конструктивно, подобно утопающему он хватается за первое, что под руку подвернулось, и примыкает к какой-то группе таких же, но с большим опытом. Что они говорят (околесицу в основном), то ему кажется великой истиной, и он «прозревает».

Реального эффекта от употребления можно ждать интеллектуалам, но они сегодня в эту сторону не смотрят, пропаганда делает свое дело. Но некоторые употребляют. Говорят, им это помогает решить задачи, какие в обычном состоянии не идут.

Есть городская легенда, что Френсис Крик под воздействием ЛСД открыл принцип кодирования ДНК, за что получил нобелевскую премию. Основатель Apple Стив Джобс якобы говорил, что решение попробовать ЛСД было для него одним из самых важных в жизни. Про Билл Гейтса, основателя Microsoft, тоже есть информация, что он косвенно признался в употреблении психоделиков. Но я не нашел серьезных подтверждений этому.

А вот заявление Керри Муллис, еще одного лауреата нобелевской премии за 1993 год уже не городская легенда и непроверяемая информация, а факт. Он во всеуслышание заявил, что сделал свое открытие благодаря ЛСД.

Только не надо понимать психоделики волшебной палочкой, раскрывающей все тайны мира. Про эту тему сложно говорить из-за ее криминализации. Людине склонны про это говорить, избегая лишних пересудов, будоражащих общественное мнение.

Создатель ЛСД Хоффман никогда не жаловался на проблемы со здоровьем, прожил 103 года, и в течении всей жизни употреблял свое детище. Это не значит, что хорошее здоровье и долгая жизнь были следствием потребления им ЛСД. Это говорит, что ЛСД не яд. На своем столетнем юбилее он сказал: «ЛСД лишь инструмент, помогающий стать теми, кем нам предназначено быть».

Манкурты

Чтобы увидеть причину, по которой государство запрещает психоделики, обратимся к корням. Начну с напоминания того, что государство — небиологическая форма жизни, и как всякая жизнь, оно стремится к благу. Так как мир всегда в движении, ничего навек застывшего нет — мировые условия постоянно меняются. Вместе с ним меняются понятия добра и зла. Одни и те же явления, вещи, цели и идеив одних условиях государство будет определять святой истиной и добром, а в других грязной ложь и злом.

Когда в 1939 году СССР разделил с Третьим Рейхом Польшу, министр иностранных дел Молотов говорил Англии и Франции, ставивших целью уничтожение гитлеризма, что «...не только бессмысленно, но и преступно вести такую войну, как война за уничтожение гитлеризма». Когда у СССР начался конфликт с Третьим Рейхом, тот же Молотов говорит, что гитлеровский режим является величайшим злом, которое необходимо уничтожить.

Происходит это не потому, что политики такие беспринципные люди, не имеющие твердого слова, а потому что, во-первых, не существует абсолютных понятий добра и зла, независимых от ситуации. Всякая истина относительна к ситуации. Даже $2 \times 2 = 4$ не абсолютная истина, а в рамках нашего бытия. Во-вторых, когда меняются условия, с ними меняются понятия добра и зла. Тулуп хорош в условиях холода и плох в условиях тепла.

Так как истина постоянно меняется, государству нужно, чтобы люди менялись вслед за ней. «Зная, не зная; верить в свою правдивость, излагая обдуманную ложь; придерживаться одновременно двух противоположных мнений, понимая, что одно исключает другое, и быть убежденным в обоих; логикой убивать логику; отвергать мораль, провозглашая её; полагать, что демократия невозможна и что партия — блюститель демократии; забыть то, что требуется забыть, и снова вызвать в памяти, когда это понадобится, и снова немедленно забыть, и, главное, применять этот процесс к самому процессу — вот в чем самая тонкость: сознательно преодолевать сознание и при этом не сознавать, что занимаешься самогипнозом». (Оруэлл «1984»).

В романе Оруэлла Океания примерно четыре года воюет с Остазией, а ее союзник Евразия. Потом начинает воевать со своим вчерашним союзником, с Евразией, а союзником становится ее вчерашний враг, Остазия. В момент смены курса в Министерстве Правды все документы, говорящие, что враг и союзник поменялись местами, исправляются. Новые записи утверждают, что Океания всегда воевала с тем, с кем воюет в данный момент, а союзником всегда имела того, кого имеет в данный момент. Океания всегда воевала с Остазией... Или, Океания всегда воевала с Евразией...

Масса имеет короткую память. Она помнит только о том, о чем говорят. Стоит прекратить говорить — она забывает. Хорошо это заметно на рекламе. Например, когда Кока-кола прекратила рекламировать свою продукцию, полагая, что ее и так каждая собака знает, продажи резко пошли вниз — люди стали стремительно забывать. То же самое с модой, люди следуют новым фасонам, искренне отрицая красоту вчерашних.

Точно то же самое творится в сфере целей и идей, истина для массы то, что власть говорит в данный момент. Чтобы удерживать массу в таком состоянии, на нее постоянно идет информационный поток, погружая людей как бы в гипноз. Сравнивая рекламное давление Кока-колы на своих покупателей с зомбирующим давлением государства на своих граждан, мы видим, что государственное давление в сто раз больше кока-кольного.

Кока-кола через трансляцию рекламы получает приверженцев бренда. Государство через манипулятивную информацию получает благонадежных граждан. Благонадежность сравнима с модой. С какой искренностью модники считают высшим шиком то, что вчера считали отстоем, с такой искренностью благонадежные граждане готовы то, что вчера власть называла белым, а сегодня считает черным, считать черным с той же степенью истовости, с какой вчера считали белым. Способность развернуться на каблуке на 180⁰ и идти в другую сторону с тем же рвением, с каким вчера шли в противоположную сторону, игнорируя тот момент, что новая истина полностью противоречит вчерашним идеалам.

Ценность массы для государства в том, что в ней совмещаются два качества: короткая память и твердые убеждения. Она искренне верит в то, что помнит, а помнит она то, о чем ей постоянно напоминают. О чем перестают говорить, то люди забывают.

Это качество можно наблюдать, когда толпа аж заходится от ярости по отношению к тому, кого вчера боготворила. Великий Инквизитор Достоевского знал это свойство, и потому уверенно говорил Христу, что люди, сегодня лезущие тебе ноги целовать, завтра будут уголья подгреть к твоему костру. Любовь массы ничего не стоит.

Такое поведение дает поводы для иронии. Когда в романе Оруэлла «Скотный двор» складывается ситуация, что животных нужно показать выше человека, правители-свиньи предложили лозунг: «четыре ноги — хорошо, две ноги — плохо!». Верные граждане-овцы «восторженно приняли новое изречение и часто, находясь на пастбище, они все хором начинали блять: «Четыре ноги — хорошо, две ноги — плохо! Четыре ноги — хорошо, две ноги — плохо!» — И так могло продолжаться часами, без малейшего признака усталости». Когда правители выучились ходить на двух ногах, ситуация перестала соответствовать старому лозунгу. Правители выдвинули новый лозунг, противоположный старому, но соответствующий новой ситуации: «четыре ноги — хорошо, две ноги — лучше!». Овцы с тем же рвением декларировали новый лозунг, как до этого старый.

Кажется, уважающие себя люди не должны считать за истину то, что им скажут. У них должно быть свое мнение. Они должны в нем твердо стоять и отстаивать его. Но твердо стоять можно только за то, что помнишь. Нельзя отстаивать то, что забыл. Люди помнят только то, о чем им постоянно говорят. Прекращают говорить — забывают. Так что твердость убеждений и короткая память образуют два столпа, на которых стоит традиционное государство. Если исчезнет одно из них, государство будет невозможно.

Массы дееспособны только в бытовом масштабе. В государственном масштабе они не мыслят, и потому не ориентируются. Их единственный ориентир в таких вопросах — мнение сильного. Государство самое сильное, и потому они считают его мнение истиной.

Ради объективности скажу, что в любом социуме есть единицы, для которых истина — это не то, что исходит из авторитетного в данный момент источника, а то, что они сами находят истиной вне зависимости от чужих мнений. У них длинная память и они твердо стоят за свои убеждения. Такие люди всегда представляют опасность для традиционного государства. Проблема в том, что однажды ситуация изменится. Государству нужно будет менять курс. Для этого оно объявит новую истину, а вчерашнюю объявит ложью. В этот момент носители старой истины станут врагами. Их придется уничтожать.

Ближайшая крупная такая история случилась в СССР, когда Сталин уничтожил ленинскую гвардию. Когда коммунисты боролись за власть, уничтожение государства как института считалось истиной. Когда коммунисты пришли к власти, вместе в этом пришла новая истина. Теперь истиной считалось всемерное укрепление государства, которое, по новой доктрине, приведет в итоге к отмиранию государства. Старая истина была перетрактована так, что все основоположники коммунизма, Маркс, Ленин и другие именно это имели в виду. Носители старой истины не соглашались с таким переворотом с ног на голову. Они стали препятствием на новом пути, и Сталин их уничтожил.

Это называется политикой — искусством невозможного. Смягчает эти неприятные моменты власть через побуждение граждан слиться с ним душой и телом. И если это происходит, граждане не возражают новым истинам, как рука не возражает решениям головы. Такой тип людей называется благонадежным, т.е. всегда следующим за властью.

Гениальный математик XX столетия Гёдель, автор теоремы о неполноте, доказал, что всякая система, если она достаточно полная, содержит в себе не снимаемые противоречия. Именно с этим случаем мы сталкиваемся, касаясь качества граждан.

С одной стороны, если все граждане будут вертеться как флюгер по ветру, система будет прочной, но в глобальном смысле развиваться не будет. Развитие будет только в ее рамках. Но так как помимо внутреннего развития есть внешнее, как бы ни была крепка система, если она по базовым характеристикам не соответствует внешней ситуации, мир ее раздавит. Феодалы были заинтересованы в развитии, но в рамках феодальной системы. Когда общество развилось до состояния, несовместимого с феодализмом, он рухнул.

С другой стороны, если все граждане будут иметь свою истину и ориентироваться на нее, и стоять за нее до конца, традиционное государство из таких людей невозможно даже в теории собрать. Можно было бы, если бы у них было единое мнение на эту тему, но так как все люди разные, способности у них тоже разные, единства не будет. Вместо единой устойчивой и целеустремленной конструкции будет шевелящаяся революционная куча.

Возьмем краткосрочную и долгосрочную логику. Каждая из них хороша на своем месте. Во время непосредственно боя нужно действовать с ориентиром на момент. Штаб же должен принимать решения с ориентиром на месяцы, а политики — на годы. Так вот государство в историческом масштабе — это солдат, ориентированный на момент. Если он в данный момент не решит ситуацию, то все, конец. Дальше думать будет некому.

Дистанцируясь от эмоций и ставя себя на место власти, я прихожу к некрасивому выводу: оруэлловские овцы — эталонные граждане. Они благонадежны, потому что у них маленький процессор, настроенный обслуживать бытовые программы. Как следствие, по вопросам выше бытовых у них не может быть своего мнения, только навязанное извне.

Это не значит, что они беспринципные, низкие и двуличные. Это обычные люди с короткой памятью и узким кругозором. «Узость сознания есть социальное требование». (Кафка). Благодаря этим качествам малыми усилиями за короткое время их можно подтолкнуть к изменению своих убеждений. Что вчера было добром, в том завтра они узрят зло, а во вчерашнем зле увидят добро. Достаточно заострить внимание на каком-то ярком моменте, которого они раньше не видели, и люди полностью изменят свои взгляды. Как вода принимает форму сосуда, так благонадежные граждане форму любой истины.

Раньше узость разума формировала религия. Показатель, насколько она качественно это делала: когда СССР воевал в Афганистане, советские военные пытались раздавать афганским крестьянам землю, а те ее не брали. Они говорили советским офицерам: «Ты

что, Бог, чтобы землю раздавать?». Сегодня нужную узость формирует развлекательный и манипулятивный контент, представляемый различными шоу и новостями

Лошадь с шорами лучше бежит к цели, нежели без шор. Она не отвлекается по сторонам, всегда в истине, привыкнув к шорам, не замечает их. Аналогично и гражданин с шорами лучше идет в ногу с властью, нежели гражданин без шор. Он так же не замечает шор и искренне уверен, что его мнение не навязано ему, а он сам так считает.

Подавление

Психоделики снимают шоры. До приема человек подобен лошади, которой в голову не приходят вопросы: «А куда это я бегу?», «А нужно ли мне туда бежать?» После приема он подобен лошади, которая вертит головой по сторонам и задается многими вопросами. И не просто задается, но следует найденным ответам. Она перестает бежать туда, куда нужно сидящему в карете. Она норовит убежать в поле и скинуть упряжь. Ну и зачем такая лошадь нужна седоку? Хорошее вьючное животное не должно принадлежать себе.

Представьте, что будет с потребительским обществом, члены которого, вместо того, чтобы отслеживать выпуск новой модели телефона, сериала или следить за жизнью поп-звезды, начнут задаваться вопросами, выходящими за бытовой масштаб. Катастрофа.

Благополучие системы требует, чтобы народ был, с одной стороны, политически и экономически активным. С другой стороны, строго в предписанных рамках. Должен на выборы ходить и не задаваться вопросом, как это он умудряется выбирать, опираясь не на знание ситуации, а на предвыборные обещания политиков? На такой вопрос он должен отвечать: а вот так... И делать многозначительное лицо или хитро улыбаться.

Образец правильной политической активности демонстрируют американцы. Их поделили пополам по экономическому признаку. Нижняя половина, от самых бедных до средне бедных, всегда голосует за демократов — они обещают рост пособий и блюсти традиции. Верхняя половина, от среднего достатка до богатых, всегда за республиканцев — они обещают сократить пособия и ориентироваться на свободу и права.

Политическая активность таких благонадежных людей не выходит за рамки выяснений: что же лучше — две ноги или четыре? Теория вероятности предсказывает: на посту президента будут поочередно сторонники идеи «четыре ноги лучше», и потом их сменят сторонники идеи «две ноги лучше». Теория на 100 % сбывается на практике.

Вы не думали, почему в США так много всяческих самых невероятных официально зарегистрированных организаций типа церкви сатаны или макаронной религии? Официальное объяснение — побочный эффект свободы и демократии. Наверное, это так. Но есть и второй эффект: собранных в группу граждан проще направить нужным курсом. Если они распылены, нужно договариваться с каждым. Если же в группе, не важно, какой, тот же результат достигается через договор с одним человеком — лидером группы.

Кто знает американскую систему изнутри, тот знает, как активно работают в выборный период с лидерами групп кандидаты во власть — в сенаторы или президенты. Например, в штате, где община курдов, победит тот, кто договорится с их лидером.

И это в любой системе, заявляющей себя демократической. В русском городе Рязани около ста тысяч цыган живут отдельным анклавом по своим законам. Но право голоса у них есть. Если в Рязани живет чуть больше полумиллиона человек, нужно ли доказывать, что шанс победить на выборах выше у того, кто договорился с лидером цыган?

Но вернемся к среднестатистическим гражданам США, жестко поделенным на две группы по идее «две ноги хорошо» и «четыре ноги хорошо». О чем еще можно мечтать власти при таких подданных... Это же не граждане, а счастье какое-то...

Рассказываешь им, что президента Кеннеди убил одиночка, и они верят. А то, что пуля не может летать зигзагами — это игнорируется. Та же история с атакой на башни-близнецы и прочие события. Власти их интерпретируют достойным всяческого удивления

образом, а «пипл хавает». Люди хоть и поругивают СМИ, но в целом верят, что четыре ноги хорошо, а две ноги лучше (или наоборот, тут все зависит от СМИ, а не от массы).

Государство заинтересовано, чтобы люди проявляли активность в предписанных им границах. Например, вас не мучает вопрос, как галактики крутятся вокруг центра, если в центре нет тела, которое играло бы такую же роль, как Солнце в нашей системе. Или как они разлетаются в разные стороны с ускорением, если по всем физическим законам должна замедляться. Вам достаточно, что эти неведомые силы названы темной материей и темной энергией, и вам «все понятно» (хотя «темная» тут в смысле, что это непонятное).

Аналогично и масса не мучается вопросом, зачем я посвящаю неинтересной мне работе всю жизнь? Ей сказали, что так нужно, и они пошли всю жизнь как челнок ходить — на работу и обратно. Или сказали, что они умные и никаких знаний им не нужно, чтобы выбирать власть, и они дружно пошли выбирать. И никто не задает глупых вопросов.

Власть привыкла, что политическая активность в рамках скандирования лозунгов «четыре ноги/ две ноги», а весь пар уходит на обсуждение новых аксессуаров и героев ток-шоу. Вы смотрите на них, как взрослый на детей в песочнице, и умиляетесь.

И вдруг вы видите, что граждане, ранее азартно кричавшие предложенные им те или иные лозунги, а потом шедшие по магазинам, теперь сбиваются в устойчивые толпы. И ладно бы, если собравшись, от избытка чувств скандировали лозунги... Так нет же...

Вы слышите, как они говорят что-то невообразимое. Рассуждают на темы, о которых им не положено рассуждать ни по положению, ни статусу в социуме, горизонту видения и тысяче других причин. А они рассуждают, делают свои детские выводы и требуют их исполнения. Иными словами, демократия, предполагавшая свободы и права в бытовых рамках, вдруг перекидывается за границы быта. Идиллия нарушена...

Если появилось то, чего ранее не было, значит, появилась причина, породившая это. Активность американских и западноевропейских граждан всегда в предписанных рамках. И вдруг активность резко выплеснулась за эти границы. Смирные обыватели, у которых верхом политики было обсуждение пособий, сбиваются в устойчивые толпы и требуют от власти вывести войска из Вьетнама, прекратить испытания атомной бомбы, рассуждают на тему, что социалистический строй справедливее капиталистического.

«Массы внезапно стали видны... Они существовали и раньше, но оставались незаметными, занимая задний план социальной сцены: теперь они вышли на авансцену, к самой рампе, на места действующих лиц. Герои исчезли, остался хор» (Ортега-и-Гассет).

Когда в древнеримской империи, по выражению римских летописцев, постыдная часть общества вдруг начала уплотняться, организовываться, представлять из себя силу, и что самое главное, ее приверженцы отказываются приносить римскому императору, что был в статусе божества, жертвы. От этой категории людей обычно не слуху, ни духу, а тут вдруг такая неестественная для них активность. Рим понимает, что этому есть причина. Он устанавливает — христианство. Сначала пробует физической силой все решить. Когда понимает, что явление более сложное, он анализирует ситуацию, вырабатывает стратегию и решает вопрос (детально эта тема у меня раскрыта в первой книге).

Запад тоже сначала пытается решить вопрос силой. Есть масса документальной хроники, где полицейские разгоняют водометами и дубинками мирные демонстрации. Когда массы напоминают властям про свободу уличных шествий, им в ответ намекают, что права и свободы даны им для бытовой сферы. Государственные вопросы, типа, где им вести войну и взрывать атомные бомбы — это не их ума дело хотя бы потому, что они не обладают объемом информации, необходимой для принятия решения. Подобные намеки дают обратный эффект, так до этого людей накачивали, что они представляют власть и им по силам решить любой вопрос государственного и даже мирового масштаба.

Когда Запад видит, что силовые технологии не решают, а лишь умножают проблему (дубинки только укрепляли в намерении стоять за правду), власти подходят к проблеме так же основательно, как древнеримские — анализируют ситуацию и ищут корни.

Сначала думали, за этим стоит СССР. Более глубокий анализ показал невозможность подобного. СССР способен использовать стихию (что он и делал), но организовать такое был не в состоянии. Не могла советская пропаганда так раскачать западных обывателей.

Устанавливается, что костяком всех этих движений являются люди, употребляющие недавно открытое вещество — ЛСД. Ученые говорят, что у ЛСД перспективы в медицине и других областях науки сложно переоценить (и сейчас тоже говорят). Во многих случаях (не гарантия, а возможность) расширяется кругозор, у человека появляется иной взгляд на мир, на вещи и творчество. Побочных эффектов нет.

Если с человеческой точки зрения никакой побочки не было, то с государственной был жирный минус: потребители ЛСД не могли кричать правильные лозунги с тем же упоением, с каким кричали раньше. Утрата гражданами благонадежности есть вред для государств. Власти начинают кампанию по устранению вредного для системы вещества.

В любой среде, не важно, ученые это, военные, коммерсанты или кто угодно, всегда есть люди, готовые за хорошие деньги выполнить любой заказ. Так в США к бензину в качестве присадки для повышения октанового числа добавляли свинец (тетраэтилсвинец). Это отравляло внешнюю среду, гибли и становились инвалидами производившие его люди. Но так как за этим стояла могущественная топливная компания, заказывавшая у ученых доклады о безвредности такого топлива, с 1923 по 1976 год, 53 года, продолжали выпускать то, во вредности чего ни у кого не было сомнений. Деньги решают многое.

Власти заказывают отрицательную информацию про перспективное вещество. Так как заказчик тут уже не бизнес, а политика, а это абсолютный тяжеловес, которому просто некому противостоять, вскоре ЛСД оказывается в статусе страшно вредного вещества. На этом основании проводится закон, объявляющий психоделик запрещенным веществом.

Рынок сразу криминализируется. Вторым шагом его наполняют суррогатами. Их употребление действительно рождает проблемы со здоровьем. СМИ показывают разные страшилки, а потом говорят, что во всем виноваты страшные психоделики. Волну подхватывает наркологический бизнес. За короткое время ЛСД приобретает зловещий статус страшного наркотика. Тот факт, что у людей короткая память, позволяет им забыть, что на протяжении десятилетий он не имел вреда, а теперь в одночасье стал вредным.

Если христианскому государству угрожает Христос, оно объявит его Антихристом. Если государство позиционирует себя приверженцем свободы, мира и знания, а свобода, мир и знание угрожают ему, оно объявит войну — миром, рабство — свободой, а незнание — знанием. Оно будет говорить о любви к миру и воевать под этим лозунгом.

«Что говорит Старший Брат, никто не расслышал. Всего несколько слов ободрения, вроде тех, которые произносит вождь в громе битвы, — сами по себе пускай невнятные, они вселяют уверенность одним тем, что их произнесли. Потом лицо Старшего Брата потускнело, и выступила четкая крупная надпись — три партийных лозунга:

ВОИНА — ЭТО МИР
СВОБОДА — ЭТО РАБСТВО
НЕЗНАНИЕ — СИЛА

Но еще несколько мгновений лицо Старшего Брата как бы держалось на экране: так ярок был отпечаток, оставленный им в глазу, что не мог стереться сразу. Маленькая женщина с рыжеватыми волосами навалилась на спинку переднего стула. Всклипывающим шепотом она произнесла что-то вроде: «Спаситель мой!» — и простерла руки к телеэкрану. Потом закрыла лицо ладонями. По-видимому, она молилась» (Оруэлл, «1984»).

Группа

Рассмотрим еще три вещества, отнесенные к наркотикам, на предмет наркотических признаков: вреда здоровью; физической зависимости; социальной опасности и искажения восприятия мира — кокаин, канабис и амфетаминовую группу.

Вред здоровью есть и от чистого, и от грязного кокаина. Неумеренно потребляемый чистый кокаин разъедает ноздри быстрее, чем грязный (по аналогии с кислотой, чем она менее разбавлена, тем сильнее разъедает). Но основной вред несут примеси, которыми он так же богат по причине запрета, как и уличный героин.

Интересный момент: алкоголь ядовитее кокаина, но это в конечном итоге делает его менее опасным. Поясню... Большие дозы алкоголя вызывают тяжелое отравление — похмелье. Это образует сдерживающий момент. Каждый, кто хоть однажды перебирал с алкоголем, помнит, как давал себе обещание больше никогда не пить. От кокаина нет зависимости и похмелья. Максимум, к нему привыкают как к кофе. Как следствие, нет сдерживающего момента. Это делает менее ядовитый кокаин опаснее алкоголя.

Такая же история с огнестрельным оружием, по сравнению с другими средствами самообороны оно самое опасное. Но это делает его по сравнению с иными средствами менее опасным. Например, когда один человек в конфликте использует против другого травматические средства, оба знают, что убить им нельзя. Это провоцирует более опасное и менее ответственное поведение конфликтующих сторон. Если бы в ситуации участвовало огнестрельное оружие, сам факт его присутствия играл бы сдерживающую роль. Владелец оружия серьезно бы подумал, прежде чем применять его, а его противник так же серьезно подумал бы, прежде чем продолжать агрессию. Посмотрите на статистику убийств там, где оружие разрешено и там, где запрещено, и вы увидите этот эффект.

Итак, вреда здоровью от кокаина формально меньше, чем от алкоголя, но по сумме всех обстоятельств больше по той причине, что люди в своем большинстве — это дети. Сами себя они не в состоянии сдерживать. У алкоголя есть сдерживающий момент, похмелье, а у кокаина его нет. Дети не могут остановиться, как со сладким...

Теперь про социальную опасность... Пьяный человек неоправданно агрессивен, хуже мыслит, неадекватно воспринимает реальность. На следующий день может ничего не помнить. Под кокаином человек мыслит очень отчетливо и ясно. Он видит себя на вершине мира, ему все кажется возможным. Искажения реальности нет. Следовательно, он не склонен проявлять немотивированную агрессию, как это свойственно пьяным людям.

По степени искажения восприятия реальности, она меньше, чем от алкоголя. Эффект от кокаина сходен с алкоголем. Он приглушает боль, вызывает активность, делает смелее и раскрепощает «Горсточка звезд, / ори! / Шарахайся испуганно, вечер-инок! Идем! / Раздуем на самок / ноздри, / выеденные зубами кокаина!» (Маяковский «Война и мир»).

Но рассматривая вещество с государственного масштаба, мы видим те же мотивы для запрещения, что и психоделиков. Пьяные овцы могут скандировать любые лозунги в любой последовательности, не замечая, что первая партия лозунгов противоречит второй. Могут даже в одном лозунге совместить оба противоречия, не видя противоречия: «Четыре ноги хорошо! Четыре ноги плохо!». Причем, чем противоречие более выражено, тем пьяные овцы будущего более истово декларируют, чем трезвые. Будут видеть в этом противоречии сокровенный смысл, недоступный уму, но улавливаемый сердцем.

Когда человек под кокаином, он не может не заметить противоречивости лозунгов или их подмены. Не сможет называть белым то, что вчера считалось черным. СМИ для него не смогут быть источником истины, так как он считает манипуляцию.

Правители инков понимали: чем уже и незамысловатее мыслит масса, тем управлять ею проще. Поэтому жевать листья коки разрешали только элите — жрецам и правителям. Массе в исключительных случаях — воинам перед битвой или гонцу. Самовольно потреблять кокаин запрещали. Нарушили это вековое правило европейцы. Но не потому, что считали, что индейский народ имеет такие же права, как элита, а из-за хищнического отношения к индейской территории. Кокаин был введен в повседневный оборот, когда его стали использовать как средство оплаты. Было бы героинем выгоднее платить, платили бы героинем. Бизнес никогда не думает в длинную. Им движет сиюминутная прибыль.

Политики всегда дальновиднее торговых людей. И так как легализация кокаина несовместима с традиционным управлением, простонародью было запрещено потребление

кокаина по таким же причинам, по каким его запрещала индейская власть. Девиз всякой власти: «Умные нам не нужны. Нам нужны верные» (Стругацкие, «Трудно быть богом»).

Теперь о канабисе (конопля). Вред здоровью от него есть, но несоразмерно меньше, чем от многих лекарств, (побочный эффект называется) и тем более от алкоголя и никотина. Марихуана во многих странах в статусе лекарства и рекреационного средства.

Физической зависимости канабис не вызывает. Про социальную опасность даже говорить смешно. Употребивший марихуану человек в своем мире. Он подобен Шиве, индуистскому божеству, нормальное состояние которого — канабисное состояние. На Востоке каннабис воспринимается как сухое вино в винодельческих районах Европы.

Для человека это вещество неопаснее кофе. Но для власти опасен созерцательный настрой, задаваемый человеку канабисом. Человек под ним становится вялым. Нельзя сказать, что он теперь против карьеры или денег, вещей и секса, но стремиться к этому под канабисом он не будет с такой страстью, с какой стремится без него. Если цирковому животному ввести канабис, оно будет делать трюки за сахар. Но не так расторопно.

Этот эффект заметен на конкуренции цивилизаций. Для Европы традиционно потребление алкоголя, для Востока — канабиса. Пьяная Европа явно выиграла забег у обкуренного Востока.

Государству нужны не просто стремящиеся к заданным целям люди, а активно стремящиеся. Легализация канабиса уменьшит активность. Поэтому его запрещают под предлогом заботы о здоровье. Криминализация рынка сдерживает его распространение.

Очень точно сформулировал вред канабиса глава Совета по борьбе с наркотиками в 2009 году в Великобритании профессор Дэвид Натт. Он сказал, что единственный реальный вред, какое это вещество может принести своему пользователю — судимость.

Когда он заявил это в своем публичном докладе и выступил против классификации канабиса как более тяжелого наркотика, политики потребовали его покинуть свой пост. Двигают политиками не реальные факты, а мнение избирателей. И если они накачаны установкой, что канабис зло, не важно, чем он является на самом деле. Важно вести себя так, как ожидают твои избиратели. Изменить ситуацию в условиях демократии можно только когда вырастет новое поколение избирателей, которым внушат другие установки.

Из солидарности его мнению и в знак протеста против государственной позиции, опирающейся не на научные факты, а на традиционные предрассудки, вместе с Наттом британский Совет по борьбе с наркотиками покинуло несколько его коллег.

В 2011 году медицинский журнал «Lancet» опубликовал результаты исследований о степени вреда веществ, отнесенным политиками к наркотикам. Канабис оказался во второй десятке (11 место), а алкоголь и никотин в первой (алкоголь 5-е, никотин 9-е).

Последним рассмотрю вещества амфетаминового ряда. Они повышают настроение и дают чувство счастья, заметно увеличивают работоспособность. Вреда здоровью нет, если не превышать нормы. Если злоупотреблять, здоровью наносится серьезный вред. Но опять же повторю, в природе нет вещества, которое не несло бы вред при нарушении нормы. Как было написано на храме Аполлона в Дельфах «Ничего сверх меры».

Я принимал вещество этой группы — экстази. Его основной эффект — повышается эротическое восприятие. Не хочется ничего, кроме тактильных ощущений и любви. Я по своему опыту вообще не вижу, что можно сказать про него плохого. При злоупотреблении оно перестает работать. К последствиям можно отнести упадок сил на следующий день, что я испытал однажды. Не знаю, к чему отнести. Рынок этих веществ криминализован, и потому быть уверенным в чистоте вещества так же невозможно, как невозможно быть уверенным в качестве алкоголя во время сухого закона. Возможно, дело в качестве.

Физической зависимости и похмелья от него нет. Так как оно дает исключительно положительные эмоции, к нему возникает такая же психологическая привязанность, как у влюбленного к любимой. Нормально ли, что все приятное привлекает человека, или это повод для беспокойства — на этот вопрос ни один нарколог вам прямо не ответит, пока вы не скажете, что есть привлекательный объект. Если он разрешен законом, но немного

вредный, вам скажут, что тяга человека к тому, что ему нравится — это нормально. Если же объект запрещен законом, пусть от него нет никакого вреда, вам все равно скажут, что стремление к нему — это плохо и опасно.

Историки и наркологи оценивают событие по политическим соображениям. Если вы убили много людей, и это принесло государству пользу, историки назовут вас героем и завоевателем. Если вы призвали прекратить бойню, это вредило государству, историки назовут вас провокатором и прихвостнем врага. Аналогично и наркологи, если вещество вредно, но по государственным соображениям его надо легализовать, они говорят, что оно вполне себе приемлемо. Если же вещество несет меньший вред или вовсе безвредно, но по государственным соображениям его нужно запретить, наркологи говорят, что оно ужасное и страшное, и его действие убийственно для человека.

Упомянутый ранее профессор Натт утверждает, что вероятность умереть от экстази ниже, чем от удара молнии. По его словам, в Англии около треть молодых людей от случая к случаю употребляет его. Примерно полмиллиона делают это каждые выходные. Все это в сумме дает около десяти смертей в год. Осложнения наступают примерно от каждой 10000-й таблетки. Большинство проблем связано не с самим экстази, а сопутствующими обстоятельствами и сопровождающими ситуацию действиями.

Аналогичный по тяжести вред случается один раз на 350 человеко-часов верховой езды. Потребление табака вызывает рак легких, и смертность от никотина в Англии в 200 раз выше, чем от экстази. От алкогольных отравлений каждый день умирает в среднем один человек, плюс тысячи хронических алкоголиков каждый год. Но экстази обыватель все равно считает опаснее табака, молнии, алкоголя и верховой езды вместе взятых.

Итак, вреда и физической зависимости от препаратов амфетаминовой группы нет. Рассмотрим теперь это вещество на предмет социальной опасности. Красноречивее всего на эту тему говорят сами наркологи. Даже они, чей хлеб зависит от того, найдут они тут опасность или нет, говорят, что социальной опасности они не несут. Человек под экстази абсолютно безопасен, тогда как человек под водкой опаснее в миллион раз.

Последний четвертый признак, искажение реальности, в некоторых препаратах есть. Но в чем опасность, если человек наблюдает иную реальность? Если она есть, сон тоже представляет опасность, потому что мы в нем наблюдаем иную реальность.

Я не могу найти никакого объяснения, почему эти вещества считаются наркотой. Скорее всего, это не продукт осмысления, а установка старой эпохи, по которой все, что влияет на мироощущение человека, если это не табак и алкоголь, является наркотиком.

Какофония

Церковь говорила, как Святой Дух через вселенские соборы, через отцов Церкви и святых открыл ей, как правильно трактовать Библию. И через эту трактовку получалось, что Земля неподвижно стоит в центре, а Солнце вращается вокруг нее. Когда Галилей 400 лет назад положил перед ней расчеты и наблюдения в телескоп, которые говорили ровно обратное, она проигнорировала это, ибо слово божие считала выше всяких расчетов.

Оппонент Галилея и верный сын Церкви, профессор Падуанского университета Кремонини, отказался даже смотреть в телескоп, заявив, что ему «все понятно», и что он заранее знает, что ничего там не увидит, кроме оптической иллюзии. Узнавать истину этот благочестивый ученый предпочитает, глядя в Библию, а не в телескоп. Для него важнее цифр являются решения вселенских соборов, высказывания отцов Церкви и святых.

Армия наркологов и морализаторов говорят, что вещества именуемые наркотиками, вреднее веществ, не занесенных в этот список. Когда кладешь перед ними статистику, по которой алкоголь и никотин вреднее марихуаны и психоделиков, они игнорируют ее.

Падуанские профессора нашего времени отказываются смотреть на цифры, заявляя, что им «все понятно», что они заранее знают, что ничего там не увидят, кроме притянутых

за уши аргументов. Узнавать истину эти благочестивые люди предпочитают, глядя на список запрещенных веществ, а не на статистику смертей и отравлений.

Особенно преуспевают в этом наркологи стран третьего мира. Когда им говоришь про медицинский эффект многих препаратов, определенных наркотиками, и что в развитых странах эти вещества легализованы, они отвечают, что западные ученые глубоко заблуждаются. А они, светочи наук, глубже понимают вопрос и глатолят истину.

Когда под давлением фактов они вынуждены признать, что вред от разрешенного алкоголя с никотином выше вреда от запрещенных психоделиков и марихуаны, они говорят, что да, выше. Но тут же добавляют, что алкоголь с табаком хоть и приносят больше вреда, но все равно нужно считать, что психоделики с марихуаной вреднее, даже если по факту это не так. На вопрос, почему, они эмоционально отвечают, что потому что алкоголь с никотином — это конечно, сукин сын, но это наш сукин сын. А экстази и марихуана — это чужой сукин сын, и потому пусть вреда от них меньше, мы все равно должны считать, что вредает них больше. Иначе говоря, говорить на черное белое.

Люди занимают подобные позиции по разным причинам. Одни всё понимают, но если борьба с драконами является источником вашего благосостояния, а вы знаете, что драконов не существует, все равно будете искать аргументы, чтобы получить из бюджета деньги на оборону от драконов. Другие находятся в эмоциональной зависимости от слова «наркотик», которое для них как красная тряпка для быка. При звуке этого слова верные сыны традиции теряют способность мыслить и не воспринимают аргументы.

Для абсолютного большинства средневековых людей истину в последней инстанции определяли не расчеты и цифры, а что в Библии написано и трактовки от Церкви. Грехом считалось то, что Церковь определяла грехом. Она могла расширять этот список. Людей не смущало, что в одной местности грехом считалось то, а в другой другое.

Для абсолютного большинства современных людей вредность вещества определяет не статистика и факты, а нахождение вещества в списке запрещенных. Если допустить, что мёд занесут в список запрещенных веществ, не важно, что у него нет ни одного признака наркотика: вреда здоровью, зависимости, социальной опасности, и искажения реальности. Важно, что любое вещество, названное наркотиком, считается очень вредным. А к вреду от вещества, не занесенного в этот список нужно относиться терпимо.

В каждой религии свой список запрещенных мыслей и поступков, определяемых грехом. В каждом государстве свой список запрещенных веществ и разные наказания за хранение, потребление и прочие действия, связанные с этой сферой. В одних государствах алкоголь является запрещенным веществом или ограниченным к применению. В других его потребление разрешено без ограничений. «Для неограниченного употребления Запад позволил только алкоголь и табак. Все остальные Двери В Стене обозваны Наркотой, а те, кто неавторизованно их употребляет, — наркоманами». («Двери восприятия» О. Хаксли).

В 2010 году в журнале *Lancet* была опубликована таблица, сопоставляющая вред от разных веществ, употребляемых людьми в рекреационных целях. Таблица учитывала результаты, полученные различными технологиями разными группами экспертов. Первым в этом списке оказался алкоголь, опередив героин и прочие вещества, отнесенные к тяжелым. В конце этого списка стояли галлюциногенные грибы и психоделики.

У алкоголя ярко выражены все четыре признака наркотика: он несет вред здоровью, порождает зависимость, создает социальную опасность и искажает восприятие мира. Но государство не считает его наркотиком и не вносит в список запрещенных веществ.

Вещество определяется наркотиком не по наличию или отсутствию в нем признаков наркотика, а присутствует или отсутствует оно в списке запрещенных веществ. Вещество может обладать всеми признаками наркотика, и при этом не определяться наркотиком, потому что его не занесли в список. И наоборот, может не иметь ни одного признака наркотика, но считаться им, потому что его занесли в список запрещенных веществ.

Корни такой, мягко говоря, странной методы, в невозможности запретить людям потреблять в рекреационных целях соответствующие вещества: алкоголь, кокаин, героин,

марихуану, никотин, галлюциногены и прочее. Такая потребность наблюдается не только у людей, но и животных. Мадагаскарские лемуры надкусывают ядовитых многоножек, чтобы они выпустили яд, вызывающий наркотическое опьянение, и они его слизывают. Ягуары жуют лиану с психоактивным веществом. Мартышки на карибских островах всеми правдами и неправдами добывают у туристов алкоголь. Дельфины жуют рыбу фугу, содержащую нейротоксин, вызывающий наркотический эффект.

Все это говорит, что у людей и животных есть стремление уйти от окружающей реальности, отдохнуть от нее и на время переключиться на другие ощущения и миры. Это желание является не сбоем программы, а выражением человеческой природы, которая, как известно, гони ее в дверь, она влезет в окно.

Современная политика в сложных социальных вопросах иррациональна в силу своей конструкции. Ее ориентированность на шаблоны и игнорирование статистических и научных данных продиктована особенностями демократии, где правят не те, кто имеет философское и научное основание, а кто подстраивается под мнение маленьких людей.

Выпукло этот эффект заметен сейчас, в условиях пандемии коронавируса COVID19. Лица, получившие власть в результате всенародных выборов, рекомендуют лечиться от инфекции в меру своей компетентности. Один рекомендует лечить вирус хоккеем и баней. Другой не менее уважаемый президент считает, что верным средством является окуривание дымом травы гармалы, хорошо зарекомендовавшей себя в средние века в борьбе со злыми духами. Чтобы повысить эффективность такой борьбы, власть запретила употреблять слово «коронавирус» и использовать индивидуальные средства защиты. Итоги впечатляющие: по официальной статистике в этих странах нуль заболевших (как в СССР по официальной статистике было нуль наркоманов и проституток).

Государство несколько раз пробовало отнести алкоголь к наркотику и запретить его, но всякий раз на выходе получало обратный результат. Освободившуюся нишу мгновенно занимал криминал. Как следствие, рынок заполняли алкогольные суррогаты, от которых было еще больше вреда, чем от алкоголя, производимого под контролем государства.

Власть встала перед выбором из двух зол. Руководствуясь словами Макиавелли, что наименьшее зло следует считать благом, приняла решение легализовать алкоголь. С тех пор его считают не наркотиком, а добрым, старым алкоголем. На полках магазинов стоит множеством настоек, содержащих психоактивный элемент — этанол (или проще говоря, спирт, сильнодействующий яд). Тот факт, что он смешан с полезными веществами, макро- и микроэлементами, флавоноидами, танином и витаминами, не устраняет его ядовитости.

Вино подобно лекарству на спирту. Если полезные вещества употреблять без спирта, пользы от них будет больше. Но вино пьют преимущественно не ради пользы, а в погоне за эйфорией. В винодельческих регионах болезней сердца действительно меньше. Но вот цирроза печени больше. Производит этот вред этанол, который по своей природе яд.

Чтобы иметь реальное представление об алкоголе, возьмем головки опийного мака, прокрутим их через мясорубку и смешаем с медом или вареньем (на сленге это называют кухнар). Вопрос: полученный продукт наркотик или нет? Ответ очевидный: конечно да. Если основное активное вещество наркотик, то и весь раствор тоже наркотик.

Говорить о пользе вина, потому что там танин с флавоноидами, это все равно, что говорить о пользе кухнара, потому что там мед и варенье. Но насколько мед полезнее в чистом виде, без опиатов, настолько флавоноиды с танином полезнее без этанола.

Любой раствор, основанный на психоактивном веществе, является наркотиком. Но при этом алкоголь называют как угодно, вином, водкой, коньяком и прочее, но только не наркотиком. С тем же успехом кухнар можно называть не наркотиком, а вареником или медовиком и прочее, в зависимости от добавок, вкуса и прочее. Если бы все запрещенные на сегодня вещества определяли бы по той же методе, что и алкоголь, прилавки магазинов сразу бы наполнил качественный продукт. К отделам по продаже продукции, основанной на этаноле, появились бы отделы с продукцией, где одна основана на опиатах, другая на каннабиноидах, третья на психоактивных веществах искусственного происхождения.

Базовый компонент любого алкоголя — этанол (спирт). Это вещество ядовито по своей природе, как цианистый калий, например. По этой причине алкоголь невозможно избавить от ядовитости, сколько ни чисти. Чистка убирает другие вредные вещества, но главный яд, этанол, не убирает. Вернее, убрать его можно, но тогда это будет не алкоголь.

Для сравнения, если из многих веществ, занесенных в список запрещенных, убрать посторонние примеси, оставив только психоактивное вещество, вред для здоровья можно или полностью убрать, или очень значительно сократить его.

Составив реальное представление об алкоголе, возвращаюсь к вопросу, почему он не в статусе наркотика, а другие вещества, менее вредные или вообще безвредные, имеют такой статус? И второй вопрос, почему алкоголь под присмотром государства чистят от ядовитых примесей, а качество других веществ отдается на откуп неконтролируемым никем производителям и распространителям, которые мешают туда, что под руку попало?

Анализируя ситуацию в целом, я вижу только две реальных причины. Про первую я говорил — политическая. У нее те же корни, что у запрета инков до прихода европейцев потреблять коку простолоудинам. Сегодняшние политики есть продолжение вчерашних жрецов и вождей. Изменились бантики, технологии управления массами остались те же.

Церковь в средние века была монополистом на контакт с иным миром. Свой взгляд на его устройство она позиционировала истиной. Искажавшие церковный эталон учения назывались еретическими и их беспощадно искореняли. Благочестивые люди должны считать реальностью только то, что Церковь считала. Иной взгляд являлся тяжким преступлением, потому что нес в себе угрозу разрушить цивилизационную конструкцию.

Государство в наше время является монополистом на вещества, открывающие двери в иную реальность. Только оно может производить и хранить их. Только с его разрешения их можно изучать и употреблять. Благонадежные люди должны считать единственной реальностью только то, что государство считает таковой. Это эталон, по которому всякий должен сверяться, определяя степень истинности/ложности своего взгляда на мир. Как в средние века все, что уводило от церковной истины, считалось страшной опасностью, так в наше время все, что уводит от государственной истины, считается такой же опасностью.

Вещества уводят людей от государственного эталона, говоря, что видимый нами мир — не единственная реальность. Это так же страшно для сегодняшней цивилизационной конструкции, как для вчерашней отрицание церковного взгляда как единственной истины.

Вторая причина выросла в условиях, созданных первой. Политика задает курс, а бизнес его укрепляет. Если завтра власти что-то разрешат или запретят, на этом 100% кто-то будет зарабатывать. Возникнет сила, отстаивающая этот запрет или разрешение, всеми доступными способами. Преодолеть эту силу никто не может, кроме власти (хорошо это видно на упомянутой ранее истории про содержание свинца в бензине в США).

На данный момент в каждой стране, где алкоголь разрешен, существует свое лобби, которое защищает свою кормушку от потенциальных конкурентов (запрещенных веществ) всеми способами. Защита строится не на том, что алкоголь полезен (это была бы слишком откровенная ложь), а на том, что если его запретить, будет еще хуже; что запрет алкоголя приведет к всплеску наркомании. По факту защита говорит, что чтобы люди не употребляли менее опасные вещества, нужно кормить их более опасными.

В государствах, где алкоголь отнесен к запрещенным веществам, а марихуана, например, разрешена, существуют точно такие же лобби, которые с таким же рвением защищают свою кормушку от конкурента в виде алкоголя.

Производители алкоголя говорят об ужасах марихуаны, защищая от конкурента свой рынок. Производители марихуаны говорят об ужасах алкоголя, тоже защищая рынок от конкурента. Все используют одинаковую риторику и позиционируют себя движимыми благородными мотивами. Непосвященный человек, услышав этих защитников, может подумать, что ими движет забота о благе общества и здоровье народа. В реальности ими движет забота о собственной прибыли. Естественно, торговые люди используют защиту, которая самая эффективная. Лучше всего работают слова про здоровье и религию.

Если называть вещи своими именами, лоббисты одних наркотиков противостоят лоббистам других. Пока выигрывают этаноловые и никотиновые вещества. Они не только наполнили полки магазинов, но и отвоевали себе право иначе называться. Например, любой продукт с содержанием марихуаны будет называться наркотиком вне зависимости от присутствующих в нем ингредиентов. Любой продукт на этаноле называют лекарством или алкогольной продукцией со своим названием: вино, водка, виски, ликер и прочее, но не наркотиком. Но есть тенденция, что вещества, имеющие наркотические признаки на уровне кофе, отвоюют себе часть рынка, занятого сегодня этанолом и никотином.

Энтузиасты

Вчера у Церкви была монополия на онтологическую сферу. Она говорила, что есть мир, откуда он взялся, что будет с человеком после смерти и прочее. Церковные ответы были в статусе истины и считались эталоном. Иные ответы, следовавшие из внецерковных учений, духовных практик или употребления галлюциногенов, отклонялись от эталона. За это их считали ересью и жестоко гнали как сатанинскую ложь и дьявольское искушение.

После падения Церкви монополию в этой сфере пытается перехватить Государство, но безуспешно, так как для этого нужно мировоззрение, а его у него не было. Начинается период, когда каждый отвечал, как умел на онтологические вопросы и верил во что хотел.

Когда возникла политическая необходимость запретить употребление ряда веществ, это делают под предлогом, что они искажают реальность. Если есть искажение, значит, есть эталон, относительно которого определяется искажение. Что же есть эталон?

Так как у государства нет мировоззрения, опираясь на которое оно может ответить на вопрос, что есть реальность, оно постановляет считать реальностью обиденный взгляд на мир. По этому эталону оно сверяется, отличая настоящую реальность от искаженной.

Что есть реальность — сложнейший философский вопрос. Государство сводит его на уровень простейшего. Так обывательское мнение превращается в эталон. Иное видение реальности, возникающее под веществами, объявляется искажением реальности. На этом основании государство запрещает такие вещества. Усиливает этот запрет словами о заботе о здоровье населения. На фоне запрета психоделиков с марихуаной и разрешения водки с никотином такая забота выглядит неубедительной и не выдерживает критики.

По факту единственный ощутимый результат такой защиты: криминализация рынка и наполнение его суррогатами. На этой благодатной почве умножаются болезни типа гепатита и ВИЧ, растет число отравлений и смертей. Растет коррупция, организованная преступность и тюремное население. Среди заключенных увеличивается процент людей, чья вина сопоставима с виной человека, выпившего бокал вина в рекреационных целях.

Объявление психоактивных веществ вне закона создало далеко идущие последствия. Например, официальная наука так устроена, что может делать только то, на что власть ей дает деньги. Так как бюджет не может финансировать изучение запрещенных веществ, фундаментальная наука в принципе связана в этом направлении.

Коммерческая наука тоже не может финансировать такое изучение. Бизнес выделяет деньги только на то, что можно продать. Чтобы продать продукт научного исследования, его нужно запатентовать. Так как результаты работы с запрещенными веществами нельзя запатентовать, бизнес никогда не вложится в такие исследования.

Единственный, кто финансирует эти исследования — криминал. Но не с научной целью, а для удешевления себестоимости или упрощения производства с одновременным усилением эффекта. Вопрос о здоровье потребителя в таких исследованиях никогда не стоит. Единственный ориентир — повысить эффективность и понизить себестоимость.

Яркий результат такой ориентированности — создание веществ, одно из которых на сленге известно как «белый китаец», а другое «крокодил». Они искалечили сотни тысяч людей и убили десятки тысяч. Но зато они были дешевы и эффективны.

В этой ситуации единственные исследователи — независимые ученые. Они в том же положении, что и их средневековые коллеги, изучавшие анатомию человека, препарируя трупы на свой страх и риск, прячась от церковного ока и мракобесов в укромных уголках. Сегодняшние ученые, изучающие запрещенные вещества, точно так же прячутся от государственного ока и мракобесов в своих лабораториях или ищут лазейки в законе.

Один из таких ученых, американский антрополог профессор Дж. С. Слоткин, нашел лазейку в законе, став членом Церкви Коренных Американцев. Создана эта Церковь по зеркальной технологии поглощения христианством национальных и языческих верований. Там, где не получалось искоренить народные верования огнем и мечом, она работала по другой методе, перекрашивая национальные верования в христианские цвета и вплетая в церковное учение. Теперь то же самое верования индейцев сделали с христианством, адаптировав его под себя, получив на выходе ЦКА — индейско-христианскую Церковь.

ЦКА учит, что библейский Бог для спасения индейцев создал кактус пейот, вложив в него часть себя. Его ритуальное потребление играет такую же роль, что для христиан потребление плоти и крови Христа — ведет к спасению души и вечному блаженству. Белым людям знания о Боге дает чтение книг, а индейцам пейот, благодаря которому они лично общаются с Христом. Как можно всю жизнь читать Библию, но постичь истину невозможно, так можно всю жизнь употреблять пейот, но постичь его невозможно. Каждый раз он будет открывать все новые и новые горизонты и глубины.

Потребление пейота — такой же неотъемлемый элемент ЦКА, как потребление христианами плоти и крови. По этой аналогии суд США признал законным ритуальное поедание пейота для членов ЦКА. Для всех остальных лиц, пребывающих на территории США, потребление этого растения запрещено из-за содержащегося в нем мескалина и иных алкалоидов, как в России запрещена марихуана из-за содержащегося в ней канабиса.

Профессор Слоткин стал членом индейской Церкви, чтобы на законных основаниях изучать действие мескалина. Само по себе членство профессора в Церкви удивительно тем, что эта религия ориентирована только на индейцев, как иудаизм на евреев. Вероятно, он убедил общину, что его предки были индейцами, что и стало его пропуском в Церковь.

Впоследствии он опубликовал результат своих трудов в Протоколах Американского Философского Общества. Он пишет, что употребление пейота не дает опьянения или одурманивания. Люди не выходят из ритма и не путают слов, как это делал бы пьяный или одурманенный человек. Они спокойны, вежливы и предупредительны по отношению друг к другу. Царит атмосфера плотного религиозного чувства и благопристойности.

Для сравнения, у христиан во время богослужения в лучшем случае есть мягкое ощущение добродетели, укрепляющее среднестатистического прихожанина и дающее ему сил вынести службу. Большинство во время службы не испытывают ничего, кроме скуки.

Я, бывший христианин, подтверждаю правоту профессора не по слухам, а личному опыту — нормой является скука, монотонность и ожидание, когда же это все закончится. Голова полна посторонних мыслей, которые, едва их прогонишь, снова появляются. Душа в это время закрыта. Удерживает на месте только оценка совершаемого действия как жертвы — если уж Христос на кресте висел за мои грехи, я достоин эту службу. Иногда накатывает благодатное состояние, и служба пролетает незаметно. Слышал о монахах, у которых бывает чувство, известное как фаворский свет. Но все это страшная редкость.

Слоткин рассказывает о людях, ритуально потребляющих пейот по сорок-пятьдесят лет, т.е. всю жизнь, и у них не возникает толерантности, привыкания к веществу. Им для достижения эффекта не нужна большая доза. В интервалах между ритуалами, которые длятся примерно столько же, сколько у христиан между церковными праздниками, они обходятся без пейоты и не чувствуют стремления к ней, т.е. нет зависимости. Про себя пишет, что не почувствовал стремления к веществу после потребления его четыре уикэнда подряд, тогда как у тех, кто потребляет ее ради развлечения, стремление всегда наступает.

Профессор пишет воистину фантастические вещи. Например, во время ритуала он просидел на земле со скрещенными ногами без движения около 10 часов, и не чувствовал

намек на усталость. Когда его сосед запел во время ритуала, он понял все до единого слова, хотя не знал языка. После ритуала профессор попросил индейца пропеть еще раз эту песню, что тот и сделал, но на этот раз ученый не понял ни единого слова.

Ученый говорит, что любому, кто заинтригован темой, нужно помнить, что пейота правильно действует, если принимать ее как таинство в условиях ритуала. Если же ради развлечения, как практикуют представители западной цивилизации, оставшиеся без Бога и мятущиеся в клетке потребительских истин, то можно получить психологическую травму.

Он пишет, что многие люди называют себя учеными и считаются авторитетами в использовании пейоты. Но при этом они не имеют личного опыта, черпают информацию из СМИ и книг от таких же специалистов. Они рассказывают фантастические истории про то, о чем понятия не имеют. Одним из таких был Кастанеда, накопил огромный труд не выходя из библиотеки про эффект пейота, выдав свои фантазии за откровение индейца.

В заключение исследователь предполагает, что у федерального правительства есть веские причины для запрещения использования пейота, но не делает попытки углубиться в эту тему. Он только констатирует факт запрета, не пытаясь увидеть его корни.

Упомяну еще одного яркого исследователя темы, русского американца Александра Шульгина. Он имел разрешение от правительства США на работу с психоактивными веществами. Ученый создавал в своей лаборатории новые вещества и испытывал их на себе (за это он называл себя психонавтом). Вместе с женой Энн ученый написал книгу «ПИХКАЛ, История Химической Любви», где изложил свои мысли, взгляды и опыт.

Шульгин говорил, что внутри каждого есть чудесный мир и неизвестная реальность. Мы ее не знаем, так как дверь туда закрыта шаблонами и обыденностью мысли. Один из ключей, которым можно открыть эту дверь, являются вещества. Они могут освободить вселенную разума и духа, но пока изучение веществ запрещено, двери останутся закрыты.

Ученым можно запретить непосредственное изучение запрещенных веществ, но нельзя запретить изучать их влияние на социум, а это интереснейшие данные. Например, среди потребителей психоделиков самый высокий процент людей, кто за либерализацию, увеличение прав и свобод. А среди потребителей водки самый высокий процент людей, кто за авторитарность, твердую руку и ужесточения. В Америке были проанкетированы 440 тысяч заключенных на предмет употребления псилоцибина. В группе, где люди хоть раз в жизни его пробовали, на 27% меньше краж со взломом и на 18% насильственных преступлений, по сравнению с группой, ни разу не употреблявших это вещество.

Это не значит, что все потребители водки за уменьшение свободы, а все потребители психоделиков за ее расширение. Равно как не значит, что потребитель грибов не может причинить насилия, а потребитель водки обязательно его причинит. Это значит, что выше вероятность наступления одного случая и не наступления другого.

Кажется, при чем тут одно и другое? Как потребление грибов влияет на агрессию, а водка на политические предпочтения? Как спрос на определенную марку автомобилей может быть связан с урожайностью бананов? Почему обладатели одной модели телефона чаще гасят кредиты досрочно, а у жителей многоэтажек выше деловая активность? Все это похоже на бред, но практика показывает, что связь между ними есть.

Наука не может объяснить этих взаимосвязей в той же мере, в какой не может ответить, почему электрон крутится вокруг ядра по такой орбите и с такой скоростью, а не иначе. Она называет эту данность законом природы, и использует в практических целях.

Политики и бизнесмены тоже не могут (и не собираются) объяснить эти странные закономерности, своего рода квантовую физику бизнеса и политики. Они их используют. Политики используют для понимания, что обещать избирателям. Бизнес использует, вырабатывая кредитную, производственную и рекламную стратегию.

Большие данные по запрещенным веществам можно использовать в социальном проектировании, но государство не делает этого, так как тема табуирована. словно чья-то невидимая и могущественная рука захлопнула дверь, ведущую в удивительный мир.

Кто говорит об алкоголе, никотине, кофеине и прочих разрешенных к употреблению веществах в положительных тонах, а о марихуане, экстази, галлюциногенах и прочих запрещенных веществах в негативных тонах, тот черпает информацию из страшилок от наркологов, из СМИ и слухов, циркулирующих в обывательской среде.

Но с другой стороны, а откуда взяться объективной информации, если эти вещества нельзя изучать. Можно изучать косвенные данные, но и тут проблема... О результатах своих исследований нельзя говорить нейтрально (объективно) и тем более, положительно. Про эти вещества публично разрешается говорить только в резко негативных тонах. Если научные данные не укладываются в этот формат, информация не будет транслироваться.

В итоге СМИ рассказывают ужасы, не имеющие отношения к проблеме. Если на этом фоне появляется объективная информация, от которой не пахнет ужасом, только цифры, обыватель ее классифицирует как оправдание порока «от проклятых наркоманов».

Примерно так же обстоят дела в сексуальной сфере, где понятие интимной нормы определяется с ориентиром на церковные взгляды. Отклонение от них расценивается как извращение. Если кому-то вздумается дать по этой теме объективную информацию, это будет расценено попыткой «проклятых извращенцев» оправдать свои пороки.

Как ни одно СМИ в Китае не будет говорить факты, произошедшие на площади Тяньаньмэнь в 1989 году, они даже упоминать эту площадь в таком контексте не будут, так ни одно СМИ не будут вещать объективную информацию о запрещенных веществах.

Если хотите понять, зачем система противодействует рекреационным стремлениям человека, вам не нужно доступа к тайнам и секретным архивам — открытой информации хватит за глаза. Во-первых, игнорируйте информацию от заинтересованных лиц. К таким относятся наркозависимые (они приукрашивают ситуацию), политики (они зависят от сохранения старой социальной модели), коммерческих людей (их прибыль прямо зависит от того, насколько сильно они напугают потенциальных клиентов и их родственников), а так же любых лиц, которые кормятся с этого или пиарятся на этом. Во-вторых, смотрите на факты и информацию от независимых ученых. Не отдавайтесь во власть эмоций, и вы увидите вопиющие несоответствия между официальной позицией и реальностью.

ШЕСТАЯ ЧАСТЬ ПЕРЕЛОМ

Дедукция

Вселенной называется организованная энергия, время и пространство — бытие. До XX века было две теории происхождения бытия. Согласно первой Вселенная существует вечно. Из этого следовало, что это идеальная конструкция. Будь в ней самый малый изъян, за бесконечное время он бы расстроил всю модель, превратив мироздание в хаос. Но если этого не произошло, если мы не хаос наблюдаем вокруг себя, а организованное бытие, из этого следует, что Вселенная является идеальной по своей сущности конструкцией.

Согласно второй теории, до определенного момента Вселенной, т.е. известного нам бытия (времени, энергии и пространства) не было, и потом оно появилось. Это значит, что появилась Вселенная из того, что относительно нашего бытия определяется только как ничто. Если определить это как что-то, т.е. как бытие, тогда наша Вселенная не появилась, а всегда была, и в данный момент это трансформация предыдущего варианта бытия.

Если же стоять на том, что нашего бытия именно не было, и потом оно стало быть, из этого следует, что оно вне законов, пространства, энергии и времени. Причина бытия имеет настолько иную природу, что ничто из того, что можно назвать существующим, не важно, человек это, инопланетянин или иной житель Вселенной, абсолютно ничего не могут про нее помыслить. Можно мыслить сущности, объекты и явления, образующие наше бытие. Инобытие — это не то, и не это, и не что-либо из возможного (эту идею

развивает апофатическая теология, о чем я говорил в первой книге). Традиционно это бытие, Причину Вселенной, называют Богом — идеальной сущностью и Абсолютом.

Для нашей темы важно, что из обеих теорий выходит: идеал существует. Значит, в принципе можно создать идеальное государство, законы, человека и семью. Одни идут к созданию идеала дедуктивно, от общего к частному: сначала идеальное государство, а от него следствием идеальная семья и настоящий человек. Другие индуктивно, от частного к общему: сначала идеальный человек, от него идеальная семья, и в итоге государство.

Первым за дедуктивный метод строительства земного идеала взялся легендарный основатель Спарты Ликург. В IX веке до нашей эры этот законодатель пишет законы, соблюдение которых, по его мнению, приведет к образованию идеального государства.

По легенде, чтобы побудить спартанцев вечно жить по этим законам, он берет с них клятву, что они не изменят их до его возвращения. Когда спартанцы поклялись ему в этом, Ликург убивает себя. По одним источникам, он вышел за городские стены, перестал принимать пищу и умер от голода; по другим бросился на меч.

Получилось, что Ликург никогда не вернется. Спартанцы должны теперь вечно жить по его законам. Новые законы были невозможны, так как закон Ликурга предписывал всякому, кто выйдет с законодательной инициативой, иметь при себе веревку, на которой его повесят в случае отклонения его предложения. Законодательные инициативы свелись к нулю. Спарта застыла в развитии. Мир вокруг менялся. Не смотря на титанические и героические усилия Ликурга, вместо идеальной государственной конструкции возникла дефектная модель. Ее несоответствие внешнему миру постоянно росло. Когда достигло критического уровня, спартанская модель рухнула, прекратив свое существование.

Следующим проектировщиком идеального государства является древнегреческий философ Пифагор. В V веке до н. э. он описал свою модель идеала. Его работа до нас не дошла, но судя по тому, что никто из древних не упоминает ничего необычного об этой конструкции, можно предположить, что ничего оригинального в ней не было.

Третьей известной фигурой был древнегреческий философ Платон. По его мнению, существующие государства несовершенны из-за того, что ими правят случайные люди. Власть они получили по наследству или взяли силой, понятия не имея об управлении обществом, политике и экономике. Для них власть — синоним личной кормушки. Отсюда все пороки и злоупотребления. Если же правителями будут исключительно философы, соответствующие этой роли по складу ума и масштабу мышления, получится идеал.

По Платону, идеальное государство — это рабовладельческое общество, где у всех свое место. Полноценные люди получают максимум. Наиболее совершенные мужчины и женщины должны сходиться с целью принесения потомства. Неполноценным людям отказано во всех видах помощи и от них избавляются. Эти и многие другие признаки идеала Платон описал в своей работе «Государство».

Платон ни слова не говорит, каким образом философы получают власть; как общество отличит более достойных философов от менее достойных. Вероятно, он считал, что это произойдет как-то само собой, стоит только сказать эту удивительную мысль обществу и правителям. Но не произошло. Он высказывал свои идеи, как минимум, двум правителям, Дионисию Старшему и потом Дионисию Младшему. Результат первой попытки — его с подачи первого правителя продали в рабство. Вторая попытка тоже не имела результата (в рабство она философа не привела, но и идеального государства не возникло).

С приходом христианства поиски государственного идеала прекращаются. Церковь заявляет, что всякая власть от Бога. Следовательно, существующее на данный момент государство со всеми его пороками и изъянами по воле Бога. Получается, в стремлении улучшить его есть что-то от пассивного сопротивления и неприятия воли Бога.

В «Истории одного города» Салтыков-Щедрин пишет о человеке, проповедовавшем «Сожительство добродетельных с добродетельными, отсутствие зависти, огорчений и забот, кроткая беседа, тишина и умеренность». Власти заметили ему, что он опровергает установленный Богом порядок: «Мнишь ты всех людей добродетельными сделать, а про

то забыл, что добродетель не от тебя, а от Бога, и от Бога же всякому человеку пристойное место указано»; «Всякий сверчок да познает соответствующий званию его шесток».

С первыми проблесками гуманизма поиск идеального государства возобновляется. Мор описывает идеальный социум на вымышленном острове «Утопия», а Кампанелла в «Городе Солнца». Власть в обоих местах не наследовали или брали силой, а выбирали. Но ни один не описывает, в результате каких усилий может получиться такое государство, и каким образом власть в нем не захватит группа самых умных и сильных. Предполагалось, что люди будут разумны и добродетельны, и потому таких мыслей ни у кого не возникнет, а значит, и защищаться от подобных опасностей нет нужды. С чего Мор с Кампанеллой решили, что все люди будут такими, если практика говорила ровно обратное — про то ни слова. Так что к этим теориям можно относиться как к благочестивым фантазиям, а не практической инструкции, следуя которой можно получить запланированный результат.

Следующим за образ идеального государства берется Гегель. Не мудрствуя лукаво, он в порыве верноподданнических чувств провозглашает прусскую монархию настолько идеальной, что дальше некуда. Он называет ее «действительностью Царства Небесного». Возможны незначительные доработки и шлифовка, но костяк идеален. Если устроить мир по образцу прусской монархии, на идеальном костяке, однажды он станет идеальным, т.е. вечным. Как небесные тела вечно вращаются по своим идеальным орбитам (тогда еще Вселенную считали вечной) так люди будут вечно двигаться в государстве по идеальным законам. Это будет, — говорит Гегель, — концом истории.

Отдельно скажу, что Гегель со своим концом истории в корне противоречит своей диалектической философии. В отличие от формальной логики, по которой всякая система А или Б, по Гегелю система одновременно А (тезис) и Б (антитезис). Противостояние друг другу рождает новое состояние — С (синтез). Утвердившееся «С» всегда становится «А», и порождает свое противоречие «Б», в результате которого снова «С» — новое состояние.

Например, власть (тезис) порождает оппозицию (антитезис). Противостояние между ними выливается в новую форму власти (синтез). Новая власть становится тезисом, у нее снова появляется оппозиция (антитезис), противостояние рождает следующий синтез. Это и называется развитие, и за эту идею Гегелю уважение. А вот за объявление абсолютной монархии идеальной, и, следовательно, неподверженной законам диалектики — за это ему стыд и срам (прогнулся тут философ под монархо-аристократических покровителей).

Далее приходит Маркс, ученик Гегеля. Яблоко недалеко укатилось от яблони. Маркс признает законы диалектики (согласно им ничего вечного в принципе не может быть) но это не мешает ему заявить идеалом (а значит, вечным) коммунистическое общество.

Перефразируя идею Маркса, человечество было как бы кругом, стремившимся стать идеально круглым, но из-за внутреннего несовершенства никогда не достигавшего этого состояния. Но как только внутреннее несовершенство будет преодолено, круг станет идеально круглым, и на этом его развитие (стремление к круглости) остановится.

Общество, преобразовавшееся в коммунистическую модель, станет идеальным. Оно не сможет стать лучше по тем же причинам, по каким идеальный круг не может стать круглее, ибо круглее некуда. Идеально существует вечно. Люди в коммунистическом обществе будут ровно жить-поживать — расти количественно, расплзаясь вширь. Сначала на всю планету, потом по Вселенной, как плесень по валуну. И так как валун бесконечный, а плесень идеальная, расплзание будет вечным. Это конец истории.

Последний, кто говорил о конце истории в связи с идеальной формой общества — это американец Фукуяма. Если по Гегелю идеал — это монархия, по Марксу коммунизм, то по Фукуяме вершина организации человечества — либеральная демократия.

Концом истории назвали преобразование несовершенного социума в совершенный. Там достигнуто всеобщее равенство и процветание, и больше нет нужды в развитии. Все известные концепции конца истории описывали или фантазии, игнорируя природу как человека так и социума (например, Утопия Мора или коммунизм Маркса), или модели, доживавшие свои последние дни (например, монархию Гоббса или Гегеля).

Попытки построить идеальное общество, следствием которого будут идеальны его составные части, человек и семья, полностью провалились. Можно констатировать, что стремление к идеалу от общего к частному ни на йоту не приблизило человека к цели.

Индукция

Рассмотрим индуктивное стремление к идеалу: от частного к общему, когда сначала создается идеальный человек, и как следствие, от него идеальная семья и государство.

В религиозную эпоху считалось, что идеальный Бог создал идеальную пару людей. Они не старели и не умирали. Жажда знаний у них была заблокирована. Люди ничем не интересовались, ничего не знали, и знать не хотели — жили как домашние животные у любящих хозяев. Основой идеального состояния Адама и Евы было невежество.

Еще в раю жило существо по имени Змей. Он разработал и провел целую операцию по активации в людях жажды знаний. Когда люди утратили невежество, они стали для райского сада нежелательными персонами. *«И сказал Господь Бог: вот, Адам стал **как один из нас**, зная добро и зло; и теперь как бы не простер он руки своей, и не взял также от дерева жизни, и не вкусил, и не стал жить вечно.. И выслал его Господь Бог из сада Едемского, чтобы возделывать землю, из которой он взят».* (Быт.3,22-23).

В сухом остатке получаем, что Бог-Отец изгнал людей из рая за то, что они утолили жажду правды и знаний, что составило первородный грех человека. Бог-Христос говорит, что стремящиеся насытиться знаниями находятся на пути к блаженству *«Блаженны алчущие и жаждущие правды»* (Мф. 5, 6). Кто прав — вопрос открытый.

Церковь учит, что получившие знания людиначали не только стареть и умирать, но и деградировать, скатываясь в животное состояние (хотя, в раю они пребывал именно в нем). Но по слову Церкви она спасла человека от падения, призвав не думать и верить во всем матери-Церкви. Богословы говорят, что само намерениемыслить о том, о чем уже помыслили, есть зерно греха, покушение на преступление. Думать самому, значит, не верить Богу. *«Надейся на Господа всем сердцем твоим, и не полагайся на разум твой».* (Притч.3,5). Благочестивые люди не думают, они верят всему, чему мать-Церковь учит.

С приходом атеизма и вместе с ним гуманизма высшей ценностью провозглашается не Бог, а человек. Возникает ровно противоположная концепция. Теперь считается, что в самом начале была слепая игра стихий. Случай создал живую клетку. Из нее эволюция создала обезьяну, а та в свою очередь стала известным нам человеком. И с тех пор он развивается, находясь на пути к идеалу. Считалось, что рано или поздно он его достигнет.

В рассуждениях, что есть идеальный человек, философы того времени предлагают за точку отсчета различные мнения. Например, Гоббс берет за точку отсчета «человек человеку волк». Из нее выводит, что абсолютная монархия является идеальной моделью, и идеальный человек — это человек, из которого можно построить такую модель.

Проблема, что базовый признак монархии — население должно считать правителя властью от Бога. Для этого народ должен верить в Бога. Но так как гуманизм допускает только карманного бога, в этой атмосфере идеи Гоббса не находят отклика в обществе.

Другой заметный гуманист, Спиноза, берет за точку отсчета «человек человеку Бог». Это очень согласуется с духом того времени: чужих нет, все люди друг другу свои, все братья и сестры. Но развитие мысли упирается в неожиданные выводы.

В эпоху религии в статусе «свой» были только единокровные, единоплеменники и единоплеменники. Гуманисты снимают ограничения говорят, что любой человек для любого другого человека является своим — друг, товарищ и брат. Свобода, равенство и братство.

На слух все выглядит замечательно, но на практике все оказалось пустым. Отринув Бога, но взяв его заповеди за ориентир, гуманисты с водой выплеснули ребенка. Возникла глупейшая тупиковая ситуация. Следование старому призыву в новой ситуации устраняло понятие «чужой». И вместе с ним (сюрпри-и-з!) исчезало понятие «свой».

Если все высокие, значит, высоких нет, есть одинаковые. Чтобы были высокие, нужны низкие. Если всё в мире, например, красного цвета — цвета нет. Цвет требует фона. Если все свои, своих нет. Свои возможны только при наличии чужих.

В официальной риторике не остается места понятиям «свой человек» и «чужой человек». Вместо них теперь «просто человек». И так как гуманисты возвели его в статус Бога, красота фразы Спинозы «Человек человеку — бог» блекнет и по факту становится «бог богу — бог», и далее упрощается до «человек человеку — человек».

На первый взгляд все нормально, но базовый признак человека — он выводит свои цели из шаблонов, инстинктов и мировоззрения. А у животного цели выводятся только из шаблонов и инстинктов. Выведенных из мировоззрения целей у животных нет.

Так как у гуманистов нет мировоззрения, все их цели выведены или из шаблонов, или из инстинктов. Человек-гуманист по факту опускается на уровень животного. Теперь его отличают не цели, а способ их достижения. Животное срывает бананы силой мышц, а гуманист создал бананособирательную машину. Цель одна, банан. Способы разные.

Фраза Спинозы «человек человеку — бог» эволюционирует во фразу «животное животному — животное». И так как это не простое животное, а умное, фраза выливается до «животное животному — питание». Чтобы уловить нерв фразы, представим, что крысы разумные и каждая крыса считает любую другую крысу своими — другом, товарищем и братом. Но среди таких крыс есть крысиная популяция системы «крысиные короли». Они характерны тем, что питаются сородичами. Реально своими они считают только друг друга. Рядовых крыс считают чужими — питанием. Но чтобы процесс питания был удобнее и проще, крысы королевской популяции активно насаждают рядовым крысам мысль, что все друг другу свои. Чем больше эта идея пропитает крысиное сообщество, тем надежнее крысиные короли будут обеспечены едой.

По квалификации Гоббса первобытные люди пребывали в натуральном состоянии — *status naturalis*. По мере развития перешли в новое состояние, цивилизованное — *status civilis*. В обоих состояниях каждый делил людей всех на своих и чужих. Это не скрывали, как пещерный дикарь не скрывал, что члены племени — это свои, а члены других племен — это чужие. Равно как и высокообразованный древний грек не скрывал, что грек для него свой, а чужеземец чужой. Европейцы времен колониальной политики не считали своими туземцев. Каждый человек открыто делил всех людей на своих и чужих.

С приходом гуманизма возникает общество, где официально нет деления на своих и чужих. Формально все люди равны, человек человеку друг, товарищ и брат. Но по факту некоторые люди активно навязывают обществу идею равенства, сами продолжая делить мир на своих и чужих. Под своими они понимают только свой узкий круг. На массы они смотрят как на питание — ратуют за равенство, но не собираются его придерживать.

Внешне социум цивилизован, но по факту ниже натурального. Его суть отражает формула «человек человеку — по ситуации». Эту идею уловил советский писатель Довлатов во фразе «Человек человеку... как бы это получше выразиться — табула раса. Иначе говоря — все, что угодно. В зависимости от стечения обстоятельств».

Гуманисты игнорируют факты и продолжают ориентироваться на свои фантазии. Они говорят, если человек всю свою историю совершенствуется, а крокодил каким был миллионы лет назад, таким будет и через миллионы лет, значит, человек на пути к идеалу. В рамках этой мысли предлагаются разные технологии по совершенствованию процесса.

Более активные люди надеются насильем ускорить развитие человека до идеального состояния. Люди тихого нрава надеются сделать это без потрясений, в рамках привычной жизни. Они говорят, что нужно «просто жить», не делая ничего плохого, показывая пример своей жизнью. Когда все увидят их правильную жизнь, они начнут брать с них пример — так же жить. В итоге человек и потом человечество станут идеальными.

Хочется посмеяться над такой наивностью, но вспомним Сократа... Он полагал, что люди дурно поступают только потому, что не знают истины. А вот как узнают, так сразу и перестанут поступать плохо, и будут хорошо все делать, а плохо не будут.

Если философ так рассуждал, что говорить оповёрхностно мыслящих людях. Они не ищут истину. Они ищут свое сиюминутное благо. Разное представление о нем порождает разные стремления, что приводит к конфликтам и страданиям. Люди страдают, но «...зато живут, живут реально, не фантастически; ибо страдание-то и есть жизнь. Без страдания какое было бы в ней удовольствие — всё обратилось бы в один бесконечный молебен: оно свято, но скучновато». (Достоевский «Братья Карамазовы»).

Гуманисты отрицают цикличность развития и говорят о направленности прогресса. В рамках этой теории получается, что неотрывное и постоянное обучение людей добру (что такое добро?), будет делать людей все лучше и лучше, и в итоге получится идеал.

Насколько много в этих намерениях доброты, настолько и наивности. Ситуация как борьбой за мир во всем мире или экологию без кардинального переустройства мировой системы. Их логика: если никто не будет воевать и мусорить, то войны и мусора не будет.

Для бытового ума тут все логично, просто и понятно. Но если осмысливать тему в соответствующем масштабе, наивность суждений очевидна. На вопрос, как сделать так, чтобы из трубы паровоза не шел дым, можно ответить, что нужно перестать бросать дрова в топку; а можно переделать паровоз в электровоз. В первом случае дыма не будет, но и движение остановится. Во втором случае дыма не будет, а движение будет эффективнее.

Чтобы прекратить войны и восстановить природу, систему нужно менять. В рамках существующей системы поставленные цели недостижимы в той же мере, в какой недостижима цель устранить дым из паровоза, не меняя самого паровоза. Пока старая система сохраняется, войны не могут прекратиться, а природа очиститься.

Технология гуманистов по созданию идеального человека подобна созданию нуля (или бесконечности) из величины. На математический лад гуманистическая техника так звучит: если постоянно делить цифру пополам, однажды она станет нулем; или, если постоянно увеличивать цифру вдвое, однажды она станет бесконечностью. Но увы, цифру сколько не увеличивай или не уменьшай вдвое, она никогда не станет бесконечностью или нулем. Аналогично и человека, сколько ни улучшай, он никогда не станет идеальным.

Но гуманисты говорят, что цель уже частично достигнута. Например, тело человека уже совершенно, и принципиально меняться не будет. Как идеальный круг не может стать еще круглее, так и человеческое тело не может стать еще человечнее. Чтобы человек полностью стал идеален, осталось довести до совершенства личность. Тогда получится идеальный человек, и следом идеальная семья, государство, и в итоге идеальный мир.

На этой волне двоюродный брат Дарвина, Гальтон, основывает науку евгенику, цель которой — улучшение человека в частности и человечества в целом. Новая наука создала почву, из которой в начале XX сначала выросло понятие «нежелательные лица», затем законы, ограничивающие размножение этих лиц, и потом практика по стерилизации забраккованных людей, отделение их в гетто и прочие такие действия.

Первыми этой идее на практике начинает руководствоваться США. Например, в штате Северная Каролина лицам с IQ ниже 70, когда их выявляли, принудительно делали стерилизацию. В 1932 году в Нью-Йорке на конгрессе один из докладчиков говорит: «Нет никакого сомнения, что если бы в США закон о стерилизации применялся бы в большей мере, то в результате меньше чем через сто лет мы бы ликвидировали бы по меньшей мере 90% преступлений, безумия, слабоумия, идиотизма и половых извращений, не говоря уже о многих других формах дефективности и дегенерации. Таким образом, в течении столетия наши сумасшедшие дома, тюрьмы и психиатрические клиники были бы почти очищены от своих жертв человеческого горя и страдания» (Данн и Добжанский, «Наследственность, раса и общество»).

От Америки эстафетную палочку принимает Европа. Многие европейские страны, Дания, Швейцария, Норвегия, Швеция и другие, вводят принудительную стерилизацию и прочие ограничения на размножение.

Максимальное выражение наука евгеника находит в нацистской Германии. Власти там отнесли к нежелательным лицам не только людей с пороками и отклонениями, но и людей «неправильной» нации. Признается целесообразным уничтожать целые народы.

Через такие практики гуманисты надеялись создать идеального человека. Нацисты называли его сверхчеловеком, европейцы с американцами просвещенным человеком. Названия у всех были разные, но суть одна: отделение людей, способных подняться на следующую ступень развития, от людей, не способных к этому. Неспособных так или иначе рассматривали человекообразными животными, служащих идеальным людям.

Не смотря на все старания создать идеального человека не получилось. Как вчера люди были далеки от мифического идеала, так и сегодня. По поводу евгеники скажу, что тема так же неоднозначна, как запрещенные к употреблению вещества. Грести всех под одну гребенку, значит, «вычесать» не только людей с дефектами, но и людей, достоинства которых не вписываются в эталон.

Настоящее

Каждая эпоха рисует образ настоящего человека под свои нужды. В религиозную эпоху это был тот, кто на 100% соответствовал церковным нуждам. Церковь заявляла, что настоящий человек в первую очередь верен Богу. Все остальное тлен. Так как Бога на земле представляла она, то верность Богу выражается в послушании Церкви.

Настоящим мужчиной и женщиной считался тот, кто всю жизнь живет по правилам, норме и табу, и ни шага в сторону. В пике своего могущества она учила, что настоящий человек ставит Церковь выше государства и не может быть патриотом, так как патриотизм пережиток язычества — сотворение себе кумира. Для настоящего христианина, он же настоящий человек, единственным отечеством является Царство Небесное.

Небесный патриотизм предписывал добрым христианам восстать против власти, если она выражала непокорность Церкви. Если же добрые христиане терпят такую власть, значит, они не небесные патриоты, а земные — сотворили себе из государства кумира.

Понятно, почему религия продвигала идею небесного патриотизма. Потому что на территорию, где люди ставят Царство Небесное выше земного царства, можно наложить интердикт — запрет на отпевание, венчание, крещение и прочее. В то время это означало, что реальная власть над настоящими людьми принадлежит Церкви, а не правителям.

В светскую эпоху, когда Церковь скатилась на обочину социума и ей открылось (надо полагать, свыше), что патриотизм не пережиток язычества и сотворение кумира, а показатель настоящего человека. Она заявляет своей пастве, что те обязаны быть в первую очередь патриотами земного отечества, и только потом небесными. Если же кто небесный патриотизм ставит выше государственного, тот грешит против Бога, Церкви и веры.

Власть в этот период заявляет, что человеком с большой буквы считается тот, у кого высшей ценностью является верность государству. Что патриотизм и почитание традиций есть высшая доблесть. Что человек должен быть покорен власти и государству.

Когда Церковь в религиозный период, в зените своего могущества, побуждала жить и умирать за Бога, отказываясь от земных благ, если так складывалась ситуация, в этом есть понятная логика. Она учила, что у человека есть бессмертная душа, а *«Все труды человека — для рта его, а душа его не насыщается»* (Еккл. 6,7). Настоящий человек может не иметь земных успехов, но зато у него надежда на воздаяние на том свете.

Кто не живет жизнью настоящего человека, у того больше шансов обрести земной успех — власть, славу и богатство. Но у него нет надежды на воздаяние после смерти. И поэтому *«Малое у праведника лучше богатства многих нечестивых»*. (Пс.36,16).

Гуманизм в отличие от религии никогда не мог обосновать, в чем же смысл жизни человека, живущего ради государства. Власть призывает быть настоящим человеком, не пытаясь даже объяснить, зачем это нужно людям. Она просто говорит, что настоящий человек должен положить жизнь на служение государству, потому что это хорошо.

Не смотря на примитивность такого аргумента, для многих его достаточно. Люди посвящают свою жизнь работе на государство. Посетившая в 1932 году СССР Памела Линдон Трэверс, автор «Мери Поппинс», по результатам поездки издает «Московскую экскурсию», где пишет, что «В России иметь работу, рабочее место — это признак социальной значимости. Служить Государству — высочайшая моральная доблесть. Государство прекрасно сознает это и использует с максимальной для себя выгодой».

В древнегреческих мифах сладкоголосые сирены пели морякам, в итоге заманивая их в пучину. Государственные сладкоголосые сирены-СМИ точно так же поют обществу, что человек — это звучит гордо. Что настоящие люди сначала думают о родине, потом о себе, и если надо, отдают за него жизнь. Пропагандистская машина призывает подавлять стремления к своему благу, так как это проявление низменных животных инстинктов.

Что животного в том, что человек стремится к своему благу — на этот вопрос не только не отвечают, его никто не ставит. Любой оттенок мысли в том направлении или жестко пресекается, или забалтывается общими словами нравоучительного характера.

Общество наполняют красочные лозунги, позорящие всех, кто не стремиться жить настоящим человеком, и восхваляют всехживущих по регламенту. Огромные массы запрограммированных людей много и бескорыстно работают, совершают невозможное, жертвуют личной жизнью, здоровьем и если родина требует — отдают ей жизнь. За это получают похвальные грамоты и висят на доске почета.

Настоящий человек характерен тем, что он никогда не задается вопросом: зачем я это делаю? Что хочу получить в самом последнем итоге? Стоят ли мои усилия и жертвы результата? Если кому-то в голову приходили такие вопросы, власть интересовалась в лице своих компетентных органов, кто его навел на такие мысли? Если никто, если он сам до них додумывался, ему предлагалось поискать ответы в пропагандистских книгах и фильмах, учивших, что настоящий человек — это кто сражается и трудится за «большую человеческую правду» (к/ф «Судьба человека»). Что это за правда такая — детально нигде не говорилось. На практике ею предлагалось считать указания власти. Если человека это не устраивало, и он дальше задавал опасные вопросы, к нему применялись карательные меры. Судьба таких людей способствовала развитию интуиции.

Оставшиеся на свободе настоящие люди теперь понимали провокационную природу подобных вопросов. Если кто их спрашивал, зачем они делают то, что делают, зачем жертвуют своим благом, они сухо отвечали: так надо. На вопрос, кому надо, следовало отвечать домашними заготовками из серии «нашим детям надо, потомкам, чтобы людям в глаза не стыдно было смотреть» и прочее. Произносивший эти фразы человек чувствовал себя настоящим, стоящим на защите «большой человеческой правды».

Наиболее ярко это выразилось в соцстранах. Там говорили, что когда народ взял власть в свои руки, он должен работать с полной самоотдачей. И люди верили. «Страна политически девственна; первые же фразы партийных агитаторов и пропагандистов, произнесённые перед простыми людьми, никогда не размышлявшими над политическими вопросами, кажутся им откровением, вдруг открывающим глаза на всё важнейшее». (Б. Бажанов «Воспоминания бывшего секретаря Сталина»).

Неудобные вопросы есть как для института Церкви, так и для Государства. Каждый решает их в меру своих возможностей и изобретательства. Например, Церковь решила эту проблему через изобретение специального греха, названного грехом совопросничества.

Если человек задавал вопросы, на которые Церкви было или неудобно отвечать, или она не знала ответа, он согрешал. Допустим, написано в Библии «Сказал Господь Господу моему: седи одесную Меня, доколе положу врагов Твоих в подножие ног Твоих» (Пс. 109,1). Или из той же серии: «Бог стал в сонме богов; среди богов произнес суд...». (Пс.

81,1). Получается больше одного Бога. Как так— про то спрашивать не рекомендуется. Равно как грех задавать вопросы типа, где ад находится или почему всемогущий Бог не может превратить грешника в праведника и вместо ада отправить его в рай? Или кто такой Мелхиседек, который, по слову апостола *«без отца, без матери, без родословия, не имеющий ни начала дней, ни конца жизни, уподобляясь Сыну Божию, пребывает священником навсегда»* (Евр.7,3). Или кто такие и откуда взялись некие *«сыны божии»*, который *«увидели дочерей человеческих, что они красивы, и брали их себе в жены»* (Быт.6,2). Кто такие исполины? *«В то время были на земле исполины, особенно же с того времени, как сыны Божии стали входить к дочерям человеческим»*. (Быт6,4)

Поиски ответов могут подвигнуть к первоисточникам. Если верующий полезет туда, Церковь потеряет власть над ним. Поэтому и объявляет она грехом высокоумия такую любознательность, говоря, о непозволительности интересоваться человеку тем, что выше его ума и чего Бог от него не требует. Верующие, избегая греха, отгоняют от себя эти вопросы, находя их (по подсказке Церкви) дьявольским искушением.

Государство не могло скопировать церковную технологию, сказать подданным, что ему в горячей молитве Бог открыл: ставить неудобные вопросы — грех. Поэтому оно по-другому борется с опасной любознательностью, зачем да почему настоящий человек должен жить и работать на государство. Оно давит лозунгами-заклинаниями, что должен и все тут, и нечего рассуждать... Заменяя церковное понятие «грех» на светское «позор», власть говорит, что настоящему человеку позорно спрашивать, в чем его выгода, если он на государство будет работать. В чем тут позор, государство не пыталось объяснять. Позор, и все. Как и Церковь, грех, и все. И настоящие люди не задавали лишних вопросов.

В конце жизни большинство людей, живших так, как предписывалось настоящему человеку, обнаруживали на горизонте маячащую немощь, бедность и старость. Приходили вопросы, зачем все это было, ради чего я так жил... Но уже всё, уже поздно... Игра закончена, занавес опускается, тухнет свет... Зрители покидают зал...

Единственное утешение, какое власть предлагала «настоящим людям» — слова, что ничего страшного, если у тебя нет ничего. Зато ты бескорыстно и честно служил родине и народу. За это наградой тебе будет вечная память от благодарных потомков (которая длится лет 20, не больше). Что такого ценного в этой награде, чтобы ради нее жертвовать земными благами и жизнью — этот момент любое государство тщательно обходит.

В этом государственная позиция бесконечно слабее религиозной. Если верующий отдал жизнь служению Богу, и не получил за это ничего при жизни, он в конце дней своих не видит в этом проблемы. Напротив, видит в этом доблесть, так как предвкушает награду на небесах. Совсем другое дело «настоящий человек» гуманистического формата... У него нет даже намека на утешение в виде загробных благ.

Этот факт способствовал разделению гуманистического общества на две группы. У кого был разум и способность к критическому анализу, тем государственная пропаганда не могла сковать шаблонами. Они жили с ориентиром на свое благо. Громкие слова про необходимость быть настоящим человеком они говорили громче других. И чем выше они поднимались по карьерной лестнице, тем громче призывали быть настоящим человеком, как того требовали правила игры. Но к себе этого никогда не применяли.

Крах

Намерения создать идеальное государство, которое родит идеального человека; или наоборот, создать идеального человека, следствием которого будет идеальное государство, разбились не о суровую реальность, а еще глубже, об отсутствие идеала.

В рамках нашего бытия идеал в смысле единый эталон, в принципе невозможен. Из отрицания идеала вытекали большие последствия. Их масштаб ярче всего виден на науке, сегодня позиционированной единственным источником истины. Но оказалось, что наука

— это никакая не истина, а всего лишь мнение. И как нельзя сказать, какая система мер истинная, десятичная или двенадцатеричная, в футах или метрах, так нельзя сказать, какой взгляд на реальность истинный, полученный опытным путем или созерцательным.

Суть науки передает конвенционализм, направление в философии науки, заданное крупнейшим ученым 19-20 века Пуанкаре. Он говорит, что базовая научная истина — это то, что большинство ученых договорились считать истиной. Договорились они считать за истину этот набор аксиом, и считают. И выведенные из них умозаключения тоже считают истиной. Потому что так договорились. Договорись они иначе, истина была бы иной.

Всю историю наука исходила из идеальности законов, явлений и свойств. Это фундамент философии получения знаний. Но если основа неверна, выводы из нее тоже не верны. Но если фиксируемые наукой законы — аналог фиксируемых в компьютерной игре правил, научное знание есть такая же истина, как правила компьютерной игры. Если по правилам игры камень, на который наступил слон, превращается в бабочку, для игры это истина. Аналогично нужно понимать и научные знания.

При самом благожелательном отношении к науке следует признать, что максимум, ее знания соответствуют моменту. Но настоящий момент всегда сменяет следующий. Из этого следует, что научные знания имеют срок годности. Из-за микроскопического срока нашей жизни мы этого не фиксируем, но если поднять масштаб выше, все очевидно.

Идеала не существует, потому что невозможно мыслить бытие как законченную картину. Или скажу аккуратнее: невозможно мыслить в рамках существования. Мыслить же шире мы пока не можем, ибо дееспособность разума жесткоограничена.

Ученые-догматики, непоколебимые в своих мировоззренческих установках, не могут противостоять наступлению нового. Они как путающиеся под ногами динозавры, шерсти с которых мало, а едят они много. Места занимают еще больше.

На арену должен выйти новый тип познающего истину. Вчерашний тип ученого как был в своей сути ремесленником, так и остался. Основа познания — это готовность отказаться от существующих азбучных истин и выйти за пределы фактов. Потому что факты — состояние ума. Меняется познающий, меняются факты. И что же есть истина?

Еще одно соображение по поводу существования идеала: невозможно сказать, есть ли идеальное в ином бытии, потому что идеал мыслится как существующее, но эта идея-призрак, симулякр (копия без оригинала), т.е. тень идеала в нашем бытии улавливается, но самого идеала нет. Следовательно, наше представление об идеале есть представление о не представляемом. Как попытка представить, что будет, если всепробивающая стрела летит в абсолютно непробиваемую броню. Как помыслить результат этого столкновения?

Наше понятие идеала неприменимо к иному бытию (не путать его с разновидностью нашего бытия). Под нашим бытием я понимаю любое существование, подчиненное алгоритму: электрон и галактика вращается по закону; мысль мыслится а воля волится по закону, все имеет свои рамки, границы характеристики — это и есть существование.

Иное бытие выходит за рамки того, что мы вкладываем в понятие «знать». Для нас иного бытия не существует, так как оно за границами нашего способа мыслить. Иное бытие предшествует мысли так же, как программист предшествует программе. Так что говорить, существует ли что-то в ином бытии — сам вопрос противоречив, потому что иное бытие за рамками понятия существовать. Про инобытие можно сказать, что оно есть, но нельзя сказать, что оно существует, так как у него нет признаков существования (а если они есть, это не бытие за рамками существования, а знакомое нам существование).

Это отдельная мощная тема. Развернуть ее здесь полноценно никак не получится. Я ее раскрою в четвертой книге, которая у меня в планах. Здесь же ограничусь только тем, что идеал — это совершенно невозможная форма существования. При таком определении идеальности даже Бог в религиозной интерпретации не может быть идеальным, потому что он меняется. До Вселенной Бог был в состоянии «не творящий Вселенную». По мере возникновения Вселенной он был в состоянии «творящий Вселенную». Налицо изменения — был одним, стал другим. Но идеал не может меняться, и потому Бог не идеален.

Если же настаивать, что изменчивый Бог идеален, такое определение содержит в себе внутреннее противоречие — подвижная неподвижность. Хотя по Гёделю, автору теоремы о неполноте, такое противоречие — признак полной системы. Если система не содержит противоречий, она неполна. Эта теорема отражает суть математики, но у нас тут разговор о сущностях предшествующих математике, и потому ориентироваться на то, что предназначено для нашего бытия, в определении иного бытия, как минимум, некорректно.

Если абсолютного идеала нет, максимальным совершенством является соответствие объекта внешней среде. При таком понимании электрон идеальный. Элементарные частицы в ваших волосах и на другом конце галактики движутся идентично. Это значит, они идеально соответствуют законам, предписывающим им алгоритм движения.

Для живой материи идеальность — это соответствие внешней среде. Чем меньше жизнь развита, тем больше зависит от внешней среды и сильнее должна соответствовать ей. Чем больше она развита, тем меньше зависит от среды и может гнуть среду под себя.

Например, микроб абсолютно зависит от внешних условий. Идеальный микроб — это максимально вписанный в среду организм. Идеальное животное — это вписанное во внешний мир и способное чуть переделать ее (гнездо свить, нору вырыть). Идеальный человек — это кто опираясь на имеющуюся среду, создает под себя искусственную среду.

С развитием человек будет все меньше зависеть от внешней среды и все больше ее под себя переделывать. На горизонте время, когда он сможет создавать системы типа Солнечной, как сфера Дайсона или глобус Кассуса, где в центре термоядерный реактор, а вокруг среда обитания человека. Я вижу только один недоступный предел для человека.

Любой существующий объект, не важно, пространство это, элементарная частица, галактика, человек или камень — на фундаментальном уровне все абсолютно зависят от среды (если точнее, от образующих среду законов). Стоит исчезнуть законам, любой объект исчезнет. Абсолютно независимым от внешней среды мыслится только Бог (кто не верит в него, допустите ради примера). Творец Вселенной не зависит от сотворенного им бытия, как программист не зависит от существования созданной им виртуальной игры.

Человек в потенциале способен творить Вселенные (пишу с большой буквы, потому что имею в виду точную копию нашей Вселенной). Но его творчество будет опираться на законы и энергии, создателем которых является не он. Это примерно как если вы можете собрать из транзисторов сотовый телефон, но не можете создать транзисторов.

В высшем своем развитии человек все равно будет пользоваться готовыми законами и элементами. Он как мальчик, купивший в магазине конструктор, из которого собирает свои поделки. Свое можно создать только из ничего, но как это — про то даже мыслить сложно, так как мысль все равно должна опираться на что-то, а это уже не свое тогда.

Если максимальная реализация своего потенциала не дает идеала — независимого ни от чего мышления и действия. Все оказывается зависимым, и значит, идеального нет. Но если так, не может быть идеального государства, человека и всех промежуточных или составных звеньев — идеальной науки, экономики, семьи, отношений, норм и табу. Все по ситуации, и так как ситуация меняется, все временно, и истина в моменте.

Героические усилия по созданию идеального человека дали в результате бота под названием «настоящий человек». Его центральная установка и кредо: жить НЕ для себя. Его смысл жизни — нести пользу государству и чиновникам, религии и священникам, экономике, торговцам и кому угодно, но только не себе.

Один из признаков настоящего человека: он крепко привязан к старому. Его истина — это традиции, скрепы, стереотипы, сексуальные и моральные табу, понятия нормы, греха и позора. Он запрограммирован оценивать желание блага слабостью и позором. Больше всего он боится быть человеком естественным, стесняется желаний, запрещенных властями, религией и прочими начальниками. Его всю жизнь используют, а он не смеет признать этот факт. «Мы даже и человеками-то быть тяготимся, — человеками с

настоящим, собственным телом и кровью; стыдимся этого, за позор считаем и норювим быть какими-то небывалыми общечеловеками» (Достоевский «Записки из подполья»).

Самоощущение

Когда люди верили в Бога, они были уверены в существовании идеала. Когда люди отринули Бога, они стали считать, что Вселенная существует вечно, из чего получалось, что она идеальна. Присутствие в мире идеала породило понятие идеального государства (социальная конструкция в виде пирамиды), настоящего человека и все такое прочее.

Жители верхних слоев пирамиды смотрели на нижних с тем оттенком, с каким люди смотрят на домашнюю скотину. И как человек не видит ничего дурного в использовании животных, так элита не видит ничего дурного в использовании нижней массы.

Я не моралист и тоже не вижу в этом ничего дурного. Природа человека такова, что оказавшись наверху, он начинает пользоваться возможностями. Но при этом оценивает себя, исходя не из своих поступков, а из своих намерений. Других же людей он оценивает на основании их поступков (их намерений он не знает). При такой оценке всегда будет получаться, что я хороший, а все вокруг, мягко говоря, не очень хорошие. «Один там только и есть порядочный человек: прокурор; да и тот, если сказать правду, свинья. После таких похвальных, хотя несколько кратких биографий Чичиков увидел, что о других чиновниках нечего упоминать». (Гоголь, «Мертвые души»).

Нет смысла возмущаться природой социальной системы и человека. Элита всегда будет эксплуатировать массу (кнутом или манипуляцией — второй вопрос). Волки всегда будут есть зайцев. Такова диалектика природы бытия: единство противоположностей...

Сегодня люди не верят в существование Бога (карманный бог не в счет) а наука с ее теорией Большого Взрыва отрицает вечное существование Вселенной. Это означало, что понятию «Идеал» нет места. Но понятия, порожденные в эпоху стремления к идеальности, продолжают в перекрашенном виде присутствовать в нашей жизни. По-прежнему есть эталон человека (настоящий человек), эталон государства (демократическая модель), моральный эталон (церковная мораль, переименованная в общечеловеческую). Так же как и раньше, политическая элита занимает вершину пирамиды и смотрит на нижестоящую массу, как и тысячи лет назад. Изменились только названия, риторика, но не суть.

На протяжении всей человеческой истории истина всегда была синонимом силы. Говорим истина, подразумеваем сила. Говорим сила, подразумеваем истина. Верующие считают Бога всемогущим, средоточием максимальной силы, и потому его мнение для них есть абсолютная истина. Если Бог говорит отцу, чтобы он принес в жертву своего сына, тот ведет его убивать, ибо исполнение воли Бога есть высшая истина верующих.

У кого нет силы, у того нет истины. Это только в кино говорят, что сила в правде. Кино не отражает истины, потому что истины нет. Есть мнения. Кино — способ убедить слабых в том, что мнение сильных истина. Какие бы чудовищные в наших глазах действия не совершал сильный, убийство детей, как в государстве ацтеков или обожествление своих правителей, как в Северной Корее, в глазах массы это всегда будет истиной.

Индивидуум склонен оценивать свои действия правильными и справедливыми. Масса склонна к тому же самому относительно действий сильного. Она примет от сильного любые оправдания ситуации и действий и сочтет их истиной.

Этот феномен отмечен в институте присяжных заседателей. Если за одно и то же преступление судят людей разных классов, со 100% вероятностью оценка поступка будет разной. В отношении сильного мнение присяжных будет иметь оправдательный уклон, а в отношении слабого обвинительный. «Что позволено Юпитеру, не позволено быку».

Если бы южноамериканская цивилизация оказалась сильнее европейской, у нас были бы совсем другие понятия добра и зла. В человеческих жертвоприношениях мы не видели бы ничего особенного, как сейчас не видим ничего особенного в абортах. Но так как европейцы оказались сильнее индейцев, заявление, что жрецы имеют право приносить в

жертву детей, мы оцениваем ужасным. А заявление, что женщина имеет право убить в своем чреве ребенка, аборт, мы оцениваем естественным и законным правом человека.

Если бы Третий Рейх выиграл войну, действия немцев были бы выставлены благом, а термин «фашизм» имел положительный оттенок. Действия антигитлеровской коалиции были бы представлены глобальным злом на пути восторжествовавшей правды. Германия гордилась бы деятелями Третьего рейха. Детям в школах рассказывали бы, как она спасла мир от евреев с их кровавым большевизмом и фальшивым либерализмом. Учебники истории были бы полны историй о советских концлагерях и зверствах русских, англичан и американцев во время войны с великой Германией.

Но войну выиграла антигитлеровская коалиция. Победители написали историю, где немцам нечем гордиться. Действия Германии представлены в крайне отвратительном свете. Слово «фашизм» имеет ярко выраженный негативный смысл. Подрастающему поколению в школах рассказывают о зверствах нацистов и благородстве победителей.

Всякое действие мирового масштаба, где на кону стоит выживание целых народов и цивилизаций, сопровождается глобальными зверствами с обеих сторон. Иначе и быть не может, так как в борьбе за жизнь все средства хороши. Отрицать эту истину можно только из уютного кресла, но перед реальной угрозой все действуют по ситуации, а не лозунгам.

У победителей никогда нет недостатка в фактах, выставляющих побежденного в негативном свете. Советский полководец Конев, бравший Берлин, говорил, что разгоряченный солдат, победивший смерть, после победы всем своим существом хочет на праздник жизни. Хочет крови и мук. Для насыщения этого всепоглощающего чувства солдатам на несколько дней отдают захваченный город на растерзание. Но победители не детализируют действия солдат на этом празднике. Все делается так, чтобы складывалось впечатление, что победа достигнута исключительно добротой и справедливостью. «С тех пор, как я принял начальство, — может быть, вам покажется даже невероятным, — все как мухи выздоравливают. Больной не успеет войти в лазарет, как уже здоров; и не столько медикаментами, сколько честностью и порядком (Гоголь, «Ревизор»).

Рядовой человек вряд ли найдет объективную информацию о действиях победителей по той же причине, по какой не найдет информации об истории, связанной со сгоранием заживо людей на Фордах. Победители так же не заинтересованы в ее распространении, как и Форд. Но с той разницей, что автопроизводитель ориентировался на прибыль, тогда как солдаты, чьи родные и друзья пострадали от фашистов, ориентировались на месть.

Кто найдет объективную информацию по истории с фордовскими автомобилями, тот найдет подтверждение слова булгаковского Воланда «Люди как люди. Любят деньги...» (М. Булгаков, «Мастер и Маргарита»). Кто найдет объективную информацию про солдат-победителей, тот тоже не откроет Америки. Победу всегда сопровождают кровь, пот и слезы. А неизменный спутник больших побед — большая кровь, пот и слезы.

Власть в силу масштаба решаемых ею вопросов вынуждена совершать действия, с обывательского масштаба оцениваемые только как зло. Для минимизации негатива эти действия нужно искажать, оправдывать и представлять в положительном свете. Если же это невозможно, запрещать освещать их, как в Китае запрещено упоминать про события на площади Тяньаньмэнь. Потому что, а что еще делать? Объяснять обывателям Китая и всего мира, что за событиями стоял Запад, запускавший тот же процесс, что в СССР.

Если оценивать действия китайской власти со стратегического масштаба, Китай все сделал верно. Оборона по самым завышенным цифрам стоила до 10 тысяч жизней. Если же оценивать с обывательского масштаба, в основе которого лежат эмоции, КПК поступила бесчеловечно. Десятки человек танки на гусеницы намотали, тысячи убитых.

Такую же технологию Запад применил против СССР. Оценка действий советской власти со стратегического масштаба ужасна. Они привели к развалу Советского Союза и как следствие, к крупнейшей геополитической гуманитарной катастрофе XX века. По самым скромным подсчетам только в гражданских войнах, полыхнувших по территории бывшего СССР, погибло 100 тысяч (по нескромным 600 тысяч). Провал населения в

бедность, многократный рост преступности, наркомании, беспризорности. Показатель массового стресса 90-х: первые пять мест по самоубийствам занимали постсоветские страны: Литва, Россия, Эстония, Латвия и Казахстан. Сотни тысяч погибли и косвенно пострадали десятки миллионов. Если же с обывательского масштаба оценивать действия советской власти, приведшим к таким показателям, они весьма гуманны и цивилизованны.

Легко развалить страну, власть которой ориентируется на мнение толпы. Кто это понимает, тот понимает, что ориентироваться нужно не на доброту в моменте, а доброту в длинную. Для этого нужно понимать, что подлинная цель СМИ — не информирование населения, а управление населением, задавать ему курс посредством информации. Массы должны считать действия власти вне зависимости от их содержания, справедливыми, направленными на мир во всем мире и все такое прочее. Действия власти должны быть упакованы вфантик, на котором написаны слова про любовь, равенство и патриотизм.

Без этого система рухнет под грузом оценки государственных деяний с масштаба обывателя. Обществу некомфортно чувствовать неправоту своей власти. Одна из базовых причин крушения СССР — его население перестало чувствовать себя носителем истины.

В XX веке американский журналист Ричард Барбрук писал: «Американцы отчаянно нуждались в будущем. У них было неплохое настоящее, но будущее у русских было лучше!». Действительно, американская мечта была идеалом туповатой сытости, жующей попкорн на диване за просмотром телевизора, и неспособности ограничить свой гардероб парой джинсов. А у русских пусть не было джинс, но зато был полет...

Когда идея ушла, полет прекратился. Крах идеи обрушил СССР. На его обломках началось культивирование американской мечты. К слову сказать, она до сих пор никак не приживается по тем же причинам, по каким тропическое дерево не приживается на севере.

Максимальная власть над социумом возникает у того, кто дает всем явлениям имена и оценки. Адам получил власть над всеми живущими на земле, над животными, птицами и прочими, потому что дал всем имена. США владеют миром не через грубую силу. Чтобы такой результат получить только через грубую силу, они должны быть мощнее в тысячу раз. США имеют власть над миром, потому что у них монополия на оценку всех мировых событий. Западные СМИ (сильные дали им название «международные») задают тренд.

Многоцветие

На протяжении истории истину определяло не то, что написано в разных договорах и декларациях, а сила и оправдание ее применения. Многие индивидуальные стремления, противоречащие мнению сильного, система определяла уклонением от истины — ложью и ересью. В основе этой оценки лежал не характер действия, а тот факт, что оно исходило от слабого (индивидуум всегда слаб перед системой).

С наступлением информационной эпохи возникают новые условия. Рождается тренд на упразднения понятия «абсолютная истина». Истина теперь не догмы, а что лично вы определяете истиной. С крахом старого мировоззрения вдруг стало ясно, что все образцы, нормы и табу, объявленные идеалом, есть ни что иное, как манипуляция, цель которой побудить людей жить против своей личности, вкуса и индивидуальных особенностей для выгоды государства и его элиты (для верующих плюс для выгоды Церкви и священников).

Вчерашние ценности, позиционированные вечными, оказались текущими. Хороший показатель тут танцы. Раньше они было строго регламентированы на пируэты, поклоны, па и все такое. Теперь это безграничная свобода движения. Как чувствуешь звучащую внутри музыку, так и двигайся. Правил нет, есть ритм. Каждый танец идеален, если танцор отдается чувству, а не натывается внутри себя на шаблоны, ограничивающие его.

Чем больше информационная эпоха входит в свои права, тем меньше социум в своем развитии ориентируется на каноны уходящей эпохи. Становится пронзительно очевидно, что если нет единого идеала, понятию греха тоже нет места. Какой грех, если религии

нет? Какой позор, если у всех свой вкус? Какая идеальная семья, настоящий человек, если эталона нет? Всякий человек и человеческий союз — продукт ситуации и сам себе идеал.

Шаблоны «настоящий человек», «идеальная семья», норма и табу, и вообще все эти порядочности, морали, чести, совести — все это продукты, возникшие в результате приспособления под условия прошлой среды. Ничего личного, но они не соответствуют новым условиям. Следовательно, у них нет шанса, как у динозавров при похолодании.

У людей как будто пелена с глаз пала по поводу ориентиров, на которые государство предписывало им равняться. Растет число тех, для кого чудовищно нелепо выглядит призыв системы быть настоящим человеком, слушать правильную музыку, заниматься нормальным сексом (это в отсутствии нормы) носить правильную одежду, прическу и т.д.

Всем вдруг открылось, что есть один ориентир для человека — его вкусы и желания. Ничто не имеет естественной предопределенности. Даже на пол человека, святая святых прошлого, смотрят не как на данность и предопределенность, а как на возможность.

Если человека не устраивает стартовая позиция, он может изменить свое тело под свою личность, как это сделали братья Квачковские, создатели первой легендарной «Матрицы» (остальные серии коммерсанты в погоне за прибылью исковеркали, с водой выплеснув ребенка — идею, превратив ее в «голливудское мыло»). Братья теперь сестры.

Как глубоководную рыбу не делает не рыбой то, что она не соответствует по внешнему и внутреннему содержанию мелководной рыбе, так человека, вкусы которого не соответствуют вашим, этот факт не делает не человеком. Чтобы не испытывать психологического дискомфорта от непривычных форм поведения, не заходите в чужую среду. И знайте, что ваша оценка ситуации есть истина только для вас. «Теперь сразу становится понятно, в какой большой степени это всего лишь мои истины». (Ф. Ницше).

Вчера форма гениталий предопределяла модель поведения и образ жизни. Воля человека в этом вопросе полностью игнорировалась. Сегодня люди в теории вольны не личность подстраивать под форму тела, а наоборот, тело подстраивать под личность.

Не у всех сегодня есть возможность привести материю в соответствие духу, но тренд в ту сторону очевидный. Гендерные роли уходят в прошлое. Если мужчине нравится, что вчера считалось сугубо женским занятием — он делает. Аналогично и женщина, если ей нравится делать то, что вчера считалось сугубо мужским делом, она делает. Каждый входит в желаемый образ. (Речь о сильных личностях, для кого ориентир — его желания, а не мнение толпы и шаблоны прошлого, в которые он старательно втискивается).

Сегодня право на индивидуальность получает философское основание и предьявляет свои права. Прежде всего это видно на тектонических сдвигах в самой табуированной сфере — в сексуальной. Люди ставят свои вкусы выше установок, заявленных интимным эталоном. Для них секс становится в первую очередь самовыражением индивидуальности и свободы, а не размножением. Если там лед тронулся, то в других сферах, от мышления до творчества, общество взрывается разнообразием невиданных концепций в искусстве, культуре, одежде, музыке. Новым стилям и формам едва успевают придумывать названия.

Как для цифр нет единого эталона, цифра идеальна, так и для людей нет единого для всех эталона, на который все должны равняться. Нет единого для всех эталона. Нет идеального тела и ума, наклонностей и вкусов, мечтаний и желаний. Все индивидуально.

Если хотите быть идеальным, первое, что вам нужно сделать — это прекратить движение под навязанный вам стандарт. Пошлите всех учителей по саморазвитию по эротическому адресу, они ничему не могут вас научить, кроме как вписываться в стандарты уходящей эпохи. Стремитесь открыть в себе себя, а не себя загнать в шаблон.

Единственный идеал для вас — это вы сами. Смысл фразы «Не сотвори себе кумира» в том, что вы должны стремиться стать самим собой. Желать на кого-то быть похожим, значит, стремиться быть похожим не на себя — отказаться от себя. В некотором смысле это означает убить себя как личность и поклониться кумиру.

Абсолютной истины нет. Все относительно и у каждого свое счастье. Не важно, от чего счастье. Важно, что счастье. Если солдатам хорошо в ногу шагать, они испытывают

чувство единения и силу, а художникам индивидуально выражать себя нравится, они испытывают чувство полета, нет разницы между солдатами и художниками — им хорошо.

Счастье навозных жуков — жить в навозе. Самая роскошная по нашим меркам среда не принесет им счастья. Если бы у них была религия, она рисовала бы рай в виде никогда не остывающей и не теряющей своих ароматов кучи. Если бы жуки ходили на свидания как люди, они перед ними мазались бы соответствующими благовониями. Кавалер приносил бы своей даме подарок — кусочек свежего... Его подруга сходила бы с ума от своего возлюбленного, от исходящего от него запаха, от чудесного подарка... Это были бы два очень счастливых жука. Если же насильно загнать их в хрустальный дворец, где все из золота и бриллиантов, кругом запах благовоний — это будут два несчастных жука.

На данный момент человек — это дом с очень толстыми стенами и одним узким окном, которое из-за толщины стен похоже на трубу. Будущий человек — это дом, превращающийся в сплошное окно. Отделяющие внутреннее пространство от внешнего стекла с каждым десятилетием будут становиться все тоньше, пока не превратятся в пленку и следующим шагом не исчезнут. В будущем человек сольется с внешней средой.

Сложно ухватить революционную глобальность происходящего (глобальное нельзя оценить в момент осознания). Попытка представить это на практике будет ложью. Потому что представить завтрашнюю реальность вы сможете только своим сегодняшним умом. Но это будет не завтрашняя реальность, а апгрейд сегодняшней.

Причина в том, что настоящее только частично следует из прошлого. Второй частью оно следует из будущего. Миг настоящего есть как бы контакт движущихся навстречу друг другу процессов, один из прошлого, другой из будущего. При таком представлении настоящего времени нет, ничто не движется. Есть только сменяющие друг друга миги бытия. Чтобы знать, каким будет будущее, следующий миг бытия, нужно знать не только то, что уже было (прошлое) но и что будет. Но мы в лучшем случае знаем прошлое. Что к нам идет из будущего, мы не знаем. Следовательно, не можем предсказать следующий миг по тем же причинам, по каким не можем предсказать состояние воды в следующий отрезок времени, если не знаем, в морозилку ее поставят или на раскаленную печь.

Голова людей ведро — что в нее льют, то в ней и находится. Анализ информации многим недоступен не потому, что не могут, а потому что это работа. Зачем работать, если можно не работать... Наш мозг всегда идет по пути наименьшего сопротивления. «Куда спокойней раз поверить/ Чем жить и мыслить каждый день» (Н. Коржавин).

Люди тысячелетиями исходили из того, что идеал есть. Это определяло характер их стремлений. Каждую отрасль, сферу и личность стремились привести к идеальному состоянию. Когда оказалось, что идеала нет, случился цивилизационный кризис. Взрыв свободы самовыражения во всех сферах сравним с кембрийским взрывом, когда миллиарды лет жизнь была в примитивном состоянии, и потом вдруг без видимых причин взорвалась гигантским многообразием. Количество перешло в качество, возникли сложные формы жизни и эволюция. Словно коллективный разум нажал на курок.

Мы живем в постоянно меняющемся мире. Чтобы сохранить себя в таких условиях можно только через постоянное изменение себя — идти в ногу со временем. Парадокс: чтобы оставаться собой, нужно постоянно меняться. Кто не меняется, тот перестает соответствовать окружающей среде, и в итоге перестает быть собой.

Кто стремится соответствовать вчерашней среде, потому что она привычна, а значит, комфортна, тот противоречит себе. Если ваш сегодняшний комфорт укоренен в прошлом — это ваш завтрашний дискомфорт. Точно так же, как у феодалов, их комфорт при капитализме превратился в дискомфорт. И они ничего не могли с этим поделать, даже если пытались соответствовать ситуации. «Аристократия размахивала нищенской сумой пролетариата как знаменем, чтобы повести за собой народ. Но всякий раз, когда он следовал за нею, он замечал на ее заду старые феодальные гербы и разбежался с громким и непочтительным хохотом». (Маркс и Энгельс, «Манифест коммунистической партии»).

Банан

В прошлом веке был поставлен эксперимент: в клетку поместили пять обезьян. Сверху повесили банан. Если обезьяна лезла за ним, ее обливали струей холодной воды. Когда у всех обитателей клетки сформировалось стойкое табу на банан, все усвоили, что за попытку достать лакомство ждет наказание, обезьян переставали поливать водой.

Затем в клетку подсаживали одну новую обезьяну и забирали одну старую. Новичок первым делом лез за бананом. Обезьяны-старожилы набрасывались на него, спасаясь сами и новичка заодно от неприятностей. Вскоре новичок усваивал норму — банан есть нельзя.

Постепенно всех облитых водой приматов заменили новыми. В клетке находились животные, ни разу не облитые водой. Но запрет все равно продолжал работать. Так как табу на банан не подкреплялось (водой не поливали), а банан соблазнял, запрет слабел.

Если первое поколение не обливаемых водой обезьян даже не смотрели на банан, то второе все чаще задерживали взгляд на желанном плоде. Однажды находился смельчак, нарушавший банановую традицию — доставал вкуснятину и, на глазах у всех, поедал ее.

Все обезьяны, особенно старожилы, приходили в нервное состояние. Их мимика и жесты сигнализировали об отторжении бананоеда. Они демонстрировали презрение к бессовестному, аморальному преступнику, поправшему священные обычаи предков.

Преступнику было дискомфортно от давления социума, но вкус банана был сильнее. Поэтому, когда появлялся новый банан, он срывал его с еще большей скоростью. И снова, всем на зависть, съедал. На третьем банане у прогрессиста появлялись последователи.

Вскоре все обитатели клетки, презрев всякий стыд, бессовестно ели бананы. В том числе самые ярые приверженцы старой доброй традиции. Игнорируя обычаи предков, они как бы наверстывали упущенное, толкая радость за обе щеки (двусмысленное выражение).

Эксперимент показал механизм формирования и разрушения норм и табу. Когда обезьян поливали водой, банановый запрет был разумным. Когда прекратили, запрет стал слабеть и в итоге разрушился. Животные переставали понимать, почему банан нельзя срывать. Обезьяний здравый смысл довольно быстро перевесил традицию.

В современном мире наблюдается точно такая же ситуация. Соблюдение церковных норм и табу было очень разумным, когда люди верили в Бога, и существовала инквизиция. Когда тебя за нарушение церковных догм грозят сжечь на костре во время земной жизни и в загробной жизни вечно пытаться адскими муками, стимул следовать предписаниям налицо. Его не только глупо нарушать, но и смертельно опасно.

Но когда религия стала суеверием, а инквизиция ушла в небытие, какой смысл брать за ориентир в своей текущей жизни религиозные догмы? В какой мере вчера было глупо и опасно нарушать церковные установки, в такой мере сегодня глупо и опасно следовать им. Это бессмысленное принесение в жертву непонятно кому себя и своего блага.

Но большинство в своих поступках и намерениях продолжают брать за ориентир установки, порожденные прошлым. Например, в интимной сфере люди отказываются от удовольствий, запрещенных Богом и Церковью, отрицая существование Бога и авторитет Церкви. Люди не могут объяснить, зачем в таких вопросах они следуют религиозным догмам. Они как заколдованные идут по колее, не пытаясь выйти из нее и идти своим путем, за своей природой, своими желаниями и вкусами. Идут как зомби.

Искусственно созданное обезьянам табу разрушалось за 1-2 поколения после того, как исчезало наказание. У людей разрушение искусственно созданных табу вытягивается в долгие века. Главная причина: рожденная пещерные и религиозные времена шкала ценностей, нормы и табу, шаблоны под ситуацию, не ушли с уходом прошлого, потому что были переименованы в общечеловеческие ценности и объявлены путеводной звездой. Гуманизм завернул старые церковные и пещерные установки в новый фантик и объявил их абсолютной истиной для настоящего человека. И настоящие люди пошли за ними...

Если бы люди не были сбиты с толку, они бы увидели, что отрицать Бога, но при этом ориентироваться на его заповеди — абсурд. Увидели, что пользоваться мерой, созданной под старый мир, в новой реальности — это умопомешательство.

Старые ценности, нормы и табу были хороши для прошлого, когда люди узнавали информацию из газет и на весь дом был один телефон. Сегодня все связаны друг с другом. Каждый создает свой контент и имеет доступ ко всей информации. Эти возможности кардинально меняют принципы организации мировой системы, ее архитектуру и дизайн.

«Возможности миллиардов людей, связанных друг с другом мобильными устройствами с беспрецедентными по мощности процессорами, объемами памяти и доступами к знаниям, безграничны». (Клаус Шваб, президент форума в Давосе).

Если бы житель Шумерского царства или Древнего Египта попал в XX век, он бы не увидел ничего нового. Тот же известный ему старый мир, только скорость передвижения товаров и людей выше, коммуникации, производство, медицина эффективнее. Он бы быстро в него вписался, как обезьяна, если дать ей интеллект десятилетнего ребенка и денег, быстро бы вписалась в ночную жизнь любого мегаполиса планеты.

Если бы тот же самый древний человек попал в XXI век, то увидел принципиально иное бытие. Не телегу, в которой лошадь сменил мотор, а именно иную реальность. Мы, современники виртуальной реальности, растущей по экспоненте, выросли в мире, где сосуществуют две реальности, прежняя, созданная законами природы, и новая, созданная цифровыми технологиями. Мы не видим разницы между ними и переходим из одной в другую с той же обыденностью, с какой всю историю переходили из одной комнаты в другую. Но для древнего человека это будет религиозным потрясением. Иное бытие для него ассоциировалось только с загробным или божественным миром, где живут бессмертные существа — божества и души умерших людей. И вот мы сегодня зашли в ту реальность. Пусть пока мы как Буратино, который проткнул своим любопытным носом нарисованный очаг, за которым увидел потайную дверь. Этот процесс уже не остановить.

Толком никто не осмыслил, к чему это ведет. В двух словах: у человека по природе есть предел восприятия и усвоения новой информации, а у системы нет ограничений по скорости развития. Позавчера система развивалась медленнее относительно способности человека усваивать новое. Вчера скорости сравнялись. Сегодня система идет быстрее, чем человек способен усваивать новшества. Разрыв будет нарастать в силу природы системы.

Однажды человек физически не сможет соответствовать скорости развития системы. Представьте мировую систему дорогой, а государства автомобилями. Позавчера человек был водителем, сидящим за рулем автомобиля. Вчера он стал перемещаться на соседнее с водителем кресло. Место водителя стал занимать компьютер. Но сидящий рядом человек еще мог влиять на движение, мог до руля дотянуться и вывернуть на нужный поворот, мог нырнуть в ноги и руками нажать тормоз или напротив, прибавить газу. Сегодня он перемещается на заднее место. Оттуда он по-прежнему может дотянуться до руля, но до педали тормоза и газа уже не может. Он может голосом возмущаться, если автомобиль едет не туда, куда он хочет, и это как-то влияет на траекторию движения. Следующий шаг этой эволюции (относительно судьбы человека этот термин выглядит издевкой, но если быть объективным, система в целом эволюционирует, хоть роль человека в ней падает) — с заднего сиденья человек начнет перемещаться в багажник автомобиля. Оттуда он уже никак не сможет влиять на движение автомобиля. Он даже перестанет видеть, куда его везут. Теперь багажник — его мир. Сам человек будет чем-то вроде высокотехнологичной шестеренки, как сейчас транзистор, самый малый и самый важный элемент компьютера.

На этом трансформация не может остановиться. Я избегаю слов «эволюция» или «развитие», так как для человека в такой системе это что-то другое, не развитие и не эволюция, хотя он будет становиться сложнее. Но при этом меньше. Как сейчас от людей не зависит развитие системы, так в будущем не будет зависеть развитие мировой системы.

Образ, в который это выльется, я не могу уловить. Большой Брат, да, неизбежность, но, во-первых, он сегодня уже и так полноценно присутствует в нашей жизни и его

присутствие растет и совершенствуется. Во-вторых, это вершина айсберга, под которой скрывается нечто такое же немислимое, как для червяка немислимы звезды. Будущее за рамками нашей сегодняшней фантазии в еще большей мере, чем для наших предков наша реальность. Потребительская цивилизация — заключительное звено ушедшей эпохи. Еще добавлю, что это совпало с завершением эпохи Рыб и наступлением эпохи Водолея.

Сегодня человечество по историческим меркам стремительно как ракета влетает в новый мир. И оно должно быть готово, что новая реальность породит новую ситуацию и правила, соответствующие новой среде. Старое надежно ушло и больше не вернется.

Людам сложно принять мысль о том, что набор ценностей и установок, всю жизнь почитаемых ими за вечные и само собой разумеющиеся истины, на самом деле есть не более, чем продукт манипуляции. Они будут отрицать этот факт, какие бы им аргументы не приводили в доказательство. В этой атмосфере возникает благодатная почва для таких тормозящих прогресс явлений, как традиционализм и консерватизм.

Масса по природе косна, неповоротлива и инерционна. Она стремится следовать однажды заданным курсом, как бы ни был он в новой ситуации нецелесообразен, ложен и глуп. Поколение, выросшее в атмосфере старой эпохи, психологически не готово признать, что истины нет, что всякая истина по ситуации. Что бы я тут не написал, люди из прошлой эпохи будут считать истиной то, что привычно. Они уверены, если вовремя подкручивать ослабшее и менять износившееся, доброе старое пирамидообразное государство, патриархальная семья, настоящий человек, сексуальные и моральные нормы, гендерные роли и неизменность пола, отношение к психоделикам — все это сохранится.

Абсолютное большинство намертво встроено в систему. Жизнь человека можно представить как движение по болоту. Единицы из единиц пытаются перейти через болото и выйти на твердую почву, в реальность, где нет смерти. Они прыгают с кочки на кочку, стараясь нигде не останавливаться, чтобы не увязнуть в трясине. Пока никто не добрался до конца болота, не вышел из царства смерти, но это не останавливает других идти в том направлении. Но повторюсь, это единицы. Основная масса, начиная свой путь по болоту жизни, останавливается по случаю или симпатии на понравившейся кочке. И погружается человек в болото. Когда погрузится до точки невозврата, дальше ждет смерти.

Остановившиеся, т.е. ничего больше не ищущие, всё нашедшие (на самом деле все потерявшие), не могут услышать моих слов. Когда я говорю, что старый мир кончился и что единственный смысл жизни смертного человека — преодоление смерти, для них это пустые слова, пахнущие глупостью и несерьезностью. Серьезно — это соответствовать шаблонам старого мира. К моим идеям у них примерно такое же отношение, какое было у калужских обывателей к идеям Циолковского осваивать космос с помощью ракет. Для людей конца 19 и начала 20 века ракета ассоциировалась с фейерверком. С космосом она никак не клеилась. С идеей преодоления смерти ситуация еще хуже. Для людей 21 века она ассоциируется с мистикой, шарлатанством, религиозностью и мракобесием. Для них нормально жить и умирать по старинке. И не задумываться об изменении порядка вещей.

Современное человечество напоминает безголовую курицу, очень скоро бегущую, но понятия не имеющую, куда. Современный потребитель — это курица, которая «просто живет», потом «просто умрет». И страшно переживает, что вдруг до смерти не успеет сделать всего того, что предписывает сделать система.

Современный мир — это по всем фронтам проседающая, растрескивающаяся и оплывающая конструкция. Держится она только за счет понятий, порожденных старым мировоззрением. Так как прошлый взгляд на мир рухнул, оставшиеся после него понятия повисли в воздухе. Сегодня это даже не колосс на глиняных ногах, а гораздо слабее.

Если заставить людей задуматься над абсурдностью происходящего, идиотизмом отрицания Бога и ориентира на божеские заповеди, начнется цепная реакция обрушения старого мира. Человек так устроен, что хочет поделиться поразившей его информацией.

Религия

У нас есть мировоззрение, из которого следуют новые ценности, понятия добра и зла, нормы и табу. Если новое мировоззрение имеет потенциал обрушить старое, а вместе с ним порожденную старым взглядом на мир цивилизацию, его называют религия.

Чтобы никто не впадал в ступор от слова "религия", скажу, что вчера это слово ассоциировалось со старостью и дуростью. Фраза "новая религия" считывалась как "еще одна секта". Сегодня выросло поколение, иначе чувствующее это слово. Для них это не обряды и традиции, а учение онтологического масштаба, отвечающее на вызов смерти. Это полет мысли за пределы денег и вещей, политики, экономики, бизнеса и обыденности.

Под религией понимаются максимальные знания. Максимум — всемогущество и бессмертие. Вчера уровень развития не позволял подняться выше веры во всемогущество и бессмертие. Сегодня общество стоит на ступени, когда максимум можно достигнуть рационально. Стремление к знаниям, дающим бессмертие — признак новой религии.

Человечество знало множество религий. Одни из них были порождены случайными событиями, поразившими наших диких предков, что наглядно видно на культе карго, описанном в первой книге «СПЯЩИЙ БОГ 018». Или история русского антрополога Миклухо-Маклая, проживание которого в среде туземцев привело к появлению легенд, что они произошли от этого странного белого человека, который явно божество.

Но среди этого многообразия есть религии, вписывающиеся в генеральную линию сотворения мира, обыгрывающие идею, что сначала ничего не было, потом стало быть: появилось наше бытие — законы, пространство, движение-время-энергия, из этого все объекты и явления. В общем, появился наш мир. И сотворил этот мир непостижимый для нас творец из иного бытия, которое для нас немыслимо. И наш мир сотворен из «ничего».

Генеральная линия такого взгляда на происхождение и природу нашего мира берет начало с первой известной письменной цивилизации на планете — шумерской. Влияние ее на человечество невозможно переоценить, из него начинают ветвиться все религии, так или иначе касающиеся темы, что сначала не было ничего, и потом появилось что-то.

Наиболее известным документом этой истории на сегодня является иудейская Тора; она же первые пять книг Библии (Бытие, Исход Левит, Числа, Второзаконие); она же Коран. Все эти документы описывают одни и те же события с малыми интерпретациями в угоду национальным и политическим особенностям на момент их написания.

Из-за доминирования гуманистического взгляда на мир (точнее, на отсутствие такого взгляда, и это отсутствие называется гуманизмом) эти документы воспринимаются на сегодня как мифы, сказки, пустые фантазии наших предков, за которыми не стоит ничего, кроме страха перед стихиями и попыткой их наивного объяснения. Глубокие же мысли, содержащиеся в этих текстах, или вовсе не считаются нами, или считаются, но относятся к случайным прозрениям. Примерно к таким же, как заявление древних атомистов, что мир состоит из неделимых далее частиц, или что всё из одинаковых частиц, и разница только из разного расположения. Как кирпичные здания разные, но состоят из одинаковых кирпичей. Случайные догадки, научно подтвержденные спустя тысячелетия — это конечно же похвально, но благоговеть перед ними и видеть в них что-то большее, чем догадки — для этого нет оснований (точнее, я не вижу таких оснований).

Способствует этому аллегорический язык религиозных текстов. Но другого и быть не могло. Тексты описывают вещи, которые и сейчас невозможно описать нашим языком, так как он предназначен для описания элементов нашего бытия: идей, образов, объектов, явлений и прочих сущностей, которые мы так или иначе фиксируем. Для иного бытия, предшествовавшего нашему, наш язык неприемлем в еще большей степени, чем латынь для описания компьютера. И потому единственное, чем мы можем ухватить изложенные там идеи и мысли — это язык аллегорий. И меня очень поражает и вдохновляет тот факт, что идеи, к которым я пришел своим путем, и цели, которые я перед собой поставил, они полностью коррелируются с религиозными идеями.

Чтобы увидеть глубину слов, высказанных на заре человечества, нужно отделить суть от поздних наслоений, которыми власть имущие унавозили древние тексты, сделав из них политический инструмент — способ управления массой.

Последующая информация вкупе с ранее сказанной про отрицание шаблонов позволит читателю максимально конкретно охарактеризовать как меня, так и движение, постепенно обретающее своих сторонников. С другого ракурса взглянуть на преодоление смерти, дать характеристику стремления к этой цели, увидеть ее неожиданные корни.

* * *

Осмыслим библейскую историю через представление, что окружающая реальность — трехмерная компьютерная игра. Придумало и написало ее существо из иного бытия. Другое существо из того же бытия ее доделало, и третье придало ей динамики. И далее в эту игру включилось множество существ, как люди включаются в компьютерные игры. Внутри этих игр нет людей, там есть только различные персонажи. Но одухотворяют эти персонажи люди, сидящие по ту сторону монитора. Не одухотворенный персонаж — бот.

Для образности представимое бытие аналогом нашего мира. Одному жителю того бытия, который был одновременно сценаристом, художником и программистом, пришла идея трехмерной реальности. Для начала он написал законы мира (аналог наших физических законов). Как в нашей Вселенной все частицы движутся строго по предписанному им алгоритму, нет ни одной, которая двигалась бы, как ей хочется, так и в задуманном им мире все элементы подчинялись созданной им программе. Далее в самых грубых штрихах он создал пространство, прочертив линию горизонта, отделяя верхнюю часть от нижней. Потом расчертил сетку, написал коды центральных элементов.

Чтобы правильно понимать дальнейшее развитие события, держите в голове, что полностью были готовы только фундаментальные узлы бытия, их коды, характеристики, геометрия и дизайн. Чтобы наглядно представить объем выполненной работы, смотрим на создание мультфильма. Сначала рождается идея. Потом сюжет и характер главных героев. Далее диалоги и ключевые кадры, задающие направление. Это основное творчество. Все в целом готово, но для оживления мультика нужно детализировать уже готовые основные кадры и нарисовать промежуточные. Эту работу делают помощники. Как только она выполнена, мультик готов. Базовая работа называется творчеством, а вторая созданием.

Основную творческую работу Творец (пишу с заглавной буквы, чтобы было ясно, о ком речь) сделал за пять дней. В шестой день создал ключевой элемент игры, посредством которого играется игра — человека, мужчину и женщину. За образец взял себя. Оба эти персонажа были запрограммированы на жажду знаний и стремление жить. Вокруг жажды знаний и жизни выстроена вся структура игры. Все остальное — следствие.

Двигать человеком физической силой нельзя. Его можно побуждать к действию и идти нужным курсом, создавая ситуацию, в которой он захочет идти и делать то, что от него хочет игрок. Это можно назвать небесными шахматами, где шахматные фигуры двигаются при условии, если согласны с предложенным ходом. Если нет — не двигаются. От игрока требуется создавать условия, побуждающие делать то, чего от них хочет игрок.

Вся системообразующая работа в крупных штрихах выполнена. Остается доделать работу в границах намеченных контуров. Сам создатель игры не хочет этим заниматься. В своем поведении он подобен Перельману, который, отвечая на вопрос о форме Вселенной, изложил решение в ключевых уравнениях, но до конца не стал их дописывать. Не потому, что не мог, а потому что это была механическая работа. Любой заинтересовавшийся темой математик мог ее выполнить, что и сделало математическое сообщество. Перельману за его труд оно присудило Филдсовскую премию в миллион долларов (которую он не взял).

Когда Творец базовых принципов решает отдохнуть от своих трудов, он ищет, кто бы доделал мир — детализировал и синхронизировал все элементы друг с другом. За выполнение этой работы предлагает право играть без ограничений по времени, а так же всемогущество и бессмертие в границах законов игры. Гарантией права является полная информация о реальности. Так как всё, от атома до камня, аптеки, верблюда, звезды, неба

и чего угодно есть структурированная информация, кто знает эту информацию, тот может использовать законы, управляя энергией мира. Это дает всемогущество в рамках игры.

По условиям договора исходный код и пароли остаются за Творцом. Это значит, он в любой миг мог поменять законы и изменить реальность. Творецограничен только своей фантазией. Он за рамками созданных им понятий добра и зла, потому что в любое время может поменять их местами. Его воля в том мире есть истина. Любые его идеи и действия абсолютны. Ему не нужно имя и образ, потому что, во-первых, он единственный. Если бы творцов было много, имя было бы для отличия одного от другого. Но единственному не нужно имя. Во-вторых, всякое имя и образ обязывают соответствовать ему, что сковывает свободу. (Кстати, по этой причине в иудаизме Бога никогда не называют по имени). Творец абсолютно всемогущ. Доделывающий игру всемогущ в рамках законов бытия.

Некто заключает с создателем игры контракт. Творец создает под него персонажа с никнеймом «Господь Бог» и передает ему логин и пароль. Тот входит в систему и принимается за работу — за детализацию. Он оживляет двух персонажей, созданных по образу и подобию первого творца этой реальности, названных им мужчина и женщина.

В процессе игры доделывающий обнаруживает программу, активирующую у людей жажду знаний. Он смекает, что если человек насытит эту жажду, если получит знания о мире, то станет таким же всемогущим и бессмертным, как и «Господь Бог».

Такое развитие ситуации не устраивает Господа Бога, он не хочет терять монополию на всемогущество и как следствие, бессмертие. Во избежание этого он разными путями блокирует стремление человека к знаниям, превращая его, по сути, в животное.

Творец видит, что действия Господа Бога делают игру постной. Чтобы взбодрить её, он создает персонажа с никнеймом «Змей». Новый персонаж по функционалу немного слабее Господа Бога. Но если Змей поможет человеку преодолеть преграды, какие ему создает Господь Бог на пути к знанию, у человека будет тот же объем информации, что у Господа Бога. Иными словами, человек станет таким же всемогущим и бессмертным, как Господь Бог. Господь Бог утратит монополию и Змей надеется взять власть над миром.

Как нашелся желающий играть под ником «Господь Бог», так находится желающий играть под ником «Змей». Он заключает контракт с Творцом, получает пароль и входит в игру. Начинается противостояние «Господа Бога» и «Змея» вокруг человека. Каждый ищет способ двинуть его в свою сторону, один от знаний, другой к знаниям.

Это привело к тому, что от первых мужчины и женщины появляются миллиарды копий. В них так же предлагается играть всем желающим, как у нас создатели, например, World of Warcraft, предлагают играть всем желающим. Как за каждым героем в World of Warcraft по ту сторону монитора стоит живой человек, и он в базе равен любому другому, так и в том мире за каждым персонажем, за Творцом игры, за доделывающим игру (ник «Господь Бог»), за создающим динамику игры (ник «Змей»), и возникшим людьми (у них свои ники) стоят личности, в базе равные Творцу, Господь Богу и Змею. Вся разница между ними в объеме знаний. У существа, сотворившего эту трехмерную игру, не только максимальные знания о ней, но и доступ к программе, и возможность ее менять. У кто доделывал игру, знания те же, но нет доступа к программе. У существа под ником «Змей» знаний меньше и нет доступа к программе. У существ, играющих в персонажа под ником «человек» знаний совсем мало. Главная мысль — существа из иного бытия одухотворяют персонажей, как компьютерные игроки одухотворяют компьютерных персонажей.

На начальном этапе кто вошел в игру под ником «человек», не имел никаких знаний об игре. Но по мере развития сюжета знания копятся. Процесс набирает скорость, и если ему ничто не мешает, человечество в совокупности получит знания уровня Змея, потом Господь Бога, и наконец, Творца — получают исходный код. Это совсем другая история, о которой нет никакой возможности рассуждать. Она за рамками рассуждений.

Итак, в созданной игре три фигуры. Первая: кто придумал и сотворил на базовом уровне реальность — Бог. Вторая: — кто доделывал сотворенное — Господь Бог. Третья:

кто вносит динамику — "Змей". Четвертый персонаж собирательный, формат «люди». Это спящий Бог: пешка, в обозримой перспективе имеющая потенциал стать ферзем.

И в заключение хочу сказать, что предложенную модель не нужно сопоставлять с зороастризмом, манихейством и прочими религиозными учениями, определяющими мир борьбой двух противоположностей — добра и зла, света и тьмы. Эти учения стоят на том, что зло не может вытекать из добра, и, следовательно, должно иметь собственное начало. Из этого заключается, что у добра и зла есть два самостоятельных первоначала — Бог зла (он создал материальный мир, полный печали и горя) и Бог добра (он помогает выжить людям в этом злом мире). Я говорю совершенно о другом — о принципе компьютерной игры. Ее создатель не может быть определен добрым или злым. Равно как и ключевые игроки. Это просто игра, преодоление препятствий, решение головоломок, поиск выходов.

Подкаблучник

Через призму нарисованной картины смотрим на библейскую историю. Начинается она с того, что нашего мира до определенного мига не было. Далее какая-то сила творит его. Если ничего не было, а потом что-то появилось, единственный ответ на вопрос, из чего это появилось: из ничего. Единственный вариант характеристики творящей силы: она из иного бытия, невысказанного для нас, как для компьютерных персонажей невысказан наш земной мир. В том невысказанном мире живут невысказанные для нас сущности.

Одна из них сотворила наш мир, как описано в предыдущей главе: сначала ей пришла идея создать наш материальный мир. Были созданы законы, потом пространство, время, энергия. Пространство было разделено и упорядочено. Далее созданы ключевые элементы будущей игры. За пять дней были прописаны растения, рыбы и птицы. Ключевые сущности игры, знания и жизнь, были прописаны в образе древа знаний и древа жизни. В шестой день были созданы образы животных и человека. Творец сотворил *«человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их»*. (Быт.1,27). За шесть дней была создана база будущей реальности. На седьмой творец отдыхал: *«и почил в день седьмой от всех дел Своих»*. (Быт.2,2).

Дальше творящая сила заинтересовывает другую силу, обитающую в том неведомом инобытии, доделать работу: прорисовать и детализировать новое бытие. Та соглашается в обмен на неограниченное пребывание в нашем мире (бессмертие) и всемогущество в рамках написанных законов. Творец игры и доделывающий подписывают договор.

Для этой новой силы, с которой Творец заключил договор, создается персонаж под никнеймом «Господь Бог» (власть имеющий от Бога). Она вступает в свои права и первым делом по условиям контракта активирует центральные элементы игры: древо знаний (древо добра и зла) и древо жизни (бессмертия), помещая их в центр устроенного сада.

По условиям игры сад мог возделывать только человек. Поэтому следом Господь Бог активирует человека-мужчину, и в помощь ему второго человека — женщину. Далее берет от мужчины часть кода и через него синхронизирует первую пару людей.

Интрига игры в том, что Господь Бог, с одной стороны, обязан активировать древо знания и древо жизни, а значит активировать и человека (больше некому ухаживать за садом). С другой стороны, человек представляет опасность для Господа Бога (не путать персонажа под этим ником с Творцом реальности, он вообще не в игре).

Проблема в том, что человек способен усвоить знания. Если это случится, он станет знающим. Следом достигает бессмертия и станет всемогущим и бессмертным. Господь Бог утратит монополию на всемогущество.

Единственный шанс не допустить этого — не допустить получения знаний. Если же это случится, вторая линия обороны: не допустить человека до древа жизни. Уничтожить его нельзя, так как нужна сила для возделывания земли, и быть ею может только человек. И как было сказано, в небесные шахматы нельзя играть грубой силой, ставя фигуры куда хочется. Фигуры двигаются только по своей воле. Значит, им нужно создавать ситуацию.

Господь Бог защищается от такого развития событий через установку человеку-мужчине, на тот момент главному в паре, блока на запретный плод. Теперь люди обязаны работать в саду, с любого дерева есть плоды, но с древа знаний им есть запрещено.

Запрет убивает интригу игры, и вместе с ней движение. Никто никуда не движется. Сотворенный мир застывает. Для его оживления творец игры создает нового персонажа под никнеймом «Змей». Он дает ему такой же функционал, как и «Господу Богу». Плюс стремление стать владыкой мира, на данный момент занятое Господом Богом.

Змей не может убить своего противника, равно как и Господь Бог не может. У обоих есть всемогущество и безлимит в игре. Невозможность воздействовать друг на друга грубой силой заставляет обоих врагов сконцентрировать внимание на человеке. Стратегия Змея — устроить так, чтобы люди вкусили от древа знания, потом от древа жизни, и сравнялись с Господом Богом. Стратегия Господа Бога — не допустить этого. На этом противостоянии строится сюжетная линия библейской истории, перетекающая в земную.

Суть нашего мира раскрывается, когда оцениваешь его как компьютерную игру, где рубятся два главных персонажа под никами «Змей» и «Господь Бог». Первый толкает нас к знанию и бессмертию, создавая ситуации, стимулирующие двигаться туда. Второй препятствует этому, опять же создавая ситуации, стимулирующие сознательно или бессознательно закрываться от знаний и блокировать мысль о бессмертии.

* * *

Первый перевод Библии с первоисточника, с еврейского на греческий, называется Септуагинта. С него сделан перевод на русский язык. В еврейском и греческом варианте фигура, сотворившая мир, и фигура, действующая в сотворенном мире, называются по-разному. В Септуагинте кто творит мир, звезды, растения, рыб, птиц, животных и людей, того именуют Теос (греч. Бог). А кто оживляет сотворенные элементы и персонажи (прорисовывает промежуточные кадры), того называют Кириос (греч. имеющий власть от Бога). Действия первого называют творением, а действия второго созданием.

На русский язык Теос переведено как Бог, а Кириос как Господь Бог (господин от Бога, власть, данная Богом). В русской культуре Бог и Господь Бог, творить и созидать — все это синонимы, что рождает недоразумения, искажающие смысл библейской истории.

Например, в русском переводе говорится, что Бог на шестой день сотворил мужчину и женщину по образу и подобию своему, и потом решил отдохнуть. После отдыха в дело вступает Господь Бог (сознание автоматически считает, что речь идет о том же персонаже, о Боге, просто добавили к слову «Бог» слово «Господь»). Получается, что Бог до отдыха сотворил двух людей, мужчину и женщину. После отдыха сотворил сад и для работы в нем создает третьего человека. *«И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лицо его дыхание жизни, и стал человек душою живою»* (Быт.2,7). Для производительности труда Господь Бог создает ему подружку: *«не хорошо быть человеку одному; сотворим ему помощника, соответственного ему»* (Быт.2,18). Для этого *«навел Господь Бог на человека крепкий сон; и, когда он уснул, взял одно из ребер его, и закрыл то место плотию. И создал Господь Бог из ребра, взятого у человека, жену, и привел ее к человеку»*. (Быт.2,21-22). Адам сказал: *«вот, это кость от костей моих и плоть от плоти моей; она будет называться женою, ибо взята от мужа»*. (Быт.2,23).

При таком переводе складывается впечатление, что одно и то же лицо сотворило в шестой день мужчину и женщину и потом ушло на отдых. И после отдыха на следующий день посадило сад и создало одного человека для работы в этом саду, а потом второго. И выходит, что было создано не два, а четыре человека — два до отдыха, два после отдыха.

Такой перевод образует почву для идеи, что сотворенные до отдыха мужчина и женщину сделаны не для возделывания земли, а для каких-то неведомых высоких целей (например, для интеллектуального, эмоционального и творческого общения с Богом). Люди же, созданные после отдыха, созданы не по образу и подобию создателя, а из праха для работы на земле. Отсюда рукой подать до всяческих конспирологических теорий, что

одних людей Бог создал высшими, а другие низшими. Ну и далее безграничный полет фантазии про масонов, мировые правительства и прочие достойные удивления сущности.

Попытка исправить ситуацию, что происходившие в восьмой день события — это события шестого дня, с треском проваливается. В Библии четко написано, что мужчина и женщина сотворены до отдыха, а человек для возделывания земли после отдыха.

Все становится на свои места, если смотреть на процесс творения и создания мира как на творение компьютерной игры. Сначала образы прописали, потом анимировали (одухотворили, аниме переводится как душа). После отдыха создается не новый человек, а анимируется уже сотворенный. Ева не создается с нуля из ребра Адама. Она сотворена в шестой день вместе с мужчиной. От него берется только код для синхронизации пары.

Разобравшись с этим недоразумением, смотрим на библейскую историю как на компьютерную реальность, где между ключевыми персонажам под никами «Змей» и «Господь Бог» непримиримое противостояние. Главное оружие обоих — человек.

Господь Бог говорит Адаму: *«от всякого дерева в саду ты будешь есть, а от дерева познания добра и зла, не ешь от него, ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь»*. (Быт.2,16-17). Адам не знает, что смерть несет не запретный плод, а изгнание нарушителя Господом Богом из рая на землю где царствует смерть.

Бог запрещает есть только с одного древа — с древа знаний. Есть с древа жизни не запрещено. Пока Адам в раю, он и так бессмертный. Если он ел плоды с древа жизни, это ничего не меняло. Бессмертие без знаний работало только в границах рая. Если же Адам ел с древа знаний, а потом с древа жизни, то становился бессмертным и за границами рая.

Запрет на знания служит точкой отсчета формирования религиозных понятий добра и зла. Добро — невежество. Зло — знание. Эталон добра — абсолютное невежество. Максимальное зло — знание, позволяющее достигнуть бессмертия.

Всякое действие, направленное на сохранение невежества, считается добром. Всякое действие, нарушающее интеллектуальную девственность, определяется злом. Чем больше человек знает, тем больше отклоняется от эталона и тем больше по шкале ценностей Господа Бога погружается во зло. Это очень выпукло заметно на христианской культуре, где одно только желание обрести знания, позволяющие преодолеть смерть, определяется бесовским, а люди, дерзнувшие подобное мыслить, сатанистами и сектантами.

* * *

Война — искусство обмана. Змей придумывает многоходовые стратегии и атакует систему с целью найти баги (ошибки или слабые места), и через них побудить человека к знанию. Господь Бог на инициативы Змея делает ответные ходы.

Первая инициатива Змея строится на том, что Бог только Адаму сказал, что есть запретные плоды нельзя. Еве он ничего не запрещал лично. Адам на словах передал ей запрет Бога. Для убедительности добавил, что плоды не только нельзя есть, но даже и прикасаться к ним нельзя. Сказал, что если они их съедят или коснутся, то умрут.

План Змея строится на атаке на слабое место. Если он вступит с Евой в контакт и получит от нее ложную информацию, что Господь Бог запретил прикасаться к плоду под страхом смерти, тогда как он такого не говорил, возникнет баг в системе Евы. Через него Змей склонит Еву съесть запретный плод. Первая часть операции на этом закончена.

Вторая часть операции: чтобы Ева тем или иным способом уговорила Адама съесть запретный плод. Для этого перед разговором с Евой нужно создать в глазах мужа жене такой авторитет, чтобы ее слово было для него законом: чтобы было выше слова Бога.

Но как это сделать, если Ева была определена Господом Богом на роль помощницы? В Библии ни слова не сказано на эту тему. Но по дальнейшим событиям видно, что Змею удалось это сделать. Могу предположить, что за базу была взята идея, что на шестой день творения мужчина и женщина были равны. Приоритет он получил за счет того, что его код (ребро) были взяты для синхронизации разнополых людей. Если бы код был взят от женщины, она бы получила приоритет. Но почему-то Господь Бог взял от мужчины.

Змей мог перед этим рассказывать Еве про прелести равенства со своим мужчиной. Когда Ева согласилась, Змей дал ей технологию, реализация которой превращала ее из помощницы в начальницу. Я не утверждаю, что было именно так. Возможно, Змей как-то совсем иначе перевернул отношения внутри пары. Факт только, что перевернул.

Далее он встретил Еву и спросил: *«подлинно ли сказал Бог: «не ешьте ни от какого дерева в раю»?»* (Быт.3,1). Ева сказала: *«плоды с деревьев мы можем есть, только плодов дерева, которое среди рая, сказал Бог, не ешьте их»* (Быт. 3,2-3). И добавила слова Адама, что плоды не только нельзя есть, но и прикасаться к ним нельзя: *«и не прикасайтесь к ним, чтобы вам не умереть»* (Быт.3,3). Ева приписала Богу слова, которых он не говорил.

Через возникший баг Змей проникает в систему Евы и говорит: *«нет, не умрете, но знает Бог, что в день, в который вы вкусите их, откроются глаза ваши, и вы будете, как боги, знающие добро и зло»*. (Быт.3,3-5). Идея стать богиней так же привлекает Еву, как ранее идея равенства. Ее соблазняет, *«что дерево хорошо для пищи, и что оно приятно для глаз и вожделенно, потому что дает знание; и взяла плодов его и ела»* (Быт.3,6).

Съев запретный плод, она потом *«дала также мужу своему, и он ел»*. (Быт.3,6). Обратите внимание, если Ева пыталась сопротивляться Змею, когда он уговаривал ее нарушить запрет Бога, то Адам не делает в этом направлении малейшей попытки. Он абсолютно не сопротивляется воле жены и безропотно делает то, что она ему говорит.

За всю историю иудаизма, христианства и ислама богословы не смогли найти ни единого объяснения, как так получилось, что слово жены стало для мужа выше слова Господа Бога. Попытка объяснить это тем, что жена обманула Адама, не сказав, что этот плод запретный, не проходит. Адам на вопрос Бога, не ел ли он от дерева, сразу сознается, что жена *«дала мне от дерева и я ел»*. (Быт.3,12). Допустить, что Адам не осознавал своих действий (прослушал, что плод от дерева, или Ева его обманула, принудила, соблазнила и прочее) тоже не получается. Если бы Адаму было что сказать в свое оправдание, он бы непременно сказал Господу Богу. Но если он ничего не говорит, значит, ему нечего сказать. Непокоримый факт: слово жены было на тот момент выше слова божьего.

Перелом

Итак, свершилось: люди получили знания. Не в том смысле, что они вмиг стали всезнающими, а в том, что у них проснулась жажда знаний. Если бы они в тот же момент пошли к древу жизни и с него съели плод, Змей завершил бы операцию в кратчайшие сроки. Но увы, успела загрузиться только часть новой информации. Ее хватило только на то, что у людей открылись глаза: *«И открылись глаза у них обоих, и узнали они, что наги, и сшили смоковые листья, и сделали себе опоясания»*. (Быт.3,7).

Чего люди устыдились, если у них еще не было «кожаных одежд», т.е. они были без тела, сказать трудно. Библия полна аллегорий. Но несомненно одно: когда Господь Бог не нашел Адама и Евы в саду, это показалось ему странным. И он позвал их.

«И воззвал Господь Бог к Адаму и сказал ему: где ты? Он сказал: голос Твой я услышал в раю, и убоился, потому что я наг, и скрылся. И сказал Господь Бог: кто сказал тебе, что ты наг? не ел ли ты от дерева, с которого Я запретил тебе есть?». (Быт. 3, 9-11). Адам сразу же сознался, и далее все начали сдавать друг друга: *«Адам сказал: жена, которую Ты мне дал, она дала мне от дерева, и я ел. И сказал Господь Бог жене: что ты это сделала? Жена сказала: змей обольстил меня, и я ела»*. (Быт.3,12-13).

Господь Бог осознает опасность случившегося. Он понимает, что человеку до древа жизни осталось сделать один шаг. И люди обязательно его сделают, так как в них активировалась жажда знаний, которую из них невозможно устранить, так как она вшита в их код. Теперь ее можно только глушить или направлять по ложному пути.

Собирается совет, на котором Господь Бог говорит своим собеседникам: *«вот, Адам стал как один из Нас, зная добро и зло; и теперь как бы не простер он руки своей, и не взял также от дерева жизни, и не вкусил, и не стал жить вечно»*. (Быт.3,22).

Кто присутствовал на совещании, про то в Библии ни слова. Заканчивается оно предсказуемым изгнанием людей за пределы рая. Для этого людям даются плотские тела: *«сделал Господь Бог Адаму и жене его одежды кожаные и одел их»* (Быт.3,21).

Последний факт говорит, что рай был не материальным, раз находившиеся там люди не имели плотского тела. Похоже, что рай был чем-то типа компьютерного мира, данного в ощущениях, как сейчас нам в ощущениях дано то, что называется реальным миром.

Оглашается наказание для всех нарушителей. Змею Господь Бог говорит: *«за то, что ты сделал это, проклят ты пред всеми скотами и пред всеми зверями полевыми; ты будешь ходить на чреве твоем, и будешь есть прах во все дни жизни твоей»* (Быт.3,14).

Из этих слов Господа Бога не совсем понятно, что значит это наказание, какие несет проблемы. Можно только заметить, что об изгнании Змея из рая не сказано ни слова. Из чего заключаю, что у него не было полномочий забанить Змея.

Еве Господь Бог говорит: *«умножая умножу скорбь твою в беременности твоей; в болезни будешь рожать детей; и к мужу твоему влечение твое, и он будет господствовать над тобою»*. (Быт.3,16). Суть наказания Евы понятна, рожать в муках и Адам будет господствовать над ней. Но эта понятность лишняя раз подтверждает, что на момент наказания Адам не был старшим, а Ева не была его помощницей. Если бы Адам господствовал над Евой, такое наказание было бы невозможно (кто в рабстве, того не наказывают рабством). Непонятно только, почему не сказано про изгнание Евы из рая?

Адаму Господь Бог предписал трудиться, очевидно, больше чем в раю: *«в поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят»*. (Быт.3,19). И выгоняет его из рая на землю: *«И выслал его Господь Бог из сада Едемского, чтобы возделывать землю, из которой он взят»*. (Быт.3,22-23). Нет четкого утверждения, что он ушел вместе с женой. Увидеть это можно только по косвенным признакам.

Еще один странный факт — по шкале ценностей Господа Бога люди в компании со Змеем совершили страшный грех. За подобный грех полагается отправление в ад (со слов Церкви, которое, по ее утверждению, информацию открывается свыше). Но Господь Бог не говорит про ад. Он отправляет людей на Землю. Если считать местом, куда отправляют за самые страшные преступления адом, получается, материальный мир — это и есть ад. Другого ада нет. Ад с чертями и сковородками — все это выдумали для острастки массы.

На этом библейский этап игры завершается. Змей пробил брешь в защите Господа Бога. Чтобы люди не реализовали вторую часть операции, не проникли к древу жизни, он отправляет их на Землю. Там затруднительно реализовать потенциал по той причине, что в суровых условиях некогда знания копить. Там выживать нужно.

Логика Господа Бога простая и понятная... Это примерно, как если вы не хотите, чтобы человек произвел какие-то расчеты, и запрещаете ему изучать учебник математики, грозя за нарушение всякими карами. Но вот вы застаете человека за изучением учебника и теперь знаете, что он может произвести нежелательные расчеты. Вытащить из него знания уже нельзя. Убить, например, тоже не можете. Единственное, что остается — выслать его в глухие леса, где человеку будет точно не до математики. Все силы займет выживание.

Противостояние Господа Бога и Змея продолжается. Змей по-прежнему думает, как совершить зло (привести людей к знаниям, достаточным для преодоления смерти). Господь Бог думает, как защитить людей от зла (от знаний). Это делает историю.

На земле нет короткого пути к бессмертию, как был в раю. Здесь только длинный путь — умножать знания, Змей кнутом и пряником гонит людей к знанию. Господь Бог делает все возможное, чтобы затормозить этот процесс. В пределе совсем остановить его.

Когда люди начинают размножаться, *«Адам познал Еву, жену свою; и она зачала, и родила Каина, и сказала: приобрела я человека от Господа»*. (Быт. 4,1), никнейм «Господь Бог» меняется на «Господь». Как бы подчеркивается, что персонаж начинает действовать не от имени Бога, а от своего имени. Но действует в границах игры и по ее правилам.

Господь видит нарастающие темпы развития. По божественной шкале это значит, что люди погрязли в грехе *«И увидел Господь, что велико развращение человеков на земле и что все мысли и помышления сердца их были зло во всякое время...»*. (Быт.6,5).

Перебирая способы уменьшить зло, Господь не надумывает ничего лучшего, кроме как утопить «развратившееся» человечество, накопившее опасный объем знаний. Церковь подчеркивает, что делает он это не со зла, а движимый любовью к людям.

Но абсолютно всех уничтожить невозможно, люди часть кода системы. Тогда он находит выход в том, чтобы оставить самого интеллектуально девственного человека, и от него произвести новое человечество, избавленное от зла (под злом понимаются знания).

Господь Бог находит такого человека: *«Ной был человек праведный и непорочный в роде своем; Ной ходил пред Богом»*. (Быт.6,9). Никнейм «Господь» меняется после этого на «Бог». Ной в роли второго Адама: от него после Потопа восстановился род людской.

В дальнейшем никнеймы «Бог», «Господь Бог», «Господь» в Библии используются хаотично. Критерии предпочтения неясны. Впечатление, что переводчик их использует как синонимы, без всякого смысла. В результате в Библии есть фразы: *«Сказал Господь Господу моему: седи одесную Меня, доколе положу врагов Твоих в подножие ног Твоих»* (Пс. 109,1). Или вот еще: *«Бог стал в сонме богов; среди богов произнес суд...»*. (Пс. 81,1).

Они прибавляют работы придворным богословам. Теперь им надо объяснять тем, кто пальцем тычет на эти фразы, спрашивая, сколько же богов? А богословам ничего не остается, кроме как уходить от ответа, говоря, что тут глубокая мудрость, недоступная уму. И про нее лучше не думать. Ибо кто начнет думать, тому и до греха недалеко...

Судя по всему, устроившему истребление людей персонажу было сделано внушение от творца, и он пообещал больше не топить людей. *«... не будет более истреблена всякая плоть водами потопа, и не будет уже потопа на опустошение земли»*. (Быт.9,11).

Прошло время и выросло новое поколение людей. Оно снова тянулось к знаниям. Это аллегорически отражено в истории про Вавилонскую башню, которую построили люди в своем стремлении к знанию. Но противник знаний разрушил ее, смешав языки: *«И сказали они: построим себе город и башню, высотой до небес, и сделаем себе имя, прежде нежели рассеемся по лицу всей земли. И сошел Господь посмотреть город и башню, которые строили сыны человеческие. И сказал Господь: вот, один народ, и один у всех язык; и вот что начали они делать, и не отстанут они от того, что задумали делать; сойдем же и смешаем там язык их, так чтобы один не понимал речи другого. И рассеял их Господь оттуда по всей земле; и они перестали строить город»*. (Быт.11,4-8).

Это было последнее грубое вмешательство. Творец счел нечестной игрой, что Змей создает ситуации, толкающие людей к знаниям, а его противник грубо препятствует им. Теперь Змей и Бог должны достигать своей цели без грубого воздействия на людей.

Противник Змея изобретает новые способы тормозить развитие. Появляется самый эффективный проект — «Церковь». Всю историю она только и делала, что сковывала каменными догмами свободу мысли. Самостоятельное мышление на темы, лежащие за рамками быта, политики и экономики, считалось тягчайшим преступлением против Бога.

Обретенная в раю жажда знаний гонит людей к новым высотам. Путь развития лежит через кровь, пот и слезы, освещенные кострами инквизиции. Через некоторое время общество выходит на уровень развития, несовместимый с Церковью. Наступает эпоха Просвещения. Последнее препятствие, физически мешавшее развитию, уходит с пути.

Господь Бог теперь вынужден искать принципиально новые технологии. Поделить их можно на две глобальных стратегии. Первая: это направить полученные знания против знаний. Нагрузить людей валом пустой информации, которая будет не развивать, а вести к интеллектуальной деградации. В результате многие людей возвращаются в то состояние, в каком пребывали Адам с Евой до того, как они отведали плод с древа знаний.

Второе направление для тех, у кого жажда знаний прорывается сквозь созданные заслоны. Суть ее в том, чтобы пустить развитие в никуда. Этот путь тоже делится на два рукава. Первый: направить интеллект на военные расходы. Второй: на улучшение уютов

с телефонами, обретение денег и вещей. Это приводит к милитаризированному обществу потребления. Венец этой стратегии: атомная бомба и потребление как смысл жизни.

Пирамида

Гигантские интеллектуальные ресурсы, силы и время направлены на пути, ведущие в никуда. Какая разница, хороший уют и телефон будет у вас в собственности в момент смерти или обычный функционал. *«Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит? или какой выкуп даст человек за душу свою?»*. (Мф.16,26).

Под душой здесь понимается высшая ценность. У каждого свое мнение, что это такое. Для одних это максимум знаний, порождающих всемогущество и бессмертие. Для других максимальное невежество, выливающееся в абсолютную зависимость. Каждый персонаж тянет человека в свою сторону, создавая соответствующую ситуацию.

Персонаж под ником «Господь Бог» знает, что знание и бессмертие — синонимы. Если алчущие и жаждущие правды (Христос называл таких блаженными *«Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся»* (Мф.5,6)) утолят свою жажду, они станут равны «Господу Богу». Чтобы этого не случилось, он создает препятствия на пути к знаниям, блокирует жажду знаний, *«чтобы охранять путь к дереву жизни»*. (Быт. 3,24).

Персонаж под ником «Змей» не сидел, сложа руки, глядя на активность персонажа под ником «Господь Бог», и стремился в обратную сторону — активировать жажду знаний в человеке. В итоге всё человечество выстроилось по этому признаку в пирамиду:

На вершине пирамиды люди, полностью ушедшие от влияния персонажа «Господь Бог» и полностью попавшие под влияние персонажа «Змей». Они полностью свободны от опеки «Господь Бога», не скованы никакими догмами и авторитетами. Им нет разницы, во что «Господь Бог» призывает их верить, в Веды и стоящую на ней Адвайту, Мирового Духа, Атмана, Брахмана и теории Майя (мир есть иллюзия), или призывает верить в Тору и опирающуюся на нее Библию, а так же Мирового Духа по имени Элохим, Бог или Аллах. Их характерная черта: они разумом или интуитивно приходят к мысли, что видимый мир — малая часть истины. За его рамками есть иное бытие, организующее материальный мир. Взоры этих людей устремлены за рамки видимого мира, к программе.

Пока эти люди разрознены, не объединены в систему и традицию, они никто, как 400 лет назад никем были ученые (их статус был — ремесленник). До эпохи Просвещения, до XVI века, науки в современном смысле не было. Она рождается, когда разум освободился от религиозных догм. Ученые, раньше их называли натурфилософами, объединяются в систему. Возникает научная традиция, начинается накопление и систематизация информации. Движение этим курсом привело к фантастическим результатам. Наука достигла самого дна физического мира, микромира, и поднялась на его верх, в макромир. За четыре века, благодаря объединению, системе и традиции, наука с нуля покорила космос, атомную энергию, создала компьютер и виртуальную реальность.

Если люди, для которых нет авторитетов, из разрозненного состояния перейдут в организованное, если возникнет система и традиция, возникнет явление, аналогичное науке. Только с бесконечно большим потенциалом. К получаемым знаниям можно будет применить многое от научного подхода, что намного эффективнее существующего сейчас, где в базе лежат религиозные утверждения и длина бороды учителя. Я пишу свои книги с этой практической целью — собрать свободных, глубоких и ищущих людей. Они несут в себе импульс, обозначенный в раю — через знание стать всемогущими и бессмертными.

На втором этаже пирамиды люди, кому «Господь Бог» оригинально заблокировал жажду знаний — ученые. Ограничение достигнуто через установление коридора поиска — в рамках материи. Для таких людей характерно тратить силы и время на постижение физических законов — правил внутри игры. К программе, организующей материальное бытие, за рамки физической реальности, им нельзя выходить (иначе это не наука). Как бы они хорошо не изучили физический мир, эта информация не выведет их за рамки мира.

На третьем уровне люди, у кого жажда знаний почти полностью заблокирована. У них эта жажда выражается в стремлении играть в политические, эстрадные и торговые игры. Их жажда знаний трансформировалась в стремление к тщеславию (тщетной славе).

На последнем уровне люди, кому «Господь Бог» полностью заблокировал жажду знаний, удержал их в первозданной интеллектуальной невинности, как Адам и Ева в раю до употребления запретного плода. Их характерная черта: они ничего не знают, и знать не хотят. Годятся только для тех же целей, что Адам в раю — для возделывания земли.

Чтобы уловить суть выражения про возделывание земли, нужно понимать, что речь идет не именно о сельхозработах, но о всяком действии материального характера. В этом смысле нет разницы между крестьянином, возделывающим землю, и потребителем, ходящим по магазинам и выполняющим роль трубы, через которую система прогоняет поток товаров. Тот и другой тип деятельности есть возделывание материи (или земли).

С точки зрения крестьян, рабочих и простых людей, выполняющих монотонный физический труд, ходить по магазинам — это не работа. Но с масштаба системы, если вся жизнь сводится к тому, чтобы тратить свое время и силы на заработать как можно больше денег, чтобы потом покупать как можно больше вещей и потреблять напоказ — это изматывающая и бессмысленная деятельность, отнимающая уйму времени и сил. Тот факт, что выполняющий эту работу человек не понимает этого, ничего не меняет. Он работает на систему и по факту является ботом, имеющим человеческое туловище, и как говорил Ницше, «маленькие удовольствия для дня и маленькие для ночи». Но это всё.

Людей, живущих бессмысленной жизнью, с Адамом и Евой роднит невежество. Но одно дело быть невежественным и бессмертным ботом в раю, довольным жизнью, не знающим страданий, болезни и смерти. Другое дело быть невежественным и смертным ботом на земле, недовольным жизнью, страдающим, болеющим и умирающим.

Получилась пирамида, напоминающая индийские касты. На самом верху жрецы. За ними идут воины. Еще ниже торговцы. В основании пирамиды крестьяне, ремесленники и все люди, чей смысл жизни сводится к обустройству быта и нет у них большей цели в жизни, как выполнить указания системы — дом построить, дерево посадить и детей родить. Зачем им это нужно — система табуирует такой вопрос. Надо — вот им ответ.

Наш мир — эта пирамида без верхушки. Кандидаты, способные занять вершину, на сегодня распылены по всему телу человеческой пирамиды. Общество похоже на курицу, голова которой вывернута внутрь. Она видит свои кишки, падающее в ее желудок питание, свое дерьмо. Но не видит, куда бежит. У таким образом устроенного общества не может быть никакой внешней цели. Современное человечество бежит в никуда...

Но все начнет стремительно меняться, если на планете возникнет институт, стягивающий в себя людей, которых я бы назвал жрецами — людей, кто жаждет свою жизнь посвятить не тщеславию во всех его проявлениях и не соответствию шаблонам, предписанным к выполнению системой, а ничем неограниченному поиску истины. Для мира такие люди — это безумцы, одинокие, непонятые и отвергнутые. Для нас они уран. Пока уран разрознен, он ничего из себя не представляет. Но стоит его вычленивать и объединять, получится атомная бомба. Ради поиска урановых людей я пишу свои книги.

За любым человеком, не важно, заблокирован он и теперь возделывает землю, или разблокирован в большей или меньшей степени, стоят соответствующие персонажи. Каждый сознательно или неосознанно на стороне ника «Змей» или ника «Господь Бог».

Не важно, кто ты на данный момент, уважаемый читатель. Сказанной информации достаточно, чтобы ты вышел из своего сегодняшнего состояния и посмотрел на мир так, как до этого никогда не смотрел. И задал себе вопросы, которых никогда не задавал. Возможно, это побудит тебя встать в наш строй. А нет — оставайся на своем месте.

Не важно, пойдешь ли лично ты, сейчас читающий эти строки, вместе с нами к знаниям и бессмертию, или продолжишь распылать себя в шаблонах и потреблении, переход от состояния «смертный человек-раб» к состоянию «бессмертный человек-бог» в любом случае состоится. И тебе же лучше, чтобы он состоялся с твоим участием...

Человечество дойдет до древа жизни, потому что невозможно устранить из человека жажду знаний. Невозможно заблокировать ее у всех, или направить по пути распыления, или по ложному пути. Смерть будет побеждена. Человек перейдет на новый уровень игры. Это будет конец старого света. Каким будет новый мир, я не знаю. Но я знаю, что процесс необратим, потому что «Аннушка пролила масло» (Булгаков «Мастер и Маргарита»)

Ужас

Половину дела люди сделали в раю. За время пребывания на земле они еще немало сделали. Осталось совсем немного, чтобы дожить до восхода нового солнца. Время перед рассветом называют час быка — самое темное время ночи. Мы живем в это время. Никогда еще не было такого, чтобы люди настолько безразлично относились к своей смертности. Во все времена у них был какой-то ответ на вызов смерти. Сегодня его нет.

Люди боятся умереть от коронавируса COVID 19, сейчас шагающего по планете. Из всех заболевших порядка 80% выздоравливают, и около 20% умирают. Из всех живущих погибают 100%. Но люди очень не равнодушны к 20% смерти и совершенно равнодушны к 100%-й смертности. Как это объяснить? Только тем, что тема смерти заблокирована.

Для слома блока не хватало религии нового времени, нацеленной на бессмертие. Мы ее принесли. Она предопределила быть на стороне игрока с ником «Змей». Сделайте и свой выбор. Ориентируйтесь не на имена игроков, а на дела. И никому не верьте.

Нам тоже не нужно верить. Мы отвергаем всех, кто заявляет, что верит нам. Нужны не верующие, а понимающие. Если человек говорит «я вам верю», это не означает, что он верит нам. Нельзя верить в то, чего не знаешь. Можно слова говорить, как это делают миллиарды людей, заявляющих себя верующими, но понятия не имеющих о своей вере.

Кто говорит, что ему не нужно читать наших книг, что он и так нам верит, тот свои понятия добра считает настолько самоочевидной истиной, что не допускает иного. Он уверен, что мы тоже его понятия считаем истиной. А наши мысли, стратегии, планы — это все бантики на вечной истине. И ему не важно, какими бантиками мы обвесили *его* истину. Он ориентируется, например, что ему симпатична наша активность, атмосфера, образ жизни и все такое. Желая ускорить сближение с симпатичными ему людьми, с нами, он заявляет о своей вере в наши утверждения, сам даже не понимая их.

Но когда обнаружит, что его истина кардинально не совпадает с нашей, почувствует себя обманутым. Он же нам верил (верил, что у нас такая же истина, как у него). Скажет, что даже в мыслях не мог допустить, что кто-то может не разделять «вечных истин» (под ними он понимает церковные истины, сегодня называемые общечеловеческими).

Однажды французский математик Даламбер, дворянин, собрался доказать другому дворянину свою теорему. Тот ответил, что не надо, вы же дворянин, я вам на слово верю, из чего Даламбер понял уровень познания математики его собеседником.

Представьте науку математику, состоящую из людей, кому доказательства теорем не требуются, они друг другу на слово верят. Не исключено, что это будет клуб хороших людей, которым приятно общаться друг с другом. Но это не будет клуб математиков.

Аналогично и идейная организация, состоящая из людей, не понимающих идеи, но состоящих в организации на том основании, что они верят тому, чего не понимают. Не исключено, что это будет тусовка хороших людей. Но организации не будет. Если и будет, то исключительно на коммерческом принципе, когда людей удерживает не идея, а оплата их действий. За деньги они будут говорить, что искренне верят всему, во что нужно. Но в лучшем случае будут знать лозунги. Когда в партии большевиков были те, кто понимал идею, это была организация одной прочности. Когда в позднем СССР партию наполнили люди, рассказывающие анекдоты про коммунизм, это была совсем другая партия.

Для достижения цели требуется команда из живых в идейном смысле людей. Живые — это понимающие и разделяющие цель и способ, а не верящие. Они ясно осознают, что если и есть на свете дело, которому можно посвятить свою жизнь — это наше дело.

Кто не понимает нашей цели и способа, но говорит, что верит в нас и нашу идею, тот не может считать, что нет дела выше и интереснее нашего. Про веру такие люди говорят, чтобы не тратить время и силы на понимание и осмысление наших книг. Про себя они допускают, что могут быть иные цели, выше бессмертия. Но так как пока они не видят, а потребителем и обывателем быть не круто, стремятся прибиться к нам. Для нашего дела они мертвые или полумертвые. Живые только понимающие. Верящие нам не нужны.

Вы знаете, почему в Кембридже одна атмосфера, а в ПТУ другая? Потому что при поступлении в ПТУ абитуриентам верят, что они имеют необходимые знания. А при поступлении в Кембридж не верят, абитуриенты должны доказать наличие знаний. В итоге собравшаяся в Кембридже и ПТУ публика разительно отличаются.

Запрет на веру минимизирует неприятности, связанные с атмосферой, возникающей из-за непонимания. Это не означает, что мы приглашаем только людей философского склада ума, плюс способных от теории перейти к практике. Если бы мы проводили такую кадровую политику, то никогда бы не смогли создать организацию. Во-первых, потому что таких людей крайне мало. В основном склонные к философии люди не способны идти дальше слов. Во-вторых, если даже допустить, что нам удалось собрать таких людей, из них не получится дееспособной организации. Как армия из одних генералов, имеющих мнение по каждому приказу руководителя, слабее армии солдат, считающих приказы своего генерала истиной, так организация из философов, на каждое слово имеющих свое мнение, слабее организации единомышленников, считающих за истину одно направление.

Нам нужны люди, способные показать понимание свое из дел своих. Что толку, если вы умно и глубоко рассуждаете о бессосновательности церковных понятий, но в текущей жизни ориентируетесь на них? Человек, показывающий свое понимание делами, намного предпочтительнее человека, говорящего о своем понимании, но не живущего им.

Любая религия прошлого говорит об устройстве мира, и исходя из этого указывает, что делать для преодоления смерти. Мы тоже говорим, как устроен мир (в четвертой книге доскажу то, чего не договорил в первой) и как преодолеть смерть. Разница между нами и религиями прошлого: прошлые предлагали верить им, понимающие им были не нужны. Мы же призываем понимать нашу информацию, верящие нам не нужны. Какими делами можно показать свое понимание на практике — это отдельный разговор.

* * *

Потребительская цивилизация выросла из гуманизма, а гуманизм в свою очередь из христианства. Сокращая цепочку, получаю: потребительская цивилизация продолжает христианство. Все ее ключевые узлы имеют в основе церковные установки плюс нормы и табу, рожденные пещерными условиями жизни предков. Общество потребления стоит на оставшихся от христианства ценностях: церковной морали со всеми ее нормами и табу.

Самый эффективный способ сокрушить конструкцию — сокрушить ее основание и ключевые узлы. Если на пути к нашей цели стоит потребительское общество, а его основа — христианские ценности, сокрушение этих ценностей приведет к краху препятствия.

Сегодня под давлением нового естественно рушится старое. Признак конца эпохи — пустота старых форм, попытка пустоту конфеты компенсировать красотой фантика. В пустоте нет центра и структуры. Кино без идеи — рекламный ролик, который ничего не рекламирует. Творцы, гонящие пустоту, говорят: «художник так видит мир». Но реально художники в конце эпохи ничего не видят, и потому их творчество — рисунки слепых.

Обрушение старого мира — вопрос не принципа, а времени. Как у феодализма не было ни единого шанса перед паром и порохом, так у цивилизации, рожденной христианством, нет ни единого шанса устоять перед информацией и коммуникациями.

Новое в глазах старого всегда одновременно ужас и карикатура. «Все великое в мире должно появляться сначала в форме чудовищной, ужасающей карикатуры». (Ницше «По ту сторону добра и зла»). Карикатурность возникает из непривычности нового. Оно на фоне привычного кажется представителям уходящей эпохи нелепым и смешным.

Новое транслирует ужас уже одним только намерением убить старое. Старый мир чувствует это всеми фибрами души. Он сопротивляется изо всех своих сил, до последнего вздоха. Ему нечего терять... И он всегда проигрывает новому. Таковы законы бытия...

Когда христиане освобождали себе место под солнцем в языческом мире, они не просто отрицали языческих богов, а оскверняли их. Встававших на защиту своей веры жрецов и верующих они убивали. Храмы разрушали. Систему ценностей отрицали. Они высмеивали старые традиции, напоказ нарушая языческие нормы. Христиане были по меркам дохристианского мира моральными уродами и смертельным ужасом тьмы.

Когда в мир пришли гуманисты, они начали делать с христианами то же самое, что те делали с язычниками — рушить церкви, высмеивать, уничтожать и осквернять святыни. Изгаляясь напоказ, голые девки на алтарях танцевали и опорожнялись в святая святых. Теперь для христиан гуманисты были такими же исчадиями ада и моральными уродами.

Сегодня в двери гуманистов стучится новое — наше идейное движение. Оно будет для них таким же ужасом, каким они были для христиан, а христиане для античного мира. История учит, что новое для старого — это всегда ужас, летящий на крыльях ночи.

Гуманизм давно сидит в луже. Если Бога нет, утверждения гуманизма хоть ты тресни, а невозможно обосновать. Массы этого не видят, так как скользят по поверхности, оценивая действие в моменте, не помышляя углубляться в корни. В этом она похожа на водомерок. Не важно, по луже скользит водомерка или над Марианской впадиной (допустим, там ровная гладь). В обоих случаях ее реальность — поверхностное натяжение воды. Ниже она не способна погрузиться. Если же ее погрузить туда насильно, она утратит дееспособность и станет мокрым и жалким комочком.

Но помимо массы есть люди, которым по природе свойственно углубляться в корни. Их нужно только немного подтолкнуть, и далее они сами докопаются до истины. Именно так сделал Галилей, и такие люди с энтузиазмом углубились в корни. Есть в человеке что-то такое, что со сладострастием побуждает его топтать вчерашних кумиров. Это привело к обрушению невероятно могущественной махины — Церкви. Теперь пришло время гуманизма. Моя задача заключается лишь в том, чтобы подтолкнуть людей.

Восточная пословица гласит: что было один раз, то может никогда не повториться. Что было дважды, обязательно будет третий раз. Человечество два раза пыталось уйти от порожденных религией установок. Первый раз с крахом христианства в Европе, в эпоху Просвещения. Второй раз в эпоху буржуазных революций. Мы начинаем третью попытку.

Решение

Теперь вы знаете всё — и Цель, и Способ. Изложенной информации достаточно, чтобы определить свое отношение к ней. Скажите, кто вы мне, друг или враг? На чьей вы стороне, Змея или Господа Бога? Что вы считаете добром, знание или невежество?

Если вы на стороне персонажа «Змей», вы потенциальный друг нашего движения. Вставайте в строй и пойдёмте вместе с нами к нашей великой цели. Если вы на стороне персонажа «Господь Бог», значит, вы враг нашего движения. Действуйте против нас.

Никто не может опереться на пустое место. Найти опору можно только в том, что сопротивляется. Активный враг предпочтительнее пустого друга — борьба закаляет, а бытовая дружба не движется дальше, кроме как вопроса при встрече «как дела» и обмен ничего незначащими фразами. Рядовые люди хороши в виде заполнителя пустот, но в костяк они не годятся. Потому я им говорю: «О, если бы ты был холоден, или горяч! Но, как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих» (Откр. 3, 15-16).

Есть только один способ не забыть иностранный язык — говорить на нем. Есть только один способ удержать истину — жить ею. Кто знает истину, но живет по старым шаблонам, которые считает не истиной, а ложью, тот раздвоенный, не цельный, а значит, ненадежный человек. Лучше не знать истины, чем знать, но следовать в другую сторону. «Лучше бы им не познать пути правды, нежели, познав, возвратиться назад» (2Пет.2,21).

Если все сказанное симпатизирует вам, и есть желание встать в строй, прежде чем заявить о своем решении (даже про себя и для себя), еще раз спросите себя, готовы ли вы строить новый мир? Когда будете отвечать, держите в голове, что вы от этого не получите никаких благ старого мира и гарантированно утратите психологический комфорт.

Человек из всех путей, какие видит возможными для себя, выбирает самый лучший. Если человек имеет растрепанный вид, который можно исправить одним движением руки, и он знает про это, но не делает, можете быть уверены, что это не случайность, а позиция. Он считает, что так круче выглядит, и потому не думает исправлять свой внешний вид.

Килограмм серебра люди с радостью обменяют на килограмм золота, но никогда на килограмм меди. Серебро — это реальные ценности членов общества потребления — деньги, вещи, карьера, семья, дети, а так же «маленькое удовольствие для дня и маленькие удовольствия для ночи, но здоровье превыше всего» (Ницше, «Так говорил Заратустра»).

В теории вы допускаете, что могут быть более высокие ценности, чем известные вам. Но пока вы их лично не ощутили своими руками и не увидели своими глазами, пока это только слова про приоритет духовных ценностей над земными — на фоне серебра (денег с вещами и прочего) это медь. Золотом слова станут, когда человек лично ощутит их (пока он фиксирует только слова про духовные ценности), и найдет свои ощущения от них выше ощущений от «серебра». До этого они у человека будут в статусе меди. Он не против будет поговорить про них, но менять на них свое серебро точно не будет. Потому таким точным показателем является отношение человека к деньгам (и ко всему, что они дают). Пока он не увидел ничего выше, он никогда не выпустит их из руки, чтобы взять что-то новое. Потому что человек меняет серебро только на золото.

Золото — это ощущение, возникающее от всемогущества и бессмертия. Никому оно не известно. Люди могут только говорить о нем, но реально воспринять его как ценность, превышающую земные, они не могут. Ситуация сравнима, как если бы тысячу лет назад огромный камень завалил выход из пещеры, где жила группа людей. Их мир погрузился во мрак. За первые несколько поколений подземные жители утратили понятие света. Но в глубинах подсознания у них была генетическая память о свете. Она кочевала из поколения в поколение, но так как никто толком не мог сказать, что это такое, серьезные люди не игнорировали его. Они посвятили себя серьезным делам — обустройству быта, войне и торговле. Понятие «за рамками пещеры» стало аналогом «за рамками мира».

Но вот некто вычислил, что за стенами пещеры есть мир, по сравнению с которыми пещерные ценности ничтожные. Что там вместо закопченного потолка безграничное небо над головой. Что за 150 миллионов километров от Земли есть звезда по имени Солнце, от которой идет свет и тепло. Если сдвинуть камень, люди увидят свет. Он не мог объяснить, зачем нужен этот свет, но проснувшаяся жажда знаний толкала его в этом направлении.

Так как камень был огромным и в одиночку его было не сдвинуть, человек стал искать сторонников. Здравомыслящие люди даже не пытались вникнуть в его слова, находя его рассказы за пределами бредом. Бесконечно более важными для них был быт, война и торговля. Но были чудачки, (по пещерным меркам неудачники), кто его слушал. И вот первые трое присоединились к нему. Они начали толкать камень и звать других.

Люди так устроены, что когда видят упорное действие, оно их заинтересовывает. Число толкающих росло. Однажды камень качнулся. В образовавшуюся щель в пещеру на миг вошел луч света. Этого было достаточно, чтобы все, в том числе и серьезные люди, оставили свои серьезные дела и сосредоточились на камне. В итоге он отвалился.

В этой выдуманной истории легенда о неведомой сущности по имени «свет» вывела людей в новый дивный и немыслимый мир. Для нас аналогом света является стремление людей в рай к всемогуществу и бессмертию и мечты об этом, живущие в нашей природе.

Для большинства ноты — не музыка, а ряды рисованных головастиков. Но единицы слышат музыку, глядя на ноты. Для единиц неведомая умозрительная реальность ничем не отличается от ощущаемой реальности. Сто лет назад Резерфорд обнаружил ядро, а в

нем гигантскую энергию. Умозрительная информация оказалось достаточным стимулом для сосредоточения ресурсов в этом направлении. И мир получил атомную энергию.

Аналогично рассказы про золото (преодоление смерти) для большинства не золото, а медь. Золото для них — это набор земных ценностей. И пока они не увидят лично что-то выше, никуда не сдвинутся. Но есть люди, для кого будущее золото (к золоту отношу не только преодоление смерти, но и сам путь к нему, и собравшихся вокруг этой задачи людей, и открывающиеся горизонты и потенциалы), будет стимулом оставить ценности старого мира и сосредоточиться на получении новых знаний и постижении иного бытия.

* * *

Сложно человеку отвернуться от привычного в сторону непривычного, даже если ум говорит, что привычное в новых условиях превратилось в абсурд, а непривычное является истиной. Наше сознание так устроено, что привычное кажется правильным, даже если нет ни одного аргумента в его пользу, а непривычное неправильным, даже если все говорит в пользу него. Каждый может убедиться в этом на себе. Допустим, на рациональном уровне вы согласны со всем прочитанным. Ну и что с того... Разве для вас это достаточный повод, чтобы отказаться от стереотипов? Скорее всего, как жили с ориентиром на старые ценности, так и продолжите. По крайней мере, первое время точно, как бы не понимали, что старая мораль абсурдна. «Абсурд нельзя победить силой логики». (Ф. Кафка).

Показатель, что вы приняли новое как истину и отвергли старое как ложь — это не говорить про новое, и даже не жить сообразно новой истине и продвигать ее в массы. Подлинный показатель, показывающий, что вы действительно отвергли старую истину и приняли новую — вы несете ее самым близким людям. Например, своим детям.

Приятно учить детей добру и справедливости, которыми вы всю жизнь жили. Тут не нужно задаваться страшными вопросами, типа, почему это добро, а то зло? Откуда эти понятия взялись? Соответствуют ли они реальности и не пора ли провести ревизию?

Таких вопросов нет, потому что подсознание пропитано этими установками. Что вы считаете добром и злом, то считается само собой разумеющейся истиной. Предложение обосновать это может вас оскорбить, как вопрос, почему нельзя есть своих родителей, если они умерли? За такой вопрос можно и по морде получить...

Лакмусовая бумажка, насколько реально вы считаете новые знания истиной, это ответ на вопрос: чему вы готовы учить своих детей? Тому, что считаете истиной? Или тому, что считаете предрассудками, которые в наше время ложь, но зато она привычная?

Для большинства неприятно и невозможно учить своих детей тому, что всю жизнь считалось истиной, но вот климат изменился, и теперь это ложь. Человек может признать, что руководствоваться моралью, нормами и табу, созданными старой эпохой, в новых условиях, как минимум, глупо, а как максимум, вредно. Но в текущей жизни считать за ориентир старые истины. И своих детей учить, что старые истины — это вечные истины,

Со стороны такой учитель похож на разумную рыбу, которая знает, что море вот-вот высохнет, и ее детям предстоит жить на суше. В этой ситуации маленьких рыб нужно не плавать учить, а бегать, настраивая на преобразование ласт в ноги. Но рыбе неприятно учить детей тому, что она всю жизнь считала злом (для рыб суша всегда была злом). Поэтому она говорит своим детям, что правила для жизни в воде работают в любой среде. И при этом прекрасно сознает, что на суше они работать не будут. Но рыба-учитель хочет, чтобы ее дети соответствовали статусу «настоящая рыба». И она выдает ложь за истину.

Разумная рыба не учит тому, что реально пригодится детям в жизни. Она учит тому, что бессмысленно и вредно. Как вы думаете, на чье благо ориентируется рыба, на свое или детей? Всякая жизнь стремится к благу. Когда у вас язык не поворачивается учить своих детей тому, что вы считаете истиной, и вы учите их тому, что оцениваете ложью, но это привычная ложь, вами движет свой комфорт в моменте.

Если бы я занимался политикой или бизнесом, моим ориентиром было бы не качество людей, а количество. Чем больше людей, тем больше голосов или денег. Но мне

не интересно ни то, ни другое. Мне интересно двигаться в сторону поставленной цели. Для этого нужна живая команда. Если политическую партию можно создать из кого угодно, деньги плати, и будет тебе партия, то живую команду можно создать только из реальных сторонников идеи. Показатель реальности — ваши ориентиры в текущей жизни.

Чтобы найти таких людей, я излагаю свое видение практики максимально конкретно, не обходя острых углов и не делаю реверансов в сторону старой морали. Если вы морально не готовы жить новыми ориентирами, у нас нет с вами темы для разговора.

СЕДЬМАЯ ЧАСТЬ НАСТУПЛЕНИЕ

Детонатор

Предлагаемая мной стратегия выпукло и зримо видна на фоне водородной бомбы. В двух штрихах опишу принцип ее действия. Водородный взрыв — термоядерная реакция, где ядра атома водорода на огромной скорости врезаются друг в друга. В результате часть водорода превращается в гелий, а часть высвободившихся элементов становится чистой энергией, образующей водородный взрыв. Этот процесс называется термоядерный синтез.

На этом принципе, например, работает наше Солнце. Его ядро — это термоядерный реактор, где водород частично превращается в гелий, а частично в энергию. Гравитация не дает ядру звезды разлететься, что гарантирует стабильную термоядерную реакцию.

Чтобы запустить термоядерную реакцию, нужна температура в миллионы градусов. Дает такую температуру атомный взрыв. Ядро атома образуют протоны с положительным зарядом и нейтральные нейтроны. Протоны отталкивают друг друга, но сила, называемая сильной атомной силой, сжимает их, не позволяя разлететься. Если разбить атомное ядро, образующие его элементы начнут разлетаться, разбивая другие ядра. Цепная реакция высвободит сильную атомную силу, сжимающую протоны — произойдет атомный взрыв.

Чем больше протонов и нейтронов образуют атомное ядро, тем легче его разбить. В уране-235 и уране-238 соответствующее число протонов и нейтронов образуют ядро. Первый уран позволяет запускать контролируруемую реакцию, и потому служит топливом ядерных реакторов, а второй считается оружейным, потому что дает неконтролируемую реакцию — атомную бомбу.

В конструкции водородной бомбы атомная играет роль детонатора. Ее взрывает температуру в миллионы градусов. Такая температура запускает термоядерный синтез — происходит водородный взрыв. Без атомной бомбы водородную взорвать невозможно.

Идея преодоления старости и смерти подобна водородной бомбе. Идея освободить человека от работы и гарантировать прожиточный минимум, подобна атомной бомбой. Как невозможно запустить процесс превращения водорода в гелий, не создав прежде температуру в миллионы градусов, так невозможно активировать большую идею, преодоление смерти, не активировав прежде малую идею — отрицание труда.

В теории можно запустить процесс превращения водорода в гелий без температуры в миллионы градусов, через химическую реакцию. Называется это холодный ядерный синтез. Но на практике это пока ни у кого не получилось. Пока это чистая теория.

В теории можно увлечь человечество идеей преодоления смерти, обращаясь только к его разуму. Можно надеяться, что люди осознают угрозу, бросят то, чем они сейчас занимаются, и переключатся на решение проблемы. Но это исключительно в теории.

На личной практике я убедился, что это невозможно. Буквально вчера мне казалось, что достаточно изложить людям логику, и процесс пойдет. Я рассуждал, что разумному человеку свойственно реагировать на осознанную опасность. Если в доме пожар, он ищет выход, а не усаживается ужинать или не укладывается спать. Если корабль тонет, люди не

по каютам расходятся с тем, чтобы успеть их убрать, а ищут выход. Может они его и не найдут, но разговор не о результативности, а о стремлении найти решение.

Но все это верно в теории. На практике люди не имеют стремления найти выход. Оставшееся до смерти время они целиком и полностью посвящают поиску денег, вещей, текущим и бытовым делам, развлечениям или ничегонеделанию типа лежания на диване и смотрения в потолок. Люди вели себя как сумасшедшие пассажиры Титаника, которые, осознав приближение смерти, не нашли более важного дела, чем уборка каюты.

Если человек видит проблему, сознает последствия, хочет их избежать, но при этом ведет себя так, словно никакой проблемы нет, минимум, можно диагностировать потерю связи с реальностью. Максимум, он сошел с ума, и не отдает отчета своим действиям.

Все прекрасно знают о предстоящей старости и смерти. Никто ничего не делает и не собирается. Все считают игнорирование смертельной опасности нормальной реакцией на нее. Получается, все люди сумасшедшие? Но нет, глядя на их рациональное поведение в других вопросах, на развитие и прогресс, не получается всех назвать сумасшедшими.

Ничего не остается, кроме как объяснить неадекватное поведение тем, что у людей стоит блок, запрещающий думать на эту тему. Как ребенка никогда не интересует, почему нельзя, для него достаточным аргументом является, что информация исходит от родителя, так и людей не интересует, почему тема смерти табуирована. Для них достаточно, что нельзя. Если все всегда старели и умирали, и это считалось нормой, на приближающуюся старость и смерть люди смотрят как на норму. Попытка поколебать ее упирается в блок.

Снять блок никакой логикой и фактами невозможно. Максимум, вы можете задать человеку вопросы, рвущие его шаблон. Например, спросить, как бы он хотел состариться и умереть? По своей воле или по независящим от него обстоятельствам?

Никто из тех, с кем я говорил, не выразил желания умереть против своей воли. Даже верующие, кто считает, что жизнь продолжается за гробом, и те в итоге соглашались, что были бы не против отправиться на тот свет по своей воле, а не по чужой.

Были, кто говорили, что хотели бы умереть, когда их час придет — по воле случая или Бога. Но стоило развернуть тему и показать им, что при угрозе смерти они стремятся избежать ее, т.е. проявляют свою волю, а не вверяют себя случаю и Богу, все в итоге соглашались, что да, желание уклоняться от смерти у них есть.

Самые упертые говорили, что смерти нет, что человек никогда не умирает. На мое возражение, что моя бабушка умерла, они отвечали, что всё это моя иллюзия, что никто не умирает и не рождается. В основном это поклонники восточных учений типа адвайты, дзогчен, буддизм и прочие. Их утверждения не лишены смысла, но тут нет возможности полноценно их рассмотреть (эти темы планирую рассмотреть в 4-й книге). Тогда я вставал на их точку зрения и говорил, что никогда не появлялось и не исчезнет, что было, когда их сегодняшней личности не было. Говорил, что то, чем они в данный момент являются — это однажды появилось и однажды исчезнет. С этим они соглашались. Далее проблема сводилась к тому, что я, осознающий себя в этот момент, если захочу исчезнуть и перейти в то нечто, что было, когда меня не было, то хотел бы, чтобы этот переход произошел по моей воле. Выяснялось, что они тоже хотели бы так — по своей, а не чужой воле.

Я всегда выигрывал дискуссию. Все рано или поздно соглашались, что глупо знать об опасности и не реагировать на нее. Но стоило мне предложить от слов перейти к делам, как люди впадали в транс и пели мантры: не-нами-смерть-заведена-не-нам-ее-и-отменять; наши-предки-умирали-и-мы-будем-умирать; живем-один-раз-живи-здесь-и-сейчас.

Максимум, чего мне удавалось добиться от человека, это вынудить его согласиться с тем, что неплохо бы не стареть и жить сколько хочешь. Но чтобы взяться за реализацию этого «не плохо бы» — тут полный тупик. Все согласятся, в том числе и вы, уважаемый читатель, что цель стоит того, чтобы постараться. «Что без «старания» не обойдешься — это одинаково сознавалось всеми; но всякому казалось не в пример удобнее, чтоб за него «старался» кто-нибудь другой» (Салтыков-Щедрин, «История одного города»).

Аналогичный блок стоял у средневекового человека на тему чумы. Если бы ему кто сказал, что неплохо избавиться чумы, он задумчиво потянул бы: да..., неплохо. Но стоило его позвать подумать над реализацией его желания, как у него включилась бы точно такая же реакция, какая включается у моих современников на тему смерти. Он бы молитвенно зашел: «пребываю-в-воле-Бога-всмогущего-и-уповаю-на-него-и-не-мыслю-противиться-ему-и-смиряюсь-уготованной-мне-судьбе-Аминь». В общем, поговорили...

Реакция средневекового человека исходит из его мировоззрения, согласно которому причина чумы — всемогущий Бог. Он насылал ее в виде наказания. Идея искоренить чуму равна идее противиться воле всемогущего Бога. Это само по себе абсурдно, пока человек верит в Бога. Всемогущество непреодолимо (в противном случае это не всемогущество).

Реакция современного человека на идею преодоления смерти не имеет основания в мировоззрении. Он не может ни на Бога сослаться, потому что отрицает его, ни на законы природы, потому что не существует законов, гарантирующих старение и смерть. Есть живые организмы, которые не стареют и не умирают (кому интересно — погуглите).

Современная вера в невозможность преодоления смерти самая слепая из когда-либо существовавших, и при этом самая сильная. Она как бетонная плита придавила людей, и они под ее весом признали абсолютное всемогущество смерти. На каком основании — никто не скажет. Есть в этом что-то от религии с её истовой, не рассуждающей верой...

Я потратил более 10 лет на попытки запустить идею преодоления смерти «холодным способом» — обращаясь к разуму людей, но не смог. Я подумал, может это только у меня не получается, потому что я что-то неправильно делаю. Тогда я решил посмотреть, как продвигались другие идеи мировоззренческого масштаба. И увидел, что холодный способ, обращение только к разуму, ни у кого не сработал.

Все мировоззренческие идеи, когда-либо охватывавшие мир, активировал принцип термоядерного синтеза — атомный взрыв активировал водородный. Сначала создавалась температура на идее малого масштаба, и потом, когда она охватывала критическую массу, начиналась глобальная реакция — активировалась мировоззренческая идея.

Общеизвестно, что через пять миллиардов лет Солнце потухнет и известный мир прекратит свое существование. Допустим, есть идея предотвратить это, но реализовывать ее нужно начинать сейчас, и никто не сомневается в этом. Но все равно за его реализацию никто не возьмется. Потому что масштаб идеи превышает временный шаг человека.

Людам все равно, что будет через тысячу или тысячу миллионов лет. Как сказал король Франции Людовик XIV: «После меня хоть Потоп». У дикарей все цифры больше 10 называются «много». У современного человека всё возможные события за рамками видимого горизонта обозначается фразой: «далекое будущее».

Реальность для людей то, что пропорционально их мироощущению и временному шагу. Когда люди увидят, что реализация идеи улучшит их текущую жизнь, есть шанс, что они могут собраться вокруг нее, и, достигнув критической массы, получить результат. Но пока люди не увидят практической пользы для себя, ни о какой реальной силе нельзя вести речи. То, в чем люди не видят своей выгоды, о том они могут только поговорить.

Исключений из этого правила нет. Даже занятия математикой, оперирование тем, чего в реальности не существует, цифрами, подчинено этому закону. Кто не получает от занятий математикой удовольствия (это квинтэссенция выгоды), тот ею не занимается.

У водородной бомбы детонатор — атомная бомба. У мировоззренческой идеи детонатор — социальное недовольство. Например, детонатором коммунистической идеи было неравенство. В религиозную эпоху люди принимали тот факт, что граф и его дети от рождения выше детей рабочего, ученого, крестьянина и купца, потому что так устроил Господь Бог. Зачем — про то Церковь ничего не говорила. Пути господни неисповедимы.

С утратой веры такое объяснение не проходит. Возмущение неравенством нарастает семимильными шагами. Коммунисты концентрируют протестную энергию. Когда число сторонников достигает критического объема, под нее подводится идея коммунизма. Если

бы большевики сразу призывали к переустройству мира и Пожару Мировой Революции, никто бы за ними не пошел. Но они начали с идеи бытового равенства.

Аналогичная ситуация с христианской идеей. Собирали людей не слова Христа про радости рая и горести ада в загробной жизни, а идея равенства, подкрепленная чудесами (по воде ходил, мертвых оживлял, воду в вино превращал, и так далее). Не важно, что это было: чудо, инсценировка, массовые галлюцинации, слухи и прочее. Главное, что массы в это верили, что создавало фон для его заявлений по любви и равенство. В христианство потянулись толпы из низших социальных слоев империи. Критическая сумма униженных и оскорбленных людей сыграла роль детонатора для христианского мировоззрения.

Американскому гангстеру Аль Капоне приписывают фразу «С пистолетом и добрым словом вы добьетесь намного большего, чем только добрым словом». Ее перефраз: «С чудесами и умным словом вы добьетесь намного большего, чем только умным словом».

Как для современного состояния науки невозможен холодный ядерный синтез, так для современного состояния человечества невозможно принять идею преодоления смерти разумом с переходом на практику. Я уверен, в будущем наука реализует идею холодного ядерного синтеза. Я так же уверен, что однажды человечество разовьется до уровня, когда глобальной идеи будет достаточно для поиска ее решения. Но то и другое будет потом.

Пока же нужно признать за факт, что идея преодоления смерти активизируется только через идею пожизненной выплаты, когда человек имеет необходимый для жизни минимум только в силу того, что он человек. Как древнегреческий гражданин имел такую гарантию в силу того, что он гражданин. Эта цель намного ближе людям. У нее потенциал атомной бомбы. Она даст миллионы сторонников — энергию для идеи преодоления смерти.

У меня есть идея религиозного масштаба. Но на ней стоит блок. Призывать людей к ее реализации бесполезно, потому что блок стоит. Человек боится смерти от COVID-19, но совершенно равнодушен к смерти как таковой. Можно сколько угодно иронизировать на эту тему, но ситуация от этого не меняется — люди не видят опасности. Точнее, видят, но она не активизирует внутри них желания решать проблему.

Для активации идеи бессмертия нужен детонатор — малая идея, реализация которой дает человеку практическую пользу в его текущей жизни. Вчерашние идеи, поднимавшие людей на баррикады, из серии «свобода, равенство, братство» выхолощены и опошлены. Если их кто сегодня и юзает, то исключительно коммерсанты от политики.

В роли детонатора вижу борьбу за право не работать и иметь гарантию от общества на прожиточный минимум. По логике, с ростом эффективности производства должен пропорционально расти процент свободных от труда людей. Рабский труд в античные времена освобождал от работы определенный процент общества. Машинный труд может освободить от труда во столько больше людей, во сколько машина эффективнее человека.

Вместо этого мы наблюдаем обратный процесс: эффективность труда растет, а процент свободных от труда людей падает. Объяснить это можно только негармоничной системой распределения производимых благ: 10% населения контролируют 90% ресурсов.

Основой античной экономики был принудительный труд рабов и принудительные налоги с пораженных в правах свободных людей. Политической силой были свободные полноправные граждане, распоряжавшиеся произведенным системой продуктом (распределяли ее между собой или направляли на решение каких-то общественных задач).

Основа современной экономики: принудительный труд машин (они в роли рабов и их в широком смысле именно принуждают к работе); наемный труд (роль метеков исполняют трудовые мигранты, а банавсоев — работники по найму коренного населения), с них принудительно собирают налоги. Статус, аналогичный древнегреческому гражданину сегодня принадлежит политической элите, которая распоряжается благами, производимыми обществом. С той разницей, что в Древней Греции к пользе общества, а в современной системе к своей пользе, что выливается в потребление напоказ.

Сегодня принципиально иной механизм формирования элиты. Демократия древних греков и культ героя исключали изменение социального статуса за деньги. Либеральная

демократия и культ потребления гарантируют богатому человеку статус элиты. Как следствие, на вершине социальной пирамиды оказывается весьма экзотическая публика. Пожалуй, единственное, что ее роднит с древнегреческой элитой и бросается в глаза — это такое же презрение к наемным работникам, как раньше к рабам, метекам и банавсоям.

Та жизнь, какой живет большинство, в корне неправильная, рассчитана не на людей, а на ботов. Чтобы люди жили такой жизнью, система делает из них ботов, блокируя их развитие. Точно так же муравьиная матка блокирует развитие муравьев, превращая их в вечных рабов. Рабочие муравьи — это муравьи, заторможенные на подростковом уровне. Каждый муравей, если дать ему развиваться, мог бы стать муравьиной маткой. Но матка не дает, воздействуя на него специальной секрецией, которую выделяет всю жизнь.

Аналогично и люди, система блокирует их развитие, вчера через религию, сегодня через СМИ. В итоге люди принимают все как должное и не мыслят иного. Тысячелетиями нам внушали: кто не работает, тот не ест; труд возвышает человека; труд из обезьяны сделал человека; «труд избавляет от скуки, нужды и порока» (Вольтер). И мы привыкли...

Система на словах говорит людям «вы свободны». На делах большинство в клетке необходимости делать то, чего не хочется, но нужда заставляет. Вся их свобода сводится к выбору, какой ненавистной работе отдать свою жизнь. Работа пожирает людей.

Реальная свобода — это когда человек имеет возможность заниматься тем, чем ему нравится. И если кому-то нравится лежать на диване и смотреть в потолок, пусть лежит и смотрит. Это такое же право человека, как право размышлять на онтологические темы.

Как только люди осознают, что мир может быть устроен совсем иначе, система начнет генерировать протестную энергию. Далее останется только структурировать ее и направить на демонтаж старого мира, как в прошлом направили на феодальный мир.

Наш интерес в освобождении людей, в их развитии, очевиден: чем больше людей проснутся от сна, который длится несколько тысячелетий, тем больше шансов достигнуть поставленной цели — знаний, которые дадут всемогущество и как следствие, бессмертие.

Наш первый шаг: донести до социума простую мысль: технический прогресс сделал возможным распространить понятие «гражданин» в древнегреческом смысле на огромное число людей. Мешает этому в первую очередь противоречие современной ситуации и системы. Существующая система создавалась под условия докомпьютерной эпохи. Новым условиям нужна новая система. Отрицание церковной морали добавит нам ветра в паруса.

Локомотив

Основных препятствий на пути к цели два. Первое: уверенность большинства, что это невозможно. Люди уверены не потому, что проанализировали проблему и пришли к такому выводу, а потому что попросту не думали про это, и не собираются думать.

Второе препятствие: политическая элита. Если переделать паровоз в тепловоз, КПД локомотива сильно вырастет, но машинист паровоза останется не у дел. Так как он не хочет выпасть из системы, то всегда будет против переделки старой модели в новую.

Для феодалов старая система была источником всех их благ, и потому они были против ее смены на более современную систему. Им бесполезно было доказывать, что при новой системе большинство будет лучше жить. Для них это был не аргумент. Причина банальная: всякая жизнь защищает источник своего питания. Пусть феодализм плохой, но для тех, кого он кормит, это будет самая лучшая система из всех возможных.

Аналогично и для сегодняшней элиты существующая система лучшая из возможных по той простой причине, что она источник их благ. Для них не аргумент, что большинству в новой системе будет лучше. Для них аргумент, что они потеряют источник своих благ.

Если большая часть общества желает получить свое благо, для чего нужно изменить старую систему, а меньшая желает сохранить свое благо, для чего требуется сохранить систему, возникает столкновение двух стихий — двух стремлений к благу.

Пока меньшинство, получающее выгоды от старой системы, может сохранять ее, она будет сохранять. Но по мере развития их возможности будут падать, а возможности сторонников новой системы расти. Как бы элита не противилась новому, в любом случае ее сметет ход истории. В наших силах эволюционную скорость сменить революционной.

Для этого нужно открыть глаза на ситуацию, преодолеть косность мышления и думать за рамками привычки. Пока люди не думали, что социум можно организовать принципиально иначе, они не видели иного способа организации общества, кроме как в феодальную модель. Это казалось им единственно возможным, а потому естественным и нормальным. И пока такой взгляд доминировал, глобальные изменения были невозможны.

Но как только критическое число людей увидело, что можно намного эффективнее и справедливее устроить общество, у старого мира не осталось шанса. Система до этого генерировавшая энергию стабильности, стала генерировать протестную энергию. Этой энергией начали надуваться сторонники кардинальных преобразований. Когда скопился критический объем протестной энергии, она преодолела сопротивление старого мира.

Аналогично и сегодня, пока люди не допускают мысли, что можно построить мир, гарантирующий человеку прожиточный минимум, старой системе ничто не угрожает. Но как только они увидят, что в идее жить за счет труда машин не больше невероятного, чем в античном мире жить за счет труда рабов, мир начнет генерировать протестную энергию. Она сокрушит старый мир точно так же, как до этого феодальную конструкцию.

Первый шаг в этом направлении — побудить как можно больше людей объективно взглянуть на тот факт, что они тратят свою жизнь на работу. Если волк ни одной минуты не работает волком, он всю жизнь живет волком, то человек, венец творения, никогда не живет человеком. Он всю жизнь делает то, что может сделать машина. Жить человеком — это делать то, чего не может сделать машина — творить. Низший вариант творчества — потребление. Если нет особых талантов, то лучше жить потребителем, чем работником.

До настоящего времени говорили, что труд из обезьяны сделал человека. Реально ровно наоборот, труд из человека делает обезьяну. Человек обретает черты той деятельности, какой занимается. Чтобы не сомневаться в этом, посмотрите на лица людей, занимающихся монотонным примитивным трудом. Или на лица чиновников, работающих по алгоритму как компьютеры — на них все написано. Люди похожи на машину. «Ты это то, что ты делаешь. Если ты делаешь скучную, тупую, монотонную работу, скорее всего ты сам станешь скучным, тупым и монотонным». (Боб Блэк «Упразднение работы»).

Чтобы активировать протестную энергию, нужно объяснить, что машина — это аналог античного раба, с тем отличием, что он делает в миллион раз больше, и никогда не бунтует. При эффективном распределении создаваемых «железными рабами» благ можно воссоздать античные принципы, в первую очередь гарантию на жизнь вне зависимости от того, работает человек или нет. Для уловления и структурирования энергии отрицания труданужен класс, максимально восприимчивый к этой идее. Он выступит как ледокол, прорубающий колею во льдах старого мира. За ним потянутся широкие массы.

Вчера неделей назывался выходной день — не делать. Понедельник — день после неделания. С приходом христианства выходной стали называть воскресеньем (Христос из мертвых воскрес). А неделей стали называть все семь дней. Пришло время вернуть неделе первичный смысл. И раз «день недели» буквально означает день неделания, и так каждый день недели называются, получается, человек во все дни не должен работать.

В прошлой эпохе протестную энергию уловил рабочий класс. В наше время эту роль выполнит новый класс: «прекариат» (от англ. precarious, «неукрепленный»). Формально к нему относятся все, кто не уверен в завтрашнем дне: все варианты свободных художников, фрилансеры, студенты, сезонные работники, мигранты, пожилые люди, инвалиды, хакеры, мелкие уголовники, бытовые мошенники, проститутки, игроки и иные мало защищенные слои населения. Все без стабильного дохода, живущие случайными заработками, не имеющие социальных гарантий, оплачиваемого больничного, отпуска, медицинского страхования и прочее — все это прекариат.

Сегодня прекариат представляет собой неоднородную кашеобразную человеческую массу разобщенных, не организованных, не защищенных и без будущего людей, которым нечего терять и которые не представляют в глазах системы никакой ценности.

Вчерашние элиты видели в бесправных людях полезный материал. Феодалы видели в крепостных домашнюю скотину, а капиталисты смотрели на рабочих как на полезный расходный материал, которым они свои фабрики как дровами топили — сгорали одни, брали других. Сегодня элиты видят в прекариате не собственность, расходный материал или бесполезную массу. Сегодня они видят в нем опасность, которого лучше бы не было.

Вчера развитие капиталистической системы пополняло ряды рабочего класса, а сегодня ряды прекариата. Новый класс готовится выполнить свою историческую роль точно так же, как вчера ее выполнила буржуазия относительно феодалов. Система в своем развитии производит своего могильщика. «*Последние станут первыми*» (Мф.19,30).

Определив контуры будущего локомотива, рассмотрим его внимательнее, как Маркс рабочих, разделив их на пролетариат и люмпен. Термин «пролетариат» уходит корнями в Древний Рим, граждане которого делились на группы. Знатные и имущие назывались патрициями; незнатные и малоимущие — плебеями. У кого из плебеев не было ничего, в графе «имущество» писал «дети» (лат. «*proles*»). Отсюда название *proletarius* (буквально «производящий потомство» — римских граждан). Второе значение слова *proles* — мужские гениталии. Буквально пролетарий — это ху@владелец (к женщине по аналогии — п@здавладелица). Для современного уха это звучит униженно, но если не забывать, что это были хоть и нищие, но римские граждане, за которыми стояла самая мощная в мире империя и они производили римских граждан, ситуация смотрится несколько иначе.

Главный признак пролетариата, передового отряда революции: существование за счет продажи своего труда. Маркс и Энгельс делают множество оговорок, определяя, кого считать пролетариатом, кого нет. Например, балерина продает свой труд, но относится ли она к пролетариату? Для моей цели это не имеет значения, и потому не буду углубляться.

Остальную часть рабочих, не определяемых пролетариатом, куда входили слабые, бездарные и не самые умные люди, Маркс назвал люмпен (от нем. *lumpen*, «лохмотья»). Часть люмпенов была встроена в систему, и выполняла черную работу. Другая часть была за рамками системы — нищие, уголовники, проститутки и прочие отбросы общества.

Первая часть люмпенов мечтала о небольшой прибавке к зарплате, низких ценах на продукты и ЖКХ. Люмпены второй категории мечтали в рамках своего источника дохода. Нищие мечтали, чтобы им побольше милостыни подавали; уголовники мечтали кошелек потолще украсть; проститутки грезили о богаче-клиенте, который их в жены возьмет. Но так как зарплату люмпенам не повышали, подавание было скромным, толстые кошельки редко попадались, а клиенты не торопились брать в жены, люмпены были недовольны. Это делало их революционным элементом, при любой возможности кусающим систему.

Масштаб действия равен масштабу цели, а масштаб цели равен масштабу идеи (теории). До теории коммунизма пролетариат не мог организовать выше профсоюза. В таком виде он был безопасен для властей, а для капитала полезен. Как Рим через Церковь контролировал христианскую массу, заворачивая контроль в церковные лозунги, так капитал через профсоюзы контролировал рабочую массу, заворачивая это в борьбу рабочих за свои права. Но как только пролетариат получил мировоззренческую теорию, он за короткое время превращается в грозную силу, грозящую перевернуть мир.

Современный прекариат неоднороден. В нем есть как активные, умные и творческие люди, сознательно не желающие встраиваться в систему, но не знающие, что делать. Такие пополняют ряды маргиналов. Есть безынициативные люди без талантов и не очень умные, желающие встроиться в систему. Такие тоже пополняют ряды маргиналов.

Все родились и выросли в идейном вакууме. Система приучила их мечтать в рамках быта и обыденности. С такой прошивкой они не могут организовать в серьезную силу, действуя в режиме хобби. Такой режим определяет характер их действий: дурацкие и карикатурные формы протеста. Например, на так называемых европервомайских

демонстрациях, периодически проходящих в западных странах, они несут лозунги в стиле: «Мы против системы»; «Сделайте нашу жизнь лучше». Но они не в состоянии сказать, что нужно делать, чтобы их жизнь стала лучше? В чем дефект существующей системы? Что нужно устранить или добавить к существующей системе, или на какую другую ее заменить? Все их требования сводятся к «дайте денег», т.е. увеличьте социальные пособия и расширьте список бесплатных услуг. Добиваются они своих требований придурковатой и шутовской борьбой: учат желающих, как себя вести, если поймали на краже в магазине, как зайцем ездить в метро, бесплатно ходить в кино, в чем тонкости питания на помойках, как путешествовать автостопом и защититься от холода с помощью газет.

Для сравнения, целью пролетариата была новая цивилизация. Соответственно, учил он не как зайцем ездить и на помойке быть первым, а как свергнуть правящий класс. Так было не потому, что в рядах пролетариата было больше умных людей, а среди прекариата их нет, а потому что у пролетариата была книга (теория), а у прекариата ее нет.

Тут аналогия с жилищем, кто строит шалаш, тот может сразу начинать, никакого чертежа с расчетами ему не нужно. Но чем больше задуманный вами дом, тем больше нужны расчеты. После определенного уровня без чертежа невозможно к делу приступить.

Аналогично и с социальным протестом, если под ним нет теории, его невозможно направить против системы. Максимум, против своего места в системе и требования его улучшить. Такой протест не может подняться выше обличения чиновников-казнокрадов со взяточниками, возмущения падением нравов и требования снизить тарифы ЖКХ.

Прекариат даже на требования уровня трэд-юнионов не способен. Он обречен быть кашеобразной стихией, скрывающий свою зависть к тем, против кого выступают. Потому что нет теории. Но как только она появится, все быстро преобразится, как у пролетариата, в среду которого попали профессиональные революционеры, вооруженные теорией. Они четко представляли, что делать, и это создало силу, сокрушившую империю.

Серия книг «018 Секс, Блокчейн и Новый мир» выполнит для прекариата такую же функцию, какую «Капитал» выполнил для пролетариата. Они дадут ему почву, на которой вырастет аналог профессиональных революционеров: костяк революционного движения.

В этой роли вижу тип людей, кому глубина интеллекта и масштаб мышления не позволяют жить потребителем. Они хотят смысла. Кто найдет его в моих книгах, те станут носителями идеи. Вокруг них пойдет кристаллизация будущей структуры.

Назову таких людей аниматорами (от лат. *anima*, душа). Они как древнегреческие киники, нищие философы, чьи амбиции и мечты за рамками бытового счастья. Они могли бы продавать себя на рынке труда, и как следствие, увеличить свое потребление, но цена — лишение творческой и интеллектуальной свободы. Они выбирают свободу, платя за нее потреблением по минимуму, но зато не работают, не ждут пятницы с отпуском. «Пусть нету ни кола и не двора/ Зато не платим королю налоги» (м/ф «Бременские музыканты»).

Низший слой прекариата — бездарные и слабовольные люди, копия люмпенов. У них нет нужды выражать себя как личность, свобода в этом смысле им не нужна. Все их желания — потреблять, как в кино показывают. Все их цели в рамках обыденности.

Назову этих представителей прекариата хибесами (от лат. *hebes* — поверхностно, тупо, скучно). Как и люмпены, они делятся на две части — на встроенных в систему и не встроенных. Встроенные — это офисный планктон. Их мечты: дороже продаться на рынке труда (но увы, они недорого стоят). Не встроенные хибесы — это криминальный элемент. Все их мечты сводятся как украсть побольше, но не знают где. Они как цыган, который слышал, что на рынке фьючерсов и деривативов можно украсть миллионы, но он не знает, что это за рынки и как туда попасть. Потому воруют на базаре.

Вечная неудовлетворенность рождает у хибесов протестные настроения. Они винят систему и выступают против. Реально они не против системы, а против своего места в системе. Дай им место получше, и они будут очень за систему. Но так как не дают, этот тип является таким же революционным элементом, каким сто лет назад были люмпены.

Остальные сторонники идеи переложить работу на плечи машин — промежуточный вариант между аниматорами и хибесами. Кто какую роль сыграет в нарождающемся процессе — очень индивидуально. Крупные игроки внесут свою лепту, мелкие свою. Кто никакой лепты не внесет, тот не идейный сторонник, а пустой болтун.

Маркс говорил: «Теория становится материальной силой, как только она овладевает массами». Не совсем верно. Идея не может овладеть массами, так как они не способны ее усвоить. Максимум, масса способна усвоить лозунг. Идея становится материальной силой с появлением слоя людей, усвоивших идею и организовавшихся в команду для ее реализации. Если для достижения цели им нужны массы, они транслируют идею на них в виде лозунгов. Масса сама по себе никогда не является силой, так как по природе ведомая.

Идея становится истиной, когда люди делают ее истиной. Идея Гитлера, что немцы сильнее всех, не верна, потому что Гитлер проиграл. Если бы победил, истина была бы иной. Но он проиграл. Аналогично и с предложенной мной идеей, ее верность зависит не только от умозрительных концепций, но и от практического результата. Потому я делаю такой большой упор на практику. Я не хочу вести бесконечные разговоры на тему, где какой бантик в моей теории криво висит, с людьми, не способными по своей конституции перейти от слов к делу. Сказанного достаточно, чтобы понять направление, и принять его и встать в строй, или не принять и стать врагом. А дальше... Война покажет план.

Воронка

В обществе есть запрос на свободу. Настоящая свобода — когда нет подневольного труда. Провозглашение идеи отрицания труда активизирует энергию свободы. Невозможно сказать, во что структурируются собравшиеся вокруг идеи люди. Полагаю, возникнет субкультура, синтез древнегреческого гражданина и пролетариата времен Ленина, когда идея коммунизма превратила его в профессионального революционера.

Древняя Греция создала условия, родившие класс, не просто не желавший работать, но с презрением относившийся ко всякому действию, определяемому работой. Свободные греки или служили, или делали то, что лично им приятно — развлечение, обучение, досуг. И это дало небывалый взлет человеческого гения, который до сих пор не превзойден.

Научно-технический прогресс позволяет переложить еще больше работы на плечи современных рабов — на машины. Это гарантирует возникновение класса, стремящегося уклониться от работы в той же мере, в какой стремились древнегреческие граждане.

Сегодня для огромного числа людей мотивом работать являются не голод и холод, а желание имиджевого потребления, соответствия эстетическим и культурным стандартам. Кто не ощущает желаний соответствовать потребительским шаблонам, на одежду смотрит как на функционал, а на еду как способ насытиться, тому нет смысла работать. Вот из таких людей можно создать команду, которая установит право человека не работать.

Реализация глобальной идеи требует государственного ресурса. Для его получения нужны Люди и Деньги. Люди первичны. Чем больше людей, тем больше они своим весом будут как бы проминать воронку в социуме. Чем больше воронка, и тем активнее в нее потекут люди и деньги. Это сделает еще больше впадину, размер и скорость людского и финансового потока вырастет. Рост ресурсов будет умножать рост ресурсов.

Для визуализации процесса представьте эластичный батут, по которому ровно разлита вода. Положим на него железный шар. Он продавит вмятину в батуте, куда начнет стекать жидкость. Под весом прибывающей воды воронка будет еще шире и глубже. Это вызовет еще больший приток воды. В итоге вся вода не соберется в этой воронке.

Это явление можно назвать социально-финансовой гравитацией, по аналогии с физической гравитацией. Чем тело тяжелее, тем оно сильнее проминает пространство. Вокруг него образуется впадина, в которую сваливается/притягивается материя.

Если уловленное гравитацией тело двигалось с высокой скоростью, оно искривляет свой путь и движется дальше. Если скорость движения средняя, уловленное гравитацией

тело начинает крутиться по краю воронки — по орбите. Если скорость тела была мала, оно падает в центр воронки, увеличивая тем самым массу тела, образующего притяжение.

Масса тела пропорциональна массе удерживаемых на орбите объектов. Это в равной степени касается как физической, так и социально-финансовой гравитации. Размер группы пропорционален массе удерживаемых в сфере влияния людских и материальных ресурсов.

Все разворачивается по стандартной схеме. Сначала возникает точка — учение, и его носитель — один человек. Это ничтожная вмятина на мировом батуте, способная притянуть, максимум, несколько человек. Они объединяются вокруг идеи в устойчивую группу и еще больше проминают батут. В него тонким ручейком потекут люди и деньги.

Одно умножает другое. Однажды число сторонников достигнет критического размера. У кого есть миллион солдат, к тому выстраивается очередь из желающих дать миллион мечей. Социальная гравитация начинает захватывать в орбиту крупных игроков.

С этого момента ситуация выходит на качественно иной уровень. Возникает воронка, способная вместить в себя все мировые активы, т.е. вобрать в себя весь мир. Воспрепятствовать поглощению мира может только воронка с сопоставимой гравитацией.

Первые последователи Христа создали на батуте Римской империи малую воронку. Поначалу ее гравитации хватало для притяжения единиц. Народ потек тоненькой струей в эту впадину — воронка росла. Когда число христиан достигло критического значения, гравитация стала притягивать крупных фигур, и в итоге втянула самого императора. По размеру христианская впадина могла вобрать в себя весь мир. Если бы в VI веке в мире не возник ислам, создав вторую глобальную воронку, весь мир стал бы христианским.

Аналогично первые последователи Маркса создали на батуте Российской империи небольшую впадину. В нее потек тоненький ручеек. Впадина становилась глубже и шире. Вскоре она достигла размера, притянувшего крупных мировых фигур и соответствующие финансы, и с этого момента росла по экспоненте. Сначала втягивает царскую Россию, потом полмира. Если бы на ее пути не встали демократии Запада, проминавшие на мировом батуте такую же воронку, русский коммунизм вобрал бы в себя всю планету.

Нарушить закон социально-финансовой гравитации так же невозможно, как закон всемирного тяготения — он прописан в коде программы, образующей нашу реальность. Для физической гравитации не имеет значения, из чего состоит тело, из золота или говна. Важна только масса. Для социально-финансовой гравитации не имеет значения, вокруг чего собрались люди и какого они качества, умные или глупые, богатые или бедные, старые или молодые и прочее. Важно только число людей и устойчивость группы.

Еще одно примечательное свойство гравитации — она действует не независимо от воли людей. Наглядно это иллюстрирует орден францисканцев. Он возник в XIII веке и собирал людей, имеющих намерение нищенствовать во славу божью — жить как Христос и апостолы на подаяние и ничего не иметь в собственности. Когда таких людей собралась критическая масса, заработала гравитация: собрание нищих стало притягивать финансы. В итоге орден превратился в одну из самых богатейших организаций мира.

Деньги — волшебная палочка материального мира, финансовая отмычка от земных замков. Бытовые и торговые люди используют ее мощности для обустройства быта, что имеет примерно ту же степень эффективности, как использование древними китайцами пороха для фейерверков. Идейные люди используют этот потенциал для строительства нового мира, что сравнимо с использованием пороха европейцами, в результате чего они демонтировали феодальный мир и построили на его месте новый — капиталистический.

У денег женская природа. Нам не надо бегать за ними. «Чем меньше женщину мы любим/ Тем легче нравимся мы ей» (Пушкин «Евгений Онегин»). Как Луна притягивается к Земле, а Земля к Солнцу, так деньги притягиваются к большой и устойчивой группе.

Задача первого этапа — Привлекать и Удерживать. Собирать людей и строить из них устойчивую конструкцию. Все остальное будет следствием. Будут люди — будет всё. Не будет людей — не будет ничего. Строительство социальной конструкции подобно многоэтажке — сначала фундамент, далее костяк и на него навесные элементы. Пока нет

фундамента, приступить к возведению первого этажа невозможно. Пока нет костяка, навесные элементы не к чему прикреплять. Если собирать их в кучу в надежде как-нибудь скрепить, надежда не оправдывается — вместо команды недолговечная толпа получится.

Итак, на первом этапе нужны люди, которых можно скрепить между собой в костяк. На какой тип людей ориентироваться сейчас, когда ничего нет, кроме идеи? Начну с того, что собрать конструкцию можно только из свободных элементов. Намного проще строить здание из кирпичей, сложенных в кучу, чем из кирпичей, встроенных в другое здание. Если первые можно сразу брать и складывать в стену, то вторые нужно сначала вырвать из здания, в которое они встроены, и только потом складывать из них другое строение.

Самый эффективный и быстрый способ создать организацию — ориентироваться на максимально свободных людей. Из людей к чему-то привязанных так же сложно собрать команду, как из кирпичей, встроенных в разные здания, собрать новое здание.

Встроенные в систему люди не могут собраться по тем же причинам, по каким не могут люди в одиночных камерах или собаки на цепи. Для объединения им прежде нужно сломать решетки и порвать цепи. Пока этого не случилось, они могут переписываться про революции соцсетях после работы, но от слов перейти к делу не могут. Работают...

Но где взять свободных, если мир состоит из встроенных в систему людей? Каждый к чему-то привязан. Кого называют успешными людьми, те привязаны к источнику своего успеха. Кто не определяется как успешный, те привязаны к семье, работе, друзьям. Даже те, кто, кажется, ни к чему не привязан, различные маргиналы и субкультуры, при более внимательном рассмотрении привязаны к образу жизни, к которому они привыкли.

Но если все к чему-то привязаны, значит, желающим войти в нашу команду, нужно рвать цепи. Успех этого мероприятия пропорционален мотиву. Без него человек не шагнет в нашу сторону. Потому что, а зачем? Да и нам зачем человек без мотива?

Сила мотива пропорциональна уровню понимания идеи и социальной гравитации. Кто загорелся идейным огнем, для того гравитация не имеет значения. У него есть мотив, достаточный для разрыва цепей. Но это исключения, и про них нет смысла говорить. *«Дух дышит где хочет»* (Ин.3,8). Кто не горит, для того гравитация имеет решающее значение. Но пока команды нет, батут никто не проминает. Пока у нас нулевая гравитация.

Из этого следует, что целевая аудитория первого этапа — у кого идея является мотивом, достаточным для разрыва цепи. Первыми порвутся самые тонкие цепи. Из них образуется первичная команда, которая создаст минимальную гравитацию. Она поможет порвать более толстые цепи. Придут новые люди, что еще больше увеличит гравитацию.

Изгой

Размышляя о целевой аудитории первого этапа, я прихожу к выводу, что идеальные кандидаты — это кого сегодня называют нищобродами, а вчера звали голодранцами. Я не говорю, что нищета — достаточное условие. Помимо нее нужны таланты — воля, разум, глубина и масштаб мышления, творчество, интеллектуальная смелость свобода от шаблонов. Если ничего этого нет, есть только нищета — для нас эти люди представляют нулевую ценность. Но я говорю, что кому нечего терять, кроме своих цепей, тому порвать цепи старой жизни легче, чем скованному и обвязанному бытовыми и золотыми цепями.

Ни одна мировая религия и мировое идейное движение не начались со встроенных в систему успешных людей. Иудаизм, христианство, ислам, гуманизм и коммунизм — все начались с максимально неуспешных людей — с рабов и нищих. Они образовывали первичную группу, проминавшую социальное пространство. Это порождало первичную гравитацию. Начиналась цепная реакция, длившаяся, пока не доходила до предела.

Иудаизм начался с Моисея, старого нищего пастуха, увлекшего за собой египетских рабов. Из Египта в пустыню с ним не вышло ни одного успешного человека — богатого купца или знатного вельможи. Все как на подбор были ниже низшего — рабами.

С кого началось христианство? По слову римских чиновников, с самой презренной и постыдной части общества — с нищих, рабов, бродяг, воров и проституток. Основатель движения, Иисус Христос, был нищеводом по убеждению, и от других требовал того же.

Когда к нему пришел богач, *«Иисус сказал ему: если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи и следуй за Мною. Услышав слово сие, юноша отошел с печалью, потому что у него было большое имение. Иисус же сказал ученикам Своим: истинно говорю вам, что трудно богатому войти в Царство Небесное; и еще говорю вам: удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие»*. (Мф, 19-21-24).

С кого начался ислам? Его основатель Мухаммед был зажиточным купцом, но его первые последователи были из беднейших слоев населения. Эти люди были негативно настроены против диктатуры арабской аристократии, и им нечего было терять.

Кто положил первый камень в практическое здание гуманизма? Нидерландские гёзы (в переводе нищие). Эту презрительную кличку им дали испанские феодалы, под властью которых были Нидерланды. На тот момент Испания была примерно как сегодня США. Но объединившиеся в кулак нищеводы оказалась сильнее мировой империи.

Кто первым на практике приступил к реализации коммунистической теории? Босота — люди, которым нечего было терять, кроме своей паскудной жизни. Они объединились и такую запредельно эффективную команду, что сокрушили Российскую империю.

На приведенные факты можно сказать, что нищеводы не сами собрались, что была организующая сила, которой понимают источник финансирования. Я на это скажу, что деньги пришли потом. Сначала собирается миллион солдат, и только потом к ним выстраивается очередь из желающих дать миллион винтовок. Наоборот не бывает.

Как ни крути, а сначала демонстрация потенциала и устойчивости, и только потом у носителей стратегических ресурсов проявляется интерес к группе. До этого команда сама себя должна кормить и искать ресурсы на минимальную деятельность. Если она не может себя прокормить, значит, она не живая. Показатель жизни — способность прокормиться.

Все мировые религиозные и светские движения начинали с того, что жили и росли во враждебной среде. Их никто не кормил, они сами обеспечивали себя. И только потом, когда в них увидели потенциал, к ним потекли активы. Наоборот силы не может родиться. Если наоборот, сначала ресурсы, и потом сила, это получится не живая сила, а что-то типа пластмассовой игрушки, которая работает, пока подключена к финансовой розетке. Стоит отключить ее от розетки, как пластмассовая игрушка умирает. Есть области, для которых такие игрушки хороши. Но для построения нового мира они точно не годятся.

Костяк могут составить молодые, умные и талантливыенищеводы, относящиеся к деньгам так, как вы к игре на скрипке. Уверен, вы не против, если завтра проснетесь, и опа-на, умеете играть на этом инструменте. Но вы против тратить свое время и силы на обучение игре. Аналогично и с деньгами, эти люди не против денег и очень даже за. Если завтра вдруг им на счет упадет кругленькая сумма, они обрадуются. Они против тратить свое время и силы на приобретение денег. Они не хотят работать за деньги. За идею — да, но за деньги — 100% нет. У них есть более интересное приложение своих сил.

Когда человек стоит на такой позиции, у него не может быть материальных активов. Он осознает отсутствие перспектив и принимает это как норму. Он живет случайными заработками, питается бич-пакетами, нет семьи, детей и ипотеки. Он чужой для системы, и каждый поодиночке — пустое место, презируемое вписавшимися в систему людьми. Но собравшись вокруг идеи, такие люди будут силой, противостоять которой невозможно.

В сторону успешных, богатых и знаменитых нам нет смысла даже смотреть. Кто в эпоху надвигающихся перемен ставит на фигур, вписанных в старую систему, тот похож на тех, кто в начале 1789 года ставил на короля Франции и его аристократию. Или кто в начале 1917 года ставил на царя России и его двор.

Вписанные в систему люди верят в свою несокрушимость. Они или сами власть, или близко к ней, или у них много денег. Но история свидетельствует, что это вообще никакая

не гарантия, их с легкостью сметают с шахматной доски. И больше всего именно им. Прошлые радости не смягчают сегодняшнего горя, а скорее, делают его еще горше.

* * *

На примере революционных событий, развернувшихся в российской империи более ста лет назад, посмотрим, какая часть населения играла решающую роль. Для начала скажу, что царская система культивировала желание стать чиновником, военным и ученым точно так же, как сегодняшняя система популяризирует торговлю. Как в нашем мире не важно, чем торговать, рекламой, тракторами или услугами, важно, что торговля заявлена путем к успеху, так в царской России было не важно, кому служить, Богу, государству или науке, важно, что служащий по статусу был выше торгующего.

Параллельно власть лишила такой возможности талантливых, умных, авантюрных и масштабных людей — евреев. Они были поражены в правах на том основании, что у них неправильная национальность. Их зажали чертой оседлости, не принимали в университет, запрещали госслужбу, в армии они не могли подняться выше младшего офицера.

Система вошла в клинч сама с собой — она формировала обществу желания, и тут же лишала одну из самых активных частей возможности реализовать их. Власть оставила евреям единственный социальный лифт: революционный. Иных способов насытить свои амбиции, творческие, интеллектуальные и материальные желания не было.

Столыпин по этому поводу говорил царю, что паровой котел перегрет, и если не спустить пар, он взорвется. Эту же мысль до царского правительства со всех сторон и в разных формах доносили все, кто видел ситуацию, мог ее анализировать и делать выводы.

Из сказанного власть услышало только одно: евреи являются главным источником революционных кадров. Кто-то подсказал царю самое идиотское решение проблемы, какое только можно было придумать: выдавить евреев из России.

В осуществление этой стратегии на поток ставится измышление диких историй из серии: евреи воруют христианских младенцев, убивают их, пьют кровь и добавляют ее в мацу (разновидность хлеба). Как тут не вспомнить слова Геббельса, что чем чудовищнее ложь, тем легче массы в нее поверят. Именно это и происходит с невежественной массой борцов за Русь святую — ужасные истории про евреев инициируют еврейские погромы.

Насколько масса верила в них, можно судить по самым просвещенным людям того времени. По Достоевскому, например. В его романах и статьях есть места, где он касается этой темы, и она всегда подвешена. Автор никогда не говорит, правда это или чудовищная ложь. Например, «Братья Карамазовы» содержат диалог Алеши и Лизы, где она спрашивает, правда ли, что евреи убивают христианских младенцев? И получает ответ: «Не знаю». Это Достоевский говорит устами Лизы: не знаю. Если Достоевский стоит на такой позиции, что говорить о народе, который толком читать не умеет?

У народа нет критического мышления. Как слепой котенок беспомощен перед шакалами, так народ перед пропагандистами. Сейчас это видно на фоне бушующей в мире пандемии COVID-19. Массы в этот период совершают за пределами нелепые поступки (например, туалетную бумагу скупали) и находятся во власти самых диких слухов.

Например, простые люди уверены, что никакого вируса нет и «все это мериканцы придумали», чтобы всем чипы вставить и в рабов превратить. Или что никотин и алкоголь защищают от вируса, хотя наука говорит обратное. Зачем «мериканцам» неэффективные рабы-люди, если «железные рабы» (машины) в миллион раз эффективнее? Если бы массы могли анализировать информацию, они бы увидели, что слухи про безопасность вируса запускают те, кто несет убытки от карантина (их потом подхватывают простецы), а слухи про пользу никотина и алкоголя исходят от торговцев этой продукцией. Но увы, анализ ситуации массе недоступен, и потому такие вопросы им в голову не могут прийти.

Как сегодня народ в своем праведном гневе не способен увидеть несурязиц слухов, так в начале XX века он был неспособен увидеть несурязицу историй про евреев, пьющих кровь христианских младенцев (не брезгующих и кровью взрослых христиан). Простецы

свято верят, что слухи про евреев — чистая правда. Сомневаться в этом невозможно, потому что.... Дальше идут домашние заготовки, приготовленные пропагандистами.

Накаченные небылицами люди неведаяют сомнений. Они яростно и сладострастно шли громить еврейские дома под лозунгом «бей жидов, спасай Россию!». Безграмотные погромщики не знали, что мать Христа — Дева Мария (Богородица), была чистокровной еврейкой. Соответственно, ее сын, даже если его отцом был не муж его матери, по матери тоже еврей (евреи определяют национальность по матери). Все апостолы были евреи (за исключением апостола Луки, он единственный был греком). Но откуда массе это знать... Назвать нацию Христа, его матери и апостолов для них будет означать, богохульствовать.

Топорное выдавливание евреев из России дает такой же обратный эффект, какой Рим получил при давлении на христиан. Чем сильнее давили на евреев, тем шире поток в революцию. Власть своими руками сделала из еврейства кузницу революционных кадров.

Конспирологические теории о роли евреев в революции, смешны. Ларчик просто открывается: движущей силой революции евреи стали, потому что на них давили. Давили бы, например, на татар — они бы были движущей силой. Но давили на евреев...

Когда на политической доске возникла серьезная сила, к ней со всех сторон потекли ресурсы. Процесс стал необратимым. Когда революция победила, евреи сполна отплатили своим гонителям. У Робеспьера под нож пошли аристократы не по причине личной вины, а потому что, как он говорил, им не было места в воображаемом Робеспьером мире. В России под нож пошли русские офицеры, инженеры, учителя, священники, писатели и прочие не только потому, что им не было места в советской России в той же мере, в какой евреям не было места в царской России. Еще они шли под нож преимущественно потому, что юноши в кожаных куртках, сыновья портных, часовщиков и прочих традиционно еврейских специальностей, всей душой ненавидели дворян, русскую интеллигенцию и культуру. И с наслаждением уничтожали ее. Перебор был отчасти мезьюза погромы.

Еще в защиту резни могу напомнить слова Ленина «История — мамаша суровая». У кого рука не поднимается действовать по ситуации, останавливают связанные с этим жертвы, у того в итоге будут еще большие жертвы. Пришедшие к власти в Испании в 30-х годах XX века коммунисты не репрессировали ключевые фигуры своих противников, благородно оставив многих генералов на своих местах. В итоге получили гражданскую войну и потеряли власть. Большевики же уничтожали всех, кто представлял опасность для их власти, что в итоге обеспечило невиданный в истории рывок СССР.

Но ядром таких решений и последующих действий было угнетенное в царской России меньшинство. Угнетенные всегда двигатель разрушительных процессов. Все идет по одному сценарию. Сначала возникает сто человек, и их разгоняют дубинками. Из этого появляется тысяча, и их разгоняют газом. А вот со ста тысячами разговаривают. Их уже не тронут — им будут обеспечивать безопасность. К миллиону будут бежать, кто первый присоединится. Не важно, в какой стране образовался миллион бойцов. Важно, что к ним всегда очередь из желающих дать миллион мечей. Ничего личного, просто политика.

Теперь с высоты сказанного смотрю на современную ситуацию и задаюсь вопросом: кто сегодня является гонимым меньшинством? К какому типу людей сегодня относятся несправедливо, уничижительно и презрительно? Кого негативно оценивают не за личные качества, а за принадлежность к определенной группе людей? На кого показывают пальцем и называют обидными словами?

В царской России такими были евреи. Их отличал внешний вид, манера поведения и образ жизни. На них пальцем показывали, грязными словами обзывали, презрительные клички давали, и зачастую при удобном случае к ним применяли физическое насилие.

В современном мире это люди, чьи сексуальные вкусы не вписываются в церковные нормы. Как вчера евреи скрывали свою национальность, чтобы избежать проблем, так сегодня люди с индивидуальными интимными вкусами скрывают свои вкусы в сексе.

Царское правительство брало за основу положение, что русские, татары и другие национальности имеют право на публичное выражение своих религиозных чувств, а евреи не имеют. На вопрос, почему, ответ был в стиле: евреи исповедуют веру, носители которой Христа распяли, и потому она противна человеческой природе. А христиане или мусульмане исповедуют религии общечеловеческого характера, и потому имеют право на массовые акции. Проще говоря, они не пьют кровь христианских младенцев, а евреи пьют.

Современное правительство берет за основу положение, что гетеросексуальные люди имеют права публично заявлять о своих интимных предпочтениях, а люди с другими вкусами не имеют. На вопрос, почему, ответ в стиле: люди с интимными вкусами вне церковных стандартов не соответствуют естеству, потому что это не ведет к зачатию. А вкусы гетеросексуальных людей имеют естественный и общечеловеческий характер.

Сказанного достаточно, чтобы определить направление кадровой политики... Нам не нужны люди, считающие церковные нормы в сексе истиной. Не нужны люди, для кого христианская/общечеловеческая мораль является такой же абсолютной, как для Канта. Нам нужны люди, кто способен взять за ориентир не то, что ему привычно, а то, на что ему разум указывает как на истину. Нет смысла в людях, не способных идти за истиной.

Предыстория

Мне представляется полезным для нашего дела рассмотреть становление партии большевиков. Началось оно со времен парижского похода Александра I, когда он после поражения Наполеона в 1812 году пошел со своей армией в Париж. Из этой затеи в 1825 году возникли декабристы, желавшие устроить Россию на манер Франции. К концу века Россия была насыщена различными революционными группами и партиями.

В 1883 году в Женеве русские марксисты Игнатов, Дейч, Аксельрод, Плеханов и Засулич основали первую российскую марксистскую группу «Освобождение труда». Эти лица были бы ничем непримечательны, если бы не шутка истории, связанная с их фамилиями, которые, если назвать их в другом порядке, запоминаются на всю жизнь: **Плеханов, Игнатов, Засулич, Дейч, Аксельрод**. Почему я уверен, что вы запомните их? А вы прочитайте первые буквы фамилий. Все, с этого момента никогда не забудете. Вы можете не запомнить фамилии, но с каких букв начиналась каждая — это навечно.

В 1898 году в Минске создали РСДРП (Российская социал-демократическая рабочая партия). До 1900 года ее деятельность сводилась к благообразным спорам интеллигенции на тему светлого будущего и прекраснотушным мечтаниям о всемирном братстве. Одни ходили по центральным улицам с красной гвоздикой в петлице (на окраины не совались). Другие теракты совершали против царя и крупных чиновников. Третьи избирались в депутаты. Как первое, так второе и третье, было крайне не эффективно.

В 1900 году Ленин основал газету «Искра». На то время это был передовой способ распространения информации. Газета решала три задачи. Во-первых, продвигала идею. Во-вторых, совместная деятельность организовывала людей в команду. В-третьих, газета пополняла партийную кассу. В начале XX века средняя зарплата была около 50 рублей. Газета «Искра» выходила 1-2 раза тиражом около 10 тыс. экз. в месяц и продавалась примерно по 25 коп. В среднем это давало около 15 тыс. рублей, т.е. 300 средних зарплат. Плюс добровольные пожертвования и иная помощь от сторонников и симпатизирующих.

Ленин пишет, что «Газета — не только коллективный пропагандист и коллективный агитатор, но также и коллективный организатор»; «При помощи газеты и в связи с ней сама собой будет складываться постоянная организация, занятая не только местной, но и регулярной общей работой, приучающей своих членов внимательно следить за политическими событиями, оценивать их значение и их влияние на разные слои населения, вырабатывать целесообразные способы воздействия на эти события со стороны революционной партии. Одна уже техническая задача — обеспечить правильное снабжение газеты материалами и правильное распространение её — заставляет создать

сеть местных агентов единой партии, агентов, находящихся в живых сношениях друг с другом, знающих общее положение дел, привыкающих регулярно исполнять дробные функции общерусской работы, пробующих свои силы на организации тех или иных революционных действий. Эта сеть агентов будет остовом именно такой организации, которая нам нужна: достаточно крупной, чтобы охватить всю страну».

Когда человек действует в режиме хобби, отдавая делу по остаточному принципу, у него нет шанса достигнуть выдающихся спортивных, коммерческих, политических, научных и любых других результатов. Все меняется, когда любительский подход сменяет профессиональный. Люди теперь отдают делу львиную долю своего времени и сил. Это неизбежно сказывается на качестве работы, а значит, на результате.

Принцип профессионализма – «служащий алтарю с алтаря кормится». Кто кормится не с алтаря, иными словами, не зависит от результата своей работы, тот будет львиную долю своего времени и сил отдавать тому, с чего кормится. Другие дела подсознательно будет воспринимать развлечением. К развлечению подходят по остаточному принципу. Если же деятельность источник статуса и питания, к ней уже совсем другое отношение.

Газета очень способствует прекращению разброда и шатания. Многоступенчатая, всесторонняя и самое главное, систематическая работа, делает партию большевиков не просто очередной политической тусовкой, а небиологической формой жизни. Партия сама себя кормит и прирастает новыми участниками, как живой организм новыми клетками.

Впоследствии большевики всегда стремятся быть на гребне новых технологий. Чего стоит выступление Ленина на броневике, освещенного прожектором. Чтобы понимать, чем это было для того времени, нужно помнить, что люди тогда из кинозала убегали, видя на экране мчащегося на них поезд. Освещенный электрическим прожектором человек, стоявший на броневике и говоривший о наступлении новой эры, где все будут друг другу братьями, производил сильнейшее впечатление. Вряд ли с этим сравнится самое крутое современное лазерное шоу. Я затрудняюсь сказать, что нужно сделать сегодня, чтобы вызвать схожие по качеству и силе эмоции. Наверное, нужно выступление инопланетян.

Все это позволяло перейти от любительской работы к профессиональной. Люди концентрировались на деле не эпизодически, а систематически. Успех побуждает Ленина взять курс на опыт Французской революции 1789 года и идеологов радикализма (Ткачев, Нечаев и другие). Ткачев предлагал уничтожать всех старше двадцати пяти лет лишь за то, что они носители старой жизни (как Робеспьер аристократов). Впоследствии он «смягчил» свою теорию, сказав, что будущие правители определят, кого оставить жить.

Нечаев говорил, что революционер принадлежит не себе, а революции, и потому все вопросы должен решать, исходя из пользы делу революции. Например, убивать надо исходя не из соображений виновности человека, а насколько это полезно делу революции.

По этой логике получалось, если некто вопиюще истязает народ, но при этом как-то полезен революции, и польза эта несомненна (например, накаляет революционную обстановку), убивать его не нужно. А вот если некто делает много полезного для народа, но его убийство будет несомненно полезно делу революции, его нужно убить.

Он распространял этот принцип не только на посторонних, но и на своих. Если свой попал в беду, решение об его спасении должно приниматься, исходя не из возможностей, а из ресурсов, необходимых для спасения. Если окажется, что необходимые для спасения ресурсы могут принести больше пользы, если направить их на другое дело, то от спасения следует отказаться. Потому что наша цель — революция, а не спасение товарищей.

Революционную силу могут образовать только люди, несовместимые с системой, и потому по своей природе ориентированные на разрушение государства. Идея является их знаменем, под которым они борются с системой, не имея другого варианта существовать.

Как силу огня определяет не его цвет, а как сильно он жжет, так революционную силу определяют не моральные качества людей, а эффективность их действий против системы. Поэтому главный революционный элемент в первую очередь не те, кто понимает

идею коммунизма, а кто пусть ничего не понимает, но кого система ставит в условия, когда оптимальным направлением является разрушение старого мира.

Все получалось точно по открытым Гегелем законам диалектики, когда тезис, система, породила свой антитезис, своих могильщиков, противостояние которых давало синтез — новый мир. Если тезисом был капитализм, а его антитезисом пролетариат, то головой пролетариата естественно становилась самая угнетенная нация России — евреи. Второй после них революционный элемент: уголовники и деклассированные элементы.

В «Катехизисе революционера» Нечаев писал: «Поэтому, сближаясь с народом, мы прежде всего должны соединиться с теми элементами народной жизни, которые не переставали протестовать не на словах, а на деле... против всего, что прямо или косвенно связано с государством... Соединимся с лихим разбойничьим миром, этим истинным и единственным революционером России»

Ленин называет Нечаева титаном революции. Он находит верным идти к цели, взяв за ориентир именно цель. Такое движение неизбежно будет противоречить старой морали, но Ленин говорит, что нравственность вне классового понятия отрицается. В политике нет морали, есть только целесообразность. Поэтому он никогда не смотрел на свои заверения как на обязательства. Это был чистый маквивеалист: говорил то, чего требует ситуация, но делал то, чего требует ситуация. Если ситуация требовала идти направо, а говорить, что «нужно идти налево», Ленин призывал идти налево, но на практике шел направо.

В 1903 году на съезде РСДРП Ленин призывает бороться против царя, игнорируя его законы. Большинство проголосовало за программу Ленина. Меньшинство отказалось от вооруженной борьбы в пользу парламентской — борьбу против царя разрешенными царем методами. Внутри партии по этой линии происходит раскол.

Не поддержавших инициативу Ленина людей можно понять — трудно отказаться от пути, часть которого они уже прошли с величайшим трудом, и начинать заново — идти в новом направлении. Для кого принцип «добро есть то, что ведет к цели» неприемлем, те кучкуются вокруг Мартова, сторонника легитимной борьбы, и называются меньшевиками.

Вокруг Ленина спланиваются те, кто превыше всего ставил цель. Официально эта группа стала называться «большевики»: единый организм профессионалов с железной дисциплиной и невероятной самоотдачей. Поэт сказал о них: «Гвозди б делать из этих людей/ Крепче б не было в мире гвоздей». (Н. Тихонов, «Баллада о гвоздях»).

В том же 1903 году Ленин выходит из газеты «Искра», полностью переключаясь на новые методы борьбы, в духе Робеспьера, Нечаева и Ткачева. Ленин считал нравственным все, что служит революции, а безнравственным все, что мешает ей. Фанатичное следование теории пронизывает всю его деятельность. В этом смысле он был титан. «Что же собственно до меня касается, то ведь я только доводил в моей жизни до крайности то, что вы не осмелитесь доводить и до половины, да еще трусость свою принимали за благоразумие, и тем утешались, обманывая себя» (Достоевский, «Записки из подполья»).

Вождь пролетариата пишет: «Мы знаем: то, чего мы хотим, никто не может сделать, кроме нас». Что революции не сделаешь в белых перчатках, и браться за нее должны только те, кто готов оплачивать издержки. Революция — экстремальная ситуация. Ее неотъемлемая черта — все постоянно меняется и круто поворачивает. Чтобы соответствовать ситуации, нужно делать крутые повороты вслед за ней. Во время координации действий приходит новый опыт, понимание и информация.

Была одна ситуация, и власть коммунистов была прекрасноразумна и настроена на вселенскую любовь. Когда враги новой власти устроили террор, и сложилась другая ситуация, на контрреволюционный террор нужно было или отвечать красным террором, или сдавать власть. «Мы говорим: нам террор был навязан... Если бы мы попробовали... действовать словами, убеждением, воздействовать как-нибудь иначе, не террором, мы бы не продержались и двух месяцев». (В. Ленин).

Призыв подчинить себя своей цели на словах звучит хорошо. Но на деле это крайне трудно и порой невыносимо. Люди хотят делать то, к чему расположена их природа, к чему привыкли и на чем руку набили. Всякий поворот для большинства жутко труден и рождает отчаянное сопротивление. Каково это, от демонстрации любви переходить к расстрелу невинных заложников? Но если вы не способны действовать по ситуации, если готовы делать только то, что вам приятно и привычно — вы не за свое дело взялись.

Реальность отрезвила большевиков. Они четко усвоили, что враги никогда не сложат оружия. Единственный способ утвердиться — уничтожить врагов, не дожидаясь, когда они предоставят повод. Уничтожать не отдельных личностей, а классы, как Робеспьер аристократов. Оптимальные условия для этого создавала гражданская война.

Ленин говорил, что «демократическая диктатура... есть не организация порядка», а организация войны. Троцкий уточнял, какой именно войны: «Советская власть — это организованная гражданская война».

В рамках этой максимы Ленин пишет, что сначала нужно поддержать крестьянина против помещика, а потом, и даже параллельно, пролетариат против крестьянства. На первом шаге реализации этого проекта он обещает крестьянам землю, побуждая их отнимать ее у сельских богачей. Это приводит к расколу общества и запускает процесс самоуничтожения крестьянства. Во время встречи с Расселом Ленин хвастал, как ловко он запустил процесс самоуничтожения крестьянства — бедные стали вешать богатых, а богатые убивать бедных. А ему оставалось только сидеть и наблюдать за процессом.

В рамках реализации второго шага, стравливания пролетариата с крестьянством, он запускает продрозверстку: отряды рабочих получают право изымать хлеб у крестьян. Это ведет к ожидаемой реакции: по России вспыхивают бунты. Начинается гражданская война, самый эффективный способ физического уничтожения неугодных элементов.

В 1920 году Ленин на III съезде коммунистической молодежи сказал: «В каком смысле отрицаем мы мораль, отрицаем нравственность? В том смысле, в каком проповедовала ее буржуазия, которая выводила эту нравственность из велений бога... Всякую такую нравственность, взятую из внечеловеческого, внеклассового понятия, мы отрицаем. Мы говорим, что это обман, что это надувательство и забивание умов... Мы в вечную нравственность не верим и обман всяких сказок о нравственности разоблачаем».

Нарком юстиции СССР Крыленко говорил: «Мы должны казнить не только виновных. Казнь невинных произведет на массы даже большее впечатление». Если казнь невинных производит мобилизующий эффект, стимулирующий на то, чего народ в обычном состоянии сделать не может, это действие в масштабе государства есть добро.

Лацис, видный советский чекист, писал для коллег: «Мы не ведем войны против отдельных лиц. Мы истребляем буржуазию как класс. Не ищите на следствие материалов и доказательств того, что обвиняемый делом или словом против советской власти. Первый вопрос, который мы должны ему предложить, — к какому классу он принадлежит, какого он происхождения, воспитания, образования или профессии. Эти вопросы и должны определить судьбу обвиняемого. В этом — смысл и сущность красного террора». Его позиция по морали и гуманизму недвусмысленно выражена в словах: «Для нас нет и не может быть старых устоев морали и «гуманности», выдуманных буржуазией для угнетения «низших классов». Наша мораль новая, наша гуманность абсолютная...».

Читая такие откровения, кажется, какой ужас — казнить невинных людей. Но все встает на свои места, если поставить себя на место революционера и задать себе вопрос: какая моя цель? Рушить старое общество, чтобы на его месте построить новое, или старой морали соответствовать, чтобы в рай попасть или шаблонам подчиниться? И ответить на него, не обманывая себя. Если моя цель строить новое, а церковная мораль мешает, что мне нужно делать? Преодолеть мораль и идти к цели? Или отказаться от цели, чтобы соответствовать морали? Зачем идти к цели — тут все понятно, она вытекает из взгляда на мир, который ты, коммунист, считаешь истинным. А зачем соответствовать морали, если она вытекает из христианского мировоззрения, которое ты, коммунист, отрицаешь?

Человек может взять за ориентир любую цель и идти к ней не как бот на шаблоне, не по установленной в него программе. А может руководствоваться разумом. Последнее в глазах тех, кто живет старыми шаблонами, всегда выглядит бесчеловечно и ужасно.

С точки зрения церковной морали Робеспьер, Нечаев, Ленин — чудовища. Но с точки зрения дела, когда новое можно построить на месте старого не иначе, как сломав старое, других вариантов нет, указанные фигуры оказываются правы. Они ломали старое не потому, что оно плохое, а потому что являлось препятствием на пути к цели.

Чтобы взглянуть на ситуацию глазами носителей идеи, представьте инфекционных больных. Вылечить их нельзя, болезнь передается легко, убивает гарантированно. Если все пустить на самотек, вскоре миллиарды людей погибнут и цивилизация исчезнет.

Допустим, решение зависит от вас, и оно будет исполнено. Сначала вы пробуете найти гуманное решение. Когда обнаружите, что ни вакцины создать нельзя, ни просто изолировать больных, потому что их слишком много, а болезнь с каждым днем убивает все больше и больше людей, каковы будут ваши действия? Общество ждет защиты.

Больные в этой ситуации ничем не отличаются от солдат вражеской армии. Как они не виноваты, что их послали на войну, так больные не виноваты, что заболели. Но общество не интересуется происхождением опасности. Его интересует защита от опасности.

В этой ситуации вы или сами примите решение уничтожить невинных больных, или возникнет сила, которая примет такое решение. В обществе такая инициатива найдет полное понимание и одобрение. А вас как нерешительного руководителя, погубившего миллионы людей, отправят к больным (иначе говоря, на гарантированную смерть).

Когда в Венеции в XIV веке разразилась чума, Боккаччо описывал поведение людей не лучшим образом. Он писал, что брат был оставлен братом, племянник дядей, отцы и матери отказались от своих детей. Люди вели себя, как если бы все были незнакомцы.

Ничего не хочу сказать плохого про людей, но они ведут себя по ситуации. И на высокие слова из теплого кресла можно не обращать внимания. Как только теплое кресло сменит экстремальная ситуация, абсолютное большинство (а оно по демократии есть источник истины) забудет все высокое и будет ориентироваться на свое благо.

Коммунисты смотрели на людей, инфицированных идеями старого мира как вы на больных чумой. Находя идеологическую инфекцию смертельно опасной для нового мира и для себя лично, они искали способ защититься. Ориентировались на эффективность, но по возможности и про гуманность не забывали. Например, гильотина была придумана из гуманных соображений. В революционный период поток людей, заразных старым миром, рос по экспоненте. Палачи, рубившие головы топором, не справлялись со своей работой. Они уставали и промахивались, причиняя жертве дополнительные страдания. Гильотина решила этот вопрос. И как ни чудно это звучит, но это было гуманно.

О природе человека и общества красочно говорят многочисленные факты, связанные с любовью к гильотине. Люди заранее занимали места в первых рядах, чтобы наблюдать, как будут гильотинировать осужденных, чтобы им в глаза заглядывать. Появились женщины, не покидавшие места казни, и в промежутках между казнями вязавшие чулки (за что были прозваны трикотеусы). Бизнес откликнулся на спрос и появились малые, но вполне рабочие гильотины для детей, на которых они могли рубить головы грызунам и прочим мелким животным. Так что национальная бритва, как ее называли, пришлась по вкусу не только Робеспьеру, но и самым тихим и скромным жителям первой республики.

Каганович охарактеризовал массовые аресты и казни словами «мы снимали людей слоями». Это вело восстания, для подавления которых нужны были фанатики, настолько уверенные, что их дело правое, что не остановились бы ни перед чем, хоть младенцев перебить, как это сделали воины царя Ирода во времена Христа. Чтобы верно понимать, с какой истовостью велось дело, скажу, что среди убитых оказался и сын Ирода. Император Август по этому поводу сказал: «Лучше быть свиньей Ирода, чем его сыном».

С одной стороны, коммунисты не признавали ценности выше человека, и в этом они настоящие гуманисты. С другой стороны, они смотрели на абстрактного человека как на расходный материал и приносили человеческие жертвы своему кумиру — коммунизму.

Вся разница между коммунистами и верующими — в объекте поклонения. Страсть служения своему кумиру была одинаковая — готовность принести в жертву всё, начиная с себя, как многострадальный Иов, и своих детей, как святой Авраам, и заканчивая миром.

Троцкий говорил: «Придет время, и нас попросят уйти с Земли, но, уходя, мы так хлопнем дверью, что небо упадет на землю». Ошибся он в том, что когда время пришло, у коммунистов были возможности, у СССР было атомное оружие, но яиц не было, чтобы хлопнуть дверьми. Ушли люди, крепкие как гвозди. Остались мягкие как говно...

Большевики брали за образец для подражания методы Церкви. Она умела находить вину не только у живых, но даже у мертвых. Например, в IX веке из могилы выкопали целого Папу римского Формозу и устроили ему трибунал. В СССР пошли еще дальше — вместе с преступником осуждали его родственников. За что? За то, что они родственники.

Кажется, при чем тут родственники? С личностных позиций ни при чем. Но если смотреть с другого масштаба, оценивать с позиции не морали, а эффективности, через это Сталин запряг элиту в оглобли государства, что объясняет фантастический рывок СССР.

В 20-х - 30-х гг. темпы индустриализации были реально ошеломительными. Часто это объясняют энергией народа, поднятой большевиками со дна сознания и подсознания. Да, энтузиазм был, но решающим было то, что Сталин кнутом и пряником заставил элиту работать на государство. И элита уже придумала то, что совершило чудо в экономике и технике. Кнут был в продлении личной ответственности на семью нарушителя. Одно дело тебя посадят. Совсем другое дело, когда твою жену и маленьких детей. Пряником были огромные материальные блага: служебная машина, квартира, дача, талоны на продукты и прочее. Пока высокопоставленные лицаработали на государство, они и их семьи имели все, о чем в то время можно было мечтать. Но если лишили своего места, вместе с ним и члены его семьи лишались земных благ, свободы, а зачастую и жизни.

Если оценивать технологию не через призму гуманизма, а с позиции эффективности, казнь родственников, например, террористов, оказывается действенной мерой. Да, люди ни в чем не виноваты. Как ни в чем не виноваты и люди, погибшие от терактов. Если ситуация такова, что невинные в любом случае погибнут, или граждане вашей страны, или родственники террористов, приходится из двух зол выбирать меньшее. Практика Израиля показывает, что сам факт такой угрозы резко сокращает рекрутов в террористы.

В наше сытое, спокойное и ровное время, когда во дворе нет места припарковать личный автомобиль, потому что у всех жильцов личные автомобили, а помойки настолько жирные, что с них можно питаться, и нет проблем выше, чем тарифы ЖКХ и пенсионный возраст, претворение в жизнь нечаевских и робеспьеровских принципов кажется сродни людоедству. Добропорядочный обыватель во время чтения этих строк возмутиться про себя, как можно ради какой-то там идеи убивать невинных людей...

Оставлю пока без внимания вопрос о корнях утверждения, что жизнь человека есть высшая ценность, и никакая идея не может быть выше ее. Обыватель — это бот, и у него по таким вопросам не может быть осмысленной позиции. Какой взгляд ему внушили, на том он и стоит. И в этом он ничем не отличается от обывателя империи ацтеков, который так же возмущался, как можно НЕ приносить в жертву детей, если это помощь богам.

Сконцентрируюсь на том, что всякое действие есть продолжение сознания. Все, что делали большевики, делали не инопланетяне, а вчерашние обыватели. Побудили их к этому не силой, а изменением сознания, привнесением в него новых понятий добра и зла.

Это значит, в обществе есть огромный процент людей, чье сознание невозможно изменить, она умрут в тех установках, в каких выросли. Но есть значительный процент тех, чьи представления о добре и зле наше мировоззрение можно кардинально менять.

Чтобы не было чувства, что большевики — это не правило, а редкое исключение, посмотрим на трудности, с какими столкнулся Петр I, вводя в обиход европейское платье.

На Руси того времени образ мужчины в коротких штанах, чулках и побритый — это образ гомосексуалиста, а женщина в декольте и с непокрытой головой — образ блудницы. Чтобы прочувствовать малую толику, как люди стыдились такого вида, представьте себя, если вы мужчина, одетым в женскую юбку, чулки, туфли, покрашенным и всякими женскими штучками обвешанным. А если женщина, представьте себя в образе яркой проститутки на обочине. И вам в таком наряде предписано постоянно ходить. Это будет сотая часть стыда и срама, какой испытывали верующие люди. Им в таком виде не только по улице предписывалось ходить, но и по дому, и в церковь. Неудивительно, что про Петра пошли слухи, что он Антихрист. По России прокатывается волна бунтов. Люди в это время себя заживо сжигали целыми поселениями, не видя иного выхода. Как попавший в безвыходную ситуацию самурай выходил из нее, делая себе харакири, так православные, оказавшись между, с одной стороны, данной Богу присягой быть верными царю как помазаннику божьему, а с другой между его безбожными, по их мнению, требованиями, запирались в храме на службу, и в конце поджигали храм.

В этот период возникло уникальное явление, известное в России как «вор в законе», т.е. человек, нарушающий закон государства ради того, чтобы остаться в законе божьем. Сейчас этот термин применяют к лицам, занимающихся криминальным бизнесом, но это два кардинально разных понятия. Одно дело, совершать уголовные преступления ради идеи, и совсем другое ради личной прибыли. Так что сегодняшние так называемые «воры в законе» — это никто иные, как коммерсанты. В отличие от обычных коммерсантов бизнес у них рискованный, но дело же не в риске, а в цели. Если рискуешь ради денег, ты именно коммерцией занимаешься. Это своего рода венчурные инвестиции.

Для меня эта история поучительна тем, что новый взгляд на мир способен менять людей до мозга костей. Не всех, но те, кто меняется, их достаточно для того, чтобы вести за собой остальных. Это значит, высшей властью является создатель ценностей: в первую очередь понятий добра и зла, высокого и низкого, красивого и уродливого. Это напрямую зависит от цели, провозглашаемой высшей. Как с религией, высшей целью является рай. Любые действия, ведущие туда, оцениваются добром, а препятствующие — злом.

Новое мировоззрение подобно ледоколу, прорубающему колею в мировоззренческих льдах. Плывущие по этой колее нации и государства подобны торговым судам, идущим в рамках колеи. За рамки они физически не могут выйти, как и плыть в обратную сторону. Так как в колее много судов, и задние напирают на передние, возникает самоконтроль. Никто не может уйти с курса или идти против потока — это физически невозможно.

Власть — это создание нематериальных ценностей, задающих направление потоку. Управление материальными активами на судне, плывущем в колее — это не власть, а заведование хозяйством. Ни у одного завхоза на планете нет возможности сменить курс.

Как идущее вслед ледоколу торговое судно не может выйти за рамки прорубленного во льдах коридора, так правитель не может выйти за рамки системы ценностей. Чтобы судно сменило курс, когда оно плывет по единственной колее в замерзшем океане, оно или само должно стать ледоколом, или должен появиться ледокол, который прорубит новую колею. Других вариантов нет. В роли ледокола может быть только мировоззрение, а в роли носа ледокола, ломающей льды части, может быть только цель, вытекающая из мировоззрения. Без мировоззрения можно двигаться только по старой колее.

Пока у большевиков было мировоззрение, они были последовательны в отрицании Бога, религиозных понятий добра и зла, церковных норм и табу в сексе. Они уверенно говорили, что если корни ограничения в жизни и сексе в воле Бога, а человек не верит в Бога, зачем ему следовать нормам религии, а не своим вкусам и фантазиям?

Устами своих поэтов они говорили, что люди вольны объединяться в любые союзы и иметь любой секс. Советский поэт Иоанн Павлушин писал, что право на репродуктивный секс должны иметь только умные и красивые, это улучшит человеческую породу. Секс же для удовольствия ограничен только фантазией. Он писал: «Мне женщина нужна как тело/ Красивый мальчик для восторга/ А для любви и для экстаза/ Мне нужен чистокровный

пес». На Красной площади участники движения «Долой стыд» устраивали нагишом парады (согласитесь, это покруче гей-парадов, против которых сегодня коммунисты).

Дух свободы отразился на отношении к абортам. СССР первым в мире легализовал аборты. Не обошел он даже архитектуры. Поэт революции писал: «Мы, разносчики новой веры, красоте задающей железный тон. Чтоб природами хилыми не сквернили скверы, в небеса шарахаем железобетон». (Маяковский «Мы идем»).

С утратой мировоззрения и целибольшевицкий ледокол стал превращаться в советское и постсоветское коммунистическое торговое судно. Никто уже не предлагал «прощупать Европу штыками», как говорил Троцкий. Все стали за мир во всем мире. Но на практике это означает отказ от борьбы за идею, что еще более конкретно означает сначала пассивное принятие чужой идеи, а потом и активное, что вылилось в крах СССР.

Спасаясь от угрозы быть раздавленным льдами, бывший ледокол вернулся в старую колею. Но она замерзает, становясь с каждым годом уже. Мир похож на караван торговых судов, скованных льдами. Человечеству нужна новая колея. Чтобы ее сделать, нужен новый ледокол — новый взгляд на мир и новая цель. Старые мировоззрения-ледоколы, разные религии и измы (гуманизмы, фашизмы, социализмы и коммунизмы) не в состоянии проложить новую колею, ибо износились и годятся только на металлолом.

История любого мирового и мировоззренческого движения, не важно, светского или религиозного, говорит, что пока организация имеет мировоззрение и транслирует идею, она живит и растет. Как только трансляция прекращается, движение сдувается.

Чтобы создать идейную организацию, нужно две вещи: мировоззрение и транслятор. Если мы систематически будем транслировать вытекающие из нашего мировоззрения цели, большие и малые, конечные и промежуточные, охватываемое этой информацией общество будет давать сторонников. Положительный результат будет следствием.

У меня есть мировоззрение и вытекающая из него цель: максимальное знание. «Истинное знание — это знание причин». (Ф. Бэкон). Когда мы его получим, то станем всемогущими и бессмертными. Дело осталось за малым — создать транслятор, который будет говорить об этом миру, превращая вчерашних обывателей в наших сторонников.

Бессребреники

Эффективный план действий — это соответствующий ситуации. Для этого нужно глубоко понимать цель и ситуацию, в которой она будет достигаться. Сразу нужно себе на сердце положить не оценивать свои действия через мнение людей. Люди обо всем судят с привычных позиций, и потому мои действия будут полным сумасшествием и развратом.

Если вы равны массе, она считает вас нормальным. Кто выше на полголовы, тот в статусе умного. Если выше на голову — гений. На две головы — сумасшедший. Если еще выше, масса вас не видит, вы для нее не существуете...

Такая оценка не должна смущать. Первый признак нового — с позиции старого оно выглядит невозможным. А кто не только говорит о намерении его реализовать, но и действует, тот сумасшедший. Кто первый сказал, что Земля крутится вокруг Солнца, того современники сочли сумасшедшим. Меня многие считают свихнувшимся. «Они теперь называют меня сумасшедшим, но это — повышение в чине» (к\ф «Скверный анекдот»).

Чтобы сразу настроиться на правильный лад, расскажу про доброго и справедливого короля, правившего в Тридевятом царстве. Как-то он поднялся в башню своего звездочета и узнал, что у него малая зарплата. Возмутившись такой несправедливостью, он велел ему повысить зарплату. Но советник что-то шепнул ему на ухо, и король передумал.

Остановитесь на этом моменте, не читайте дальше. Подумайте, что сказал советник? Не забывайте, что король добрый и справедливый. Звездочет за свои труды по рыночным меркам заслуживал большего жалования, чем имел. Что же такого сказал советник?

Он сказал, что при повышении зарплаты на место звездочета будут претендовать, не кому звезды интересны, а кому деньги интересны. Настоящие звездочеты проиграют в этом состязании. Малая зарплата гарантирует, что на месте звездочета будет звездочет.

Свой и чужой опыт говорит, что при строительстве нового совершается множество ошибок: ничего толком непонятно, технологий нет, двигаться чаще приходится наощупь, во всем страшный дефицит. Решающее значение в таких условиях играет внутренний мотив. Если люди собраны в команду по коммерческому принципу, внутренний мотив у них не активирован. Они подвижны внешней силой (деньгами) и потому недееспособны в отсутствие материального ресурса. Если внутренний мотив есть, материальные ресурсы могут усилить и ускорить движение, но их отсутствие не может остановить движения.

Я не отрицаю значение финансов, но смотрю на них не как на волшебную палочку, а как на инструмент — талоны на игру. Всякий ресурс хорош не сам по себе, а в свое время и на своем месте. Несвоевременный или непропорциональный ресурс вредит делу.

Материальные средства на первом этапе не должны превышать карманный размер. Как Галилею на бумагу для расчетов и улучшение телескопа. Этого хватило, чтобы катнуть первый камень и вызвать информационную лавину, сокрушившую Церковь и вслед за ней цивилизацию. Никакие триллионы не могли бы произвести такого разрушительного воздействия на католическую цивилизацию, какие произвели расчеты, книги и копеечный телескоп Галилея.

В материальном мире размер действия пропорционален размеру ресурсов. Если у человека нет полного понимания, нет охвата всего, нет последовательности шагов (для нового дела это естественно), но в его распоряжении большие материальные ресурсы, он, неминуемо совершит большие ошибки. Так что большие деньги на первом этапе — зло.

Чем больше цель, тем меньше нужно денег на старте для ее достижения. Последнее звучит неожиданно. Мы живем в мире, где все верят, что главное — финансы. Вот как они будут, так все само собой и делается. В рамках этого рождены бытовые мудрости типа, «деньги решают все»; «любой каприз за ваши деньги»; «если проблема не решается за деньги, она решается за большие деньги»; «счастье не в деньгах, а в их количестве».

Все эти премудрости верны в рамках коммерческого и бытового масштаба. На том уровне материальный актив в прямом смысле играет роль волшебной палочки. Надо тебе машину или квартиру, и банковский счет дает желаемое. Но чем выше масштаб цели, тем ниже значение денег. После определенного уровня оно сводится к нулю.

Минус материального ресурса — он заставляет идти проторенными дорогами. Такая дорога ведет только к известному. К неизвестному нет проторенных дорог. Например, в глубине непролазных джунглей Камбоджи располагался гигантский храмовый комплекс Ангкор-Ват. До XIX века он был неизвестен европейскому миру, так как туда не было дорог. Открылся он благодаря людям типа Анри Муо, решившимся идти через джунгли.

Даже в коммерческих проектах деньги могут быть вредны. Все удачные стартапы выросли в условиях финансового дефицита. Нехватка денег не давала идти проторенными тропами и использовать стандартные решения. Приходилось искать нетривиальные ходы, что в итоге открывало новое и давало успех. Плюс финансовый дефицит обнажал слабые места. Ошибки зияли кричащими дырами. Если бы финансы были в изобилии, слабые места конструкции заливались деньгами. Не было бы стимула искать оригинальные решения. Процесс пошел бы проторенными тропами, как паровоз по рельсам. Основная деятельность свелась бы к администрированию. Про такую деятельность можно сказать словами поэта: «Ты такая ж простая, как все/ Как сто тысяч других в России» (С. Есенин).

Если делать как все, в лучшем случае полученный результат будет как у всех. У нас фантастическая цель, в реализацию которой нормальный человек не может поверить (не путать с «поговорить»). Показатель веры — не слова, а дела. Кто знает, что тут зарыт клад, тот идет выкапывать его. Кто говорит, что верит в клад, но не можете принять участие в его добыче, потому что на работу идти нужно, где он получит свои три копейки

— тот не верит в зарытый клад. Не говорите мне, во что вы верите. Скажите мне, что вы собираетесь делать, и я скажу вам, верите вы в проект или нет. Дела красноречивее слов.

После всего сказанного мое заявление, что на этапе становления мне НЕ нужны инвесторы, звучит обоснованно. Если бы я сразу это сказал, это выглядело бы с оттенком позы. А через призму сказанного это выглядит разумным с инженерной точки зрения.

Инвесторы, т.е. люди, вкладывающие деньги в дело с целью получения какой-то своей выгоды (не важно, в чем она выражается, в деньгах или портфелях, в политической или экономической сфере лежит) накладывают на берущего обязательства, которые в будущем оказываются цепями. Потому с инвесторами у меня пока нет темы для разговора. Пройдет время, и в новой ситуации, возможно, будет новая позиция. Но на этапе становления дела инвестиции не только нужны, но и вредны.

К слову сказать, Ганнибал не захватил Рим, потому что был связан политической элитой Карфагена, от которой зависел. Она говорила, если Ганнибал возьмет Рим, зачем мы ему нужны? Если он не будет побеждать, зачем он нам нужен? И приняли соломоново решение — пусть полководец воюет и не знает поражений. Но и не побеждает. В итоге Ганнибал не реализовал массу ситуаций, дававших шанс захватить Римскую империю.

Укрепившись в этой мысли, принимаюсь за осмысление создания транслятора. Тут параллель с двигателем, в первую очередь нужно понимать, какой создаем двигатель: паровой, электрический, бензиновый и прочее. И далее определяемся с инженерными решениями. Аналогично и с созданием транслятора, сначала нужно четко ответить себе на вопрос, какая сила будет побуждать людей двигаться в этой социальной конструкции.

Все побуждающие силы делятся на два типа: внешние и внутренние. Первые — это деньги (на них работают государственные и коммерческие модели), и насилие (на нем работает армия). Конструкции на принуждении — машины, а образующие их люди — детали. Шестеренки в механизме принуждают к движению внешние силы: пар, ток, пружина. В государстве, бизнесе и армии люди принуждаются внешними силами: кнутом и пряником. Если в паровозе исчезнет пар, шестеренки останутся и машина замрет (но не развалится в ту же секунду). Если в государственном учреждении или коммерческой компании перестанут платить, а в армии исчезнет насилие, люди-детали прекратят шевелиться и система встанет, и социальная структура на принуждении сразу развалится.

К внутренним силам относятся такие нематериальные мотивы, как вера и идея. Все религиозные и идейные структуры — живые организмы, небιологическая форма жизни. На людей, из которых они состоят, можно смотреть как на живые клетки. Как клеткой движет жизненная сила, так людьми движет идея, ради которой они собрались.

Признак живой команды: людьми движут внутренние мотивы. Признак мертвой команды: людьми всегда движут внешние силы. Если жизненная сила клеток иссякнет, организм умрет. Если люди утратят идею, идейная команда превратится в коммерческую.

Посмотрите на группы, называющие себя некоммерческими, благотворительными, политическими — там нет ни одного человека, кто не был бы нанят на работу. Перестаньте завтра платить наемному персоналу, и «идейная команда» сразу развалится.

Не говорите мне, что есть ваша команда, механизм или организм. Скажите мне, сохранится ли она, если люди перестанут получать деньги, и я скажу тип вашей команды. Механическая команда — это всегда инструмент в руках инвестора, несамостоятельное чучело, зависимое от внешней розетки. В моменте чучело может быть быстрее и сильнее живого организма, но стоит его отключить, как оно умрет. Малое время оно будет двигаться по инерции, но потом замрет навсегда. А жизнь не замрет. И потому жизнь, как бы ни была она мала, в длинную всегда выигрывает у чучела, как бы ни было оно велико.

Это не значит, что коммерческий мотив хуже идейной для любой деятельности. Для многих работ ориентир на деньги дает максимальный эффект. Невозможна торговля за идею или занятие любым ремеслом. Никто не будет вам ремонтировать сантехнику или шить сапоги из любви к процессу. Я лишь говорю, что команда максимально эффективна, когда ориентирована по своей природе: идейная на идею; бизнес на деньги.

* * *

Если в человека постоянно вводить героин, однажды он возьмет на себя функции естественной противоболевой системы. Пока наркотик будет исправно поступать в организм, человек будет дееспособен. Но стоит не ввести ему очередную порцию, как начнется ломка. На это время человек становится абсолютно недееспособным.

Если в идейную команду постоянно вводить деньги в виде зарплаты, постепенно и незаметно для себя люди станут ориентироваться не на идею, а на деньги. Почти никто не зафиксирует перемен. Все будут говорить правильные слова и сами верить в сказанное. Но идейный курс незаметно и буднично начнет всегда совпадать с финансовой выгодой.

Если кто укажет на опасные тенденции, скажет, что мы теряем идею, что деньги обретают опасно большое значение, члены команды отреагируют на его слова так же, как наркоман на слова, что наркотик начинает занимать в жизни опасно большое значение.

Всякая жизнь стремится к благу. Люди избегают дискомфорта. Человеку неприятно осознавать свою зависимость от наркотика. Он не хочет этого видеть и будет отрицать до последнего любые факты, нисколько не смущаясь говорить на черное белое.

Аналогично и идейным людям некомфортно признавать, что они превратились в наемных, что внутренний стимул, идея, сменил внешний — деньги. Они не признают, что борьба за идею давно и надежно превратилась в источник заработка. А то, что они деньги за свою деятельность получают, так что же в этом особенного? Это же естественно...

Гляньте на священников, принесших обет нестяжания (не иметь собственности) как они оправдывают свое материальное благополучие. Так неужели люди, не дававшие Богу никаких клятв, не найдут способа оправдать изменение своего статуса?

Они скажут, что нужно же чем-то оплачивать жилье, покупать на что-то одежду и еду, развлекаться. Насытив минимум, следующим шагом они захотят большего. Потом еще больше. Люди как люди — захочется соответствовать потребительским стандартам. На роскошь потянет. Материальные блага несут удовольствие, и всякая жизнь стремится к благу. Что развивают, то и развивается. В итоге разовьется до того, что люди будут смотреть на свое дело не только как на борьбу за идею, но и как на источник денег.

Это родит подковёрную борьбу за доступ к механизмам распределения денег. Люди начнут грызть друг друга, чтобы быть ближе к кормушке. Запустится эволюция наоборот — вверх поднимутся не самые идейные, умные и талантливые, а победители аппаратных боев. Идея превратится в ширму, скрывающую реальный интерес людей на вершине.

Первое время деньги станут мотивом только для верхушки. Так как в ее интересах скрывать этот факт, она будет говорить с трибуны пламенные речи: «— Товарищи! — Вскричал он. — Надеюсь, вы не считаете, что мы, свиньи, поступаем подобным образом лишь из мелкого эгоизма. Многие из нас на самом деле терпеть не могут молока и яблок. Сам я на них и смотреть не стану. Единственная цель, с которой мы их используем, — сохранить ваше здоровье. Яблоки и молоко (и это совершенно совершенно точно доказано наукой, товарищи) содержат элементы, абсолютно необходимые для поддержания жизни и хорошего самочувствия у свиней. Мы, свиньи, — работники интеллектуального труда. Забота о процветании нашей фермы и об организации работ лежит исключительно на нас. День и ночь мы неусыпно заботимся о вашем благосостоянии. Мы пьем молоко и едим эти яблоки только ради вас». (Оруэлл, «Скотный двор»).

Когда финансовая гангрена распространится на всю команду, она из идейной станет нишевым бизнесом, продолжающим называть себя идейной, политической, общественной и прочее организацией. Но название сути не меняет. Это будет гроб, красивый снаружи, а внутри хуже любой торговли. Лицемерие наполнит его отвратительным содержанием.

За всю историю нет случая, чтобы живая идейная организация, севшая на деньги, не умерла. Наиболее яркие и относительно свежие примеры — это революционные партии Франции XVIII века и России XX века. До денег они были живыми. После стали механистическими, зависимыми от источника, с которого кормятся.

Церковь я в этом ряду не упоминаю, хотя деньги ее основательно развели, о чем говорят сами высшие священники: «Тревожным признаком отмирания православного сознания, умаления церковности, духовного ослепления является всё усиливающаяся коммерциализация многих сторон приходской жизни... Материальная заинтересованность всё чаще выходит на первое место, заслоня собой и убивая всё живое и духовное. Нередко храмы, подобно коммерческим фирмам, торгуют «церковными услугами». «Ничто так не отторгает людей от веры, как корыстолюбие священников и служителей храмов. Не напрасно сребролюбие называется гнусной, убийственной страстью и единым предательством по отношению к Богу, адским грехом». (Патриарх Московский и всея Руси Алексей II). (забавно слышать эти слова сожаления от монаха, клявшегося не иметь собственности, но на его банковском счету лежало более 10 млн.\$).

А как же фраза «служащий алтарю с алтаря кормится»? Смысл ее, что служение алтарю означает движение на идею, и по дороге получать земные бонусы, не уклоняясь на другой путь, где бонусов больше. Если же движение ориентировано на прибыль, и так складывается, что больше прибыль от позиционирования своей деятельности идейной, это не означает, что она идейная. Это означает, что ее так позиционируют ради прибыли. Если же будет выгоднее коммерческое позиционирование, «идейные» переобучатся на ходу.

Деньги для идейной команды то же самое, что героин для человека. Наемный персонал нам так же неприемлем, как монастырю наемные монахи или в газету «Искра» в начале XX века наемные журналисты.

Чтобы создать максимально устойчивый и эффективный транслятор, нужно сделать его непроницаемым для денег. Единственный способ — лишить деньги притягательности. Но как это сделать, если мы все выросли в обществе потребления, где нам с пеленок внушали, что деньги — наш бог. Мало того, что это вшито нам в подсознание, так и по практике мы знаем, что деньги дают доступ ко всем материальным благам и за них можно нанять любых специалистов, которые (в это хочется верить) сделают любую работу.

Как большинство людей, попробовав героин, по доброй воле от него не откажутся, так большинство людей по доброй воле не откажутся от денег. Они могут говорить слова против денег с одной целью — чтобы получить больше материальных благ. Не секрет, что наиболее активно и пламенно выступают против денег те, если получают за это деньги.

Кто полагает, что какие-то страшные клятвы и наказания за их нарушения могут побудить людей отказаться от наркотика, тот страшно заблуждается. Это только в кино люди обещают и не нарушают. В жизни люди действуют по ситуации, по эмоциональному и интеллектуальному настрою в моменте. Ситуация меняется, и человек вместе с ней.

Единственная ситуация, при которой люди откажутся от денег — если их некуда тратить. Из этого следует, что живую команду можно построить только вне мира. В миру она невозможна, так как жизнь там требует денег. Людям будет нужно под тем или иным соусом платить, что гарантирует их превращение в финансовых наркоманов.

Люди добровольно будут жить в изоляции от мира при условиях, если жизнь вне мира будет лучше жизни в миру. Это значит, явственно чувствовать полноту жизни в материальной, интеллектуальной, творческой и плотской сфере выше, чем в миру.

Транслятор

Правильно назвать — правильно понять. Как правильно назвать такую полноту? И как ее достигнуть? В поисках ответа исхожу из того, что спрос на высокие смыслы есть, но удовлетворить его некому. Западная цивилизация на сегодня — большой игрок в маленькие игры. Потому что мировоззрения нет. А без него только маленькие игры.

Люди особо остро чувствуют бессодержательность, бессмысленность и пустоту жизни в выходные дни. Подавленность нарастает под вечер, и может расти до болезненных ощущений, переходящих в ужас. Для этого состояния есть даже специальное

определение «Sunday night blues» (грусть и тревога воскресного вечера). Люди спасаются от него в алкоголе, ленте новостей, обжорстве на ночь и вредных развлечениях.

Кто удовлетворит спрос на смысл жизни, тот получит людей (и бонусом все прочее) по той же причине, по какой удовлетворение материального спроса дает прибыль. Мир так устроен: у кого есть предложение, удовлетворяющее спрос, тот получает свою выгоду.

Мир погружен в идейный вакуум, а у нас есть мировоззрение и смыслжизни. Чем более трансляция наших идей будет соответствовать стандартам восприятия, тем больше она даст нам сторонниковлучшего качества, и как следствие, всевозможных бонусов.

Мы идейный огонь. Такой огонь всегда считает себя новым, а значит, истиной. Ему сопротивляется старое, которое считает себя истиной, потому что было, когда нового не было. Святость здесь всегда против святости. И победитель всегда свят.

Огонь питается разрушаемым материалом. Чем нас больше, тем их меньше. Чем больше демонтировано старой цивилизации, тем больше возникает новой цивилизации. Пусть она не оформлена, это не отменяет ее новизны. Осталось правильно ее донести.

Вчера самым передовым, эффективным и перспективным донесением информации была печать. Чтобы транслировать свои идеи в таком формате, коммунисты 120 лет назад, в 1900 году, объединились в редакцию и стали выпускать газету «Искра». Это давало им не только сторонников во всех слоях общества, из чего бонусом следовали деньги и связи, но так же и организовывало их в команду, повышая эффективность действия.

Сегодня таким форматом является видео-графика. Чтобы транслировать свои идеи в этом формате, мы в 2019 году пришли к выводу, что нужно создавать анимацию. Никто не имел опыта, и потому дело начали с полного нуля — с изучения графических программ.

На сегодня нас четыре человека (меньше, чем в первой редакции «Искры»). Мы уже создаемграфический контент, куда ненавязчиво вшиваем идейный элемент. Пока у нас не все получается,но если мы били и намерены дальше бить в одну точку, это гарантия, что дело будет двигаться. Пусть не так быстро, как хотелось бы, но главное — дело идет.

Есть процент людей, желающих максимальной независимости от государственной системы. В поисках свободы они, например, объединяются жить на природе коммуной: пахут землю, а монетизация сельхозпродукции дает им средства к существованию.

Мы тоже желаем максимальной свободы, достижение которой видим в реализации идеи. Мы оставили привычную жизнь и объединились в анимационную студию. Живем на природе, но пашем не землю, а интернет — создаем графический контент и транслируем его. В перспективе это даст нам как идейных сторонников, так и средства для жизни.

Наша студиямаксимально конкурентно способная, потому что она эксклюзивная. На планете нет идейной анимационной студии, т.е. студии, где все сотрудники работают не по найму, а за идею. Все существующие студии коммерческие, т.е. ориентированные на деньги. Оттого их продукция преимущественно или пустая, или от нее, как от рекламы (не важно, коммерческой, социальной или политической) пахнет обманом и манипуляцией. Мы единственная в мире анимационная студия, мотивом которой являются не деньги.

Вторая причина нашей конкурентной способности: себестоимость. Анимационный продукт на 99% состоит иззарплат художников, аниматоров, режиссеров, помощников, администраторов, а так же гонорары сценаристов, композиторов и других творцов. У нас нет этих расходов. Мы как монахи, работаем не за деньги, а за идею. Это значит, делаем не тот объем работы, который оплачен (нам не платят) а сколько позволяют силы и время.

Мы не ищем спонсоров, не выступаем на симпозиумах в академическом формате о возможности преодоления смерти. Мы говорим и делаем. От нас пахнет реальностью, а не фантазиями, которые сами фантазеры готовы реализовывать при условии, если им кто-то оплатит их труды. Бесплатно свои идеи они не готовы реализовывать. Это же риск...

Идея, не переходящая в действие, умирает. Когда надо рисковать, а мы не рискуем — мы рискуем еще больше. Глобальная победа или поражение происходит не вокруг, а внутри человека. Но что происходит внутри, отчасти зависит от того, что вокруг.

«— Не своротить камня с пути думою. Кто ничего не делает, с тем ничего не станется. Что мы тратим силы на думу да тоску? Вставайте, пойдем в лес и пройдем его сквозь, ведь имеет же он конец — все на свете имеет конец! Идемте! Ну!

...И теперь гибли, но гибли без жалоб и слез. ... И вот вдруг лес расступился перед ним, расступился и остался сзади, плотный и немой, а Данко и все те люди сразу окунулись в море солнечного света и чистого воздуха, промытого дождем. Гроза была — там, сзади них, над лесом, а тут сияло солнце, вздыхала степь, блестела трава в брильянтах дождя и золотом сверкала река...» (М. Горький, «Старуха Изергиль»).

Движение этим курсом в недалеком будущем позволит реализовать в арт-коммуне принцип коммунизма — всё бесплатно. Чего нет в наличии, то привезут. Учитывая, что интеллектуальный уровень коммунаров и отсутствие стимулов к потреблению напоказ не дают шансов развиться тенденции показывать свою успешность через владение вещами, все будут иметь хороший материальный минимум, не впадая в крайности потребления.

Изоляция от мира и здоровый аскетизм дают, как минимум, здоровье и защиту от людей, для кого деньги составляют смысл жизни. Как нищего защищает от грабежа его бедность, так наш аскетизм защищает наше здоровье и отпугивает торговых людей.

В набросках к нашему Уставу написано, что лучше иметь недостаток, чем избыток. Мы заявляем разумно-аскетичный образ жизни в материальном потреблении как принцип. Вне зависимости от материальных возможностей мы ориентированы на потребление как на функционал, а не как на способ получения удовольствия от обладания вещами.

Материальная независимость дает много, но не дает абсолютной автономии. Чтобы команда была абсолютно независимой, базовые потребности всех ее участников должны быть удовлетворены. Так как у здоровых и взрослых людей помимо потребности в тепле, еде, одежде и прочее есть интимные желания, нужно понимать, как это будет решено.

Как правило, создателям идейных команд (говорю о настоящих, а не кто свой бизнес идеей называет) в голову не приходит мысли, что финансы или секс несут опасность для организации. Они рассуждают: что про деньги думать... Их нужно иметь. С деньгами, все понятно будет... И про секс чего думать... Взрослые люди сами как-нибудь разберутся.

Если кто из них и видел исходящую от финансов опасность, он защищался от нее так наивно, что назвать это продуктом разума невозможно. Например, Ленин полагал, что от этой опасности партию защитят слова, что революционер выше денег, что быть аскетом благородно. Во время борьбы эти заклинания худо-бедно работали. После борьбы деньги выжгли большевиков изнутри, превратив политкоммиссаров в политкоммерсантов.

Можно не сомневаться, а напротив, быть уверенным на 100%, что если бы Гитлер победил, его партия разложилась изнутри, как Парижская коммуна или большевистская партия. Все слова фюрера про то, что он создал орден — пустые слова хотя бы потому, что члены ордена не получают денег за членство в ордене. Члены СС получали зарплату.

Если бы Робеспьер, Ленин или Гитлер действительно строили конструкцию так, как авиаконструкторы строят самолет, они бы неизбежно увидели опасность денег, и далее стали бы искать решение. Пришли бы к выводу, что решается этот вопрос через изоляцию несущей конструкции от мира. И вслед за этим вставал бы интимный вопрос.

Именно такое понимание я вижу на конструкции Церкви. В нее встроена защита от разрушительного воздействия финансовой и сексуальной энергии. Костяк организации, монахи, защищают два обета (клятвы) Богу: обет нестяжания и целомудрия (безбрачия).

Чтобы увидеть, как это тормозит процесс разложения, сравните идейные партии, чьи создатели не думали на эти темы с Церковью. Партии в первом поколении превращались в бизнес и далее исчезали с лица земли, а Церковь существует уже третье тысячелетие.

Идейная конструкция в моменте не всегда сильнее бизнес-конструкции. Но всегда устойчивее во времени. Идейная конструкция не может быстро разрушиться. Если партии так быстро рушатся, этот факт говорит, что на момент разрушения они не были идейные.

С финансами разобрались и нашли инженерное решение — изоляция. Теперь так же с сексом разберемся. По этому вопросу необходимо сформировать четкую позицию. Если

все люди молодые, здоровые и в изоляции, значит, на стороне у них нет шанса решить этот вопрос. Значит, нужно иметь четкое видение решения этой стороны жизни. Такое же, как если вы собрали большое количество людей на площади, вам нужно решить вопрос туалета. Если вы пустите этот вопрос на самотек, это значит, людям будет некомфортно, а на площади будет дурно пахнуть. Чтобы избежать этого, нужно туалеты ставить.

Секс для активного и здорового человека так же важен, как возможность сходить в туалет. Если пустить этот вопрос на самотек, как делали создатели идейных движений. Мор, Кампанелла, Маркс говорили про общность жен, но как видят решение сексуального вопроса среди тех, кто будет бороться с феодалами за гуманизм или коммунизм — про это ни слова. По умолчанию полагалось, что люди взрослые и сами как-нибудь разберутся.

Максимально эффективно будет, если преодолеть установку, что секс — это неприлично и все должно решаться само собой. Попробуем смотреть на это глазами инопланетянина. Смотреть на тему через призму христианской/общечеловеческой морали, значит, обречь себя на интеллектуальное поражение.

Так же оставим мысль, что если предоставить людей самим себе, все как-то само по себе и сложится. Предоставить людей себе, значит, предоставить их шаблонам, которые активируются с той же предсказуемостью, с какой у собранных в стаю собак. Но моя цель не площадку для знакомств организовать, а живую единую команду создать.

Исхожу из того, что в изолированной от мира команде людей держит внутренний мотив. Находиться они в команде могут, если только находят такой образ жизни самым лучшим из всех возможных. Как только он перестанет им казаться таковым, они уйдут. И вот чтобы этого не случилось, люди должны быть слиты в комфортную им ситуацию.

Начнут с того, что транслятор будет иметь неравномерный гендерный состав. Как в философии, физике, математике большинство мужчин, так и у нас их будет большинство. И вот как из группы, допустим, сто человек, где, например, 10-20% женщин и 80-90% мужчин, построить живой организм, где людей удерживают внутренние мотивы?

Добавьте сюда разную сексуальную активность мужчин и женщин. У мужчин выше, так как он может дать неограниченное число результатов (оплодотворений) в любое время суток и года, тогда как женщина может дать один результат в год. Потому в природе естественным является бык и стадо коров. Ситуация наоборот, когда стадо быков и одна корова, она невозможна по физическим ограничениям коровы и природе быков.

Кто-то скажет, что сравнивать людей с животными некорректно. Если бы речь шла о личности человека, то да, некорректно. Но речь идет о природе млекопитающих, и в частности, о приматах. Человек относится и к млекопитающим, и к приматам.

Если коллектив с такими гендерными диспропорциями пустить на самотек, процесс будет развиваться строго по программе: мужчины начнут конкурировать за женщин. Это разобьет коллектив на две группы. В одной будут склеившиеся мужчины и женщины (в пары или иные союзы). Другую группу образуют оставшиеся без женщин мужчины.

Допустим, про первую группу можно сказать, что их интимная жизнь устроена. На самом деле это не так. Люди соберутся в конструкцию без инженерного понимания, по воле случая, движимые желанием новизны, развлечений и новых ощущений. Через малое время новизна остынет, и союзы начнут разваливаться, генерируя негативную энергию.

Ситуация не решается, если договориться, что люди должны соединяться только в пары. Во-первых, что это за организация такая, производящая и транслирующая информацию, отрицающую старые модели, но создатели контента живут по-старому? Во-вторых, как будет организована жизнь мужчин, оставшихся без женщин?

Церковь защитилась от сексуальной энергии, запретив секс как таковой. Нам такое решение неприемлемо, потому что оно противоречит нашему мировоззрению. На каких основаниях мы это можем сделать? Церковь говорила, что так Богу угодно. А мы что скажем? Что по-другому не получается, и потому нужно потерпеть? Неубедительно.

Предложить мужчинам решать вопрос через мастурбацию или гомосексуализм? Для людей с гомосексуальными вкусами, допустим, это и решение (на самом деле нет, но для

продолжения разговора допустим, решение). А остальным что, мастурбация? И где тут полнота жизни? (не забываем, автономия предполагает такую полноту).

Кроме того, когда люди разделятся по сексуальному признаку на группы, это будет не единый организм. Между ними начнется противостояние. В лучшем случае пойдут по социальной конструкции микро-трещинки. На старте они будут незначительными, но так как напряжение сохранится, трещинки будут расти, пока конструкция не развалится. В худшем случае напряжение приведет к серьезным проблемам, и организация сразу рухнет.

Может, вопрос решается по рецептам, предлагаемым первыми гуманистами, Мором в Утопии или Кампанеллой в «Городе солнца», где власть в лице верховного метафизика устанавливала очередность секса с женщиной? Но если женщине одного мужчины много (реакция жен на активность мужа — «голова болит»), перспектива увеличить в пять раз мужчин не создает для женщины мотива заходить и удерживаться в такой конструкции.

Раздельное проживание мужчин и женщин тоже не выход. Нет единой организации и полноты жизни. Так как же организовать команду в этой сфере? Можно отшутиться и сказать, что как-нибудь само решится. Отмахнуться от вопроса, значит, пустить развитие по шаблону, что обернется катастрофическими последствиями для нашей организации.

И что же делать? Если никакой из очевидных вариантов не проходит даже в теории, ситуация толкает искать за рамки известного. Чтобы зайти туда, сделаю отступление... Опустимся к корням человечества, цивилизации человека.

Перекоc

Мы все абсолютно уверены, что деление людей на мужчин и женщин естественно. Следовательно, их гендерные роли тоже естественны. Как для птицы естественно летать, так для мужчины быть лидером, хозяином, отцом защитником и кормильцем женщин и детей — решать их проблемы, защищать и содержать, кормить и поить, обувать и одевать.

Как для рыбы естественно плавать, так для женщины быть хранительницей очага и отдохновением для воина (по Ницше). Ее предназначение: рожать детей, ублажать мужа и хлопотать по хозяйству (ненавязчиво культивируется мысль, что домашние дела — это не работа, а что-то типа традиционного женского занятия, практически развлечение).

Социум видит мужчину опорой — защитником, творцом и новатором. Благодаря этому его статус: независимая, полноценная личность с максимумом прав и свобод. Он на свое усмотрение может распоряжаться своей личностью, имуществом и телом. Ему не возбраняется подойти к понравившейся женщине, иметь с ней интим, потом к другой, и до определенных пределов ему это вменится в плюс. А если выше, все равно не вминус.

Женщину социум считает частично дееспособной и неполноценной. Четко ее место в обществе указывают немецкие «три К» — «Киндер, Кюхе, Клайда» (дети, кухня, платье). «Мир немецкой женщины — это её муж, её семья, её дети и её дом». (Гитлер).

В женщине общество в первую очередь видит репродуктивный ресурс и что-то от вещи. Она не самостоятельна, а собственность отца или мужа. Никакая вещь не имеет права распоряжаться собой. Поэтому женщине «для ее же блага», ограничены права и свободы. Она не имеет права, например, распоряжаться своим телом. А если она делает это в самых разумных пределах и это становится достоянием гласности, ей это в минус.

Мужчина — существительное, лидер. Женщина — прилагательное к мужчине, подчиненная. Что позволено Юпитеру, не позволено быку. Кто даму ужинает, тот ее и танцует. Кто кормит и защищает, тот главный и имеет все права. Из этого растут все социальные, сексуальные, бытовые шаблоны и установки, нормы и табу. Формируются гендерные роли, патриархальная семья полигамного и моногамного типа. Чем больше вы соответствуете стереотипам, тем больше вас считают цельной и гармоничной личностью.

Мужчины объясняют гендерное неравенство, как феодалы социальное неравенство — влиянием высших сил. У феодалов в их роли выступает Бог. Они говорили, что сами-то мы не против равенства, но что же они могут поделать, если Бог так устроил, что дворяне

выше крестьян. У мужчин в роли высших сил выступает природа. Они говорят, что мы вовсе не против и даже за гендерное равенство, но природа так устроила, что женщина ниже мужчины по всем ключевым позициям: по уму, воле, силе, творчеству и прочее. И в подтверждение своих слов указывают на фактическое положение дел. И как бы ни распинались феминистки, но факты — упрямая вещь. Но каковы причины этих фактов?

Общепринятый ответ на вопрос, почему мужчины опережают женщин: у мужчин от природы есть некие набор генов, делающих их мозг больше и сильнее. И как следствие, они в той же степени умнее и талантливее женщин, как физически сильнее.

Только размер мозга не показатель интеллекта. Иначе самыми умными на планете были бы кашалоты. В человеческой популяции самые увесистые мозги у клинических идиотов. Мозг Эйнштейна весил ниже среднего. Причина высокого интеллекта до сих пор не ясна. Природа действительно дает мужчине больший размер мозга, мышечной массы, иную форму репродуктивных органов и прочее. Но как из этого следует, что мужчина от природы выше женщины?

Вопрос кажется надуманным... Как из чего? Из того и следует, что если у мужчины больше талантов и возможностей, чем у женщины, объяснить это можно только природой. И это неравенство подтверждают факты. Я не отрицаю фактов, но посмотрим глубже...

Представим ситуацию, когда брюнетам с детства не дают ходить. Перемещаются они только в инвалидной коляске. А блондинов с детства всеми способами поощряют к бегу. Закономерно, что блондины будут бегать, а брюнетки не смогут ходить.

Неоспоримым фактом будет атрофированные мышцы на ногах брюнетов и что они еле ходят. И таким же бесспорным фактом будет, что у блондинов ножные мышцы развиты, они легко ходят и быстро бегают. Объясняют такую ситуацию научным фактом: у блондинов с брюнетками в организме разные гормоны, отвечающие за цвет волос (меланины). Из-за разных гормонов брюнетки не ходят, а блондины бегают.

Формально все верно, факты есть, научное объяснение есть, внешне все сходится. За исключением одного: причина неравных способностей не в гормоне, ответственным за пигментацию, а в условиях, которые система создает для блондинов и брюнетов. Если мы в этом воображаемом обществе поменяем местами блондинов и брюнетов, и теперь тех, кому с детства не давали ходить, будут поощрять к этому, а кого поощряли, обездвижат, брюнетки и блондины поменяются местами: первые побегут, а вторые ходить не смогут.

В 1968 году Эллиотт Джейн, учительница младших классов, провела эксперимент. Она поделила детей на голубоглазых и кареглазых. Первым сказала, что они от природы умнее, так как у них больше гормона под имени меланин, о чем говорит цвет их глаз. А он, якобы, отвечает за интеллект. А вторым сказала, что меланина у них меньше, что видно по цвету их глаз. И потому они менее способны к обучению. Но зато они красивые.

Голубоглазым учительница делала малые привилегии, а кареглазых немного дискриминировала. Через малое время голубоглазые ученики стали лучше учиться, а у кареглазых пошел спад. Даже вчерашние кареглазые отличники стали испытывать трудности с решением простейших задач, с которыми вчера легко справлялись.

Умные «от природы» высокомерно относились к «недоумкам», успокаивая их на мужской манер в формате троллинга, типа, не печальтесь, что вы дуры, зато вы красивые дуры. «Второсортные» смирились (против природы не попрешь) и признали указанное им место. В них стали прогрессировать черты характера, политкорректно именуемые в нашем обществе женскими: трусливость, угодливость, уступчивость, отсутствие инициативы, забывчивость, рассеянность, ориентир на поражение и прочее.

Ситуация стремительно изменилась, когда учительница перевернула теорию. Она сказав, что перепутала, что оказывается, кареглазые дети от природы умнее голубоглазых, что наличие меланина, дающего голубоглазость — показатель низкого ума.

Новая установка изменила представление людей о себе и следом расстановку сил. Голубоглазые быстро сдали, а кареглазые их догнали и перегнали. Вчерашние лидеры оказались в числе неуспевающих, а вчерашние аутсайдеры превратились в лидеров.

А теперь представим вместо учительницы всемогущую силу, а вместо учеников все человечество. Тысячелетиями эта сила блокирует кареглазых и развивает голубоглазых. Социум разделился бы по цвету глаз, как сейчас по форме гениталий. Появились бы научные теории, объясняющие, что одни умнее других не потому, что система поднимает первых и опускает вторых, а потому что у одних есть ген, придающий глазам «элитный» цвет, а у других нет. И так как в реальности такой ген действительно есть (только не имеет отношения к делу), масса приняла бы это за научное доказательство.

Я утверждаю, что в интеллектуальной, творческой и личностной сфере нет мужских и женских качеств как предвечной данности. Есть ситуация, порождающая эти качества. В эпоху грубой силы наверху оказывался тот, у кого мышцы были больше — мужчина. Это качество сделало его центральным элементом системы. А женщина, человек с меньшей мышечной массой, оказалась приложением к нему, так как в то время физически не могла выжить. Или признавай приоритет мужчины и в этом статусе встраивайся в систему, или умирай. У женщин не было выбора, как признать за собой второе место. Но это было второе место по физической силе, а не по силе интеллекта или творчества и прочее.

Прогремевший в 1945 году атомный взрыв ознаменовал конец эпохи грубой силы. Мир стал другим. Раньше конфликты, не решаемые дипломатически, решались на поле боя (это называлось «продолжением политики иными средствами»). Атомная бомба сделала невозможным решение споров на кулаках между мировыми державами.

На место старой эпохи, где все решала грубая сила, пришла новая, где все решает интеллект, творчество и прочие нематериальные качества. Порожденные прошлой эпохой гендерные стереотипы, все виды патриархальной семьи, понятие настоящий человек, сексуальные и моральные нормы и табу, и все прочие продукты, все они неизбежно уйдут. Ничего личного, но таковы законы бытия: со сменой климата меняется флора и фауна.

Но инерция старой эпохи до сих пор сохраняется. Мальчикам система с пеленок внушает, что бремя человека-мужчины — быть главным. Недавно она внушала, что бремя белого человека — цивилизовать дикарей (проще говоря, колонизировать). Потому что мальчики по базовым показателям выше девочек, как пару веков назад считалось, что люди с кожей белого цвета выше людей с иным цветом кожи. Под этим утверждением были не только «научные», но и религиозные основания, о чем говорилось выше.

Девочкам система в виде школы, родителей, СМИ и культуры с пеленок внушает, что они люди второго плана и ниже мальчиков по всем параметрам (кроме красоты — это их утешительный приз). Что им природа предписала роль приложения к мужчине; что женщина без ума, денег и силы мужчины — это ноль без палочки.

До 7-10 лет девочки и мальчики не считают себя глупее/умнее противоположного пола. Но система неослабно давит, и к подростковому возрасту прорастают посеянные зерна. Резко растет число мальчиков, считающих себя выше девочек, и девочек, явно или скрыто признающих себя ниже мальчиков практически во всех ключевых сферах.

Дети улавливают, что от них ждут, и ведут себя сообразно. Девочки усваивают, что смысл их жизни — удачно выйти замуж, все остальное приложится. Закономерно, что они как одержимые ищут мужа, который будет ее содержать, а она, как следствие, зависит от него. И если найдут более-менее подходящий вариант, как зомби идут замуж.

Общепринято, что замужняя женщина достигла женской nirваны, высшего счастья, выше которого ничего нет. Теперь она всю жизнь рождает/моет/готовит/стирает... Система поощряет других девочек, еще не вышедших замуж, так распорядиться своей жизнью.

Для такой «удачи» нужна внешность. Отсюда тотальный интерес к косметике, одежде, танцам и всем, что реально влияет или женщинам внушили, что влияет. Тайно и явно индустрия красоты внушает, что думать — это не для женщины. Мем из инета от лица девушки говорит: «Я думать не хочу. Я платье новое хочу». Женские журналы ненавязчиво шепчут, что она в первую очередь туловище. Нет прелестей, нет женщины.

В итоге девочки игнорируют направления, требующие высокого интеллекта. Но это делается ими не потому, что они от природы не способны их освоить, а потому что наука не ведет к замужеству. А занятия красотой ведут. Каждый ищет путь к своей цели.

Система всю жизнь сопровождает женщину, не давая ей головы поднять выше быта и ценностей общества потребления (мужчин тоже, но с иным позиционированием). Если аккаунт на женское имя, на него идет «женская реклама»: мода, красота, борщ, дети и все такое. В результате женщины становятся частью системы, блокирующей женщин.

Ученые-женщины серьезнее отнесутся к научному труду, подписанному мужским именем. Они предпочитают ссылаться на мужские труды — это авторитетнее выглядит. Редактор-женщина научного журнала охотнее возьмет статью мужчины. У абсолютного большинства женщин при выборе научного руководителя мужчина всегда в приоритете.

Женское подсознание настолько пропитано установкой, что мужское первично, а женское вторично, что даже борьбу за женские права они ведут мужскими методами. Кто не видит иного способа победить дракона, кроме как драконовскими методами, тот говорит о приоритете дракона. Кто борется силой против применения силы, тот борется против себя. Феминистки, решившие отстаивать свои права мужскими методами, проиграли в тот момент, когда подняли на знамя мужскую стратегию.

Человек — очень внушаемое существо. Крайне редки люди, имеющие свое мнение. В основном все на шаблоне. Что сказали в детстве и подтвердили в школе-институте, то и считается святой истиной. О святых истинах не думают. Им поклоняются и следуют за ними. Если еврейская мама внушает ребенку, что он гений, и даже ругается на него в этом ключе, типа, как ему не стыдно, принадлежать к богоизбранному народу и не добиться успеха, естественно, ребенок показывает соответствующие результаты. Если русская мамаша внушает ребенку, что он такой же debil, как его отец, и все вокруг сплошные уроды, а настоящие люди где-то там, в высших сферах, ребенок тоже усваивает эту информацию как истину. И тоже показывает соответствующие результаты.

В лесу можно проложить бесконечно много тропинок, а в мозгу бесконечно много извилин. Но тропинки зарастают, а таланты атрофируются, если ими не пользуются. Для примера, у каждого в голове от рождения стоит компас. Если им постоянно пользоваться, как это делают некоторые дикие племена, стороны света будут для вас так же очевидны, как сейчас лево/право. Но мы не развиваем компас, и он атрофируется. Аналогично, если не пользоваться (не развивать) свой ум, творчество, интуицию, логику и прочие таланты, они зарастут, как тропинки в лесу, по которым не ходят. Это называется синаптический прунинг. Закон бытия: что развивают, то развивается. Что не развивают, то умирает.

Реставрация

Чтобы организация генерировала и транслировала информацию, ускоряющую крах старого и рождение нового мира, в первую очередь ей нужен не столько технический уровень, сколько она должна быть по своей природе и структуре соответствовать образу будущего. Это возможно, если люди, составляющие арт-коммуны, по своему внутреннему настрою, образу мыслей, духу и душевной организации, по всему должны одной ногой стоять в будущем. Люди будущего в настоящем — это люди, устремленные в завтра.

Один из показателей такого состояния — в глазах старого мира они ненормальные. Нормальные строят ключевые узлы своей жизни по предписанной норме. Люди будущего ориентируются на идею, а не на норму. Сам факт такого ориентира делает их образ жизни ненормальным. Как индустриальный образ невозможно уложить в феодальные стандарты, так идейный образ жизни невозможно уложить в обыденный.

Технический уровень — важная вещь, но не стратегическая. Как для газеты «Искра» качество бумаги, шрифт и прочее было важным, но главным была энергетика, исходящая от статей, указывающая на качество людей, стоявших за газетой, так для арт-коммуны качество продукции важно, но важнее внутренняя организация команды и дух людей.

Если арт-коммуна делает контент, направленный на разрушение патриархальной семьи (не важно, моногамного или полигамного формата), но создатели этого контента сами состоят в таких семьях, от их призывов будет плохая энергетика. Рекламу хочется заблокировать или быстрее промотать, потому что она пахнет ложью. Сами создатели не собираются делать то, к чему призывают других. Считывается обман и манипуляция.

Если цель в рамках бизнеса, (не важно, политического или торгового), обыденности и быта, и к ее реализации привлекаются посторонние люди, они только наемными могут быть. Других не может быть. Никто не будет достигать чужую цель без своего интереса.

Если же целью является мировоззренческая идея, достигнуть ее с помощью наемных людей невозможно. Они могут привлекаться для механических работ, как монастыри привлекают рабочих на стройку, но сами монахи на 100% идейные (верующие). Нанять монахов невозможно. Точнее, можно найти людей, кто согласится за зарплату изображать из себя монахов, но организация на таких принципах не будет монастырем.

Здесь уместно сказать, что кто считает, что нормальные люди действуют только при условии, что им это оплачивается — проходите мимо. У нас нет работающих. Если вам бесплатно всякую х@йню постить — это норм, а за идею стрёмно, идите нах...

Робеспьеру, Ленину и прочим строителям идейных организаций, сколько бы у них ни было денег, в голову не приходила мысль умножать сторонников через объявления: «ищу людей, согласных быть идейными, оплата такая-то». Такая практика началась, когда партия из борющейся за идею превратилась в бюрократический аппарат, про что Троцкий сказал, что свинцовый зад бюрократии перевесил революцию. На этом идея кончилась и началась работа. В партию шли не бороться за коммунизм, а работать за деньги.

Чтобы арт-коммуна была устойчива и эффективна, недостаточно, если она состоит из идейных сторонников. Нужно еще, чтобы эти сторонники были соединены так, чтобы внутреннее устройство команды отражало будущее. Для этого нужно уловить в предельно крупных штрихах образ будущего общества, и в первую очередь будущего человека.

Начну с базовых вещей... Человечество родилось и жило в эпоху грубой силы. Сегодня она уходит. Вместе с ней уйдут порожденные ею продукты: государство, мораль, семья. На смену ушедшей придет новая эпоха. Она создаст новые условия, где вырастут новые продукты. Общество организуется в иную модель, которая не будет иметь ничего общего с известным нам государством. Это же касается человеческих союзов (семья), морали, норм и табу, и всего прочего, что составляет нашу жизнь. *«И увидел я новое небо и новую землю, ибо прежнее небо и прежняя земля миновали»* (Откр.21,1).

Так как я ищу ответ на вопрос из интимной сферы, как соединить людей в единый и изолированный организм, в первую очередь нужен образ будущих людей. Какими будут мужчина и женщина. Будет ли в них мужское и женское в сегодняшнем понимании?

Теория гендерного неравенства покоилась на утверждении, что мужчина по природе эффективнее женщины. На самом деле система тысячелетиями создавала этот продукт, стимулируя развитие мужчин и подавляла женщин. Гендерные роли были бы наоборот, если бы система такое же время блокировала мужчин и развивала женщин. Слабый пол был бы в превосходной степени, а мужчина в подчиненной.

Так как ложное мнение в течении тысячелетий, всю историю человечества, было в статусе абсолютной истины, оно пропитало общество до мозга костей, въелось в его кровь и плоть. Сегодня система по инерции формирует из женщин существ второго сорта — интеллектуальных и творческих инвалидов. Исключения подтверждают правило.

Гендерное неравенство не предвечная данность, а продукт прошлой эпохи (до нее, образно говоря, до изгнаний из рая, сегодняшних понятий мужского и женского не было). С окончанием старой эпохи и началом информационной физическая сила перестает играть значение. Она теперь значит не больше, чем цвет глаз. Гендерные роли неминуемо уйдут.

Время кардинальных преобразований не за горами, но пока мужчина явно умнее, а женщина красивее. Чтобы женщины догнали мужчин по интеллекту, достаточно снять с них давление старых стереотипов. Я не говорю, что как только давление уйдет, женщины

сразу в гору пойдут. Что тысячи лет росло, то не изменится за год-два-три. Инерция долго еще будет давать о себе знать. Но изменения, начавшись, произойдут намного быстрее.

Недавно НАСА завершила эксперимент с близнецами, где один был в космосе на МКС почти год, а второй на Земле. В результате гены близнецов стали отличаться на 7%. Если за один год ДНК стало другим, можно представить, как оно бы изменилось за десятилетия. По моему мнению, именно такой срок понадобится для изменения женщин.

Чтобы мужчины догнали женщин по красоте, не женской, у красоты много областей, от математических формул и промышленного дизайна до звезд и идей, в генетике должен произойти глобальный скачок. Но явно не завтра она выйдет на уровень, когда черты своего туловища, лица и образа в целом люди смогут формировать как угодно. Так что есть основания полагать, что женщины станут умными вровень с мужчинами раньше, чем получат возможность быть настолько красивыми, что это будет серьезным активом.

Первое обозримое будущее: все люди будут равны интеллектуально и творчески. Не в том смысле, что все станут Эйнштейнами и Моцартами, а в том, что уйдет гендерная разница (сегодня из-за этой разницы правила шахматных турниров, например, запрещают мужчинам принимать участие в женских турнирах, а женщинам в мужских можно).

На этом этапе эволюции по уму все будут равны, а по красоте женщины будут впереди мужчин. Человечество разделится на две группы: в одной умные, а во второй умные + красивые. При прочих равных вторая группа людей будет выше первой. Так последние станут первыми — женщины на это время станут выше мужчин.

Нет сомнений, однажды мужчины догонят женщин по красоте, и все станут равны. Пока развитие технологий тормозят религиозные заповеди, переименованные в этику, мораль и нравственность. Вопрос времени, когда эти атавизмы отпадут, как хвост у обезьяны, когда она, по Дарвину, стала человеком. Но однажды это обязательно случится.

Пол исчезнет. Люди станут бесполоми, как ангелы. Стандарты «женская красота» и «мужская красота» уйдут. Красота будет индивидуальным понятием, как сейчас вкус или философия, там нет эталонов, там каждый сам себе режиссер. Сегодняшний человек-мужчина и человек-женщина в будущем будет казаться такой же древностью, как сейчас нам кажутся неандертальцы. Но до этого все будут умными, а часть — плюс красивыми.

На этом уйдет в прошлое животная технология производства детей: репродуктивный секс, беременность и роды. Что придет ей на смену, сейчас бессмысленно гадать. Особенно в свете перспективы достижения всемогущества и бессмертия. Может, отпадет необходимость в детях. Для нас важно, что женщины освободятся от роли инкубатора.

Отпадение хвоста — первый шаг удаления человека от обезьяны. Появление разума — второй. Третий шаг будет на удаление не от обезьяны, а от человека к сверхчеловеку. Как сказал Ницше «Человек — это канат, натянутый между обезьяной и сверхчеловеком».

Как минимум, у человека будущего уйдет само понятие «пол». Человек будущего — бисексуальный человек, свободный от гендерных правил. Гениталии в сексе будут играть роль женского клитора (его единственное предназначение — нести удовольствие).

Итак, логика говорит, что женщина в ближайшем будущем будет равна мужчине, а в чуть отдаленном будущем (но не сильно далеко) на какое-то время станет выше. Это умозаключение позволяет уловить... ммм... не образ будущего, а запах образа будущего.

Держа в голове это заключение, возвращаясь к вопросу, как собрать гармоничную конструкцию из людей, где пропорции мужчин и женщины — один к пяти (цифры не как отражение реальности, а больше как указание на большую диспропорцию).

Начну с того, что если у вас один черный шарик и пять белых, сложить из них гармоничную по цвету фигуру можно только, если взять черный шарик за центр и вокруг выстроить белые. Все иные варианты, сложить шарики в линию или фигуру без центра не дадут цветовой гармонии. Потому что черный шарик только один.

По той же логике, чтобы выстроить из одной женщины и пяти мужчин гармоничную модель, нужно брать женщину за центральный элемент, а вокруг нее выстраивать мужчин. Такая социальная модель называется полиандрия — многомужество.

Как я писал, на Тибете она возникла под давлением суровых условий. Но как только они смягчились, полиандрия исчезла. Так как у нас не предполагается суровых условий, встает вопрос, что будет удерживать людей вместе в такой модели?

Стараясь смотреть на поставленный вопрос как на инженерный, а не сексуальный (иначе говоря, не представляем порнокартинки, как можно соединить такой коллектив). С учетом диспропорции мужской и женской сексуальной активности никакие сексуальные практики (что принято считать за сексуальные практики, не важно, репродуктивные или определяемые как страшный разврат) не подходят. Если женщине от одного мужчины любого секса много, даже намеков на него может быть много, от пятерых она умрет. У нее всегда «голова болеть» будет. Центральный элемент конструкции, женщина, исчезает.

Чтобы поставить на этом направлении жирную точку, допустим, активности наших женщин хватит на всех мужчин. Опускаю, насколько реально найти умных, масштабных, не уловленных системой, не заикленных на замужестве, семье, детях, потреблении, моде и еще с либидо как у Екатерины II. Но даже с такой инопланетянкой, как бы умно она себя ни вела, система будет напряжена. Потому что мужчины начнут конкурировать за нее.

Я длительное время искал решение этой задачи. Временами она казалась абсолютно нерешаемой, и я скатывался в компромиссы, выдавая желаемое за действительное. На бумаге получались приемлемые конструкции, но в жизни они были нереализуемы.

Примерно такой же затык был с ответом на вопрос: что есть бесконечное множество объемов? Бесконечно много точек — линия; бесконечно много линий — это плоскость; бесконечно много плоскостей — это объем. А что образует бесконечное множество объемов? Ответ: бесконечное множество объемов образуют движение (оно же время).

Ответ на вопрос, как построить интимную модель с половыми диспропорциями, каков ее принцип и конфигурация, я нашел, расширив понятие секса. Сейчас под ним мы понимаем действие, связанное с гениталиями (не важно, репродуктивная технология или то, что в среде обывателей расценивается как жуткий разврат). Но сексом определяется не введение пениса во влагалище и прочие проникновения и трения, а действие, дающее человеку эротические переживания. Сам механизм действия не имеет значения. Если женщина не хочет близости, но уступает партнеру, внешне это секс, но для женщины это работа или мучение. А действие в стиле «слегка соприкоснувшись рукавами», от которого ей приходится «краснеть удушливой волной», как пелось в известной советской песенке — секс, хотя формально соприкосновение рукавами эротическим действием не считается.

Итак, если секс — это не обязательно стандартное сексуальное действие, а любое действие, утоляющее этот инстинкт, за точку отсчета нужно брать принцип и концепцию конструкции, и под нее искать действие. Проще говоря, арт-коммуна — бутылка, а секс — вода, которая наливается в бутылку, занимая ее форму.

Как было сказано, при такой половой диспропорции конструкция может быть одна: в центре женщина, вокруг нее мужчины. Женщина сексуально насыщает мужчин, но это ее не только не напрягает, но она находит притягательным такой образ жизни.

За условный образец можно взять муравьиную или пчелиную матку: она источает феромоны, что организует множество разрозненных особей в единый организм. Матке это не составляет труда, так как выделение феромонов является ее природой. Она не работает источником, а живет своей жизнью. Но в результате этой жизни насекомые заряжаются, садятся на единую волну и являются частями единого организма.

Можно найти много вариантов жизни, которые не только не утомляли бы женщину, но и были ей приятны. Например, ходить по магазинам или наряжаться, танцевать и все такое прочее. И есть мужчины, способные получать сексуальную разрядку от этого. Из всех моделей поведения и образа жизни нужно найти такой, который женщине ничего не стоит, и достаточно большому проценту мужчин он будет давать сексуальное насыщение. Это определит природу арт-студии, принцип ее построения и образ жизни ее членов.

В поисках оптимального варианта опираюсь на инстинкт самосохранения. Человек подсознательно хочет быть выше, потому что это повышает его шансы на выживание. Это касается хоть пещерного племени, где вождю и ближнему кругу достаются лучшие куски, хоть сегодняшней эпохи, декларирующей всеобщее равенство, «но некоторые равнее». На всех всего никогда не хватает. Потому, например, элитная медицина — для элиты.

Каждый хочет исполнения своей воли. Великодушным быть просто и приятно, когда все по твоей воле. От этого состояние невозможно устать. Следовательно, если женщина доминирует, она не только не напрягается, но ей будет приятен такой образ жизни. Она в роли катализатора (вещество, поддерживающее реакцию, но само при этом не тратится).

Запросы в поисковиках на тему женского доминирования измеряются миллионами и десятками миллионов. Подобные практики прослеживаются во всех культурах, от самых древнейших до современных. Кому интересно, погуглите и найдете для себя много нового и неожиданного. Отношения Сократа и Ксантипы, Аристотеля и Фелиссы, раскроются вам с новой стороны. Судя по этому показателю, в социуме огромный процент мужчин, испытывающих сексуальные переживания от подчинения женщине. И это при том, что целая армия «настоящих мужчин», у которых активирована старая программа, оценивают это крайне негативно, определяя себя вышестоящими, так как у них иные вкусы в сексе.

У каждого на эту тему свои фантазии, переживания и циклы. Одним такие мысли раз в год приходят, а потом снова активируется программа «настоящий мужчина». Другие всегда в этом хотят, и для них раем было бы всегда жить в этом состоянии. Одним после всего нужно испытать «восторг любви» (оргазм), другим наоборот, дороги внутренние переживания, какими они наполнились и теперь длительное время будут их переваривать.

Корни этих ощущений тоже в инстинкте самосохранения. Быть в ближнем кругу власть имеющего — быть на вершине. Поэтому люди всю свою историю так страстно творят себе кумиров. Чем выше человек вознес другого, тем выше он поднимается себя. Тут как с воздушным шаром, чем больше я его надуваю, тем выше он меня поднимает.

С позиции старого времени, опирающегося на христианство, если человек ищет эротических переживаний, ориентируясь не на мнение Церкви (сегодня оно общественной моралью зовется) а на свою личность и вкусы, это отклонение от нормы. Небольшое отклонение можно терпеть. Если большое, это считают болезнь, которую надо лечить. Старая эпоха говорит, что ориентир в этих вопросах общественное мнение, а не свое.

С позиции новой эпохи, разорвавшей пуповину с христианской, люди выражают свою индивидуальность, ориентируясь исключительно на свое мнение, игнорируя чужое. Их никак нельзя обвинить в отклонение от нормы по причине отсутствия нормы.

Образ конструкции в общих чертах ясен: мужчины вокруг женщины. Формально это полиандрия. Так как женщина имеет власть — это матриархат. Нарисованную модель назову матриархальной полиандрией. Странник такой модели: матриархат-полиандрист (звучит как «абсолютист-монархист», но позволяет уйти от сексуальных терминов, порожденных преимущественно проституированием на сексуальных вкусах).

Ницше называл восстание доблестью раба. Дobleсть свободного — повинование. На слух странно звучит. Но действительно, восстать может только тот, кто не свободен. Кто свободен, тому не против кого восставать. Тот факт, что он свободный, говорит, что он идет туда, куда хочет идти. Подчинение своей истине — это доблесть. Если же шаблон мешает подчиниться тому, что находишь верным, ты раб. Восстань против шаблона. И освободившись, подчинись тому, что считаешь истиной (но не перепутай с шаблоном).

Наверняка практика выявит слабые узлы конструкции, но пока я не вижу проблем, какие несут другие варианты. По крайней мере, есть с чем работать. Другие модели даже в теории не шли, о практике и говорить нечего. Тут же я вижу переход на практику.

Чтобы не вносить в серьезную работу излишней эротизации, детализировать теорию не буду. Сказанного достаточно, чтобы понять конституцию арт-коммуны, какими характеристиками должны обладать женщины и мужчины, желающие войти в команду.

Если не прогибаться под шаблоны христианства и гуманизма, если строить арт-коммуны из запланированного человеческого материала, из би-мужчин, испытывающих положительные эмоции от женского приоритета, и женщин, дискомфортно чувствующих себя в патриархальной модели, твердо отсекая чуждых или половинчатых обозначенному духу людей, мы получим в коммуне полноту жизни, недостижимую во внешнем мире.

Это будет рай на земле по интеллекту, творчеству, экологии, здоровью, сексу, душевному покою, мессианскому настроению, уверенности в завтрашнем дне, чувстве локтя, честолюбию и амбициям и прочее.

Для полного представления о кандидатах-мужчинах укажу желательный психотип. Если символами уходящей эпохи были львы, драконы, орлы и прочая живность, символизирующая агрессию и грубую силу, то новую эпоху символизируют не хищники, а умные и неагрессивные существа с творческой составляющей — хакер-хомяк. (тем более, у меня в планах есть создание параллельной айти-коммуны на тех же принципах).

В заключение скажу про бонус райской жизни. Максимальный шанс достигнуть результата есть тогда, когда движение к цели не связано с достижением цели. Когда движение к ней сохранится даже тогда, когда люди будут уверены, что цель недостижима. Это возможно при условии, если движение создает лучшую жизнь из всех доступных вариантов. Люди уже наживают — они живут так, как другие мечтать не решаются. Цель превращается в бонус. Достигнут — хорошо. Не достигнут, все равно будут двигаться в том направлении. «Цель ничто — движение всё». (Бернштейн).

Реальность

Чем больше исходить из реальности, тем выше шансы на успех. Окружающий мир, чтобы ни говорили конституции про права женщин, является патриархальный. Система продолжает блокировать женский потенциал. Как следствие, женщины имеют известные недостатки. Естественный матриархат невозможен. Для того, чтобы женщина была реально главной, а не в мужских фантазиях, ей надо быть по факту выше мужчины в той же мере, в какой сейчас он выше женщины. Для этого она, как минимум, должна вырасти в мире, где ей с пеленок не внушают патриархальные установки. Но такого мира нет. Система штампует девочек, закладывая в нее старую гендерную программу.

Нет смысла охать по этому поводу. Нужно действовать по ситуации, а не по своим фантазиям и желаниям, которые хочется считать реальностью. Первый шаг в этом: признать, что матриархат-полиандрическая модель может быть только искусственной. Арт-коммуна должна выступить в роли теплицы, где созданы условия, которых нет в реальности. Кто с этим не согласен, кто после всего сказанного продолжает стоять на том, что женщина и мужчина не потенциально равны, а на данный момент, тот или глуп, или его сексуальные фантазии перевешивают здравый смысл и факты.

Из этого следует, что в арт-коммуне должен быть дух, когда на мужчинах лежит все, что требует мужских качеств. За исключением, когда у женщины есть эти качества. Но это исключение, на которое невозможно ориентироваться как на правило.

Способствует этому небольшой коллектив создаваемой коммуны. Если в прошлых условиях для трансляции информации на массу нужны были тысячи и десятки тысяч людей, то в условиях информационной эпохи нет нужды в таких объемах. Интуитивно предполагаю, что число участников в реале не будет превышать 20-30 человек.

У читателя может возникнуть вопрос, если система до сих пор штампует женщин по старому шаблону, почему бы не отказаться от женщин и не переключиться на мужчин? И чтобы сразу закрыть вопросы об автономности в сфере секса, ориентироваться на геев точно так же, как я сейчас предлагаю ориентироваться на матриархат-полиандристов.

Я думал на эту тему, и отголоски мыслей, к которым я пришел, можно найти в главе, где я задаюсь вопросом, кто является аналогом евреев в царской России в современной России и мире в целом. И у меня тогда получалось, что оптимальные гомосексуалисты.

Но дальнейшее осмысление темы привело к отказу от этой мысли. Во-первых, арт-коммуна должна быть образом будущего. Не будущим, а именно макетом. Оно еще не пришло, но идет. И мы, слыша приближающиеся раскаты его победоносного наступления, готовимся к его встрече, стараясь быть на него более похожим. От того, насколько мы будем на него похожи, зависит, насколько эффективно нам удастся овладеть его энергией.

Если бы то настоящее, какое будет в будущем, следовало из прошлого, как принято думать, его можно было бы посчитать. Но настоящее получается из соприкосновения двух потоков. Визуально это можно представить в виде двух электродов для сварки из разного материала, один назовем прошлым, второй будущим. Они активно контактируют друг с другом, и в месте контакта возникает настоящее — что мы называем бытием. Посчитать его невозможно, потому что оно — синтез того, что мы знаем, и того, что не знаем. Так как невозможно учесть то, чего мы не знаем, посчитать будущее невозможно.

Но некоторые черты будущего уловить можно. Например, в нем не будет продуктов прошлой эпохи по тем же причинам, по каким на дне высохшего моря не могут жить рыбы. Мужской и женский пол — это порождение прошлой эпохи. И он не может не уйти с наступлением новой эпохи. Следовательно, уйдут люди, ориентированные на один пол.

Гомосексуальные формы рождены эпохой грубой силы, как и понятие мужского и женского пола. Если бы не было эпохи грубой силы, пол в сегодняшнем понимании не мог появиться. Как следствие, неоткуда было бы взяться людям, чьи вкусы в сексе сейчас называют нетрадиционными. Мужчины и женщины, гей и лесбиянка — это порождение прошлой эпохи. Все они ориентированы на один пол (на свой, или на противоположный — это уже детали в таком масштабе). Для будущего это равно архаичные явления.

Ранее я говорил, что человек будущего — это бисексуальный человек, т.е. человек, ориентированный на оба пола. Чтобы транслятор максимально приблизить к будущему, его нужно строить из людей, чьи ориентиры в будущем, а не прошлом. Тот факт, что геи сегодня гонимы, не отменяет того факта, что они из прошлого. Христианство окрасило их в эксклюзивные тона, хотя в античное время однополый секс был будничным явлением).

Еще одно соображение... Чтобы понимать, что такое гомосексуалист, представьте, вы мужчина и испытываете от мужских форм такие же ощущения, как от женских. Вас тянет обниматься/целоваться и прочее. Если вас мужчина возбуждает так, как мужчину женщина, а женщина отвращает, как мужчину мужчина — вы настоящий гей.

Если сравнивать геев с бисексуальными мужчинами, которых возбуждает женская власть, пропорция будет в пользу бисексуалов. Но это косвенный аргумент. Если бы даже пропорция была наоборот, все равно мужской монолит противоречит будущему. Арт-коммуна должна быть только из бисексуальных людей. Это не означает, что остальных мы отталкиваем. Люди не вольны определять свои вкусы. Это означает только то, что с другими людьми мы не находимся в постоянном контакте изолированными от мира.

Теперь по организации... На первом этапе будет закономерно, что ничего толком не ясно, мутная вода, у всех куча мнений, эмоции вперемежку с шаблонами, единственный вариант в ситуации — авторитаризм. Я прекрасно осознаю его минусы. Но у демократии в таких условиях минусов еще больше. Сохранить команду на этапе становления можно одним способом: когда у одного человека последнее слово. Если этого нет, старый мир 100% поглотит организацию, растворит ее в себе, подчинив своим правилам.

РСДРП раскололась на большевиков и меньшевиков именно по этой причине. И большевики продолжили победоносное шествие по сравнению с меньшевиками благодаря тому, что у них был естественный лидер — Ленин. Он один перевешивал всю партию.

В таких условиях у большевиков сформировалась концепция принятия решений: пока идет обсуждение, у всех полная свобода отстаивать свое мнение. Но когда решение принято, всем дискуссиям конец. Каждый считает принятое большинством мнение своим, даже если был против. А свое запикивает себе в... (тут полная свобода выбора).

Последняя серьезная тема — дети. Это серьезнейшая угроза идейной организации. Если родители идейные, из этого не следует, что дети будут такими же. Практика всех

идейных движений показывает, что дети идейных родителей не имеют соответствующего склада ума, масштаба мышления и амбиций. Это не передается по наследству.

Если деньги для идейной команды аналог героина, то дети — аналог раковой опухоли. Как раковые клетки попадают в организм не извне, а появляются внутри организма, так и дети идейных родителей появляются внутри команды. В большинстве случаев это рядовые боты, видящие в идее не миссию и смысл жизни, а кормушку и статус. У них от рождения есть нужные связи и полезные знакомства. Родители будут их двигать на ключевые места. Так в верхнем слое команды окажется опасно много людей, чей размер талантов не пропорционален занимаемой должности. Иммунная система не опознает раковую опухоль, детей идейных родителей, как врагов, и они будут спокойно пожирать родивший их организм — нашу арт-коммуны. Еще одна проблема — рождение детей включит родительский инстинкт. Люди начнут оттягивать ресурсы на своих детей.

Добро есть то, что способствует достижению идеи. Зло есть то, что мешает этому. Оттягивание ресурса на возвращение вредных делу элементов, детей, есть зло. Оценивая ситуацию без эмоций, инженерным взглядом, я фиксирую: дети являются опасностью.

Я прекрасно понимаю, как это звучит с позиции стереотипов нашей эпохи, где детей боготворят. Но тут вы уж сами определитесь, на что вам ориентироваться, на стереотипы или на идею. Ответ определит направление ваших усилий.

Определившись с опасностью, нужно на старте понимать, как от нее защититься. На потом откладывать, типа, видно будет, значит, обречь проект на разрушение. Дальше ничего видно не будет. Дальше все по шаблону пойдет. Вопрос нужно решать сейчас.

В поисках решения снова обращаю свой взор на Церковь. Защищаясь от секса, она одним выстрелом двух зайцев убила — защитилась и от детей. Церковный костяк на 100% состоит из монахов, которым секс тотально запрещен (приходской батюшка не монах, он обязан иметь семью). Да, есть много случаев нарушений запрета, особенно в высшем духовенстве (непотизм), но в целом защита работает.

Мы не можем использовать запретительную церковную технологию по техническим и идейным мотивам. В поисках решения идем дальше Церкви, и ищем не полумеры (полумера, потому что запрет можно нарушить), а кардинальные полновесные меры.

Самый надежный способ: формировать костяк из лиц, физически не способных иметь детей. Менее надежный, но тоже действенный уровень защиты: квалифицировать беременность страшным преступлением, наказание за которое — изгнание из коммуны.

В мире нет ни одного человека, имеющего гражданство государства «Ватикан» по праву рождения. Потому что там нулевая рождаемость. Если у гражданки вдруг случится беременность, этот факт лишает ее гражданства. Беременных граждан Ватикана не существует. Эта технология отлично зарекомендовала себя, и нам есть, что от нее взять.

Но если мы абсолютно блокируем рождение детей, откуда в арт-коммуне будет браться смена? В социуме на место умерших родителей приходят дети. В бизнесе берут новых с рынка. А у нас откуда?

В этом вопросе снова обращаюсь к опыту Церкви — она берет новых людей из мира. Я вижу это идеальным. Никто не придет с черного хода, через рождение, без экзамена. Все члены арт-коммуны будут отборными, как в Кембридже студенты, а не как в ПТУ.

Движения плоти могут произвести только туловище. Движение духа, деятельность арт-коммуны, будет производить личность человека. Дети будут люди, рожденные не от плоти, а в духе. Такие дети будут бесконечно ближе родителям, чем биологические.

* * *

Не могут получить результата люди, чьи слова ориентированы на цель, а дела не выходят за рамки старого коридора. Мы делаем то, что говорим. Матриархат-полиандрия видится мне самой оптимальной моделью из всех возможных, и я её реализую.

Характерный признак механизма — он создает внешний мир, сам с ним не сливаясь. Характерный признак организма — он переваривает внешний мир, чтобы в итоге самому стать миром. Его можно уподобить живой клетке, занесённой на безлюдную планету.

Если внешние условия её не убьют, то станут ее питанием. Жизнь будет переваривать окружающий её мир, пока не покроет всю планету — сама станет новым миром. Природа нашей арт-коммуны — небиологическая форма жизни. наших людей мотивирует к действию не внешнее давление денег и страха, а внутренний мотив — образ жизни и идея.

Издание газеты структурировало деятельность коммунистов. Выросла организация, охватившая сначала Россию, а впоследствии раскинувшаяся на половину планеты. Вокруг нашей студии нарастет идейная вселенная, где мечты свяжутся с реальностью.

Как киновселенная Marvel дает миллиарды долларов прибыли, так наша студия даст миллиарды сторонников. Надеемся, что с учетом современных средств коммуникации и доступности информации процесс у меня пойдет намного быстрее, чем у большевиков.

Бронтозавр

Насколько военным было бы глупо не использовать самую сильную физическую энергию, атомную, настолько мне глупо не использовать энергию, порождаемую одним из самых сильных инстинктов — сексуальным. Это боеголовка и движущая сила нашей атаки. Активируя два сильнейших инстинкта: самосохранение и сексуальный инстинкт, мы прожжем, как лазерным лучом, тоннель в горном массиве старых установок.

Потенциал этой энергии увеличивается еще больше, потому что ни один крупный игрок, от религии до политики и большого бизнеса, не использует ее. Оставшимися от христианской эпохи шаблоны связали мир. Энергией секса пользуется только мелкий и очень мелкий бизнес. Сильные игроки в положении военных, кому запрещено касаться атомной энергии, в их распоряжении только порох и динамит. И если на поляне возникает слабый игрок, но он пользуется атомной энергией, он быстро становится сильным.

Свято место пусто. Чтобы занять его, достаточно донести до людей, чьи вкусы в сексе не совпадают с церковными, что они не большие и не уроды, а обычные здоровые люди со своими индивидуальными вкусами. И то, что их вкусы отличаются от вкусов других людей — это не уродство, а норма. Уродством было бы, если бы все люди имели одинаковые вкусы в пище, музыке, сексе, одежде, досуге и так далее. Это был бы не мир людей, где цветут сто цветов, а мир компьютеров на едином протоколе.

Первый шаг активации сексуальной энергии — реабилитация на уровне сознания. Пока у общества стоит сформированный христианством шаблон, одна из самых чистых радостей будет оцениваться грязной и низкой. Такое общество подобно мальчику Каю из сказки «Снежная королева», в глаз которого попал осколок льда, из-за чего он все видел в искаженном свете. Хорошее казалось ему плохим, а плохое хорошим. Все встало на свои места, когда сестра Герда поцеловала и обняла Кая, и лед растаял.

Чтобы устранить из головы общества христианский шаблон на секс, нужно показать корни явления, объяснить ситуацию. На данный момент у современных людей о сексе примерно такое же представление, как о морали или дворянских титулах — безосновательное и аморфное с элементами сакральности. Никто не знает, с чего это на сексе толстый налет негатива, но все принимают это за истину.

Первый шаг: расколдовывать общество. Показать ему, что секс есть пища для тела, а не для души. Кто скажет, что он питает души, от того было бы любопытно услышать аргументацию такого утверждения. Максимум, что можно услышать в эту сторону, это нравоучения из серии: секс есть любовь, и потому им нужно заниматься только по любви.

Подобные глупости люди говорят из-за отсутствия привычки додумывать тему до корней, до логического завершения. Секс — это не любовь. Он может быть в сочетании с любовью, но сам по себе не имеет отношения к любви. Если же кто скажет, что секс сам по себе любовь, тогда ему нужно сказать, что насильник и жертва занимаются любовью.

Самые лютые морализаторы говорят, что секс должен быть только по любви. Пока у человека нет любимого/любимой, он должен голодать. Если же ее всю жизнь не будет, то

до гроба сидеть сексуально голодными. Но ради чего? Людей можно призывать чем-то пожертвовать, пойти на лишения и страдания ради какой-то цели. Здесь какая цель?

Для верующих жертва понятна, заповеди церковные выполняют. А неверующим это зачем? Могут ли морализаторы, особенно неверующие, объяснить, зачем, ради какой цели человеку нужно жертвовать своим удовольствием? Ради соответствия подсознательным установкам, оставшимся от христианства? Но зачем? Смысл какой? Ни один поклонник церковной морали не даст вразумительного ответа по причине невозможности его дать.

Бессмысленные призывы имеют церковный дух. Церковь еще недавно говорила, что богоугодно, если человек делает бессмысленные, странные поступки (например, всю жизнь на столбе сидит или вшей на теле специально разводит). Не отказывается она от своих слов и сегодня, но больше не настаивает на них. Она молчит теперь на тему таких «подвигов». Но остаточная волна в виде глупого морализаторства до сих пор есть.

Кажется, что для преодоления сексуальных шаблонов достаточно изложить факты, построить логические цепочки, и дальше процесс пойдет сам собой. Люди же не только шаблонами живут, но и разумом. Как только они увидят, что в сексуальных запретах смысла столько же, сколько в религиозных обрядах, что потребность тела в сексе не отличается от его потребности в пище, и каждый имеет право насыщать жажду плоти по своему вкусу, у всех (точнее, у тех, кто поймет) в голове наступит просветление.

Но это только кажется. Люди живут разумом исключительно в бытовом, текущем и обыденном масштабе. В делах мировоззренческого масштаба они не руководствуются им. Разум на этом уровне используется не для анализа понятия добра и зла, а как им в данной ситуации соответствовать предписанным понятиям. Самих понятий разум не касается.

Для людей все ключевые установки, впитанные с молоком матери, есть святы, азбучные и предвечные истины, о которых думать не надо. Надо следовать им. Вот тут им разум и нужен. Сомневаться в истинности святого грешно. Почему? Потому что!

Лебон в книге «Психология масс» говорит, что человек под давлением аргументов может признать неудобную ему истину, противоречащую привычке и подсознанию. Но встретив его через три дня и снова коснувшись этой темы, вы с удивлением обнаружите, что он снова стоит на старых позициях, словно вы с ним и не говорили.

Причина: он забыл ваши аргументы, анализ ситуации и логические цепи. А свои подсознательные убеждения он не может забыть. Потому что разум — это зайчик, и подсознательные установки — гигантский бронтозавр. Пока бронтозавр спит, зайчик может признать истиной что угодно. Когда проснется, он пойдет в свою старую сторону. Каким бы крупным зайчик ни был, бронтозавра с пути он не свернет.

В базе своей люди не разумом живут, а чувствами. Поверьте моему слову, пока многие из вас читают, они соглашаются с прочитанным. Но как только слова уйдут из поля зрения, перевернул человек страницу или дочитал и закрыл книгу, большинство забудет логику и факты, заставлявшие его соглашаться. А свои подсознательные установки он никогда не забудет. Человека охватит мир и он снова будет ориентироваться на то, на что привык — вернется в состояние бота системы «настоящий человек». Он все будет оценивать так, как программа предписывает оценивать.

Люди в этом смысле отчасти подобны вымершему виду динозавров, у которых была настолько короткая память, что гонясь за жертвой, они помнили, куда и зачем бегут, пока жертва была у них на виду. Стоило ей на миг выпасть из поля зрения, как бедный динозавр не помнил, куда это он секунду назад так активно бежал. Представляю, как он с потерянным взором стоит и оглядывается, пока в поле зрения не попадает новая жертва.

Неиспользуемые знания забываются, а неиспользуемые мышцы атрофируются. Если вы согласны с информацией, разрушившей старые шаблоны и привычки, но по-прежнему живете с ориентиром на эти шаблоны, информация утратит статус истины и перейдет в статус развлекательной, из серии любопытной и забавной. Руководством к действию она никогда не станет. Хорошим, приличным и правильным для вас будет не то, что вы поняли и согласились, а то, что вам привычно и соответствует общественному мнению.

Не важно, как вы это объясните, люди не испытывают недостатка в оправдании желаний. Важно, что знания, не используемые в качестве ориентира, умирают. Чувство-бронтозавр потащит за собой разума-зайчика. Вскоре разум замолчит, и вы все забудете.

Но есть ли у разума шанс преодолеть чувство? Есть. Но маленький. Он зависит от силы воли. У единиц есть воля заставить себя делать то, что он считает правильным, а не привычным. Большинство до гроба будут следовать привычному. Виной тому природа человека. Из-за нее даже наука, где самая высокая концентрация умных людей, крайне болезненно воспринимает новое. Утверждается новое в науке, когда авторитеты-носители старых знаний уходят в мир иной. Пока они живы, наука не может принять нового. На его пути непреодолимой стеной стоят старые авторитеты (вспомним Лобачевского, Кантора, Эйнштейна и прочих гигантов, принесших в мир новое, и как старый мир их был за это). И это при том, что наука ставит целью преодоление старого и выход на новые рубежи.

В областях же текущего и бытового формата разум практически не играет никакой роли. Когда в конце XVIII века появился вальс, нормальные и порядочные люди видели в нем самый настоящий неприкрытый разврат. Эта оценка была очевидной и само собой разумеющейся. Ну в самом деле, не могут же приличные люди при всех обниматься.

Показателем, насколько глубоко в коллективное подсознание проникают установки, — мнение передовых людей. Уже когда вальс прижился в обществе, о нем подспудно сохранялось мнение, что он есть на самом деле. Бернард Шоу, совсем не пуританин, и даже наоборот, говорил, что вальс — вертикальное выражение горизонтального желания.

На нормы и табу, доставшиеся в наследство от пещерной и религиозной эпохи, старое поколение смотрит не как на порождения прошлой среды, результат религиозного взгляда на мир и экономических условий, а как на проявление естества человека, как на единственно возможную истину и эталон.

Преодолеть установки можно при условии, если есть сильная воля и разум выше среднего. Воля необходима, чтобы жить сообразно истине, а не привычке. Разум нужен, чтобы понять информацию, а не по верхам пробежать и сказать «я это и так знал».

Единственный показатель знаний мировоззренческого масштаба — дела, а не слова. Не нужно рассказывать мне, что вы знаете. Скажите мне, как вы живете, и я пойму ваши знания. Если вы живете с ориентиром на ценности массы, не важно, какие мудреные слова вы знаете. Важно, что подсознательно вы считаете старый путь самым лучшим.

В деле донесения информации, противоречащей шаблонам, обнажаются серьезные трудности. Чтобы справиться с ними, в первую очередь не нужно летать в облаках, приписывая массе свойства, которых у нее нет. Нужно принять реальность как она есть и не иметь иллюзий относительно интеллекта и масштаба мышления масс.

Люди себя комфортно чувствуют, если соответствуют шаблонам. Если соответствия нет, у них возникает дискомфорт. Если логика дает знания, противоречащие чувству, если хочется идти налево, а мозг говорит, что нужно идти направо, у человека возникает когнитивный диссонанс, неприятное дискомфортное состояние. Большинство выходит из него через смену ориентиров — отказ от рациональных доводов и переход к эмоциям. В качестве аргументов теперь используется крик, в крайних случаях кулаки или пуля.

* * *

Каждый имеет право соответствовать своим вкусам, вне зависимости, насколько они совпадают с религиозными нормами. Даже если они противоречат этим нормам, но их реализация никому не вредит, человек имеет право жить сообразно своим предпочтениям.

Мы живем во времена, когда старая эпоха уже закончилась, а новая еще не началась. Общество утратило старые ориентиры, а новые не создало. Наука называет это состояние аномия — период, когда никто не может твердо сказать, чего можно, а чего нельзя. В этот период люди хватаются за стандарты прошлой эпохи. Но как мало пользы от соломинки, за которую хватается утопающий, так мало пользы от церковных норм. Вчера под ними была вера в Бога. Сегодня веры нет. Призыв блюсти нормы, рожденные христианством, сегодня похоже на призыв блюсти нормы, рожденные Зевсом или Уицилопочтли.

Люди во власти подсознательных установок не могут рационально обосновать свое неприятие. Их возмущение носит эмоциональный характер (так не принято, так постыдно, настоящий человек не должен этого делать). Они будут генерировать энергию застоя.

Как ни странно, эта энергия полезна нашему движению. Она лучше, чем ничто. Если бы старое не сопротивлялось новому, откуда бы у нового взялся первичный фундамент, на который ему опереться? Так что сопротивление старого — это первая опора для нового. И в людях, считающих привычные нормы и табу абсолютной истиной, есть свой смысл.

Строитель же нового должен признавать право человека жить по своему вкусу, а не чужому. Это не означает, что если я признаю ваше право делать то, что вам нравится, то и сам должен делать это. Каждый следует своему вкусу. И потому требовать от людей то, что в них не вошло — это такое же принуждение, как жить по традиционным шаблонам, только с другого конца. Признание вашего права делать то, что вам нравится, не рождает у меня обязанности делать это. Каждый ищет свое благо — ориентируется на свои вкусы.

Вы вольны копаться в себе, снимая слой за слоем плоды программирования. Это откроет вам свою природу, из штампа стать индивидом. Но нельзя всех наделять чертами своей индивидуальности. «Кто сражается с чудовищами, тому следует остерегаться, чтобы самому при этом не стать чудовищем». (Ницше «По ту сторону добра и зла»)

Человечество совершило полный круг по спирали и вернулось в исходную точку — к племени. Если вы согласны, что между людьми до сексуальных отношений и после разная степень близости, тогда вы согласитесь, что совпадение сексуальных вкусов — мощнейший объединяющий элемент. Здесь ответ на большинство неудобных вопросов.

Каждый человек индивидуален. У всех свой вкус. Он не может быть истинным или ложным, дурным, высоким или универсальным. Что хорошо одному, плохо другому. Если во вкусе, не важно, музыкальный он или сексуальный, нет места норме, отклонению от нормы тоже нет места — не от чего отклоняться. «Сексуальным отклонением можно считать только полное отсутствие секса, всё остальное — дело вкуса». (З. Фрейд).

Все написано с предельной откровенностью, но в рамках культурных стереотипов, чтобы сознание не начало считать тут оттенок порнорасказа. Исходил из того, что в нарядной одежде ходят к чужим. Среди своих ходят в удобной и привычной одежде. Я писал для тех, кто потенциально свой. Мнение чужих мне попросту не интересно.

У кого есть конструктивные предложения, пишите на почту text018@protonmail.com или project2008@mail.ru Только без эмоций и нравучений, в инженерном ключе. И самое главное, как видите свое участие? Если никак, воздержитесь. На данном этапе нужны не говорящие хорошие или плохие слова в мой адрес, а делающие. Самые желательные: кто имеет свое мнение, и не спрашивает, что делать, а говорит, что делать и делает.

По аналогии с бизнесом, сейчас нужны не наемные работники, а учредители. Кто не на дядю пришел работать, а если все развалится, он к другому дяде пойдет работать, а на себя. Наемный персонал потом понадобится. Пока нужен костяк учредителей.

Послесловие

Теперь вы знаете ВСЕ. Спросите себя, ваше это или нет? Если вас во время чтения не покидало ощущение, что тут пахнет сектой, развратом, беззаконием — это верный признак, что мне с вами не по пути. Каждый должен идти к своей цели. Как идти, по прямой как стрела дороге, по спирали, или ходить кругами — это зависит от цели.

Если можете жить старой жизнью — живите. Делу нужны только те, кто не может. Я приглашаю стать в строй людей, в чьих сердцах мои слова зажгли неугасимый огонь, исключая старый образ жизни. Кто про себя может сказать: я не знаю, как теперь буду жить, но точно знаю, что не буду ориентировался на вчерашние ценности.

У меня есть цель, которой невозможно достигнуть в одиночку. Требуются усилия многих людей на протяжении длительного времени. Нужны сторонники, кто показывает

веру свою из дел своих. Кто прочитал книгу, в целом согласен, но вместо действия перевернулся на диване на другой бок — следующую книгу читать, тот, как пел поэт, и не друг, а не враг, а так... Пустое место... Умножение пустых мест ничего не умножает.

И еще один момент... Утраченное невежество невозможно вернуть. Кто все понял, но по своей конституции обладает большой инерцией, меняйтесь по своей природе. Пусть ваше положительное решение будет не в моменте, а основательным — на всю жизнь.

Держите в голове, что предлагаемое мной дело не гарантирует успеха в той же мере, в какой не гарантирует война. Можно вложить гигантские ресурсы, пролить море крови и пота, но в итоге все потерять и оказаться в худшем положении, чем был до войны.

Жизнь — это не магазин, где в обмен на сто рублей тебе дадут колбасы на сто рублей. Жизнь — это война, а на войне как на войне. Так что, если кто готов сказать да, но от меня ждет гарантий (хотя бы словесных), что в итоге будет профит. Я скажу, что ничего не знаю. Знаю только, что идею нельзя приватизировать. Все, что в этой книге вам понравилось — все ваше. И как вы будете распоряжаться своим — вам виднее.

Не надо создавать из меня кумира. Я часто ошибаюсь, чему подтверждение — вся моя жизнь. Могу и в этот раз ошибиться. Так что не надо верить мне. Я ищу партнеров, людей со своим мнением. Я не хочу вести за собой толпу. Толпа — это не мое. «В стадах нет ничего хорошего, даже когда они бегут вслед за тобою». (Ницше «Злая мудрость»)

Мне очень многое не ясно, и предчувствую, в будущем неясности прибавятся. Ну и что с того... Я положил себе на сердце, что если и в этот раз ошибся, и арт-коммуна развалится, то я проанализирую причину, что это, случай, чья-то индивидуальность или ошибка в инженерных расчетах, и с учетом новых данных буду строить новую модель.

Успеха достигают не самые умные, талантливые и смелые, а самые упорные. Никогда не нужно сдаваться. Нужно верить в чудеса. Кто верит в них, те часто ошибаются и их часто обманывают. Но иногда у них случаются чудеса. Кто не верит, те не менее часто ошибаются и их так же часто обманывают. Только чудес у них никогда не случается. Так вот я верю в чудеса. Вера дает силы ставить запредельные цели и упорство.

У меня есть намерение действовать вне зависимости от результата. Даже если бы мне с неба высшие силы сказали, что результата не будет, я все равно буду делать то, что делаю. Как на тонущем Титанике люди, осознавая приближение смерти, не знают лучшего применения своих сил, кроме поиска выхода, так и я не знаю лучшего применения своих сил, кроме достижения цели. Потому что тоже осознаю свою смертность.

Мне негде подсмотреть, как правильно действовать в такой ситуации. Я не знаю, какие дела эффективны, а какие только силы и время зря забирают. Я наощупь иду туда, не зная куда, и делаю то, не знаю что. Многое из того, что я делаю, в лучшем случае дает нулевой результат, в худшем отрицательный (накопление отрицательного опыта — тоже плюс). Ошибки всегда чувствуются на своей шкуре. Я падаю, встаю, строю новые планы, снова падаю и снова встаю. Мне нравится фраза Черчилля: «Успех — это когда 9 раз упал и 10 раз поднялся». Жизнь показала, что я не боюсь падать. Я уже сто раз упал. И с каждым поднятием ощущаю не упадок сил, а прилив и большую устойчивость. У меня нет сомнений, что однажды я не упаду. Я пойду, потом побегу, и наконец полечу...

Процесс в итоге пойдет, не может не пойти, у бытия есть непреложные законы. Один отражен в формуле: «*Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам; ибо всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворят*». (Мф.7,7-8). Но чтобы началась цепная реакция, нужны первые люди — первые камушки, которые увлекут за собой остальных и в итоге обрушится лавина.

Глядя со стороны, я вижу себя лягушкой, попавшей в кувшин с молоком. Но если она болтала ногами без понимания, какой это может принести результат, не знала, что так она взобьет кусочек масла, оттолкнется от которого выпрыгнет из кувшина, то я знаю. Так что свою деятельность я в некотором смысле понимаю научной. Потому что «Наука — это то, чего мы не знаем, а чего знаем — это технология». (П. Капица).

Силы идти вперед мне дает понимание ситуации: мир погружен в идейный вакуум. На планете давно не горит огня. Максимум, тлеют угли, оставшиеся от религиозных и идеологических костров прошлого. Мир пуст, как постсоветское пространство в конце XX века было пусто продуктами и товарами. Иностранцы бренды тогда заходили на пустую территорию как нож в масло, не встречая сопротивления. Некому было сопротивляться.

Если бы было кому сопротивляться, крах СССР был бы невозможен. Лиддел Гарт в «Стратегии непрямых действий» пишет, что люди являются самым труднопроходимым материалом. Преодоление любой горы, реки или океана всегда вопрос времени, материальных активов и физической силы. Преодолеть сопротивление людей зачастую оказывается невозможно никакими материальными средствами.

В СССР некому было сопротивляться. В современном мире тоже. Как признаком бури являются облака на горизонте, так признак землетрясения – критическая масса людей, утратившая привычную понятность. Мир погружен в идейный вакуум.

Мировое пространство готово принять мировоззренческую идею в той же мере, в какой постсоветское пространство готово было принять бренды. У меня есть такая идея. И мне не с кем конкурировать. Религии и старые идеологии не конкуренты, так как еще более пусты, чем постсоветские товары относительно продукции брендов.

Кто удовлетворит спрос, тот разбудит критическую массу и поднимет гигантскую энергию. Она прокатится по старому миру гигантской волной, сметая все на своем пути. Это пробуждение будет подобно сейсмическому толчку на дне океана, который поднял гигантский объем воды, пошедшего в сторону берега. Он будет похож на огромный горб, практически незаметный для тех, кто в море. По мере приближения к берегу горб будет похож на быстро надвигающуюся стену воды в десятки метров высоты. Когда эта волна обрушится на берег, она смоет на своем пути абсолютно всё.

Есть ли политическая сила, заинтересованная в нашей философии? Очевидно, нет. Но есть почти 8 миллиардов людей, очень заинтересованных в достижении нашей цели.

26 мая 2020 год
(автор анонимен)

Для писем:
text018@protonmail.com
project2008@mail.ru

Задняя обложка книги:

«Эта книга изменила всю мою жизнь! Изменит и вашу»
Манюша Добер

«Я думаю что нам всем суждено либо умереть в одиночестве, либо провести жизнь, пытаясь вплести свои эмоциональные проблемы в чужие эмоциональные проблемы и притворяясь что быть счастливым это значит ну не умереть в одиночестве».

Мах-Макс

«Спасибо судьбе, что увидела мои поиски и привела меня на путь 018. Мы не знаем где истина и как правильно. И вы не знаете. И никто не знает. Но из этого не следует, что нужно сидеть ровно и ждать. Нужно искать. Однажды поиск приведет ищущих в новый мир и откроет новое небо.»
Мирос.

«Информация для интеллектуальных мазохистов, готовых ради расширения кругозора отказаться от психологического комфорта, которое дает незнание. По мне сомнительное удовольствие. Если бы я был на тонущем корабле безшанса спастись,

предпочел бы ничего не знать, чем знать всё. Но так сложилось, что я ее прочитал. И теперь не знаю, как дальше жить...Ничего не остается, кроме как учиться жить заново».

Коняша